

В. В. Седов

СЛАВЯНЕ

историко-
археологическое
исследование

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.В. Седов

СЛАВЯНЕ

историко-археологическое
исследование

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

ББК 63.3(2)

С 28

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-01-16068

Седов В. В.

С 28

Славяне: Историко-археологическое исследование / Ин-т археологии Рос. академии наук. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 624 с., ил. – (Studia historica).

ISBN 5-94457-065-2

В книге исследуется история славян того периода, когда они составляли этническое и языковое единство. Труд охватывает значительный промежуток времени — от I тысячелетия до н. э., когда славяне, выйдя из дренеоевропейской общности, начали самостоятельный путь развития, до раннего средневековья включительно, когда славянское единство в условиях широкого расселения и метисации с иными народами распалось, стали формироваться отдельные славянские этносы и языки. В изучении проблемы происхождения и ранней истории славян автор делает упор на междисциплинарный подход, канву же изложения образуют материалы археологии и истории.

ББК 63.3(2)

Валентин Васильевич Седов
СЛАВЯНЕ

Историко-археологическое исследование

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки
Ю. Саевича и М. Михальчука

Корректоры Л. Бондарева, О. Чичварина

Подписано в печать 20.01.2002. Формат 70х100¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.

Усл. печ. л. 50,31. Заказ 7736, тир. 1000.

Издательство «Языки славянской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6-105; № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в областной типографии.

Белгород, пр. Б. Хмельницкого, 111а. Тел. 26-25-63.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-065-2

9 785944 570659 >

© Седов В. В., 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	9
Известия о ранних славянах в древних памятниках письменности	9
Языкознание и проблема этногенеза славян	14
Антропология и этнография в изучении славянского этногенеза	33
Археология и этногенетические изыскания.....	34
Древнеевропейская общность	39
Среднеевропейская историко-культурная общность полей погребальных урн	39
Распад древнеевропейской общности и формирование западноевропейских этносов.....	48
Первые страницы истории славян	69
Становление славянского этноса	69
Славяне и кельты	79
Славяне в римское время	97
Славяне в Висло-Одерском регионе	97
Этнокультурная ситуация в Днестровско-Днепровском регионе	125
<i>Зарубинецкая культура</i>	125
<i>Миграция готов к Черному морю</i>	142
<i>Славяне в составе населения черняховской культуры</i>	150
<i>Становление антов</i>	186
Великая славянская миграция	199
Нашествие гуннов	199

Антская группа.....	203
Пеньковская культура	203
Ипотешти-кындеитская культура	222
Аварская культура на среднем Дунае	228
Славяне в Среднем Поволжье	245
Русы	255
Словенская группа	295
Венедская группа	324
Лехитская (суковско-дзедзицкая) подгруппа	324
Северная восточнославянская подгруппа	348
Освоение славянами Балканского полуострова и Пелопоннеса.....	403
Распад праславянской общности и образование	
   раннесредневековых славянских народностей.....	431
Славяне западные	431
Поляки	431
Чехи	446
Словаки	458
Лужичане и сербы/сорбы	462
Славяне южные	473
Карантацы	473
Хорваты	484
Сербы	493
Болгары.....	501
Славяне Македонии	520
Славяне восточные.....	525
Исторические и языковые свидетельства о восточнославянской	
общности	525
Миграция славян из Дунайского региона	531
Дружинное сословие	551
Города, государственность и христианство — важные факторы	
консолидации славянского населения Древней Руси	563
Об этническом самосознании древнерусской общности.....	570
Список сокращений.....	575
Именной указатель	577
Географический указатель.....	593
Указатель этнонимов и археологических культур	615

ПРЕДИСЛОВИЕ

Источниковый фонд по изучению ранней истории и этногенеза славян постоянно увеличивается. Особенно это касается материалов археологии, роль которой в освещении истории, культуры и экономики древнего славянства активно возрастает. Результаты изысканий археологов в современной науке приобретают все большее и большее значение, поскольку они позволяют исследовать древние исторические процессы конкретно в пространственном и временном отношениях, что не доступно другим наукам. Славяне вышли на историческую арену относительно поздно, и письменные памятники позволяют восстановить их историю только начиная со средневековой поры. Для освещения более ранних периодов славянской истории, уходящих вглубь на полтора—два тысячелетия, в том числе проблемы выделения славян из среды индоевропейских племен и становления отдельного славянского этноса, главными источниками, несомненно, являются данные археологии. При этом, безусловно, нельзя не учитывать и результаты лингвистических изысканий. Язык той или иной этнической общности является ее наиболее надежным признаком. Однако средствами языкознания изучается прежде всего глоттогенез, являющийся лишь частью этногенеза. Лингвистическим данным явно недостает пространственной, хронологической и конкретно-исторической определенности. Взаимосвязь данных археологии и лингвистики — единственный плодотворный путь современных этногенетических изысканий.

В настоящей книге излагаются результаты исследований проблемы происхождения славян, их истории и развития культуры с древнейших времен до распада праславянского (общеславянского) языка и образования отдельных средневековых славянских этносов. В древности и средневековье славяне были одним из крупнейших этносов Европы индоевропейской семьи народов. Их историческое развитие протекало не изолированно от других индоевропейских и неиндоевропейских этносов, а в

условиях тесных взаимоотношений с ними. Поэтому реконструкции древних этнических процессов в славянском мире в предлагаемой работе проводятся на широком фоне европейской истории, при учете культурных и этнических связей с соседями, миграционных процессов и субстратных явлений и др.

В основу исследования положены археологические материалы, которые на нынешнем этапе наших знаний, как уже отмечено, являются основной источниковой базой в изучении древнего периода истории и культуры славян. Вместе с тем в исследовании в полной мере проанализированы и учтены достижения других наук — языкознания, ономастики, антропологии, этнографии, климатологии и др. Среди них, безусловно, наибольшее внимание уделено лингвистике, успехи которой обнадеживают. Язык как общественное явление и элемент человеческой культуры самым теснейшим образом связан с другими проявлениями материальной и духовной культуры. Поэтому изучение истории языков и глоттогенеза целесообразно вести в тесной связи со всеми аспектами развития человеческой культуры, то есть с той областью знаний, которой занимается археология. В предлагаемой работе археологическое исследование ключевых тем становления и эволюции славянской истории и культуры ведется в тесной взаимосвязи с лингвистическими изысканиями.

Книгу открывает вводный раздел, в котором рассказано о возможностях разных наук в изучении проблемы становления и ранней истории славян на современном уровне знаний.

Следующий раздел посвящен древнеевропейской общности, существовавшей в Средней Европе в бронзовом веке, в результате дифференциации которой в начале железного века образовались кельты, иллирийцы, венеты, германцы и славяне. Становление славянского этноса происходило в Висло-Одерском регионе. Во второй половине I тыс. до н. э. славяне контактировали с кельтами, расселившимися к северу от Карпатских гор, которые оставили заметный след в истории славянства — многое было воспринято им из кельтского быта и культуры.

Далее в монографии излагается история славян в римский период, когда они составляли значительную часть населения провинциально-римских культур и развивались во взаимодействии с восточногерманскими племенами. В Северном Причерноморье в это время в условиях славяно-иранского симбиоза сформировалось диалектно-племенное образование славян — анты.

Нашествие воинственных орд азиатских кочевников — гуннов и серьезное изменение климатической ситуации прервали поступательное раз-

витие культуры славян. Они стали импульсами начавшейся великой славянской миграции, в результате которой славянами в начале средневековья были освоены широкие пространства Средней и Восточной Европы от Эльбы на западе до Волги на востоке и от Балтики на севере до Пелопоннеса на юге.

В результате единое развитие этноязыковой общности славян прекратилось. В разных регионах славянского мира началось формирование отдельных раннесредневековых народностей.

В работе нет историографического раздела. Глава «История знаний о древних славянах» имеется в моей книге «Славяне в древности» (М., 1994), и пока у меня нет к ней каких-либо существенных дополнений. Вместе с тем представляется целесообразным написание отдельной монографии с более обстоятельным освещением развития знаний о славянах, их истории и культуры от римского времени до наших дней.

Некоторые положения настоящего исследования содержатся в названной работе «Славяне в древности», а также в книге «Славяне в раннем средневековье» (М., 1995). Однако предлагаемая монография никак не является повторением мыслей, построений и выводов этих изданий. Она возникла как развитие проблем этногенеза и истории славянства, изложенных в предшествующих работах, на нынешнем этапе. В новом исследовании внесено немало дополнений, уточнений и наблюдений, учтены новейшие достижения науки. Вместе с тем имеются в нем и положения, содержащиеся в более ранних трудах, что было крайне необходимо, иначе терялась бы целостность монографического освещения исторических процессов в славянском мире и его окружении.

Автор осознает, что далеко не все сложные проблемы этногенеза и ранней истории славян удалось решить в этой книге. В ряде мест из-за недостатка фактологической базы читатель встретится с гипотетическими, дискуссионными положениями. Они неизбежны при современном состоянии этногенезологии.

ВВЕДЕНИЕ

Известия о ранних славянах в древних памятниках письменности

Славяне впервые упоминаются в исторических произведениях начала нашей эры. Европа в то время членилась на два различных мира. Ее южная часть, примыкающая к Средиземноморью на юге и достигающая Дуная и Эльбы на севере, была территорией Римской империи, знала городскую жизнь и характеризовалась высокой культурой и экономикой, развитыми ремеслами, строительством и военным делом. Северные и восточные земли Европы составляли варварский мир, не знавший городской жизни, государственности и письменности; культура, быт и нравы населения находились на более низкой ступени развития. Основными частями этого мира были Германия и Сарматия. В восприятии римлян Германия ограничивалась с запада Рейном, с юга Дунаем, с севера Океаном. Границей между Германией и Сарматией была Висла. Сарматия простиралась через Севернопричерноморские земли до нижней Волги. Северные же, лесные области Восточно-Европейской равнины были для римлян совсем неизвестными землями.

В сочинениях римских авторов славяне именуются венедами/венетами. О том, что под этим этнонимом действительно скрываются славяне, свидетельствует Иордан — автор «Гетики», написанной в середине VI в. Он пишет, что венеты — «многочисленное племя», обитавшее в его время «от истоков Вистулы на огромных пространствах». «Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания,— отмечает далее Иордан,— преимущественно они все же называются славянами и антами»¹. Упоминания венедов в других местах «Гетики» свидетельствуют, что для Иордана отождествление венедов и славян

---

¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. М., 1960. С. 90.

представляется несомненным. Венедями называли славян — своих восточных соседей — германцы. Для раннего средневековья это документировается целым рядом письменных свидетельств. Германское Wenden — «славяне» сохранилось за ними до сих пор. Этим этнонимом немцы именуют лужичан. Венедями называют славян и прибалтийские финны (эстонское *wene*, финское *venäläinen*, карельское *veneä* 'русские', *Vena* 'Русь', *veneks* 'по-русски'). До недавнего времени исследователи полагали, что название славян венедями было воспринято западными финскими племенами от германцев. Однако материалы археологии говорят об ином происхождении этого этнонима в западнофинском мире. В период великого переселения народов славяне крупными массами расселились в лесной зоне Восточно-Европейской равнины и непосредственно встретились с прибалтийскими финнами. Интересно, что эта группа славян вышла из Висло-Одерского ареала, из того его региона, который, согласно информации Иордана, был заселен славянами-венедями². В этой связи допустимо предположение, что для части ранних славян этноним *венеды* был самоназванием. Попытки этимологизировать этноним *венеды* на славянской языковой почве оказались неубедительными³. Неоднократно высказывалась догадка о том, что название венедов было перенесено на славян в то время, когда они будто бы появились в бассейне Вислы, — германцы и римляне стали именовать славян этнонимом ранее проживавшего здесь населения. Однако каких-либо оснований, подтверждающих эту мысль, в распоряжении науки нет.

Этноним *венеды* восходит к отдаленной древности, вероятно, к древне-европейской общности II тыс. до н. э., о которой речь пойдет ниже. Из нее вышли венеты, зафиксированные античными источниками в Северной Адриатике, кельтское племя венетов, проживавшее в Британии и покоренное Цезарем во время походов 58—51 гг. до н. э. в Галлию, и, нужно полагать, венеды/венеты — славяне.

Гай Плиний Старший (23/24—79 гг. н. э.), работая в канцелярии римского императора Веспасиана, написал энциклопедический труд, «Естественную историю» в 37 книгах, в котором отразил комплекс знаний того времени о земле и небе. В книгах II—VI содержится географическое

---

² Седов В. В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 91—116.

³ *Lehr-Splawinski T.* O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946. S. 17; *Goląb Z.* Veneti/Venedi — the oldest name of the Slaves // *Journal of Indo-European Studies*. 1975. № 4. P. 321—336.

описание Европы, Северной Африки и Ближнего Востока, в значительной степени основанное на имперской документации и личных записях. Этногеография варварской части Европы из-за отсутствия информации описана туманно, иногда не реалистично — современные данные здесь перемежаются с известиями, почерпнутыми из сочинений греческих авторов более раннего времени. Плиний сообщает, что Энингия «... населена вплоть до реки Висулы сарматами, венедами, скирами, хиррами...»⁴ Остров Энингия не находит соответствия в географии Европы. Исследователи, учитывая его локализацию и размеры, допускают, что это было Висло-Одерское междуречье, которое информаторы Плиния приняли за остров из-за полноводности Щецинского и Гданьского заливов и рек Вислы и Одера. Соседями венедов были сарматы, скиры и хирры.

Сарматы в то время заселяли широкие пространства Северного Причерноморья, достигая на западе низовьев Дуная и восточных склонов Карпат в Поднестровье. Скиры — германское племя, проживавшее, по-видимому, где-то севернее Карпатских гор. В III в. они вместе с семнонами и бургундионами переместились на Дунай, атаковав римский лимес. Хирры (гирры) никем, кроме Плиния, не упоминаются. Возможно, это сарматское племя герры. Античные и раннесредневековые авторы размещают его к востоку от Вислы, а также в числе других племен на Дунае. Следовательно, венедами, согласно информации Плиния, нужно локализовать в бассейне Вислы; ни западных, ни восточных конкретных пределов их расселения определить не удается.

Этот вывод подтверждают данные греческого географа и астронома Клавдия Птолемея, содержащиеся в его сочинении «Географическое руководство», написанном в третьей четверти II в. н. э. Сообщается, что «... занимают Сарматия очень большие народы — венедами вдоль всего Венедского залива... И меньшие народы населяют Сарматия: по реке Вистуле ниже венедами гитоны, затем финны, затем сулоны; ниже их фругудионы, затем аварины у истока реки Вистулы; ниже этих омброны, затем анартофракты, затем бургионы, затем арсиэты, затем сабоки, затем пиенгиты и биессы возле горы Карпата. Восточнее названных, снова ниже венедами, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов»⁵. Кроме Венедского

---

⁴ *Plinius Secundus C.* Naturalis historia. III. Leipzig, 1895. P. 97; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I—VI вв.). М., 1991. С. 25.

⁵ *Клавдий Птолемей.* Географическое руководство // *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Вып. 1. СПб., 1893. С. 231; Свод древнейших письменных известий... С. 51.

залива (ныне Гданьский) Сарматского Океана (Балтийское море) венеды дали еще имя Венедским горам (предположительно, Восточнопрусское приморское плато).

Из сообщения Птолемея достаточно определенно следует, что областью проживания венедов — одного из крупных этносов Европейской Сарматии — был бассейн Вислы. Из племен, называемых вместе с венедами, часть (гитоны, фругудионы, аварины) принадлежала к германцам, другие (галинды, судины и, вероятно, ставаны) — к балтам; финны — большой массив племен финно-угорской языковой группы на северо-востоке Европы. Среди племен Прикарпатского региона названы германские, дако-фракийские и кельтские племена. Ближайшими соседями венедов являются гитоны, омброны, галинды и судины. Гитоны, по-видимому, тождественны гутонам Плиния и Тацита. Исследователи полагают, что это готы, обитавшие во времена Птолемея в нижнем течении Вислы. Омброны — ветвь бастарнов, этническое определение которых остается спорным. Начиная с I в. н. э. древние авторы причисляют бастарнов к германским племенам юго-восточного Прикарпатья (по течению реки Прут до дельты Дуная). Галинды и судины, несомненно, западнобалтские племена, известные по раннесредневековым источникам и достоверно локализуемые в регионе Мазурских озер и Среднего Понеманья. На основе этих данных венедов следует локализовать в бассейне Вислы между ее низовьями, где жили готы, и прикарпатским регионом проживания бастарнов. На северо-востоке венеды соприкасались с западными балтами. Как далеко простирались их земли на юго-востоке, сказать невозможно.

Интересные сведения о венедах содержатся в труде римского историка Публия Корнелия Тацита «Германия», написанном в 98 г. Характеризуя пограничье Свевии (Германии), Тацит затрудняется сказать, кому ближе венеты — германцам или сарматам. Они многое усвоили из нравов сарматов, «ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне»⁶. Певкины — ветвь бастарнов; ряд античных авторов (в том числе и Тацит) отождествляли певкинов с бастарнами. Территорией расселения венетов опять-таки оказываются земли севернее Карпатских гор на пограничье с Германией, восточной границей которой, как уже говорилось, была

---

⁶ Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. I. Л., 1969. С. 372—373.

Висла. К III в. восходит дошедшая до нас (в исполнении XII—XIII вв.) географическая карта мира, на которой венеды документированы в двух местах. Венеды-сарматы обозначены южнее Балтийского моря и северо-западнее бастарнов, то есть севернее Карпатских гор. Второе обозначение венедов находится рядом с гетами и даками, то есть между нижним Дунаем и Днестром⁷, что, скорее всего, говорит о перемещении к III в. части венедов-славян на юг от более раннего их региона. Этими данными и ограничивается историческая информация о ранних славянах.

Заметно более обширны и разнообразны сведения о славянах второй половины I тыс. н. э. К этому времени славяне расселились на широких пространствах Европы — от побережья Балтийского моря на севере до Пелопоннеса на юге и от Эльбы на западе до среднего течения Волги на востоке. Целостного описания раннесредневекового славянского мира в источниках нет. Только в «Гетике» Иордана приводятся интересные данные по географии славян. Историк готов использовал не дошедшие до нас сочинения Аблабия и Кассиодора, и часть его информации относится к более раннему времени. «У левого... склона (Карпат), спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов», — пишет Иордан⁸. Эта информация соответствует сведениям античных авторов о локализации ранних венедов-славян в областях, связанных с бассейном Вислы. Далее Иордан сообщает, что они «ныне известны под тремя именами: венетов, антов и склавенов»⁹, и дает их географические координаты.

Византийские авторы VI—VIII вв. (Прокопий Кесарийский, Агафий, Менаандр Протектор, Маврикий, Феофилакт Симокатта и др.) описывают в основном славян Подунавья и Балканского полуострова. Совсем фрагментарны данные о славянах в сочинениях сирийских авторов VI в. Они не касаются рассматриваемых в настоящей книге вопросов славянского этногенеза. Также неинформативными в этом отношении являются уже весьма обширные и разнообразные документы IX—X вв. (византийские, западноевропейские и арабо-персидские).

Средневековые авторы и хронисты долгое время не были знакомы с античной историко-географической литературой и излагали представления о прародине и древней истории славян самостоятельно. Наиболь-

---

⁷ Die Peutingerische Tafel oder Weltkarte des Castorius mit kurzer Erklärung. Stuttgart, 1916; Weber E. Tabula Peutingeriana. Graz, 1976; Свод древнейших письменных известий... (вкладыш с небольшим участком карты).

⁸ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. С. 71.

⁹ Там же. С. 90.

ший интерес в этом отношении представляет древнерусская «Повесть временных лет» (начало XII в.). Исходя из библейского предания, согласно которому родиной всего человечества была Передняя Азия, Нестор — автор этого произведения — начинает историю славян с Вавилонского столпотворения, расчленившего человечество на 72 народа и вызвавшего расселение их в разных направлениях. Среди этих народов были и славяне. Первоначально они поселились на Дунае, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарска. И от техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седше на котором месте»¹⁰.

Этот рассказ о расселении всех славян с Дуная стал основой так называемой дунайской (или балканской) теории их происхождения, излагавшейся во многих средневековых хрониках и сочинениях и остававшейся популярной в исторических и лингвистических работах XIX и отчасти XX столетия. Несостоятельность теории дунайского происхождения славян, изложенной древнерусским летописцем, была аргументирована знаменитым чешским славистом Л. Нидерле в начале XX в., а позднее и другими исследователями. Ниже будет показано, что рассказ Нестора имеет реальную историческую почву, но происхождение и начальная история славян все же не связаны с Дунайским регионом.

Изложенным ограничивается историческая информация о ранних славянах. Очевидно, что для восстановления начальных этапов славянской истории необходимо привлечь данные других наук.

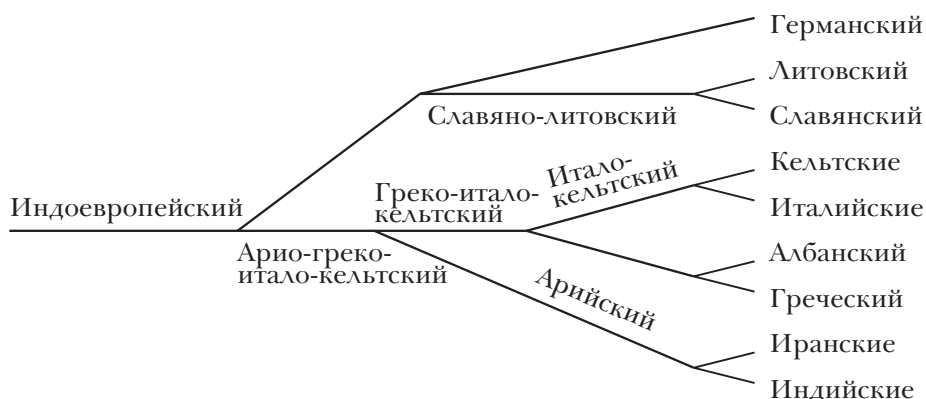
Языкознание и проблема этногенеза славян

Лингвистика свидетельствует, что язык славян принадлежит к индоевропейской семье, куда входят также балтские, германские, итальянские, кельтский, греческий, армянский, индоиранские, албанский, а также распространённые в древности фракийские, иллирийские, венетский, анатолийские и тохарские языки. Первая схема дифференциации индоевропейских языков (рис. 1) была выполнена ещё в середине XIX в. немецким ученым А. Шлейхером — основателем теории родословного дерева в языкознании¹¹, ныне имеющая лишь историографический интерес.

---

¹⁰ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 11.

¹¹ *Schleicher A.* Die deutsche Sprache. Berlin, 1860; *Idem.* Kurzer Abriss der Geschichte der slavischen Sprache. Leipzig, 1858; *Шлейхер А.* Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индоевропейских языков. СПб., 1865.

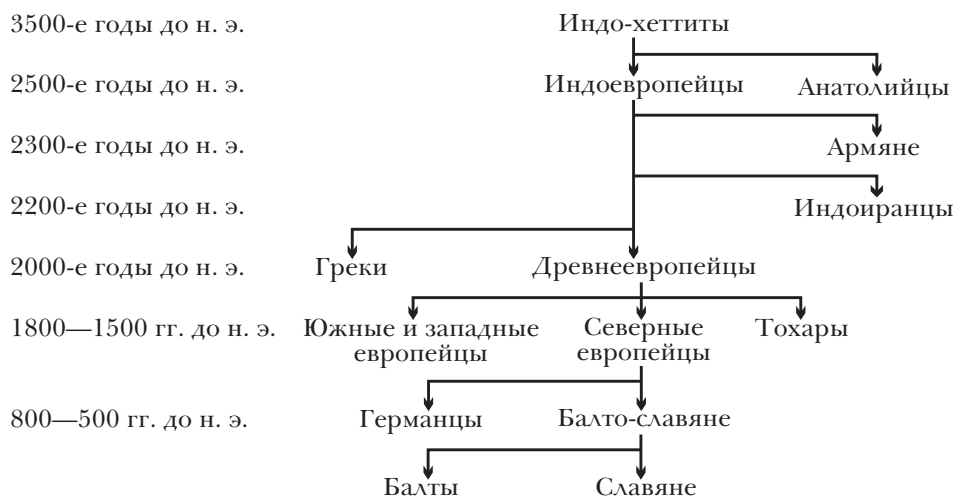

Рис. 1. Схема членения индоевропейского языка А. Шлейхера

Вопрос о прародине индоевропейцев обсуждается в историко-лингвистической литературе давно и пока не решен. Предлагаются весьма различные ее локализации как в Европе (в центральной части континента; от Рейна до Дона; в Балкано-Дунайском регионе; в причерноморско-прикаспийских степях и других), так и в Азии (Месопотамия; Армянское нагорье; Индия и другие регионы).

Дифференциация индоевропейской этноязыковой общности не была одноактным процессом, а растянулась на два—три столетия. Первый этап отделения от индоевропейской среды связан с образованием анатолийских и индоиранских языков и этносов. Древнейшие письменные памятники хеттского языка датируются XVIII в. до н. э. и определенно свидетельствуют о том, что в начале II тыс. до н. э. этот язык был уже самостоятельным индоевропейским языком, содержащим немалое число новообразований. Это предполагает продолжительный период его обособленного развития. Проживание носителей хетто-лувийской группы индоевропейцев в Малой Азии документируется ассирийскими текстами конца III тыс. до н. э. Следовательно, выделение этой языковой группы из индоевропейской общности нужно отнести ко времени не позднее первой половины III тыс. до н. э., а возможно, и к более раннему периоду.

В переднеазиатских текстах первой половины II тыс. до н. э. фиксируются следы уже выделившегося из индоевропейской общности индоиранского языка. В памятниках письменности хеттов середины II тыс. до н. э. упоминается несколько индийских (арийских) лексем. Это дает основание утверждать, что индоиранский язык начал развиваться как самостоятельный, по крайней мере, уже в III тыс. до н. э., а праиндоевропейскую общность отнести к V—IV тыс. до н. э.

**Рис. 2. Хронологическая схема формирования индоевропейских языков
Г. Трегера и Х. Смита**

Данные лингвистики показывают, что в относительно раннее время образовались армянский, греческий и фракийские языки. Зато языки племен Центральной Европы (италийский, кельтский, германский, славянский, балтский и иллирийский) оформились в самостоятельные сравнительно поздно. Учитывая эти наблюдения, американские лингвисты Г. Трегер и Х. Смит¹² предложили схему образования индоевропейских языков с указанием приблизительных дат (рис. 2).

В фундаментальном исследовании, посвященном языку, культуре и прародине индоевропейцев, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов попытались обосновать локализацию древнейшей территории этой языковой этнообщности в районе Армянского нагорья¹³. Праиндоевропейский язык рассматривается учеными в контексте с другими ностратическими языками; датировка его перед распадом определяется IV тыс. до н. э. На основе комплекса языковых данных реконструируются условия образования и пути расселения различных индоевропейских языковых групп. Выделение древнеевропейской диалектной общности, ставшей основой

¹² Trager G. L., Smith H. L. Chronology of Indo-Hittite // Studies in Linguistics. Vol. 8. № 3. 1950.

¹³ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Т. I—II. Тбилиси, 1984.

для становления в дальнейшем кельто-италийских, иллирийского, германского, балтского и славянского языков, исследователи связывают с миграцией индоевропейского населения через среднеазиатские земли в области Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья. Как полагают Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, это расселение осуществлялось несколькими миграционными волнами. Вновь пришедшие племена присоединялись к ранее осевшим на этой территории. Общность эта отделилась от остальных индоевропейцев еще где-то в Центральной Азии, а в причерноморско-нижневолжских степях образовался языковой ареал, в котором в течение III тыс. до н. э. окончательно и оформилась древнеевропейская общность, еще слабо расчлененная на отдельные диалекты. В дальнейшем носители древнеевропейских диалектов мигрировали в центральноевропейские земли (рис. 3).

Еще в 60-х гг. XIX в. немецкий лингвист Э. Лотнер обратил внимание на родственность европейских языков, проявляющуюся, в частности, в парных связях между италийским и иллирийским, между италийским и кельтским, между кельтским и германским, между германским и балтославянским¹⁴. Исследователь утверждал, что первоначально в результате распада общеиндоевропейского языка образовался общий западноевропейский язык. И только позднее его дифференциация привела к становлению самостоятельных кельтского, италийского, иллирийского, германского, славянского и литовского (балтского) языков (рис. 4).

Теория о древнеевропейской языковой общности как промежуточной стадии, объединявшей предков западноевропейских исторических народов, была аргументированно сформулирована в 50-х гг. XX в. немецким лингвистом Г. Краэ¹⁵. Суть ее заключается в том, что в то время, когда анатолийские, индоиранские, армянский, греческий и фракийские языки, выделившись из праиндоевропейской общности, развивались как самостоятельные, полностью оформившиеся языки, италийский, кельтский, германский, славянский, балтский и иллирийский еще не существовали. Они составляли достаточно однородную общность диалектов, в разной степени связанных друг с другом и находящихся в постоянных

---

¹⁴ Lottner E. Über die Stellung der Italer innerhalb des indoeuropäischen Stammes // Kuhns Zeitschrift. 1866. Bd. VII. S. 18—44, 160—193.

¹⁵ Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954; *Idem*. Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie // Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1962. № 5; *Idem*. Unsere ältesten Flüßnamen. Wiesbaden, 1964.

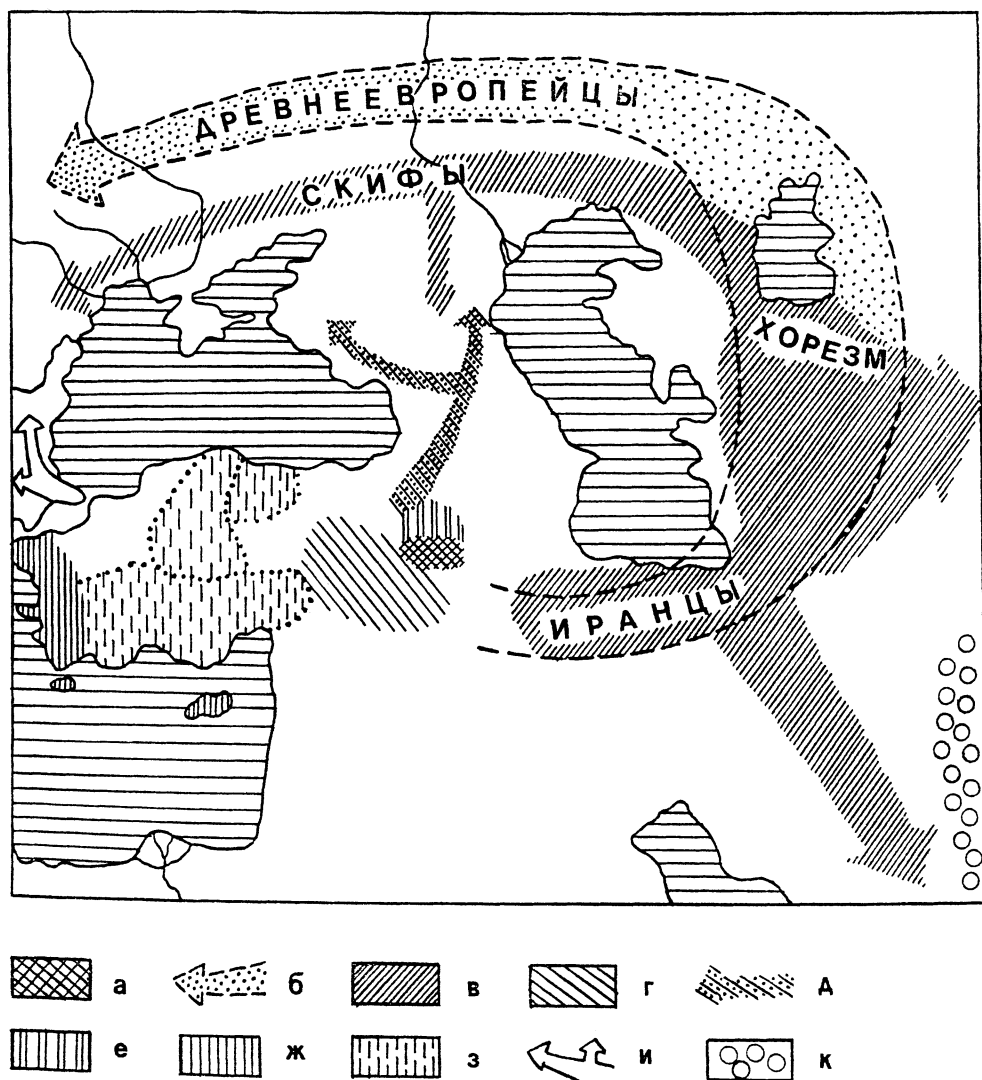
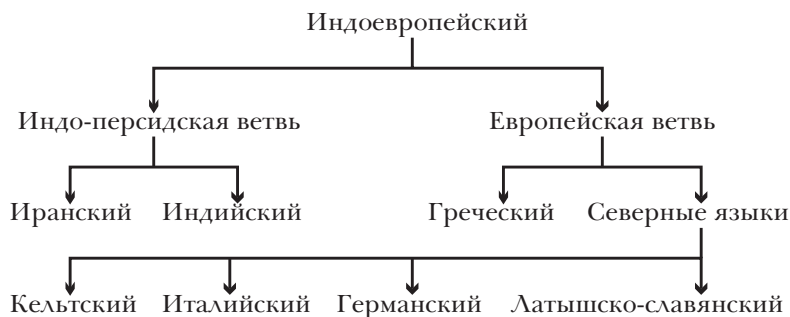

Рис. 3. Карта-схема расселения индоевропейцев,
по Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванову

контактах. Согласно Г. Краэ, эта языковая общность существовала в Центральной Европе во II тыс. до н. э. и названа им древнеевропейской. Из нее позднее вышли кельты и италики, иллирийцы и венеты, германцы, славяне и балты. Древнеевропейцы выработали общую терминологию в области сельского хозяйства, социальных отношений и религии. Следями

Рис. 4. Схема дифференциации индоевропейских языков, по Э. Лотнеру

их расселения являются многочисленными древнеевропейские гидронимы, которые и были описаны Г. Краэ. Они распространены на широкой территории от Южной Скандинавии на севере до материковой Италии на юге и от Британских островов на западе до Юго-Восточной Прибалтики и Днестра на востоке. Среднеевропейские области севернее Альп, согласно этому исследователю, были наиболее древним, коренным ареалом древнеевропейских племен.

В Северном Причерноморье, где Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов локализуют древнеевропейцев до их расселения в Центральной Европе, водные названия древнеевропейских типов немногочисленны. По мнению этих исследователей, этот пласт гидронимии в названном регионе был в значительной степени стерт в результате расселения здесь сначала иранского населения, а позднее тюркских племен.

Положение о древнеевропейской общности, изложенное Г. Краэ, находит подтверждение в ряде последующих изысканий. Так, В. И. Абаев, характеризуя серию ирано-европейских (скифо-сарматских) языковых схождений и параллели в области мифологии, утверждал, что они достаточно определенно говорят о тесных контактах древнейшего ираноязычного населения юго-восточной Европы с еще не расчлененными в языковом отношении западноевропейскими племенами. Древнеевропейскую языковую общность, в которую входили будущие кельты, италики, германцы и славяне (по В. И. Абаеву, еще и тохары), заключал исследователь, следует считать исторической реальностью¹⁶.

К такому же выводу склоняют исследования О. Н. Трубачева славянской ремесленной — гончарной, кузнечной, текстильной и деревообраба-

¹⁶ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965. С. 127—129.

тывающей — лексики. Оказывается, что носители раннеславянских диалектов или их предки в то время, когда формировалась эта терминология, находились в тесных контактах с будущими италиками, германцами и кельтами и составляли с ними вместе единый центральноевропейский культурный регион¹⁷. Этот регион в общих чертах соответствует коренной территории древнеевропейской гидронимии.

Определить точное время формирования праславянского языка и этноса по языковым данным не представляется возможным. В лингвистике высказано несколько различных дат становления языка славян. Большинство ученых относят этот процесс к I тыс. до н. э. Уже Л. Нидерле на основании изысканий лингвистов его времени писал о сложении праславянского языка в I тыс. до н. э. Известный польский ученый Т. Лер-Сплавиньский определял образование праславянского языка серединой I тыс. до н. э.¹⁸, М. Фасмер и П. Арумаа — временем около 400 г. до н. э.¹⁹ К периоду около 500—400 гг. до н. э. относит выделение праславянского языка чешский ученый А. Лемпрехт, допуская при этом и более широкую дату — 700—200 гг. до н. э.²⁰ Согласно представлениям другого чешского лингвиста, А. Эрхарта, начало славянского языка следует относить к периоду около 700 г. до н. э., выделяя в его развитии предславянский этап, определяемый 700 г. до н. э.— 300 г. н. э.²¹ Ориентировочно около 1000 г. до н. э. определяет возникновение языка славян З. Голомб²². С. Б. Бернштейн считает возможным начинать праславянский период с III—II вв. до н. э.²³, американский славист Г. Бирнбаум полагает, что

---

¹⁷ *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966; *Он же.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991. С. 81—82.

¹⁸ *Lehr-Splawinski T.* Szkic dziejów języka prasłowiańskiego // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej.* Warszawa, 1958. N 3. S. 243—265.

¹⁹ *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Wiesbaden, 1971. S. 73—99; *Arumaa P.* Urslavische Grammatik: Einführung in das vergleichende Studium der Slavischen Sprachen. I. Heidelberg, 1964.

²⁰ *Lemprech A.* Praslovanština. Brno, 1987.

²¹ *Erhart A.* U kolébky slovanských jazyků // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii.* Praha, 1985. Roč. 54. Seš 4. S. 337—354.

²² *Golqb Z.* The Ethnogenesis of the Slavs in the Light of Linguistics // *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. 1. Linguistics.* Colombus. 1983. P. 131—146.

²³ *Бернштейн С. Б.* Некоторые вопросы методики изучения проблем этногенеза славян // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья.* М., 1984. С. 16.

подлинно славянское языковое развитие началось незадолго до нашей эры²⁴. По мнению Ф. П. Филина, начало праславянского языка не может быть установлено с достаточной точностью, но «мы можем быть уверены в том, что праславянский язык в I тыс. н. э. и в века, непосредственно предшествующие нашей эре, несомненно, существовал»²⁵.

Впрочем, в лингвистической литературе есть мнения и о более раннем и о более позднем образовании праславянского языка. Так, болгарский ученый В. Георгиев на основе данных «внешней реконструкции» (славяно-хеттские, славяно-тохарские и иные параллели) относил начало зарождения славянского языка к середине II тыс. до н. э. Однако первое тысячелетие его истории было еще «балто-славянским состоянием»²⁶, и, следовательно, самостоятельное развитие языка славян началось около середины I тыс. до н. э. Согласно Г. Шевелеву, первый период «мутации и становления праславянского языка» относится к 2000—1500 гг. до н. э., а «первый период стабилизации» датируется 1500—600 гг. до н. э.²⁷ В противоположность этим мнениям З. Штибер и Г. Лант склонны относить формирование праславянского языка к первым векам I тыс. н. э.²⁸

Становление славянского языка и этноса — постепенный процесс эволюции диалектов древнеевропейского (или позднепраиндоевропейского) языка в самостоятельный праславянский язык. Определение этого процесса с точностью до столетия по лингвистическим данным, очевидно, не может быть достаточно надежным. С большой долей вероятности можно полагать только, что во второй половине I тыс. до н. э. праславянский язык уже развивался обособленно от других индоевропейских языков.

Славянский язык во многих отношениях близок к балтскому. В этой связи в лингвистической литературе высказана мысль о существовании в древности балто-славянской языковой общности, в результате распада которой и образовались отдельные славянский и балтский языки. Другая

---

²⁴ *Birnbaum H.* Zur Problematik der zeitlichen Abgrenzung des Urslavischen. Über die Relativität der Begriffe Balto-Slavisch (Frühslavisch bzw. Spätgemeinslavischer Dialekt) Ureinzelslavine // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1970. N 35/1. S. 1—62.

²⁵ *Филин Ф. П.* К проблеме происхождения славянских языков // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации*. М., 1973. С. 381.

²⁶ *Георгиев В.* Праславянский и индоевропейские языки // *Славянская филология*. Т. 3. София, 1963.

²⁷ *Shevelov G. Y.* *Prahistory of Slavic*. N. Y., 1965.

²⁸ *Stieber Z.* *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich: Fonologia*. Warszawa, 1969; *Lunt H. G.* On common slavik // *Зборник матице српске за филологију и лингвистикују*. Т. XXVII—XXVIII. Нови Сад, 1984—1985. С. 417—422.

группа ученых отрицает такую общность. Эта проблема обсуждается уже много десятилетий. Высказано несколько точек зрения, объясняющих близость славянских и балтских языков. Мнения исследователей значительно расходятся — от признания существования единого балто-славянского языка до предположения о независимом параллельном развитии этих языков в условиях тесных контактов.

Дискуссия по проблеме славяно-балтских языковых отношений, начатая на IV Международном съезде славистов и продолжающаяся поныне, показала, что ряд существенных черт, свойственных как балтскому, так и славянскому языкам, объясним длительными соседскими контактами славян с балтами. Так, С. Б. Бернштейн попытался показать, что многие балто-славянские языковые сходжения не были результатом генетической общности этих этносов, а являются следствием конвергенции между доисторическими балтами и славянами и симбиоза между ними на сопредельных территориях²⁹. Эту мысль позднее развивал литовский лингвист С. Каралюнас³⁰. Х. Майер отрицал существование балто-славянского языка, указывая на наличие глубоких различий между балтскими и славянскими языками, в частности в области вокализма, и объяснял сходные черты между ними консервативной природой этих языков³¹.

Существование балто-славянского языкового единства категорически отрицал в своих работах также А. Сенн. Он считал, что славянский, балтский и германский языки образовались в период 1000—500 гг. до н. э. из позднепраславянского. На первом этапе языки славян и балтов развивались изолированно и встретились накануне нашей эры в результате миграции западных балтов на запад³². Указывая на наличие глубоких различий между праславянским и балтским языками, отрицает существование в древности балто-славянской языковой общности и О. Н. Трубачев. Его лингвистические изыскания позволили утверждать, что на раннем

---

²⁹ Бернштейн С. Б. Балто-славянская языковая общность // Славянская филология: Сб. ст. Вып. 1. М., 1958. С. 45—67.

³⁰ Karaliūnas S. Kai kurie baltų ir slavų seniausųjų santykių klausimai // Lietuvių kalbotyros klausimai. T. X. Vilnius, 1968. P. 7—100.

³¹ Mayer H. Kann das Baltische als das Muster für das Slavische gelten? // Zeitschrift für slavische Philologie. T. 39. 1976. S. 32—42; *Idem.* Divergenz des Baltischen und Slavischen // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 40. 1978. S. 52—62.

³² Senn A. The Relationships of Baltic and Slavic // Ancient indo-european dialects. Proceeding of the Conference on indo-european linguistics. Berkeley; Los Angeles, 1966. P. 139—151; *Idem.* Slavic and Baltic linguistic relations // *Donum Balticum*. The professor Christian S. Stang in the occasion of his seventieth birthday. Stockholm, 1970. P. 485—494.

этапе эти этноязыковые группы развивались независимо, на разных, не соприкасающихся между собой территориях. Только позднее, в последних столетиях до нашей эры, в результате миграций произошло сближение славян с балтами³³.

Параллельно группа лингвистов, в том числе такие крупные ученые, как В. Георгиев, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Г. Бирнбаум, продолжают придерживаться гипотезы о существовании в древности балто-славянской языковой общности. Высказана мысль и о трансформации праславянского языка из периферийных диалектов балтского языкового состояния³⁴.

Не вторгаясь в лингвистическую дискуссию о существовании в древности балто-славянской языковой общности, стоит подчеркнуть, что многие балто-славянские изоглоссы не охватывают все балтские языки. С. Б. Бернштейн в этой связи писал: «Нет сомнений в том, что балто-славянская сообщество охватывала прежде всего праславянский, прусский и ятвяжский языки»³⁵. В. Мажюлис также подчеркивал, что в древнее время из всех письменно засвидетельствованных балтских языков непосредственные контакты с праславянским имел лишь прусский язык³⁶. Это существенное наблюдение очень важно для географии праславянской этноязыковой общности. Ранние славяне, очевидно, жили где-то по соседству с западнобалтскими племенами и в стороне от территории восточных балтов — предков летто-литовцев. Встреча славян с последними, согласно данным языкознания, произошла не ранее середины I тыс. н. э. в процессе широкого славянского расселения на пространствах Восточно-Европейской равнины. К. Буга и А. Сени по языковым данным датирова-

---

³³ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян... С. 16—29.

³⁴ Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. С. 303; Топоров В. Н. К проблеме балто-славянских языковых отношений // Актуальные проблемы славяноведения (Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 33—34). М., 1961. С. 211—218; Он же. К реконструкции древнейшего состояния праславянского // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1988. С. 264—292; Mažiulis V. Apie senovės vakarų baltas bei jų sentakius su slavais, ilirais ir germanais // Iš lietuvių etnogenezės. Vilnius, 1981. P. 7.

³⁵ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 34.

³⁶ Mažiulis V. Apie senovės vakarų baltas... P. 6—7; Idem. Zum Westbaltischen und Slavischen // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 29. 1984. S. 166—167.

ли первые контакты славян с восточными балтами V—VI вв. Интенсивные же связи восточнобалтских и славянских языков, согласно К. Буге и Я. Эндзелину, начались в IX—X вв.³⁷

Большое значение для изучения ранних славян имеют результаты исследований в области славяно-германских языковых отношений. Над этой проблемой работали многие лингвисты, в частности финский ученый В. Кипарский. На основании своих изысканий и результатов, полученных предшественниками, он показал длительность контактов праславян с германскими племенами. В. Кипарским были выделены и охарактеризованы несколько слоев общеславянских заимствований из германских языков. Древнейший период относится еще к прагерманскому периоду. Следующий этап характеризуется лексическими заимствованиями, относящимися ко времени от III в. до н. э. (то есть после первого передвижения согласных в германском). Выделяется также серия слов, попавших в праславянский язык из готского; слой, отражающий контакты праславян с носителями западногерманских диалектов, и слой, фиксирующий балкано-германские контакты славян³⁸.

Древнейший период славяно-германского языкового взаимодействия, относимый к середине I тыс. до н. э., был объектом монографического исследования В. В. Мартынова. Им были описаны лексические заимствования из прагерманского в праславянский и лексемы, поступившие из праславянского в прагерманский³⁹. Контакты славян с древним германским миром выявляются не только по лексическим, но и по иным языковым данным⁴⁰. Все это свидетельствует о том, что на раннем этапе своей истории славяне проживали по соседству с германскими племенами, террито-

---

³⁷ *Būga K.* Rinkiniai raštai. T. I. Vilnius, 1958. P. 521; T. III. 1961. P. 881; *Senn A.* The Relationships of Baltic and Slavic... P. 139—151; *Idem.* Slavic and baltic... P. 485—494; *Endzelins J.* Darbu izlas. IV. sej. 2. daja. Riga, 1982. 36 lpp.

³⁸ *Kiparsky V.* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934.

³⁹ *Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Мн., 1963; *Он же.* О надежности примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения // Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Мн., 1969. С. 100—113.

⁴⁰ *Савченко А. Н.* О генетической связи праславянского с прагерманским // Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Мн., 1969. С. 39—48.

См. еще: *Birnbaum H.* Zu den ältesten lexikalen Lehnbeziehungen zwischen Slawen und Germanen // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 13. Wien, 1984. S. 7—20; *Mańczak W.* Czas i miejsce zapożyczeń germańskich w prasłowiańskim // International Journal of Slavic linguistics and poetics. Vol. 27. 1983. P. 15—23.

рия которых надежно локализуется в Ютландии и смежных землях материковой Европы от нижнего Рейна до Одера.

Недавно В. В. Мартынов на основе древнеанглийских языковых данных выделил и описал 18 лексем, проникших от праславян к носителям западногерманских диалектов. Они свидетельствуют о непосредственных и некрatkовременных контактах славян с племенами англов и саксов до их миграции в V в. на Британские острова⁴¹. Проживание последних в первой половине I тыс. н. э. в Южной Ютландии и Нижнем Приэльбье не подлежит сомнению. Очевидно, контакты праславян с выделившейся из прагерманского западногерманской группой племен могли иметь место только где-то в междуречье нижних течений Эльбы и Одера. Следовательно, можно надежно говорить о проживании славян в римское время в Висло-Одерском междуречье.

Собранные к настоящему времени языковые данные определенно свидетельствуют о значительности славяно-иранских лексических сходжений и об иранском воздействии на славянскую фонетику и грамматику. Следовательно, ираноязычные скифо-сарматские племена, заселявшие области Северного Причерноморья, были третьей этнической группой, контактирующей с ранними славянами.

Однако на протяжении многовековой истории языковые связи славян с иранцами были далеко не одинаковыми. Общеславянские лексические заимствования из иранского единичны. Таковы *bogъ* — ‘бог’, *котъ* — ‘загон, небольшой хлев’, *gun’a* — ‘шерстяная одежда’ и *torogъ* — ‘топор’. Сюда же, по-видимому, относятся *тупъ* — ‘забор’ и *хусъ/хузь* — ‘дом’. Кроме первого, эти иранизмы принадлежат к культурным терминам, обычно самостоятельно передвигающимся из языка в язык независимо от миграций или соседства самого населения. Так, иранский термин *kata* достиг Скандинавии, а *тарага* — западнофинского ареала.

Абсолютное большинство иранских лексических заимствований в славянских языках являются локальными. Они охватывают не весь славянский мир, а либо только восточнославянский ареал (нередко даже южную часть его), либо только южнославянские, либо западнославянские языки. Вполне понятно, что такие лексические проникновения не отражают славяно-иранские контакты ранней поры, а относятся к следующему этапу, ко времени расширения славянской территории и членения праславян-

---

⁴¹ *Мартынаў В.* Прападзізма славян. Лінгвістычная верыфікацыя. Мэнск, 1998. В этой связи представляет интерес то, что в древнеанглийском языке имелся этноним *Winedas* ‘венеды’, свидетельствующий о знакомстве англов и саксов с венедами-славянами в местах своего прежнего проживания.

ского языка на диалекты, а отчасти уже к периоду зарождения основ отдельных славянских языков.

Вклад иранского населения в славянскую этнонимии и теонимию также никак не может быть отнесен к древнейшей поре. Иранское начало таких славянских божеств, как Хорс, Дажбог, Сварог и Симаргл, представляется неоспоримым. Однако эти теонимы получили распространение только в части славянского мира и, следовательно, отражают контакты со скифо-сарматами лишь одной из диалектных групп раннего славянства. Их появление в славянской среде обусловлено славяно-иранским симбиозом, как будет показано ниже, имевшим место в Северном Причерноморье в римское время и затронувшим лишь юго-восточную часть славян. С этим же периодом, по всей вероятности, связаны и этнонимы славян иранского происхождения (анты, сербы, хорваты и др.).

Анализируя иранизмы восточнославянских языков, В. Кипарский отмечал, что все они не могут быть отнесены к ранней фазе славянской истории. Только на следующем этапе, датировать который по языковым данным не представляется возможным, какая-то значительная часть славян, а не все славянство находилась в весьма тесных контактах со скифо-сарматским населением Юго-Восточной Европы. Возможно, считает финский лингвист, здесь имел место славяно-иранский симбиоз. Контакты части славян с иранскими племенами продолжались до раннего средневековья включительно, но дифференцировать их на временные этапы пока не представляется возможным⁴².

Следы иранского воздействия на часть славян обнаруживаются также в фонетике и грамматике. В. И. Абаев показал, что изменение взрывного *g*, свойственного праславянскому языку, в задненебный фриктивный *ɣ(h)* произошло лишь в части славянских наречий в условиях скифо-сарматского воздействия. Поскольку фонетика, как правило, не заимствуется у соседей, исследователь утверждает, что в формировании южной части восточного славянства (будущие украинские и южновеликорусские говоры) участвовал скифо-сарматский субстрат⁴³.

В. И. Абаев также допускает, что результатом скифо-сарматского воздействия были появление в восточнославянском языке генитива-аккузатива и близость восточнославянского с осетинским в перфектирующей

---

⁴² Kiparsky V. Russische historische Grammatik. III: Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975. S. 59—61.

⁴³ Абаев В. И. О происхождении фонемы *ɣ(h)* в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 115—121.

функции превербов⁴⁴. В. Н. Топоров объясняет беспредложный локатив-датель в славянском языке воздействием иранцев⁴⁵.

Все эти фонетические и грамматические изменения в славянском языке носят региональный характер. Они охватывают лишь юго-восточную часть древнего славянского мира и не могут быть отнесены слишком далеко в глубь праславянской истории.

Рассмотренные данные лингвистики позволяют утверждать, что на первом этапе истории славян иранцы не оказали на них заметного воздействия.

В настоящее время можно считать надежно установленным, что на севере скифское население Северного Причерноморья непосредственно соприкасалось с балтами. Это документировано десятками лексических проникновений из иранского в балтский, совместными новообразованиями и материалами гидронимии. «В итоге,— отмечает в этой связи О. Н. Трубачев,— мы уже сейчас представляем себе балто-иранские лексические отношения как довольно значительный и плодотворный эпизод в истории обеих языковых групп»⁴⁶. Где-то на юго-западе балты какое-то время соседствовали с фракийцами. О непосредственных балто-фракийских контактах в древности говорят и описанные лингвистами параллели в балтских и фракийских языках, и пласт гидронимов фракийского облика на Правобережной Украине, территориально соприкасающийся с топонимическим ареалом древних балтов⁴⁷. В связи с этим следует полагать, что на раннем этапе славяне были отделены от иранского мира Северного Причерноморья землями, заселенными фракийцами.

К сожалению, праславянско-фракийские языковые контакты не поддаются изучению. «... Выделить фракийские слова в праславянском,— писал в этой связи С. Б. Бернштейн,— не представляется возможным, так

---

⁴⁴ Абаев В. И. Превербы и перфективность: Об одной скифо-славянской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 90—99.

⁴⁵ Топоров В. Н. Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 28. М., 1960. С. 3—11.

⁴⁶ Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967. С. 20.

⁴⁷ Wiesner J. Die Thraken. Stuttgart, 1963. S. 43; Nalepa J. O sąsiedztwie prabaltów z pratrakami // Sprakliga Bidrag. Vol. 5. № 3. 1966. S. 207—208; Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969; Топоров В. Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканское языкознание. М., 1973. С. 30—63; Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.

как наши сведения о фракийской лексике смутны и неопределенны. Нет вполне надежных и фонетических критериев для того, чтобы разделить общеиндоевропейское от заимствованного»⁴⁸.

Неисследованной остается проблема славяно-кельтских языковых отношений. При попытках прояснить кельтское влияние на праславянскую речь возникают трудности, так как от кельтских языков Средней Европы не осталось никаких следов, а сохранившиеся западнокельтские диалекты существенно отличны от них. Все же к настоящему времени выявлено несколько десятков праславянских лексических заимствований из кельтских языков⁴⁹. Однако они, по всей вероятности, далеко не в полной мере отражают языковое и культурное воздействие кельтов на славянский мир.

Таким образом, данные сравнительно-исторического языкознания позволяют утверждать, что территория ранних славян находилась между областями проживания прежде всего германцев и западных балтов. Соседями славян были также кельты и, до начала тесных контактов с иранцами, по-видимому, фракийцы. Польский лингвист В. Маньчак на основе сравнительного анализа словарного состава праславянского языка с языками других европейских этносов считает, что наибольшую близость лексики праславян обнаруживает с балтской и германской. Им констатируется далее, что славяне в лексическом отношении ближе к пруссам, чем к литовцам; ближе к германским языкам, чем к романским; ближе к кельтам, чем к балтам⁵⁰.

Праславянский лексический материал, бесспорно, исключительно важный источник об истории и культуре ранних славян. Еще в 70—80-х гг. XIX в. на основе лексического фонда А. С. Будиловичем была дана географическая характеристика древней территории славян. Это были области с обилием рек и озер, вдали от моря, сочетавшие равнинные и всхолмленные местности с умеренным климатом. Это описание неоднократно привлекалось исследователями для определения прародины сла-

---

⁴⁸ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики... С. 93. Выявляемые В. Георгиевым и другими исследователями фракизмы являются узкорегionalными и принадлежат к периоду освоения славянами Балканского полуострова в раннем средневековье.

⁴⁹ Treimer K. Ethnogenese der Slawen. Wien, 1954. S. 32—34; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики... С. 94—95; Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян... С. 43.

⁵⁰ Mańczak W. Przedhistoryczne migracje słowian // Этногенез и этнокультурные контакты славян (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3). М., 1997. С. 198—205.

вян. Оно неконкретно и дает повод для весьма различных локализаций раннеславянского ареала. Анализировалась также ботаническая и зоологическая терминология, но однозначного ответа для надежного определения географии ранних славян не было получено. Фаунистические и флористические зоны на протяжении исторического развития нередко претерпевали заметные изменения, которые в лексическом материале не нашли отражения. Лексика не в состоянии учесть имевшие место славянские передвижения, миграции самих животных и растений, приспособления старой терминологии к новым условиям.

Как свидетельствует лингвистика, сформировавшийся праславянский язык развивался довольно неравномерно. Периоды спокойной эволюции сменялись временами бурных изменений, мутаций, что обусловлено прежде всего степенью взаимодействия славян с соседними этноязыковыми группами. Периодизация истории праславянского языка — существенный момент в изучении этногенеза славян.

Единого мнения по этому вопросу в языкознании нет. С. Б. Бернштейн и Н. Ван Вейк членили развитие праславянского языка на два периода — до и после утраты закрытых слогов⁵¹. Другие исследователи выделяют в эволюции праславянского языка три этапа. Так, согласно Н. С. Трубецкому, это: 1) протославянский период; 2) ранний, когда не было еще диалектной дифференциации; 3) время диалектного членения⁵². В. Георгиев в «развитом» праславянском языке различал также три периода — ранний, средний и поздний, который определял временем от IV—V до IX—X вв.⁵³ По А. Лемпрехту, праславянский язык прошел ранний этап, когда он был весьма близок к балтскому, «классический» (400—800 гг. н. э.) и поздний (800—1000 гг.)⁵⁴.

Наиболее конкретная периодизация развития праславянского языка предложена Ф. П. Филиным⁵⁵. Его первый этап (до конца I тыс. до н. э.) является начальной стадией становления основ славянской языковой

---

⁵¹ *Van Wijk N.* Les langues slaves. Mouton; Gravenhage, 1956; *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики... С. 42—52.

⁵² *Trubetzkoy N. S.* Essai sur chronologie des certains faits phonétiques du slave commun // *Revue des études slaves*. Т. II. Paris, 1922.

⁵³ *Георгиев В.* Три периода развития праславянского языка // *Славянская филология: Доклады и статьи за VII Международен конгресс на славистите*. Езикознание. София, 1973. С. 5—16.

⁵⁴ *Lemprech A.* Praslovanština a jeje chronologické členení // *Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů v Zahrebu*. Lingvistika. Praha, 1978. S. 141—150.

⁵⁵ *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 99—110.

системы. В это время славянский язык только что начал свое самостоятельное развитие, постепенно вырабатывая свою систему, отличную от других индоевропейских языковых систем.

Следующий, средний этап определяется временем от конца I тыс. до н. э. до III—IV вв. н. э. В это время происходят весьма существенные изменения в фонетике языка славян (палатализация согласных, устранение некоторых дифтонгов, изменения в сочетаниях согласных в конце слова и др.), эволюционирует его грамматический строй, пополняется лексика. Тогда же получает развитие и первая диалектная дифференциация праславянского языка.

Поздний период эволюции общего языка славян (V—VII вв.) совпадает с началом их широкого расселения. Великая славянская миграция привела в конечном итоге к разделению единого языка на отдельные славянские языки. Языковое единство продолжало существовать, но зародились условия для становления в разных регионах обширной славянской территории отдельных языков.

Особым разделом языкознания, сочетающим в себе также разделы истории и географии, является топонимика. Географические названия развивались исторически; их происхождение теснейшим образом связано с языками, с их эволюцией и диалектным членением, племен и народов, когда-либо заселявших те или иные местности. Научный анализ топонимов дает возможность локализовать этноязыковые следы, сохранные в географической номенклатуре, определить регионы расселения и миграций различных этнических групп, в том числе и в отдаленной древности.

Из географических названий для этноисторических изысканий наиболее ценными и информативными являются гидронимы. Значительная часть их сложилась в древности, в основном до возникновения названий населенных пунктов. Водные названия в меньшей степени подвержены существенным изменениям при смене этносов.

Долгое время было распространено представление, что областью древнего обитания славян должны были быть регионы с «чисто» славянскими гидронимами или местности их наибольшей концентрации. В результате исследователи вели поиски таких территорий и делали весьма противоречивые заключения. Позднее установлено, что это была явно ошибочная предпосылка — «чистота» славянских названий вод обычно свойственна вновь освоенным регионам и никак не может свидетельствовать о древности заселения славянами такой территории.

Для изысканий в области этногенеза первостепенным является разработка стратиграфии славянской гидронимии. Вполне очевидно, что чем древ-

нее славянские водные названия, тем более раннюю территорию обитания славян они выявляют. Таким образом, основной целью гидронимических исследований на путях изучения этногенеза славян оказывается вычленение праславянского пласта и дифференциация его на несколько хронологических горизонтов соответственно этапам эволюции праславянского языка. Картография таких горизонтов позволила бы определить территории расселения ранних славян в разные периоды их истории.

Праславянская гидронимия пока не поддается стратиграфическому членению. Работы в этом направлении, предпринятые польскими лингвистами Т. Лер-Сплавиньским и С. Роспондом, привели только к выделению на древней славянской территории двух регионов. Первый, охватывающий Повисленье и смежные правобережные области бассейна Одера, характеризуется первичными топонимическими структурами и преимущественно твердыми основами. Второму региону (Среднее Поднепровье) свойственны вторичные топонимические структуры (с мягкими основами), производными по отношению к первичным⁵⁶. Интересны также региональные изыскания, в которых исследователи (по лексическим, словообразовательным или фонетическим соображениям) вычленяют архаические водные названия. Это прежде всего исследования В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева и Ю. Удольфа⁵⁷. На Правобережной Украине таких гидронимов насчитывается 50, в верхнеднепровском бассейне — около 90, в Северном Прикарпатье — свыше 100.

Распространение этих архаических названий вод обрисовывает уже периоды славянской миграции. Ю. Удольф датирует формирование древней славянской гидронимии в Прикарпатском крае серединой I тыс. н. э. Судя по наличию подобных праславянских водных названий на Балканском полуострове, освоение которого славянами зафиксировано историческими материалами и определяется не ранее V в. н. э., некоторые архаические гидронимы могут относиться и ко второй половине I тыс. н. э.

---

⁵⁶ *Lehr-Splawiński T.* Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych // *Rocznik sławistyczny*. T. XXI. 1960. S. 5—22; *Rospond S.* Prasłowianie w świetle onomastyki // *I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej*. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. S. 109—170; *Idem*. Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych (Próby atlas toponomastyczny). T. 1—2. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974—1976.

⁵⁷ *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968. *Udolph J.* Studien zu den slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979.

Впрочем, есть среди них и такие, которые принадлежат и к первой половине этого тысячелетия (а возможно, и к более раннему времени), но выделить таковые не представляется возможным.

На раннем этапе истории славян, когда закладывались основы их языка, они, нужно полагать, пользовались старыми водными названиями — древнеевропейскими или позднеиндоевропейскими, поскольку становление языка славян — это постепенный процесс эволюции индоевропейских диалектов. В этом отношении большой интерес представляют изыскания Ю. Удольфа, результаты которых были изложены им в докладе «Древнеевропейская гидронимика и праславянские водные названия» на XII Международном съезде славистов⁵⁸. Анализировались признаки, характеризующие наиболее ранние славянские гидронимы. Широко пользуясь древнеевропейскими водными названиями, славяне постепенно трансформировали их с помощью формантов, суффиксации, аблаутации и др. Территория, где наблюдаются эти процессы, расположена к северу от Карпат, на западе охватывая бассейн верхнего Одера, на востоке — правобережье среднего Днепра.

Топонимические материалы иногда предоставляют возможность для выявления направлений и путей славянского расселения. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что систематическая повторяемость водных и иных географических наименований в определенных направлениях фиксирует пути миграций тех или иных этносов. Ниже реконструкции славянских миграций по данным топонимии рассматриваются при изложении вопросов освоения славянами различных территорий.

Сказанным исчерпываются возможности современной лингвистики в освещении проблемы происхождения и ранней истории славян. Очевидно, что без привлечения данных языкознания решать вопросы славянского этногенеза невозможно. Вместе с тем нельзя не отметить, что лингвистика располагает неограниченными возможностями прежде всего для всестороннего изучения глоттогенеза, а не этногенеза славян. Для освещения этногенетической проблематики языковые данные оказываются во многих местах недостаточными и неконкретными. Лингвистика в изучении этногенеза встречается с двумя неразрешимыми проблемами — определением конкретной территории, где происходил исследуемый глоттогенез, и его детальной датировкой. Хотя язык и является наи-

---

⁵⁸ *Udolph J.* Hydronimia staroeuropejska i prasłowiańskie nazw wodne // XII Międzynarodowy kongres sławistów: Streszczenia referatów i komunikatów. Językoznawstwo. Warszawa, 1998. S. 321—322.

более существенным маркером этнических общностей, разрешение детальных процессов славянского этногенеза находится за пределами возможностей лингвистической науки. Вместе с тем глоттогенез является неотъемлемой частью этногенетической науки, и с результатами, полученными современным языкознанием, бесспорно, обязан считаться всякий исследователь, в той или иной степени решающий вопросы происхождения и ранней истории славян.

Антропология и этнография в изучении славянского этногенеза

Роль антропологии в изучении ранней истории и происхождения славян невелика. Во всех регионах Европы, где проживали славяне и их непосредственные предки, в эпоху бронзы и раннем железном веке безраздельно господствовал обряд кремации умерших. Следовательно, антропологические материалы ранних славян полностью отсутствуют. Наиболее ранние данные по антропологии славян относятся уже к тому времени, когда они широко расселились на пространствах Средней, Восточной и Южной Европы и в значительной степени смешались с разноплеменным автохтонным населением — кельтами, скифо-сарматами, германцами, балтами, дако-фракийцами, финно-уграми, романским населением. В разных регионах расселения раннесредневековых славян выявляется довольно различное антропологическое строение. Средневековые краниологические материалы, таким образом, никак не могут характеризовать первоначальный облик славян. Поиски истоков антропологического строения раннесредневекового славянства среди серий черепов эпохи неолита и бронзы никак нельзя признать оправданными. Предпринимаемые некоторыми антропологами сопоставления результатов анализов краниологических материалов, разорванных более чем двухтысячелетним периодом, носят крайне гипотетичный характер и не могут быть использованы для каких-либо серьезных этногенетических построений. Средневековые антропологические материалы остаются, таким образом, очень важным источником для изучения славянского мира прежде всего средневековой поры.

Безусловно, многое для изысканий в области славянского этногенеза могла бы дать этнография, но опять-таки не очень ранней поры. Ныне славяне не являются единым народом, однородным в культурном отношении. Это большая группа родственных, но вполне самостоятельных народов, каждый из которых имеет свою историю, свой язык, свои этно-

графические и фольклорные особенности. Формирование этнографических элементов славянских народов было очень сложным многовековым процессом. В ходе расселений славянский этнос включал в свой состав разноэтничные массы аборигенного населения. Естественно, при этом многие прежние этнографические особенности в той или иной степени претерпевали изменения. Они трансформировались также в условиях развития быта, географических и климатических сдвигов. Стратиграфия этнографических напластований — совершенно неразработанная проблема славянской этнографии. Работа эта усложняется тем, что не проведена систематизация всей источниковой базы, собранной в разные периоды представителями различных этнографических школ и направлений. Представляется, что первым шагом по этому пути является составление общеславянского этнографического атласа, работа над которым в настоящее время находится в начальной стадии⁵⁹.

Археология и этногенетические изыскания

В изучении этногенеза и этнической истории древних и раннесредневековых этнических образований ведущее место принадлежит археологии. Языком, важнейшим признаком всякой этнической единицы, пользуется вполне определенная группа людей, которая при стабильном и продолжительном развитии создает свой быт, свою материальную культуру и духовный облик. Культура, таким образом, относится к признакам развития жизни человеческих объединений, основанных на физическом родстве индивидуумов, то есть образований этнического порядка.

«К числу важнейших признаков, разграничивающих отдельные этносы,— утверждают в этой связи Н. Н. и И. А. Чебоксаровы,— относятся такие культурные особенности, которые каждый народ вырабатывает в процессе своего исторического развития и затем передает из поколения в поколение. Совокупность этих взаимосвязанных между собой особенностей составляет то, что в этнографической науке называют „этнической традицией“. Такие традиции складываются в те или иные исторические эпохи в связи с социально-экономическими и естественно-географическими условиями жизни каждого народа, но после своего возникновения

---

⁵⁹ Benža M. Prve výsledky práce na Slovanskom etnologickom atlase // XII medzinarodny zjazd slavistov v Krakove. Príspevky slovenských slavistov. Bratislava, 1998. S. 269—278; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1971. С. 25.

они приобретают значительную устойчивость и долго сохраняются даже тогда, когда условия жизни народа успевают сильно измениться»⁶⁰.

Каждая этническая общность имеет свои «этнические традиции» со своими специфическими особенностями в мелочах быта и домостроительства, в деталях одежды и украшений, в обычаях, поверьях, погребальной обрядности и т. п., которые наследуются из поколения в поколение и обычно удерживаются несмотря ни на что. Современная археология и документирует все эти элементы быта, материальной культуры и духовной жизни, в том числе следы обрядов и обычаев, творения искусства и т. п., то есть этнографическое своеобразие древних этноязыковых образований. Археология предоставляет возможность для проникновения в самые отдаленные периоды истории человеческого общества, для освещения всех сторон жизни, быта и культуры в историческом развитии на конкретных территориях.

Языкознание в изучении древнего этногенеза, как известно, встречается с двумя, порой неразрешимыми, трудностями — определением территории, где происходил исследуемый глоттогенез, и датировкой этого процесса. В отличие от лингвистики данные археологии конкретно-историчны. Эта наука позволяет осветить историю каждой этнической общности на протяжении конкретных временных отрезков и локализовать их на вполне определенной территории.

Продолжающаяся длительное время дискуссия о соответствии или несоответствии археологической культуры и этноса несколько не препятствует изучению этногенеза древних и раннесредневековых племен и народов Евразии. Историческая жизнь была весьма сложной, и ответить на поставленный вопрос однозначно никак нельзя. Существует немало примеров соответствий и несовпадений культурных и языковых ареалов, и этим в основном оперируют участники дискуссий, склоняясь к тому или иному решению рассматриваемой проблемы.

Ранняя история этнических образований не была прямолинейной. Имели место многочисленные передвижения племен, их инфильтрации в чужеродную среду, происходило интенсивное взаимодействие разных этносов, их дифференциация и ассимиляция, исчезновение одних этносов и формирование других. В результате в древности складывались и моноэтнические, и полиэтнические культуры. Формирование археологических культур в той или иной степени зависело от географических условий, экономики и социальных отношений. Однако современная археоло-

---

⁶⁰ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Указ. соч. С. 25.

гия в состоянии разобраться во всех сложностях становления и развития каждой археологической культуры.

Научная трактовка археологической культуры заключается не в простом суммировании ее компонентов, а в рассмотрении целостной структуры как системы взаимосвязанных сочетаний всех ее элементов. Создать полноценное представление о той или иной археологической культуре возможно лишь при условии выяснения ее корней, путей становления и изучения ее дальнейшей судьбы.

Археологическую культуру можно и нужно отождествлять с этнической общностью, если она выделена не по одному—двум элементам, а характеризуется целым комплексом устойчивых однотипных признаков, проявляемых в деталях домостроительства, погребальной обрядности, украшениях и керамике, изготовленных в домашней среде. Существенно и то, чтобы такая культура эволюционировала из предшествующей ей однородной культуры и функционировала длительное время.

Ряд археологических культур отражают полиэтнические образования, что вполне оправданно. В древней истории человечества неоднократно имели место проникновения одной или нескольких этнических групп на территории других. Полиэтнические археологические культуры заметно выделяются среди прочих прежде всего длительным присутствием разнотипных элементов, проявляемых в погребальной обрядности и в домостроении, в глиняной посуде, украшениях, деталях одежды и в другом. Если моноэтнические культуры формировались на единой основе или из нескольких близкородственных культур, а некоторая неоднородность, наблюдаемая в начальной стадии, быстро нивелируется, то полиэтнические культуры складываются в условиях взаимодействия двух или нескольких неродственных культур. Характер полиэтнических культур может быть весьма различным в зависимости от ситуаций, происходивших в их ареалах.

Археология в этногенетических изысканиях должна решать основные вопросы самостоятельно, собственными методами, независимо от данных и результатов лингвистики и других наук. Археологические выводы никак не должны быть зависимы от результатов лингвистики и других наук.

Ведущая роль в выяснении этноса носителей той или иной археологической культуры принадлежит ретроспективному методу, заключающемуся в поэтапном прослеживании истоков культуры, ее этнографических маркеров. В исследовании этногенеза славян предстоит продвигаться от культур достоверно славянских, относящихся к раннему средневековью,

в глубь столетий к тем древностям, с которыми обнаруживаются генетические связи, а от них — еще на ступень ниже и т. д.

Ретроспективный метод исследования в археологии позволяет учитывать все нюансы сложного взаимодействия этносов в древности. В европейской истории не было каких-то «чистых» этносов. Они складывались в результате взаимодействия, смешения и поглощения различных племенных и этнических групп, как пришлых, так и автохтонных, как индоевропейских, так и доиндоевропейских. Помимо более или менее спокойной эволюции археологических культур нередко выявляются и иные формы перехода от одной культуры к другой. Неспokoйное, порой скачкообразное развитие могло быть обусловлено вторжением иноплеменных масс, иными миграционными процессами, воздействием соседних цивилизаций, изменениями климата и вызванными этим хозяйственными трансформациями и некоторыми другими обстоятельствами. Во всем этом археология в состоянии разобраться, если исследования вести на широком территориальном фоне и в широком хронологическом диапазоне. Вполне очевидно, что на основе региональных данных делать серьезные этногенетические построения невозможно.

Настоящее исследование ранней истории славян выполнено ретроспективным методом от эпохи раннего средневековья, славянская атрибуция археологических культур которой документируется историческими и иными фактами, к римскому времени и далее в глубь веков до эпохи бронзы включительно. Таким образом, построена длинная цепь, связывающая основные и частные элементы археологических культур, которые были этнографичны для славянского мира на разных этапах его исторического развития. При этом также ретроспективно рассматривались древности соседних европейских этносов. Лишь после того, как были получены этноисторические результаты, на основе собственно археологических материалов они были сопоставлены с данными других наук.

Ретроспективный метод целесообразен в кабинетных исследовательских изысканиях, но трудновоспринимаем при изложении истории и культуры ранних славян. Поэтому в настоящей работе результаты исследований, выполненных ретроспективными поисками, излагаются в исторической последовательности.

ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКАЯ ОБЩНОСТЬ

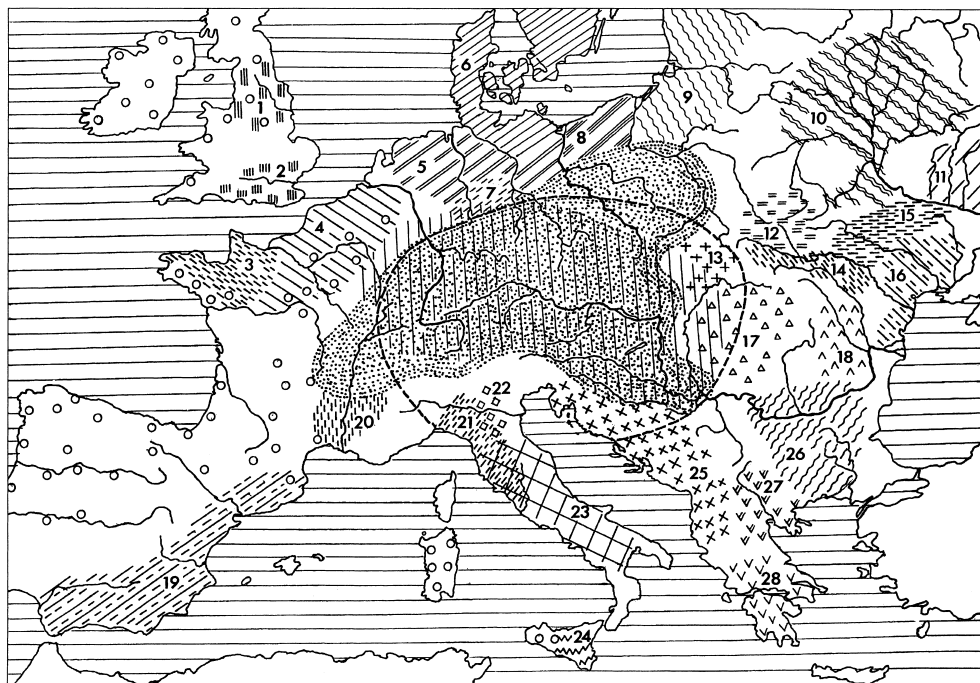
Среднеевропейская историко-культурная общность полей погребальных урн

В середине и второй половине II тысячелетия до н. э. в Западной Европе по археологическим данным наблюдается весьма пестрая этнокультурная ситуация (рис. 5). Выявляется множество археологических культур, некоторые из которых функционировали непродолжительное время¹. На основе данных языкознания, гидронимии и археологии можно утверждать, что юго-восточные и срединные области Западной Европы в рассматриваемое время населяли преимущественно индоевропейские племена, в юго-западных и северных землях проживало еще неоднородное доиндоевропейское население.

Отчетливая картина выявляется в материковой Греции и на островах Эгейского моря. Здесь получила распространение элладская культура (2500—1100 гг. до н. э.). Многие ученые связывают начало бронзового века в Греции с приходом индоевропейских племен из Малой Азии. Это было еще догреческое население, среди которого были, вероятно, известные по историческим данным пеласги. Между ранним и средним периодами элладской культуры выявляется заметный перелом в ее развитии, обусловленный вторжением на территорию Греции опять-таки из Анатолии нового индоевропейского населения, которое и положило начало греческому этносу. Язык пеласгов стал субстратом наслоившегося на него греческого языка. Поздний (микенский) этап элладской культуры (1550—1100 гг. до н. э.) можно уже вполне достоверно связывать с греческим этносом.

---

¹ Piggott S. *Ancient Europe from the Beginnings of Agriculture to Classical Antiquity*. Edinburgh, 1965; Gimbutas M. *Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe*. The Hague; London; Paris, 1965; Coles J. M., Harding A. F. *The Bronze Age in Europe*. London, 1979.

Рис. 5. Западная Европа во второй половине II тыс. до н. э.

а — ареал средневропейской историко-культурной общности полей погребальных урн; **б** — ареал культуры курганных могил; **в** — граница центрально-европейского культурного региона, выявленного О. Н. Трубачевым по лексическим данным; **г** — распространение мегалитических сооружений.

Археологические культуры: **1** — Фуд-Вессель; **2** — Уэсэкс; **3** — бретонская; **4** — Сены-Уазы-Марны; **5** — нордическая-пошерзонская; **6** — нордическая-шишлейская; **7** — унструцкая; **8** — гробовско-смердовская; **9** — балтийская; **10** — сонницкая; **11** — бондарихинская; **12** — тшинецкая; **13** — станово-фельшесечская; **14** — комаровская; **15** — белогрудовская; **16** — сабадиновская; **17** — отоманская или фюзешабонская; **18** — монтеору; **19** — Эль-Аргар; **20** — Роны; **21** — прото-вилланова; **22** — террамар (ранняя стадия); **23** — апеннинская; **24** — кастелучьо; **25** — древности Адриатики (раннелибурнская, раннеаподская, среднедалматинская, среднебоснийская, южнодалматинская, глазнацкая, гайтан-матеская, деволлская); **26** — инкрустированной керамики; **27** — позднемакедонская; **28** — позднеэладская.

Начиная с III тысячелетия до н. э. племена — носители индоевропейских диалектов несколькими миграционными волнами, исходившими из общеиндоевропейского ареала, расселились на Балканском полуострове. Это были предки фракийцев, протоалбанцев и фригийцы. Фракийские

языки не сохранились до нашего времени, но большое число племен фракийцев зафиксировано письменными памятниками римского времени. Топонимика свидетельствует о былом широком расселении фракийцев. Язык протоалбанцев позднее испытал сильное воздействие древнеевропейских диалектов. Пребывание фригийцев на Балканах документируется древними авторами. В конце II тысячелетия до н. э. они мигрировали в Анатолию и обосновались там на территории бывшего Хеттского царства.

Связать с конкретными индоевропейскими этносами все археологические культуры бронзового века Юго-Восточной Европы не представляется возможным. В западной части Балканского полуострова выделяются раннелибурнская, раннеяподская, среднедалматинская, среднебоснийская, южнодалматинская, глазнацкая, гайтан-матеская и деволлская культурные группы. На востоке Балканского полуострова, в Адриатике получила распространение культура инкрустированной керамики, на северо-западном побережье Эгейского моря — позднемакедонская культура.

На территории Румынии к периоду 2000—1300 гг. до н. э. относится культура монтеору (2000—1300 гг. до н. э.). Древности XIV—XII вв. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье от Трансильвании на западе до Днестра на востоке принадлежат к культуре ноа. Исследователи относят ее носителей к фракийской этноязыковой группе, поскольку в Трансильвании с культурой ноа генетически связаны культуры «фракийского гальштата». К фракийской общности, по всей вероятности, принадлежали также племена комаровской культуры средней бронзы, локализуемой в Верхнем Поднестровье, а на позднем этапе бронзового века — носители белогрудовской и чернолесской культур в лесостепных землях Правобережной Украины. Соседями фракийцев в Северном Причерноморье было ираноязычное население (срубная, сабастиновская и белозерская культуры).

В среднем и позднем бронзовом веке в смежных регионах Словакии, Венгрии и Румынии известна отоманская культура, называемая венгерскими археологами фюзешабонской, носители которой играли большую роль в развитии местных и балкано-эгейских культурных традиций и достижений. Тогда были заложены основы металлургии бронзы в Карпатском регионе и начался регулярный обмен между Тисо-Дунайской областью, Балканами и южными землями Восточной Европы. Определить этнос носителей отоманско-фюзешабонской культуры не представляется возможным. Думается, что это была одна из групп индоевропейцев. В XIV в. до н. э. в условиях появления в Карпатской котловине племен

культур курганных могил и витенбергской в северо-восточной части Венгрии, Северной Трансильвании и Украинском Закарпатье к XIV—XII вв. до н. э. на основе отоманско-физеншабонской культуры складывается станново-фельшесечская. Потомки носителей последних вместе с племенами культур пилинь и беркес в XII в. до н. э. сформировали в бассейне Тисы культуру Гава, развитие которой было нарушено вторгшимся в этот регион предскифским населением. Можно полагать, что население культур средней и поздней бронзы рассматриваемого региона Европы было индоевропейским. Его происхождение, по-видимому, следует связывать с миграционными волнами, исходившими из общеиндоевропейского ареала, о которых было сказано выше.

Наиболее крупное культурно-историческое образование индоевропейцев на протяжении семи—восьми столетий существовало в срединной части Европы. В среднем бронзовом веке это были культура курганных могил и сменившая ее среднеевропейская культура полей погребальных урн. Представляется целесообразным несколько подробнее остановиться на этих древностях, поскольку они имеют прямое отношение к рождению славянского этноса.

Культура курганных могил, датируемая от 1500 до 1250/1200 гг. до н. э., занимала территорию от бассейна верхнего и среднего течения Рейна на западе до Тисы на востоке². Свое название эта культура получила от характерного погребального обряда — захоронения умерших совершались под курганными насыпями, которые окружались венцом из камней. В курганах обычно устраивались различные каменные или деревянные сооружения. Умершие хоронились в основаниях насыпей или в грунтовых ямах под ними по обряду ингумации с сопровождающим вещевым инвентарем (чаще всего это были украшения и предметы вооружения). Встречаются и трупосожжения, в отдельных районах они были даже преобладающими. Остатки кремации умерших помещались в курганах в глиняных урнах или цистах.

Раскопки поселений свидетельствуют о земледельческо-скотоводческом характере хозяйственной жизни. При этом в некоторых местностях преобладающим было скотоводство. В составе стада ведущее место принадлежало крупному рогатому скоту, который был и тягловой силой при

---

² Čújanova-Jilková E. Hügelgraberkultur // Filip J. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd. I. Prag, 1961. S. 510—517; Piggott S. Ancient Europe... P. 81—84; Gimbutas M. Bronze Age Cultures... P. 71—87; Coles J. M., Harding A. F. The Bronze Age... P. 49, 50, 57—60; Jazdzewski K. Pradzieje Europy środkowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. S. 314—319.

обработке пахотных угодий. Владели носители культуры курганных могил и большими стадами свиней.

В это время началось активное развитие бронзовой металлургии. В значительных масштабах в ареале рассматриваемой культуры велась добыча руд (Восточные Альпы, Карпаты, Чешские Рудные горы, где были освоены также месторождения олова).

Бронзовые изделия культуры курганных могил весьма разнообразны. Это и украшения (булавки с шаровидными, биконическими, дисковидными и завернутыми головками; браслеты с биспиральными розетками по краям; сердцевидные и лилиевидные подвески; спиральные перстни и др.), и орудия труда (серпы, ножи с литыми рукоятками), и предметы вооружения (кинжалы, наконечники копий, мечи с цельнолитыми рукоятками).

Разнообразна глиняная посуда — амфоровидные сосуды, разнотипные миски, чаши, кувшины. Украшалась она или насечками, заполненными инкрустацией, или соскообразными или реберчатыми выпуклостями, или каннелюрами. На ряде поселений исследовались гончарные горны, гончарная мастерская и склады готовой продукции гончаров, что говорит о функционировании в ареале культуры курганных могил ремесленных центров.

Племена этой культуры создали сравнительно высокую материальную и духовную культуру, характеризующуюся определенными чертами сходства, что свидетельствует о принадлежности их к единой этноязыковой общности. Вместе с тем в ряде мест ареала культуры курганных могил выявляются и некоторые региональные различия. Так, в западной части ареала различаются нижнерейнская, вюртембергская, хагенауская, или эльзасская, среднерейнская, гессенская и люнебургская, или ильменауская, группы, в восточной — чешско-пфальская, или восточнобаваро-чешская, среднедунайская и карпатская, или юго-восточная. Скорее всего, эти группы соотносимы с диалектной дифференциацией рассматриваемой общности.

В основе культуры курганных могил, как считают многие исследователи, лежит унетицкая культура, которая в предшествующее время (1800—1500 гг. до н. э.) занимала часть ареала рассматриваемой культуры. Между этими культурами наблюдаются черты преемственности. Область становления культуры курганных могил близка к ареалу унетицкой культуры. Постепенно территория культуры курганных могил увеличивалась за счет расселения ее носителей и ассимиляции инокультурного населения, что вело к формированию локальных культурных групп.

На позднем этапе эволюции рассматриваемой культуры получают все более широкое распространение бескурганные захоронения по обряду трупосожжения. Это был постепенный процесс, завершившийся во второй половине XIII в. до н. э. полным вымиранием обычая сооружать курганы и обряда трупоположения. Новая обрядность — захоронение останков кремации в урнах на бескурганных могильниках («полях погребений») — дала название новому крупному образованию — средневропейской культурно-исторической общности полей погребальных урн, датируемой XIII—VIII/VII вв. до н. э.³

Параллельно происходят и некоторые сдвиги в экономической жизни населения. Доминирующей отраслью становится земледелие, животноводство отходит на второй план. Пашни теперь обрабатываются плугом. На смену волам в качестве тягловой силы постепенно приходит лошадь, которая приобретает важное хозяйственное значение. Основными земледельческими культурами были пшеница-эммер (полба) и племчатый шестирядный ячмень, которые культивировались в Средней Европе и раньше. Теперь к ним добавляются овес и рожь. Выращивались еще полевой горох и чечевица, культивировались также лен и маслиничные — мак и репс.

Активно развивалась бронзовая металлургия. Из бронзы изготавливались многие орудия труда (топоры, серпы, ножи, шилья) и предметы вооружения (наконечники копий и стрел, а также мечи). Еще более широкое распространение получают бронзовые украшения — одежные булавки разных типов, браслеты, перстни, височные кольца, ожерелья из трубочек и бус. Входит в обычай застегивать одежду бронзовыми фибулами и орнаментированными пуговицами; получают распространение бронзовые сосуды.

Разработки руд, металлургия бронзы и изготовление изделий из нее были весьма сложными процессами, которые могли осуществлять специалисты-ремесленники. Внутри средневропейской общности полей погребальных урн, очевидно, сформировались отдельные общины из рудокопов, металлургов и кузнецов-медников, которые снабжали готовыми изделиями другие, более многочисленные общины, занятые сельскохозяйственной деятельностью.

Основная масса поселений рассматриваемой общности была неукрепленной, размеры их весьма различны — от небольших до очень крупных,

---

³ Piggott S. *Ancient Europe...* P. 168—175; Gimbutas M. *Bronze Age Cultures...* P. 119—159; Coles J. M., Harding A. F. *The Bronze Age...* P. 335—380; Jążdżewski K. *Pradzieje Europy...* S. 334—380; Die Urnenfelderkulturen Mitteleuropas. Praha, 1987.

площадью около 50 га. Располагались они в местах, наиболее пригодных для занятий сельским хозяйством, на всхолмлениях вблизи рек и ручьев, иногда в речных долинах. Некоторые из селений обносились рвами. Со временем появляются и укрепленные поселки, устроенные на мысах, островах, холмах, возвышениях и других местах, естественно приспособленных для защиты от противника. Они укреплялись дополнительно искусственными фортификациями — стенами, сложенными из камней, валами из земли и дерева, палисадами из бревен. К числу наиболее изученных укрепленных поселений принадлежат Бискупинское, о котором подробнее будет сказано ниже, Бухау — на острове Федерзее в Баварии и ряд городищ в Дунайском регионе.

Жилищами были наземные постройки со столбовой конструкцией стен. При раскопках ряда поселений в Чехии установлено, что стены домов обмазывались глиной. Внутри обмазка расписывалась геометрическими узорами белой и красной краской. На всех поселениях обычны грушевидные ямы для хранения зерна и загоны для скота. На поселении Буг близ Берлина раскопками открыты закопанные в землю большие глиняные сосуды, предназначенные для хранения продовольственных припасов.

Могильники культуры полей погребальных урн часто весьма обширны. Многие из них насчитывают по нескольку сотен могил (наиболее крупные — свыше 1000) и функционировали продолжительное время. Кремация умерших совершалась на стороне. Собранные с погребальных костров останки и пепел помещали в глиняные урны или прямо в ямы, на дне которых иногда ставили ритуальные сосуды. Урны в ряде случаев прикрывались камнями. Бронзовые изделия в могилах встречаются крайне редко, что, по-видимому, обусловлено не бедностью населения, а погребальным обычаем.

Керамика рассматриваемой историко-культурной общности довольно многообразна. По ее особенностям и некоторым иным культурным элементам в составе культуры полей погребальных урн выделяется несколько групп (или культур). Наиболее крупная из них — лужицкая — занимала северо-восточные области территории рассматриваемой общности, то есть бассейны Вислы, Одера и часть правобережья Эльбы. К ранней стадии средневропейской общности принадлежат также рейнско-швейцарская, майнская, восточнофранцузская, южнонемецкая, велатицкая, бейердорфская, хотинская, вальская, кновизская и мелавичская культурные группы. Это были непрочные образования: на поздней стадии продолжали функционировать лужицкая, рейнско-швейцарская, майнская и южнонемецкая культуры. На остальной территории в результате перегруп-

пировки образуются новые — нижнерейнская, южнофранцузская, каталонская, штильфридская, иллирийская и несколько мелких формирований. Внутри лужицкой культуры исследователи выделяют несколько мелких локальных групп с неустоявшимися границами.

Культурные образования средневропейской общности полей погребальных урн не были стабильными, границы между ними постоянно изменялись. Очевидно, на территории общности протекали различные дифференционные и интеграционные процессы, причем последние имели большую силу на ранней стадии ее развития: в начале I тыс. до н. э. рассматриваемая общность стала менее пестрой, более однообразной, чем в предшествующее время.

Несомненна близость духовной культуры населения, создавшего средневропейскую культуру полей погребальных урн. Повсеместное распространение на всей ее территории однотипного погребального обряда и обряда трупосожжения свидетельствует о господстве единых представлений о загробной жизни, согласно которым огонь помогал душам умерших освободиться от тела и вознестись на небо. В погребальные костры, чтобы облегчить «полет души», население иногда клало крылья птиц. О единстве духовных начал населения говорят сходные представления о символах жизни и амулеты-обереги⁴. При раскопках во множестве пунктов встречены разнообразные подвески с украшениями в виде птичьих голов. Такими же изображениями украшались бронзовые сосуды и предметы вооружения, а на позднем этапе и повозки, в которых хоронили умерших высших представителей общества. Обычно изображались лебеди и другие водоплавающие птицы, служившие солнечными символами, связывающими небесную и земную сферы, и параллельно символами плодородия. Стилизованные изображения птиц в сочетании с концентрическими кругами, колесами, крестами и бычьими рогами свойственны всему ареалу средневропейской общности полей погребальных урн и зафиксированы еще только в тех регионах, в которых сказывается ее влияние.

На основе анализа всех данных археологии складывается представление, что носители средневропейской общности полей погребальных урн образовывали особую, более или менее однородную как в культурном, так и в этноязыковом отношении сообщество родственных племен. При этом отдельные ее культурные группы находились в постоянных контактах между собой, не создавая изолированно развивающихся образований.

---

⁴ Kossack G. Studien zum Symbolgut der Urnenfelder und Hallstatzeit Mitteleuropas. Berlin, 1954.

Попытки определить этноязыковую принадлежность населения средневропейской общности полей погребальных урн восходят к 20—30-м годам XX в. Тогда считалось, что основой этой общности была лужицкая культура, а другие культуры этой общности образовались в результате расселения лужицких племен. Лужицкие же древности исследователи относили гипотетично и к германцам, и к фракийцам, и к иллирийцам. В конце 30-х годов XX в. австрийский ученый Р. Питтиони попытался на основе археологических материалов показать, что наиболее ранние древности кельтов, италиков, германцев и иллирийцев, известных по античным памятникам письменности, восходят к средневропейской общности полей погребальных урн и, следовательно, названные этносы сформировались на единой основе, которую исследователь именовал иллирийской⁵. В те годы весьма популярной была теория паниллиризма, согласно которой в древней истории Европы иллирийцам приписывалась исключительная роль. Очевидно, под ее воздействием и формировались выводы Р. Питтиони.

В тот же период чешский археолог Я. Бём в диспуте с Ю. Костшевским, относившим племена лужицкой культуры к славянскому (венедскому) этносу, утверждал, что носителями средневропейских культур полей погребальных урн была ветвь индоевропейцев, неизвестная по имени, на основе которой позднее формировались кельты, иллирийцы, славяне и некоторые другие исторические этносы⁶.

Упомянутая выше теория Г. Краэ о существовании в Центральной Европе во II тыс. до н. э. древнеевропейской языковой общности — отдельной ветви индоевропейцев, из которой позднее вышли кельты, италики, иллирийцы, венеты, германцы, балты и славяне, — реально решает вопрос об этносе носителей средневропейской общности полей погребальных урн. Уже В. Киммиг высказал мысль об идентификации древнеевропейской языковой общности с племенами культуры полей погребальных урн⁷. Последующие изыскания в области лингвистики и археологии полностью подтверждают это.

---

⁵ *Pittioni R.* Die Urnenfelderkultur und ihre Bedeutung für die europäische Kulturentwicklung // *Pokorny J.* Zur Urgeschichte der Kelten und Illyrier. Halle, 1938. S. 185—222; *Idem.* Die Urnenfelderkultur und ihre Bedeutung für die europäische Geschichte // *Zeitschrift für Celtische Philologie.* Bd. 21. 1940.

⁶ *Böhm J.* Kronika objeveného věku. Praha, 1941.

⁷ *Kimmig W.* Seevölkerbewegung und Urnenfelderkultur // *Studien aus Alteuropa.* Bd. I. Köln; Graz, 1965. S. 220—283.

Так, ареал средневропейской общности полей погребальных урн в общих чертах соответствует центральноевропейскому культурному региону, описанному О. Н. Трубачевым, в котором формировалась ремесленная (гончарная, кузнечная, текстильная и деревообрабатывающая) лексика предков славян в тесных контактах с будущими италиками, германцами и кельтами. Исследованные В. И. Абаевым языковые сходжения и параллели в области мифологии между иранцами Юго-Восточной Европы и нерасчлененными западноевропейскими племенами могут быть отнесены к древнеевропейской языковой общности.

Самое же главное заключается в том, что древнеевропейская атрибуция средневропейской общности полей погребальных урн надежно определяется археологическими материалами. Ранние древности исторических кельтов, иллирийцев, италиков и некоторых других европейских этносов, о чем несколько подробнее будет сказано ниже, генетически восходят к этой общности. Ретроспективный поиск этнокультурных истоков славянского этноса от достоверно славянских древностей раннего средневековья также приводит к средневропейской общности полей погребальных урн.

Распад древнеевропейской общности и формирование западноевропейских этносов

Картография памятников рассматриваемой историко-культурной общности достаточно определенно свидетельствует о повышенной плотности заселения ее ареала, особенно это касается поздних стадий ее развития. Избыток населения стал одной из основных причин начавшейся миграции его в разных направлениях (рис. 6).

Носители культуры полей погребальных урн расселяются в глубь территории современной Франции, достигая Атлантического побережья, и осваивают северные районы Испании. Проникновение отдельных групп племен этой культуры фиксируется археологией также на Британских островах, в Нидерландах и на смежных землях. Исследователями выделяются две крупные миграционные волны, шедшие из ареала рассматриваемой средневропейской общности⁸. Племена культуры полей погре-

---

⁸ Sandars N. K. *Bronze Age Cultures in France. The later Phases from the thirteenth to the seventh Century B. C.* Cambridge, 1957. P. 116—246; De Laet S. I. *The Low Countries.* London, 1962. P. 113—136.

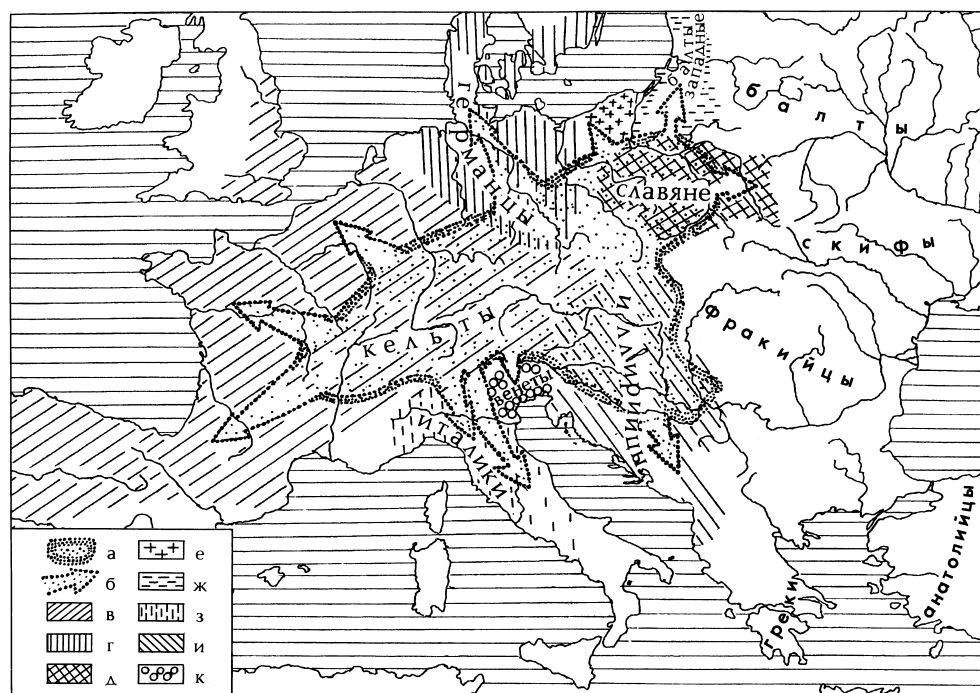
бальных урн в позднем бронзовом веке проникают в области бассейнов Савы и Дравы и мелкими группами распространяются по Апеннинскому полуострову. Расселение этих племен фиксируется археологией и в восточных регионах Среднего Подунавья, в частности в бассейне р. Тиса.

Земли Юго-Западной Европы до инфильтрации древнеевропейцев заселяли разные в языковом отношении доиндоевропейские племена. Об этом прежде всего говорят данные топонимики: в этих областях известно множество доиндоевропейских водных названий. В науке предпринимаются попытки определить группы таких гидронимов, которые можно было бы связать с конкретными племенами, известными по письменным источникам, в частности с лигурами, заселявшими северные и срединные области Италии, юго-восточные районы Франции, Корсику и Пиренейский полуостров, сиканам, которым принадлежала Сицилия, или пелазами, локализуемыми на Апеннинском и Балканском полуостровах, и др.⁹

Юго-Западная Европа в позднем бронзовом веке представлена множеством археологических культур, свидетельствующих о неоднородности этноплеменной структуры ее обитателей. В северо-западной части Франции выделяются две культуры — бретонская и Сены-Уазы-Марны, еще две на Британских островах — Фуд-Вессель и Уэсэкс. Юго-восточные районы Пиренейского полуострова заселяли носители культуры Эль-Аргар, в нижнем течении Роны проживали племена, оставившие культуру Роны. На значительных территориях Испании и Франции, а также на Британских островах была распространена культура мегалитических сооружений. В бассейне реки По существовала культура террамар (ее ранняя стадия), южнее, в срединной части Апеннинского полуострова, — протовилланова культура, а в его южных районах — апеннинская. Средний бронзовый век в Сицилии и на Липарских островах представлен культурой кастелучьо и ее ответвлениями. В XIII в. до н. э. она была разрушена

---

⁹ Krahe H. *Ligurisch und Indogermanisch* // Germanen und Indogermanen (Festschrift für H. Hirt). Bd. II. Heidelberg, 1936. S. 241—270; *Idem*. Ortsnamen als Geschichtquelle // Schrift der Universität Heidelberg. 1950. H. 4. S. 159—191; Cihac V. Die charakteristische Züge des mediterranen Substrat // Archiv Orientali. Vol. XXII. Roma, 1954; Battisti C. L'opera filologica di Francesco Ribezzo // Studi Etruschi. Vol. XXIII. Firenze, 1954. P. 503—520; Hubschmid J. Zur Geschichte, Problematik und Methodik der Erklärung von Ortsnamen aus dem mediterranen Substrat // VI Internationaler Kongress für Namenforschung. Bd. II. München, 1961. S. 384—402; *Idem*. Ortsnamen vorindogermanischen und indogermanischen Ursprungs im Ligurischen // X Internationaler Kongress für Namenforschung. Bd. III. Supplement. Disputationes und Mention Vocabula. Wien, 1971. S. 217—240.

Рис. 6. Расселение древнеевропейцев и их дифференциация на отдельные этносы

а — ареал средневропейской культурно-исторической общности полей погребальных урн; **б** — основные направления расселения; **в** — ареал западногальштатской культуры; **г** — ясторфской культуры; **д** — культуры подклёшевых погребений; **е** — поморской культуры; **ж** — западнобалтских курганов; **з** — культур италийских племен; **и** — восточногальштатской культуры; **к** — культуры эсте.

втрожением иноземцев, которых идентифицируют с авазонами, известными по греческим источникам. К концу бронзового века в Сицилии относится культура панталика, в Сардинии — культура нураг.

Все эти археологические культуры не находят преемственности с древностями исторических кельтов и италиков и, следовательно, должны быть отнесены к доиндоевропейским племенам.

Среднеевропейская историко-культурная общность полей погребальных урн целостно существовала до начала железного века (VIII—VII вв. до н. э.). Дальнейшее развитие культуры в разных регионах ее территории протекало уже неодинаково. Это было обусловлено широкими миграциями населения общности и взаимодействиями с субстратными племенами. В результате этноязыковая общность древнеевропейцев диффе-

ренцировалась, в разных областях ее расселения начался процесс становления самостоятельных этносов — кельтов, италиков, иллирийцев, германцев, славян и других.

Немаловажную роль в этом этноязыковом процессе сыграло и распространение железа, вызвавшее переворот в развитии техники и культуры. В отличие от медных и оловянных, железные руды распространены в природе широко. Железо в Европе добывалось почти всюду из бурых железняков — болотных, луговых и озерных. Распространение железа привело к замиранию прежних мелалургических центров и существенно расширило производственные возможности средневропейского населения. Пахотные орудия с железными наконечниками и железные топоры позволили заметно увеличить площади культивируемых земель и значительно повысить производительность труда в сельском хозяйстве. В ремесленном деле появились неизвестные прежде орудия труда, расширился ассортимент бытовых предметов. Повысился уровень деревообрабатывающего ремесла и строительного дела, заметные сдвиги произошли и в развитии вооружения. Все это стабилизировало жизнь древнеевропейского населения и вело к демографическому всплеску, что не могло не сказаться на этногенетических процессах.

Чтобы лучше понять, как же проходило становление славянского этноса, представляется целесообразным кратко проанализировать всю картину распада древнеевропейской этноязыковой общности.

Западные и верхнедунайские области ареала средневропейской общности полей погребальных урн становятся одним из крупнейших очагов бурного развития железоделания и кузнечного ремесла. Здесь непосредственно в результате эволюции местных древностей культуры полей погребальных урн складывается западногальштатская культура (VIII—V вв. до н. э.). Регионом формирования ее были области верхних течений Рейна, Дуная и Роны. Некоторые исследователи считают носителей рейнско-дунайской части ареала культуры полей погребальных урн протокельтами, то есть носителями древнеевропейских диалектов, позднее развившихся в язык кельтов. Очень скоро эта культура распространилась на земли Франции и Северной Испании, освоенные древнеевропейским населением в последние столетия бронзового века, а также на восток до Среднего Подунавья¹⁰.

---

¹⁰ *Pittioni R.* Die urgeschichtliche Grundlagen der europäischen Kultur. Wien, 1940. S. 270—279, 539—555; *Kimmig W., Hell H.* Vorzeit an Rhein und Donau. Konstanz, 1958; *Moreau J.* Die Welt der Kelten. Stuttgart, 1961; *Schlette F.* Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Leipzig; Jena; Berlin, 1980.

Формирование западногальштатской культуры соответствует становлению кельтов. Эту культуру достаточно надежно можно рассматривать как кельтскую, поскольку она стала генетической основой кристаллизации латенской культуры, принадлежность которой кельтам не вызывает никаких возражений¹¹. Кельты латенского времени уже хорошо известны по описаниям античных авторов. Начиная с Гекатея Милетского (около 500 г. до н. э.) и Геродота (около 450 г. до н. э.), древние авторы немало рассказывают о кельтах — варварском народе, проживавшем первоначально «по ту сторону Альп» и отличающемся от соседних племен языком, обычаями, внешним обликом и политической организацией. Еще в VI—V вв. до н. э., как показывают археологические материалы, кельты появляются на Пиренейском полуострове, а в латенское время расселяются весьма широко — от Британии до Западного Причерноморья. Отдельные группы кельтов проникают на Апеннинский полуостров и в Малую Азию.

Анализ кельтских гидронимов архаических типов (с формантами -briga, -dunum, -magus) показывает, что они в большем числе известны в Галлии и на Иберийском полуострове и в меньшем — в Британии, но полностью отсутствуют в области становления кельтского этноса в бассейнах верхних течений Рейна, Дуная и Роны¹². Очевидно, на прародине кельты пользовались старыми (древнеевропейскими) гидронимами. Только в процессе миграции и освоения новых территорий, когда начала формироваться собственная топонимическая система кельтов, получили распространение водные наименования названных выше типов.

Одновременно с кельтской складывается восточногальштатская культура¹³. Ее ареал включает области Восточной Австрии, Словении, Хорватию, Боснию, Албанию, значительные части Югославии, а также южные районы Венгрии. Формирование восточногальштатской культуры на основе средневропейской этнокультурной общности полей погребальных урн аргументируется достаточными материалами.

---

¹¹ Filip J. Celtic Civilisation and its Heritage. Praga, 1962; Kimmig W. Herkunft der Kelten als historisch-archäologisches Problem // Hommages à Albert Grenier. Collection Latomus. LVIII—2. Bruxelles; Berchem, 1962. S. 884—899; Fischer F. Die Kelten und ihre Geschichte // Die Kelten in Baden-Württemberg; Stuttgart, 1981. S. 45—76; Sprindler K. Die frühen Kelten aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte. Stuttgart; New York, 1986. S. 209—224; Idem. Die frühen Kelten. Stuttgart, 1983.

¹² Rix H. Zur Verbreitung und Chronologie einiger keltischen Ortsnamentypen // Festschrift für Peter Goessler. Stuttgart, 1954. S. 99—107.

¹³ Pittioni R. Urgeschichte des Österreichischen Raums. Wien, 1954; Benac A., Čović B. Glasinac. Sv. I—II. Sarajevo, 1956—1957.

Расселение племен культуры полей погребальных урн в Адриатике привело к смешению их с аборигенными жителями. Субстратные элементы в разных регионах восточногальштатской культуры проявляются и в бытовании ритуала ингумации, и в распространении курганный обрядности, и в керамических материалах, и в женских украшениях.

Исследователи дифференцируют рассматриваемую культурную область на две зоны, в которых этнические процессы могли протекать по-разному. В северной зоне (Австрия, Словения, северные районы Боснии и Хорватии, юг Венгрии) население в большей степени состояло из потомков племен культуры полей погребальных урн. В погребальной обрядности здесь доминировали бескурганные трупосожжения. В южной зоне в генезисе населения раннего железного века доминирующая роль принадлежала аборигенным племенам. Культурное своеобразие автохтонного населения здесь сохранялось и в начале железного века. На основе образований бронзового века в этом регионе сформировалось несколько культурных групп так называемого боснийского гальштата (глазнацкая, далматинская, истрийская, типа Луки, раннелибурская, среднебоснийская, южноалбанская и яподская). Однако полной преемственности между культурными группами позднего этапа бронзового века и культурными областями первого этапа железного века не наблюдается. Расселение носителей культуры полей погребальных урн явно вызвало культурные трансформации и перегруппировки племен.

Сложение восточногальштатской культуры, бесспорно, знаменует становление нового европейского этноса. И большинство ученых достаточно весомо полагают, что это были иллирийцы. Восточногальштатская культурная область вполне соответствует ареалу иллирийских племен, как он реконструируется по материалам топонимики и историческим данным¹⁴. Однако некоторыми исследователями высказана мысль о принадлежности иллирийцам только южной зоны, в которой достаточно отчетливо проявляются местные культурные особенности. Население же приальпийско-дунайских областей отождествляется с паннонцами, известными по античным источникам периода римского императора Августа¹⁵.

¹⁴ Krahe H. Die Sprache der Illyrier. Bd. 1—2. Wiesbaden, 1956—1964; Russu I. J. Illiri: Istoria — limba și onomastica — romanizarea. București, 1969; Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М., 1978. С. 156—167.

¹⁵ Čović B. Die Ethnogenese der Illyrier aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte. Stuttgart; New York, 1986. S. 209—224.

Иллирийский язык не сохранился в живой речи. В реконструкциях лингвистов он представлен двумя разновидностями — балканской и мессапской. Мессапский язык был распространен в юго-восточной части Италии, куда переселилась группа иллирийцев еще в начале железного века. Он отражен в кратких надписях VI—I вв. до н. э. и нескольких глоссах. Балкано-иллирийский язык не зафиксирован письменными памятниками и изучается по довольно многочисленным топонимам, антропонимам и этнонимам, а также по единичным глоссам, дошедшим в сочинениях античных авторов. По данным ономастики, иллирийский язык Балкан и Подунавья членился на диалектные зоны — далматинскую и паннонскую¹⁶. Это дает основание полагать, что выявляемые археологически южная и приальпийско-дунайская области соответствуют диалектным группам балкано-иллирийского языка.

В письменных источниках VI—IV вв. до н. э. иллирийцы упоминаются как собирательное имя родственных племен, заселявших северо-западные области Балканского полуострова и Адриатику (между Дунаем и Македонией). Известны и многие этнонимы иллирийских племен. Имеются сведения о миграции какой-то части иллирийцев на Апеннинский полуостров.

Своеобразная культура иллирийцев сохранялась и в латенское время. Кельты в процессе экспансии на восток не освоили целиком всю иллирийскую территорию. И после культура иллирийцев развивалась на восточногалльштатской основе, хотя и подверглась латенскому влиянию. С 20-х годов III в. до н. э. на земли иллирийцев начинается наступление Рима. Борьба иллирийцев с этой экспансией велась в продолжение двух столетий. К концу I в. до н. э. они были окончательно покорены и постепенно романизированы.

Проникновение племен средневропейской общности полей погребальных урн на Апеннинский полуостров началось в последних веках II тыс. до н. э. и продолжалось в начале I тыс. до н. э. Эти древнеевропейские переселенцы и положили начало формированию итальянского этноса и становлению итальянского языка¹⁷. Приток населения из средневропейского ареала был многократным. Это достаточно отчетливо прослеживается археологическими материалами. Первая волна миграции насе-

---

¹⁶ Krahe H. Die Sprache der Illyrier...; Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. Bd. 1—2. Wien, 1957—1959; Katičić R. Ancient languages of the Balkans. Pt. 1—2. The Hague; Paris, 1976.

¹⁷ Solla G. R. Zur Stellung der Lateinischen Sprache. Wien, 1974.

ления из дунайских земель в Северную Италию связана с культурой террамар (области по течению р. По). На стадии IIb ее развития (конец II — начало I тыс. до н. э.) на смену обряду ингумации приходят трупосожжения на полях погребений¹⁸. Около 900 г. до н. э. в Лациуме, Тоскане и Эмилии складывается вилланова культура¹⁹, принадлежность которой к италикам вне всякого сомнения. Ей предшествовали древности, оставленные носителями культуры полей погребальных урн, элементы которых проявляются в протовиллановой культуре. Начало ей положили племена, вторгшиеся в этот регион с севера, из-за Альп. Многие исследователи отождествляют носителей виллановой культуры с предками умбров и осков. Со средневропейской общностью полей погребальных урн в Северной Италии своим происхождением связана и культура голасекка (900—15 гг. до н. э.). Она занимала часть Ломбардии и Пьемонт²⁰.

Поля погребений выявлены широко по Апеннинскому полуострову и даже в Сицилии. Однако далеко не всюду одержал верх язык нового населения. В начале железного века здесь получили распространение культуры ямных погребений, пиценская (новиляра), апульская и панталика, которые продолжали традиции местных древностей позднего бронзового века. По-видимому, проникшие в их регион небольшие группы древнеевропейского населения растворились в среде аборигенов. Только начиная с V—III вв. до н. э. италийские языки постепенно распространились по всему Апеннинскому полуострову.

В новейшей литературе распространено мнение не о миграции средневропейского населения крупными массами, а о длительном просачивании населения из среднедунайских земель в среду аборигенов Апеннинского полуострова. Согласно Дж. Девото, протолатиняне и предки оско-умбров образовали особые диалектные группы еще в Среднем Подунавье и оттуда небольшими группами постепенно расселялись по материковой Италии и Апеннинскому полуострову среди племен тирренов, лигуров и сиканов²¹.

¹⁸ *Saflung G.* Le terramare delle province di Modena, Regio Emilia, Parmae Piacence. Roma; Lund, 1939.

¹⁹ *Trump D. H.* Central and Southern Italy before Rome. London, 1966. P. 137—144; *Barfield I.* Northern Italy before Rome. London, 1971. P. 104—126; *Pallottino M.* Storia della prima Italia. Milano, 1984.

²⁰ *Barfield I.* Northern Italy... P. 127—136; *Laviosa-Zambotti P.* Le origini della civiltà di Golasecca // *Studia Etruschi*. Vol. IX. Firenze, 1935. P. 371—390.

²¹ *Devoto G.* The languages of Italy. Chicago; London, 1974; *Buti G. G., Devoto G.* Preistoria e storia delle regioni d'Italia. Firenze, 1971.

Археолого-лингвистические заключения находят полное подтверждение в данных антропологии, которая рассматривает италиков как пришлых западноевропейцев. Антропология указывает на значительную инвазию, имевшую место на Апеннинском полуострове где-то на рубеже бронзового и железного веков, и фиксирует взаимодействие между италийской популяцией и автохтонными народами средиземноморского круга²².

Из среднеевропейской культуры полей погребальных урн эволюционировала еще культура эсте в северо-восточных землях Италии — в провинциях Падуа и Венеция²³. Во II тыс. до н. э. эта область была мало заселена, и в начале I тыс. до н. э. здесь расселяются племена из ареала среднеевропейской общности полей погребальных урн — из-за Альп. Ранний период культуры эсте датируется 900—750 гг. до н. э. В это время могильниками служили поля погребений с захоронениями по обряду трупосожжения в небольших грунтовых ямах в глиняных биконических сосудах-урнах. На второй стадии (750—575 гг. до н. э.) оформляется новый обряд — получают распространение продолговатые могильные ямы, обставленные каменными плитами. На последнем этапе (575—183 гг. до н. э.) культура эсте испытывает сильное влияние южных культур, в основном из Болоньи. Ее регион становится одним из крупных центров изготовления бронзовых ситул, часто украшенных фризами с культовыми, охотничьими и боевыми сценами, с изображениями животных, нередко фантастических²⁴. С 183 г. до н. э. область культуры эсте попадает под власть Рима и постепенно поглощается им.

Безусловно, эта культура фиксирует еще одно этноязыковое образование, вышедшее из среды древнеевропейцев. На основании топонимики и исторических данных носители этой культуры надежно отождествляются с венетами, язык которых современная лингвистика выделяет в самостоятельную группу индоевропейской семьи, связанную рядом изоглосс с италийскими, кельтскими, иллирийскими и германскими языками²⁵.

---

²² *Borgognini Tarli S. M., Mazzotto F.* Physical Anthropology of Italy from the Bronze Age to the Barbaric Age // *Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte.* Stuttgart; New York, 1986. P. 147—172.

²³ *Randall Mochver D.* The Iron Age in Italy. London, 1927; *Barfield I.* Northern Italy...

²⁴ *Frey O. H.* Die Entstehung der Situlenkunst. Studien zur figürlich verzierten Toreutik von Este (Römisch-Germanischen Forschungen. Bd. 34). Berlin, 1969.

²⁵ *Krahe H.* Das Venetische. Heidelberg, 1950; *Pellegrini G. B., Prosdocimi A. L.* La lingua venetica. Vol. 1—2. Padova, 1967; *Lejeune M.* Manuel de la langue vénète. Heidelberg, 1974.

Язык венетов зафиксирован в кратких надписях, обнаруженных в античном Агесте (современный Эсте), Винченце, Падуе, Спине, Лаголе, то есть в основном в ареале культуры эсте.

Несомненно и участие племен среднеевропейской общности полей погребальных урн в этногенезе германцев. Известный немецкий археолог начала XX в. Г. Коссина и вслед за ним другие ученые полагали, что с началом формирования германского этноса следует идентифицировать культуры бронзового века Ютландии и Южной Швеции, сложившиеся при взаимодействии местной культуры мегалитических гробниц с пришлой культурой боевых топоров. Некоторые лингвисты (О. Бремер, З. Гутенбруннер, Ф. Маурер и др.), следуя за археологами, склонны были датировать первые этапы глотто- и этногенеза германцев II тыс. до н. э. Однако проследить генетическое автохтонное развитие древностей бронзового века до культуры германцев, описанных Цезарем, не представляется возможным. К тому же определяющие признаки германского языкового единства (первое передвижение согласных, перенесение ударения на начальный слог, образование специфической системы склонения и спряжения) современной лингвистикой датируются временем не ранее середины I тыс. до н. э.²⁶

Древнейшей достоверно германской культурой ныне признается ястрфская, начиная с которой прослеживается преемственность в культурном развитии вплоть до исторических германцев. Датируется она от 600 до 300 г. до н. э., а со стадиями ее развития Рипдорф и Зеedorф доживает до конца I тыс. до н. э.²⁷ Ареал культуры охватывает Ютландию и материковые области Северной Европы от Везера до Одера, включая нижнее и среднее течения Эльбы. Первые вторжения племен среднеевропейской общности полей погребальных урн в этот регион фиксируются еще в конце II тыс. до н. э. Однако до образования ясторфской культуры эта территория оставалась неоднородной в культурном отношении. Здесь выделяется несколько археологических культур — нордийская (влащивская), ниенбургская, домковых урн, халенская и унструцкая, а юго-восточные части рассматриваемого региона принадлежали лужицкой культуре. С начала I тыс. до н. э. в этой области все больше и больше прояв-

---

²⁶ Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л., 1964. С. 39—40.

²⁷ Schwantes D. Die Jastorf-Zivilisation // Reineke Festschrift zum 75. Geburtstag. Mainz, 1950. S. 119ff.; Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Bd. I. Berlin, 1978. S. 83—117.

ляется воздействие древнеевропейцев — носителей культуры полей погребальных урн. Курганный обряд погребений, господствовавший до того в северногерманских землях и Ютландии, уступает место грунтовым могильникам, обряд ингумации постепенно вытесняется ритуалом трупосожжения, и названные элементы обрядности становятся характерными для новообразования — ясторфской культуры. Помимо того, формирование последней сопровождалось временной изоляцией ее ареала от более южных областей: прекратился приток бронзы с юга, и население было вынуждено вернуться к изготовлению орудий труда и бытовых изделий из камня и кости. Таким образом, следует полагать, что становление ясторфской культуры стало результатом консолидации неоднородных местных племен периода поздней бронзы в условиях широкой инфильтрации населения средневропейской общности полей погребальных урн.

На следующем этапе население ясторфской культуры стало получать железо из более южных областей. Установились тесные связи с западно-галльштатской культурой, которая в целом оказала заметное влияние на экономические и социальные процессы, протекавшие в ясторфской культуре.

Некоторые ученые склонны считать прагерманцами небольшую часть племен средневропейской культуры полей погребальных урн, проживавших между Везером и Рейном, где действительно наблюдается непрерывное развитие древностей от позднего бронзового века вплоть до начала нашей эры. Однако думается, что следует согласиться с Х. Беагелем, утверждавшим в этой связи: носителей культуры полей погребальных урн еще нельзя считать германцами, хотя среди их предков, несомненно, были племена общности полей погребальных урн²⁸.

Еще одна этноязыковая группа сформировалась в северо-восточной части ареала средневропейской общности полей погребальных урн. Эта территория, включавшая бассейны Вислы, Одера и верхней Эльбы, не была затронута галльштатским воздействием, и в начале железного века здесь продолжала свое развитие лужицкая культура. Коренным ареалом ее являются западные области Польши (Великопольша, Силезия, Любуская земля и Западное Поморье), смежные регионы Германии (Саксония и Бранденбург) и северные части Чехии и Словакии. Здесь на основе одной их групп культуры курганных погребений (предлужицкой) она и сформировалась. Около 1200 г. до н. э. племена лужицкой культуры рас-

---

²⁸ *Behaghel H.* Die Eisenzeit im Raume des rechtsrheinischen Schiefgebirges. Wiesbaden, 1943. S. 131—133.

ширили свою территорию на восток до водораздела Вислы с Днестром и Днестром²⁹.

Проживало лужицкое население преимущественно на неукрепленных поселениях, состоящих из сравнительно небольшого числа наземных жилищ столбовой конструкции. Устраивались они обычно по берегам рек, иногда на всхолмлениях в их поймах.

В конце бронзового века, в основном уже в эпоху железа, в ареале лужицкой культуры появляются и укрепленные поселения, которые строились на мысовых возвышениях, холмах или приозерных островах. Они невелики по размерам и были защищены валами из глины с деревянными, реже каменными конструкциями внутри. Такие городища были плотно застроены жилыми и хозяйственными сооружениями. Как и на селищах, стены их имели столбовую конструкцию, а изредка устраивались из плетня, обмазанного глиной.

Наиболее изученным является Бискупинское городище, находящееся в 90 км от Познани³⁰. Поселение было устроено на озерном острове, берега которого были укреплены бревнами, вбитыми в несколько рядов в дно. Овальная площадка поселения (около 2 га) была ограждена конструкцией из трех рядов бревенчатых клеток, засыпанных грунтом. С западной стороны имелся воротный проезд, за которым через торфяник был перекинут деревянный мост длиной 120 м.

К оборонительным сооружениям с внутренней стороны примыкала кольцевая улица, вымощенная плахами, а в середине проложено 11 параллельных улиц. Вдоль последних, вплотную друг к другу, стояли однотипные дома размером около 10 x 8 м, с двускатным покрытием и дверями, выходящими на улицы. Каждая постройка делилась на три части: большая жилая комната с очагом, спальное помещение и хозяйственные сени. Строительным материалом были дуб и ель. На поселении проживало около 1000—1200 жителей.

Другие лужицкие городища раскопаны в меньшей степени. Наряду с наземными постройками, на некоторых из них выявлены и полуземляночные жилища с глиняными печами.

---

²⁹ *Malinowski T.* Katalog cmentarzysk ludności kultury łużyckiej w Polsce. T. I—II. Warszawa, 1961; *Coblentz W.* Die Lausitzer Kultur der Bronze- und frühen Eisenzeit Ostmitteleuropas als Forschungsproblem // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. № 12. Berlin, 1971; *Studien zur Lausitzer Kultur*. Warszawa, 1974; *Gedl M.* Kultura łużycka. Kraków, 1975.

³⁰ *Rajewski Z.* Biskupin i jego okolica. 1000 lat historii. Warszawa, 1961; *Idem.* Biskupin. Osiedle obronne sprzed 2500 lat. Poznań, 1966.

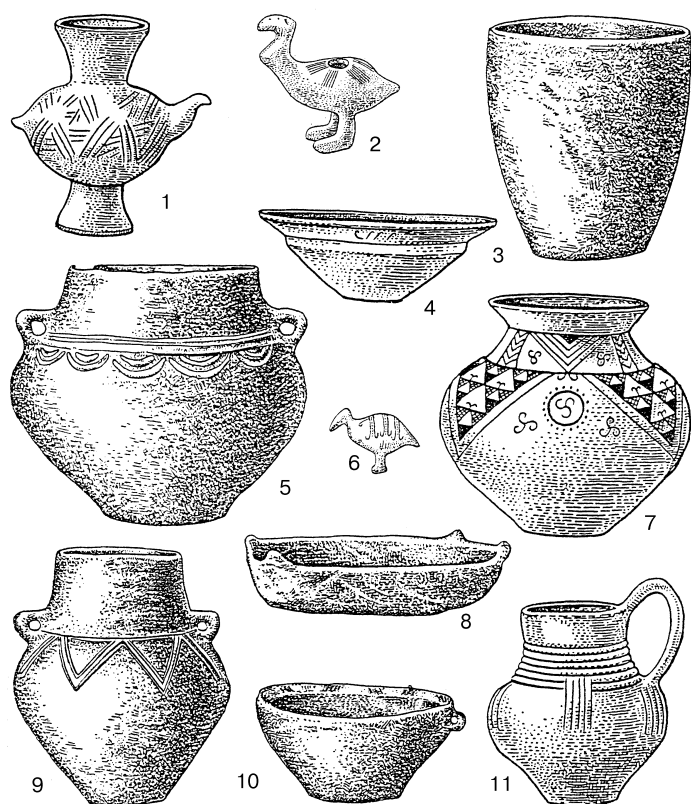
Могильники лужицкой культуры насчитывают по несколько сот захоронений и функционировали столетиями. Так, некрополь в Лясах насчитывал свыше 1800 погребений. Останки трупосожжений, собранные с погребальных костров, хоронились в круглых или овальных ямах. Выделяется три основные разновидности погребений: 1) помещение остатков кремации в глиняных сосудах-урнах, обсыпанных остатками погребальных костров; 2) безурновые захоронения, в которых кальцинированные кости перемешаны с золой и углями; 3) помещение остатков кремации без урн и без остатков погребального костра. В отдельных случаях могильные обставлялись камнями. Погребальные урны иногда покрывались мисками. Изредка встречаются так называемые подклёшевые захоронения — урны в них накрывались большим сосудом, опрокинутым вверх дном.

В некоторых погребениях встречается довольно много различных вещей: глиняные сосуды-приставки, металлические украшения (булавки, браслеты, шейные гривны, пуговицы), бусы из стекловидной массы, хозяйственные предметы (бронзовые шилья, бритвы, рыболовные крючки, удила, псалии, наконечники копий и стрел, ножи). В погребениях поздней стадии появляются железные серпы, ножи, иглы и плоские топоры.

Глиняные сосуды лужицкой культуры характеризуются разнообразием форм и орнаментации (рис. 7). Наиболее распространенными были тюльпановидные и яйцевидные горшки, биконические и выпуклобокие вазы, различные кубки, миски, кувшины, черпаки. Обычны также большие сосуды для хранения припасов, крышки, ложки, погремушки, различные глиняные фигурки. Орнаментировались сосуды шишковидными выступами и горизонтальными желобками.

Основой хозяйства лужицкого населения были земледелие и скотоводство. Возделывались просо, пшеница четырех разновидностей, многорядный ячмень, рожь, горох, чечевица, бобы. На Бискупинском городище найдено два деревянных рала, которыми обрабатывались пахотные земли. Среди домашних животных главное место занимал крупный рогатый скот, затем овцы, свиньи, лошади и собаки.

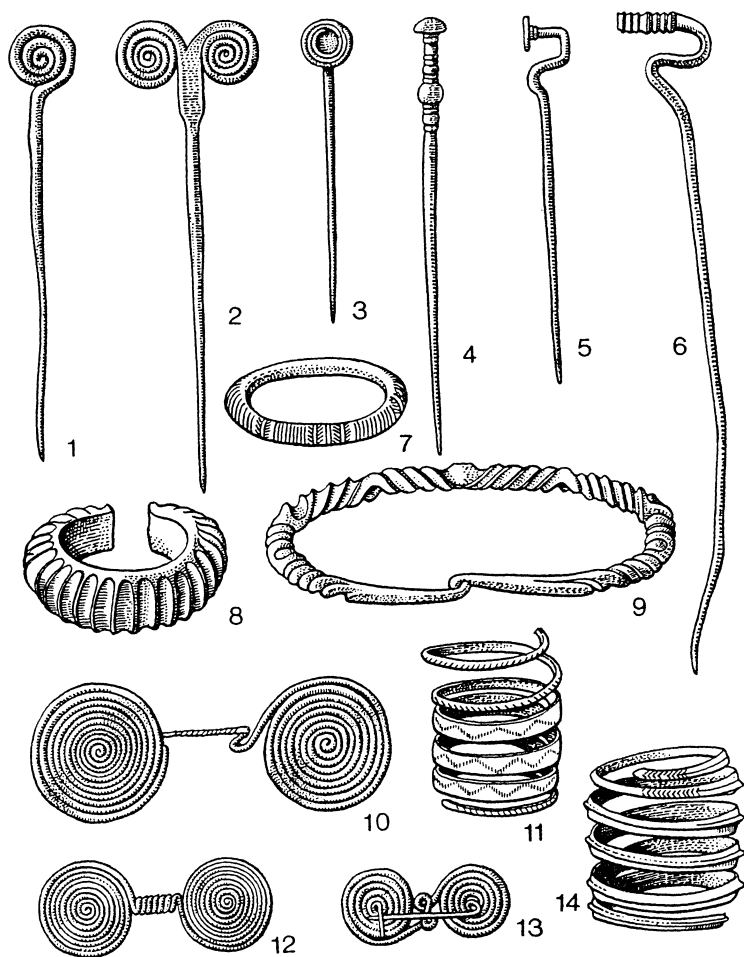
Важную роль в экономике населения лужицкой культуры играло бронзолитейное ремесло, базировавшееся на привозном сырье. Из бронзы изготавливались орудия труда (топоры, серпы, долота, шилья, ножи и другое), предметы вооружения и украшения (рис. 8, 9). Первые изделия из железа были импортированы из Восточноальпийского региона, потом они стали делаться собственными ремесленниками из местного сырья.

Рис. 7. Керамика лужицкой культуры

1 — Польшин; 2, 7 — Вроцлав — Ксенже Вельке; 3, 5, 8—10 — Бискупин; 4 — Валу; 6 — Плешкув; 11 — Хихы — Намуслув.

Лужицкая культура не была единой на всей территории распространения, а ее локальные группы не были стабильными. Так, в начальной стадии эволюции культуры выявляются западнопольская, верхнесилезско-малопольская, константиновская и саксонско-лужицкая группы. В последующий период число их увеличивается, теперь выделяются: нижнесилезская, западновеликопольская, восточновеликопольская, среднепольская, келецкая, тарнобжегская и ульвовекская группы. В позднее время образуются еще бяловицкая, среднесилезская, горицкая, гужицкая, биллендорфская (белинская), чешско-силезская, или силезско-платенская, и моравская группы. Это были неустойчивые культурные образования с неустановившимися границами, которые и дробились, и объединялись при некотором перемещении населения.

Рис. 8. Бронзовые украшения лужицкой культуры

1 — Пискожевицы; 2 — Слуп; 3 — Пжиток; 4 — Гавроны; 5 — Вроцлав — Войтице; 6 — Быстрица (близ Олавы); 7 — Глогув; 8 — Клишув; 9 — Пельжимув; 10 — Гоздница; 11, 14 — Мецше (близ Немыслова); 12, 13 — Кармин.

Не исключено, что эти группы в той или иной степени отражают диалектное многообразие древнеевропейского населения рассматриваемой территории. Как было сказано выше, часть лужицкого населения вместе с некоторыми другими группами древнеевропейцев включились в этногенетический процесс германцев. Допустимо предположение, что языковые особенности, ставшие потом характерными для общегерманского, зарождались в среде древнеевропейского населения, в том числе и части

лужицкого, как, впрочем, и мысль о начальном развитии языковых элементов, характерных для кельтов, италиков, венетов и иллирийцев. Однако выделить протогерманские культурные группы в среднеевропейской общности позднего бронзового века не представляется возможным, поскольку при формировании германцев имели место передвижки населения — область становления ясторфской культуры в значительной части лежит за пределами ареала среднеевропейской культурной общности полей погребальных урн.

Этногенез балтской этноязыковой общности на раннем этапе, судя по археологическим материалам, протекал вне среднеевропейской общности полей погребальных урн. Основу балтов составили племена культуры шнуровой керамики, расселившиеся на территории от юго-восточного побережья Балтийского моря на западе до Среднего Поднепровья и верховьев Оки на юге и востоке³¹.

В позднем бронзовом веке земли, примыкающие с юга к Балтийскому морю, заселили племена лужицкой культуры. Здесь выделяются две группы этой культуры — поморская и вармийско-мазурская, разделяемые нижним течением Вислы. В самом начале железного века в значительной части юго-восточной Прибалтики имел место значительный прилив лужицкого населения, который охватил не только Мазурское Поозерье, но и западные области территории Литвы и Латвии. Здесь распространение шероховатая керамика неизвестных ранее форм, находящая полные аналогии в материалах лужицкой культуры Среднего Повисленья и бассейна Одера³².

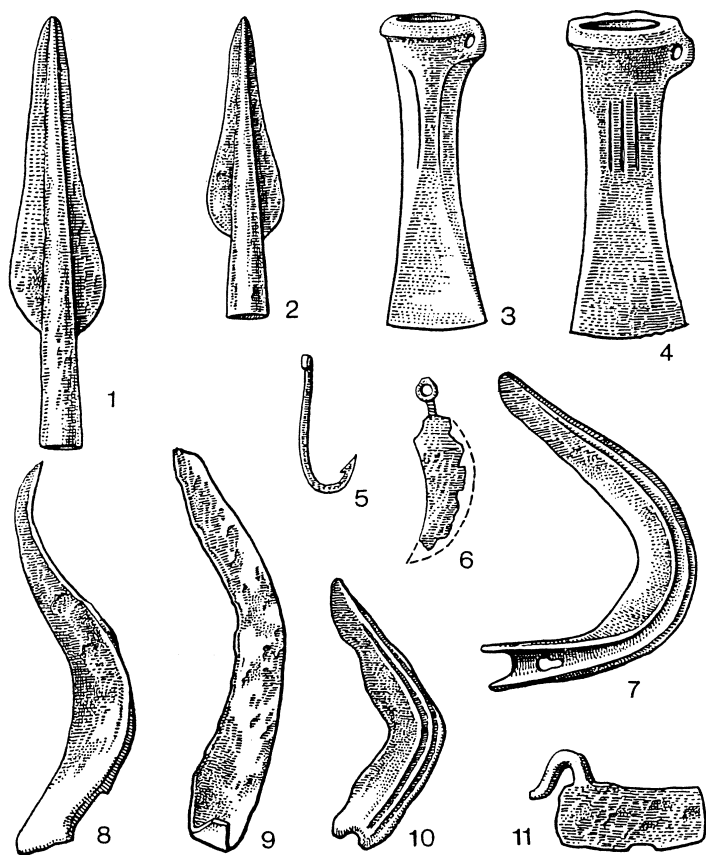
В результате в Восточной Пруссии, Вармии, Мазурии и западной Литве сформировалась культура западнобалтских (или восточнопруссских) курганов³³, в материалах которой отчетливо проявляется лужицкое наследие. Принадлежность ее к западной (пруско-ятвяжско-галиндской) группе балтов не подлежит сомнению, поскольку, начиная с этой культуры, прослеживается линия развития вплоть до достоверных древностей пруссов, галиндов, ятвягов и куршей, документированных раннесредневековыми письменными источниками. Можно довольно определенно утверждать, что в культуре западнобалтских курганов и началось формирование западнобалтской этнической общности — с этого времени развива-

---

³¹ *Sedovs V.* Balti senatnē. Rīga, 1992. 9—29 Psl.

³² *Васкс А. В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига, 1991. С. 115—116.

³³ *Okulicz L.* Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1970.

Рис. 9. Орудия труда и предметы вооружения лужицкой культуры

1, 2 — наконечники копий; 3, 4 — топоры; 5 — рыболовный крючок; 6, 11 — бритвы; 7—10 — серпы.

1 — Неседле; 2 — Езежице; 3 — Вроцлав — Особовице; 4 — Чаркув; 5 — Глиняны; 6 — неизвестное место; 7 — Кармин; 8 — Тжциница Велька; 9, 10 — Ямно под Ченстоховом; 11 — Валув.

ются языковые различия между западными балтами и их другими племенными группировками, которые послужили основой сложения леттолитовских и днепровских племен.

Западнее нижней Вислы, на Кашубской возвышенности в те же столетия складывается поморская культура, этническая атрибуция носителей которой надежно не определена. Ряд исследователей приписывали ее германцам. Основанием для этого послужили встречаемые в погребениях поморской культуры лицевые урны, известные и в Скандинавии. В поль-

ской литературе распространено мнение о славянском этносе племен поморской культуры. Так считали те исследователи, которые допускали славянскую принадлежность и населения лужицкой культуры. Если поморские древности были прямым развитием лужицких, то и носителей тех и других следует отнести к славянам. Есть и третья точка зрения. Еще в 20—30-х годах XX в. Ю. Костшевский обращал внимание на тесную связь культуры западнобалтских курганов и поморской культуры, рассматривая их как две группы единой археологической культуры. В этой связи их носителей нужно считать балтами.

В пользу балтской атрибуции племен поморской культуры (на вельковейском этапе) свидетельствуют три обстоятельства: 1) поморские древности, безусловно, родственны культуре западнобалтских курганов, поскольку они формировались на единой основе эпохи бронзы при участии пришлого лужицкого населения; 2) имеется целый ряд общих элементов (устройство курганов с широким использованием камня и погребальных каменных ящиков, обкладка погребений камнями, наличие коллективных захоронений, многие виды керамики и украшений, орудия труда), свойственных поморской культуре и культуре западнобалтских курганов; 3) распространение поморских древностей в ареале древней балтской гидронимии. Учитывая это, думается, что поморские племена образовывали окраинную диалектную область балтского этноязыкового массива, близкую, с одной стороны, формирующейся западнобалтской общности, с другой — древнеевропейцам — носителям лужицкой культуры. С запада носители поморской культуры вплотную соприкасались с германцами. Лингвистами выявляются сепаратные балто-германские изоглоссы, свидетельствующие о том, что языковые контакты балтов и германцев восходят к более раннему времени, чем славяно-германские. И археология подтверждает это.

В западнобалтском регионе выявлено большое количество гидронимов древнеевропейского типа. В. П. Шмид в этой связи выдвинул гипотезу о балтоцентристской модели становления всего индоевропейского этноса. Возражая ему, О. Н. Трубачев отмечает, что кучность древнеевропейских водных названий на древней балтской территории может рассматриваться не как центр этой гидронимики, а как свидетельство экспансии балтов в эти земли³⁴. Эта мысль находит полное подтверждение в

---

³⁴ *Schmid W. P.* Baltisch und Indogermanisch // *Baltistica*. T. XII. Vilnius, 1976. P. 120; *Idem.* Das Hethitische in einem neuen Verwandtschaftsmodell // *Hethitisch und Indogermanisch*. Innsbruck, 1979. S. 232—233; *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 28.

археологических материалах, только расселялись здесь не балты, а древнеевропейцы. Концентрация древнеевропейских гидронимов выявляется преимущественно в тех областях древнего балтского ареала, где имело место расселение племен лужицкой культуры. В более восточных регионах древнего расселения балтов такие названия вод единичны, и их происхождение объяснимо внутрирегиональными перемещениями балтов в раннем железном веке.

Из среды племен среднеевропейской общности полей погребальных урн вышли также славяне. Северо-восточные области ее ареала не были затронуты гальштатским воздействием, и в землях, включающих бассейны Вислы, Одера и верхней Эльбы, в начале железного века продолжала развитие лужицкая культура. Среди ее носителей были и протославяне, то есть население, говорившее на древнеевропейских диалектах, ставших позднее славянскими.

В VI—V в. до н. э. на земли лужицкой культуры и соседних с ней культур Чехии и Словакии неоднократно совершали набеги скифы³⁵. Среди скифских находок встречается довольно много характерных наконечников стрел, некоторые из них обнаружены в валах лужицких городищ с их внешней стороны. Часть городищ была сожжена или разрушена скифами. На городище Вицин раскопками открыты скелеты женщин и детей, погибших во время одного из набегов. Здесь же найден клад бронзовых украшений последней четверти VI — первой половины V в. до н. э.

Вместе с тем в ареале лужицкой культуры встречается немало скифских украшений, в том числе многочисленные бронзовые височные кольца (есть и в погребениях лужицкого населения), характерные для лесостепных областей Скифии, и предметы, являющиеся произведениями искусства, выполненные в «зверином стиле». Они свидетельствуют о том, что между скифами и среднеевропейским населением существовали и мирные взаимоотношения.

Трудно сказать, отразились ли скифо-лужицкие контакты в славянских языковых материалах. Т. Лер-Сплавинский относил к этому времени проникновение таких иранизмов, как *торогъ*, *богъ* и др., ставших об-

---

³⁵ *Sulimirski T. Kultura łużycka a Scytowie // Wiadomości archeologiczne. T. XVI. Warszawa, 1939—1948. S. 76—100; Idem. Zagadnienie upadku kultury łużyckiej // Slavia Antiqua. T. I. Poznań, 1948. S. 152—162; Bukowski Z. Several Problems Concerning Contacts Lusatian Culture with Scythians // Archaeologia Polona. T. III. Warszawa, 1960. S. 65—88; Idem. The Scythian influence in the area of Lusatian Culture. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977.*

щеславянскими лексемами³⁶. Может быть, такое же происхождение имеют описанные О. Н. Трубачевым лексические иранизмы, свойственные ныне западнославянскому ареалу³⁷.

Польские и чешские археологи полагают, что скифские набеги привели к некоторому упадку лужицкой культуры. Вслед за набегами скифов в висло-одерские области лужицкой культуры началась широкая инфильтрация племен поморской культуры, что и привело к формированию славян, о чем подробнее сказано в следующем разделе.

---

³⁶ *Lehr-Splawiński T.* О pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946. S. 46.

³⁷ *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология*. 1965. М., 1967. С. 3—81.

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СЛАВЯН

Становление славянского этноса

Около 550 г. до н. э. начинается миграция племен поморской культуры на территорию лужицкой культуры. В течение полутора столетий переселенцы из Польского Поморья расселились на значительной части бассейна средней и верхней Вислы и в смежных районах бассейна Одера. Миграция населения поморской культуры на юг была обусловлена вторжением в их земли носителей культуры лицевых урн. Последние представляют собой специально изготовленные для погребений грушевидные глиняные сосуды с натуралистическими или схематическими изображениями человеческого лица. Туловища их украшались геометрическими узорами или различными изображениями (коня, всадника, повозки, сцен охоты и др.). Поверхность урн черная, прочерченные орнаменты заполнялись белой пастой. Крышки имели вид шапки с небольшими полями.

Такие лицевые урны получили распространение наряду с Польским Поморьем в Ютландии, южных регионах Скандинавии и бассейне Эльбы. Более ранние находки подобных урн широко представлены в Этрурии (Италия). В Северную Европу лицевые урны были явно привнесены переселенцами, этнос которых определить не представляется возможным. Материалы поморской культуры свидетельствуют о том, что пришлое население растворилось в среде более многочисленного аборигенного.

Расселение носителей поморской культуры в Висленском и Одерском бассейнах не сопровождалось какими-либо ощутимыми перемещениями местного лужицкого населения. Оно не покидало мест своего проживания. На первом этапе поселения и синхронные им могильники носителей лужицких и поморских древностей сосуществовали на одной территории параллельно. Но очень скоро начался процесс метисации пришлого населения с аборигенами: образуются общие поселения и могильники. Этому способствовали одинаковые хозяйственные уклады, быт и уровни

общественного развития лужицких и поморских племен, их этническая близость.

В той части ареала лужицкой культуры, где расселились переселенцы из Польского Поморья, наблюдается процесс смешения культурных элементов, их нивелировка. Так, в могильниках постепенно уменьшается число коллективных захоронений, что было свойственно обрядности поморской культуры. Доминирующими становятся характерные для лужицкого населения индивидуальные погребения. Постепенно исчезает обычай сооружать для погребений каменные ящики, что было типично для поморской культуры, зато широко распространяется типично лужицкая особенность — захоронения в грунтовых ямах в глиняных урнах или без них. Подобная ситуация смешения выявляется и в развитии керамики, и в металлических изделиях. В погребальной обрядности все большее и большее распространение получает обычай накрывать остатки захоронений крупным колоколовидным сосудом — клёшем (от польского *klosz*). Результатом внутрирегионального взаимодействия лужицкого и поморского населения стало становление нового образования — культуры подклёшевых погребений¹.

Эта культура датируется 400—100 гг. до н. э. Первоначальная территория ее — бассейны среднего и верхнего течения Вислы и притока Одера Варты — ограничена зоной смешения лужицкого и поморского населения. В среднелатенский период ареал культуры подклёшевых погребений расширяется до среднего течения Одера на западе и до западных, окраинных регионов Волыни и Припятского Полесья на востоке. Наиболее восточными памятниками ее являются могильники Млынище близ Владимира Волынского и Дрогичин недалеко от Пинска (рис. 10).

Поселения культуры подклёшевых погребений были неукрепленными. По топографическим особенностям и величине они близки к лужицким. На основе анализа антропологических материалов из могильников польские археологи утверждают, что большинство поселений насчитывали 20—40 жителей. Жилищами были наземные прямоугольные постройки столбовой конструкции, продолжавшие традиции домостроительства

---

¹ *Godzikiewicz M.* Wybrane zagadnienia z badań nad kulturą grobów kloszowych // *Wiadomości archeologiczne*. T. XX. Warszawa, 1954. S. 134—173; *Jadczyk I.* Kultura wschodniopomorska i kultura grobów kloszowych w Polsce środkowej // *Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna*. № 22. 1975. S. 167—194; *Hensel W.* Polska starożytna. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980. S. 352—362.

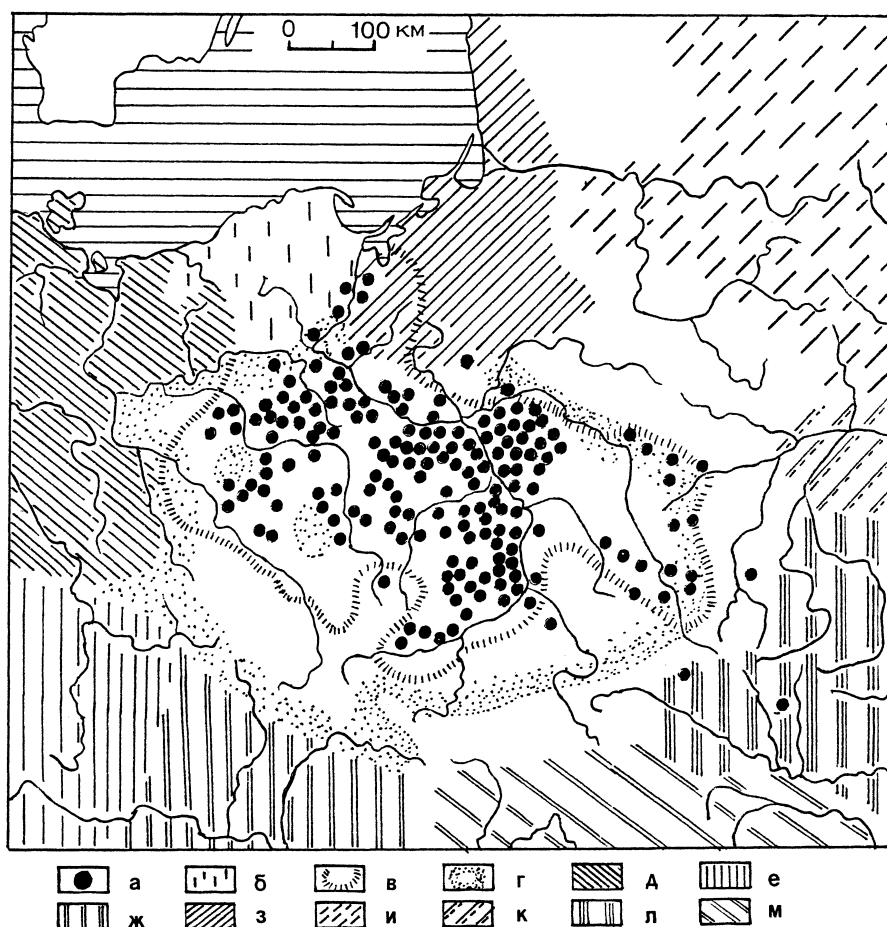

Рис. 10. Становление славянского этноса

а — могильники культуры подклёшевых погребений; **б** — первоначальный регион поморской культуры; **в** — территория расселения племен поморской культуры; **г** — ареал лужицкой культуры; **д** — ясторфской культуры (германцы); **е** — западного гальштата (кельты); **ж** — восточного гальштата (иллирийцы); **з** — западно-балтских курганов (западные балты); **и** — территория восточных балтов; **к** — ареал милоградской культуры; **л** — скифской культуры; **м** — дакийских племен.

лужицкой культуры. Очаги выкладывались из камней и располагались обычно около одной из длинных сторон жилища. Пол был земляным, перекрытие двускатное. На поселении Бжесц-Куявский исследованы и полужемляночные дома подквадратной или прямоугольной формы со сторонами 3—4 м и глубиной котлованов 0,6—1 м.

Могильники культуры подклёшевых погребений бескурганные. Курганы, свойственные поморской культуре, исчезают при формировании новой культуры. Только в северных, окраинных регионах ее ареала изредка население еще продолжало сооружать курганы. Захоронения в грунтовых могильниках совершались по обряду трупосожжения. Собранные с погребального костра остатки кремации умерших помещались в глиняных урнах и прикрывались (далеко не во всех случаях) сосудом больших размеров, опрокинутым вверх дном. Такой ритуал появился еще в лужицкой культуре в периоде IV эпохи бронзы. Тогда это была редкая обрядность, но зафиксирована на широкой территории. В условиях внутрирегионального смешения лужицкого населения с пришлым из земель Польского Поморья этот тип обрядности в силу каких-то причин теперь получил доминирующее распространение, став маркером нового культурно-исторического образования. В коренных землях поморской культуры этого не наблюдается.

Целый ряд могильников лужицкой культуры продолжал функционировать и во время культуры подклёшевых погребений, свидетельствуя о том, что последняя культура была прямым продолжением лужицкой. Одним из таких является некрополь Варшава-Грохув, в котором раскопано 370 могил лужицкой культуры и свыше 20 подклёшевых захоронений².

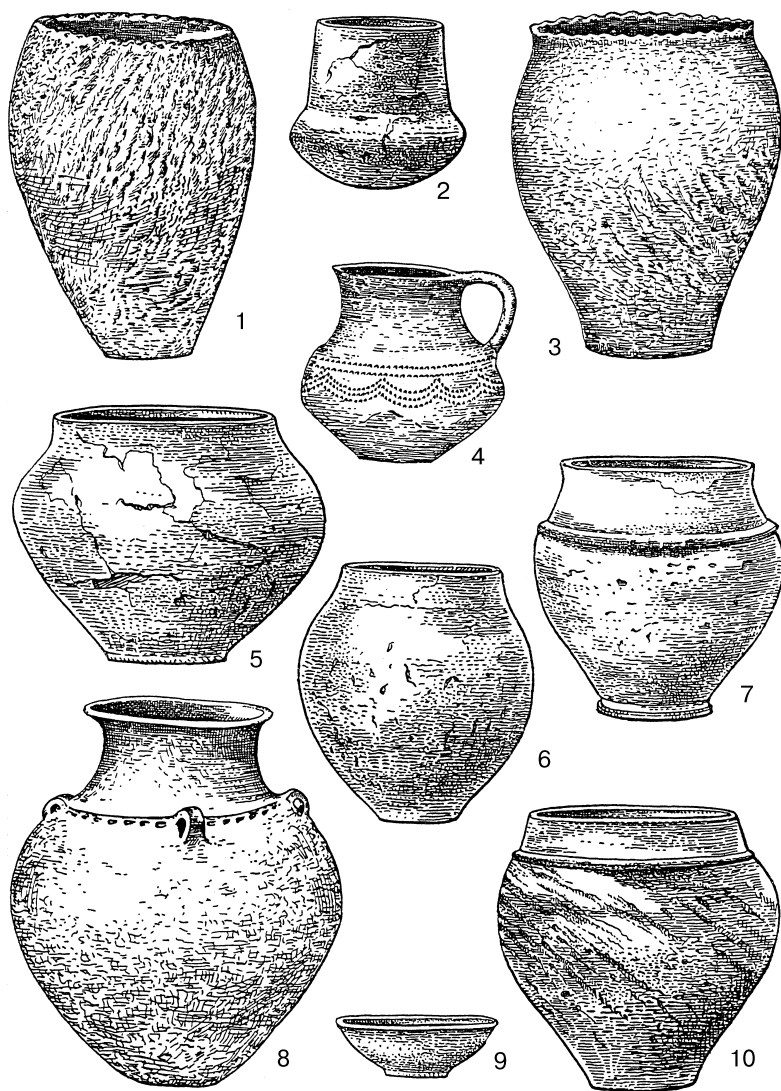
Среди захоронений культуры подклёшевых погребений есть урновые и безурновые. В обоих случаях зафиксирован обычай засыпать кальцинированные кости остатками погребального костра. Иногда погребения обставлялись камнями. При раскопках могильника в Трансбуре близ Минска Мазовецкого, где исследовано 126 погребений, выявлены следы кольев, вбитых вокруг могильной ямы. Исследователи памятника полагают, что над погребениями устраивались домообразные сооружения из тонких стояков и плетневых стен³. В этой связи высказывается предположение, что в древности каждое захоронение на поверхности обозначалось легким деревянным сооружением или небольшой земляной насыпью.

Кроме урн, в погребениях нередко сосуды-приставки. Это, безусловно, лужицкая традиция. Количество приставок обычно — два—три сосуда. Основная часть захоронений культуры подклёшевых погребений безынвен-

---

² Podkowińska Z. Groby podkloszowe w Grochowie, w pow. warszawskim // Księga pamiątkowa ku czesni siedemdziesiątej rocznicy urodzin prof. dr. Włodzimierza Demećtrykiewicza. Poznań, 1930. S. 241—264.

³ Kietlińska A., Miklaszewska R. Cmentarzysko grobów kloszowych we wsi Transbór, pow. Minsk Mazowiecki // Materiały starożytne. T. 9. Warszawa, 1963. S. 255—330.

Рис. 11. Керамика культуры подклёшевых погребений

1 — Шимборзе; 2, 5—7, 9, 10 — Бетоленка Дворска; 3 — Варшава-Грохув; 4 — Сарнувек; 8 — Бжесц.

тарна, в другой вещи, как правило, немногочисленны. Это — металлические булавки, фибулы, кольца и др.

Глиняная посуда культуры подклёшевых погребений отражает синтез лужицкой и поморской культур. Часть керамики является прямым про-

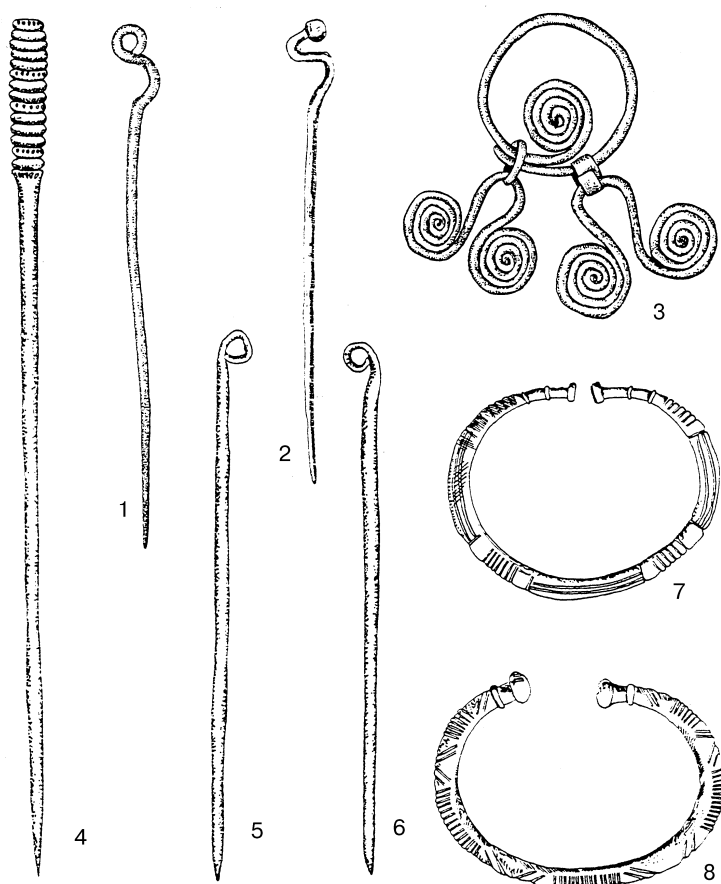
должением лужицкой. Таковы высокие горшки яйцевидной формы, к числу которых принадлежат и сосуды-«клёши», округлобокие сосуды с двумя ушками, амфоровидные сосуды, миски с загнутым наружу краем, ситовидные сосуды, кубки, плоские круглые крышки. Другая часть керамики эволюционировала из поморской посуды — выпуклобокие сосуды с гладким верхом и специально ошершавленным («хруповатым») туловом, которые также употреблялись как «клёши», амфоровидные сосуды с ошершавленной поверхностью, миски с ребристым краем и ушком, кувшины. Бытовали и сосуды, ранее распространенные как в лужицких, так и в поморских древностях, в частности горшки с высокой цилиндрической шейкой. Вся глиняная посуда делалась ручным способом, без применения гончарного круга (рис. 11).

Наследием лужицкой культуры были булавки со спиральными головками и с завершениями, свитыми в ушко. Из поморской в культуру подклёшевых погребений перешли булавки с дисковидными головками, фибулы чертозского типа и единичные находки ковачевичских фибул. Изделия из бронзы представлены преимущественно украшениями (рис. 12).

Металлические предметы в рассматриваемое время изготавливались в основном уже из железа. Среди них к распространенным принадлежат булавки с лебедевидными головками, гвоздевидные и с головками в виде трубчатого ушка. Бытовали также фибулы ранне- и среднелатенских типов, ожерелья из стеклянных бус, бронзовые шейные гривны в виде корон, биспиральные подвески, ранее распространенные в лужицких древностях. В памятниках культуры подклёшевых погребений встречаются также предметы из кости и рога — иглы, проколки, орнаментированные накладки и другое.

Основой экономики населения рассматриваемой культуры были земледелие и скотоводство. Археологами зафиксированы следы плужной обработки почвы, но железных пахотных орудий пока не встречено, очевидно, они были целиком деревянными. Возделывались просо, пшеница, ячмень, горох, бобы, лен. Раскопками выявлены также следы занятий рыболовством, охотой и собирания лесных плодов.

Имеются все основания относить население культуры подклёшевых погребений к славянскому этносу. Начиная с этой культуры прослеживается преемственность в эволюционном развитии древностей вплоть до достоверно славянских раннего средневековья. Таким образом, период формирования и развития рассматриваемой культуры был этапом становления славянского этноса. Древнеевропейское население Висло-Одерского бассейна в это время в условиях внутрирегионального взаимодействия с

Рис. 12. Бронзовые украшения культуры подклешевых погребений

1—5 — булавки; 6 — привеска; 7, 8 — браслеты.

1, 3—5, 7, 8 — Кетж; 2 — Трансбур; 6 — Бжесц.

племенами поморской культуры становилось славянским. А. Мейе, отмечая, что причины, вызывавшие в древности языковые новообразования в среде индоевропейцев, еще слишком мало изучены, относил к числу таковых смешение индоевропейских племен с племенами, говорившими на иных языках. В качестве примера ученый приводил греческий язык⁴.

Концепция А. Мейе о лингвистической дифференциации как результате внешнего импульса со стороны субстрата подверглась критике и дей-

⁴ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 416—419, 441—442.

ствительно не может быть всеобъемлющей. Вместе с тем из критики не следует, что мысль этого лингвиста должна быть полностью отвергнута, а при учете археологических данных в исследуемом случае оказывается вполне приемлемой.

А. Мейе подчеркивал, что славянский язык — это индоевропейский язык архаического типа, словарь и грамматика которого не испытали потрясений⁵. Основанное на современных археологических материалах заключение о становлении славян в условиях внутрирегионального взаимодействия северо-восточных групп древнеевропейского населения, представленного лужицкой культурой, с расселившимися на той же территории племенами поморской культуры, атрибутируемыми как периферийные балты или как носители промежуточных окраиннобалто-древнеевропейских диалектов, нисколько не противоречит каким-либо лингвистическим данным.

Культура подклёшевых погребений соответствует этапу становления и начального развития праславянского языка. В это время язык славян только что начал самостоятельную жизнь, постепенно вырабатывались собственная языковая структура, отличная от других индоевропейских структур, и своя лексика. Время культуры подклёшевых погребений, по периодизации Ф. П. Филина, — первый этап эволюции праславянского языка. Характеризуя его, исследователь отмечал, что в это время новообразования коснулись и области гласных (ослабление роли лабиализации), и характера количественных и качественных чередований, и изменения древних ларингальных звуков, и некоторых перемен в системе согласных и грамматики. Не исключено, заключал Ф. П. Филин, что «истoki многих новообразований были заложены еще до окончательного выделения общеславянского языка из древних индоевропейских диалектных группировок»⁶. Выделение праславянского языка из древнеевропейского было, очевидно, продолжительным процессом. Его начало, по всей вероятности, относится к диалектам племен лужицкой культуры, а завершающий этап — к периоду культуры подклёшевых погребений.

Область распространения этой культуры соответствует тем географическим особенностям, которые характеризуют лексические данные праславянского языка — наличие многочисленных слов, относящихся к обозначению лесной растительности и обитателей лесов, озер и болот при отсутствии терминов, обозначающих специфику морей, горных и степ-

---

⁵ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 14, 38, 395.

⁶ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 101—103.

ных местностей. Славянская прародина, или регион становления праславянского языка и этноса, согласно лексическим материалам, находился в лесной, равнинной местности с наличием озер и болот, в стороне от моря, горных хребтов и степных пространств⁷.

Данные сравнительно-исторического языкознания также соответствуют локализации ранних славян в ареале культуры подклёшевых погребений.

Как свидетельствует лингвистика, ранние славяне находились в тесных соседских контактах прежде всего с носителями западнобалтских диалектов⁸. Материалы археологии отчетливо свидетельствуют, что, действительно, ближайшими соседями славян — носителей культуры подклёшевых погребений были западные балты и отношения с ними были весьма тесными. Об этом говорят нередко встречаемые в памятниках культуры западнобалтских курганов глиняные сосуды, напоминающие лужицко-подклёшевые, а также орудия труда и украшения, весьма близкие двум культурам. Некоторые металлические изделия (втульчатые топоры, массивные шейные гривны, браслеты и др.) были одинаково характерны как для культуры подклёшевых погребений, так и для западнобалтских курганов. Еще более тесная связь выявляется между культурой подклёшевых погребений и древностями Польского Поморья. Территории их разделяла переходная полоса, в которой сочетались элементы той и другой культур. Отдельные подклёшевые погребения, обнаруживаемые в Нижнем Повисленье, как и поморские захоронения в ареале культуры подклёшевых погребений говорят о некотором взаимопроникновении славянского и периферийно-балтского населения. В бассейне Припяти ближайшими соседями славян были племена милоградской культуры (территории их не соприкасались, а разделены были незаселенным пространством), определение этнической принадлежности которых вызывает непреодолимые трудности. Скорее всего, это была также одна из группировок периферийных балтов.

На втором месте по значимости были ранние славяно-германские языковые контакты. Германские племена, представленные ясторфской куль-

---

⁷ Будилович А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян. Ч. I—II. Киев, 1878—1882; Филин Ф. П. Образование языка восточных славян... С. 110—123.

⁸ Топоров В. Н. К реконструкции древнейшего состояния праславянского // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1988. С. 264—292; Zepes V. Is Slavic a West Baltic Language // General Linguistics. Vol. 24. N. 4. P. 213—222.

турой, были непосредственными северо-западными соседями славян — носителями культуры подклёшевых погребений. Контакты между этими этносами осуществлялись как непосредственно, так и через посредничество племен поморской культуры. Об этом ярко свидетельствует множество предметов (булавки с лебедеобразными головками, с головками, свитыми в ушко, чертозские и ковачевичские фибулы, двуухие сосуды и др.), получивших более или менее равномерное распространение в ареалах трех названных культур. В окраинных регионах ясторфской культуры встречаются сосуды с шероховатой поверхностью, широко бытовавшие в культуре подклёшевых погребений. Наоборот, из ясторфской в земли культуры подклёшевых погребений в результате контактов проникли кувшины с широким ухом и покрывки специфического облика.

Ко времени соседского взаимодействия населения культуры подклёшевых погребений и ясторфской относится исследованное В. Кипарским и В. В. Мартыновым славяно-германское лексическое взаимопроникновение древнейшей поры.

Территория культуры подклёшевых погребений на юго-востоке подступала к скифскому археологическому ареалу. Единичные памятники этой культуры выявлены на его западной окраине. Однако археологические материалы не дают никаких оснований говорить о тесных взаимодействиях славян с ираноязычным миром в рассматриваемое время. Никаких элементов скифского происхождения в памятниках культуры подклёшевых погребений не обнаруживается, как не ощущается и обратного культурного влияния. Это не противоречит и данным языкознания.

На юге и юго-западе соседями славян — носителей культуры подклёшевых погребений — в первое время были племена лужицкой культуры Малопольши, Силезии и Любусской области, не затронутые миграцией поморского населения. Нужно полагать, что это были племена, говорившие еще на древнеевропейских диалектах. Южнее, за Карпатскими горами находился обширный ареал фракийских племен. Языковые и археологические материалы свидетельствуют, что ранние славяне не контактировали с фракийцами.

Этноним *славяне* появился не сразу с момента выделения этого этноса. Формирование этноса и рождение этнонима — часто явления не одновременные. О. Н. Трубачев в этой связи замечает, что появлению этнонима обычно «предшествовал длительный период относительно узкого этнического кругозора, когда народ, племя в сущности себя никак не называют, прибегая к нарицательной самоидентификации ‘мы’, ‘свои’, ‘наши’, ‘люди’ (вообще)». И далее исследователь пишет: «... ‘своих’ объединяла в

первую очередь взаимопонятность речи, откуда правильная и едва ли не самая старая этимология имени славян — от слыть, слову/слыву в значении ‘слышаться, быть понятным’»⁹.

Германцы — носители ясторфской культуры были непосредственными соседями племен — носителей лужицкой культуры, сохранившейся в начале железного века в Силезии и Любуской земле, то есть еще древнеевропейцев, которые, весьма вероятно, именовали себя древнеевропейским этнонимом венеты/венеды. Этот этноним и был перенесен германцами на формирующийся славянский этнос.

Славяне и кельты

Около 400 г. до н. э. начинается мощная экспансия кельтов. Из рейнских и верхнедунайских земель они несколькими потоками устремились на восток (рис. 13). К середине IV в. до н. э. кельты освоили Среднее Подунавье, а в начале следующего столетия вторгаются на Балканский полуостров в земли, заселенные иллирийскими и фракийскими племенами. Кельтская миграция продолжалась и в первой половине III в. до н. э., кельты осели в Нижнем Подунавье, а отдельные группы их достигли верхнего Днестра. В процессе расселения кельты легко смешивались с местным населением, но всюду распространялась латенская культура кельтов¹⁰.

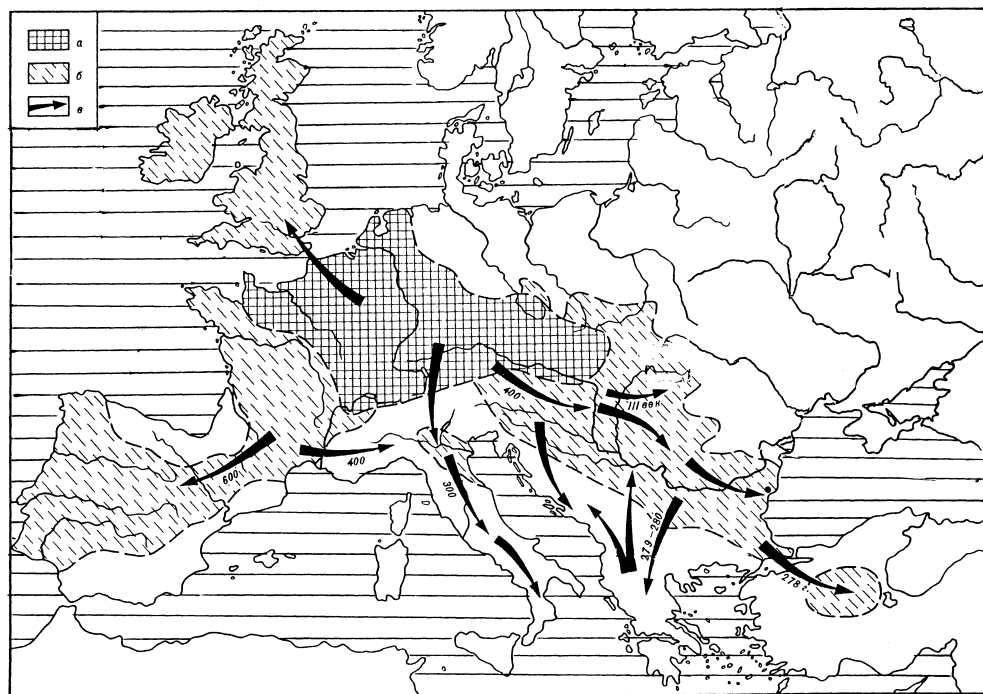
В начале III в. до н. э. часть кельтов пересекла Судеты и, оторвавшись от основного их массива, поселилась на плодородных землях Силезии. Во II в. до н. э. другая группа кельтов преодолела Карпаты и разделилась на две части. Часть кельтов продвинулась в Силезию и осела среди ранее пришедшего сюда кельтского населения, другая группа их расселилась в верхнем течении Вислы, среди проживавшего здесь славянского населения, представленного культурой подклёшевых погребений¹¹. Так

---

⁹ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 90.

¹⁰ Filip J. Keltové ve Střední Evropě. Prag, 1956; *Idem*. Die keltische Zivilisation und ihr Erbe. Prag, 1961; *Todorović J.* Kelti u Jugoistočnoj Evropi. Beograd, 1965; *Szabo M.* Auf den Spuren der Kelten. Budapest, 1971; *Schlette F.* Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Leipzig; Jena; Berlin, 1980.

¹¹ Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970; *Czerska B.* Sur problématique de l'habitat celtique en Haute Silésie // *Archaeologia Polona*. T. 12. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1970. S. 297—320.

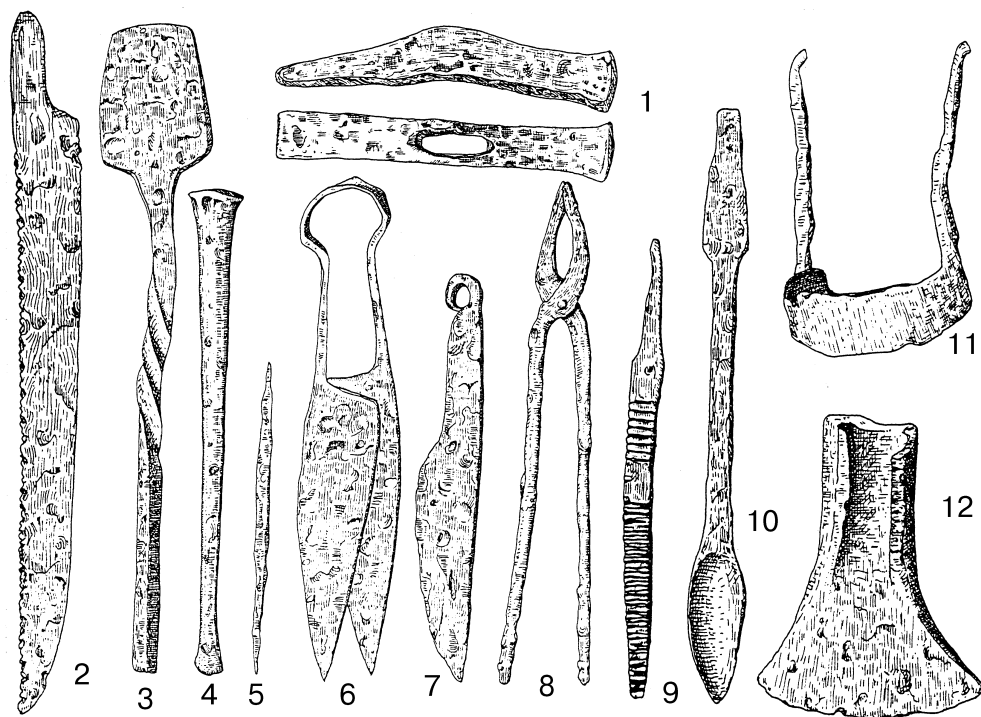
Рис. 13. Расселение кельтов

а — ареал кельтов в начале железного века; **б** — территория расселения кельтов и распространения кельтской культуры; **в** — направления движения кельтов.

начался период активного кельто-славянского взаимодействия, оставившего заметный след в истории, культуре и языке славян.

Кельтами была создана яркая культура латена (от названия поселения Ла Тен у Невшатальского озера в Швейцарии). Общая датировка ее V—I вв. до н. э. Этот период исследователями подразделен на несколько фаз: ранний латен (фаза 1а — 450—400 гг. до н. э.; 1б — 400—300 гг.; 1с — 300—250 гг.), средний латен (фаза 2а — 250—150 гг.; 2б — 150—75 гг.), поздний латен (фаза 3 — 75 г. до н. э. — начало нашей эры).

Исключительный вклад был внесен кельтами в европейскую металлургию и металлообработку. Эти отрасли латенской культуры, по существу, стали основой развития всей последующей металлургии Центральной Европы. Раскопками открыты крупные производственные комплексы кельтов, в которых было сосредоточено множество сыродутных железоделательных горнов. Высоок был уровень и кузнечного ремесла кельтов. В их опидумах кузнечный инструментарий насчитывает более 70 видов.

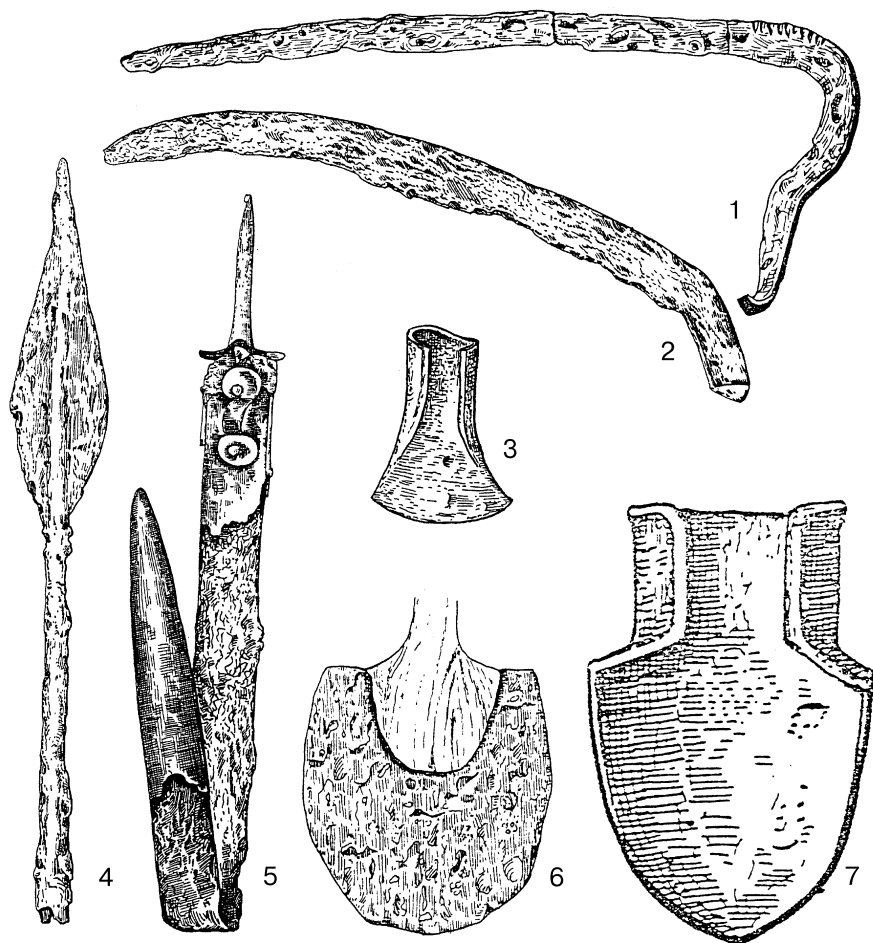

Рис. 14. Орудия кельтских ремесленников (Манхинг, Бавария)

1 — молоток; 2 — пила; 3 — лопатка; 4 — долото; 5 — шило; 6 — ножницы; 7 — нож; 8 — кузнечные клещи; 9 — напильник; 10 — сверло; 11 — скобель; 12 — тесло.

Это различные наковальни, предназначенные для кузнечного дела, слесарных работ и обработки ювелирных изделий; молоты-кувалды и молоты-ручники; клещи разных размеров и щипцы; зубила, пробойники, напильники и др. Кельтские ремесленники владели технологией науглеродивания, закаливания, сварки железа и стали. Кельтский мир знал множество разнообразных железных орудий — плужные лемехи, бороны, косы, топоры, тесла, скобели, пилы, молотки, напильники и рашпили, сверла со спиралевидной нарезкой, ножницы, кочергу и др. Кельтам Европа обязана также дверными замками и ключами. Развитой отраслью кельтского ремесла было и производство железного оружия (рис. 14, 15).

Кельтские мастера добились больших успехов в технике бронзолитейного и ювелирного производств (рис. 16). На поселениях кельтов имелись крупные мастерские, в которых работали высококвалифицирован-

Рис. 15. Орудия труда и оружие кельтов

1 — серп; 2 — коса; 3 — наконечник копья; 4 — меч; 5 — топор; 6 — лопата; 7 — наральник.

1, 5—7 — Манхинг; 2 — Нова Гута под Краковом; 3 — Собоциско; 4 — Варшава—Жерав.

ные ремесленники. Они умели готовить различные виды сплавов цветных металлов, знали совершенные приемы литья иковки их. Широко применялись различные методы инкрустации, позолоты и серебрения. Развито было и изготовление изделий из золота — диадем, налобных венчиков, браслетов и других предметов. Кельты создали большое разнообразие фибул, широко применявшихся для застегивания одежды и слу-

Рис. 16. Ювелирные изделия кельтов из памятников территории Польши

1 — шейная гривна; 2, 4—9 — браслеты; 3 — фибула.

1 — Собоциско; 2, 3 — Мокрые Гурны; 4, 5 — Головнин; 6 — Жерники Вельке; 7 — Кухары; 8 — Свойкув; 9 — Кетж-Леги.

живших украшениями. Во II в. до н. э. в латенской среде наступил расцвет эмальерного дела. Красная эмаль становится излюбленным элементом кельтских изделий.

Кельтские ремесленники достигли успехов и в деревообработке. В среднем латене был изобретен токарный станок. Из дерева изготавливались транспортные средства (телеги, корабли), мебель, различные бытовые

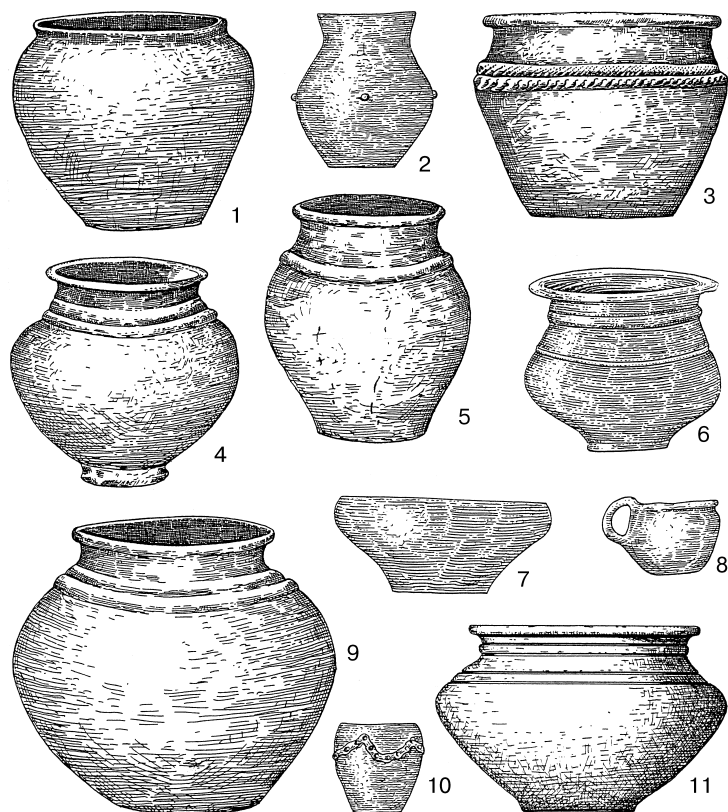
предметы, в том числе весьма распространенные сосуды для хранения жидкостей, и даже обувь (сандалии). Славилась кельтские ремесленники также обработкой кожи и изготовлением из нее различных изделий для бытовых нужд, снаряжения коня и воинов.

Высокоразвитым было и кельтское гончарное производство. Гончарный круг появился и распространился у кельтов в V—IV вв. до н. э., и вскоре в изготовлении глиняной посуды они достигли технического совершенства (рис. 17). Высокому качеству глиняной посуды способствовали совершенные гончарные горны с обширной топкой, тепловыми каналами и колосниками с круглыми отверстиями. На территории кельтов образовались крупные специализированные поселки гончаров, изделия которых распространялись по обширным регионам.

Ведущими формами латенской керамики были горшки, миски и мискообразные сосуды, выделяющиеся красивыми формами. Они имели светло-серую лощеную поверхность и нередко украшались геометрическими узорами. Со II в. до н. э. заметное место в керамике кельтов заняла посуда с примесью графита в тесте, а также ведеркообразные сосуды с расчесами в виде неглубоких вертикальных желобов по всему тулову. На кельтских оппидумах встречаются также тонкостенные сосуды с росписью белой и красной краской и с геометрическими узорами.

Развито было у кельтов и стеклоделие. В период раннего латена широкое распространение получили желтые стеклянные бусы с круглыми белыми и синими глазками. Позднее их сменили синие бусы с белыми глазками, а в конце латенской эпохи широко бытовали крупные молочно-белые кольцевидные бусы. Большим количеством в кельтских коллекциях представлены стеклянные браслеты различных расцветок. При стекловарении мастера использовали примесь различных металлов или костной муки, что придавало стеклу разнообразную окраску.

Начиная с V в. до н. э. в кельтском мире развивается художественное ремесло, продукцией которого стали замечательные произведения искусства. Художественные изделия, вырабатываемые кельтскими мастерами, первоначально основывались на иноземных образцах, но переосмысливались в соответствии с местными традициями и мифологическими представлениями. Среди высокохудожественных произведений кельтов можно назвать лицевые человеческие маски, увенчанные двулиственными коронами; золотые торквесы (шейные гривны) с пластинчатыми изображениями человеческих голов, львиных масок, сфинксов, щедро орнаментированные гравировкой или инкрустацией; бронзовые кувшины с ручками, оформленными в виде голов человека или зверей; золотые браслеты и другое.

Рис. 17. Кельтская керамика из памятников Польши и Украины

1 — Вилкув; 2, 7, 8, 10 — Галиш-Ловачка; 3 — Мокрые Гурны; 4 — Свойкув; 5 — Силезия; 6 — Куштановица; 9 — Рацибуж-Оцице; 11 — Западная Украина.

Любовь кельтов к украшениям и ярким краскам проявилась и в роскошной орнаментации оружия, столовой посуды и повозок.

Известна и кельтская каменная скульптура, связанная в основном с их культовыми местами. При исследованиях последних были обнаружены четырехугольные столбы с вытесанными изображениями богов в виде мужских и женских голов, голов птиц, двухголовых людей и др. Многочисленные изображения голов, согласно религии кельтов, символизировали умерших воинов и героев. Большую роль в культовом ритуале кельтов играли маски. Обычно они изготавливались из бронзы, в позднем латене — из железа, и повторяли несколько стилизованное человеческое лицо. Иногда маски насаживались на деревянные столбы, а в глазные впадины помещали вставки из стекла, эмали или полудрагоценных камней.

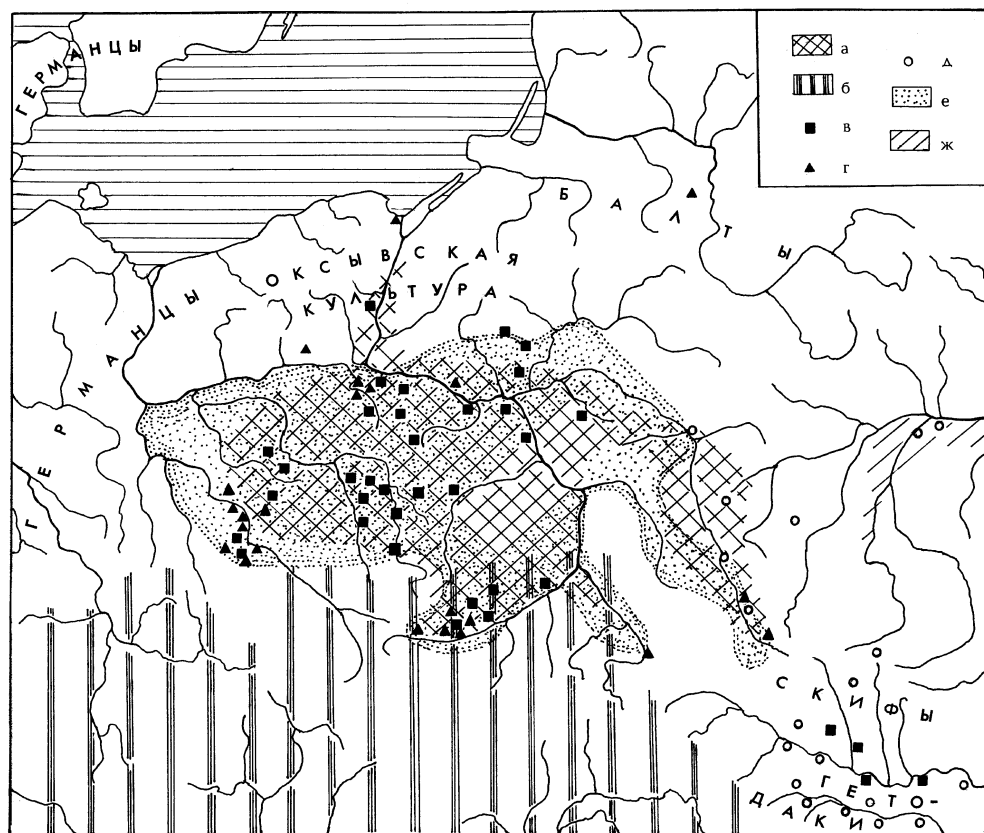
Основным занятием кельтов были земледелие и животноводство. Для обработки пашен применялся плуг с железными лемехами. В позднем латене появился колесный плуг с череслом и отвалом для переворачивания пахотной земли. Таким плугом можно было обрабатывать тяжелые почвы. Тянули такой плуг несколько волов. Кельтам были известны прогрессивные методы земледелия, применялись удобрения и известкование почв, что давало значительные урожаи. Орудиями уборки урожая были серпы и косы. Возделывались пшеница, ячмень, овес, рожь, культивировались также репа, свекла, лук, конопля и др. Зерно мололи ручными мельницами, которые в Европе появились только в латенское время. На смену зернотеркам пришли каменные жернова. Для хранения припасов вблизи домов устраивались зерновые ямы, которые часто облицовывались во избежание сырости плетенкой. Разводили главным образом свиней, крупный рогатый скот, овец и лошадей. Распространена была и охота на диких зверей.

Экономическое развитие кельтского общества потребовало чеканки собственных монет. Ранние монеты подражали македонско-греческим, затем изображения на монетах стилизуются и превращаются в геометризированные рисунки. Со II в. до н. э. монеты чеканились из золота и серебра, реже из меди и бронзы во многих пунктах обширного кельтского ареала. На них изображались лошади с человеческой головой, или реалистические, или фантастические животные. В разных областях они были своеобразными, отражая племенные особенности кельтов.

Поселения кельтов, осевших в Силезии и Малопольше, как показали раскопочные изыскания, делятся на две группы. Более крупные из них насчитывали 15—20 домов и имели около сотни жителей. Большинство же селений были небольшими — из 4—10 жилых построек. Это были наземные или полужемляночные срубные строения площадью от 12 до 24 кв. м, стены которых обмазывали глиной и нередко раскрашивали белыми и красными полосами. На нескольких селищах изучены остатки гончарных печей и железоплавильных горнов.

Кельтские могильники Силезии — бескурганные, преимущественно с захоронениями по обряду трупоположения. Умерших клали в могильные ямы в вытянутом положении головами к северу. В погребениях встречается много вещей: глиняные сосуды, украшения, орудия труда и предметы вооружения.

В Силезии на горе Шленжа находился один из крупных культовых центров кельтов. До настоящего времени здесь сохранились круги, выложенные из камней, каменные изваяния и различные камни со знаками.

Рис. 18. Становление пшеворской культуры

а — ареал культуры подклёшевых погребений; **б** — территория расселения кельтов; **в** — памятники с несколькими находками кельтских изделий; **г** — памятники с находками кельтских монет; **д** — единичные находки кельтских предметов; **е** — ареал пшеворской культуры в период латена; **ж** — область зарубинецкой культуры.

Согласно демографическим подсчетам польских археологов, на рубеже III и II вв. до н. э. в Силезии в регионе Вроцлава проживало около 5000 кельтов. В Малопольше в среднем латене насчитывалось не менее 3000 кельтов, а в позднем латене число их достигло 5500.

Славяно-кельтские контакты не ограничились регионом верхней Вислы. Очень скоро между кельтским миром и славянами налаживаются довольно тесные взаимоотношения. На территорию культуры подклёшевых погребений поступают многочисленные кельтские изделия. Это

бронзовые фибулы, в том числе весьма характерные для кельтов духцовского и мюнсингенского типов; браслеты с полушаровидными утолщениями; браслеты, украшенные тройными шишечками; различные поясные принадлежности; наконечники копий латенского облика; железные топоры с четырехгранной втулкой. Они встречены как на поселениях, так и в погребениях культуры подклёшевых погребений III—II вв. до н. э. В одном из захоронений могильника Варшава-Жеранка найден кельтский меч. На славянской территории обнаружено и немало золотых и серебряных кельтских монет.

Наиболее мощное кельтское воздействие на развитие культуры подклёшевых погребений приходится на II в. до н. э. Постепенно оно активизируется, и к концу этого столетия культура трансформируется в новую, получившую наименование пшеворской (по большому могильнику близ г. Пшеворска на юго-востоке Польши, раскопанному еще в начале XX в.). Становление новой культуры обусловлено прежде всего инфильтрацией кельтского населения в земли, заселенные славянами (рис. 18). Пшеворская культура, как подметил К. Годловский, появляется прежде всего в регионах, подвергшихся наибольшему влиянию со стороны латенской культуры, тогда как в местностях, не затронутых этим воздействием, некоторое время еще продолжали функционировать поселения и могильники культур подклёшевых погребений и поморской¹². Постепенно пшеворская культура распространилась по всему ареалу культуры подклёшевых погребений, а затем и вышла за его пределы. На западе в территорию этой культуры вошли области по течению Одера, где прежде проживали кельты, а в последнем столетии до н. э. и верхнее течение Вислы. К концу II в. до н. э. перестают функционировать собственно кельтские поселения и могильники в Силезии, в конце I в. до н. э. и на остальной части Польши. Таким образом, кельты, расселившиеся в землях севернее Карпат, были полностью ассимилированы славянами. В Малопольше известен целый ряд кельтско-пшеворских памятников, отражающих этап ассимиляции кельтского населения.

Поселения пшеворской культуры во всех отношениях тождественны предшествующим, одинаковы и топографические условия их расположения. Польские археологи отмечают, что скопления поселений подклёшевой и пшеворской культур образуют единые микрорегионы, и видят в этом один из показателей непрерывности населения и развития древно-

---

¹² *Godłowski K. Okres lateński w Europie // Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. T. IV. Kraków, 1977. S. 163.*

стей. Захоронения пшеворской культуры нередко расположены на могильниках культуры подклёшевых погребений, свидетельствуя о том, что смены населения при становлении новой культуры не было.

Все могильники пшеворской культуры бескурганые и включают многие десятки, а нередко и сотни захоронений по обряду кремации умерших. Остатки трупосожжений, совершаемых на специальных погребальных кострах, или ссыпались непосредственно в могильные ямы, или помещались в ямы в глиняных урнах. Распространенность в пшеворской культуре безурновых захоронений с остатками погребального костра и фрагментами обожженной керамики является безусловным наследием культуры подклёшевых погребений.

Количество урновых захоронений позднелатенского периода в пшеворских могильниках невелико, что также принадлежит к традиции культуры подклёшевых погребений. Однако теперь остатки трупосожжений не накрывались, как прежде, опрокинутыми вверх дном сосудами. Раскопками открыты могильники переходного периода, содержащие и захоронения культуры подклёшевых погребений, и пшеворские могилы. Таковым, в частности, является некрополь Бодзаново в окрестностях Александрува Куявского, в котором выявлены и подклёшевые, и раннепшеворские захоронения, сопровождавшиеся однотипными сосудами-кружками¹³. Подобные могильники исследовались и в других местах¹⁴.

Кельты в процессе ассимиляции и метисации сменили обряд трупоположения, свойственный им, на славянский. В могильниках пшеворской культуры Силезии и междуречья Варты и Вислы лишь изредка встречаются захоронения по обряду ингумации, сопоставимые по всем деталям с собственно кельтскими¹⁵.

Значительная часть глиняной посуды пшеворской культуры наследует местные традиции культуры подклёшевых погребений. Вместе с тем своеобразный облик пшеворской культуре придает иная группа керамики, откровенно подражающая кельтской посуде. Ее составляют: а) горшки стройных форм с сильно выступающими округлыми плечиками с лощеной поверхностью; б) горшкообразные сосуды, верхние части которых имеют рельефные горизонтальные валики; в) сосуды с раздутым туловом,

---

¹³ Zielonka B. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Lachmirowicach w pow. Inowrocławskim // *Przegląd archeologiczny*. T. IX. Poznań, 1951. S. 353—386.

¹⁴ Musianowicz K. Halszacko-latenskie cmentarzysko w Kacicach, pow. Pułtusk // *Wiadomości archeologiczne*. T. XVII. Z. 1. Warszawa, 1950. S. 25—45.

¹⁵ Potocki J., Woźniak Z. Niektóre zagadnienia związane z pobytem Celtów w Polsce // *Sprawozdania archeologiczne*. T. VIII. Warszawa, 1969. S. 81—98.

аналогичные кельтской расписной керамике; г) сосуды с угловатыми плечиками, подражавшие кельтской графитированной посуде; д) слабопрофилированные сосуды с граненым («фацитированным») венчиком. Эта керамика в пшеворской культуре изготавливалась ручным способом, но явно в традициях кельтского гончарства. Все формы ее повторяют облик кельтской посуды Силезии, Малопольши и Чехии.

Если глиняные сосуды, продолжавшие местные керамические традиции, характерны в основном для безынвентарных или малоинвентарных захоронений, содержавших единичные вещи (обычно железный нож, глиняное пряслице или фибулу), то погребения, сопровождающиеся кельтоидной керамикой, содержат, как правило, многочисленные вещи, в том числе пряжки и поясные крючки, серповидные ножи, ножницы, иглы, молотки, долота, клещи, пинцеты, напильники, наконечники копий, умбоны щитов, мечи, шпоры — предметы, принадлежащие к типам, весьма характерным для кельтского мира Средней Европы и неизвестные в предшествующее время в Висло-Одерском регионе. Такие погребения могут принадлежать как славянизированным кельтам, так и аборигенам, воспринявшим кельтские особенности. Заметим, что безынвентарность и малоинвентарность были характерны для собственно славянского похоронного ритуала, что подмечено было еще Л. Нидерле.

В последних веках I тыс. до н. э. у кельтов Среднего Подунавья наряду с обрядом ингумации появляются и захоронения по обряду трупосожжения. Остатки кремации при этом нередко сыпались в длинные овальные ямы, такие же, какие выкапывались для трупоположений. Эта особенность обрядности кельтов зафиксирована на пшеворских могильниках Добжанково, Кацице, Куявске, Пиотрков и других. Некоторые из таких захоронений сопровождалась описанной выше кельтоидной керамикой.

О проникновении кельтов в славянскую среду говорят и многочисленные вещевые находки. Среди них можно отметить культовую кельтскую палочку, обнаруженную в одном из захоронений могильника Весулки, кельтские бусы с личиной из Домановиц, фибулу со звериной головкой из Кацице. В могильниках Спицымеж и Вымыслово найдены глиняные изображения голов быка — священного животного у кельтов.

В могильниках пшеворской культуры в большом количестве найдены латенские фибулы. Проникнув из кельтского мира в славянскую среду, фибулы очень скоро стали обязательной частью пшеворского костюма. Широко употреблявшиеся здесь ранее одежные булавки были целиком вытеснены фибулами. В ареале пшеворской культуры было налажено производство фибул, которые изготавливались местными мастерами по кельтским образцам.

Под кельтским влиянием в пшеворской среде получило распространение и оружие новых типов. Это двулезвийные мечи, наконечники копий с волнистыми краями, полусферические умбоны щитов. С кельтским ритуалом связывается наблюдаемый в пшеворской культуре обычай сгибания загробных даров, и прежде всего мечей и других предметов вооружения¹⁶.

Из кельтского мира к племенам пшеворской культуры поступили молотки, клещи, напильники, скобели, ключи и замки, пружинные ножницы, шпоры. Общими для кельтов и носителей пшеворской культуры становятся однотипные ножи, топоры, бритвы и др.¹⁷

Славянское кузнечное ремесло I тыс. н. э., как показали металлографические изыскания, по своим особенностям и технологической структуре ближе всего к металлообрабатывающему ремеслу кельтов и провинций Римской империи, где продолжались и развивались традиции железообработки кельтов¹⁸. Это касается не только Висло-Одерского региона, но и славянского населения, распространившегося на Восточно-Европейской равнине. Казалось бы, носители черняховской культуры, среди которых были и славяне, должны являться преемниками высокого мастерства скифских ремесленников по обработке черных металлов. Но оказывается, что техника обработки железа у черняховского населения не базировалась на опыте кузнецов Скифии, а развивалась на кельтских традициях¹⁹.

Гончарное производство пшеворской культуры также было наследием кельтского ремесла. В Малопольше на ряде пшеворских памятников (Иголомья, Зофиполь, Тропишув) раскопками исследовано несколько десятков горнов для обжига глиняной посуды, по своей конструкции сходных с кельтскими гончарными печами. Активно функционировали они уже в римское время, когда в пшеворском ареале широкое распростране-

---

¹⁶ *Kostrzewski J.* Celtyckie elementy w kulturze słowiańskiej // *Słownik starożytności słowiańskiej*. Т. I. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1972. S. 228.

¹⁷ *Kostrzewski J.* Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich od połowy II tys. przed n. e. do wczesnego średniowiecza. Poznań, 1961; *Idem.* Zur Frage der Siedlungstätigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II. Jahrtausends v. u. Z. bis zum frühen Mittelalters. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.

¹⁸ *Pleiner R.* Základy slovanského železářského hutnictví v Českých zemích. Praha, 1958; *Idem.* Staré evropské kovářství. Praha, 1962; *Piaskowski Y.* Technologia żelaza na ziemiach Polskich w okresie od I do V wieku naszej ery // *Wiadomości hutnicze*. Т. 12. Warszawa, 1963.

¹⁹ *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры. М., 1972. С. 27—32.

ние получила гончарная керамика. Очевидно, что основой развития гончарной техники в Висло-Одерском регионе стали местные кельтские традиции²⁰.

Кельтское влияние, как показала польская исследовательница Я. Розен-Пшеворска, проявляется не только в материальной культуре, но и в духовной жизни славян²¹. Оно было настолько мощным, что следы этого воздействия обнаруживаются даже в языческих культовых сооружениях раннего средневековья. Так, исследованные на славянском поселении в Гросс Радене в округе Шверина языческая культовая постройка IX—X вв. и храмовое здание VII—VIII вв. в Фельдберге в округе Нейбрандесбург²² находят аналогии в кельтском культовом строительстве. Деревянные стилизованные фигуры, обнаруженные в Гросс Радене, находят параллели в кельтском искусстве. С храмами кельтов сопоставимо также славянское святилище в Арконе на острове Рюген, известное по описаниям Саксона Грамматика. Вполне очевидно, что культовые языческие постройки северо-западных славян раннего средневековья восходят к храмовому строительству кельтов Средней Европы²³. Более того, Я. Розен-Пшеворска видит кельтские традиции в скульптуре ряда ранних христианских построек Польши.

Результатом неодинаковости вклада кельтов в генезис славянского этноса, по всей вероятности, стало первое членение славянства (вероятно, диалектно-племенного характера) на две крупные группы — северную и южную (рис. 19).

Польский археолог Е. Веловейски еще в 60-х гг. XX в., характеризуя древности позднего латена и римского периода Силезии и Малопольши, отметил их некоторое своеобразие, что выделяет южнопольский регион

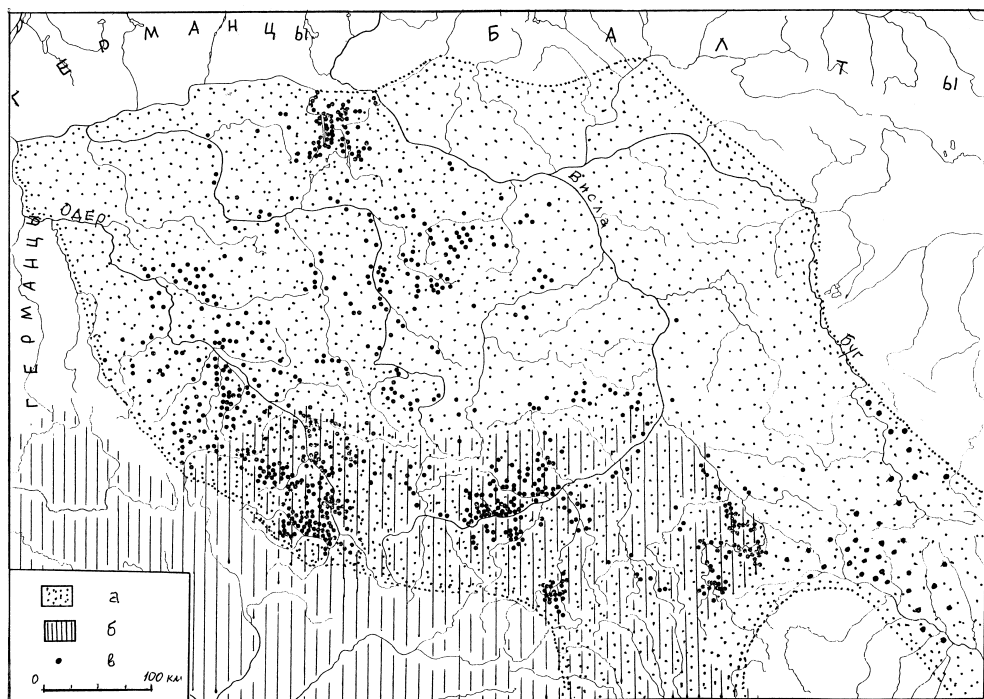
---

²⁰ Svoboda B. Čechy v době stěhovani národů. Praha, 1965. S. 84—98.

²¹ Rosen-Przeworska J. Tradycje celtyckie w obrzędowości protosłowian. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1964. S. 54—254; *Idem*. Spadek po Celtach. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. S. 50—137.

²² Schuldt E. Der altslawische Tempel von Gross Raden. Schwerin, 1976; *Idem*. Der eintausendjährige Tempelort Gross Raden. Schwerin, 1989; Herrmann J. Feldberg, Rethra und das Problem der wilzischen Hohenburgen // Slawia Antiqua. T. XVI. Poznan, 1970. S. 33—69; *Idem*. Ralswiek auf Rügen. Die slawisch-wikingischen Siedlungen und deren Hinterland. Teil II: Kulturplatz, Boot 4, Hof, Propstei, Mühlenberg, Schlossberg und Rugard. Lubdtorf, 1998.

²³ Herrmann J. Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des frühen Mittelalters // Slovenská archeologia. Bratislava, 1978. № 1. S. 19—27.

Рис. 19. Северная и южная зоны пшеворской культуры

а — общий ареал пшеворской культуры; **б** — территория расселения кельтов; **в** — памятники с серой круговой керамикой (по Х. Добжаньской).

от более северных областей ареала пшеворской культуры. Это прежде всего широкое распространение серой гончарной керамики²⁴. Подобная глиняная посуда серого цвета является одной из характернейших черт керамики черняховской культуры, образуя единый культурный ареал. На пшеворской территории серая круговая керамика встречается и в северной зоне, но ее широкое распространение в заметно большей степени соответствует той ее части, где славянское население впитало в себя кельтский субстрат. В северной зоне пшеворского ареала такого субстра-

²⁴ Wielowiejski J. Przemiany gospodarczo-społeczne u ludności południowej Polski w okresie rónzolateńskim i rzymskim // Materiały starożytne. T. VI. Warszawa, 1960. Общая карта распространения серой гончарной керамики без учета количественного фактора опубликована Х. Добжаньской (Dobrzańska H. Ceramika toczona jako wyraz zmian zachodzących w kulturze przeworskiej w wczesnej fazie późnego okresu rzymskiego // Znaczenie wojen markomańskich dla państwa rzymskiego i północnego Barbaricum («Scripta Archaeologica». II). Warszawa, 1982. S. 90—98.

та не было; имели место лишь инфильтрация малочисленных групп кельтов в славянскую среду и распространение отдельных кельтских культурных элементов в результате соседских контактов.

В археологических материалах римского времени членение территории пшеворской культуры на северную и южную зоны неотчетливо. Однако в начале средневековья на базе древностей этих зон развиваются две археологические культуры (суковско-дзедзицкая и пражско-корчакская) с различным домостроительством, погребальной обрядностью и керамическим материалом.

Субстратное и соседское взаимодействие славян с кельтами должно оставить заметные следы в языковых материалах. Кельтско-славянские языковые отношения во многом дискуссионны, однако от кельтских языков Средней Европы почти ничего не осталось, а сохранившиеся западнокельтские диалекты, отличные от восточных, среднеевропейских, не дают достаточных данных для изучения языковых контактов славян с кельтами.

А. А. Шахматов в своих исторических построениях, которые, правда, были встречены весьма критически, исходил того, что кельты были непосредственными соседями славян, и приводил немалый перечень кельтских лексем, проникших в славянский язык. Среди них названы термины, относящиеся к хозяйственной деятельности, общественным и военным отношениям²⁵. Целый ряд кельтско-славянских лексических сходжений и некоторые грамматические параллели между древнеирладским и славянским были отмечены Х. Педерсеном. Ю. Покорный, приводя эти сходжения, объяснял их не непосредственными контактами славян с кельтами, а через посредство иллирийцев²⁶. Последнее не получило признания в науке, но значительный перечень праславянских лексем, хорошо этимологизируемых на основе кельтских языков, остается несомненным. К. Треймер насчитывал не менее четырех десятков слов, заимствованных славянами из кельтских языков, которые касаются социальной, сельскохозяйственной и ботанической терминологии, а также затрагивают область материальной культуры²⁷. Вопрос о прямых языковых контактах между славянами и кельтами рассматривался также в работах Т. Лер-Сплавиньского и В. Махека²⁸.

---

²⁵ *Schachmatov A. A.* Zu ältesten slavisch-keltischen Beziehungen // *Archiv für slavische Philologie*. Bd. XXXIII. Berlin, 1912. S. 51—99.

²⁶ *Pokorny J.* Zur Urgeschichte der Kelten und Illyrier. Halle, 1938.

²⁷ *Treimer K.* Ethnogenese der Slawen. Wien, 1954. S. 32—34.

²⁸ *Lehr-Splawiński T.* Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich // *Rocznik slawistyczny*. T. XVIII. Cz. 1. Poznań, 1956. S. 1—10; *Machek V.* Zur Frage der

По-видимому, следует согласиться с С. Б. Бернштейном, заметившим, что кельтское влияние на праславянский, судя по лексическим изысканиям, было более глубоким, чем это казалось до недавнего времени²⁹. Результатом кельтско-славянских контактов в Средней Европе стало и то, что праславянский язык обогатился рядом кентумных элементов своего словаря³⁰.

На основе анализа этнонимии древних европейских этносов О. Н. Трубачев утверждает, что славянская этнонимия в плане словообразовательной типологии весьма далека от типа германских и балтских имен, но близка к кельтской, иллирийской и фракийской. «У кельтов, как и славян, бросается в глаза наличие „речных“ этнонимов... У кельтов этнонимия заметно более словообразовательная по своему характеру, что сближает ее скорее со славянской этнонимией. При этом намечаются любопытные сходства префиксальных... и суффиксальных моделей... У кельтов, как у славян, есть общий этноним для всей совокупности кельтских племен»³¹. Так как анализируемые О. Н. Трубачевым этнонимы являются порождением уже обособившихся индоевропейских этносов, то кельтско-славянские схождения в области этнонимии следует объяснять контактами этих этносов, в том числе внутрирегиональными.

---

slawisch-keltischen sprachlichen Beziehungen // *Studia linguistica in honorem Thaddai Lehr-Splawinski*. Kraków, 1963. S. 109—120.

²⁹ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 94.

³⁰ Gotqb Z. «Kentum» elements in Slavic // *Lingua Posnaniensis*. Т. XVI. 1972. S. 53—57; *Idem*. Stratyfikacja słownictwa prasłowiańskiego a zagadnienie etnogenezy Słowian // *Rocznik slawistyczny*. Т. XXXVIII. З. 1. 1977. S. 16; Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 25, 45.

³¹ Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // *Вопросы языкознания*. 1974. № 6. С. 58.

СЛАВЯНЕ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

Славяне в Висло-Одерском регионе

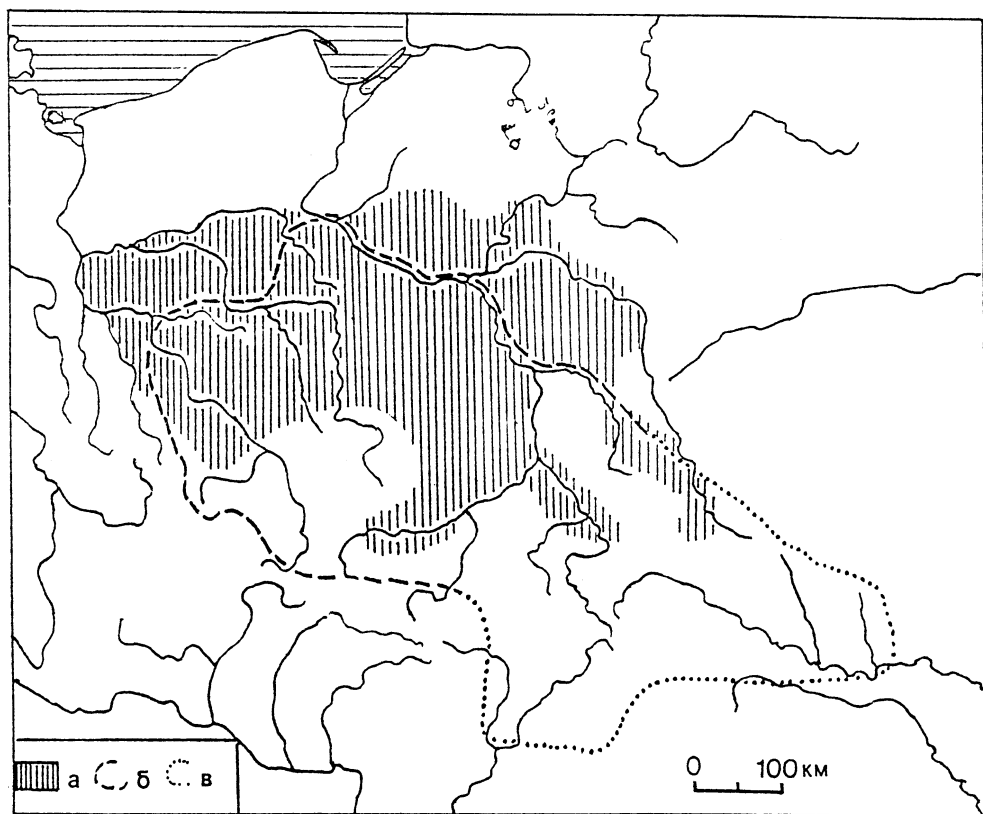
Пшеворская культура, сложившаяся в условиях славяно-кельтского взаимодействия, развивалась на протяжении шести с лишним столетий, претерпевая значительные трансформации. Это обусловлено было не только эволюционным развитием, что свойственно большинству культурных образований, но и неоднократными проникновениями в ареал этой культуры более или менее значительных масс иноэтничного населения. Территория пшеворской культуры не была ограничена естественными рубежами. Занимающая сердцевину Европы, она привлекала переселенцев с запада и с севера, что, в свою очередь, приводило в движение коренное пшеворское население, вынуждало его к миграциям, как самостоятельным, так и в составе перемещений пришлых этносов.

Первоначальный ареал пшеворской культуры — от правобережья Одера на западе до верховьев Западного Буга на востоке — в общих чертах соответствовал территории культуры подклёшевых погребений (рис. 18).

Начало пшеворской культуры Ю. Костшевский определял временем около 100 г. до н. э., В. Антонец и К. Яжджевский — около 150 г. до н. э. Наиболее обоснованной представляется датировка, предложенная К. Годловским, — начало II в. до н. э. Высказано несколько мнений и относительно периодизации этой культуры. Наиболее аргументированной является хронологическая схема, разработанная Г. Эггерсом, который широко привлек для датировок римские импортные находки в пшеворских памятниках¹. Но поскольку римские вещи в пшеворских древностях

---

¹ Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit in freien Germanen // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. II. Mainz, 1955. S. 196—244.

Рис. 20. Распространение пшеворской культуры (по К. Годловскому)

а — ареал пшеворской культуры в период позднего латена; **б** — границы ареала в ранней фазе позднеримского времени; **в** — регионы экспансии населения пшеворской культуры в ранней фазе позднеримского времени.

все же немногочисленны, К. Годловским эта схема была усовершенствована. Его разработки периодизации рассматриваемой культуры основаны на всей сумме археологических данных, и она принята исследователями в настоящее время.

Фаза А отнесена к позднелатенскому (предримскому) времени; фаза В1 определена 20—70 гг. н. э.; В2 — 70—150 гг.; В2/С1 — 150—200 гг.; С1а — 150—220 гг.; С1б — 220—260 гг.; С2 — 260—315 гг.; С3 — 315—350 гг.; D — 350—450 гг.² Последующая работа по уточнению датировок этих пе-

² Godłowski K. The chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe // *Prace archeologiczne*. Т. 11. Kraków, 1970. S. 11—28, 91—112.

риодов показала, что границы между фазами не были достаточно четкими и несколько различались по отдельным регионам. В этой связи К. Годловским предложена схема эволюции пшеворской культуры с этапами, частично налегающими друг на друга. Фаза В1/В2 определяется в пределах от 15 до 65 г. н. э.; фаза В2 датируется 40—180 гг.; В2/С1 — 140—190 гг.; С1 — 140—250 гг.; С1/С2 — 200—250 гг.; С2 — 220—260 гг.; С3 — до 330 г. Для фазы D предложена дата от 330 до 450 г.³

Территория пшеворской культуры, как уже отмечалось, не оставалась неизменной (рис. 20). На первом этапе она расширилась в юго-западном и южном направлениях. В той части бассейна Одера, где ранее жили кельты, их культура сменяется пшеворской с заметным кельтским наследием. Первые следы пшеворского проникновения в Верхней Силезии фиксируются в самом конце латенского периода, а формирование собственно пшеворских поселений относится уже к раннеримскому времени⁴. На верхней Висле на первых порах формируется метисная пшеворско-кельтская культура, которая постепенно трансформировалась в собственно пшеворскую. К началу нашей эры кельтское население этих земель было, очевидно, полностью ассимилировано славянами.

Кельтский субстрат оказал мощное воздействие на развитие пшеворских древностей этих регионов. Наследие кельтов проявляется здесь и в керамических материалах, и в металлических изделиях, и в погребальной обрядности. Обычай сопровождать умерших оружием, как полагают исследователи, на пшеворской территории появился впервые в Силезии как наследие кельтов, а отсюда распространился по всему ареалу рассматриваемой культуры.

Во второй половине I в. до н. э. пшеворское население распространяется в юго-восточном направлении, осваивая области верхнего Днестра и Западной Волыни⁵. В середине I в. н. э. пшеворское население этих земель смешалось с проникшими сюда носителями зарубинецкой и липицкой культур, и в результате здесь образовалась особая культурная группа — волыно-подольская (вторая половина I—II в. н. э.). Она характери-

---

³ Godłowski K. Niektóre węzłowe problemy badań nad kulturą przeworską w okresie rzymskim // *Prace archeologiczne*. T. VIII. Kraków, 1977. S. 72.

⁴ Godłowski K. Z badań nad rozwojem osadnictwa kultury przeworskiej na górnym Śląsku // *Archeologia Polski*. T. IX. Z. 2. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1964.

⁵ Козак Д. Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ, 1984.

зуются сочетанием характерной пшеворской керамики раннеримского времени с лепными горшками, мисками и дисками-сковородками, свойственными зарубинецким древностям, а также гончарной и лепной посудой, обычной для памятников липицкой культуры⁶. Во II—III вв. в Верхнем Поднестровье имел место приток новых, сравнительно немногочисленных групп пшеворского населения. Следы этой миграции являются отдельные погребения с предметами вооружения, характерного для пшеворских древностей позднеримского периода.

В конце II в. н. э. пшеворское население пересекает Карпатские горы и расселяется в землях Северной Словакии. Материалы поселения и могильника, исследованных в Земплине, как показал В. Будинский-Кричка, обнаруживают непосредственную связь с областью Вислы, свидетельствуя о миграции пшеворских переселенцев из Повисленья⁷. Подобные поселения с пшеворскими материалами ныне известны в ряде других мест на севере словацкого Подунавья⁸. Они датируются концом II—III в. и относятся к начальной фазе прешовской культуры, явно отпочковавшейся от пшеворской. Дальнейшее развитие прешовской культуры протекало независимо от пшеворской, поскольку на ее территорию имело место проникновение в III в. носителей черняховской культуры.

Поселения пшеворской культуры, как и в предшествующее время, были неукрепленными, отражая картину жизни и быта земледельческого населения. Селища концентрировались, в основном, в местностях, наиболее пригодных для сельскохозяйственной деятельности. В регионах с плодородными почвами наблюдается повышенная плотность заселения. Для поселений выбирались прибрежные возвышенные участки, нередко селились на всхолмлениях среди низменных пространств или на мысах среди луговых долин или пойменных расширений.

Размеры поселений были различными. Небольшие состояли из двух—пяти жилищ с хозяйственными строениями, крупные селища достигали площади 20—30 тысяч кв. м, на которой располагалось несколько десятков усадеб. Замечено, что со временем поселения становились все крупнее и крупнее, хотя сохранялись и мелкие селения. Так, в Верхнем

⁶ Козак Д. Н. Пшеворська культура... С. 46—62.

⁷ Budinsky-Krička V. Sidlisko z doby rimskej a zo začiatkov stahovania národov v Prešove // Slovenská archeológia. XI—1. Bratislava, 1963. S. 33.

⁸ Budinsky-Krička V. Slovenske osídlenie na severovýchonnom Slovensku // Slovenska archeológia. IX. Bratislava, 1961. S. 347—390; *Idem*. Sidlisko z doby rimskej... S. 5—58.

Поднестровье средняя площадь селищ увеличивается от 2—4 тысяч кв. м в позднелатенское время до 13—14 тысяч кв. м в III в. н. э. Существенно возрастает со временем и количество поселений.

На территории пшеворской культуры доминировала кучевая бессистемная застройка поселений⁹, которая была широко распространена в славянском мире и в последующее время. На Руси она господствовала вплоть до XVI в. Застройка бессистемного характера исследована на поселении Пивонице в Великопольше (близ Калиша). Хозяйственные сооружения концентрировались на отдельном участке, свидетельствуя, по всей вероятности, о совместном, общинном ведении хозяйства всеми обитателями селения¹⁰.

Немалое число пшеворских поселений имело и рядную застройку, при которой жилые постройки располагались в один ряд вдоль берегов рек, ручьев или оврагов. В частности, такая планировка выявлена на поселениях в бассейнах верхнего течения Днестра и соседнем Побужье, где жилища находились на расстоянии 10—20 м одно от другого¹¹.

Некоторым своеобразием выделяется Верхнесилезский регион, где поселения были сравнительно небольшими — из двух—шести дворов. Немало было и однодворных селений, которые располагались на небольших расстояниях друг от друга¹².

Жилищем пшеворскому поселению служили как наземные постройки, так и полуземлянки. Следы наземных домов зафиксированы раскопками на очень многих поселениях. Однако из-за трудности их изучения досконально они не исследованы. Даже трудно сказать, какую долю пшеворских жилищ они составляли. В большей степени изучены полуземляноч-

---

⁹ *Przewoźna K.* Osada i cmentarzysko z okresu rzymskiego w Słopanowie, pow. Szamotyły // *Fontes archaeologici Posnanienses*. T. V. 1955. S. 63—97; *Bender W., Barankiewicz B.* Osada z okresu rzymskiego w Wólce Łasieckiej, pow. Łowicz // *Archeologia Polska*. T. VII. Z. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. S. 7—106; *Bender W., Balke B.* Wyniki badań osady z okresu rzymskiego w Wólce Łasieckiej, pow. Łowicz, w 1961 roku // *Archeologia Polski*. T. IX. Z. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965. S. 72—124.

¹⁰ *Dąbrowski K.* Osadnictwo z okresów późnolateńskiego i rzymskiego na stanowisku 1 w Piwonicach, pow. Kalisz // *Materiały starożytne*. T. 4. Warszawa, 1958. S. 7—89; *Idem.* Osada z okresów późnolateńskiego i rzymskiego we wsi Piwonice, pow. Kalisz // *Wiadomości archeologiczne*. T. XXXV. Z. 3. Warszawa, 1970. S. 347—392.

¹¹ *Козак Д. Н.* Пшеворська культура...

¹² *Godłowski K.* Budownictwo, rozplanowanie i wielkość osad kultury przeworskiej na Górnym Śląsku // *Wiadomości archeologiczne*. T. XXXIV. Z. 3—4. Warszawa, 1969. S. 305—331.

ные строения, и некоторые археологи полагают, что они имели на рассматриваемой территории преимущественное распространение¹³.

Наземные жилища в большинстве своем имели столбовую конструкцию стен. Каркас их образовывали вертикальные стояки, вкапываемые в грунт. Промежутки между ними переплетались прутьями и обмазывались глиной. Скопления глиняной обмазки от таких домов обнаружены почти на всех раскапываемых поселениях. Судя по фрагментам обмазки, многие постройки имели целиком деревянные стены — между стояками укладывались бревна, затесанные концы которых впускались в продольные пазы опорных столбов. Раскопками выявлены также срубные постройки и комбинированные срубно-столбовые¹⁴.

Наземные дома имели в плане прямоугольные очертания. Размеры их колеблются от 3,2 x 3,2 до 5 x 4,5 м. Строения, имеющие большую площадь, редки. Несколько более крупные жилища выявлены на поселениях Силезии — площадью 17—38 кв. м. В большинстве своем пшеворские жилища были однокамерными, но известны и двухкамерные. Нередко к домам примыкали небольшие пристройки столбовой конструкции — сени или навесы. Отапливались жилища очагами, обычно сложенными из камней, промазанных глиной. Исследованы и печи, устроенные из камней и глины.

Полуземляночные постройки были распространены по всему ареалу пшеворской культуры. Они двух типов. Первый составляют квадратные в плане углубленные постройки со стенами столбовой конструкции. Отапливались они очагами, сложенными из камней или глиняных вальков (есть и простые очаги в виде скоплений угля и золы). Располагались очаги обычно посередине жилища, реже — в одном из углов его. Такие постройки исследовались раскопками на многих поселениях бассейнов Вислы и Одера, в том числе в Пивонице, Вульке-Лясецкой, Грошовице, Мацкувке, Тархалице, Вербковице-Которове и других. Есть они и на селищах Поднестровья (Подберезцы, Сокольники и др.). Аналогичные полуземляночные жилища имели бытование на поселениях культуры подклёшевых погребений и в пшеворской культуре получили дальнейшее развитие.

¹³ Godłowski K. Budownictwo... S. 168; Jadczykowa I. Budownictwo mieszkalne ludności kultury przeworskiej na obszarze Polski // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna. N 28. 1981. S. 188; Козак Д. Н. Пшеворська культура... С. 7.

¹⁴ Praehistoria ziem Polskich: Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. S. 105—107.

Ко второму типу полуземляночных строений относятся жилища с прямоугольными или овальными котлованами. Стены их также имели столбовые конструкции и промазывались глиной. Отапливались жилища глиняными очагами или печами того же облика, как и в полуземлянках первого типа. Такие постройки выявлены на очень многих пшеворских поселениях.

Более изученные раскопками селения свидетельствуют, что на каждом из них встречаются жилища разных типов. Изучены и верхние конструкции их. На столбы, вкапываемые посредине коротких стен, укладывались перекладки, на которые опирались стропила двускатной крыши, покрытой хворостом или соломой. Вход обычно устраивался у одного из углов постройки, напротив очага.

Хозяйственные сооружения, обычно опущенные в грунт, имели округлую, овальную или прямоугольную форму, размеры их — 6—12 кв. м. Стены таких построек были такими же, как и в жилищах. Обнаружены и наземные хозяйственные строения с легкими стенами столбовой конструкции. На многих пшеворских поселениях открыты также ямы глубиной 0,7—1,6 м со стенами, обмазанными глиной и обожженными. Они предназначались для хранения продуктов земледелия и животноводства.

В ареале пшеворской культуры открыты и исследовались раскопками крупные производственные пункты, специализировавшиеся на добыче и обработке железа и изготовлении гончарной посуды. Металлургических центра известно четыре: регион Свентокшицких гор; окрестности Новой Гуты — Кракова; округа Тархалиц и Грошовиц; Фаленты близ Варшавы.

В самом крупном таком центре — Свентокшицком — археологически изысканиями 1955—1966 гг. выявлено 95 металлургических комплексов, насчитывающих более четырех тысяч сыродутных горнов. В каждом комплексе находилось по несколько десятков печей. Есть среди них и такие, в которых было сосредоточено до двух сотен горнов. Польский археолог К. Беленин, производивший исследования Свентокшицкого центра, считает, что в целом в нем количество комплексов достигало 4000, с общим числом железоплавильных печей до 300 тысяч. Объем их продукции составлял около четырех тысяч тонн железа рыночного качества¹⁵.

Сырьем для металлургического производства служили бурый железняк и железный шпат, использовалась и болотная руда. Руду в горах до-

---

¹⁵ Bielenin K. Starożytne górnictwo i hutnictwo w Górach Świętokrzyskich. Warszawa; Kraków, 1974; *Idem*. Stan i potrzeby badań nad świętokrzyskim okresem starożytnego hutnictwa żelaza // Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskim w Polsce. Kraków, 1986.

бывали совершенным для той эпохи шахтным способом. Так, при изучении шахты Сташиц выявлена система шахтных стволов и штолен с остатками креплений. Сложная структура деревянных креплений и подъемные приспособления исследованы в шахтах около с. Рудки близ г. Кельце. Изученные раскопками сыродутные печи-горны для выплавки железа имели углубленный под и наземный ствол, который при выемке крицы приходилось разбирать.

Начало свентокшицкого железоделательного производства восходит к кельтской металлургии позднего латена. В первое время металлургические комплексы из 10—12 горнов находились непосредственно на поселениях. Их продукция предназначалась лишь для местных потребностей. В римский период изготовление железа стало носить производственный характер и наивысшего расцвета достигло в III—IV вв.¹⁶ Теперь металлургические центры своей продукцией снабжали многие регионы пшеворской территории и экспортировали ее в римские провинции. О последнем свидетельствуют многочисленные клады с тысячами римских монет.

На территории пшеворской культуры, преимущественно в ее южной части, активно работали и центры по производству керамики, из которых гончарные сосуды в большом количестве поступали во все регионы. В округе Кракова (Иголомья, Зофиполь, Тропишов) археологически исследовано более сотни гончарных горнов. Группа поселений гончаров выявлена и в окрестностях Вроцлава (Пиотрониовице, Радловице, Радванице). Наибольшее распространение в пшеворской культуре получили двухкамерные горны, восходящие к кельтскому гончарству. Польские археологи утверждают, что такие гончарные печи были привнесены в эти регионы кельтами из Паннонии¹⁷. В Иголомие и некоторых других пунктах исследовались и простые ямные печи с куполообразным верхом.

Могильники пшеворской культуры на всех стадиях ее эволюции оставались бескурганными. Для них выбирались возвышенные места. Функционировали некрополи, как правило, в течение продолжительного времени. Исследователи этих памятников допускают, что отдельные захоронения могли обозначаться небольшими насыпями, сооружаемыми из грунта, выбранного из могильной ямы. Изредка места погребений обозначались камнями. Могильные ямы имели округлые, овальные или подчеты-

---

¹⁶ Piaskowski J. Čechy charakterystyczne wyrobów żelaznych produkowanych przez starożytnych hutników w Górach Świętokrzyskich w okresie wpływów rzymskich (I—IV w. n. e.) // *Studia do dziejów górnictwa i hutnictwa*. T. VI. Wrocław, 1963.

¹⁷ Hensel W. *Polska starożytna*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980. S. 439—444.

рехугольные очертания и неодинаковые размеры (от 0,3—0,4 до 3—4 м в поперечнике) при глубине 0,3—0,8 м.

Господствовал обряд кремации умерших. Сожжение совершалось на стороне, собранные с погребального костра остатки часто просто ссыпали в могильную яму, в других случаях помещали в глиняный сосуд-урну и ставили ее на дно ямы. В раннее время кальцинированные кости умерших помещались в могильные ямы с остатками погребального костра, как это делалось населением культуры подклёшевых погребений. В позднеримском периоде получил распространение обычай тщательного очищения сожженных костей от остатков погребального костра. В III—IV вв. в ряде мест пшеворского ареала появляются так называемые послойные (пластовые) захоронения, в которых остатки трупосожжений разбрасывались на дне могильной ямы или непосредственно на поверхности земли.

В ямных (безурновых) погребениях иногда встречаются обломки глиняной посуды, ритуально разбитой в момент захоронения. Большинство таких могил являются безынвентарными, лишь в очень немногих встречены единичные вещи — железные ножи, шилья, пряжки, глиняные пряслица.

В урновых захоронениях, кроме сосуда с кальцинированными костями, нередко сопровождающие сосуды (миски, кружки, кубки). Скорее всего, их ставили в могилы с ритуальной пищей и водой. В таких погребениях обычно обнаруживается много различных бытовых предметов, украшения и оружие. Вещевой инвентарь помещался в урну или клялся около нее.

В ряде погребений вещи были повреждены огнем, а предметы вооружения ритуально поломаны или согнуты. Порча оружия и заостренных предметов перед положением их в могилы умерших — типичная особенность кельтских погребений. Ломались наконечники копий, кинжалы, ножницы, умбоны, ручки щитов, мечи. Этот ритуал отражал религиозные представления кельтов, согласно которым со смертью воина требовалось «умертвить» и его оружие, предназначенное служить ему в загробном мире. От кельтов этот обычай перешел к населению пшеворской культуры и распространился на другие племена¹⁸.

Обряд ингумации зафиксирован в сравнительно немногих пшеворских могильниках¹⁹. Трупоположения в них единичны и принадлежат

¹⁸ *Jahn M.* Die Bewaffnung der Germanen in älteren Eisenzeit // *Mannus-Bibliothek*. Bd. 16. Würzburg, 1916. S. 19.

¹⁹ *Kostrzewski J.* Groby szkieletowe późnolateńskie w Wielkopolsce // *Sprawozdania Polskiej Akademii nauk*. T. 46. Warszawa, 1936. S. 180—183; *Woźniak Z.* Osadnictwo celtyckie w Polsce // *Archeologia Polski*. T. XV. Z. 1. Warszawa, 1970. S. 181.

раннему этапу рассматриваемой культуры. Захоронения совершались в овальных или неправильной формы ямах, изредка в деревянных колодах. Ориентировка умерших разнообразная, есть скорченные погребения. Достаточно очевидно, что такой обряд был привнесен в пшеворский ареал кельтскими переселенцами. Лишь единичные труположения поздне-римского времени не связаны с кельтской традицией и отражают уже, по всей вероятности, инфильтрацию германского населения в пшеворскую среду.

Керамический материал позднелатенской стадии пшеворской культуры был описан выше. В начале римского периода продолжали бытовать позднелатенские формы глиняной посуды, отражающие традиции славяно-кельтского взаимодействия. Вместе с тем постепенно зарождались и получали бытование новые керамические формы — горшковидные сосуды с прогнутым ступенчатым горлом, сосуды с раздутым сферическим туловом, грушевидные сосуды, имеющие соответствия в соседней ясторфской культуре. На сосудах получает распространение меандровый узор, хорошо известный в германских древностях бассейна Эльбы. Еще в конце латена в пшеворских памятниках появляются сосуды с изломанным угловатым профилем, весьма характерные для многих германских земель. Объяснить все это возможно только инфильтрацией германского населения в ареал пшеворской культуры.

Новые изменения в керамическом материале пшеворской культуры наблюдаются во II в. н. э. и в поздне-римский период. Бытовавшие ранее сосуды, имеющие кельтские и ясторфские параллели, постепенно выходят и употребления. Их заменяют горшкообразные сосуды с широким утяжеленным дном; сосуды на поддоне; кувшины; трехручные вазы; сосуды с горизонтальным валиком. Все они связаны с германским миром и находят аналогии в синхронных древностях северо-западных и северных соседей пшеворского населения. Распространение этой керамики следует рассматривать как свидетельство проникновения германцев в пшеворскую среду. При этом нельзя не отметить, что на всех этапах эволюции пшеворской культуры бытовала и глиняная посуда, сохранявшая местные традиции. Очевидно, ядро носителей этой культуры, несмотря на вторжения иноплеменников, оставалось неизменным.

Во II в. н. э. на территории пшеворской культуры появляется глиняная посуда, изготовленная на гончарном круге. В следующем столетии она получает весьма широкое распространение. Это горшки разных форм, миски и кувшины (рис. 21), которые были продукцией гончаро-ремесленников, работавших в описанных выше производственных цен-

Рис. 21. Керамика пшеворской культуры из памятников Западной Украины
 1, 5 — Подберезцы; 2—4, 6 — Гринев; 7 — Великача; 8 — Монастыриха; 9 — Зубры.

трах. В результате торговых операций и обмена гончарная керамика распространялась по всему пшеворскому ареалу. Однако земледельческое население продолжало делать глиняную посуду и домашним способом.

Наблюдается некоторое огрубление форм и выделки лепной керамики. Широкое распространение получают горшки с «хрповатой» поверхностью коричневого цвета, иногда орнаментированные ногтевым узором или перекрещивающимися бороздками. Соотношение гончарной и лепной керамики в разных регионах пшеворской культуры было весьма раз-

личным. В окраинных землях гончарная посуда составляла небольшой процент. Так, например, в Верхнем Поднестровье на ее долю приходилось всего 2—3%.

Основой экономики пшеворского населения было сельское хозяйство. Представление о земледелии дают прежде всего железные наконечники пахотных орудий, серпы и косы. Плужные наконечники — крупные, широколопастные, заостренные, переход от лопасти ко втулке выполнен в виде ярко выраженных плечиков. Такие орудия появились здесь в позднелатенское время и в римский период вытеснили бытовавшие ранее деревянные рала. Происхождение их, безусловно, связано с кельтским миром. Эти пахотные орудия тянулись волами и лошадьми.

Может быть, с распространением на пшеворской территории таких орудий обработки пашни связано появление в праславянском языке термина *pluǵь, пришедшего на смену более древнему *ordlo (русск. рало). Вероятным центром применения плуга был бассейн Дуная, и названия, близкие слав. *pluǵь, известны были первоначально только в языках дунайско-приальпийской области²⁰.

Широкое распространение в пшеворском ареале получили и проушные топоры с массивными обухами. Они использовались для расчистки от леса и кустарника участков под пашню и одновременно как деревообрабатывающие орудия.

Доминировала двухпольная система земледелия. Поля вспахивались крестообразно, что определено археологически по следам борозд, сохранившимся под позднее насыпанными курганами. Урожай убирался железными серпами и серповидными ножами. Запасы зерна хранились в грушевидных ямах, обмазанных глиной, и деревянных кадушках. Зерно первоначально мололи ручными мельницами, а в позднеримский период распространились и ротационные жернова.

Собранные при раскопках пшеворских поселений карпологические материалы свидетельствуют, что первое место в возделывании зерновых культур принадлежало ржи (22%), второе — просу (16,5%), третье — ячменю (16,3%), далее следуют пшеница и овес. В доминировании ржи в земледелии населения Висло-Одерского региона в позднелатенско-римский период К. Ягджевский видит один из показателей славянской принадлежности носителей пшеворской культуры. В землях к западу от Одера, заселенных германскими племенами, рожь составляла незначительную часть возделываемых зерновых культур. Первое место здесь принад-

---

²⁰ Трубацев О. Н. Этногенез и культура... С. 211.

лежало ячменю. В латенское время в ареале ясторфской культуры рожь вообще не была известна. Здесь господствовал ячмень, а далее следовали пшеница, овес и просо. Возделывание ржи германцы переняли от своих восточных соседей. Интересно, что рожь долгое время не культивировалась и в Восточной Европе и только со славянским расселением эти земли включились в ареал возделывания этой культуры²¹.

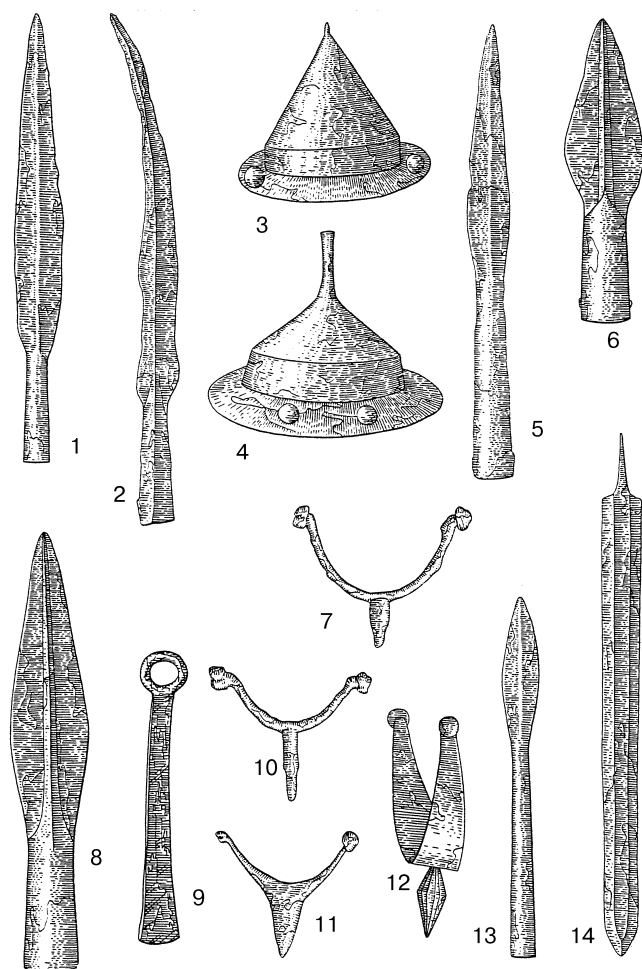
Домашнее стадо на территории пшеворской культуры, как показывают остеологические материалы из раскопок, состояло из крупного рогатого скота, лошадей, свиней, овец и коз. Замечено постепенное увеличение роли лошади, что обусловлено использованием этого животного для обработки пахотных участков. Кроме того, пшеворское население разводило уток, гусей и кур, широко была распространена и собака. Куры в Европе появились в эпоху гальштата. Их распространение в Висло-Одерском регионе исследователи связывают с кельтами. Судя по костным остаткам диких животных (около 10% остеологического материала), охотничьей добычей были прежде всего олень, серна и бобр. Рыболовство и собирательство выполняли подсобную роль.

Многочисленные вещевые находки из раскопок пшеворских памятников позволяют обстоятельно охарактеризовать быт и культуру населения Висло-Одерского региона в римское время. Из железных предметов, связанных с домашним хозяйством, довольно широко представлены ножи с прямой и горбатой спинкой, шилья, пружинные ножницы, иголки, бритвы, пластинчатые кресала (рис. 22: 10). Нередкими находками являются также ключи и пружины от замков. Основными орудиями деревообработки были упомянутые выше проушные топоры, тесла и долота. Многократно встречены и предметы из кости: гребни с дугообразной спинкой (рис. 23: 10), разнотипные проколки, ложила, амулеты из клыков кабана и медведя. Из глины делались пряслица, катушки для ткачества, рыболовные грузила.

Из деталей одежды наиболее распространенными находками являются фибулы и поясные принадлежности (рис. 23). На ранней стадии пшеворской культуры господствовали фибулы позднелатенских типов. В римское время в употребление вошли профилированные фибулы, фибулы с высоким приемником, подвязные и арбалетовидные. Подобные фи-

---

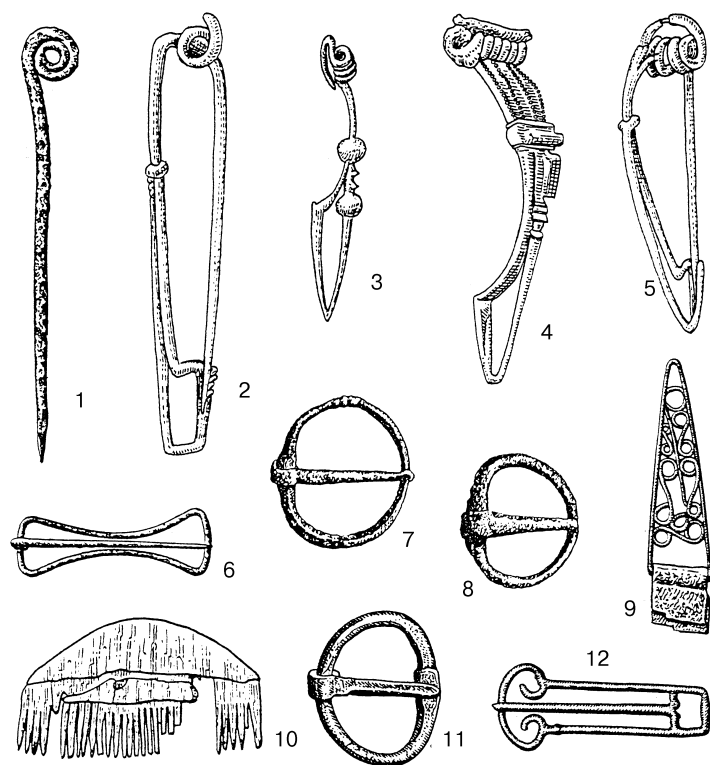
²¹ Jazdzewski K. Pradzieje Europy Środkowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. S. 544—545; Язджевский К. О значении возделывания ржи в культурах раннего железного века в бассейнах Одры и Вислы // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 98—99.

Рис. 22. Предметы вооружения и снаряжение всадника пшеворской культуры
 1, 2, 5, 6, 8, 13 — наконечники копий; 3, 4 — умбоны щитов; 7, 10—12 — шпоры;
 9 — кресало; 14 — меч.

1, 13 — Переводов; 2, 5, 10 — Гринев; 3 — Перепельники; 4, 6, 12, 14 — Добро-
 станы; 7 — Звенигород; 8 — Лучка; 9 — Капустинцы; 11 — Кристинополь.

булы не были специфической особенностью пшеворской или какой-либо иной культуры. Они были широко распространены на обширных пространствах Средней и Юго-Восточной Европы. Изготавливались фибулы в ремесленных мастерских и распространялись среди населения, принадлежащего к разным европейским этносам.

Рис. 23. Бронзовые изделия и костяной гребень пшеворской культуры

1—5 — Силезия; 6—9, 11 — Гринев; 10 — Сокольники; 12 — Лучка.

В состав поясного набора входили металлические пряжки, крючки, скрепы и оковки. Пряжки были весьма разнотипными — овальные, округлые с одной утолщенной стороной, прямоугольные, в том числе с вогнутыми длинными сторонами или со сплошным приемником. В погребениях пшеворской культуры римского времени встречаются также стеклянные бусы, различные подвески, единичные булавки.

Из предметов вооружения (рис. 22) наиболее многочисленны наконечники копий. В позднелатенский период были распространены длинные, узкие наконечники с хорошо выделенным ребром и расширением в нижней части лезвия. Очевидно, что исходной формой их были кельтские копья. Для раннеримского периода характерны наконечники копий с коротким листовидным лезвием. В позднеримское время широкое бытование получили относительно короткие ромбовидные или листовидные наконечники с ребром, заходящим на часть втулки. Известны были и конусовидные втоки, надевавшиеся на нижний край древка копья.

Находки мечей сравнительно редки. Более распространенными были сравнительно короткие, двусторонние, подобные римским гладиусам. Реже встречаются короткие односторонние мечи, занесенные в пшеворский ареал северными соседями. Вместе с мечами в захоронениях обычны и металлические оковки ножен. Среди них немало орнаментированных, а единичные являются произведениями искусства.

Такова, в частности, оковка ножен меча из погребения I в. н. э. могильника в Гриневе в Верхнем Поднестровье. Лицевая сторона этих ножен имела ажурную бронзовую оковку с чеканными изображениями. В прямоугольных рамках — пять сцен: медведь, терзающий жертву; скачущий грифон; мотив брака мифологического героя с богиней; баран, поедаящий растительность; вооруженный всадник²². В Средней Европе ножны мечей с прорезными узорами получили распространение в последние века до н. э. и связываются исследователями с кельтскими мечами. Особенности стилистики изображений на гриневской находке указывают на связи с кельтским и провинциальноримским искусством.

В памятниках пшеворской культуры нередко встречаются шпоры, среди них наиболее распространенными были шпоры из округлого дрота с высоким четырехгранным или цилиндрическим шипом. От щитов, изготавливаемых из кожи, в археологических материалах имеются железные умбоны и рукоятки. Умбоны принадлежат к нескольким типам, среди которых наиболее ходовыми были конические с длинным шипом или с цилиндрической шейкой и слегка вогнутой верхней частью, завершающейся пустотелым шипом. Рукоятки имели широкие пластины для крепления к щитам с помощью заклепок. Наконечники стрел в пшеворских коллекциях малочисленны. Очевидно, лук не имел широкого распространения в военном деле.

Материалы пшеворской культуры свидетельствуют о том, что это было сложное культурное образование, в котором переплетались местные, кельтские и германские элементы. Определить этноязыковую принадлежность ее носителей однозначно невозможно. На первом этапе изучения пшеворских древностей они относились к кельтам. В. Дементрикевич приписывал их конкретно бастарнам, полагая, что это было одно из кельтских племен²³. Однако затем среди исследователей возобладило мнение о германском этносе носителей этой культуры. Немецкие и поль-

---

²² Козак Д. Н., Орлов Р. С. Пам'ятка стародавньої міфології // Народна творчість та етнографія. Київ, 1980. № 1. С. 104—105.

²³ Demetrykiewicz W. Vorgeschichte Galiziens // Österreichische Monarchie in Wort und Bild. Wien, 1898. S. 128.

ские археологи первой трети XX в. настойчиво отождествляли население пшеворского ареала с германским племенем вандалов. При этом обращалось внимание на близость части пшеворской керамики Силезии с глиняной посудой области Вендсисель на Ютландском полуострове. Отмечались также некоторые совпадения в элементах погребальной обрядности тех же регионов. На этом была построена гипотеза о переселении вандалов, проживавших на севере Ютландского полуострова (при этом допускалось, что этот этноним и географический термин Вендсисель связаны между собой), в междуречье Одера и Вислы, где они будто бы и создали на рубеже II и I вв. до н. э. пшеворскую культуру. Привлекались и не совсем ясные данные античных письменных памятников, на основании которых утверждалось широкое расселение в римское время германских племен на всем пространстве от Эльбы до Западного Буга²⁴.

Поворот в этнической интерпретации пшеворской культуры был осуществлен польским ученым Ю. Костшевским. Он обратил основное внимание на местные корни этой культуры, восходящие к позднелужицким древностям. В частности, исследователь показал, что распространенный в пшеворской культуре погребальный обряд — захоронения остатков трупосожжений в ямах без урн — имеет местную основу и никак не мог быть привнесен из Ютландии. Местными по происхождению являются и многие формы глиняной посуды. Характер поселений и домостроительства пшеворской культуры также восходит к местным традициям. Получается, что для отнесения носителей этой культуры к германцам — переселенцам из Ютландии в распоряжении археологии убедительных данных нет. Ю. Костшевский допускал эволюционную связь пшеворских древностей с достоверно славянскими раннего средневековья и отождествлял, ссылаясь и на лингвистические изыскания Т. Лер-Сплавинского и К. Тыменецкого, пшеворское население с венедами-славянами²⁵.

---

²⁴ *Jahn M.* Die Gliederung der vandalischen Kultur in Schlesien // *Schlesiens Vorzeit*. Bd. VIII. Breslau, 1924; *Idem.* Die Wandalen // *Vorgeschichte der deutschen Stämme*. Bd. III. Berlin, 1940. S. 943—1032; *Tackenberg K.* Die Wandalen in Niederschlesien. Berlin, 1925; *Pescheck Chr.* Die frühwandalische Kultur in Mittelschlesien (100. vor bis 200. nach Christus). Leipzig, 1939.

²⁵ *Kostrzewski J.* Prasłowiańszczyzna // *Biblioteka słowiańska*. Seria I. № 2. Warszawa, 1935; *Idem.* Od mezolitu do okresu wędrówek ludów // *Prahistoria ziem polskich*. Kraków, 1939—1948. S. 300—344; *Idem.* Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach (Od połowy II tysiąclecia p. n. e. do wczesnego średniowiecza). Poznań, 1961. S. 65—101; *Idem.* Zur Frage der Siedlungstätigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II. Jahrtausends v. u. Z. bis frühen Mittelalter. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.

Большинство польских археологов согласились с выводами Ю. Костшевского. Пшеворская культура стала называться в литературе «венедской». Впрочем, мысль о германской принадлежности населения этой культуры не покидала некоторых исследователей. В 70—80-е годы XX в. ее последовательно развивал К. Годловский. Он указывал на заметный разрыв, наблюдаемый между пшеворскими древностями и раннесредневековой славянской культурой Польши. Исследователь считал, что пшеворское население раннеримского времени следует отождествлять с лугиями, и предпринял попытку связать определенные скопления памятников пшеворской культуры с другими германскими племенами, известными по сообщениям древних авторов²⁶.

В настоящее время становится все более и более очевидным, что надежно обосновать славянскую или германскую принадлежность носителей пшеворской культуры не представляется возможным. Культура эта довольно неоднородна, отдельные ее элементы являются явно местными, другие находят кельтские параллели, третьи связываются с германцами. В этой связи следует допустить, что пшеворская культура была не моноэтнической, в ее ареале проживали и наследники племен культуры подклешевых погребений, и вторгшиеся германские племена, и кельты, и их ассимилированные потомки.

Мысль о полиэтническом составе населения пшеворской культуры была высказана еще в 30-х гг. XX в. польским археологом Р. Ямкой. При публикации материалов раскопок пшеворского могильника в Копках этот исследователь обратил внимание на существенные различия урновых и ямных (безурновых) захоронений. Последние, как правило, характеризуются бедным инвентарем и не содержат предметов вооружения. В этой связи Р. Ямка предполагал присутствие в пшеворском ареале двух этнических групп населения — вандалов и славян. Со славянским ритуалом сопоставимы безынвентарные или малоинвентарные захоронения остатков кремации в ямах без урн. Исследователь допускал подчинение славян в римское время германцам, которые будто бы не разрешали славянам носить оружие²⁷.

В 60-х годах XX в. о разнородной структуре населения Висло-Одерского региона в первых веках нашей эры писал польский историк Г. Лов-

---

²⁶ Godłowski K. Kultura przeworska // Prahistoria ziem Polskich. T. V. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. S. 57—134; *Idem*. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszy okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985.

²⁷ Jamka R. Cmentarzysko w Kopkach (pow. Nizki) na tle okresu rzymskiego w Małopolsce Zachodniej // Przegląd archeologiczny. T. V. Z. 1. Poznań, 1933. S. 59—60.

мянский²⁸. Это допускали и немецкий археолог Г. Янкун, и польский исследователь Й. Колендо²⁹.

Конкретная дифференциация пшеворских древностей на славянские (венедские) и германские встречает массу трудностей. Разнородное население, проживавшее на одной территории и часто на одних поселениях, естественно, пользовалось однотипными орудиями труда и предметами вооружения, одинаковыми бытовым инвентарем и гончарной керамикой. Многие вещи, имевшие широкое хождение в пшеворском ареале, были изделиями ремесленных центров, и они в равной степени распространялись как среди славян, так и в германской среде. Несмотря на этническую разнородность, население пользовалось одинаковыми фибулами и другими металлическими принадлежностями одежды.

В изучении этнического состава населения пшеворской культуры наиболее существенными представляются различия, выявляемые в деталях погребальной обрядности. Думается, что различия между ямными и урновыми захоронениями, отмеченные Р. Ямкой, заслуживают всяческого внимания. Анализ погребений всего пшеворского ареала обнаруживает не только заметные различия в вещевых инвентарях между ямными и урновыми, но и неравномерность их географического распределения.

Различия между ямными и урновыми захоронениями хорошо видны по материалам шести наиболее исследованных могильников пшеворской культуры — Вымыслово³⁰, Домораdziце³¹, Конин³², Млодзиково³³, Карчевец³⁴

---

²⁸ Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. T. I. Warszawa, 1964. S. 215—277.

²⁹ Jankuhn H. Germanen und Slawen // Berichte über den II. Internationalen Kongress für Slawische Archäologie. Bd. I. Berlin, 1970. S. 63; Kolendo J. Źródła pisane w badaniach nad strefami kulturowymi i etnicznymi Europy środkowej w okresie rzymskim // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981. S. 70—78.

³⁰ Jasnosz S. Cmentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Wymysławie pow. Gostyn // Fontes praehistorici Posnanienses. T. II. Poznań, 1952. S. 1—284.

³¹ Kostrzewski B. Cmentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Domaradzicach pow. Rawicz // Fontes archaeologici Posnanienses. T. IV. Poznań, 1964. S. 143—274.

³² Kostrzewski B. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Koninie (woj. Poznańskie) // Przegląd archeologiczny. T. VII. Z. 2. Wrocław, 1947. S. 192—294.

³³ Dymaczewski A. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Młodzikowie, pow. Środa // Fontes archaeologici Posnanienses. T. VIII—IX. Poznań, 1958. S. 179—442.

³⁴ Dąbrowska T. Cmentarzysko kultury przeworskiej w Karczewcu, pow. Węgrów // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. II. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. S. 383—531.

и Хорула³⁵. Первые четыре памятника находятся в Великопольше, Карчевец — в Мазовии, Хорула — в Силезии.

Выявляется, что урновые погребения характеризуются специфическими особенностями, почти неизвестными ямным. Прежде всего это уже отмеченный Р. Ямкой обычай класть в могилы предметы вооружения. Около трети урновых захоронений сопровождалась копьями, дротиками, мечами, стрелами, умбонами щитов (сюда же относятся шпоры, поскольку в римское время они были принадлежностью воина-всадника). Ямные погребения с оружием единичны и содержат не наборы вооружения (обычно — два копья, две шпоры и умбон), а отдельные предметы: одно копьё, одну шпору или обломки умбона.

Довольно характерны для урновых погребений также ножницы, кресала, замки и ключи. Наоборот, в ямных захоронениях многих пшеворских могильников, а также в некрополях, где доминируют безурновые могилы, эти вещи почти не встречаются.

Выделяются урновые погребения и нередким присутствием сосудов-приставок. Свыше трети таких захоронений рассматриваемых шести могильников содержат, кроме урн, от одного до пяти сосудов, поставленных с какими-то ритуальными целями, в то время как абсолютное большинство ямных погребений лишено сосудов-приставок.

Обычай сопровождать умерших заупокойной пищей в виде птицы также был характерен для урновых могил. Так, в могильнике Хорула из 28 захоронений с находками птичьих костей 26 были урновыми. Любопытно, что в десяти из них встречаются наконечники копий, в семи — умбоны, в четырех — шпоры, в шести — ножницы, в пяти — замки, в четырех — ключи. Представляет интерес география погребений с находками птичьих костей — все они сконцентрированы в юго-западной части пшеворской территории. Здесь же выявляется и наибольшее бытование урновых захоронений.

Такие же различия между урновыми и ямными погребениями проявляются и в других могильниках пшеворской культуры. В некрополях, состоящих целиком из ямных захоронений, предметы вооружения, ножницы, ключи, замки и глиняные сосуды-приставки, как правило, не встречаются или составляют редчайшее исключение. Так, в могильнике римского времени в Грудзicach, в котором раскопаны исключительно безур-

---

³⁵ Szydlowski I. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w Choruli, pow. Krapkowice. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964.

новые погребения, такие предметы не обнаружены вовсе³⁶. Предметы, характерные для урновых могил, иногда отсутствуют и в могильниках, в которых на долю ямных погребений приходится более 90% исследованных. Таков, в частности, некрополь Щитно, в котором из 40 раскопанных могил 38 были безурновыми³⁷.

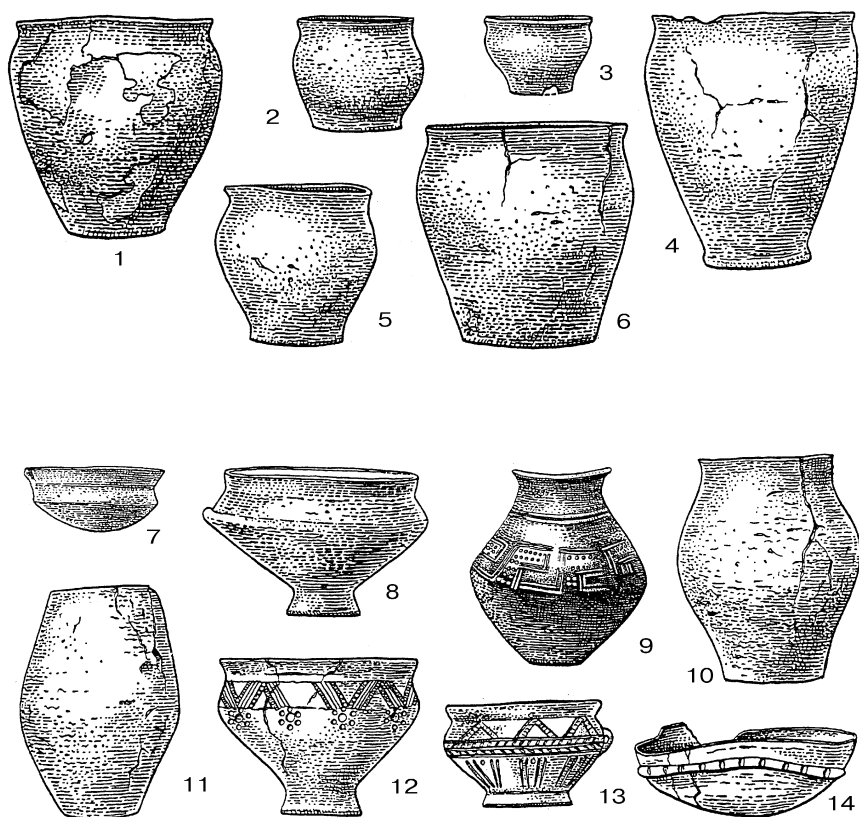
В ямных захоронениях в позднелатенское время встречаются в основном железные ножи и фибулы, в раннеримское время — ножи, фибулы, изредка пряслица, в позднееримский период — те же находки и очень редко — костяные гребни. Очень многие ямные погребения вообще не сопровождались вещевым инвентарем.

Выявляемые различия урновых и ямных погребений подкрепляются анализом керамического материала (рис. 24). При этом была привлечена исключительно лепная посуда, поскольку гончарная производилась в ремесленных центрах и распространялась в результате торгового обмена. К сожалению, прямая корреляция определенных форм глиняной посуды, изготовленной домашним способом, с урновыми и ямными захоронениями невозможна, поскольку последние, как правило, не содержат целых сосудов. Пришлось проанализировать совстречаемость типов лепной керамики с предметами вооружения и другими культурными элементами, характерными для урновых погребений. Оказывается, что для захоронений с маркерами урновых могил характерны в основном сосуды трех следующих типов: 1) округлобокие горшки с наибольшим расширением посередине высоты и примерно равными по диаметру горлом и дном; 2) биконические горшки с наибольшим расширением также в средней части и равными по диаметру горлом и дном; 3) миски с ребристым профилем, поддоном и ушками. Для погребений, не несущих элементы, характерные для урновых могил, свойственны совсем иные формы лепной керамики: 1) сравнительно высокие горшки с наибольшим расширением в верхней трети их высоты, с усеченноконическим туловом и слабопрофилированным венчиком; 2) невысокие, относительно широкие сосуды опять-таки с наибольшим расширением в верхней трети, усеченноконическим туловом и почти цилиндрическим верхом. Оба этих типа сосудов по форме и пропорциям напоминают достоверно славянские горшки раннего средневековья.

---

³⁶ Godłowski K. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w Grudziecach w pow. Opolskim // Przegląd archeologiczny. T. XVI. Wrocław, 1965. S. 154—162.

³⁷ Miskiewicz J. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w miejscowości Szczitno pow. Włocławek // Materiały starożytne. T. V. Warszawa, 1959. S. 259—289.

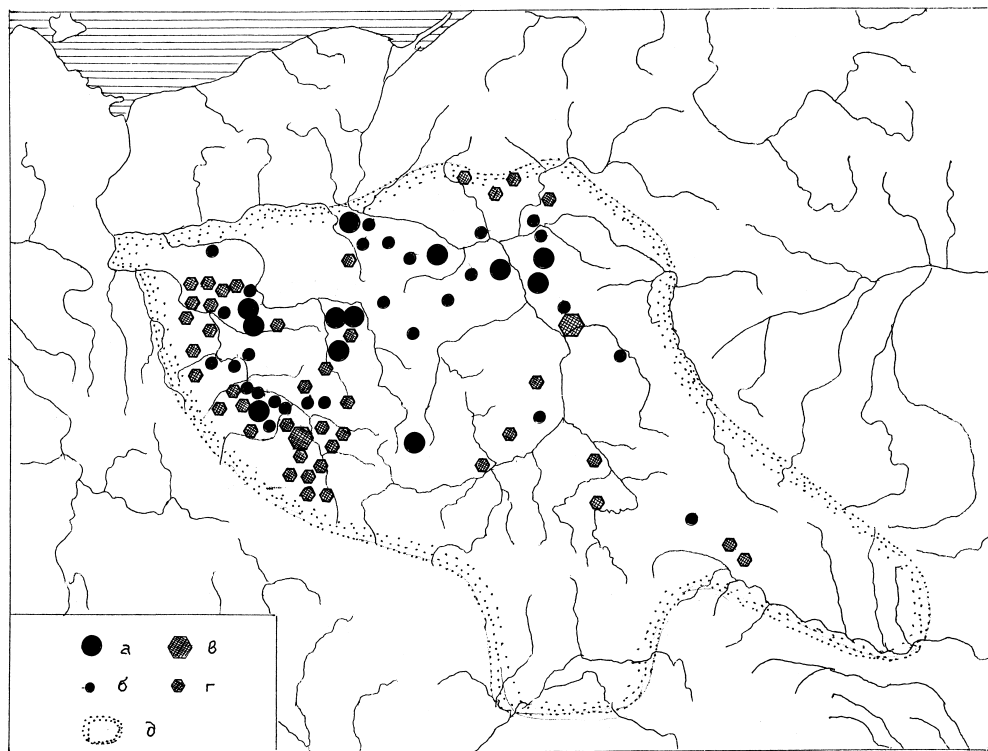
Рис. 24. Глиняная посуда из ямных (1—6)

и урновых (7—14) погребений пшеворской культуры

1—6, 8, 10—14 — Спицымеж; 7 — Подберезцы; 9 — Монастыриха.

Представляет интерес и отмеченная И. П. Русановой корреляция керамики, характерной для ямных погребений, с прямоугольными, почти квадратными в плане полуземляночными жилищами с очагами, сложенными из камней, которые стали прототипами жилищ-полуземлянок значительной части славянского мира начала средневековой поры. Эта посуда обнаружена в полуземлянках при раскопках поселений Вулька Лясецка, Пивонице, Вербковице. Мацкувка, Тархалице, Грошовице и других³⁸.

³⁸ Русанова И. П. Компоненты пшеворской культуры // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 195—199; Она же. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М., 1990. С. 119—150.

Рис. 25. Географическое распространение могильников пшеворской культуры с преобладанием ямных и урновых погребений

(Цифровые обозначения могильников и распределение их по хронологическим периодам см.: *Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994. С. 188—193*)

а—б — могильники с преобладанием (более 60%) ямных погребений (**а** — исследовано свыше 50 захоронений; **б** — исследовано до 50 захоронений); **в—г** — могильники с преобладанием (более 60%) урновых погребений (**в** — раскопано свыше 50 захоронений; **г** — раскопано до 50 захоронений); памятники с единичными погребениями не картировались; **д** — общая граница территории пшеворской культуры.

Все эти наблюдения с достаточной определенностью позволяют говорить об этнографическом своеобразии ямных и урновых погребений пшеворской культуры. Выявляемые различия не могут быть социальными показателями, поскольку могилы этих типов имеют несколько отличные ареалы. Эти различия отражают прежде всего особенности обрядности двух основных этносов в составе населения пшеворской культуры. Как отмечалось выше, Л. Нидерле, характеризуя погребальную обряд-

ность раннесредневекового славянского мира, подчеркивал, что для всех славян свойственно простое убранство, поэтому их захоронения, в отличие от соседних этнических групп — финно-угорских, летто-литовских, германских и других,— обычно содержат немногочисленные вещи или вовсе безынвентарны. Ямные погребения пшеворских могильников по всем показателям сопоставимы со славянской обрядностью. Элементы же, характеризующие урновыми захоронениями, находят параллели в погребальном ритуале германских племен. В регионах, ранее заселенных кельтами, проявляется кельтское наследие.

Картографирование ямных и урновых погребений отчетливо выделяет в пшеворском ареале два региона (рис. 25) — восточный (или Висленский), в котором доминируют могильники с заметным преобладанием ямных захоронений, и западный (или Одерский), где большую часть составляют некрополи с преимущественно урновыми могилами. Какое-то число могильников с ямными погребениями, естественно, есть и на Одере, и, наоборот, немногочисленные могильники с урновыми захоронениями встречаются и в Повисленье. Жесткой границы между намечаемыми регионами нет и не могло быть. Разные этнографические группы пшеворского населения проживали на одной территории, поэтому речь может идти только о некотором преобладании представителей одного этноса в восточном регионе и другого — в Одерском.

В позднелатенский период почти на всей территории пшеворской культуры были распространены могильники с преимущественно ямными погребениями. Некрополи с урновыми захоронениями сравнительно немногочисленны и локализуются в основном в Силезии и в Северном Прикарпатье, то есть в местностях, ранее заселенных кельтами. В этой связи следует допустить, что пшеворские могильники с урновыми погребениями отражают кельтское субстратное наследие.

Ситуация изменяется в римское время. На стадии В1 в Одерском регионе возникает множество новых могильников, в которых доминируют урновые погребения с охарактеризованными выше особенностями. И объяснить это можно только инфильтрацией в западные земли пшеворского ареала нового населения. На стадиях С и D в Поодерье по-прежнему доминируют могильники с преимущественно урновыми захоронениями. В правобережной части бассейна Вислы со второй половины II в. н. э. получает распространение вельбарская культура, о чем подробнее будет сказано ниже в связи с готской проблематикой. Пшеворские могильники с ямными захоронениями теперь концентрируются преимущественно в бассейне Варты.

Население, проникшее в римское время на территорию пшеворской культуры, несомненно, было германским. С распространением этого населения в пшеворских памятниках появляется целый ряд вещевых находок и особенностей погребальной обрядности, свойственных германскому миру. Так, в Одерском регионе получают распространение широкие железные шпоры с цилиндрическими головками на концах, имеющие полные аналогии в германских древностях. Преимущественно с этим регионом связаны и находки бронзовых изделий нижневисленско-поморских типов, весьма характерных для германского мира³⁹. Только в Одерском регионе обнаружены специфически германские привески⁴⁰. Серия вещевых находок, относимых исследователями к так называемой бургундской культуре⁴¹, также концентрируется в западной части территории пшеворской культуры. Свыше 95% могил с находками птичьих костей, несомненно, отражающих существенную черту урновых погребений, принадлежит Одерскому региону. В этом же регионе находится свыше 80% погребений, в которых зафиксирован ритуал вбивания оружия или острых орудий труда в дно могильной ямы или содержимое погребальной урны, что было свойственно обрядности германских племен.

Следует заметить, что выявляемые различия урновых и ямных погребений и их неодинаковое географическое распределение не дают оснований рассматривать наличие или отсутствие погребальной урны в том или ином конкретном захоронении как этноопределяющий признак для отнесения могилы к славянскому или германскому этносу. Далеко не все урновые погребения можно относить к германцам, и, наоборот, среди ямных могут быть и неславянские захоронения. Славяне и германцы в пшеворском ареале проживали не изолированно друг от друга. Общие поселения и кладбища здесь были обычным явлением. В результате этнографические признаки нередко смешивались и нивелировались. Совместное и длительное проживание двух этносов на одной территории вело, естественно, к метисации, возникновению двуязычия, к ассимиляционным процессам. Предлагаемая дифференциация пшеворских древностей позволяет говорить лишь о наличии в составе населения рассматриваемой культуры двух этнических компонентов и о различной их кон-

---

³⁹ *Tejral J.* K interpretaci severovýchodních prvků v hmotné kultuře Moravské oblasti na sklonku starší doby římské // *Památký archeologické*. Praha, 1970. N 1. S. 184—215.

⁴⁰ *Kleemann O.* Zwei ostgermanische Kapfelanhänger // *Alt Schlesien*. Bd. 8. Breslau, 1939. S. 76—85. Abb. 10.

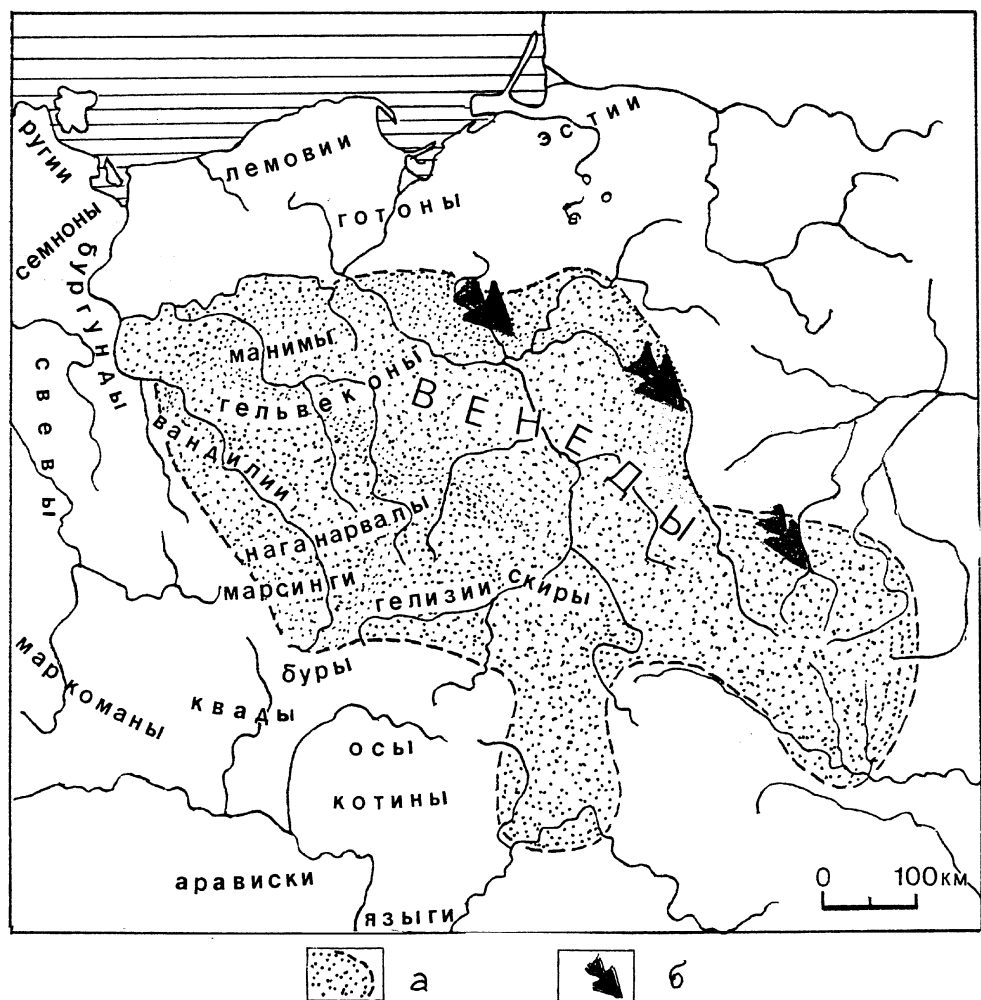
⁴¹ *Domański G.* Zagadnienie tak zwanej kultury burgundzkiej // *Przegląd archeologiczny*. T. 21. Wrocław, 1973. S. 123—163.

центрации в Повисленье и бассейне Одера. Думается, что со временем по мере поступления новых археологических материалов детали славяно-германского взаимодействия в ареале пшеворской культуры будут все более и более отчетливыми.

Изложенные результаты соответствуют данным античных письменных памятников. Венеды — одно из крупнейших племен Европейской Сарматии,— согласно Птолемею, как отмечалось выше, прямо связываются с Вислой. Плиний и Тацит упоминают венедов как соседей германских племен, а согласно античной традиции, рубежом между Германией и Сарматией была Висла. На Певтингеровой карте мира, восходящей к позднеримскому времени (III в. н. э.), венеды-сарматы локализованы в том же регионе — южнее Балтийского моря и северо-западнее бастарнов. Бастарны отождествляются с носителями культуры Поянешты—Лукашевка в Днестровско-Прутском междуречье.

Венеды не были непосредственными соседями Римской империи. Более значительное внимание римские авторы уделяли описаниям германских племен, которые не только вплотную соприкасались с пределами Римской империи, но и неоднократно воевали с ней.

На основании сведений античных авторов восстанавливается следующая картина расселения восточногерманских племен (рис. 26). В I—II вв. н. э. готы (готы) локализуются в нижнем течении Вислы. В том же регионе проживали гепиды — первоначально одно из готских племен. На побережье Балтийского моря, западнее готов жили лемовии и ругии (ульмеруги Птолемея). Бургунды (бургундионы) в эпоху Птолемея заселяли среднее течение Одера и заходили в бассейн Варты. Их ближайшими соседями были западногерманские племена Поэльбья. К северу от Карпат, между Одером и Вислой обитали небольшие германские племена — гарнии, гелизии, гелвеконы, манимы, наганарвалы, входившие в состав племенного объединения лугиев. По среднему течению Одера жили также вандилии (вандалы). Со II в. н. э. они стали постепенно продвигаться на юг. По информации Диона Кассия, вандалы-синлинги и вандалы-хазинги заселяли уже верхнюю часть бассейна Одера. Таким образом, согласно сведениям античных авторов, пшеворский ареал заселяли и венеды (славяне), и германцы разных племенных групп. Очевидно, следует признать, что пшеворская культура была полиэтничным образованием, в составе его носителей были представители разных племенных групп. В таких условиях некоторая культурная нивелировка была неизбежной, и она усиливалась значительным воздействием латенской и провинциально-римской культур.

Рис. 26. Расселение племен по историческим данным в первые века нашей эры
а — ареал пшеворской культуры; **б** — направления миграции готов к Черному морю.

Выявляемые праславянские лексические проникновения в диалекты англов и саксов до их переселения на Британские острова, о чем говорилось выше, свидетельствуют о том, что славяне в римское время проживали не только в Висленском регионе, но и на Одере. На это указывают и данные археологии — в Одерском регионе исследовано немало могильников с доминированием ямных захоронений.

Подводя итоги рассмотренному, можно утверждать, что основным этносом в пшеворском ареале были славяне-земледельцы — потомки населения культуры подклёшевых погребений. На их территорию, особенно в западные земли, неоднократно вторгались различные племена германцев. Их проживание фиксируется не только археологическими материалами, но отмечено и античными авторами. Пришлomu населению, которое в большей степени, чем аборигены, было военизированным, в ряде местностей удавалось подчинить своей власти местных землепашцев. И все население таких регионов римскими авторами, очевидно, именовалось этонимами господствующего племени, то есть бургундами, вандалами и другими, поскольку сведения о ситуации за пределами Империи поступали в Рим от германских информаторов.

На северо-востоке славяне — носители пшеворской культуры — тесно соприкасались с западнобалтскими племенами, представленными культурой западнобалтских курганов и трансформировавшимися из нее древностями римского времени. Ситуации на юго-востоке пшеворского ареала посвящен следующий раздел исследования. На первых порах пшеворское население на юге было ограничено естественным рубежом — Карпатскими горами. В позднеримский период переселенцы с пшеворской территории, как уже говорилось, пересекли эти горы и устремились в северные регионы Среднего Подунавья, встретившись там с остатками кельтского населения и проникавшими туда германцами.

Конец пшеворской культуры приходится на период великого переселения народов. Германский этнический компонент (военно-дружинное сословие со своей свитой и окружением) покидает пшеворские земли. Производственные центры (железоделательные и железообрабатывающие, бронзолитейные и ювелирные, гончарные и стеклоделательные), обеспечивавшие потребности пшеворского земледельческого населения, прекратили функционирование. В результате в Висло-Одерском регионе наблюдается регресс культуры и быта. Оставшееся здесь земледельческое население вынуждено было удовлетворять свои нужды изделиями домашнего ремесла, которое было весьма примитивно по сравнению с провинциальноримским производством во все отношения.

Хронологически пшеворская культура соответствует среднему этапу эволюции праславянского языка (согласно периодизации Ф. П. Филина)⁴². Он характеризуется серьезными преобразованиями славянской языковой системы. Изменения в фонетике проявляются в двух существенных

---

⁴² Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 103—110.

трансформациях: первой палатализации и «законе» открытых слогов. Языковые преобразования славян на этом этапе затронули и грамматику. Одновременно славянская лексика пополнилась немалым числом германизмов⁴³.

Время действия закона первой палатализации заднеязычных коррелируется с лексическими заимствованиями из германских языков. Поступившие в праславянский из восточногерманских языков такие лексемы, как *меч*, *шлем* и некоторые другие, отражают этот фонетический процесс. Историческая ситуация, имевшая место в ареале пшеворской культуры, как она восстанавливается по археологическим материалам, указывает на то, что серьезные преобразования славянской языковой системы первых четырех веков нашей эры были обусловлены внутрирегиональными контактами славян с кельтами и восточногерманскими племенами.

Этнокультурная ситуация в Днестровско-Днепровском регионе

Зарубинецкая культура

Обширные пространства Севернопричерноморских земель в латенское время были заселены скифами и продвигавшимися с востока сарматами. Более северные области Восточно-Европейской равнины принадлежали различным племенам балтской языковой группы. В последней трети III в. до н. э. в области, где соприкасались балтский и скифский ареалы, имело место вторжение племен поморской культуры и культуры подклёшевых погребений. Согласно положениям Ю. В. Кухаренко, которому принадлежит сводное исследование древностей зарубинецкой культуры, последняя сложилась в западной части Припятского Полесья в результате расселения здесь переселенцев из Повисленья — носителей культур поморской и подклёшевых погребений. Из бассейна Припяти

---

⁴³ Kiparski V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 95—99; Филин Ф. П. Образование языка... С. 104, 137; Г. Шевелов (Shevelov G. Y. Prehistory of Slavic. New York, 1965. P. 617—619) утверждает, что результатом контакта славян с германцами было не только проникновение в праславянский германской лексики, но и фонетическое воздействие на славянский язык.

зарубинецкая культура распространилась на восток в Среднее Поднепровье и смежные земли Верхнего Поднепровья⁴⁴.

П. Н. Третьяков не согласился с Ю. В. Кухаренко, показав, что припятская группа зарубинецкой культуры не старше днепровской, поэтому начало последней не может возводиться к Полесью. Исследователь рассматривал формирование зарубинецкой культуры как синтез местных скифских и милоградских элементов с пришлыми с запада компонентами⁴⁵. Последующие изыскания показали, что это действительно было так.

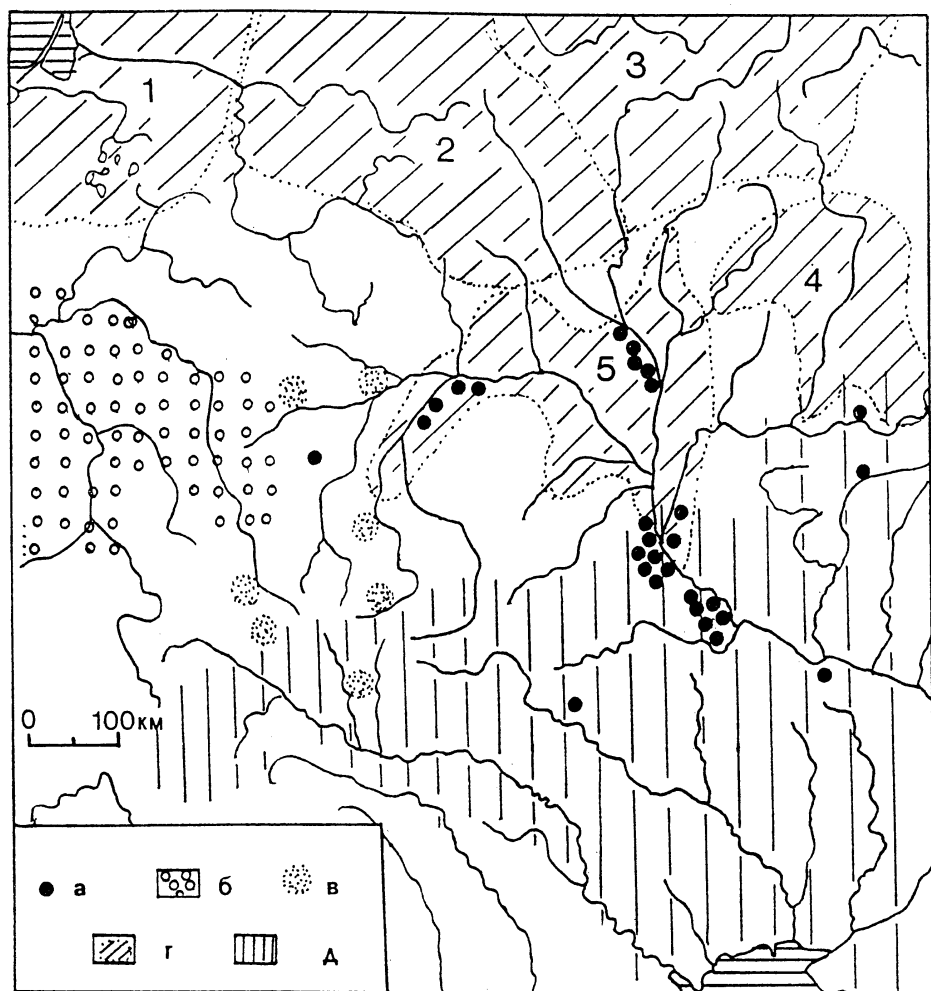
Припятский регион, включающий среднее течение Припяти с низовьями Горыни, до расселения поморских племен был весьма слабо заселен носителями милоградской культуры (рис. 27). Анализ ранних погребений из зарубинецких могильников этой территории (Велемичи, Воронино, Отвержичи и др.) показывает, что формирование рассматриваемой культуры здесь было в значительной степени результатом оседания пришлого населения с территории поморской культуры и культуры подклёшевых погребений. В захоронениях, датированных находками расчлененных среднелатенских фибул рубежа III и II вв. до н. э., выявляются отчетливые следы повисленских культур. Определить этнос носителей зарубинецкой культуры Припятского региона по данным археологии не представляется возможным.

Формирование зарубинецкой культуры в Верхнеднепровском регионе, включающем области белорусского течения Днестра от устья Березины до Припяти и части бассейнов Ипути и Сожа, протекало в условиях взаимодействия местного населения, представленного милоградской культурой, с расселившимися здесь на рубеже III и II вв. до н. э. племенами культур поморской и подклёшевых погребений. Между милоградскими и зарубинецкими древностями этого региона наблюдается некоторая преемственность, свидетельствующая о том, что местное население не покинуло мест своего обитания при миграции более или менее крупных групп переселенцев из разных мест Повисленья. Племена милоградской культуры, судя по всем данным, которыми располагает наука, были одной из периферийных группировок древнего балтского этноязыкового массива. Остается неясным, возобладали ли в процессе метисации пришлые этнические элементы или же переселенцы были ассимилированы балтами.

---

⁴⁴ Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура // САИ. Вып. Д1—19. М., 1964; *Он же*. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА. 1960. № 1. С. 289—300.

⁴⁵ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966. С. 214—217.

Рис. 27. Поднепровье и смежные области в период становления зарубинецкой культуры

а — памятники зарубинецкой культуры раннего этапа; **б** — ареал культуры подклёшевых погребений; **в** — места расселения носителей поморской культуры вне ее основного ареала; **г** — культуры балтских племен: **1** — западнобалтских курганов; **2** — штрихованной керамики; **3** — днепро-двинская; **4** — юхновская; **5** — милоградская; **д** — ареал скифской культуры.

Среднеднепровский регион зарубинецкой культуры, охватывающий поречье Днепра с притоками от устья Десны до Тясмина, до оседания переселенцев из Повисленья был заселен племенами скифской лесостепной

культуры. Здесь известно свыше сотни поселений и курганов V—III вв. до н. э., которые можно рассматривать как памятники скифов-пахарей Геродота.

Исследователи этих древностей неоднократно отмечали несомненную близость их с раннезарубинецкими материалами этого региона. Это проявляется во многих элементах культуры, в том числе в формах и ornamentации глиняной посуды, в однотипности орудий труда, в конструктивных деталях жилых и хозяйственных строений. В этой связи можно полагать, что местное скифское население вошло в состав носителей зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья. Здесь имел место синтез местной культуры с пришлой, результатом чего стали изменение обрядности и появление ранее неизвестных элементов материальной культуры. Миграция нового населения в Среднее Поднепровье шла с запада, с коренной территории распространения поморско-подклёшевых древностей в последних десятилетиях III в. до н. э.⁴⁶

Импульсом миграции части населения из Висленского региона в Поднепровье стала экспансия кельтов. Их появление в землях к северу от Карпат и последующее вторжение в области культуры подклёшевых погребений и привели в движение более или менее крупные группы населения Повисленья в восточном направлении. Параллельно отдельные, небольшие группы кельтов распространились и в землях Днестро-Днепровского междуречья. Здесь обнаружены не только отдельные находки кельтских бронзовых украшений, которые можно было бы интерпретировать как результат культурных контактов, но и комплексы, прямо свидетельствующие о проникновении отдельных групп кельтского населения далеко на восток. К таковым относятся вещевой комплекс с латенскими фибулами из Залесья близ устья Припяти; латенские фибулы, обнаруженные у с. Липлява на левом берегу Днепра; бронзовое литое изображение человеческой головы из с. Пекари на Днепре, сопоставимое с масками кельтских богов⁴⁷. Вообще можно заметить, что обычай широкого употребления фибул был воспринят зарубинецким населением явно от кельтов. Кельтское начало имеют и отдельные формы зарубинецкой керамики. Часть кельтов появилась в ареале становления зарубинецкой культуры, по-видимому, в составе переселенцев с Вислы. Вместе с тем

---

⁴⁶ Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972; *Он же*. Зарубинецкая культура на территории Украины. Киев, 1982.

⁴⁷ Мачинский Д. А. О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифского и сарматского периодов // КСИА. Вып. 133. 1973. С. 3—9.

миграция кельтов в правобережные области Среднего Поднепровья исходила также, нужно полагать, из далекой Адриатики, о чем говорят находки в зарубинецких памятниках фибул с восьмеркообразной ножкой⁴⁸.

Все три региона зарубинецкой культуры (рис. 28) объединяют общие элементы, очевидно, отражающие этнокультурное единство переселенцев из Повисленья. Это проявляется в однообразии погребальной обрядности и чернолощенной керамики, в широком употреблении фибул, имеющих латенские прототипы. Включение в состав складывающегося зарубинецкого населения местных жителей, принадлежащих к разным этнокультурным группам, придало каждому региону свои особенности. Это проявляется и в домостроительстве, и в керамических материалах, и в украшениях. Есть некоторые отличия и в погребальной обрядности, в частности в Среднеднепровском регионе имеются чуждые зарубинецкой культуре захоронения по обряду ингумации, в которых следует видеть субстратное наследие скифского ритуала.

Скорее всего, миграция в Днепровские земли протекала небольшими группами из разных областей поморской культуры и культуры подклёшевых погребений. В составе переселенцев были и иноплеменники, о чем свидетельствуют отдельные ясторфские элементы, зафиксированные в некоторых зарубинецких памятниках.

Зарубинецкой культуре свойственны неукрепленные поселения площадью от 0,1 до 2 га (из 4—12 жилищ), устраиваемые на невысоких местах — останцах пойм или на надпойменных террасах. Имеются случаи использования старых городищ. С середины I в до н. э. среднеднепровские поселения в связи с появлением поблизости сарматов стали укрепляться земляными валами и рвами, склоны их эскарпировались, на валах сооружались бревенчатые частоколы.

Припятскому региону характерны жилые полуземляночные строения (опускались в грунт до 1 м). В Среднем Поднепровье доминировали жилища каркасно-плетневой конструкции (с обмазкой глиной) и опущенным в грунт полом до 0,3—0,5 м. На верхнем Днепре сооружались наземные дома столбовой конструкции. Все эти жилища имели подквадратную в плане форму и размеры от 12 до 20 кв. м. Крыши были двускатными с покрытием из соломы, иногда с глиной. Отапливались жилища открытыми очагами, окольцованными обычно камнями или глиняными вальками. Располагались очаги посередине построек или около одной из их стен.

---

⁴⁸ Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2. С. 57—79.

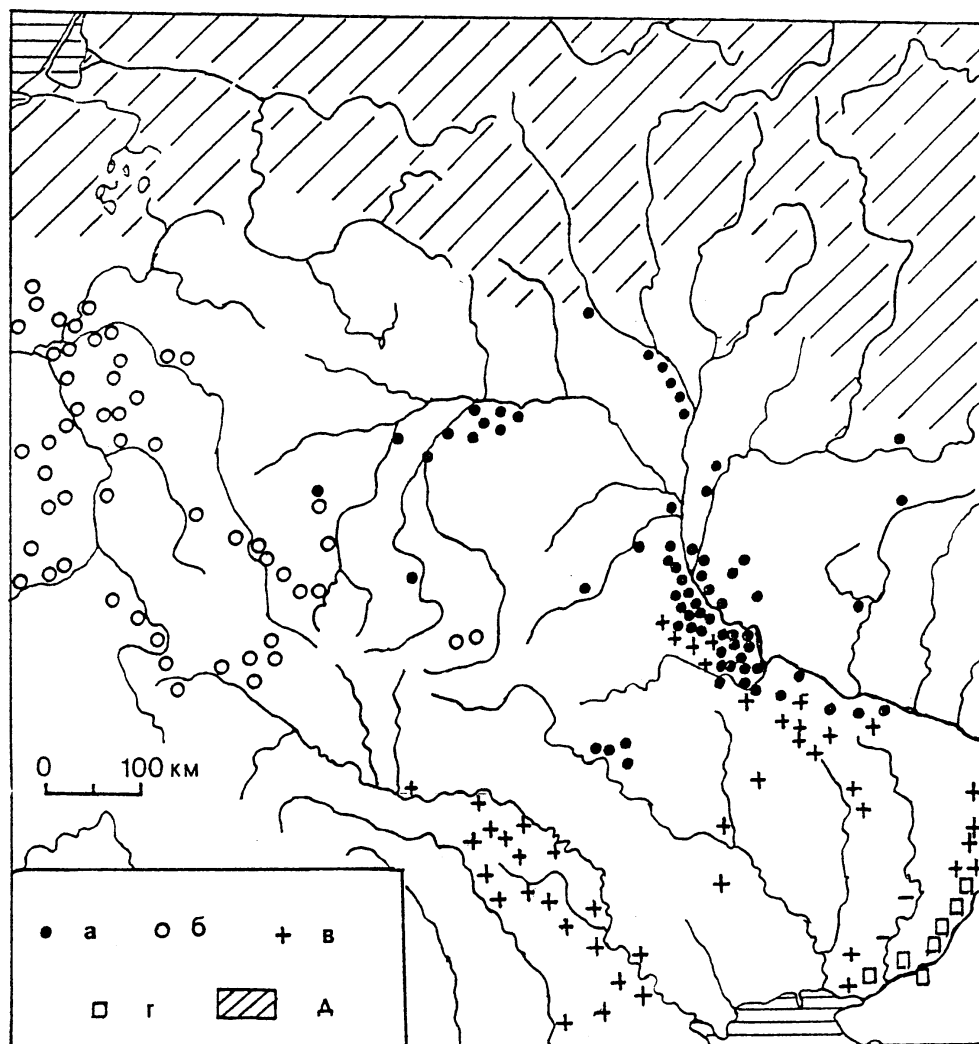

Рис. 28. Зарубинецкая культура в начале нашей эры

а — памятники зарубинецкой культуры; **б** — памятники пшеворской культуры; **в** — сарматские памятники I в. н. э.; **г** — поздне斯基фские городища; **д** — ареал болот.

Все зарубинецкие могильники бескурганные. Господствовал обряд кремации умерших на стороне. Остатки трупосожжений собирались и сыпались на дно могильных ям или же помещались в глиняные сосуды-урны, которые ставились в ямы. В Припятском Полесье и на среднем

Днепре преобладали ямные (безурновые) захоронения (около 90%), в Верхнеднепровском регионе встречены исключительно урновые. Погребальный инвентарь небогат и однообразен. Это в основном глиняная посуда (горшки, миски, кружки), реже предметы личного убора и украшения (фибулы, булавки, браслеты, перстни, бусы), еще реже встречаются орудия труда.

В Среднем Поднепровье около половины исследованных раскопками погребений содержали кости домашних животных (свинья, овца, корова) — остатки положенной в могилы ритуальной пищи. Это, бесспорно, наследие ритуала местного скифского населения. В V—III вв. до н. э. напутственная пища помещалась скифами этого региона почти во все могилы⁴⁹. В Припятском и Верхнеднепровском регионах зафиксированы лишь единичные случаи зарубинецких захоронений с костями животных.

Глиняная посуда зарубинецкой культуры членится на лощеную с черной или темно-коричневой поверхностью и нелощеную со светло-коричневой поверхностью. Первая была столовой и ритуальной посудой, вторая предназначалась для приготовления пищи и хранения продовольственных припасов. Обнаружены и сосуды с шероховатой («хроповатой») поверхностью, привнесенные из Висленского региона.

Наиболее многочисленную группу составляют горшки и корчаги, широко распространены были и миски разных типов (полусферические, округлоплечие, ребристые). В Среднем Поднепровье нередкой находкой являются еще конические крышки, оканчивающиеся высокой полой ручкой. Такие крышки имели широкое хождение среди скифского населения в IV—III вв. до н. э. и зарубинецким населением унаследованы от скифов. Есть среди зарубинецких древностей и глиняные сковородки — круглые диски диаметром 14—26 см и толщиной около 1 см, которые использовались для выпечки лепешек.

Железные изделия представлены в коллекциях из памятников зарубинецкой культуры ножами с прямыми и горбатыми спинками; небольшими слабо изогнутыми серпами с черенками для деревянных ручек; короткими косами латенского типа, предназначенными для покоса трав; топорами; рыболовными крючками и одношипными острогами; единичными долотами, зубилами, сверлом и лошкарями. Из бытовых предметов обычны шилья, иглы с ушками, луновидные бритвы с петлеобразной ручкой.

---

⁴⁹ Петренко В. Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д1—4. М., 1967. С. 19—20.

На всех поселениях и в ряде захоронений встречены глиняные пряслица — биконические и уплощенные усеченноконические. Нередки также глиняные рыболовные грузила, точильные камни и зернотерки. Предметы вооружения немногочисленны — железные наконечники копий, дротиков и стрел. Единичными экземплярами представлены удила и шпоры с шишечками на концах, имеющие аналогии в латенском мире.

Из предметов убранства наибольшее бытование получили бронзовые, реже железные фибулы нескольких типов (латенские, провинциально-римские, глазчатые). Реже встречаются металлические одежные булавки с кольцевыми, спиральными или гвоздевидными головками; дротовые браслеты с заостренными, расширяющимися или фигурными концами; спиральные браслеты; бронзовые трапециевидные привески; проволоочные кольца, среди которых, по-видимому, есть височные; бронзовые бусы и другое.

Хозяйственная деятельность зарубинецкого населения прежде всего была связана с земледелием. Пашни обрабатывались деревянными ралами простейшего устройства. Одно из таких орудий найдено в торфянике около д. Каплановичи на р. Лани, левом притоке Припяти. Оно было изготовлено из цельной части дуба: часть ствола стала ползуном, которым рыхлилась земля, а из сука изготовлен плоский в профиле грядиль. Общая длина орудия 2,5 м, длина ползуна около 0,6 м⁵⁰. Такие ралы известны в скифских древностях Поднепровья. Они использовались для вспашки легких почв в поймах или на надпойменных террасах. Тягловой силой были лошадь или вол. Системой землепользования был перелог, о чем говорит состав злаковых растений (просо, ячмень, мягкая и карликовая пшеница) и сопутствующих им сорняков. Судя по отпечаткам, фиксируемым на зарубинецкой глиняной посуде, имели распространение еще репа, лен и конопля. В северных областях зарубинецкой территории земледелие, очевидно, было подсечным.

Стадо состояло из свиней, крупного и мелкого рогатого скота и лошадей. На поселениях встречены еще кости собаки. Охотились, судя по костным остаткам, на лосей, оленей, кабанов, зубров, реже медведей и косулю. Большое место, нужно полагать, занимала охота на пушных зверей. Рыбная ловля и собирательство имели подсобное значение.

В зарубинецком ареале получили развитие железоделательное, кузнечное и бронзолитейное ремесла. Железо получали из болотных (луго-

---

⁵⁰ *Поболь А. Д.* Деревянное рало из торфяника у дер. Каплановичи // *Acta Baltico-Slavica*. T. V. Białystok, 1987. С. 117—128.

вых) руд посредством плавки в глинобитных горнах. На раннем этапе железо, судя по находкам шлаков, производилось почти на каждом поселении. Позднее возникли специальные поселки, специализировавшиеся на железоделании. Один из них исследовался в Лютеже в Среднем Поднепровье. Открыты остатки 15 горнов, из которых три—пять функционировали одновременно, производя за сезон до 100 кг железа⁵¹.

В кузнечном деле использовалось низкосортное кричное железо. Более высокого уровня достигло это ремесло в южной части Среднего Поднепровья, где кузнецы знали сталь. Специалисты считают, что ее получение восходит к скифам. Вместе с тем там же выявлены технологические приемы («пакетирование» изделий, цементация лезвий с последующей закалкой), свидетельствующие о восприятии зарубинецкими кузнецами кельтской (латенской) железообработки⁵².

Бронзолитейное ремесло основывалось на привозном металле (из античной периферии). Плавили его в тиглях в домашних очагах. Изделия изготавливались с применением проковки, протяжки и чеканки. Производство глиняной посуды не вышло за рамки домашнего производства, хотя при формовке сосудов и использовался гончарный круг ручного типа. Обжигали высушенные сосуды на кострах. Поверхность их выглаживалась и полировалась костяными, глиняными или кожаными ложилами. Для получения чернолощеной посуды применялся метод обвара — нагретый сосуд погружался в теплый мучной раствор. Занималось зарубинецкое население также деревообработкой, ткачеством, обработкой кожи и мехов, костерезным ремеслом.

Торговые контакты зарубинецкие племена поддерживали прежде всего с греческими городами Северного Причерноморья и скифо-сарматским миром. Из привозных предметов самыми многочисленными являются греческие амфоры, их фрагменты обнаружены на всех исследованных раскопками поселениях Среднего Поднепровья. Бусы — круглые пастовые, синего или желтого цвета, с глазками III—I вв. до н. э. и мелкие стеклянные, синие, зеленые или желтые, цилиндрической или дисковидной формы — распространялись из античных городов по всему зарубинецкому ареалу. Из Нижнего Поднепровья в Среднеднепровский регион поступали округлые серьги из бронзовой проволоки; от сарма-

---

⁵¹ Бидзиля В. И., Пачкова С. П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. № 160. 1969. С. 51—74.

⁵² Вознесенская Г. А. Металлообработка на позднелатенском поселении Галиш-Ловачка // СА. 1984. № 4. С. 171.

тов — бронзовые литые кольца с выступами-шишечками, которые в сарматской среде имели культово-магическое значение. В нескольких пунктах территории зарубинецкой культуры найдены античные монеты, а в Субботове на Тясмине — скарабей из египетского фаянса.

Поддерживало зарубинецкое население контакты и с кельтским миром. Их свидетельствами являются находки бронзовых колец с шишечками, подвесок-амулетов и шпор латенского типа, фибулы «орнавасского» типа из Велемичей и бронзового ведерка из Субботова. Исследователи зарубинецких древностей считают, что импульсы из латенского мира поступали сюда постоянно.

Многие исследователи рассматривали зарубинецкую культуру как славянскую. Мысль о славянстве населения, оставившего среднеднепровские поля погребений, к которым принадлежат зарубинецкая и черняховская культуры, была высказана еще в начале XX в. В. В. Хвойко и получила широкое распространение в историко-археологической литературе, хотя она и не имела серьезных обоснований. Такие крупные исследователи, как Л. Нидерле и А. А. Спицын, не раз замечали, что конкретные данные для определения этноса населения зарубинецкой культуры в распоряжении науки отсутствуют. А. А. Спицын связывал эту культуру со скифами⁵³. Высказывались и иные точки зрения относительно этнической принадлежности зарубинецкой культуры, ее относили то к германцам, то к бас-тарнам, то к кельтам.

Собственно археологическим методом — ретроспективным — обосновать славянскую атрибуцию носителей зарубинецких древностей не представляется возможным. Отсутствуют и письменные свидетельства, которые могли бы помочь решить этот вопрос. Венедов, упоминаемых в произведениях Плиния, Тацита и Птолемея, связать с зарубинецкими племенами никак невозможно, хотя такие попытки предпринимались неоднократно. К тому же данные Птолемея относятся ко II в. н. э., когда зарубинецкая культура (в рассматриваемом классическом виде) перестала функционировать, потомки ее носителей рассеялись на обширных территориях среди разных этнокультурных групп. Относящаяся к следующему столетию Певтингерова карта локализует венедов никак не в Поднепровье.

Версия о германской атрибуции зарубинецкого населения ныне может быть решительно отвергнута. Некогда она покоилась на предполо-

---

⁵³ Спицын А. А. Поля погребальных урн // Советская археология. Т. X. М., 1948. С. 53—70.

жении о том, что носители поморской культуры, заложившие вместе с племенами культуры подклёшевых погребений основу зарубинецкой культуры, принадлежали к германскому этносу. Однако в настоящее время очевидно, что поморская культура не имеет отношения к этногенезу германцев. Это было периферийное диалектное образование на западной окраине древнего балтского ареала.

Нет никаких оснований и для отождествления носителей зарубинецких древностей с бастарнами. Деметрий из Каллатиса (последние десятилетия III в. до н. э.) локализует этот этнос в Нижнем Подунавье. В первой половине II в. до н. э. бастарны совершили несколько военных походов на Балканы, которые описаны Титом Ливием и Орозием. Позднее они упоминаются многими авторами. Наиболее информативные сведения о бастарнах содержатся в «Географии» греческого географа и историка Страбона, написанной во второй половине I в. до н. э. — первых десятилетиях нашей эры. При характеристике земель северо-западного Причерноморья называются и бастарны, одно из племенных подразделений которых — певкины — локализуется в низовьях Днестра. В настоящее время определена и археологическая культура бастарнов — это поянешты-лукашевская, распространенная в основном в междуречье Днестра и Серета⁵⁴. Основу ее заложили переселившиеся сюда из региона Одера — Нейсе племена ясторфской культуры при взаимодействии с нижнедунайским населением — гетами. В междуречье Одера и Нейсе выявлена особая группа ясторфской культуры — губинская. Археологически прослеживается, что на рубеже III и II столетий до н. э. часть этого населения продвинулась вдоль северных и восточных склонов Карпат и осела в регионе Днестра—Серета.

Поскольку в сложении трех основных групп зарубинецкой культуры приняли участие переселенцы из Повисленья, то этнос зарубинецких племен может быть обусловлен прежде всего языковой принадлежностью висленского населения. Выше носители культуры подклёшевых погребений определены как ранние славяне, находящиеся в стадии становления. Население же поморской культуры отнесено к периферийной

---

⁵⁴ Babeş M. Moldova centrală şi de nord în secolele II—I î. e. n.: Cultura Poienestî-Lukaşevka // Rezultatul tezei de doctorat. Bucureşti, 1978. P. 1—25; *Idem*. Die Frühgermanen im östlichen Dakien in den letzten Jahrhunderten v. u. Z. Archäologische und historische Belege // Frühe Völker in Mitteleuropa. Berlin, 1988. S. 129—156; Лапушняк В. А., Никущице И. Т., Романовская М. А. Памятники культуры Лукашевка — Поянешты (II—I вв. до н. э.) // Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев, 1974. С. 74—85.

группе западных балтов, близкой к формирующимся славянам. В этой связи следует допустить, что носители зарубинецкой культуры в языковом отношении были близки и славянам, и западным балтам, может быть, образуя отдельную диалектную группу, занимавшую промежуточное положение между праславянским языком и окраинными западно-балтскими говорами.

Такие переходные диалектные образования в древности, несомненно, существовали. В раннем средневековье таким племенным образованием, судя по изысканиям польского лингвиста Я. Отрембского, были ятвяги⁵⁵. Позднее в силу исторической ситуации значительная часть ятвягов вошла в состав польской народности, ятвяги, заселявшие регион среднего течения Немана, стали литовцами. Подобная судьба была и у зарубинецкого населения.

Около середины I в. н. э. воинственные сарматы заселяют южные земли Среднего Поднепровья и создают опасную ситуацию для оседлого земледельческого населения зарубинецкой культуры. Последнее вынуждено было покинуть эти области. Более или менее крупными группами зарубинецкое население переселяется на север, оседая в Подесенье, и на запад, осваивая регион верхнего течения Южного Буга. Сохранялось зарубинецкое население в течение второй половины I и во II в. н. э. лишь в северных регионах Среднего Поднепровья. При этом культура зарубинецкого населения здесь претерпела существенные изменения. Распространяются новые, не обусловленные внутренним развитием культурные элементы, что можно объяснить лишь притоком со стороны нового населения. На смену характерной зарубинецкой керамике приходят грубые лепные сосуды, среди которых немалую часть составляют формы, свойственные пшеворской культуре, получают хождение среднеевропейские фибулы (глазчатые и слабопрофилированные с высоким премником). Приток сюда пришлых групп населения из пшеворского ареала представляется несомненным. Меняется при этом и топография поселений, и характер домостроительства, а прежние могильники прекращают функционировать.

Результатом этих трансформаций стало образование двух культурных групп позднезарубинецкого или, вернее, постзарубинецкого облика — типа Лютежа в киевском правобережье и типа Картамышева—Терновки в восточном лесостепном Поднепровье и смежных землях бассейна Север-

---

⁵⁵ Otrębski J. Rozwój wzajemnych stosunków między grupą językową bałtycką a słowiańską // Z polskich studiów slawistycznych. T. I. Warszawa, 1958. S. 146—148.

ского Донца⁵⁶. Древности типа Лютежа во многом продолжали традиции классической зарубинецкой культуры. Основные формы горшков имеют прототипы в зарубинецкой керамике, полуземляночные жилища отчетливо восходят к зарубинецкому домостроительству. Однако стены построек теперь не обмазывались глиной, получают распространение и срубные дома с опущенным в грунт полом. Появляются единичные полуземлянки с центральным опорным столбом, поддерживающим кровлю.

Керамика древностей типа Картамышева—Терновки содержит немало форм, восходящих к зарубинецкой керамике, но вместе с тем появляются мискообразные лощеные сосуды с зигзаговидным профилем и прочерченным зигзаговым узором, явно привнесенные носителями пшеворской культуры. Близость к пшеворской керамике обнаруживают и некоторые груболепные сосуды. Обычай орнаментировать лощеные горшки узором из меандров и свастики также принадлежит к характерным пшеворским. В рассматриваемом регионе Поднепровья есть отдельные памятники, непосредственно свидетельствующие о переселении групп населения из Повисленья. Таковым, в частности, является погребение у с. Пересыпки близ Путивля⁵⁷.

Погребальные памятники древностей типа Лютежа и Картамышева—Терновки пока не выявлены. Датируются они в целом второй половиной I—II в. н. э.

Зарубинецкое население появляется в I в. н. э. в верхней части бассейна Южного Буга. В середине этого столетия здесь наблюдаются заметное увеличение населения и культурная трансформация, что объяснимо лишь инфильтрацией в этот регион носителей пшеворских древностей. Формы лощеной и грубой посуды Побужья в общих чертах продолжали традиции керамики зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья, но вместе с тем широкое распространение получают сосуды, бесспорно, пшеворского происхождения. Жилищами служили полуземлянки со

---

⁵⁶ Максимов Е. В. Зарубинецкая культура... С. 81—97; Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. М.; Сумы, 1991. С. 35—47.

Кроме того, небольшая часть носителей зарубинецких древностей продвинулась на юг, вниз по Днепру. Одним из памятников, документирующих эту миграцию, является поселение у с. Осиповка на р. Орель, где раскопками открыта полуземлянка II в. н. э. с типично зарубинецкой керамикой (Телегин Д. Я., Беляева Е. О. Пам'яткі ранньосло'вянського часу на Орелі // Археологія. Вип. 18. Київ, 1975. С. 96—101). Эти зарубинецкие переселенцы позднее растворились среди ираноязычных обитателей.

⁵⁷ Кухаренко Ю. В. Погребение у с. Пересыпки // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 33—35.

срубными стенами. Могильники этого региона продолжали зарубинецкие традиции, но появились и новые особенности, не свойственные зарубинецкой культуре,— обычай класть вещи в погребальный костер; помещение в одной могильной яме остатков нескольких трупосожжений; обычай ставить глиняные сосуды поверх кальцинированных костей. Е. В. Максимов, детально проанализировавший обрядность и инвентарь могильника Рахны, заключает, что памятник, бесспорно, отражает процесс взаимодействия зарубинецкого населения с пшеворским⁵⁸.

Распространение пшеворского населения на Южный Буг и в Среднее Поднепровье исходило с территории Волыни и Верхнего Поднестровья. Здесь пшеворская культура получила распространение в конце латенского периода. В раннеримское время количество пшеворских поселений заметно возрастает и наблюдаются некоторые изменения в культурном развитии этого края. Если раньше домостроительство и керамический материал имели собственно пшеворский облик, то в раннеримское время наряду с пшеворскими сосудами появляются горшки, сопоставимые с зарубинецкими. Кроме того, пшеворские племена Верхнего Поднестровья и Волыни позаимствовали от соседей — носителей липицкой культуры — гончарную керамику, которая в небольшом количестве обнаружена на всех пшеворских памятниках. Липицкие влияния проявляются и в погребальных памятниках Поднестровья. В результате с середины I в. н. э. пшеворские древности Волыни и Верхнего Поднестровья приобретают черты, несколько отличающие их от материалов пшеворской культуры Повисленья. В этой связи Д. Н. Козак выделяет рассматриваемые памятники в специфическую группу, названную волынско-подольской⁵⁹.

Из этого региона пшеворское население распространяется частично на юг, в Среднее Поднестровье, где наблюдается смешение культурных элементов пшеворского облика с местными поянешты-лукашевскими и дакийскими⁶⁰, а более значительные группы пшеворского населения расселяются в верховьях Южнобугского бассейна и в Среднем Поднепровье, где смешиваются с зарубинецкими племенами. С пшеворским расселени-

⁵⁸ Максимов Е. В. Зарубинецкая культура... С. 126—132.

⁵⁹ Козак Д. Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ, 1984.

⁶⁰ Пачкова С. П. Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошева Тернопольской обл. // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев, 1983. С. 5—54; Козак Д. Н. Памятники рубежа и первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном Побужье // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С. 102—104.

ем, по-видимому, связано и возникновение во II в. н. э. крупных железоделательных центров, выявленных около г. Умань в Черкасской обл. и у с. Курган Житомирской обл., которые по всем своим параметрам сопоставимы с пшеворскими центрами, известными на территории Польши⁶¹.

В расселении пшеворского населения на Южном Буге и в Среднем Поднепровье следует видеть славянизацию носителей зарубинецких и поздnezарубинецких древностей. Можно полагать, что во II в. н. э. в Верхнем Поднестровье, на Волини, в верхнем течении бассейна Южного Буга и в Киевском Поднепровье проживал и, может быть, доминировал славянский этнос.

Совсем иная ситуация складывалась в более северных землях. В середине I в. н. э. зарубинецкое население полностью оставило Припятское Полесье и, продвигаясь в северо-восточном направлении, заселило земли бассейна Десны. Высказано мнение о том, что оставление зарубинецкими племенами Припятского региона обусловлено климатическими изменениями, имевшими место в это время⁶², с чем нельзя не согласиться. Вместе с тем не исключено, что эта миграция была вызвана натиском пшеворского населения на восток, осваивавшего лесостепное междуречье Днестра и Днепра.

В Подесенье носители зарубинецкой культуры стали проникать с I в. до н. э. При этом местное балтское население, представленное юхновскими древностями, не покидало мест своего обитания. В результате взаимодействия пришлых групп населения с аборигенами здесь складывается метисная культура, названная исследователями почепской⁶³. В конце I в. н. э. фиксируется мощный прилив нового зарубинецкого населения, преимущественно из Припятского региона. Заметно увеличивается число поселений, отмечается значительный рост их размеров (теперь площади селищ достигают 15—20 га). Миграция зарубинецкого населения затронула и южные районы Смоленского Поднепровья, где на базе днепро-двинской культуры складывается культура типа среднего слоя Тушемли⁶⁴.

Однако у нас нет оснований для предположения, что распространение зарубинецкого населения в Подесенье и южные районы Смоленщины

⁶¹ Бідзія В. І. Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971. С. 3—12.

⁶² Обломкий А. М., Тертиловский Р. В., Петраускас О. В. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Киев, 1990.

⁶³ Амброз А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. // СА. 1964. № 1. С. 56—70; Заверняев Ф. М. Почепское селище // МИА. № 160. 1969. С. 88—118.

⁶⁴ Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. С. 22—25, 54—59.

как-то изменило этноязыковой облик аборигенов этих территорий. Местное население принадлежало к балтскому языковому массиву, и близкие им по языку переселенцы, по всей вероятности, растворились в его массиве.

Во II—III вв. носители почепской культуры из Подесенья расселяются в бассейне верхней Оки. В результате здесь широко распространяется керамика с черной и светло-коричневой лощеной поверхностью, по формам и фактуре теснейшим образом связанная с посудой деснинского населения. В условиях внутрирегионального взаимодействия почепского населения с местным, принадлежащим к днепровским балтам, формируется мощинская культура, носители которой отождествляются с Coldas Иордана и голядью русских летописей⁶⁵.

Потомки зарубинецкого населения в регионе севернее устья Березины и Сожа представлены еще слабо изученными памятниками типа Кистени — Чечерск. Керамика их в основном продолжает зарубинецкие традиции типа позднего Чаплина. Одновременно присутствуют некоторые приемы (расчесы на поверхности сосудов, наносимые щепкой или гребнем), которые могли возникнуть только в результате взаимодействия с племенами культуры штрихованной керамики⁶⁶. Во II в. н. э. какая-то часть носителей древностей типа Кистени — Чечерск расселяется в Среднем Поднепровье, где они эволюционируют в древности типа Грини — Вовки⁶⁷, которые не имеют местных корней. Памятники этого типа немногочисленны и известны разрозненно в устье Припяти, на Десне выше Снови, в устье Трубежа. Эти древности исследователи считают предкиевскими, результатом развития которых стало формирование киевской культуры. Достаточно очевидно, что ее истоки находятся в балтских землях Верхнего Поднепровья, и этническая принадлежность ее носителей в этой связи должна определяться как балтская. Наличие в па-

---

⁶⁵ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 44—48; Он же. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 41—45.

⁶⁶ Обломский А. М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф. дисс. М., 1983. С. 15—18; Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991. С. 93—102.

⁶⁷ Максимов Е. В. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. № 100. 1969. С. 39—41; Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л., 1981. С. 108—109.

А. М. Медведев отрицает участие зарубинецких племен в генезисе древностей типа Грини, указывая на хронологическую лауну между зарубинецкими древностями и киевскими типа Абидни (*Мядзведзеу А. М. Кіеўская культура // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 297*).

мятников киевской культуры высоких ребристых мисок и встречаемость вторично пережженных черепков в погребениях, что имеет параллели в пшеворских или пшеворско-зарубинецких материалах, думается, не может быть определяющим в этнической атрибуции.

Памятники киевской культуры известны в северных районах Среднего Поднепровья в непосредственном соседстве с черняховскими, а также на нижней и средней Десне и несколькими изолированными группами в могилевском течении Днестра и лесостепном междуречье Днестра и Северского Донца⁶⁸. В начале средневековья племена киевской культуры, с одной стороны, приняли непосредственное участие в сложении колочинских древностей Верхнего Поднепровья, которые определяются как дославянские, балтские, с другой — стали одним из компонентов в становлении пеньковской культуры. Последнее никак не может быть основанием для предположения о славянстве рассматриваемых племен, поскольку хорошо известно, что средневековый славянский мир включил в себя множество иноэтничных образований.

В левобережной части лесного и лесостепного Поднепровья, а также в Верхнеокском бассейне, то есть на всей территории расселения постзарубинецких племен (ареалы почепской, мощинской и киевской культур), среди доминирующих водных названий общебалтского и восточнобалтского облика встречаются гидронимы западнобалтских типов⁶⁹. Наличие на этой территории мощного слоя западнобалтского (пруско-явтяжско-галиндского) происхождения, замечает В. Н. Топоров, не подлежит сомнению⁷⁰. Его появление здесь может быть объяснено только инфильтрацией в восточнобалтскую среду зарубинецкого населения, отдаленные предки которого вышли из окраины западнобалтского ареала.

Носителей киевской культуры можно предположительно идентифицировать с голтескифами Иордана. Они были родственны голяди Верхнеокского региона и сохранили ее имя в своем этнониме, но обитали в землях Скифии (отсюда и этноним). Не исключено участие в этногенезе носителей киевских древностей и ираноязычных потомков скифов. Во всяком случае, скифский этнический компонент в населении среднеднепровского региона зарубинецкой культуры представляется несомненным.

---

⁶⁸ *Тепиловский Р. В., Абашина Н. С.* Киевская культура. Свод археологических источников. Киев, 1991; *Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 279—282.

⁶⁹ *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья... С. 42—48.

⁷⁰ *Топоров В. Н.* Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1981. С. 13—16.

Миграция готов к Черному морю

Готы — одно из племенных образований восточных германцев. Их прародиной, как сообщает историк VI в. Иордан, была Скандза, то есть Скандинавия. Оттуда готы под предводительством короля Берига на «трех кораблях» переселились на континент, на южное побережье Балтийского моря, дав этой местности название Готискандза. Здесь они встретились с ульмеругами и победили их. Подчинили готы и их соседей — вандалов⁷¹. Р. Хахман, проанализировав текст сочинения Иордана, показал, что информация о переселении готов из-за моря была заимствована из не дошедшего до нас труда Аблабия, писавшего в V в., и восходит к готской устной традиции, степень достоверности которой остается неизвестной⁷².

Далее Иордан сообщает: «Когда там (в Готискандзе) выросло великое множество людей, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось отсюда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест (для поселений) он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум... Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами.

Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы.

Отсюда, уже как победители, двинутся они в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем»⁷³.

Информация, содержащаяся в сочинении Иордана, не содержит конкретных географических координат, которые позволили бы детально восстановить передвижения готов из Готискандзы к побережью Черного моря. Остается неопределенным местоположение Ойума — реки, которую пересекли готы при вторжении в Скифию, — неясно, каким путем они шли, в каком регионе Причерноморья первоначально осели и т. п. Комментаторы Иордана высказали по этим вопросам различные, весьма противоречивые мнения. Так, одни ученые утверждали, что миграция

---

⁷¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica» / Пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 70. § 25—26.

⁷² Hachmann R. Die Goten und Skandinaviern (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. Bd. 34 (158). Berlin, 1970.

⁷³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 70 (25—28).

готов из Южной Балтики шла сначала к среднему Дунаю через земли родственных германских племен, а затем вдоль Дуная к северо-западному побережью Черного моря. Другая группа исследователей считала, что миграция готов осуществлялась вдоль Вислы и Западного Буга к Днепру и Меотиде. В научной литературе есть и иные гипотезы.

Множество предположений высказано и относительно локализации Ойума. Так, согласно Л. Шмидту, автору «Истории немецких племен до конца переселения народов», в которой на основании письменных источников история готов изложена наиболее последовательно, Ойум — южнорусская степь по обе стороны Днепра⁷⁴. С ним согласились многие ученые, в том числе В. Краузе и Е. Шварц⁷⁵. Г. В. Вернадский полагал, что Ойум следует локализовать не в причерноморских степях, а на среднем Днепре, примерно в том месте, где позднее возник Киев⁷⁶. Т. Левицкий помещал Ойум на Керченском полуострове⁷⁷. Е. Ч. Скржинская высказала предположение, что под Ойумом следует понимать древнюю греческую Гилею на левом берегу нижнего Днепра и его лимана⁷⁸. Х. Вольфрам допускал локализацию Ойума на берегах Азовского моря⁷⁹. Г. Ловмянский размещал эту местность в двух пунктах — на правобережье нижнего Днепра и около Азовского моря⁸⁰. Согласно В. Н. Топорову, Ойум находился в устье Дуная, в его плавниках⁸¹. О. Н. Трубачев на основе этимологических изысканий высказал догадку, что Ойум Иордана — это название синдского острова Еоп, упомянутого Плинием⁸².

---

⁷⁴ Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Bd. I: Die Ostgermanen. München, 1934. S. 199.

⁷⁵ Krause W. Handbuch des Gotischen. München, 1953. S. 8; Schwarz E. Die Urheimat der Goten und ihre Wanderungen ins Weichselland und nach Südrussland // Saeculum. Bd. 4. Heft 1. 1953. S. 22.

⁷⁶ Vernadski G. Ancient Russia. New-Haven, 1943. P. 113—114.

⁷⁷ Lewicki T. Zagadnienie gotów na Krymie // Przegląd zachodni. T. VII. № 5/8. Poznań, 1951. S. 82.

⁷⁸ Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 195—196.

⁷⁹ Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1979. S. 40.

⁸⁰ Łowmiański H. Początki Polski. T. I. Warszawa, 1963. S. 40.

⁸¹ Топоров В. Н. Древние германцы в Причерноморье. Результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 254; Он же. Oium Иордана (Getica, 27—28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 128—142.

⁸² Трубачев О. Н. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1978. С. 394—395; Он же. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 71.

Также весьма противоречивы суждения исследователей о месте первоначального оседания готов в Причерноморье и о реке, которую им пришлось преодолеть по пути в Скифию.

К настоящему времени собраны достаточно обширные археологические материалы, без учета которых невозможно решать процесс миграции готов с южного побережья Балтики к Черному морю.

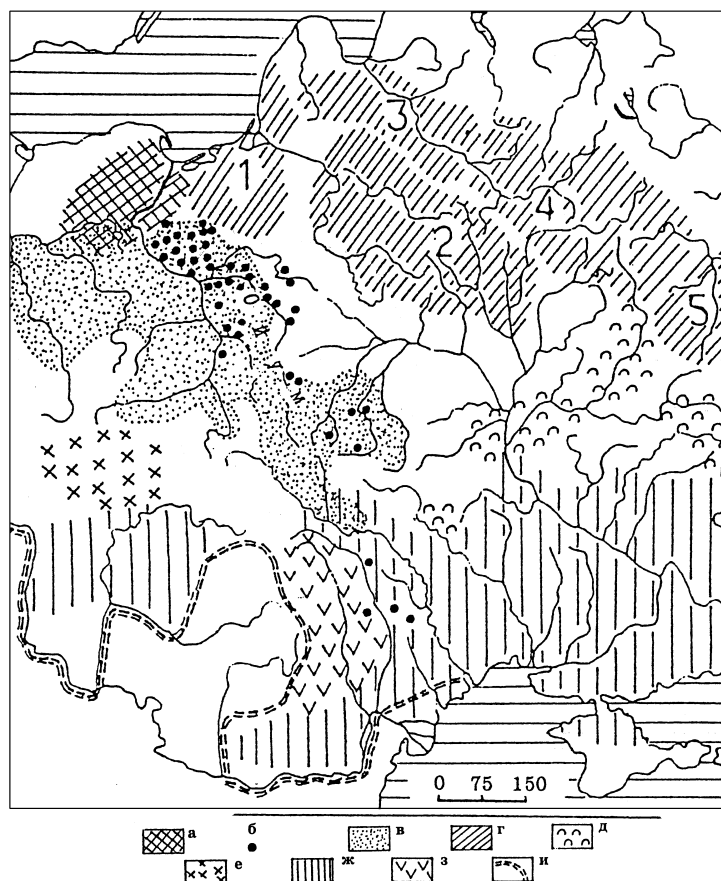
Появление готов в Польском Поморье отчетливо фиксируется археологическими памятниками первой половины I в. н. э. В это время в восточных регионах оксывской культуры, распространенной со II в. до н. э. в междуречье нижних течений Вислы и Одера, островками появляются неизвестные здесь ранее каменные погребальные сооружения — так называемые курганы типа Одры—Венсеры. Это — каменные круги со стенами, которые имеют прямые аналогии в Скандинавии⁸³. Не подлежит сомнению, что эти древности принадлежат переселенцам из-за моря, в которых можно видеть только готов Иордана. В отличие от аборигенного населения, хоронившего умерших в бескурганных могильниках по обряду трупосожжения, пришельцы хоронили умерших в курганах по обряду ингумации. О появлении в Польском Поморье новых групп населения отчетливо свидетельствуют и керамические материалы, и некоторые металлоизделия.

Взаимоотношение готов с местным населением в разных микрорегионах было неодинаковым. В Кашубско-Крайенском регионе, пустовавшем до прихода готов, последние основывали собственные поселения и могильники типа Одры—Венсеры. В регионах, довольно плотно заселенных оксывскими племенами (низовья Вислы, Дравское поозерье, Словинское побережье), готы подселялись к аборигенам. Вскоре в результате взаимодействия культуры готов и оксывской начался процесс формирования новой культуры — вельбарской⁸⁴. В начале II в. н. э. ареал этой культуры охватывал уже пространство от рек Дравы и Реги на западе до реки Пасленки и окрестностей Олштына на востоке. По всей вероятности, большинство населения его составляли потомки местных племен — постепенно господствующим становится обряд трупосожжения. Но цели-

---

⁸³ *Kmiecinski J.* Zagadnienie tzw. kultury gocko-gepidzkiej na Pomorzu Wschodnim w okresie wczesnorzymskim (Acta archeologica Lodzienia. T. 11). Łódź, 1962.

⁸⁴ *Wolągiewicz R.* Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulturze wielbarskiej // *Studia Archaeologia Pomeranica*. Koszalin, 1974. S. 129—154; *Idem.* Kultura wielbarska: Problemy interpretacji etnicznej // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 79—102; *Prahistoria ziem Polskich*. T. 5: Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. S. 165—190.

Рис. 29. Первый этап миграции готов к Черному морю

а — исходный регион вельбарской культуры; **б** — памятники вельбарской культуры, основание которых относится к последним десятилетиям II в.; **в** — ареал пшеворской культуры накануне миграции вельбарского населения к Черному морю; **г** — регионы балтских племен: **1** — культура западнобалтских курганов; **2** — штрихованной керамики; **3** — латвийский вариант культуры штрихованной керамики; **4** — днепро-двинская культура; **5** — верхнеокская культура; **д** — области позднезарубинецкой культуры; **е** — ареал котинов; **ж** — территория расселения сарматов; **з** — ареал культуры Поянешты—Вырештой; **и** — северо-восточная граница Римской империи.

ком это население, скорее всего, именовалось готами. Германцы-готы, вероятно, были более активной, а может быть, и господствовавшей частью вельбарского населения.

В последних десятилетиях II в. н. э. в ряде микрорегионов Польского Поморья (Дравское и Кашубско-Крайенское поозерья, Словинское побережье) археологами наблюдается значительное уменьшение числа поселений, прекращают функционировать и многие могильники. Зато памятники вельбарской культуры появляются в Мазовии, Подлясье и Западной Волини (рис. 29). Это достаточно надежное свидетельство начала миграции носителей вельбарских древностей в юго-восточном направлении. По мере продвижения массы вельбарского населения оседали на правобережье нижнего течения Вислы и далее широкой полосой по Западному Бугу — основному водному пути к Причерноморью.

В Мазовии, Подлясье и на Волини вельбарские переселенцы встретились с местным населением, представленным пшеворскими древностями⁸⁵. Картина взаимодействия между аборигенами и пришлыми племенами была сложной. В ряде регионов на первых порах пшеворское и вельбарское население жило раздельно, чересполосно, в других — сразу же фиксируется смешение пришельцев с местными жителями. Носители вельбарской культуры в таких местностях подсеялись к пшеворскому населению. Только в очень немногих случаях в условиях продвижения вельбарских племен выявляется оставление пшеворскими жителями мест своего обитания. Постепенно в Мазовии, Подлясье и Западной Волини культурные различия между пришлым и аборигенным населением нивелируются. Доля вельбарских элементов при этом возрастает, и складывающаяся единая культура приобретает вельбарский облик.

Необходимо заметить, что вельбарская культура Мазовии, Подлясья и Волини, в отличие от древностей исходного региона — Польского Поморья, — характеризуется заметным присутствием пшеворских культурных элементов. На могильниках это проявляется в некоторых деталях погребальной обрядности (наличие в захоронениях фрагментов вторично обожженной керамики, сосудов-приставок и т. п.), на поселениях — в большом распространении пшеворской лепной посуды и в конструкциях жилых построек. Только на правобережье нижней Вислы сохраняется обычай сооружения каменных курганов и кругов со стелами. В Мазовии, Подлясье и на Волини вельбарское население уже не знало курганной обрядности, погребения совершались на грунтовых могильниках по об-

---

⁸⁵ Okulicz J. Studia nad przemianami kulturowymi i osadniczymi w okresie rzymskim na Pomorzu Wschodnim, Mazowszu i Podlasiu // *Archeologia Polski*. Т. XV. З. 2. Warszawa, 1970. S. 419—497; Pyrgala J. Mikroregion osadniczy między Wisłą a dolną Wkrą w okresie rzymskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972; Niewęgłowski A. Mazowsze na przełomie er. Przemiany społeczno-demograficzne. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.

ряду кремации умерших. Не подлежит сомнению, что основные массы пшеворского населения этих земель вошли в состав носителей вельбарских древностей и оказали заметное влияние на дальнейшее развитие погребальной обрядности и материальной культуры.

Анализ некоторых могильников вельбарской культуры рассматриваемых регионов позволяет достаточно надежно определить время появления здесь нового населения. Так, материалы наиболее полно исследованного могильника Брест-Тришин дают возможность датировать этот процесс последней четвертью II в. К этому времени относятся наиболее ранние захоронения этого некрополя⁸⁶.

Вельбарская культура функционировала в Мазовии, Подлясье и на Волини в течение двух столетий, до последних десятилетий IV в. Очевидно, это и была «желанная земля», именуемая на языке готов Ойум. Иордан отмечает, что она окружена болотами, и, действительно, эта территория почти со всех сторон оконтуривается крупными болотистыми пространствами — на севере Наревскими болотами, на востоке — Пинскими, на западе — болотистой местностью на пограничье с Любельщиной. Готское *Auġom* (*Oium*) — страна, изобилующая водой (ср. немецкое *Au(e)* — местность, окруженная водой или богатая ею)⁸⁷.

Прежде чем вступить в земли Скифии, готы, как сообщает Иордан, переправились через реку, через которую был переброшен мост, не выдержавший нарузки при передвижении масс. Многие исследователи высказывали предположение, что этой рекой был Днепр. Однако это невероятно. Днепр находился в глубине Скифии, за ним начиналась не Скифия, а Меотида. Высказывались и иные догадки относительно речной переправы готов. Теперь в результате археологических изысканий можно утверждать, что рекой, преодолев которую готы вступили в Скифию, была Висла — расселение вельбарских племен началось из левобережных районов Нижнего Повисленья. Согласно античной традиции, эта река была западной границей Скифии—Сарматии. На это указывает и Иордан: «...страна... Скифия... имеет... (соседями) с запада — германцев и реку Вистулу...»⁸⁸

⁸⁶ Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э. // Археология СССР. М., 1993. С. 189.

⁸⁷ На это обратил внимание еще Т. Моммзен (*Mommsen Th. Jordanis Romana et Getica. Prooemium* // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi*. Т. V. Berlin, 1882. S. 163. См. также: Топоров В. Н. *Oium* Иордана... С. 130.

⁸⁸ Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 71 (31).

Основу населения восточных регионов пшеворской культуры, как говорилось выше, составляли славяне. Согласно Иордану, готы, преодолев реку и вторгшись в Скифию, встретились со спалами, которые были побеждены пришлыми племенами. Исследователи не раз указывали на сходство этого этнонима, с одной стороны, со спалеями Плиния, с другой — со спорами Прокопия Кесарийского. Кто такие спалеи Плиния, сказать невозможно. Споры же Прокопия, несомненно, были славянами, о чем он пишет достаточно определенно: «Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали спорами...»⁸⁹ Уже К. Цейс отождествлял споров со спалами Иордана⁹⁰.

Если спалы Иордана и споры Прокопия были одним и тем же этносом, то, следовательно, готы, вторгшись в Скифию, прежде всего встретились со славянами. Они — носители пшеворских древностей — вместе с готами составили население вельбарской культуры Мазовии, Подлясья и Западной Волыни. Со времени Ф. Миклошича этноним спалы возводится к славянскому «исполин», что находит подтверждение в современной лингвистике⁹¹.

Известно, что литовцы называют своих южных соседей славян-белорусов гудами (лит. *Gudas* «белорус») — термином, производным от этнонима готы⁹². Объяснить это до сих пор не удавалось. Теперь очевидно, что в течение столетий юго-западными соседями племен культуры штрихованной керамики — предков исторической литвы — было население вельбарской культуры Ойума, которое по главенствующему этносу именовалось готами, но доминировали в его составе славяне. И когда собственно готы-германцы покинули Мазовию, Подлясье и Волынь, предки литовцев перенесли этноним готы на коренных жителей — славян.

Покорив спалов, войско готов во главе с Филимером, как сообщает Иордан, движется далее «в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем». Согласно данным археологии, это были земли Северо-Западного Причерноморья, где выявлены древности собственно вельбарской культуры конца II — начала III в. Так, в могильнике Данчены в Молдавии все ранние (дочерняховские) захоронения связаны с вельбар-

⁸⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1991. С. 185.

⁹⁰ *Zeuss K.* Die Deutschen und Nachbarstämme. München, 1837. S. 58, 87.

⁹¹ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 8. М., 1981. С. 240—242.

⁹² *Lietuvių kalbos žodynas.* Т. III. Vilnius, 1956. P. 692; *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg, 1962. S. 174.

ской культурой⁹³. В них обнаружены глиняные сосуды, по технике изготовления, формам и орнаментации идентичные вельбарским. Хронологические разработки погребений этого памятника показали, что все вельбарские находки приходятся на фазу I, соответствующую ступени C1a европейской хронологии (170—220 гг., по К. Годловскому). На площади Данченского могильника открыто 17 ритуальных ям, заполненных золой, углями, костями животных и фрагментами глиняной посуды. Такие ямы весьма распространены в вельбарской культуре и имеют аналогии в Скандинавии⁹⁴, где еще недавно бытовал обычай разжигать около могил ритуальный огонь и его остатки зарывать в ямы, подобные тем, что фиксируются в вельбарских могильниках.

В могильнике Ханска-Лутэрия II, расположенном в Днестровско-Прутском междуречье, наиболее ранние находки (фибулы и бронзовые сосуды с орнаментом в виде сов) датируются второй половиной II в. Лепная керамика из ранних погребений не имеет местных корней и находит аналогии в вельбарских древностях⁹⁵. Очевидно, что эти могильники были основаны готами, пришедшими из ареала вельбарской культуры. К вельбарским памятникам этого времени относится и могильник Козья-Яссы в Румынии. При раскопках найдены не только керамика, но и предметы вельбарских типов⁹⁶. Вельбарская глиняная посуда встречена и на отдельных поселениях рассматриваемого региона⁹⁷.

Таким образом, данные археологии показывают, что носители вельбарской культуры, именуемые в письменных источниках готами, появились в междуречье Днестра и низовьев Дуная в последних десятилетиях

---

⁹³ Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э. Кишинев, 1986.

⁹⁴ Oxenstierna E. C. Die Urheimat der Goten (Mannus-Bibliothek. Bd. 73). Leipzig, 1945. S. 108.

⁹⁵ Никулицэ И. Т., Рикман Э. А. Могильник Ханска-Лутэрия II первых столетий н. э. // КСИА. Вып. 133. 1973. С. 116—123.

⁹⁶ Ionița I. Unele probleme privind populația autohtonă din Moldova în secolele II—V e. n. // Crisia. Culegere de materiale și studii. Oradea, 1972. P. 188—193.

⁹⁷ К первой волне миграции вельбарского населения в Северное Причерноморье принадлежит еще погребение около с. Пересыпки на р. Сейм, обнаруженное случайно в 30-х годах XX в. (Кухаренко Ю. В. Погребение у с. Пересыпки // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 33—35). По-видимому, это памятник небольшой группки, отпочковавшейся от основной массы вельбарских переселенцев и зашедшей в силу каких-то обстоятельств далеко на восток. Впоследствии она, очевидно, растворилась среди местного населения Днепровского левобережья.

II в. Расселились они здесь среди гето-дакийского населения, представленного культурой Поянешты-Вырешской, и частично в сарматских землях.

Эти данные согласуются с рядом известий древних авторов. Так, Дион Кассий отмечает, что в 180 г. в пределы Римской империи мигрировали 12 тысяч свободных даков. Очевидно, это событие было обусловлено готским вторжением в земли даков, о чем догадывались некоторые историки⁹⁸. Тот же автор сообщает, что император Каракалла (211—217 гг.) совершил военно-инспекционный поход в Дакию с целью укрепления границ Империи, а в сочинении «История Августа» в этой связи прямо говорится о победе Каракаллы над готами⁹⁹. В том же труде указывается на родство императора Максимина (235—238 гг.) с готами (отец его был гот, мать — аланка). Сообщается, что Максимин «приобрел себе земельные владения во Фракии, в том поселке, откуда он был родом, и все время поддерживал связи с готами. Готы особенно любили его, словно своего соплеменника»¹⁰⁰. Затем пребывание готов в Нижнем Подунавье документируется источниками в 232—238 гг., когда они, вероятно, приняли участие в так называемых «скифских войнах». В 242 г. готы входили в состав войск императора Гордиана III, направленных на войну с персами. Все говорит о том, что в конце II — начале III в. готы действительно проживали близ границ Римской империи в Северо-Западном Причерноморье.

Славяне в составе населения черняховской культуры

В конце II в. или на рубеже II и III вв. н. э. в Севернопричерноморском регионе складывается крупное культурное образование, получившее по одному из раскопанных могильников у с. Черняхов в Среднем Поднепровье название черняховская культура. В III—IV вв. ее территория простиралась от нижнего Дуная на западе до Северского Донца на востоке.

Это одна из провинциально-римских культур с развитыми металлообработкой, гончарным производством и другими ремеслами. Изделия, изготавливавшиеся в специализированных мастерских, в том числе многочисленная гончарная посуда, орудия труда, бытовые предметы, оружие и многие виды украшений, распространялись широко по всему чер-

⁹⁸ Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme... S. 200.

⁹⁹ Dio Cassius Cocceianus. Historia Romana. Berlin, 1901. LXXVII: 20,3; LXXVIII: 27,5.

¹⁰⁰ Буданова В. П. Готы в эпоху великого переселения народов. М., 1990. С. 80.

няховскому ареалу, что вело к культурной нивелировке различных племен, проживавших в нем. Вместе с тем в элементах культуры, не затронутых провинциально-римской цивилизацией, — деталях погребальной обрядности, связанных с духовной жизнью, особенностях домостроительства и изделий домашнего изготовления, прежде всего в лепной керамике — проявляется этническая неоднородность носителей черняховских древностей.

Кратко охарактеризую черняховские древности в целом.

Количество выявленных памятников этой культуры в настоящее время превышает четыре тысячи. Большую часть их составляют селища — основной тип поселений. Располагаются они обычно вблизи воды на первых надпойменных террасах. В плодородных черноземных регионах доминировали крупные селения площадью около 5—10 га, а наиболее крупные из них достигают 20—30 га. В других регионах поселения имели заметно меньшие размеры, довольно много и небольших селений площадью 0,5—1,5 га.

Жилища устраивались в большинстве случаев свободно в один, два или три ряда вдоль береговой линии. Выявлено немало селений и с кучевой бессистемной застройкой. Хозяйственные и производственные строения располагались поблизости от жилищ. Нередко жилые и хозяйственные постройки объединялись под одной крышей. На поселениях широкое распространение имели ямы-хранилища, над которыми устраивались деревянные навесы.

Жилища черняховской культуры разнотипны. Большое распространение получили полуземлянки, опущенные в грунт обычно на 0,5—1,5 м. Они трех видов: квадратно-прямоугольные в плане, овально-округлые и неправильные в плане с неровными стенками котлована. Средняя площадь таких жилищ от 10 до 25 кв. м, но выявлены и более крупные, достигавшие 40—50 кв. м, в том числе двухкамерные. Стены наземных частей полуземляночных жилищ были каркасно-столбовыми: вертикальные столбы переплетались прутьями и обмазывались глиной. Полы были земляными, утрамбованными, крыши двускатными. Вход в виде ступенек вырезался в материке. Вдоль стен жилищ устраивались лежанки и скамейки. Отапливались постройки простыми очагами диаметром около 1 м, под которых промазывался глиной или выкладывался из небольших камней или крупных черепков. В некоторых жилищах имелись глиняные печи, своды которых выкладывались из глиняных вальков. Иногда для таких печей делались врезки-подбои в одной из стенок котлованов полуземлянок. На поздней стадии развития культуры появляются и печи-ка-

менки, основным регионом которых стало Верхнее и Среднее Поднепровье со смежными землями верховьев Западного Буга.

Нередки и наземные черняховские жилища, которые, как правило, были более крупными по сравнению с полуземляночными (около 30—40 кв. м), но открыты и небольшие, площадью 10—25 кв. м. Конструкция стен их аналогична полуземлянкам. Столбы ставились через 0,7—0,8 м, угловые были более массивными. Полы были земляными, утрамбованными, двускатные крыши покрывались соломой. Для отопления и приготовления пищи имелись очаги или сводчатые глиняные печи. Среди наземных жилищ известны одно-, двух- и трехкамерные.

Полуземляночные и наземные постройки с каркасными стенами, обмазанными глиной, имеют прототипы в домостроительстве пшеворской, зарубинецкой и вельбарской культур.

Особый тип наземных строений составляют так называемые «большие дома» площадью от 60 до 120 кв. м. Они членились на жилую часть с одним или несколькими очагами и неотапливаемую, предназначенную для хозяйственных целей. По планировке и конструкции эти черняховские постройки сходны с древнегерманскими домами, хорошо известными по материалам Северной Европы, откуда они и были привнесены в черняховский ареал¹⁰¹. В «больших домах» проживали патриархальные семьи, а некоторые из них предназначались для общественных собраний. На территории черняховской культуры исследовано несколько таких строений, располагавшихся, как правило, по одному на поселении в окружении обычных жилищ¹⁰².

Локальное распространение в черняховском ареале (преимущественно в южных регионах — низовья Днестра, Южного Буга и Днестра) имели каменные постройки. Стены их толщиной 35—50 см имели панцирное строение: камни, сложенные насухо, образовывали два ряда, между которыми засыпалась забутовка из мелких камней. Фундаменты воздвигались из более крупных камней и нередко опускались в грунт. Полы были земляными. Крыши покоились на деревянных балках, которые покрывались глиной и половой, а в исключительных случаях — черепицей, характерной для античных строений Северного Причерноморья. Печи

---

¹⁰¹ Рикман Э. А. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа // Советская этнография. 1962. № 3. С. 121—138; *Он же*. Этническая история... С. 88—105; Тиханова М. А. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры // КСИА. Вып. 121. 1970. С. 89—94.

¹⁰² Баран В. Д. Черняхівська культура. За матеріалами верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981. С. 59.

выкладывались из каменных плит, но часто эти жилища отапливались открытыми очагами. Типичной каменной постройкой был двухкамерный, реже — трехкамерный дом размером 5—6 x 15—20 м. К домам примыкал двор, нередко огражденный каменной стеной, куда загонялся скот.

Каменное домостроительство в черняховской культуре в основном восходит к античному миру. Такие дома, по-видимому, принадлежали в основном потомкам позднескифского населения и выходцам из античных городов Причерноморья.

На территории черняховской культуры известно три городища — Башмачка на нижнем Днепре, Александровка на Ингульце и Городок на Южном Буге. Наиболее исследованным является городище Башмачка, устроенное на мысу и защищенное с напольной стороны валом и рвом. Основу вала составляли две стены из камня с глиняной забутовкой между ними. Размеры поселения 40 x 60 м. Раскопками исследованы наземные постройки с каменными стенами¹⁰³.

Таким же было и поселение в Александровке. Оно имело оборонительные стены и жилые постройки из камня. В их конструкции проявляются позднескифские и античные традиции¹⁰⁴.

Для черняховской культуры характерны бескурганные могильники, которые устраивались на более высоких террасах, чем поселения у кромки берега. Функционировали они продолжительное время и насчитывают многие десятки и сотни захоронений. Могилы располагались свободно, в 1—3 м друг от друга. Какой-либо системы в их размещении не наблюдается. В древности над каждым погребением, очевидно, была небольшая насыпь или какое-то легкое сооружение из дерева.

Черняховской культуре свойственен был биритуализм: на одних и тех же могильниках обычно при раскопках вскрываются и трупоположения, и трупосожжения. Только в единичных памятниках имелись исключительно захоронения по обряду ингумации, еще меньше некрополей, содержащих только погребения по обряду кремации умерших.

Для трупоположений в грунте выкапывались могильные ямы прямоугольных, удлиненно-овальных или эллипсоидных очертаний. Иногда встречаются ямы с заплечиками (очевидно, свидетельствующими о деревянных перекрытиях), еще реже захоронения в подбойных могилах или склепах-катакомбах. На ряде могильников зафиксированы каменные за-

¹⁰³ Смиленко А. Т. Городище Башмачка III—IV вв. н. э. Киев, 1982.

¹⁰⁴ Магомедов Б. В. Черняховское городище у с. Александровка // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тысячелетия н. э. Киев, 1987. С. 35—42.

клады погребальных ям. Умерших клали в могилы на спине в вытянутом положении, головой на север или запад. В виде исключения встречаются и иные ориентации покойников, захоронения с подогнутыми или перекрещенными ногами, а также скорченные погребения. Немало трупоположений, имеющих меридиональную ориентацию (от 25 до 100% в разных памятниках), обнаруживаются при раскопках ритуально разрушенными в верхней части туловища, потревоженными целиком или обезглавленными.

Сожжение умерших совершалось в стороне на погребальных кострах. Остатки, собранные с них, помещались в округлые или овальные ямы сравнительно небольших размеров — в глиняных урнх или непосредственно на дно.

Как трупосожжения, так и ингумации нередко сопровождались вещевым инвентарем — глиняными сосудами, бытовыми предметами, украшениями, реже орудиями труда. Вещевые находки встречены в более 80% трупоположений с северной ориентировкой, а более половины захоронений с западной ориентировкой были безынвентарными. Погребения по обряду кремации по сравнению с трупоположениями заметно беднее вещевым материалом.

Самой массовой категорией находок на черняховских памятниках является глиняная посуда. Бытовала и гончарная, и лепная керамика. Соотношение ее на разных поселениях и могильниках весьма различно. В погребениях преобладает посуда, изготовленная на гончарном круге, она же доминирует и на многих поселениях. Однако известно немало селищ, в которых значительную долю составляют сосуды домашнего изготовления. Отчасти это могло быть обусловлено удаленностью от гончарных центров. Вместе с тем преобладание лепной посуды, очевидно, отражает особенность одной из этнических групп черняховского населения, поскольку эта керамика коррелируется с полуземляночными жилищами¹⁰⁵.

Гончарная посуда (рис. 30) была продукцией местных ремесленников. На черняховской территории документировано свыше трех десятков пунктов с остатками гончарных печей, в которых обжигалась посуда, изготовленная на круге. Согласно исследованиям А. А. Бобринского¹⁰⁶, наиболее распространенными были гончарные горны видов 2 и 3. Горны вида 2 (с цилиндрическим столбом в топочном блоке) восходят к кельтско-

¹⁰⁵ Баран В. Д. Черняхівська культура... С. 75.

¹⁰⁶ Бобринский А. А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II—V вв. н. э.). М., 1991. С. 134—208.

Рис. 30. Гончарная керамика черняховской культуры

1 — Губинцы; 2—9 — Черняхов; 10 — Журавка; 11 — Рыжевка.

му производству. От кельтов они были восприняты ремесленниками римских провинций и оттуда проникли в черняховский ареал. Горны вида 3 и производные от них (виды 4—6) имеют перегородку в топочном блоке и являются печами с радиальными распределителями тепла. Горны вида 3 наиболее широко представлены на территориях варварского мира, не входящих в Римскую империю (в том числе в южных регионах Польши), где длительное время сохранялись кельтские культурные традиции. Не подлежит сомнению, что черняховские горны вида 3 привнесены были из ареала пшеворской культуры.

По своему облику гончарная и лепная посуда черняховской культуры во многом близка между собой (рис. 31). Среди лепной керамики имеется немало подражаний гончарной посуде, и, наоборот, гончары-ремесленники нередко следовали традициям домашнего производства.

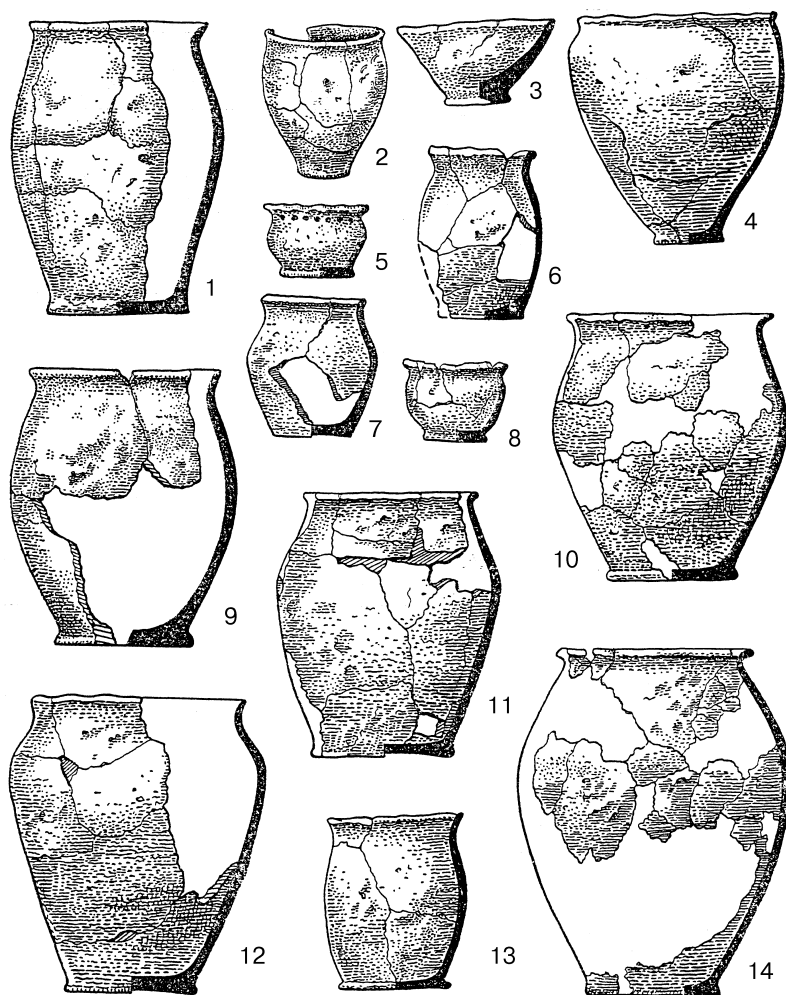

Рис. 31. Лепная керамика черняховской культуры

1—3, 5, 6, 9 — Черепин; 4, 8, 10—12, 14 — Бовшев-2; 7 — Городница; 13 — Ракобуты.

Черняховская керамика представлена разнотипными горшками, мисками, кувшинами, корчагами, вазами и кубками. Поверхность их гладкая или лощеная (иногда частично пролощенная). Четвертая часть посуды орнаментирована прочерченными или вдавленными горизонтальными, волнистыми или зигзагообразными линиями, желобками, насечками, штампованными узорами. Орнаментация нередко имела не только декоративное, но и смысловое значение.

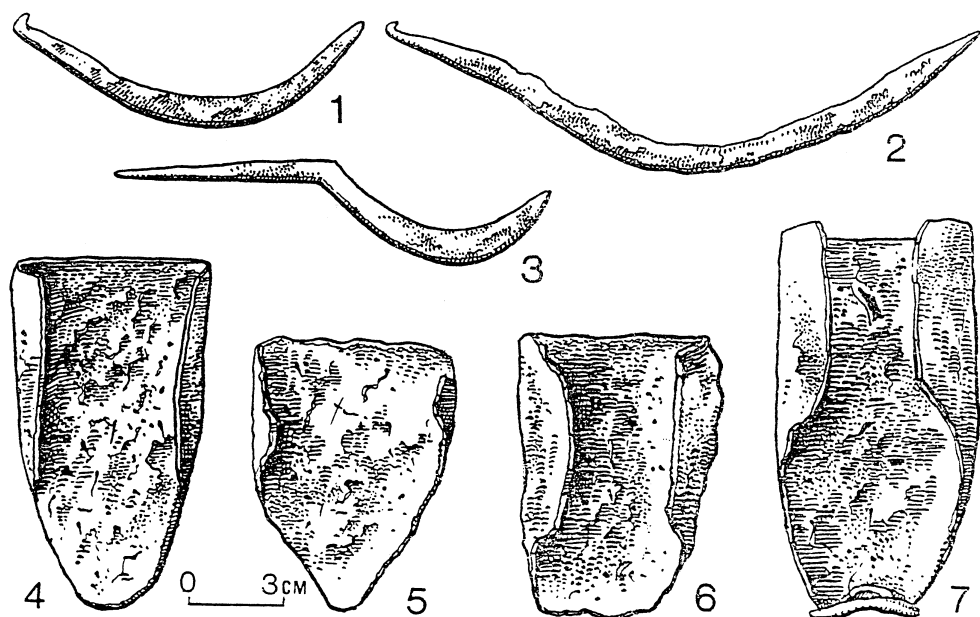

Рис. 32. Железные серпы и наральники черняховской культуры

1 — Обухов; 2 — Хлопков; 3 — Викины Великие; 4 — Волошское; 5 — Рипнев-2; 6 — Тилигуло-Березанка; 7 — Пряжев.

Классификации черняховской керамики посвящены работы Г. Ф. Никитиной, Б. В. Магомедова и Э. А. Симоновича¹⁰⁷.

Основой экономики черняховского населения были земледелие и скотоводство. Среди находок из железа имеются узколезвийные наральники, чересла, мотыжки, косы и серпы (рис. 32). На глиняных сосудах имеются изображения коня и вола, тянувших плуги. Для обработки почвы применялись легкие и тяжелые плуги, способные не только взрыхлять грунт, но и переворачивать его верхние пласты. Карпологиические находки свидетельствуют о культивации пшеницы, ячменя и проса, в

¹⁰⁷ Никитина Г. Ф. Классификация лепной керамики черняховской культуры // СА. 1966. № 4. С. 70—85; Магомедов Б. В. До вивчення черняхівського гончарного посуду // Археологія. Вип. 12. Київ, 1973. С. 80—87; Он же. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977. С. 111—123; Симонович Э. А. Орнаментация черняховской культуры // МИА. № 116. 1964. С. 270—361; Симонович Е. О. Черняхівські горщики Подніпров'я // Археологія. Вип. 36. Київ, 1981. С. 41—53; Он же. Черняхівська кераміка Подніпров'я // Археологія. Вип. 43. Київ, 1983. С. 26—42.

меньшей степени овса и гороха. Выращивали еще лен, коноплю и огородные растения, но основой земледелия были хлебные культуры. Хлеб был и основным предметом импорта. Многочисленные зерновые ямы на поселениях, некоторые из которых вмещали до 12 центнеров пшеницы, указывают на изобилие хлебов.

На многих поселениях обнаружены ротационные жернова. Раскопками изучались мельничные сооружения, функционировали крупные мельницы, обслуживавшие по несколько окрестных селений.

Стада домашних животных были весьма многочисленными, скотоводство было бесстойловым. Разводили крупный рогатый скот, овец, коз, свиней и лошадей. В домашнем хозяйстве обычны были куры, утки и гуси, зафиксированы также собаки и кошки. На долю диких животных (олень, косуля, лось, кабан, бобр и медведь) приходится не более 5—10% костных материалов, собранных при раскопках. О рыболовстве говорят находки костей сома, осетра, судака и щуки, а также каменных и глиняных грузил от сетей и острог.

В коллекциях из раскопок черняховских памятников, кроме упомянутых орудий земледельческого труда, широко представлены предметы быта, деревообрабатывающий инструментарий (топоры, тесла, долота, скобели, сверла, пилы, резцы токарных станков), пряжки, фибулы, оружие.

Не исключено, что какая-то часть изделий из железа могла быть завезена на территорию черняховской культуры из римских провинций и городов. Но выявить такие предметы не представляется возможным, поскольку весь набор железных изделий из раскопок черняховских памятников могли производить местные кузнецы. Металлографические анализы находок показывают довольно высокий уровень черняховского железоделания и железообработки. Раскопками изучались и железоплавильные печи. Металлографические анализы черняховских железных изделий свидетельствуют, что местным кузнецам известны были различные технологические приемы обработки железа. Кузнечному ремеслу черняховской культуры наиболее близок тот технологический уровень, который характерен для железообработки пшеворского населения Южной Польши и населения римского времени Чехии и Словакии, где в кузнечном деле продолжались традиции кельтской технологии¹⁰⁸.

---

¹⁰⁸ Вознесенская Г. А. Обработка железа у племен черняховской культуры // КСИА. Вып. 121. 1970. С. 34—38; Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. М., 1972. С. 8—49.

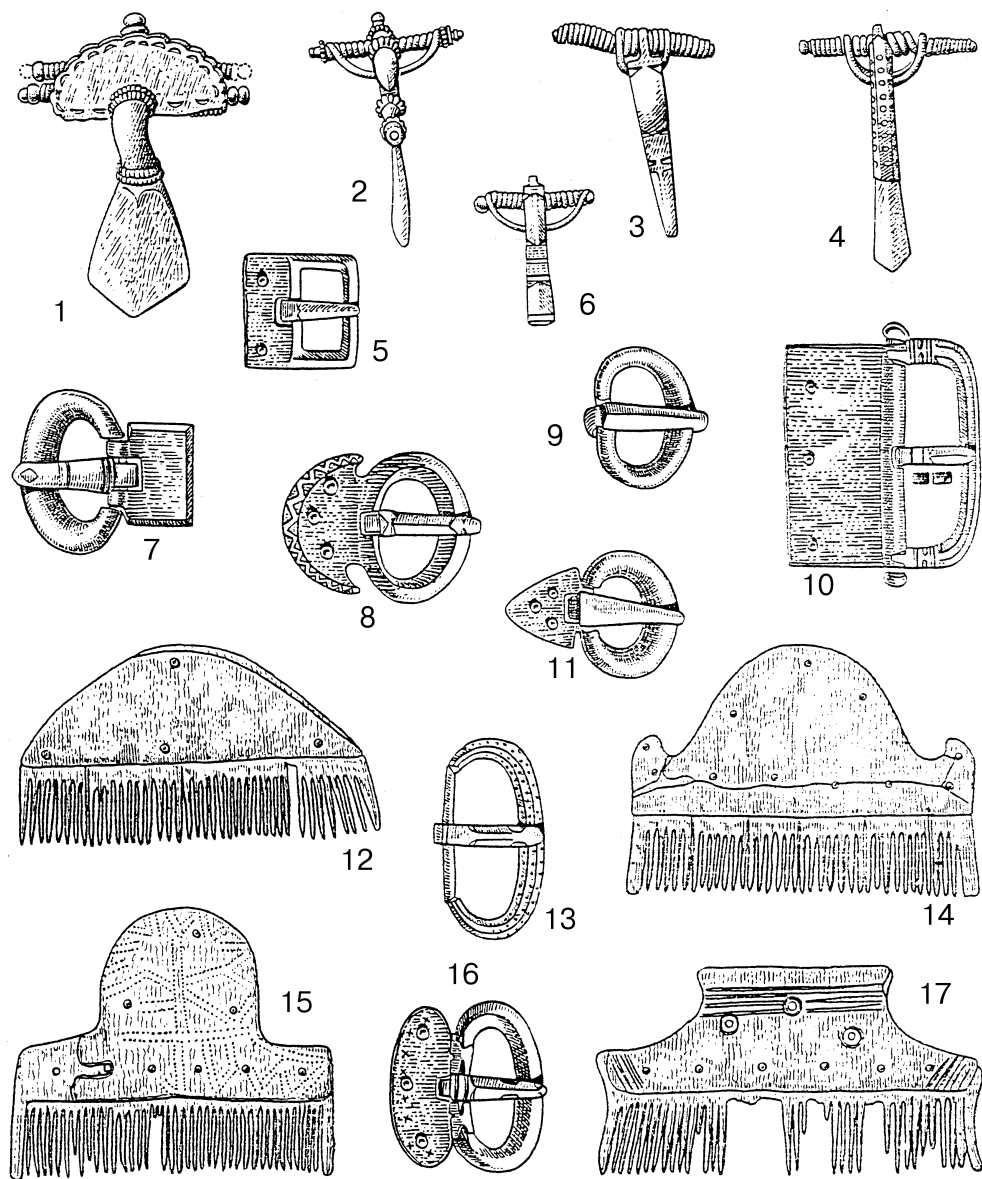

Рис. 33. Фибулы, пряжки и гребни черняховской культуры

1—11, 13, 16 — бронза; 12, 14, 15, 17 — кость.

1 — Курники; 2, 10 — Ружичанка; 3 — Обухов-1а; 4 — Пряжев; 5—7, 11, 13 — Косаново; 8 — Ново-Александровка; 9 — Черняхов; 12 — Лепесовка; 14 — Переяслав-Хмельницкий; 15 — Гавриловка; 16 — Раковец; 17 — Журавка.

На многих черняховских поселениях при раскопках встречены глиняные тигли, льячки и шлаки, свидетельствующие о широком развитии бронзолитейного ремесла. Отливались в основном украшения и принадлежности одежды: фибулы нескольких типов, пряжки (рис. 33), бусы, привески. Ремесленники работали на привозном сырье, использовались медь, олово, серебро. Изучение составов сплавов цветных металлов черняховской культуры показало, что наибольшую близость они имеют с позднесарматскими, которые, в свою очередь, восходят к античной металлургии Северного Причерноморья. В сплавах цветных металлов из черняховских памятников Нижнеднестровского региона выявляются и следы влияния северноевропейской металлургии¹⁰⁹.

На территории черняховской культуры в ряде мест работали ремесленники — резчики по кости. Их продукцией были бусы, игральные кубики, ложила, «коньки» для скольжения по льду и другое. Нередкими находками являются многочастные односторонние гребни (рис. 33: 12, 14, 15, 17), которые составлялись из тонких костяных пластинок при помощи бронзовых или железных заклепок или миниатюрных трубочек. Черняховские гребни ведут свое происхождение от среднеевропейских¹¹⁰.

Среди черняховских украшений нередко бусы. Они различной формы и цветности и изготавливались из стекла, стеклянной пасты, кости, глины, бронзы и янтаря. Многие из них были привозными, но часть производилась собственными мастерами.

Из глины делались веретенные пряслица, грузила для сетей, конические и пирамидальные грузила для вертикальных ткацких станков, погребушки и бусы.

Черняховское население активно развивало торговые контакты с соседними землями, наиболее тесными были связи с позднеантичными центрами Причерноморья. Среди привозных вещей в черняховских материалах широко представлены амфоры, краснолаковая и красноглиняная столовая посуда, изделия из стекла, в том числе кубки для питья, металлическая посуда. На черняховских поселениях и в погребениях неоднократно найдены римские монеты, в черняховском ареале зарыто боль-

---

¹⁰⁹ Барцева Т. Б., Черных Е. Н. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры // СА. 1968. № 2. С. 93—102; Черных Е. Н., Барцева Т. Б. Спектроаналитические исследования цветного металла черняховской культуры // КСИА. Вып. 121. 1970. С. 95—103; Они же. Сплавы цветных металлов // Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры... С. 50—117.

¹¹⁰ Никитина Г. Ф. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1. С. 147—159.

шое количество кладов этих монет¹¹¹. Основным объектом экспорта черняховского населения, очевидно, была продукция сельскохозяйственного труда.

Несомненные успехи в развитии сельского хозяйства (распространение плуга с железным наконечником и чересел, ротационных жерновов), достижения в ремесленном производстве (высокоразвитые гончарство и металлообработка) и торговые сношения с позднеантичным и римским миром создали материальную основу для экономического расцвета черняховского общества. Черняховская культура в своем развитии восприняла все производственно-технологические достижения провинциально-римских культур. Материалы археологии позволяют говорить о процессах социального расслоения, происходивших в черняховском обществе. При анализе могильных древностей выявляются захоронения вождей, жрецов, воинов-дружинников. Черняховское общество, как и пшеворское, находилось на стадии военной демократии.

Археологические данные позволяют осветить и некоторые вопросы духовной жизни черняховского населения. В ряде мест черняховского ареала обнаружены каменные языческие идолы. В Верхнем Поднестровье близ с. Иванковцы найдено три изваяния: 1) четырехгранный столб, с трех сторон которого высечены человеческие лица; 2) уплощенный столб с высеченными головой с бородой и усами и двумя руками, сложенными на груди и держащими меч; 3) подобный столб без изображений¹¹². Каменное изваяние из Ставчан имело фигуру бородатого человека в коническом головном уборе и с рогом-ритоном для питья в руках¹¹³.

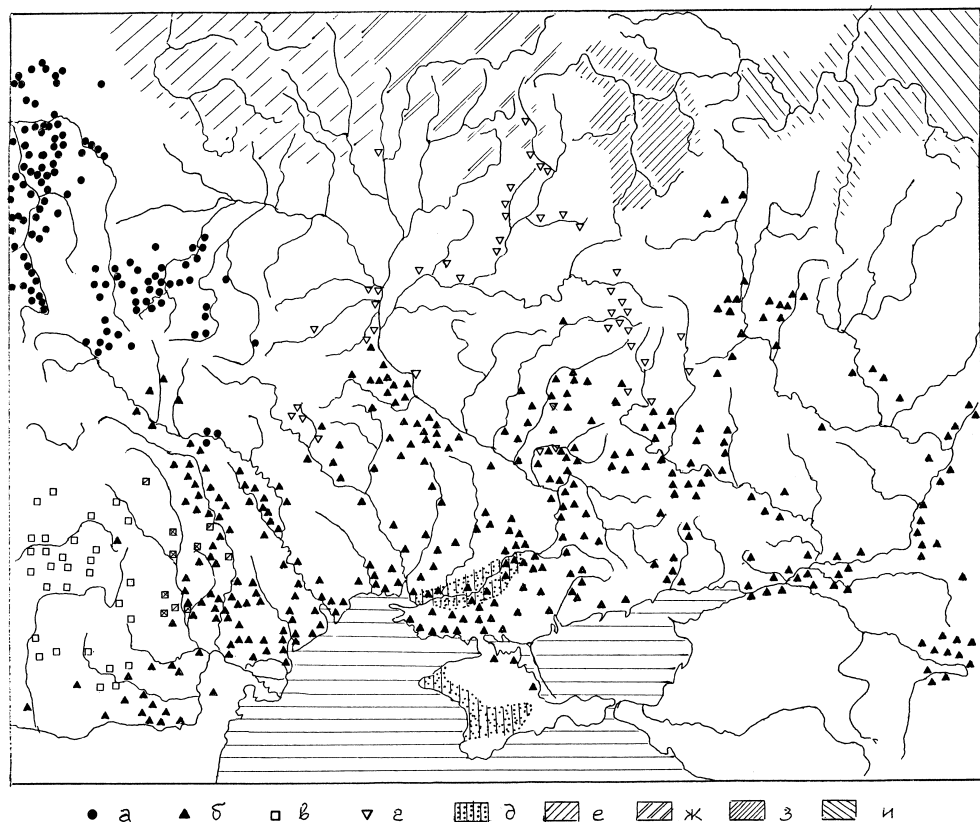
Из могильников Ромашки и Малаешты происходят глиняные сосуды, предназначенные для культово-ритуальных нужд. Изображения на кувшине из Ромашек, как показал Б. А. Рыбаков, представляют собой календарь с фиксацией языческих праздников, связанных с сельскохозяйственными ритуалами (фазы созревания злаков и их зависимость от солнечных и дождливых дней). Календарь свидетельствует о высоком уровне агротех-

---

¹¹¹ Брайчевський М. Ю. Римська монета на території України. Київ, 1959; Кротошкин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4—4. М., 1961.

¹¹² Довженко В. И. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье // КСИИМК. Вып. XLVIII. 1952. С. 136—142.

¹¹³ Винокур И. С., Хотюн Г. Н. Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье // СА. 1964. № 4. С. 210—214; Винокур И. С. Языческие изваяния Среднего Поднестровья // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры (МИА. № 139). М., 1967. С. 136—143; Он же. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972. С. 104—120.

Рис. 34. Этнокультурная ситуация в Северном Причерноморье накануне сложения черняховской культуры

а — памятники пшеворской культуры; **б** — сарматов; **в** — гето-дакийских племен; **г** — позднесарубинцев; **д** — регионы позднескифской культуры; **е** — ареал культуры штрихованной керамики; **ж** — днепро-двинской культуры; **з** — верхнеокской культуры; **и** — городецкой культуры.

нических познаний и о членении года на 12 месяцев по 30 дней в каждом¹¹⁴.

Проблема этнической атрибуции населения черняховской культуры неразрывно связана с вопросом ее становления. Чтобы понять этот процесс, необходимо рассмотреть этнокультурную ситуацию Северного Причерноморья накануне сложения этой культуры (рис. 34). В состав населения черняховской культуры, несомненно, вошли рассмотренные выше

¹¹⁴ Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян // СА. 1962. № 4. С. 66—82.

племена — носители пшеворских и пшеворско-зарубинецких древностей Северопричерноморского ареала. Вместе с тем эта культура получила распространение на территории, ранее заселенной ираноязычными сарматами и скифами и фракийскими гето-даками, которые также включились в генезис черняховского населения.

История сарматов (савроматов) восходит к VI—III вв. до н. э., когда они кочевали в степях Нижнего Поволжья и Приуралья¹¹⁵. Согласно Геродоту, земли сарматов находились к востоку от Танаиса (Дона), считавшегося в то время границей между Европой и Азией. Античные авторы IV в. до н. э. свидетельствуют уже о первых проникновениях сарматов в Европу. Историки последних столетий до н. э. называют уже отдельные сарматские племена — языгов, роксалан, аорсов, сираков, алан. Лукиан Самосатский сообщает о крупных набегах сарматов из-за Дона на Скифию. Диодор писал уже об опустошении Скифии сарматами. В числе первых пересекли степные просторы Северного Причерноморья и достигли нижнего Дуная языги и «царские» сарматы. Их называет Страбон (рубеж эр), перечисляя племена, проживавшие между Истром (Дунаем) и Борисфеном (Днепром)¹¹⁶. Сарматы были среди прочих варваров, разрушивших Ольвию. Следы сарматских набегов являются археологически фиксируемые разрушения конца III — начала II в. до н. э. на ряде поселений Причерноморья между нижним Днепром и Дунаем.

Вслед за военными набегами крупные массы сарматов-кочевников хлынули на широкие степные просторы Северного Причерноморья. В Днепровском левобережье, как свидетельствует археология, они расселились уже в IV—III вв. до н. э. В поречье Днепра наиболее раннее сарматское погребение у с. Ворона недалеко от Днепропетровска датируется II в. до н. э. На правобережье Днепра основная масса сарматских курганов относится к I в. до н. э. Отдельные погребения сарматов этого времени известны и в Нижнем Поднестровье. На рубеже эр сарматы расселяются на нижнем Днестре, а в I в. н. э. появляются в долине Тисы, изгоняя даков.

Сарматская культура Северного Причерноморья в предчерняховское время не была однообразной¹¹⁷. Основными памятниками сарматов яв-

---

¹¹⁵ Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1—9. М., 1963; Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 165—177.

¹¹⁶ Strabo. Geographica / Ed. A. Meinecke. Lipsiae, 1915. VII:17.

¹¹⁷ Абрамова М. П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. — I в. н. э. // СА. 1961. № 1. С. 91—110; Шукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепро-

ляются курганы с захоронениями по обряду ингумации. Погребения совершались в грунтовых (подкурганных) ямах, которые перекрывались деревянными накатами с камнями или каменными плитами на них. Стены могильных ям иногда обкладывались деревом, на дне обычны меловая подсыпка, доски или камышовая циновка на деревянном помосте. Со II в. н. э. широко практиковались подбойные могилы, появляются и катакомбные захоронения. Умерших в могилы клали на спине, нередко с подогнутыми или перекрещенными ногами, доминировала северная ориентация умерших. Зафиксированы случаи прижизненной деформации черепов. На дне могильных ям обычны скопления золы и пепла от ритуальных кострищ, а также остатки жертвенной пищи в виде костей овцы, лошади и крупного рогатого скота. Получает распространение и обычай обставлять погребения глиняными сосудами.

Западнее Днестра доминируют бескурганные могильники; курганные захоронения — преимущественно в насыпях, сооруженных в предшествующее время. Для междуречья Днестра и нижнего Дуная характерен уже бескурганный обряд погребений, трупоположения, впускные в курганы являются здесь редким исключением. Могильные ямы грунтовых некрополей идентичны подкурганным. В плане они имели удлиненно-прямоугольные или вытянуто-овальные очертания, есть среди них и подбойные могилы. Как и в курганах, для перекрытий устраивались «заплетчики». На дне ям обычны остатки ритуальных костров, изредка фиксируется меловая подсыпка. В качестве ритуальной пищи клались части туш овец, ноги или головы коней. Умерших погребали чаще головой на север, но встречаются и иные ориентировки. Ряд умерших погребен с согнутыми в коленях или скрещенными ногами, отмечены случаи деформации черепов.

Сарматы, расселившиеся в лесостепных землях Поднепровья и Поднестровья, вступили в контакты с земледельческим населением. В результате многие группы сарматов перешли к оседлому образу жизни и к заня-

---

вья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. Вып. 14. 1972. С. 43—52; Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века нашей эры. М., 1976. С. 27—70; Sulimirski T. Sarmaci. Warszawa, 1979; Дзиговский А. Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982; Мошкова М. Г. Среднесарматская культура. Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 125—145, 177—202; Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991; Дзиговський О. М. Сармати на Заході Степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н. е.— першій половині IV ст. н. е. Київ, 1993.

тиям земледелием. Об этом отчетливо свидетельствуют поселения со стационарными жилищами и признаками земледелия и скотоводства. Сарматское население лесостепи формировалось как за счет притока из степных территорий, так и в результате аккультурации и сарматизации аборигенных земледельцев. О смешении позднесарубинецкого населения с сарматским говорят, например, захоронения в курганах по обряду трупосожжения с сарубинецким инвентарем.

На побережье Черного моря, в поречье нижнего Днестра и в Нижнем Поднестровье, а также в Крыму в начале нашей эры более или менее крупными островками сохранялись и массивы позднескифского населения¹¹⁸. В нижнем течении Днестра известно свыше десятка позднескифских городищ и три крупных могильника — Золотая Балка, Николаевка и Красный Маяк. Позднескифские поселения и могильник исследовались и на нижнем Днестре¹¹⁹. В сарматскую эпоху позднескифское население подверглось воздействию сарматской культуры, что проявляется не только в Днестровско-Днестровских землях, но и в Крыму.

Западными соседями сарматов были гето-дакийские племена, заселявшие Нижнее Подунавье. Первоначально рубежом между ними был Прут. Около середины II в. н. э. гето-даки расселились также в междуречье Днестра и Прута. Здесь, как и в румынской Молдове, получает распространение культура Поянешты—Выртешкой, носители которой надежно отождествляются с гето-дакийскими племенами, в частности с карпами¹²⁰.

Для поселений карпы выбирали высокие террасы речных долин среди плодородных земель. Жилищами служили прямоугольные полуземлянки и наземные дома с плетневыми стенами, обмазанными глиной. Только в немногих домах имелись очаги, сложенные из камней, в большинстве же случаев огонь для приготовления пищи разводили прямо на полу жилищ.

---

¹¹⁸ Погребова Н. Н. Позднескифские городища на нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. № 64. 1958. С. 103—247; Дашевская О. Д. Поздние скифы (III в. до н. э.— III в. н. э.) // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 125—145.

¹¹⁹ Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. Киев, 1972; Гудкова А. В., Фокеев М. М. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 55—113.

¹²⁰ Bichir Gh. La Civilisation des carpes à la lumière des fouilles archéologiques de Poiana-Dulcești, de Butnărești et Pădureni // Dacia. Vol. XI. București, 1967. P. 177—225; *Idem*. Cultura Carpica. București, 1973.

Умерших носители культуры Поянешты—Выртешкой хоронили на грунтовых могильниках по обряду кремации. Погребения, как правило, в урнах — высоких кувшинообразных сосудах серого или красного цвета, накрытых крышками или мисками. Изредка в качестве урн использовались лепные биконические горшки, также накрытые крышками. В урнах, кроме кальцинированных костей с золой и пеплом, иногда встречаются немногочисленные вещи: железные ножи, иглы, светильники, пряжки, фибулы, бусы. Единичные погребения выделяются обилием вещевого материала.

Основой экономики карпов были земледелие и скотоводство. В гончарном производстве и ювелирном ремесле проявляются особенности греко-римского воздействия. На поселениях и могильниках нередко находки амфор и других предметов античного производства, найдено также большое число кладов римских монет.

В начале III в. сложилось политическое объединение карпов. В письменных источниках есть сведения о набегах карпов на римскую провинцию Дакия. В середине этого столетия карпы, по всей вероятности, были покорены готами и вошли в союз племен, возглавляемый ими.

Культура типа Килии, принадлежащая гето-дакийскому племени, родственному карпам и проживающему в Придунайской низменности (Олтения и часть Мунтении), близка к древностям типа Поянешты—Выртешкой¹²¹. Она функционировала еще в III в. н. э., и тогда же ее носители вошли в состав черняховского населения.

Скифо-сарматские обитатели Северного Причерноморья и гето-даки Днестровско-Дунайского междуречья вместе с племенами — носителями пшеворских и пшеворско-зарубинецких древностей, несомненно, вошли в состав населения черняховской культуры.

Эта культура начала выкристаллизовываться в Верхнем Поднестровье и смежных с ним землях (верховья Западного Буга Стыри и Горыни) в конце II в. н. э. Этот процесс заключался не в простой эволюции пшеворских древностей этого региона в черняховские. Выше отмечалось, что пшеворская культура в Верхнем Поднестровье развивалась в тесном взаимодействии с липицкими и позднезарубинецкими элементами. О проникновении в этот регион позднезарубинецкого населения говорилось выше. С середины I в. пшеворское население здесь чересполосно проживало и с носителями липицкой культуры¹²². Это были племена ге-

¹²¹ *Моринц С.* Новый облик дакийской культуры в римскую эпоху // *Dacia*. Vol. V. Bucureşti, 1961. С. 395—402.

¹²² *Цигилик В. М.* Населения Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ, 1975.

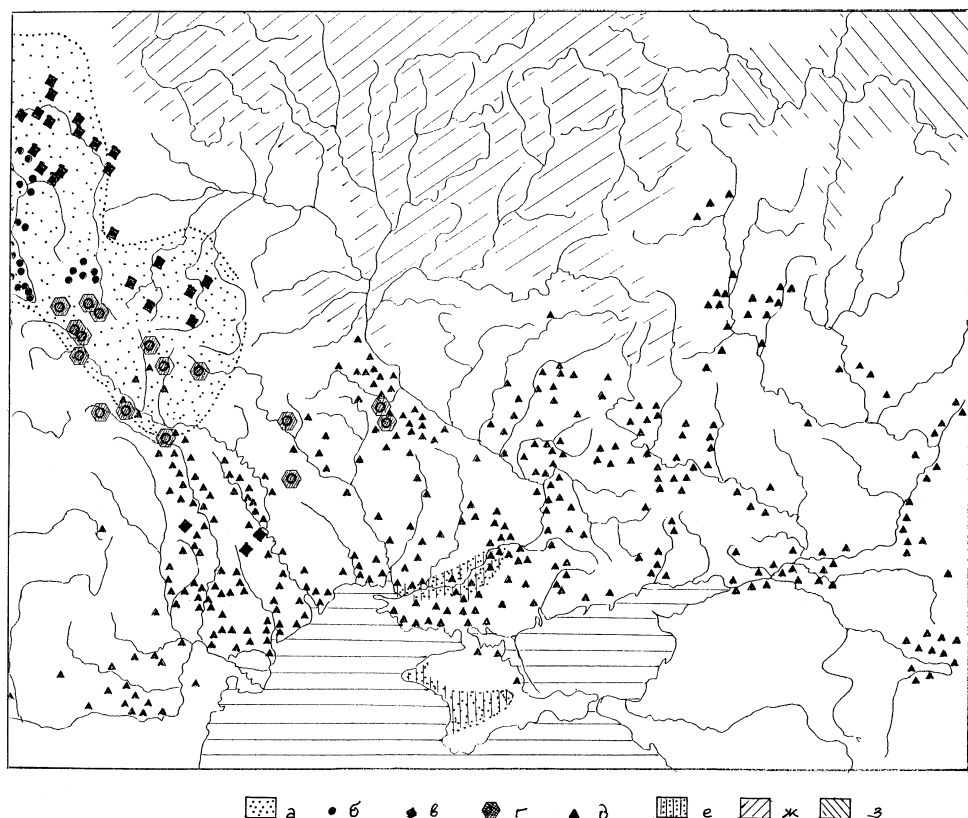
тов, переселившиеся в Верхнее Поднестровье из Дакии в связи с вторжением войск Домициана. Материалы могильников, исследованных около сел Звенигород и Болотня, свидетельствуют о начавшемся смешении липицкого населения с пшеворским. На притоке Днестра Золотой Липе изучались и поселения (Вороняки, Гологирский, Майдан, Ремезовцы), находки которых сочетают в себе липицкие и позднезарубинецкие элементы. Эти метисные древности, как отмечалось выше, Д. Н. Козак предложил называть волыно-подольской культурой. В последних десятилетиях II в. н. э. в Верхнеднестровском регионе археологически фиксируется новая волна пшеворского переселения. Носители липицкой культуры, не затронутые пшеворским воздействием, покидают эти земли. В результате здесь начинается процесс формирования новой культуры — черняховской.

Становление гончарной керамики, ставшей одним из важнейших маркеров черняховской культуры, происходило, несомненно, в Верхнем Поднестровье. Об этом надежно свидетельствуют гончарные горны вида 3, по А. А. Бобринскому, имеющие истоки в пшеворском гончарстве и ставшие характерными для черняховской культуры. Все они сосредоточены в этом регионе. Облик черняховских древностей начальной фазы воссоставляется по материалам раскопок поселения Черепин, датируемым концом II и первой половиной III в.¹²³ Выявление захоронений этого периода встречает большие трудности, поскольку провинциалноримские вещи, на основании которых разработана хронологическая дифференциация могильных памятников черняховской культуры, получают распространение чуть позднее, когда эта культура уже сформировалась.

Начальный этап формирования этой культуры совпадает с проникновением в Севернoprичерноморский ареал носителей вельбарской культуры — готов.

На первых порах носители вельбарской культуры могли участвовать только в формировании черняховского населения в Прутско-Днестровском междуречье. Могильники Данчены и Ханска-Лутэрия, основанные

¹²³ Баран В. Д. Поселення перших століть нашої ери біля с. Черепин. Київ, 1961. Последними десятилетиями II в. датировал В. Д. Баран и нижние горизонты культурного слоя поселения Демьянов (Баран В. Д. Поселення черняхівського типу у с. Дем'янів у Верхньому Подністрів'ї // Археологія. Київ, 1971. № 1. С. 108—113). Раскопки, произведенные на этом поселении позднее, показали, что оно было основано черняховским населением только в начале III в. (Бобровська О. В., Зеленецька І. Б. Черняхівське поселення Дем'янів у верхів'ях Дністра // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. Київ; Львів, 1999. С. 29—40).

Рис. 35. Первый этап становления черняховской культуры

а — ареал пшеворской культуры в I—II вв. н. э.; **б** — памятники пшеворской культуры времени становления черняховской культуры; **в** — памятники вельбарской культуры первого этапа; **г** — ранние памятники черняховской культуры (фаза 1, по Е. А. Гороховскому); **д** — памятники сарматов; **е** — регионы позднескифской культуры; **ж** — ареал балтских племен; **з** — ареал поволжских финнов.

вельбарскими переселенцами, постепенно трансформировались в черняховские.

На основании комплексов датирующих находок (импорты из металлов, стекла и керамики, фибулы, пряжки и предметы поясных принадлежностей, костяные и железные гребни) Е. А. Гороховский распределил погребения черняховской культуры на пять временных фаз. К первой фазе отнесены захоронения с вещами ранней поры римского периода C1b — начала C2 (конец II—III в.). Исследователь отмечает, что наиболее ранние импорты (фибулы серии А) вещевых комплексов, характер-

ных для этой фазы, распространяются в Восточном Подунавье в 20-х годах, а наиболее поздние (фибулы VII группы Альмгрена, особой «юго-восточной» подгруппы, одночастные пряжки с язычками разновидности «а» и др.) исчезают в 60-х годах III в.¹²⁴ Однако это было не время становления черняховской культуры, а первый период развития уже сформировавшейся черняховской культуры. Последняя явно не была привнесена в Северное Причерноморье откуда-либо со стороны, а складывалась в какой-то части этого региона, следовательно, должна быть еще нулевая фаза, когда протекал начальный процесс становления черняховской культуры. Пока к этой фазе достаточно определенно относятся два погребения могильника Ружичанка.

Временем около 220 г. определяется нижняя дата первой фазы эволюции сложившейся черняховской культуры и другими исследователями¹²⁵.

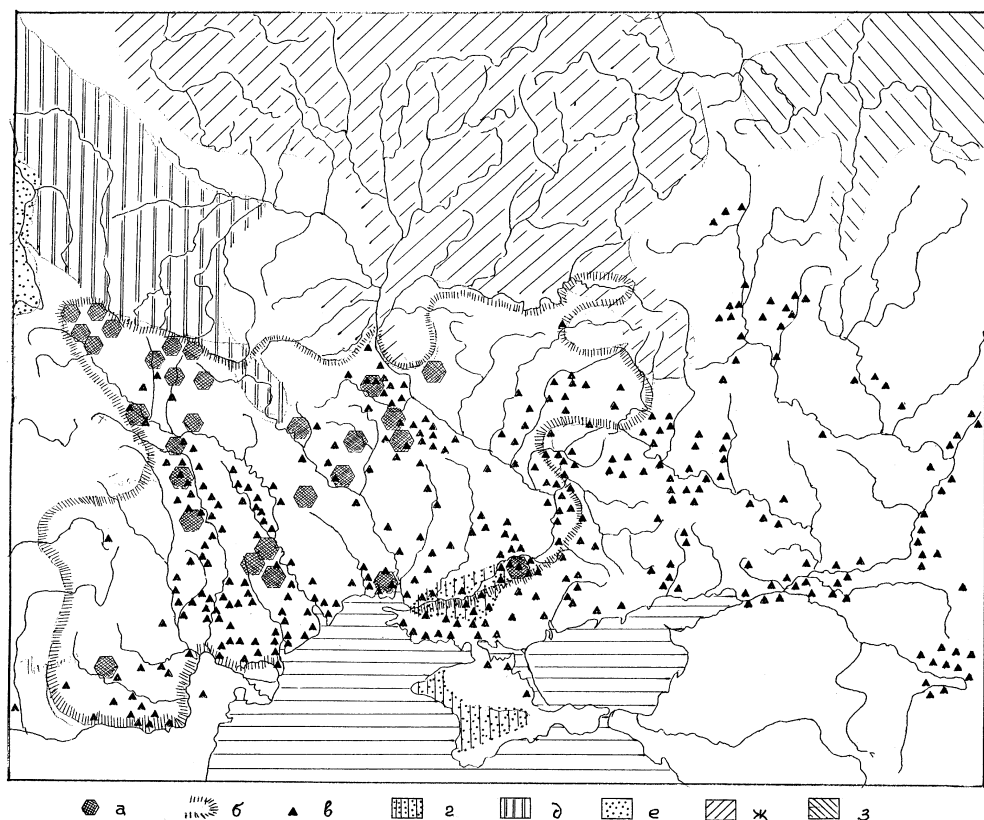
Картографирование могильников с захоронениями фазы I показывает, что основная часть их сосредоточена в Верхнеднестровском регионе — на территории пшеворской культуры (рис. 35). Рассеянно такие некрополи зафиксированы еще в среднем течении Южного Буга со смежными областями Днепровского правобережья, а также на нижнем Днестре. Ядром формирования черняховской культуры, как можно полагать на современном уровне знаний, было Верхнее Поднестровье, а основой ее стали древности волыно-подольской группы пшеворской культуры (зубрицкая группа или культура, по Д. Н. Козаку), датируемые второй половиной I—II в. и сложившиеся в условиях взаимодействия пшеворского населения с позднезарубинецкими и липицкими племенами. В первой половине III в. черняховская культура стала распространяться в юго-восточном и южном направлениях, по всей вероятности, в результате миграции ее носителей.

Могильники фазы I уже биритуальные и обнаруживают некоторые сарматские элементы, о которых подробнее сказано ниже. Думается, можно допустить, что обряд кремации восходит к волыно-подольскому

---

¹²⁴ *Гороховский Е. А.* Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 34—46.

¹²⁵ *Бажан И. А., Гей О. А.* Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений. Ленинград, 1988 г. СПб., 1992. С. 122—157; *Шаров О. В.* Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Там же. С. 158—207; *Ionita I.* Chronologie der Sintana-Mureș-Černjachow Kultur // *Archaeologia Baltica*. Bd. VII. Łódź, 1986.

Рис. 36. Второй этап эволюции черняховской культуры

а — памятники черняховской культуры второго этапа (по Е. А. Гороховскому); **б** — общая граница черняховской культуры; **в** — памятники сарматов; **г** — регионы поздне скифской культуры; **д** — ареал вельбарской культуры; **е** — пшеворской культуры; **ж** — территория балтов; **з** — поволжских финнов.

(пшеворскому) ритуалу, а обряд ингумации имеет сарматское начало. Это вовсе не значит, что все трупоположения черняховской культуры принадлежат потомкам сарматов, а трупосожжения — населению, вышедшему из пшеворской среды. В условиях совместного проживания и начавшихся ассимиляционных процессов такие прямые проекции представляются недопустимыми.

Могилиники с захоронениями фазы 1а (промежуточной между первой и второй) известны на той же территории, но возникают и на нижнем Днепре. В основном тот же ареал (рис. 36) имеют и захоронения фазы 2 (около 270—330 гг.).

На следующем этапе (фаза 3 — между 330 и 380 гг.) черняховская культура постепенно распространяется по всему ее ареалу — от нижнего Дуная на западе до Днепровского лесостепного левобережья на востоке. В Киевском Поднепровье носители черняховской культуры (с вельбарскими культурными элементами) поселяются лишь в самом начале IV в., вытесняя проживавшие здесь ранее племена киевской культуры¹²⁶. Не ранее рубежа III и IV вв. черняховским населением было освоено Днепровское лесостепное левобережье. В Буджакской степи начало черняховской культуры датируется серединой IV в.¹²⁷ Увеличение территории этой культуры было результатом перемещений ее носителей и включения в генезис черняховского населения различных аборигенных племен.

Расширению территории черняховской культуры и внутренним перемещениям на ее территории способствовала вторая крупная волна миграции вельбарского населения, датируемая серединой III в.

Импульсы этой миграции исходили опять-таки из Нижнего Повисленья, но основные массы переселенцев составляло вельбарское население Мазовии, Подлясья и Волыни, где оно формировалось на пшеворской основе. К середине III в. эти земли, как можно судить по археологическим памятникам, оказались плотно заселенными, и отлив населения стал неизбежным.

Носители вельбарской культуры продвигались сравнительно небольшими группами на юг и юго-восток и оседали в пределах черняховского ареала. Переселенцы, как правило, не создавали своих поселений, а поселялись на уже существующие, не основывали новых могильников, а хоронили умерших на функционирующих черняховских кладбищах.

В составе вельбарских переселенцев были и славяне, и германцы. На черняховских могильниках элементами, свидетельствующими о проникновении германцев, являются ритуальные ямы, различные кладки из камней, имеющие аналогии в собственно вельбарских памятниках, и обычай сопровождать умерших заупокойной пищей, отраженный в находках в захоронениях костей птиц. Германское начало имеют и описанные выше «длинные дома». О широком расселении вельбарского населения на черняховской территории свидетельствуют также находки специ-

---

¹²⁶ Тертиловский Р. В. Новые исследования памятников III—IV вв. в Среднем Поднепровье // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 208—212.

¹²⁷ Гудкова А. В. Черняховские памятники Буджакской степи // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев, 1991. С. 78; Дзиговський О. М. Сармати на Заході... С. 118.

фических лепных сосудов (яйцевидные и вазообразные горшки, горшки с округлым профилем и загнутым внутрь венчиком, миски с биконическим туловом и наклепными ушками и другие) и некоторых украшений (подвязанные фибулы с дугообразной спинкой, часто украшенные колечками, и другие). Однако все эти маркеры не дают надежных оснований для германской атрибуции того или иного погребения. В условиях территориального смешения и формирования единой культуры отдельные германские элементы могли быть восприняты славянами и, наоборот, славянские черты перенесены германцам. Кроме того, внутри черняховского ареала, очевидно, имели место разнонаправленные ассимиляционные процессы, в большинстве случаев пока не уловимые данными археологии.

Новые могильники с погребениями фазы 4 (между 350 и 400 гг.) возникают в основном в лесостепной зоне с наиболее плодородными почвами, свидетельствуя об увеличении здесь черняховского земледельческого населения и плотности заселения. О том же говорят и вновь основанные могильники в фазе 5 (375/380—420/430 гг.).

В лесостепной части Среднего Поднепровья в течение III в. проживали племена киевской культуры. Они поддерживали торгово-меновые отношения с черняховским населением, обитавшим в бассейне Роси и южнее, в Нижнем Поднепровье. На поселения киевской культуры поступала черняховская столовая посуда и некоторые иные вещи. В IV в. носители этой культуры под натиском черняховских племен оставляют эти земли. Лесостепные земли Среднего Поднепровья (до верховьев Донского бассейна) быстро осваиваются вельбарско-черняховским населением. Северная граница их расселения совпадает с рубежом лесостепи и леса¹²⁸.

По-видимому, в последние десятилетия III в. черняховская культура распространяется и в междуречье нижнего Дуная и Днестра. Субстратным населением, включившимся в генезис черняховского, здесь были сарматы и гето-даки.

Анализ деталей погребальной обрядности и глиняной посуды черняховской культуры показывает, что в составе ее носителей заметную долю составляли потомки сарматского и позднескифского населения (рис. 37). Скифо-сарматским элементам в черняховской культуре посвящено несколько исследований, которые позволяют считать этот вопрос достаточно разработанным¹²⁹.

¹²⁸ Тертиловский Р. В. Новые исследования памятников... С. 208—212.

¹²⁹ Сарматские элементы в черняховских древностях Поднепровья впервые были описаны Ю. В. Кухаренко в 50-х годах XX в. (К вопросу о славяно-скифских и славя-

Обряд трупоположения в черняховской культуре, как уже отмечалось, является в основном наследием ритуала сарматов. Впрочем, нельзя исключать и частичное привнесение этой обрядности готами. Основная масса черняховских трупоположений, в частности все могильники, целиком состоящие их погребений по обряду ингумации, локализуется в тех местностях черняховского ареала, которые ранее были заселены сарматами и поздними скифами. Доминирующей ориентировкой черняховских трупоположений является северная, и ее также следует считать в основном наследием сарматского погребального ритуала. Получившую распространение в позднескифских и античных некрополях Северного Причерноморья северную ориентацию умерших их исследователи не без основания объясняют влиянием сарматов¹³⁰. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что обряд ингумации с положением умерших головой на север был известен и гото-гепидскому населению и он мог быть привнесен в черняховский ареал второй миграционной волной готов, датируемой серединой III в. Согласиться с этим никак нельзя. Можно толь-

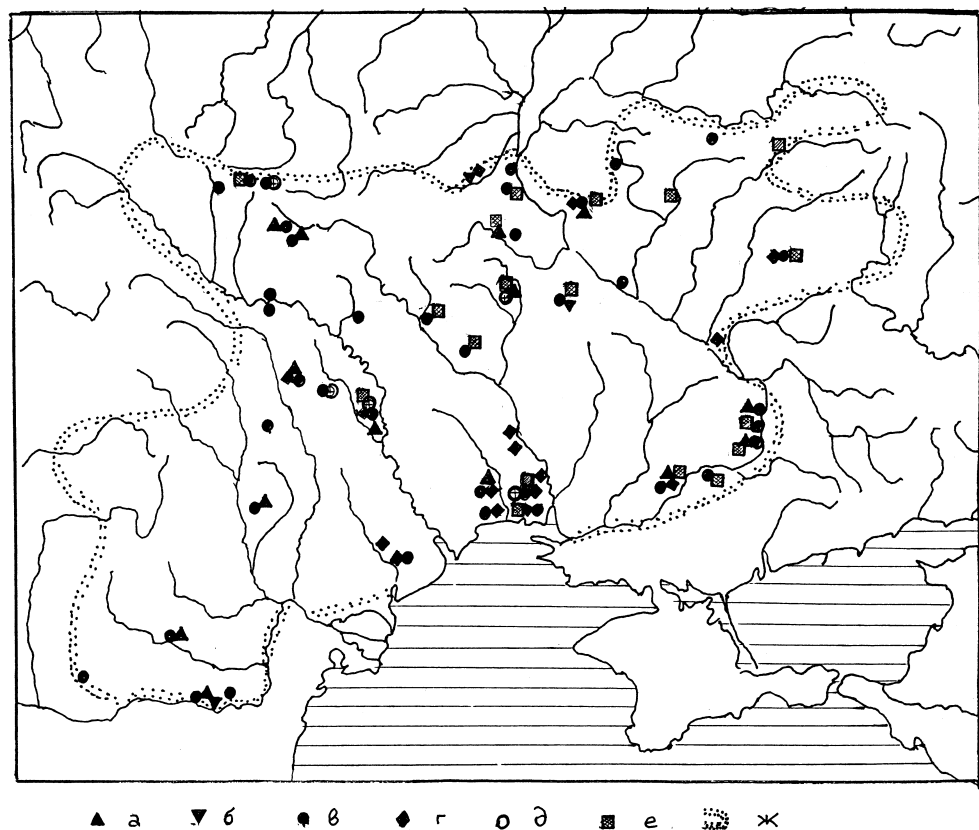

но-сарматских отношениях (по данным погребального обряда) // СА. Т. XIX. 1954. С. 111—120). В то время еще не шла речь о полиэтничности населения черняховской культуры, и сарматские особенности были рассмотрены как результат контакта черняховских (славянских) племен, заселявших лесостепные области Поднепровья, с сарматами, кочевавшими в степях.

На основе материалов Прутско-Днестровского междуречья Г. Б. Федоров утверждал, что обряд ингумации в черняховской культуре был результатом сарматского влияния (*Федоров Г. Б. О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии)* // СА. 1958. № 3. С. 238—243). Значительность сарматских элементов в черняховских памятниках того же региона привела Э. А. Рикмана к мысли о том, что сарматы находились в составе населения рассматриваемой культуры (*Рикман Э. А. Этническая история...* С. 317—323).

Автор настоящего исследования попытался собрать все особенности черняховских погребений, имеющие сарматское начало (*Седов В. В. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры* // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 99—107; *Он же. Славяне в древности.* М., 1994. С. 251—260). О. А. Гей в статье «Проблема выделения скифо-сарматских элементов в черняховской культуре» (*Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи.* М., 1999. С. 133—150) не вносит что-либо существенного в эту проблему. Она считает сомнительными отдельные культурные элементы, относимые к скифо-сарматскому наследию, но именно эти особенности относились к скифо-сарматским и ранее под вопросом.

¹³⁰ *Абрамова М. П. Взаимоотношения сармат с населением позднескифских городищ Нижнего Днепра* // МИА. № 115. 1962. С. 280; *Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры.* М., 1972. С. 249.

**Рис. 37. Распространение сарматских элементов
в памятниках черняховской культуры**

а — могильники с подбойными захоронениями; **б** — погребения с деформированными черепами; **в** — некрополи с могилами с жертвенными животными; **г** — с могилами с кусками мела; **д** — с кучками мелких камней; **е** — могильники, в которых открыты захоронения, сопровождавшиеся более чем пятью сосудами; **ж** — ареал черняховской культуры.

ко допустить, что какая-то часть черняховских труположений с меридиональной ориентировкой принадлежит германцам, но определить это достоверно не представляется возможным, ведь северная ориентация умерших в черняховских могильниках появилась раньше второй волны миграции готов и известна там, где следы этой миграции не обнаруживаются.

Безусловно сарматским наследием в черняховской погребальной обрядности является устройство подбоев и земляных склепов (катакомб).

Подбойные могилы появляются в сарматском ритуале еще в савроматское время и широко бытуют и позднее. В частности, в Северном Причерноморье захоронения в подбоях обильно представлены в сарматских могильниках первых столетий нашей эры¹³¹. Под влиянием сарматской обрядности подбойные могилы появляются и в позднескифских некрополях нижнего Днепра. Поэтому не подлежит сомнению, что захоронения в подбоях на черняховских кладбищах могли иметь только сарматские истоки. Они выявлены только на территориях, занятых сарматами в предчерняховское время.

Катакомбы-склепы в черняховской культуре также имеют сарматское начало. Они имеют аналогии только в сарматских памятниках Нижнего Поволжья, нижнего Дона и Северного Кавказа.

К характерным сарматским принадлежит и обычай прижизненной деформации черепов. Деформированные черепа, встреченные в могильниках черняховской культуры Боромля, Данчены, Дрегенешть, Сад, Спанцев, безусловно, являются сарматским наследием.

Сарматское происхождение в черняховской обрядности, несомненно, имеет и обряд захоронения в могилах с заплечиками. Эта особенность в устройстве могильных ям получила широкое распространение в сарматской среде Поднепровья и Поднестровья¹³². На античных некрополях тех местностей, где фиксируется инфильтрация сарматского населения, значительную долю составляли могилы с уступами¹³³. То обстоятельство, что могилы с заплечиками на черняховских кладбищах во многих случаях сочетаются с западной ориентировкой, не мешает выводу о происхождении этой особенности от сарматов, вошедших в состав черняховского населения.

В сарматской среде широко распространен был обычай класть в могилы пищу для «заупокойных трапез». Так, в могилы прохоровской культу-

---

¹³¹ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1—10. М., 1963. С. 23; Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 220—244; Махно Е. В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. IX. Київ, 1960. С. 24—38; Мелюкова А. И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1962. № 1. С. 195—208 и др.

¹³² Рикман Э. А. Памятники сарматов и племен черняховской культуры. Кишинев, 1975. С. 319; Он же. Этническая история... С. 42; Магомедов Б. В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987. С. 92; Костенко В. И. Сарматы в Нижнем Поднепровье. Днепропетровск, 1993.

¹³³ Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977. С. 45.

ры помещали части туш баранов или овец, в редких случаях — части туш лошади. В сарматских захоронениях Северного Причерноморья для «заупокойной пищи» использовались также преимущественно части туш овец или баранов, значительно реже в могилах встречаются кости лошади, еще реже — кости крупного рогатого скота. Подобный обычай отмечен в немалом числе трупоположений черняховских могильников. Около 80% таких могил содержали кости барана или овцы. В сравнительно немногих захоронениях обнаружены кости лошади или коровы. В единичных погребениях на юго-западной окраине черняховского ареала зафиксированы кости свиньи, что имеет уже несарматское начало.

Состав животных заупокойного ритуала в черняховской культуре — важный показатель сарматского происхождения этой обрядности. Обычай сопровождать умерших «заупокойной пищей» известен и среди других этнообразований Европы, но он отличен от сарматского жертвемыми животными. Так, в пшеворской культуре Одерского региона, как отмечалось выше, в части захоронений встречены кости птиц (как редкое исключение — кости медведя и лошади), для кельтских погребений характерны преимущественно кости свиньи, для славян, судя по раннесредневековым материалам, — растительная пища (каша в глиняных горшках).

К достоверно сарматскому наследию в погребальной обрядности черняховского населения принадлежит обычай помещения в могилы кусочков мела или краски.

Заметное место в идеологических представлениях индо-иранских племен, в том числе скифо-сарматских, занимал культ огня¹³⁴, и это нашло отражение в их погребальных ритуалах. Так, среди савроматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья был распространен обычай ссыпать в могилы раскаленные древесный уголь и золу, взятые, по всей вероятности, с ритуальных костров¹³⁵. В Северном Причерноморье этот обряд бытовал среди сарматского населения предчерняховского времени¹³⁶. Он фиксируется и в ряде черняховских могильников, что, скорее всего, следует объяснять сарматским наследием.

В черняховских могильниках отмечено немало случаев сопровождения умерших многочисленными сосудами (до 15 в одной могиле). Этот

---

¹³⁴ *Смирнов К. Ф.* Сарматы-огнепоклонники // *Археология Северной и Центральной Азии*. Новосибирск, 1975. С. 155—159.

¹³⁵ *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья... С. 20. Табл. VI.

¹³⁶ *Костенко В. И.* Культ огня и коня в погребениях сарматского времени междуречья Орели и Самары // *Курганы степного Поднепровья*. Днепропетровск, 1980. С. 83—85; *Мошкова М. Г.* Среднесарматская культура... С. 179, 193.

обычай восходит к сарматам и возникает еще на сусловском этапе. В черняховскую культуру он мог быть привнесен только сарматами.

К сарматскому наследию, по всей вероятности, следует относить и трупоположения с согнутыми в коленях и скрещенными ногами. Такая обрядность обычна для сарматов на всех стадиях их истории, начиная с савроматской, но фиксируется всегда спорадично¹³⁷. Для сарматов же в целом свойственны трупоположения в вытянутом положении. Такая же картина наблюдается и в черняховской обрядности — абсолютное большинство умерших погребалось в вытянутом положении, лишь изредка отмечаются случаи захоронений с согнутыми или скрещенными ногами. Вместе с тем нужно иметь в виду, что отдельные захоронения с согнутыми и скрещенными ногами известны также на Готланде, в Южной Швеции и на нижней Висле, что не исключает вельбарское происхождение некоторых подобных трупоположений в черняховском ареале.

Вклад сарматского этнического субстрата отчетливо проявляется и в вещевых коллекциях черняховской культуры. Так, устанавливается, что некоторые типы лепной черняховской посуды ведут начало от скифо-сарматской керамики. Таковы горшки с невысоким сферическим туловом, высоким горлом и широким дном; сосуды вытянутых пропорций с краем в виде раструба и плавно изогнутыми плечиками; горшки с высоким венчиком. Все они имеют многочисленные аналогии в памятниках сарматов Северного Причерноморья. Есть в черняховской керамической коллекции и сосуды, явно продолжающие позднескифские традиции. Сарматский облик имеют и некоторые гончарные сосуды черняховской культуры¹³⁸.

Сарматским наследием являются и некоторые вещевые находки черняховских памятников. К таковым, согласно исследованиям румынских археологов, принадлежат костяные украшения призматической формы, орнаментированные кольцевым узором, и ожерелья из бус¹³⁹. В сармат-

---

¹³⁷ Рикман Э. А. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья // Советская этнография. 1966. № 1. С. 73; Он же. Этническая история... С. 48; Bichir Gh. Les Sarmates sur le territoire de la Roumanie // Actes du VIIIe Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques. T. 1. Beograd, 1971. P. 277.

¹³⁸ Корпусова В. М. Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я // Археологія. Вип. 3. Київ, 1971. С. 75—81; Магомедов Б. В. До вивчення черняхівського гончарного посуду... С. 83.

¹³⁹ Diaconu Gh. Despre pandantivele prismatice de os din necropola de la Tirgşor // Studii şi cercetari de istorie veche. Bucureşti, 1962. № 2. P. 441—446; Idem. Spätsarmatische Elemente in der Sintane-Mureş-Tschernjachow // Dacia. Vol. 10 (N. S.).

ском мире бытовали излюбленные типы бус (например чечевицеобразные), и распространение подобных в черняховской культуре, скорее всего, обусловлено включением сарматов в состав черняховского населения.

Черняховская культура унаследовала от скифо-сарматского мира и основные элементы каменного домостроительства. Таковыми, в частности, являются многокамерные жилища и комплексы, включающие несколько помещений, сгруппированных вокруг внутреннего двора и объединенных каменной стеной. Такие строения по планировке, интерьеру, отопительным устройствам и характеру кладки весьма близки к каменному домостроительству позднескифских памятников Северного Причерноморья¹⁴⁰.

Сарматские особенности зафиксированы в большинстве могильников черняховской культуры. Они весьма многочисленны и встречаются почти на всей территории этой культуры. Это позволяет утверждать, что скифо-сарматское население Северного Причерноморья вошло в состав носителей черняховской культуры как один из основных этнических компонентов.

Этот вывод находит надежное подтверждение в антропологических материалах. По данным краниометрии устанавливается, что черняховское население, представленное захоронениями по обряду ингумации, принадлежит к мезодолхокранному типу. К этому же антропологическому типу относится и скифское население как степных, так и лесостепных областей Северного Причерноморья. Сопоставительный анализ строения черепов из скифских и черняховских могильников лесостепных земель показывает, что носители черняховской культуры, хоронившие умерших по обряду трупоположения, в значительной степени были прямыми потомками местного ираноязычного населения¹⁴¹. В антропологических коллекциях из черняховских могильников известны и собственно сарматские черепа, характеризующиеся мезобрахикранией и брахикранией, более широким лицом. Они сопоставимы с краниологическими материалами нижневолжских сарматов. Такие черепа выявлены, в частно-

---

București, 1966. S. 444—446; Ауфелиан П. Следы культуры Черняхов — Сынтана де Муреш в Малой Скифии // *Dacia*. Vol. VI. București, 1962. С. 235—256.

¹⁴⁰ Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї. Київ, 1975. С. 47; Магомедов Б. В. Городища черняховской культуры (к постановке проблемы) // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980. С. 133; Он же. Черняховская культура... С. 13—14.

¹⁴¹ Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972; Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 256—263.

сти, в ряде черняховских могильников междуречья Днестра и нижнего Дуная — Будешты, Боканы, Спанцев, Ербичень¹⁴².

Это наблюдение вместе с тем позволяет говорить о том, что распространение сарматской культуры обусловлено было не только миграцией сарматов из Волжско-Донского региона, но и в немалой степени сарматизацией скифских племен Северного Причерноморья. Очевидно, язык скифов, принадлежащий к северо-восточной подгруппе восточноиранских языков, в условиях сарматского расселения приобрел особенности, свойственные диалектам сарматов, которые относятся к той же подгруппе восточных иранцев.

Обряд кремации в черняховской культуре имеет различное происхождение. Н. М. Кравченко, детально проанализировав черняховские трупосожжения, дифференцировала их на девять основных типов¹⁴³.

Погребения в урнах, имеющих покрытие, отнесены к типам 1 и 2. Они распространены преимущественно в Дунайско-Днестровском регионе и лишь в единичных случаях зафиксированы в других областях черняховского ареала. Эти погребения, бесспорно, связаны с гето-дакийской обрядностью. Об участии местных карпских и дакийских племен в генезисе носителей черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья свидетельствует ряд данных. Так, Э. А. Рикман описал черты сходства между черняховскими памятниками этого региона и древностями типа Поянешты-Вырешской, проявляемые в топографии поселений, погребальном обряде и некоторых категориях вещевых находок. Это позволило говорить о несомненном включении дако-фракийского населения в состав носителей черняховской культуры¹⁴⁴. По мнению Г. Диакону, от гето-дакийского населения черняховским была унаследована серая шероховатая кухонная посуда¹⁴⁵. Антропологические черты гето-дакийского населения проявляются и в краниологических материалах черняховских могильников Северо-Западного Причерноморья.

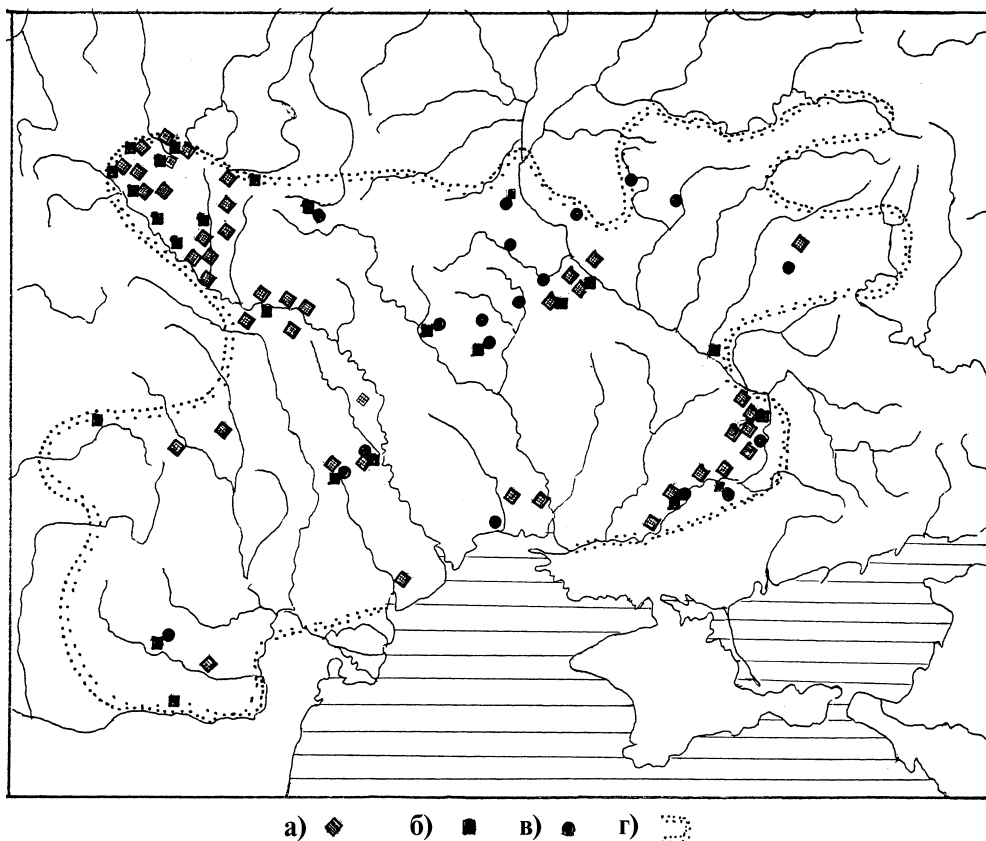
¹⁴² Великанова М. С. Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии // Труды Института этнографии. Т. XXI. М., 1961. С. 26—52; Она же. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1972. С. 70—90.

¹⁴³ Сымонович Э. А., Кравченко Н. М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. Вып. Д1—22. М., 1983. С. 41—51.

¹⁴⁴ Рикман Э. А. О фракийских элементах в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969. С. 178—188; Он же. Этническая история... С. 302—317.

¹⁴⁵ Diaconu Gh. Einige Betrachtungen über die erste Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z. im Gebiet ausserhalb der Karpaten // Dacia. Vol. XII. Bucureşti, 1968. S. 341—347.

**Рис. 38. Распространение пшеворских элементов
в памятниках черняховской культуры**

а — поселения с полуземляночными жилищами; **б** — памятники с лепной глиняной посудой пшеворских типов; **в** — могильники с трупосожжениями, сопоставимыми с пшеворскими; **г** — ареал черняховской культуры.

Более распространенными являются особенности черняховских трупосожжений, сопоставимые с пшеворской обрядностью (рис. 38). Наследием последней были, согласно Н. М. Кравченко, захоронения типа 8. Они совершались в открытой урне, с «тризной». Исследовательница подразделяет их на три варианта, один из которых составляют погребения в перевернутой вверх дном глиняной урне. В Верхнем Поднестровье наблюдается концентрация погребений типа 8, и, по-видимому, отсюда они распространились преимущественно в лесостепных местностях междуречья Днестра и Днепра. В меньшем числе такие захоронения известны и

в других регионах черняховского ареала. С пшеворским компонентом связываются и черняховские трупосожжения типов 4 (в закрытой урне с «приношениями») и 7 (в закрытой урне с «тризной»). В них обнаруживается смешение пшеворских черт с гето-дакийскими, что могло иметь место в Верхнеднестровском регионе, откуда они могли распространиться в другие области черняховского ареала.

Другим показателем участия пшеворского населения в формировании черняховской культуры является лепная глиняная посуда. Анализ последней, выполненный рядом исследователей, показывает, что сосуды, сопоставимые по формам и другим особенностям с пшеворской керамикой, имели наибольшее распространение¹⁴⁶.

В коллекциях пшеворской культуры находят аналогии черняховские лепные горшки всех трех групп классификации Г. Ф. Никитиной. В группе «А» это сосуды типов 5 (приземистые, округлобокие, с наибольшим расширением в средней части и зауженным низом), 6 (с биконическим туловом и коротким венчиком), 10 (вытянутых пропорций, с овальным туловом), 11 (с раздутым туловом на плитчатом поддоне) и 14 (при высоте, равной диаметру венчика, с узким дном). В группе «Б» к пшеворским по происхождению принадлежат горшки типа 1 (с короткими плечиками при наибольшем диаметре в верхней части), в группе «В» — горшки типов 3 (вытянутые, с равномерно раздутым туловом) и 4 (вазообразные). Эта посуда бытовала в основном в лесостепных регионах черняховской территории, там, где фиксируется и пшеворское наследие в погребальной обрядности.

По-видимому, в основном с пшеворским этническим компонентом связано и распространение в черняховской культуре лепных сосудов, находящихся параллели как в пшеворских, так и в вельбарских древностях. Как отмечалось выше, носители вельбарской культуры пришли в черняховский ареал через области Мазовии и Подлясья, где они смешались с местным пшеворским населением. Общие черты, выявляемые в керамике пшеворского и вельбарского населения, являются результатом метисации носителей этих древностей.

---

¹⁴⁶ Симонович Э. А. Лепная керамика памятников черняховской культуры нижнего Днестра // КСИИМК. Вып. 68. 1957. С. 14—19; Баран В. Д. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межах річки Дністра і Західного Бугу // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 3. Київ, 1961. С. 77—87; Никитина Г. Ф. Классификация лепной керамики черняховской культуры // СА. 1966. № 4. С. 70—85; Магомедов Б. В. Черняховская культура... С. 57—61.

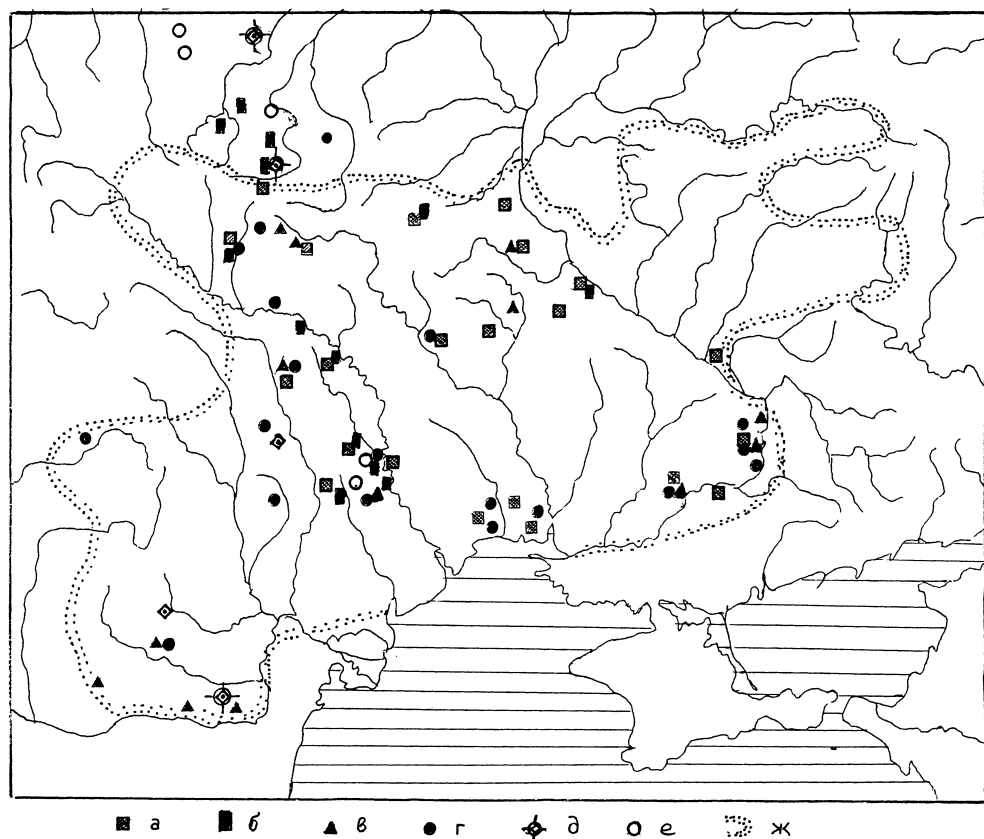
Как отмечалось выше, в Верхнем Поднестровье жилищами пшеворской культуры служили наземные и углубленные в землю постройки. Доминировали полуземлянки прямоугольной или чаще квадратной формы, углубленные в материк на 0,2—0,6 м. Этот тип домостроительства продолжал свое развитие в черняховской культуре.

Верхнее Поднестровье в черняховское время стало регионом наибольшей концентрации полуземляночных построек. Они преобладали здесь на всех поселениях, а на некоторых (например в Черепине и Демьянове) были единственной формой домостроительства. Очевидно, из этого региона полуземляночные жилища распространились и в ряде других областей черняховской территории. Характеристика их дана выше. В последних стадиях эволюции черняховской культуры в ее лесостепной полосе складывается единый тип домостроительства — подквадратная в плане полуземлянка с печью или каменным очагом в одном из углов. В начале средневековья такие жилища получили широкое распространение в славянском мире и стали одним из характернейших этнографических маркеров пражско-корчакской и пеньковской культур.

В составе населения черняховской культуры, несомненно, были еще готы или гото-гепиды, а также, возможно, и представители иных восточногерманских племен.

К числу наиболее ярких показателей германского проникновения в черняховский ареал принадлежат открытые на отдельных поселениях «длинные дома» (рис. 39), истоки которых находятся в домостроительстве Северо-Западной Европы. В Северное Причерноморье, как говорилось выше, они были привнесены переселенцами из Балтики. Наибольшее число таких построек выявлено на черняховских поселениях Прутско-Днестровского региона, что подтверждает вывод, полученный на основе иных показателей, о проживании здесь готов. Кроме того, «длинные дома» открыты только на двух черняховских поселениях Среднего Поднепровья.

В черняховских могильниках элементами германского происхождения являются также ритуальные ямы, о которых речь шла выше, различные кладки из камней, имеющие аналогии в собственно вельбарских памятниках, и обычай сопровождать умерших заупокойной пищей, отраженный в находках в могилах костей птиц. О проникновении вельбарского населения в черняховский ареал свидетельствуют также находки специфических лепных сосудов (яйцевидные и вазообразные горшки, горшки с округлым профилем и загнутым внутрь венчиком, миски с биконическим туловом и налепными ушками и другие) и некоторых укра-

**Рис. 39. Распространение германских элементов
в памятниках черняховской культуры**

а — памятники с находками вельбарской керамики; **б** — поселения, в которых исследованы «длинные дома» северноевропейского облика; **в** — могильники с захоронениями, в которых найдены кости птиц; **г** — могильники, в которых в погребениях зафиксировано применение камня; **д** — места находок предметов с руническими знаками; **е** — могильники, в которых выявлены ритуальные ямы, сопоставимые с вельбарскими; **ж** — ареал черняховской культуры.

шений (подвязанные фибулы с дугообразной спинкой, часто украшенные колечками, и другое).

В лесостепной части черняховской территории наиболее отчетливо вельбарские элементы фиксируются в могильниках Косаново и Рыжевка в бассейне Южного Буга, Журавка и Компанийцы в Среднем Поднепровье. На большинстве памятников они составляют небольшой процент. Исключением является некрополь Косаново, в котором среди лепной ке-

рамики около трети принадлежит к вельбарским формам. Есть типично вельбарские предметы и среди вещевой коллекции этого памятника¹⁴⁷. Как керамика, так и вещи вельбарского облика обнаружены в погребальных комплексах с типично черняховской посудой. Очевидно, что очень скоро пришлое население смешалось с аборигенным. К тому же нельзя не учитывать и того, что в Северном Причерноморье вельбарские переселенцы могли принадлежать к германскому этносу, если они пришли непосредственно из Южной Балтики, и могли быть этнически смешанной группой населения, если мигрировали из Ойума. Весьма вероятно, что в лесостепных областях черняховской территории оседали преимущественно носители вельбарской культуры из второго региона. Об этом говорит то, что здесь в памятниках черняховской культуры нередко представлены не собственно вельбарские, а вельбарско-пшеворские керамические материалы.

По концентрации вельбарских культурных элементов на черняховской территории выделяется два региона — Днестровско-Дунайское междуречье и Нижнее Поднепровье. В первом регионе германцы-готы поселились, как говорилось выше, еще во время первой волны миграции во второй половине II в. Вторая волна пополнила готский компонент в населении Северо-Западного Причерноморья, что привело к активизации их военной деятельности. Иордан сообщает о крупном вторжении готов в Нижнюю Мезию в 248 г., которое возглавил король Острогота¹⁴⁸. В составе войска были карпы, которые предоставили три тысячи воинов, а также певкины, тайфалы и вандалы. Историк указывает, что готы, организовавшие военный поход, жили за Дунаем «в своей стране», и археологические материалы локализуют их в междуречье Днестра и Серета.

Рассказывая о событиях 248 г., Иордан говорит о двух ветвях готов — везеготах и остроготах. В походе в земли Империи приняли участие обе ветви готов. Вопросы о том, когда готы дифференцировались на две группы и каковы причины этого деления, в науке до сих пор не решены. Было высказано несколько предположений, ни одно из которых не является достаточно аргументированным. Большинство исследователей полагали, что это был результат географического размежевания: везеготы осели к северу от нижнего Дуная, а остроготы — в восточных землях Северного Причерноморья.

---

¹⁴⁷ Кравченко Н. М. Косановский могильник. По материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961—1964 гг. // МИА. № 139. 1967. С. 77—114.

¹⁴⁸ Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 84 (гл. 90—93).

Археологические материалы допускают несколько иное решение. Везеготами, по всей вероятности, были носители вельбарских древностей первой волны миграции готов. Они поселились в последних десятилетиях II в. на правобережье Днестра и несколько западнее и заложили основы Готии. Вандалы, как сообщает автор сочинения начала V в. Олимпиодор Фиванский, называли везеготов «трулами», то есть «днестровцами» (Трул — одно из древних названий Днестра). Расселились они в земле гето-даков. Очевидно, в этой связи Иордан говорит о родстве готов с гетами.

Согласно Иордану, остроготы принадлежали к другому племени — они вышли из знатнейшего рода Амалов, в то время как везеготы происходят из рода Балтов. Остроготы, нужно полагать, составили основу второй волны миграции вельбарского населения. Какая-то часть их рассеялась по лесостепной зоне черняховского ареала, другие продвинулись в области Северо-Западного Причерноморья, пополнив готское население этого региона, а наиболее крупные массы осели на нижнем Днепре, где наблюдается концентрация вельбарских элементов начиная с середины III в. Маловероятно, что в военном походе 248 г. в Мезию приняли участие днепровские остроготы. Скорее всего, это были готы второй волны миграции, возглавляемые Остроготой и подселившиеся в междуречье Днестра и Серета к везеготам.

В 251 г. после смерти Остроготы (около 250 г.) группой племен при главенстве готов был организован новый военный поход в земли Римской империи. Предводителем их был уже король везеготов Книва. Готы второй миграционной волны, по-видимому, смешались с везеготами и подчинились им. При этом не исключен отлив части остроготов из Готии в Меотиду. Об этом имеется косвенное указание в «Новой истории» Зосима. Рассказывая о боранах, этот историк связывает их с готами, карпами и уругундами, жившими около Истра — нижнего Дуная. Бораны появились на Боспоре в середине III в. с запада и переправились через пролив на судах боспоритян. Л. Шмидт в связи с этим сообщением локализовал боранов на восточном побережье Меотиды¹⁴⁹. Археологические материалы подтверждают появление новых племен в районе Меотиды в 40—50-х гг. III в.¹⁵⁰, и среди них могли быть и остроготы из Северо-Западного Причерноморья. И. Т. Кругликова полагает, что появление боранов на Боспоре относится ко времени правления Фарсанза, то есть к 50-м гг. III в.

---

¹⁴⁹ Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Bd. I. München, 1934. S. 210.

¹⁵⁰ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 16—17.

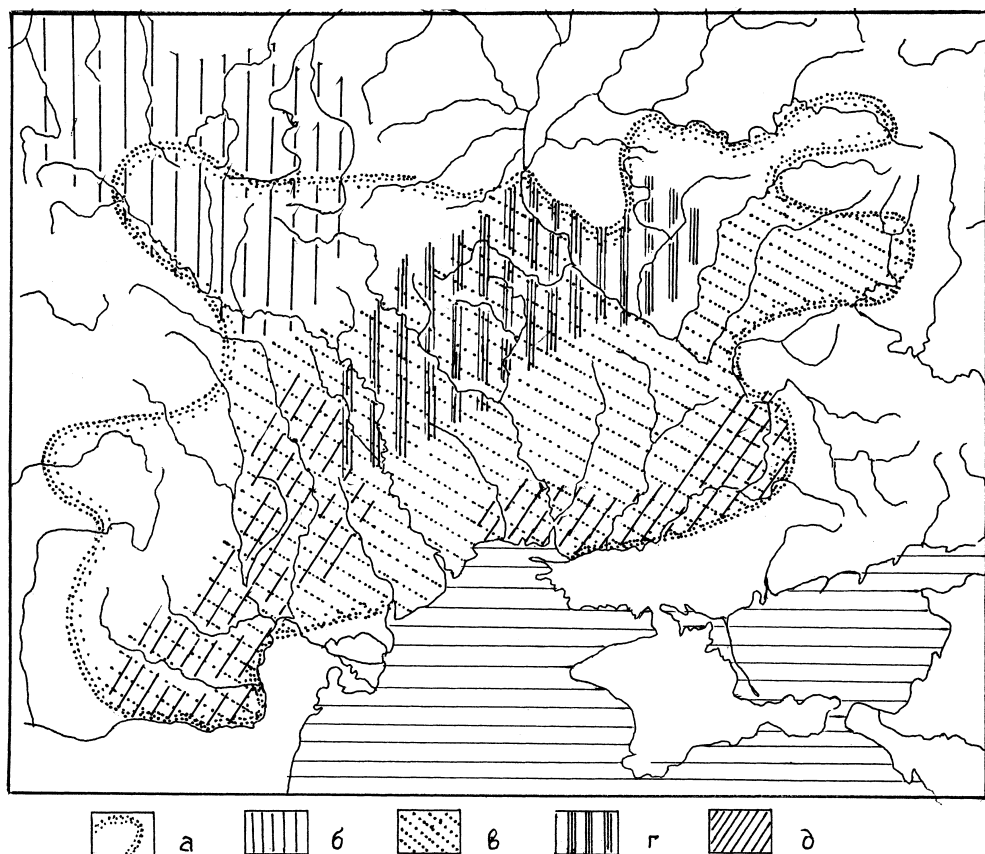
Некоторые исследователи видят в боранах готов. Если, действительно, часть готов переселилась в район Меотиды с запада, то они совместно с вельбарскими переселенцами, осевшими на нижнем Днестре, образовали в восточных землях Северного Причерноморья довольно крупную группировку остроготов.

Становление антов

Население черняховской культуры, сформировавшееся в условиях территориального смешения нескольких этносов, долго оставалось пестрым в этническом отношении. Описанные выше сарматские, пшеворские, вельбарские и гето-дакийские культурные элементы свидетельствуют о сложной, многоплеменной структуре черняховского общества. Это было время многочисленных передвижений населения, сложных этнообразующих процессов и метисации разных этносов. Этнографические признаки в такой ситуации в той или иной степени перемешивались, нивелировались, теряли свое прежнее значение. Поэтому определять по отдельным этнографическим элементам этническую принадлежность индивидуумов, погребенных в черняховских некрополях, или жителей того или иного дома поселений представляется некорректным.

Неравномерная концентрация различных этнографических маркеров, унаследованных от скифо-сарматов, носителей пшеворских, вельбарских и позднезарубинецких древностей, свидетельствует о том, что в разных регионах черняховской территории этноязыковые и ассимиляционные процессы протекали неодинаково. Целостное рассмотрение таких регионов — дело большого монографического исследования черняховской проблематики. К тематике настоящей работы, то есть к этногенезу славян, имеют отношение два региона черняховской культуры — Верхне-днестровский и Подольско-Днепровский (рис. 40).

Первый регион охватывает бассейн верхнего течения Днестра со смежными землями верховьев Западного и Южного Буга, Стыри и Горыни. Это область становления черняховской культуры на основе воыно-подольской группы пшеворской культуры. Естественно, что в черняховских памятниках ее наблюдается наибольшая концентрация пшеворских культурных элементов. Спецификой этого региона является и крайняя малочисленность скифо-сарматских особенностей. Немного здесь и вельбарских элементов. В этом регионе немало могильников, в которых доминировал обряд трупосожжения. Он характеризуется также широким распространением полуземляночных жилищ и преобладанием в ряде по-

Рис. 40. Этнокультурная дифференциация ареала черняховской культуры

а — граница общей территории черняховской культуры; **б** — общий ареал пшеворской культуры (в зоне налегания черняховского ареала — Верхнеднепровский регион); **в** — территория, где в формировании черняховского населения участвовал сарматский субстратный компонент; **г** — Подольско-Днепровский регион, где наблюдается концентрация пшеворских и сарматских элементов; **д** — регионы доминирования готов.

селений лепной керамики, сопоставимой с достоверно славянскими материалами раннего средневековья¹⁵¹. Здесь намечаются и иные черты эволюционной связи черняховских древностей с раннесредневековыми славянскими. Все это склоняет к выводу о заселении Верхнеднепровского региона в позднем римском периоде преимущественно славянами.

¹⁵¹ Баран В. Д. Черняхівська культура... С. 130—177.

Подольско-Днепровский регион простирается от среднего течения Южного Буга до левобережья среднего Днестра. Здесь немало черняховских могильников с большим числом захоронений по обряду кремации умерших, среди них немало с пшеворскими, пшеворско-зарубинецкими и пшеворско-вельбарскими особенностями. Весьма существенно и то, что очень многие трупосожжения здесь безынвентарны — черта, как уже отмечалось, весьма характерная для славянского погребального ритуала. Лепная керамика часто имеет отмеченные выше пшеворские особенности. На поселениях обычны полуземляночные жилища. Все это дает основание полагать, что значительный процент населения этого региона составляли славяне.

Вместе с тем Подольско-Днепровский регион в отличие от Верхнеднепровского характеризуется множеством погребений с особенностями, свойственными сарматам. Это явный показатель двухкомпонентной структуры черняховского населения этой территории. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что здесь основу черняховского населения составили как местные ираноязычные обитатели, так и расселившиеся славяне — потомки носителей пшеворских древностей.

Ряд обстоятельств дает возможность полагать, что более активную роль в рассматриваемом регионе играли славяне, в связи с чем здесь протекал постепенный процесс славянизации ираноязычного компонента. В пользу этого свидетельствует постепенное увеличение доли захоронений по обряду трупосожжения — численность таких погребений в IV в. значительно выше, чем в предшествующее время, и она увеличивается к концу эволюции черняховской культуры.

В могильниках Подольско-Днепровского региона в заметно большем количестве, чем в других частях черняховской территории, встречаются трупоположения с западной ориентировкой. Планиграфия ряда некрополей показывает, что меридиональные захоронения локализуются на их более ранних участках, и только позднее появляются трупоположения с западной ориентацией. Погребения, обращенные головами на север, как правило, сопровождались многочисленным инвентарем, в том числе глиняными сосудами, число которых иногда достигает семи—десяти и более, могильные ямы сравнительно неглубокие, иногда эти трупоположения подвергались преднамеренному ритуальному разрушению. Захоронения с западной ориентировкой обычно лишены вещевого инвентаря или сопровождались единичными предметами. Элементы сарматского наследия в таких могилах являются редкими исключениями.

Судя по материалам Гавриловского могильника, каких-либо различий в антропологическом строении между меридиональными и широтными

труположениями не выявляется¹⁵². Очевидно, что те и другие захоронения принадлежат одному населению — потомкам местных скифо-сарматских племен. Изменение ориентировки погребенных, что сопровождалось и стиранием сарматских особенностей в ритуале, появлением безынвентарности и малоинвентарности, нужно полагать, было обусловлено воздействием другого этноса — славян, проживавших на той же территории.

Как известно, для славянской языческой обрядности было характерно положение умерших в могилы головами на запад, лицом навстречу лучам восходящего солнца. Это надежно документировано раннесредневековыми материалами и восходит к глубокой древности, когда славяне-язычники именно так клали умерших на погребальный костер¹⁵³.

Таким образом, на основании археологических материалов устанавливается, что в Подольско-Днепровском регионе черняховской культуры имел место славяно-иранский симбиоз. Трудно сказать, завершился ли здесь процесс славянизации ираноязычного населения, но можно с определенностью утверждать, что славянами черняховской культуры в рассматриваемом регионе были не только потомки пшеворских племен, но и ассимилированные местные скифо-сарматы.

Ко времени славяно-иранского симбиоза, имевшего место в Подольско-Днепровском регионе черняховской культуры, нужно отнести выявляемое в языковых и культурных материалах активное воздействие иранского мира на одну из крупных частей славянства. Языковое влияние при этом проявляется в материалах лексики, элементах фонетики и грамматики, о чем речь уже шла выше. Существенно то, что эти фонетические и грамматические изменения в славянском языке региональны. Они охватили лишь юго-восточную часть древнего славянского мира. Поскольку фонетика, как правило, не заимствуется у соседей, нужно допустить, утверждал В. И. Абаев в этой связи, что в этногенезе южной части восточного славянства (будущие украинские и южновеликорусские говоры) участвовал скифо-сарматский этнический субстрат¹⁵⁴. Иранское на-

---

¹⁵² Кондукторова Т. С. Палеоантропологический материал из могильника полей погребальных урн Херсонской обл. // Советская антропология. 1958. № 2. С. 76.

¹⁵³ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 220; Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // СА. 1961. № 2. С. 103—105; Он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 163.

¹⁵⁴ Абаев В. И. О происхождении фонемы у(h) в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 115—121. Исследователь допускал, что результатом скифо-сарматского взаимодействия было и появление в восточнославян-

чало имеют также известные в восточнославянском язычестве божества Хорс и Симаргл, и достаточно очевидно, что заимствованы они были славянами от скифо-сарматского населения Северного Причерноморья¹⁵⁵. В языческом пантеоне западных славян божества иранского происхождения неизвестны. Иранское начало имеют и некоторые другие черты восточнославянской духовной культуры¹⁵⁶. Той же частью славян были усвоены и переработаны элементы иранской солярной мифологии, что нашло отражение в митраистских элементах христианской религии. Об участии ираноязычного населения в генезисе восточного славянства говорит и антропонимика¹⁵⁷.

Количество скифо-сарматских параллелей в языке, культуре и религии крупной части славян настолько значительно, что объяснить их можно только славяно-иранским симбиозом, имевшим место в ранней истории славянского этноса. Достаточно очевидно, что это явление затронуло только часть праславянского мира. Славяно-иранский симбиоз может быть локализован только в Севернопричерноморских землях, где длительное время проживали скифо-сарматы и где сохранилось немало число гидронимов иранского происхождения¹⁵⁸. Немало таких названий и в

ском языке генетива-аккузатива и близость восточнославянского с осетинским в перфектирующей функции превербов (*Абаев В. И.* Превербы и перфективность. Об одной скифо-сарматской изоглоссе // Там же. С. 90—99). В. Н. Топоров беспредложный локатив в славянском языке объясняет воздействием иранцев (*Топоров В. Н.* Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 28. М., 1960. С. 3—11). Существенно то, что эти языковые явления в славянском языке региональны; они охватывают только юго-восточную часть древнего славянского мира и не могут быть отнесены слишком глубоко в историю праславянского этноса.

¹⁵⁵ *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965. С. 115—117; *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Регионально-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа Владимира. М., 1999. С. 9—200.

¹⁵⁶ *Топоров В. Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. Источники и методы. М., 1989. С. 23—43; *Мартынов В. В.* Сакральный мир «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 61—78; *Он же.* Этногенез славян. Мова і міф. Мінск, 1993.

¹⁵⁷ *Kalmykow A.* Iranians and Slavs in South Russia // *Journal of American Oriental Society*. Vol. 45. 1945. P. 68—71.

¹⁵⁸ *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slawen: 1. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923; *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобереж-

Подольско-Днепровском регионе черняховской культуры. Иранская гидронимия Северного Причерноморья формировалась на протяжении многих столетий. Последним крупным массивом ираноязычного населения здесь были сарматы (в постчерняховский период на этой территории уже доминировали тюрки), которые и передали славянам названия вод иранского происхождения.

Существенно то, что рассматриваемый процесс протекал, несомненно, раньше, чем началось заселение славянами Дунайских земель и Балканского полуострова. Славянское население, осваивавшее эти территории, как свидетельствуют данные языкознания, уже испытало иранское воздействие. Первые славяне на Балканах и в Среднем Подунавье появились только в конце IV — V столетии, следовательно, славяно-иранский симбиоз должен быть отнесен к первым векам I тыс. н. э., что полностью соответствует выводам, полученным на археологических материалах.

Племенную (и, по-видимому, диалектную) группировку славян Подольско-Днепровского региона черняховской культуры, сформировавшуюся в условиях славяно-иранского симбиоза, можно отождествлять с антами, известными по историческим сочинениям VI—VII вв. Согласно Иордану, анты заселяли области между Днестром и Днепром¹⁵⁹. Естественно, что жили они не в степях, а в лесостепной полосе междуречья, что полностью соответствует локализации рассматриваемой славянской группировки. Эта информация Иордана, как показали изыскания Р. Хахманна, принадлежит Кассиодору¹⁶⁰, писавшему в конце V — начале VI в., и, следовательно, отражает историческую ситуацию еще V столетия. Но в сочинении Иордана имеются сведения об антах IV в. Сообщается (на основе также текста Кассиодора), что в конце IV в. имела место вражда между антами и готами. Первоначально анты отразили нападение готского войска, но через некоторое время король готов Винитарий все же разгромил антов и казнил их князя Божа с 70 старейшинами¹⁶¹. Судя по косвенным данным, событие это имело место где-то в районе реки Эрак, отождествляемой не без оснований многими учеными с Днепром.

Имя Винитарий производно от этнонима венетов/винитов. А. Зоцин считал, что антропонимы этого типа образованы непосредственно от эт-

---

ной Украины. М., 1968; Орел В. Э. К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 107—113.

¹⁵⁹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 72.

¹⁶⁰ Hachmann R. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970.

¹⁶¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 115.

нонимов¹⁶². Ф. А. Браун и другие исследователи полагали, что Винитарий не имя, а прозвище готского предводителя, трактуя его на германской языковой почве как «победитель венетов»¹⁶³. Согласно О. Н. Трубачеву, готское *arjan* означало ‘пахать, потрошить’ и, следовательно, в антропониме *Vinith-arius* правильнее видеть «потрошитель венетов»¹⁶⁴. Таким образом, Винитарий получил имя-прозвище как покоритель венетов. Готы же воевали с той частью венетов, которые именовались антами. Следовательно, готы звали своих славянских соседей антов общим для германского мира названием — венетами.

Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые рассматривают этноним анты как иранизм. Мысль об иранском происхождении его была высказана учеными в конце XIX столетия, ее разделяли и исследователи XX в., в частности М. Фасмер. «Из всех существующих гипотез, как кажется, более вероятной,— писал в этой связи Ф. П. Филин,— является гипотеза об иранском происхождении слова „анты“: древ. индийское *antas* ‘конец, край’, *antyas* ‘находящийся на краю’, осетин. *att’iua* ‘задний, позади’»¹⁶⁵. Если это действительно так, то появление этнонима анты следует относить к периоду славяно-иранского симбиоза, имевшего место в черняховской культуре. Первоначально этот этноним, видимо, относился к какой-то племенной группе скифо-сарматского населения, а затем в условиях территориального смешения со славянами и славянизации местных иранцев был перенесен на славян, переживших славяно-иранский симбиоз, то есть жителей Подольско-Днепровского региона черняховской культуры.

К черняховскому времени, нужно полагать, восходят и другие бесспорные иранизмы в этнонимии юго-восточной части славянского мира. Таковы хорваты, сербы, русь и др. Племенное имя хорваты связывается с иранской лексемой *xγvāt* со значением ‘страж скота’, ‘стеречь’¹⁶⁶.

¹⁶² *Socin A. Mittelhochdeutsches Namenbuch nach oberreinischen Quellen des XII. und XIII. Jh.* Basel, 1903. S. 215—216.

¹⁶³ *Браун Ф. А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. 1. Готы и их соседи до V в. Первый период: готы на Висле. СПб., 1889. С. 253, 333.

¹⁶⁴ *Трубачев О. Н.* Germanica и Pseudogermanica в древней ономастике Северного Причерноморья. Этимологический комментарий // *Этимология*. 1986—1987. М., 1989. С. 51.

¹⁶⁵ *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 60.

¹⁶⁶ *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // *Славянские древности. Этногенез, материальная культура Древней Руси*. Киев, 1980. С. 32.

О. Н. Трубачев пишет о тождестве этнонимов «хорваты» и «сарматы», возводя их к иранскому *sar-ma(n)t-/*har-va(n)t- в значении 'женский, изобилующий женщинами'¹⁶⁷. Славянский этноним сербы получен, как считают многие исследователи, от сарматов, которые под названием «servi Sarmatorum» упоминаются в письменных источниках IV—V вв. Согласно О. Н. Трубачеву, этот индоиранский компонент, вероятно, вошел в праславянский мир со стороны Южного Побужья¹⁶⁸. Эти этнонимы, нужно полагать, были восприняты славянами в процессе ассимиляции ими ираноязычного населения Юго-Восточной Европы и в раннем средневековье в результате великой славянской миграции разнесены в различные местности Европы. Весьма вероятно и индоиранское начало этнонима *русь*. Многие исследователи возводят его к иранской лексеме со значением светлый, блестящий (осетин. свет, светлый, персид. сияние). О. Н. Трубачев связывает этот этноним с индоарийскими терминами светлый, белый. На основе историко-ономастического материала он полагает, что этноним *рос* первоначально тяготел к побережью Черного и Азовского морей и Тавриде. Здесь должен существовать особый этнос *росы*. Взаимодействие славян с этим народом привело к перенесению индоарийского этнонима на часть юго-восточного славянства¹⁶⁹.

Основные процессы ассимиляции ираноязычного населения и остатков индоарийцев в Северном Причерноморье могут быть отнесены только к периоду функционирования черняховской культуры. Позднее, в раннем средневековье, хотя аланский этнический элемент и играл определенную роль в истории славянского населения Юго-Восточной Европы, доминирующими стали славяно-тюркские взаимоотношения.

Ядро готов, которым, согласно Иордану, в эпоху Германариха подчинились многие народы, по всей вероятности, находилось в Нижнем Поднепровье, соседствуя с Меотидой. Данные археологии фиксируют здесь на черняховских могильниках погребения с костями птиц и с вымостками из камня или иными конструкциями из камней, сопоставимыми с характерными вельбарскими. Здесь же вельбарские элементы отчетливо выявляются и среди керамических материалов. На этом основании еще

---

¹⁶⁷ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 8. М., 1981. С. 151.

¹⁶⁸ Трубачев О. Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Вестник древней истории. 1978. № 4. С. 41—42; *Он же*. Indoarica... С. 73—75.

¹⁶⁹ Обзор различных точек зрения о происхождении этнонима *русь* см.: Трубачев О. Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.

нельзя утверждать, что носители черняховских древностей Нижнего Поднепровья были исключительно готы. Население и здесь было полиэтническим, но германский этнический компонент, очевидно, более заметен, чем в других регионах черняховской территории. По всей вероятности, это был своеобразный центр остроготов, откуда они распространяли свое военно-политическое господство на население соседних земель.

Трудно сказать, какова была общественно-политическая ситуация антского общества в составе державы Германариха. Исторические источники не предоставляют возможности для ее реконструкции. Иордан сообщает, что «Германарих также двинул войско на венетов, которые, хотя и достойные презрения из-за (плохого) вооружения, но могучие численностью, сперва пробовали сопротивляться. Но ничего не значит множество негодных для войны, особенно когда с попусущения господня наступает многочисленное (хорошо) вооруженное войско»¹⁷⁰. Если это отражает реальность, то речь может идти не о всех венедах/венетах, а об их части, проживавшей в Скифии (германцы-готы — так называли в то время всех славян), то есть об антах. Последние, как видно из сообщения Иордана, имели многочисленное войско, оказавшее сопротивление готам, и, следовательно, какую-то собственную политическую организацию.

Политическое образование антов, по-видимому, не было разрушено, оно лишь стало подвластным Германариху. Так же, как позднее главы остроготов, подчиненных господству гуннов, удерживали «знаки отличия свой верховной власти», так и в составе державы Германариха вожди антов могли сохранять власть над антским обществом.

После гуннского нашествия анты вышли из подчинения готов и, как можно думать по свидетельствам Иордана, имели собственное раннегосударственное (или полугосударственное) образование со своим предводителем и знатью. В самом конце IV в. (может быть, даже в начале V в.) глава остроготов Винитарий, как уже говорилось, предпринимая попытки освободиться от господства гуннов, «двинул войско в пределы антов», но в первом сражении потерпел поражение. Однако через некоторое время Винитарий разгромил войско антов и казнил их короля Божа с 70 знатными старейшинами¹⁷¹. Все это позволяет предполагать, что анты в IV в. имели собственное военно-политическое образование, сопоставимое с другими союзами племен того времени.

Недавно Л. В. Милов обратил внимание на наличие в праславянской лексике комплекса терминов (князь, дружина, господин «представитель

---

¹⁷⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов... § 119.

¹⁷¹ Там же. С. 115.

племенной знати», худоба «бедность», голода «нищета», дань «подать, повинность», беда «нужда, скудость», купец, купля, цена, цята «денежная единица» от латинского *centum* и др.), ассоциирующихся с ранней государственностью и зарождающимся классовым обществом. Интересно то, что часть таких лексем свойственна не всему славянскому миру, а известна только болгарскому, македонскому, сербохорватскому, словенскому и древнерусскому языкам. Таковы, в частности, социальный термин *ŷmovitъ* в значении «состоятельный, зажиточный», *gospoda* в собирательном значении «господа», *glota* «толпа, чернь, сброд». Таким образом, заключает Л. В. Милов, можно говорить о значительном социальном расслоении славянского общества накануне расселения славян на Балканах. Только в старославянском, македонском, сербохорватском и древнерусском языках лексема держава сохранилась в значениях «власть, господство, государство». Лишь болгарскому, сербохорватскому и древнерусскому языкам свойственен термин данник в значении «дающий дань, вассал»¹⁷².

Как показано далее, славянские передвижения, приведшие к формированию раннесредневековых болгар, сербов, хорватов и македонцев, исходили из антского ареала, что дает основание говорить о становлении характеризуемой лексики в среде антов римского времени. В период великой славянской миграции эта терминология из междуречья Днестра и Днестра была разнесена по местностям, где поселились анты и их потомки. Таким образом, следует полагать, что в IV в. антское общество было социально расслоенным и соответствовало зрелым формам военной демократии. Антами было создано раннегосударственное образование, во главе которого стоял вождь, власть которого приобрела наследственный характер¹⁷³.

Археологические материалы черняховской культуры подкрепляют эти выводы. Исследователи давно обратили внимание на изобилие монет римского времени на всей территории черняховской культуры. Общее число пунктов, в которых были найдены монеты (на поселениях и в составе кладов) превышает 1200. Особая концентрация римских денариев свойственна лесостепной полосе, то есть территории, где в составе поли-

---

¹⁷² Милов Л. В. RUZZI «Баварского географа» и так называемые «русичи» // Отечественная история. 2000. № 1. С. 97—99.

¹⁷³ Г. Г. Литаврин отнес это антское образование к типу славиний — политических союзов славянских племен VII—IX вв., известных по византийским источникам (Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Литаврин Г. Г. Византия и славяне: (Сборник статей). СПб., 1999. С. 518—520).

этнического населения доминировал славянский этнический компонент. Большое число монет, найденных на поселениях или попавших в клады, характеризуются сильной потертостью, свидетельствуя о том, что они прошли через множество рук. Это важное указание на то, что в среде черняховского общества имело место внутреннее денежное обращение. В пользу этого говорят и находки «варварских подражаний» римским монетам. Изготовление фальшивых монет было нужно только при использовании их при внутреннем обращении¹⁷⁴. Результатом внешней торговли являются распространенные в черняховских древностях амфоры, краснолаковая и красноглиняная столовая посуда, изделия из стекла, сосуды из цветных металлов и др. В обмен от черняховского населения поступали хлебное зерно, рабы, скот, кожи, меха и др.

Исследователи социального развития черняховского населения пришли к выводу, что общество стояло на грани появления классов и принадлежало к этапу военной демократии. На материалах могильников выявляются захоронения вождей и жрецов, вооруженных дружинников и безынвентарные погребения беднейшего населения¹⁷⁵.

Очень пестрым в этническом отношении было черняховское население междуречья Днестра и нижнего Дуная. Фиксируемое здесь значительное число погребений, совершенных по обряду кремации, скорее всего, обусловлено заметным вкладом в генезис черняховского населения гето-дакийских племен. Проникновение пшеворского населения выявляется по особенностям, свойственным ему. Отчетливо проявляются и элементы сарматского наследия. Властвовали же здесь готы. Это Готия, известная по письменным памятникам IV—V вв. Готы исторических трудов того времени — собирательное обозначение этнически различных

---

¹⁷⁴ *Брайчевський М. Ю.* Римська монета на території України. Київ, 1959; *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4—4. М., 1961; *Он же.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967; *Рикман Э. А.* Этническая история...; *Он же.* Денежное обращение у племен Днестровско-Прутского междуречья в первых веках нашей эры // Нумизматика и эпиграфика. Т. 9. М., 1971. В отличие от М. Ю. Брайчевского и Э. А. Рикмана, В. В. Кропоткин отрицает внутреннее денежное обращение в черняховской среде, полагая, что монеты выполняли функцию сокровища. Согласиться с этим никак нельзя.

¹⁷⁵ *Брайчевський М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності: Соціально-економічний розвиток черняхівських племен. Київ, 1964; *Godłowski K.* Studia nad stosunkami społecznymi w okresie późnolateńskim i rzymskim w dorzeczu Odry i Wisły. Warszawa; Wrocław, 1960; *Wielowiejski J.* Przemiany gospodarczo-społeczne ludności południowej Polski w okresie późnolateńskim i rzymskim // Materiały starożytne. T. 6. Warszawa, 1960.

племен, подвластных этому германскому племени. Согласно Аммиану Марцеллину (последняя четверть IV в.), готы, устремляясь в битву, «издавали шум на разных языках»¹⁷⁶. Анализ погребальных древностей этого региона показывает, что в разных местностях здесь имели место неоднозначные явления, но все Днестровско-Дунайское междуречье охватил процесс постепенного вытеснения ритуала кремации обрядом трупоположения. Это достаточно хорошо документируется такими полно исследованными могильниками, как Будешты, Тыргшор и Индепенденца¹⁷⁷. Показательно, что в наиболее поздних черняховских могильниках Нижнего Подунавья открыты исключительно погребения по обряду ингумации.

Материалы Будештского могильника показывают постепенное увеличение доли трупоположений, ориентированных по направлению запад—восток. На поздней фазе ингумации с западной ориентировкой окончательно вытесняют все иные виды захоронений, в том числе и трупосожжения. В могильнике Индепенденца также наблюдается постепенное возрастание погребений с широтной ориентацией, но обряд захоронения умерших головой на север сохранялся до самого конца функционирования кладбища. Неоднократно высказывалась догадка о распространении трупоположений с западной ориентировкой под воздействием христианской религии. Для Готии это предположение вполне допустимо, но обосновать его фактическими данными пока не удается.

Славянский этнический компонент в составе черняховского населения междуречья нижнего Дуная и Днестра остается неуловимым. О проживании в этом регионе славян в позднеримское время свидетельствуют письменные документы. Римский император Волузиан в результате победы, одержанной в 50-х гг. III в. в Нижнем Подунавье над конгломератом «скифских племен», получил титул «Венедский»¹⁷⁸. Скифами историки того времени называли всех насельников Скифии — Северного Причерноморья. Очевидно, среди них были и венеды-славяне, составлявшие нема-

¹⁷⁶ Diaconu Gh. Despre sarmati la Dunarea de jos in lumina descoperirilor de la Tirgşor // Studii şi cercetari de istorie veche. T. XIV. № 2. Bucureşti, 1963. P. 341; Рикман Э. А. Этническая история... С. 326.

¹⁷⁷ Diaconu Gh. Tirgşor. Necropola din secolele III—IV e. n. Bucureşti, 1965; Ioniţa I. Das Gräberfeld von Independenţa (Walachei). Zur relativen Chronologie und zu den Bestattungs-, Beigaben- und Trachtsitten eines Gräberfeldes der Černjachov — Sintana-de-Mureş-Kultur. Bonn, 1971; Рикман Э. А. Этническая история... С. 295—299.

¹⁷⁸ Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 298.

лую часть населения Днестровско-Дунайского междуречья. Как отмечалось выше, на Певтингеровой карте III в. веныды локализованы рядом с гетами и даками между Дунаем и Днестром. Славяне названы в числе варварского населения левобережья нижнего Дуная (Истра) в связи с нападениями на земли Римской империи в эпоху Геркулия Максимиана (286—305 гг.) в житийном повествовании «Мученичество Орентия и его братьев»¹⁷⁹.

По всей вероятности, славяне проживали в междуречье Днестра и нижнего Дуная чересполосно с готами, гепидами, сарматами и гето-даками. Этнографические особенности каждого из этих этносов здесь в значительной степени сnivelировались¹⁸⁰.

---

¹⁷⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М., 1995. С. 515. Житие создано в XI в. на основе первоначального, позднее утраченного. Время написания первоначального труда неизвестно, очевидно только, что до VIII в.

¹⁸⁰ В Буджакской степи между нижними течениями Дуная и Днестра открыта небольшая группа памятников, синхронных черняховской культуре, именуемых древностями типа Этулии. Это небольшие поселения и грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения. По мнению А. В. Гудковой, жилища, погребальная обрядность и лепная керамика указывают на происхождение этулийских древностей в результате перемещения населения из областей, заселенных позднезарубинецко-раннекиевскими и волыно-подольскими племенами (Гудкова А. В. Группа венодов в низовьях Дуная // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура: (Материалы по археологии России. Вып. 1). М., 1993. С. 89—97). Исследовательница полагает, что носителями этих древностей были славяне-веныды, что вероятно. Поселения и могильники типа Этулии прекращают функционировать в период готских войн, судьба этого населения остается неизвестной.

ВЕЛИКАЯ СЛАВЯНСКАЯ МИГРАЦИЯ

Нашествие гуннов

Первые упоминания о гуннах у европейских авторов относятся к середине II в. н. э., когда отдельные группы их проникли в Прикаспийские и Нижневолжские степи и осели там. Во второй половине IV в. огромные полчища гуннов, объединенные в большой племенной союз, начали продвигаться к Юго-Восточной Европе. По пути из Средней Азии к азиатским воинственным племенам в Приуралье и Прикаспии присоединились ранее поселившиеся здесь гунны, а также аланы и угры.

Форсировав около 370 г. Волгу, гунны стремительно продвигаются в Подонье и Предкавказье. Сопротивление донских алано-сарматов было сломлено огромным численным превосходством гуннов. Ираноязычные племена были частично истреблены, частично рассеяны, а некоторые группы их влились в состав гуннских полчищ. Одновременно другая группа гуннов направилась к Западное Причерноморье и, перейдя по льду Керченский пролив, вторглась в Крым. Цветущие города Боспора подверглись опустошительным погромам, их население — массовой резне. Пантикапей из крупного античного города превратился в небольшой поселок, а многие другие города полностью погибли в огне пожаров.

В 375 г. гунны «внезапным натиском» вторглись в пределы владений готского короля Германариха. Остроготское государственное образование было разгромлено, Германарих покончил жизнь самоубийством. Часть остроготов покорилась гуннам, остальные во главе с Витимиром отошли на запад. Преследуя их, гунны вышли к Днестру, пересекли его и вынудили отступающих отойти к отрогам Карпат. В 376 г. в связи с натиском гуннов значительная часть везегов с разрешения императора Валента переселилась в Мезию, в пределы Римской империи.

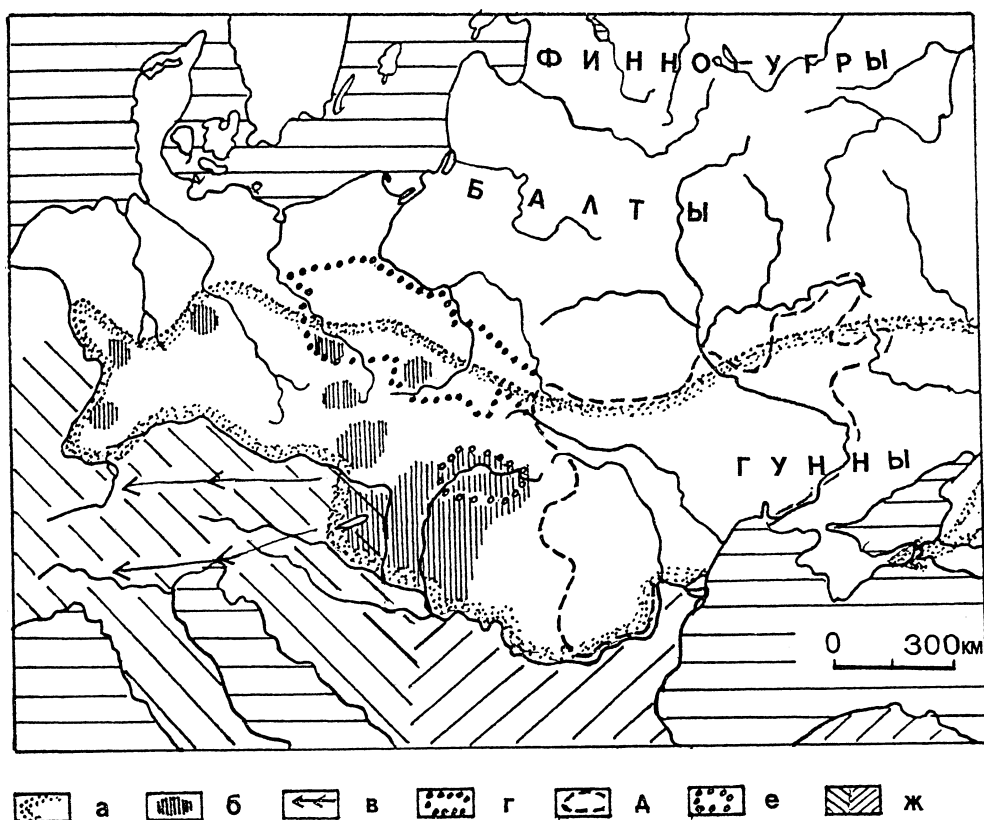

Рис. 41. Нашествие гуннов в Европу

а — приблизительный регион экспансии гуннов; **б** — районы концентрации древностей гуннов; **в** — направления походов гуннов (по К. Ягджевскому); **г** — ареал пшеворской культуры в позднеримский период; **д** — ареал черняховской культуры; **е** — ареал прешовских древностей; **ж** — территории Западной и Восточной Римских империй.

Гуннское нашествие затронуло весь ареал черняховской культуры (рис. 41). Большая часть черняховских поселений прекратила существование. Крупные ремесленные центры, снабжавшие своей продукцией черняховское население, оказались полностью разрушенными, прекратилось поступление импортных изделий. Разрушение гуннскими ордами экономики и культуры населения Северного Причерноморья стало концом развития черняховской культуры. Современник нашествия гуннов Евнапий писал: «Побежденные скифы были истреблены гуннами, и большинство их погибло: одних ловили и избивали вместе с женами и деть-

ми, причем не было предела жестокости при их избиении; другие, собравшись вместе и обратившись в бегство, числом не менее 200 000 самых способных к войне...»¹ Условия жизни населения, оставшегося в лесостепной части Днестровско-Днепровского междуречья, коренным образом изменились — значительный регресс в экономике и культуре был неизбежным.

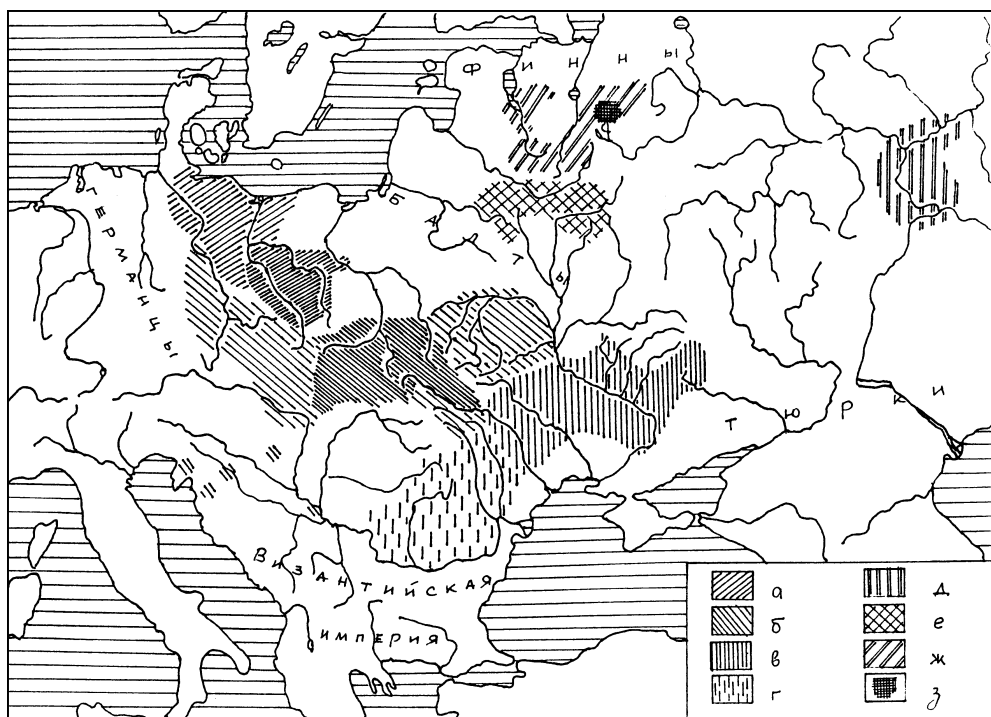
В степях Приазовья обосновалось крупное гуннское племя — акациры. Остальные же многочисленные орды гуннов продолжили движение на запад и, разгромив несколько приграничных крепостей, вторглись в пределы Римской империи. Пройдя «огнем и мечом» по Фракии, гунны осели в степных просторах Нижнего Подунавья. В 406 г., после того как аланы, составлявшие авангардную часть гуннского воинства, вместе с вандалами переместились в Галлию, гунны освоили и степные местности Среднего Подунавья (рис. 41). Могущество гуннов постепенно возрастало, и они расширяют подвластные территории, покоряя соседние племена. В 434 г. гунны осаждали даже Константинополь. Результатом деятельности знаменитого вождя Атилы (445—454 гг.) стало создание мощной Гуннской державы. Проведя несколько походов в Центральную Европу, он значительно расширил подвластную территорию. Атила свергал королей и включал в свои владения побежденные народы — франков, бургундов, тюрингов. Подвластными Атиле стали и земли славян, проживавших в верхних течениях Вислы и Одера. Пшеворская культура с активно функционировавшими крупными ремесленными центрами перестала развиваться и постепенно прекратила существование.

Обосновавшиеся в Средней Европе гунны удерживали в своей власти и севернопричерноморские племена. Последние имели своих предводителей, но они подчинялись гуннским наместникам. В таком положении, по всей вероятности, оказалось и военно-политическое образование антов. Попытки части готов (к ним присоединились и некоторые аланские племена) освободиться от гуннской зависимости оказались безуспешными — в сражении на реке Эрак (предположительно, Днепр) готы были разбиты гуннами под руководством Баламбера, готский король Витимир погиб в бою. Атила поставил своего старшего сына Эллака повелителем акациров и других причерноморских народов.

Иордан отмечает, что гунны держали во власти весь варварский мир. Их завоевания были приостановлены в 451 г., когда в Каталанских полях

---

¹ *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1: Греческие писатели. СПб., 1893. С. 726.

Рис. 42. Славянские культуры начала средневековья

а — ареал суковско-дзедзицкой культуры (регион формирования выделен более плотной штриховкой); **б** — пражско-корчакской культуры (значение плотной штриховки то же); **в** — пеньковской культуры; **г** — ипотешти-кындештской; **д** — именинковой; **е** — тушемлинской; **ж** — ранних длинных курганов; **з** — удомельских древностей.

в Галлии (150 км восточнее Парижа) в семидневном сражении гунны потерпели поражение. Через год Атила, собрав мощное войско, вновь вторгся в Галлию, но завоевать ее не смог. После смерти Атилы Гуннская держава распалась².

Нашествие гуннов и ряд других исторических обстоятельств, о которых будет сказано ниже, разрушили провинциалноримские культуры, в составе населения которых были славяне, и привели в движение многие народы. Началась великая славянская миграция. В течение сравнительно короткого времени славяне расселились на широких просторах Евро-

² О гуннах в Европе см.: *Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd. 4: Die europäischen Hunnen.* Berlin, 1962; *Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches.* München, 1956.

пы и активно взаимодействовали с другими этносами. В результате в разных регионах славянского расселения началось формирование новых археологических культур (рис. 42).

Антская группа

Пеньковская культура

Гуннское нашествие razорило бoльшую часть черняховских поселений Северного Причерноморья, но не уничтожило основных масс этого весьма многочисленного населения. Только какая-то часть его, вероятно немалая, погибла в военных сражениях, в огне пожарищ, во время грабежей кочевых орд и т. п.

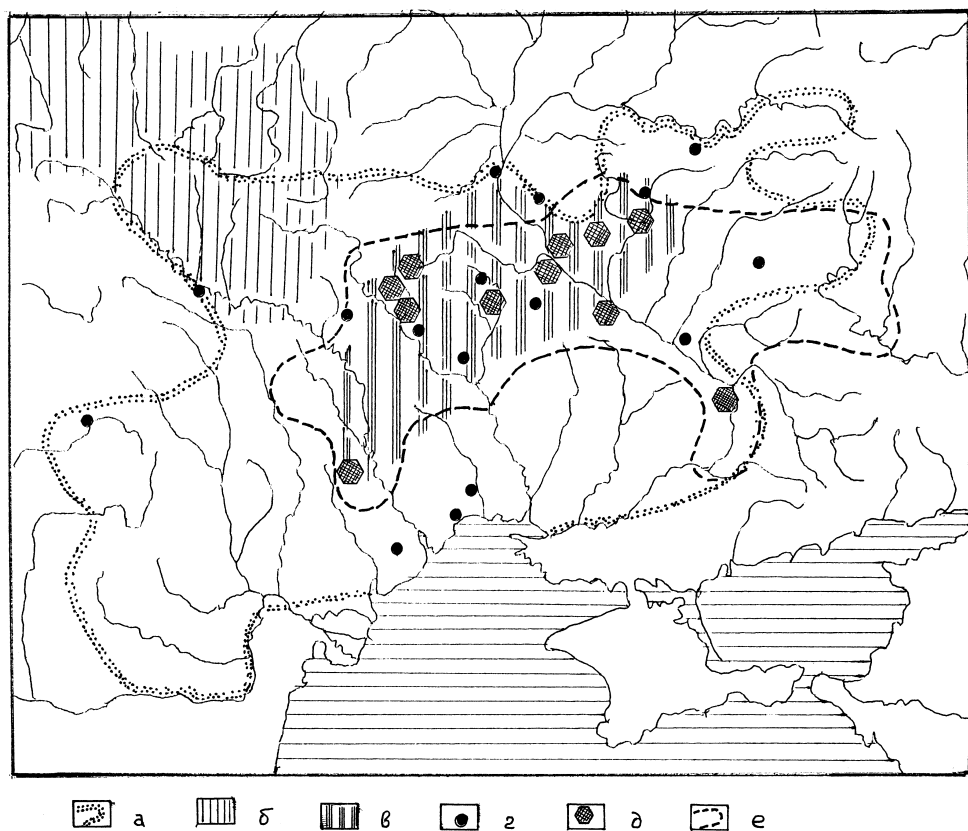
Значительные группы черняховского населения вынуждены были, спасаясь от гуннского погрома, бежать на новые места жительства, но в лесостепных землях междуречья Днестра и Днепра основные массы земледельцев-антов не покинули мест своего обитания. Более того, анты сохранили свою военно-политическую организацию. Источники, как уже отмечалось, называют короля Божа, который предводительствовал над антами вместе с сыновьями и старейшинами.

Отдельные черняховские поселения продолжали функционировать и в последние десятилетия IV, и в начале V в. (рис. 43). Одним из таковых было селище у с. Хлопков на р. Трубеж в Киевском Поднепровье. Раскопками исследованы восемь прямоугольных в плане жилищ-полуземлянок, сходных с теми, которые в раннем средневековье становятся одним из этнографических маркеров славянской культуры. Керамическая коллекция поселения состоит из гончарной сероглиняной посуды (71%), сопоставимой с позднечерняховской, и лепных сосудов (29%). Меньшую часть последней составляют сосуды, идентичные черняховским более раннего времени, а основную — биконические горшки и корчаги с налепным валиком, которые в течение V столетия становятся характерными для пеньковской культуры. Время поселения (конец IV — начало V в.) определяется овальной пряжкой с массивной дужкой и изогнутым на конце язычком, а также стеклянным кубком со шлифованными овалами³.

---

³ Некрасова Г. М. Поселення черняхівської культури Хлопків I на Київщині // Археологія. Вип. 62. Київ, 1988. С. 70—82.

Рис. 43. Этнокультурная ситуация в Северном Причерноморье в конце IV — начале V в.

а — граница территории черняховской культуры; **б** — общий ареал пшеворской культуры; **в** — ареал антов (Подольско-Днепровский регион черняховской культуры); **г** — памятники черняховской культуры конца IV — начала V в.; **д** — раннепеченьковские памятники; **е** — граница распространения пеньковской культуры V—VII вв.

Подобных поселений в лесостепной полосе черняховского ареала, очевидно, было немало. Однако отсутствие для переходного периода от римского времени к средневековью датированных находок затрудняет их выделение.

Продолжали функционировать и некоторые могильники. Сравнительно немногочисленные погребения фазы 5 (по Е. Л. Гороховскому), определяемой 375/380—420/430 гг., имеются в могильниках лесостепной части междуречья Днестра и Днепра (Журавка, Данилова Балка, Маслово, Ко-

саново, Вилы Яругские, Островец) и левобережья Среднего Поднепровья (Кантемировка, Компанийцы, Лохвица, Успенка). Захоронения, синхронные этой фазе, имеются на северо-западном побережье Черного моря (Ранжевое, Холмское), а также в Трансильвании (Сынтана де Муреш).

Анализ позднечерняховских поселений и погребений показывает, что в конце IV в. на рассматриваемой территории прежние культурные и экономические достижения были полностью утрачены. Уничтожение гуннами ремесленных центров привело к тому, что из обихода постепенно исчезает высококачественная гончарная глиняная посуда, приходят в упадок кузнечное и ювелирное ремесла, замирает торговля. Это время совпадает с крушением Римской империи. Естественно, что в римских провинциях утрачиваются многие традиции, установившиеся под культурными влияниями Империи.

В сложившейся исторической ситуации население лесостепной области междуречья Днестра и Днепра (включая часть его левобережья), где оно сохранилось после гуннского нашествия в большей степени, формирует новую культуру — пеньковскую. Экономический и культурный уровень ее был несравненно ниже черняховской. Достижения провинциально-римских культур были утрачены, орудия труда и быта изготавливались теперь не ремесленниками-профессионалами, а домашним способом. Создателями пеньковской культуры были в основном потомки местного черняховского населения — анты, в среду которых инфильтрировали переселенцы из более северных земель Поднепровья — носители киевских древностей.

Памятники начального этапа пеньковской культуры выявлены и исследовались и в Среднем Поднепровье, и на Южном Буге, и на среднем Днестре. В Южном Побужье таковы селища Голики, Кочубеевка, Куня, Пархомовка. На селище у с. Куня в Винницкой обл. раскопками открыто полуземляночное жилище с печью-каменкой. В постройке обнаружены лепная керамика и железная двучленная фибула (с длинной дужкой и сплошным плоским приемником), датированная концом IV — V в.⁴ Синхронное поселение исследовалось у с. Пархомовка. Здесь открыто четыре полуземляночных жилища, два из которых имели очаги, два других — печи-каменки. В одной из построек найдена бронзовая фибула с лукообразной дужкой, определяемая временем не позже V в.⁵ На поселении у

---

⁴ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 212—214.

⁵ Там же. С. 184—188.

с. Голики исследованы четыре полуземляночных жилища, из которых три отапливались очагами, в одной была исследована печь-каменка⁶. На селище около с. Кочубеевка, исследованном О. М. Приходнюком, в полуземлянках с очагами вместе с пеньковской лепной посудой встречены фрагменты гончарной керамики черняховского типа.

В Среднем Поднепровье наиболее изученным памятником, характеризующим начальный этап пеньковской культуры, является поселение Хитцы. Напластования V в. определяются находкой костяного гребня и керамическим материалом. Основную массу последнего составляет пеньковская посуда. Некоторые сосуды по форме сочетают в себе черты пеньковской и киевской керамики, свидетельствуя об участии в генезисе рассматриваемой культуры потомков племен киевской культуры. Кроме того, на селище найдены фрагменты гончарной черняховской керамики⁷.

К ранним пеньковским принадлежит также поселение у с. Жовнин недалеко от впадения р. Сулы в Днепр. Здесь вместе с пеньковской лепной керамикой найдена костяная ложечка, определяемая по северокавказским аналогиям второй половиной IV — V в.⁸

К начальному этапу пеньковской культуры относится один из грунтовых могильников у с. Великая Андрусовка на р. Тясмин, раскопками которого исследованы в небольших ямках четыре захоронения по обряду кремации⁹. В одном из этих погребений найдена бронзовая литая пряжка, датируемая V в.

Некоторые исследователи склонны полагать, что пеньковские древности формировались на основе киевских¹⁰, с чем никак нельзя согласиться. Наличие на некоторых пеньковских поселениях полуземлянок с центральным опорным столбом следует рассматривать как показатель расселения отдельных групп потомков киевской культуры на бывшей черняховской территории. Распространение же на пеньковских памятниках

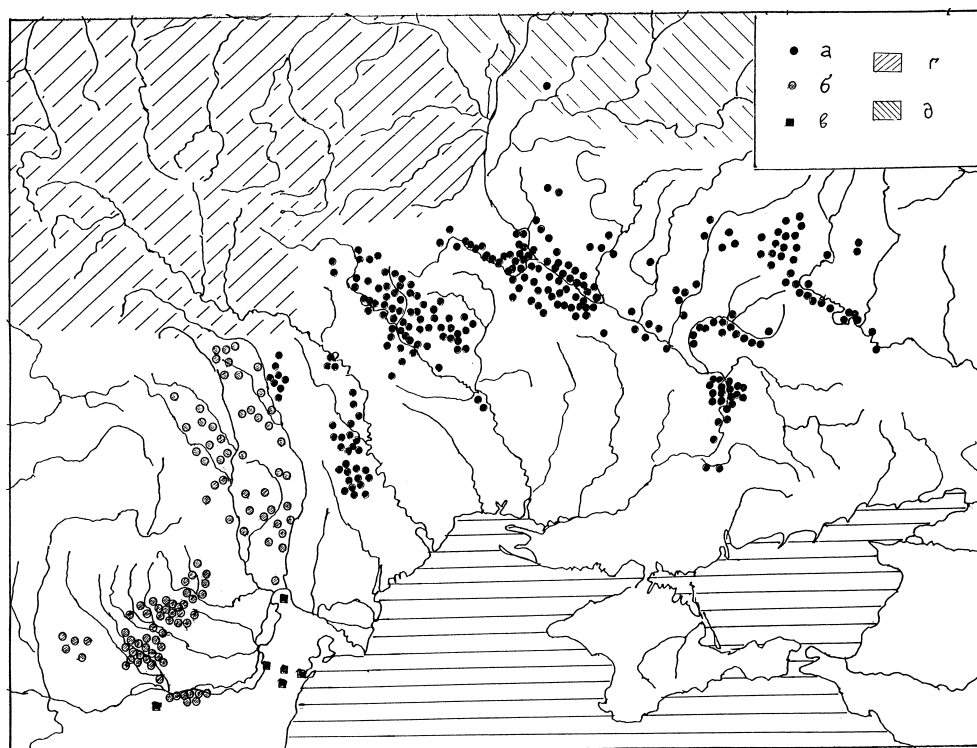
⁶ Там же. С. 213.

⁷ Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 184—188.

⁸ Рутковська Л. М. Дослідження поблизу с. Жовнин Черкаської області // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. С. 224.

⁹ Березовець Д. Т. Могильники уличів у долині р. Тясмину // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 67—68.

¹⁰ Приходнюк О. М. О генезисе древностей позднеримского и раннесредневекового времени Днепровского лесостепного Левобережья // КСИА. Вып. 194. 1988. С. 68—75; Он же. О территории формирования и основных направлениях распространения пеньковской культуры // Древности юго-запада СССР. Кишинев, 1991. С. 106—124.

Рис. 44. Расселение антов в V—VII вв.

а — памятники пеньковской культуры; **б** — памятники с элементами пеньковской и пражско-корчакской культур и памятники ипотешти-кындештской культуры; **в** — византийские крепости; **г** — ареал пражско-корчакской культуры; **д** — колочинской культуры.

полуземляночных жилищ, продолжающих традиции черняховского домостроения, невозможно объяснить при принятии гипотезы об эволюции пеньковской культуры из киевской. К тому же керамика пеньковской культуры в целом заметно отличается от глиняной посуды киевских древностей. Сравнительно быстрое возрождение кузнечного и бронзолитейного ремесла в пеньковской культуре можно объяснить только сохранением некоторых римских традиций местным населением лесостепного междуречья Днестра и Днепра. Прямыми потомками носителей киевских древностей стали племена колочинской культуры, заметно отличающейся от пеньковской.

Исследования пеньковской культуры начались в 50-х гг. XX в. раскопками Д. Т. Березовца и В. П. Петрова поселений в окрестностях с. Пень-

ковска на р. Тясмине¹¹. Полевыми изысканиями последующих десятилетий однотипные памятники были выявлены и исследованы на широкой территории лесостепи от Прута на западе до Северского Донца на востоке¹². В настоящее время известно не менее 350 памятников этой культуры (рис. 44).

Поселения располагались преимущественно на первых надпойменных террасах крупных рек, их притоков и мелких речек, иногда на останцах. Выбирались места, которые не требовали сооружения искусственных укреплений. Реки, леса и болота служили естественной защитой. Рядом с поселениями обычно находились легкие для пашенной обработки земли и пойменные луга для выпаса скота.

Площади большинства поселений не превышают 2—3 га, значительная часть их занимала 0,5—1,5 га. На большинстве поселений одновременно существовало от 7 до 16 домохозяйств. Так, на селище Семенки в Побужье открыто 11 жилищ, на поселениях Селище и Ханска-II в Молдавии соответственно 12 и 16. Но было и немало селений с меньшим числом хозяйств. На поселениях Кочубеевка, Скибинцы и Сушки их выявлено от четырех до семи. Хозяйственные строения находились или рядом с жилищами, или образовывали отдельную часть поселения.

Всего на поселениях пеньковской культуры раскопками исследовано не менее 150 полуземляночных жилищ площадью от 12 до 20 кв. м при глубине котлована от 0,4 до 1 м. Стены построек были срубными или столбовыми. Преобладали срубные жилища (75—80%). Наземные части их предположительно имели высоту 1—2 м. Крыши жилищ имели деревянные каркасы, которые покрывались соломой или камышом. На посе-

---

¹¹ *Березовец Д. Т.* Поселения улечей на р. Тясмине // МИА. № 108. 1963. С. 145—208; *Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. (по материалам раскопок 1956—1958 гг. в Потясминье) // Там же. С. 209—233.

¹² *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в средней части Южного Буга // СА. 1963. № 3. С. 187—201; *Он же.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга // МИА. № 108. 1963. С. 320—350; *Он же.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга... С. 181—215; *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972; *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.). Київ, 1975; *Он же.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е. Київ, 1980; *Он же.* Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж, 1998; *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян...; *Берестенев С. И., Любичев М. В.* Новые данные о памятниках пеньковской культуры Северского Донца и Ворсклы // Археология Славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991. С. 33—36.

лении Перебыковцы исследована жилая постройка с двускатной крышей, сооруженной из жердей и покрытой слоем глины. Отапливались жилища печами и очагами. По подсчетам О. М. Приходнюка, в ранней фазе развития пеньковской культуры доминировали постройки с очагами (21 при девяти жилищах с печами-каменками). В домах второй фазы господствовали печи (51 при 10 с очагами). Можно отметить, что в Днепро-ско-Днестровском междуречье все без исключения срубные полуземлянки имели печи-каменки. Полуземляночные постройки с очагами, а иногда и вообще без отопительных устройств тяготеют преимущественно к периферийным областям пеньковской территории. Печи складывались из камней, на селище Ханска в Молдавии открыты глиняные печи. Для очагов делалось углубление в полу, некоторые из них имели глиняное основание.

Интерьер пеньковского жилища неприхотлив. Один из углов их занимала печь. Обычны также пристенные лавки из дерева. Пол в подавляющем большинстве построек был утрамбованным, материковым. Не исключено, что в ряде случаев он выстилался плахами. В некоторых котлованах построек напротив печей имелись прямоугольные или овальные выемки шириной 0,5—0,8 м, выступающие на 0,3—0,4 м. В них для спуска в жилища находились деревянные лестницы, иногда ступени лестницы вырезались прямо в грунте.

Сравнительно немногочисленные полуземлянки ряда пеньковских поселений имели центральный опорный столб, который, по всей вероятности, усиливал коньковый прогон. Все эти постройки принадлежат к раннему этапу пеньковской культуры. Достаточно очевидно, что этот тип домостроительства был привнесен на пеньковскую территорию переселенцами из верхнеднепровских земель, где такие строения бытовали в киевской и эволюционировавшей на ее основе колочинской культуре (третья четверть I тыс.). Верхнеднепровские переселенцы скоро растворились в пеньковской среде, и жилища с центральным столбом выходят из обихода¹³.

На южных окраинах ареала пеньковской культуры, там, где она соприкасалась с землями, занятыми тюркоязычными кочевниками, в ряде поселений (Осиповка, Чернещина, Будище, Луг) раскопками выявлены

---

¹³ Об инфильтрации верхнеднепровского населения в ареал пеньковской культуры говорит и керамический материал: на памятниках Днепро-вского лесостепного Левобережья, в меньшей степени на Правобережье вплоть до Южного Буга встречаются горшки тюльпановидных форм, характерные для колочинских древностей.

углубленные жилища, округлой или овальной в плане формы, напоминающие кочевнические юрты. Эти жилища, очевидно, принадлежали степнякам, осевшим на землю и подселившимся к носителям пеньковских древностей. Неславянскими были и жилища с глиняными стенами и полами, выложенными из черепков битой посуды, гальки и глины, раскопанные на поселении Жовнин, а также постройка с каменным цоколем на селище у балки Звонецкой¹⁴. Эти строения сопоставимы с салтово-маяцкими и, нужно полагать, свидетельствуют о контактах славян-антов с алано-болгарским населением.

В ареале пеньковской культуры известны и единичные укрепленные поселения (Будище в Поднепровье, Селиште в Молдавии, Пастырское в бассейне Тясмина). Городище Селиште размером 130 x 60 м было устроено на возвышенном мысе с крутыми склонами и с напольной стороны защищено двумя параллельными деревянными стенами, пространство между которыми было заполнено суглинком. Раскопками исследованы 16 полуземляночных жилищ и 81 хозяйственная яма. В четырех полуземлянках зафиксированы следы ремесленной деятельности, связанной с ювелирным делом и гончарством. Здесь же из местного сланца вырезались литейные формочки. Исследователи памятника полагают, что это был административно-хозяйственный центр одной из групп пеньковского населения¹⁵.

Одним из интереснейших памятников пеньковской культуры является городище Пастырское, занимавшее площадь около 3,5 га. Его валы и рвы были сооружены еще в скифскую эпоху и позднее не возобновлялись. Раскопками поселения¹⁶ открыты остатки мастерских по обработке железа, найдены крицы, шлаки, остатки горна, исследована кузница.

---

¹⁴ *Березовец Д. Т.* Поселения уличей... С. 150, 166; *Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти... С. 216; *Телегин Д. Я.* Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. // КСИАУ. Вип. 12. 1962. С. 16; *Рутковська Л. М.* Дослідження поблизу с. Жовнин... С. 226; *Бодянский А. В.* Археологические находки в Днепровском Надпорожье // СА. 1960. № 1. С. 274.

¹⁵ *Рафалович И. А., Лапушнян В. Л.* Могильник и раннеславянское городище у с. Селиште // Археологические исследования в Молдавии в 1973 г. Кишинев, 1974. С. 104—140.

¹⁶ *Брайчевский М. Ю.* Работы на Пастырском городище в 1949 г. // КСИИМК. Вып. XXXVI. 1951. С. 155—164; *Он же.* Новые находки VII—VIII вв. на Пастырском городище // КСИАУ. Вип. 10. 1960. С. 106—108; *Брайчевський М. Ю.* Пастирський скраб 1949 р. // Археологія. Т. VII. Київ, 1952. С. 163—173; *Он же.* Нові розкопки на Пастирському городищі // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. V. Київ, 1955. С. 67—76; *Брайчевская А. Т.* Кузница на Пастырском городище // КСИАУ. Вип. 9. 1960. С. 99—103.

Среди вещевых находок имеются орудия ремесленников: кувалда, кузнечные молоты, клещи, зубило, ножницы для резания железа, пробойник, долото, тесла, глиняная льячка. Найдены также железные наральники, косы, серпы, лопаты, различные бытовые предметы, а также многочисленные украшения из сплавов цветных металлов.

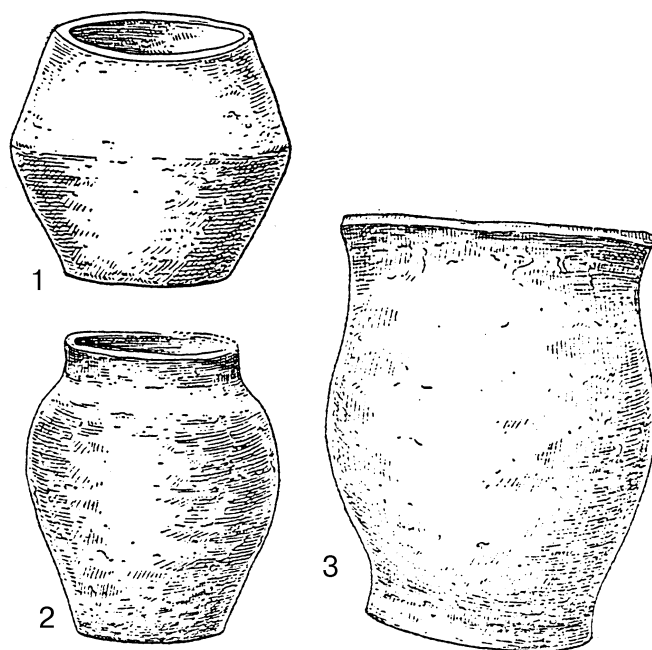
Могильники пеньковской культуры выявлены и изучались в Большой Андрусовке (три некрополя), Алексеевке, Волосовке, Васильевке, на острове Сурском в Поднепровье, в Селиште и Ханске в Молдавии и др. Большинство захоронений совершено по обряду кремации умерших на стороне с последующим помещением остатков трупосожжений в небольших ямках глубиной 0,3—0,5 м. Погребения, как правило, безынвентарные и безурновые, что весьма характерно для славянского похоронного ритуала. Лишь единичные захоронения содержат немногочисленные вещи. Погребения по обряду трупоположения исследовались на пеньковских могильниках в Селиште и Ханске, у с. Алексеевка в Надпорожье и в Мохначе на Северском Донце. К пеньковским ингумациям относятся и захоронения по обряду трупоположения с пальчатыми и зооморфными фибулами при с. Балаклея в Чигиринском р-не, с. Поставмуки на Полтавщине и у с. Буда в Сумской обл. Пеньковское трупоположение открыто еще на черняховском могильнике Данчены.

Биритуализм, свойственный пеньковской культуре, нужно полагать, является наследием черняховского погребального ритуала.

Основная масса керамики рассматриваемой культуры изготавливалась в домашней среде без использования гончарного круга. Ведущей формой лепной посуды были горшки со слабо профилированным верхним краем и овально-округлым туловом (рис. 45). Наибольшее расширение приходится на среднюю часть их высоты; горло и дно сужены и примерно равны по диаметру. Другой распространенный тип сосудов — биконические горшки с резким или несколько сглаженным ребром. Кроме горшков, на пеньковских поселениях обычны глиняные диски и сковороды, биконические, цилиндроконические и округлобокие миски. Большинство сосудов лишено орнаментации, лишь некоторые горшки имеют насечки по венчику или налепной валик на плечиках.

На ранних пеньковских поселениях встречаются также фрагменты черняховской гончарной посуды, а позднее получает распространение гончарная керамика пастырского типа. Это выпуклобокие, часто почти шаровидные серолощенные горшки. Они изготавливались из хорошо отмученной глины, иногда с примесью песка. По своему облику эта посуда близка к черняховской и, по всей вероятности, имеет черняховскую под-

Рис. 45. Характерные глиняные сосуды пен'ковской культуры

1—3 — из селища Семенки.

основу. Признавая, что пастырская керамика действительно могла вести свое начало от черняховского гончарства, М. И. Артамонов указывал на хронологический разрыв между временем функционирования пастырской и черняховской гончарной посуды¹⁷. Однако существенного разрыва, по-видимому, не было, тем более что на Пастырском городище встречена и собственно черняховская керамика. После гуннского погрома какое-то время могли работать бродячие гончары-ремесленники, которые сохранили черняховские традиции и привнесли в пастырское гончарство. Впрочем, следует отметить, что гончарная посуда пастырского типа на поселениях пен'ковской культуры встречается в небольшом количестве.

На Пастырском городище, около с. Алексеевка в Днепропетровской обл. и близ с. Федоровка в Запорожской обл. открыты гончарные горны по обжигу посуды пастырского типа. В последнем пункте, у балки Канцерка исследованы три небольших поселения, в которых жили и работа-

¹⁷ Артамонов М. И. Этническата принадлежност и историческото значение на пастырската культура // Археология. София. 1969. № 3. С. 8.

ли гончары. Здесь открыты остатки 18 горнов, в которых обжигались глиняные сосуды.

Раскопки памятников пеньковской культуры дали богатый материал для характеристики экономики ее носителей. Среди железных изделий немало орудий сельскохозяйственного труда: наральники, мотыжки, серпы, косы. Очевидно, что основой экономики пеньковского населения были земледелие и скотоводство. Об этом говорят и плодородные земли, и орудия земледелия, и многочисленные зерновые ямы на поселениях, и почти повсеместное использование ручных мельниц. К сожалению, состав культивируемых растений пока не выяснен. Стада домашних животных (крупный рогатый скот, свиньи, овцы, козы и лошади) паслись преимущественно на пойменных лугах, животноводство было приселищным.

В ареале пеньковской культуры открыты железоделательные центры (Гайворон, Семенки, Самчинцы). Они, в частности гайворонский, свидетельствуют о становлении территориальной специализации в черной металлургии. Для выплавки железа использовались стационарные наземные горны со шлаковывпуском. Металлографическое изучение кузнечной продукции показало, что ремесленники в совершенстве владели техникойковки железа и сырцовоystали в горячем состоянии, широко употреблялась тепловая обработка, но цементация изделий применялась сравнительно редко, немногочисленны и случаи изготовления орудий с наварными стальными лезвиями. Все говорит о том, что пеньковское население постепенно восстанавливало унаследованные им производственные достижения провинциально-римского времени¹⁸.

Особенно активно развивалось в пеньковской культуре бронзолитейное и ювелирное ремесло. Многочисленные изделия из цветных металлов обнаружены на многих поселениях, и наиболее полно они представлены вкладах, обнаруженных в ряде местностей левобережной части Среднего Поднепровья, а также в Нижнем Поднепровье и смежных с ними территориях. Среднеднепровскимкладам посвящена обширная литература¹⁹. В целом они датируются VI—VIII вв. и подразделяются на

---

¹⁸ Вознесенская Г. А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н. э. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 61—65.

¹⁹ Спицын А. А. Древности антов // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 103. Вып. 3. СПб., 1928. С. 492—495; Рыбаков Б. А. Древние русы // СА. Т. XVII. 1953. С. 23—104; Гавриутхин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

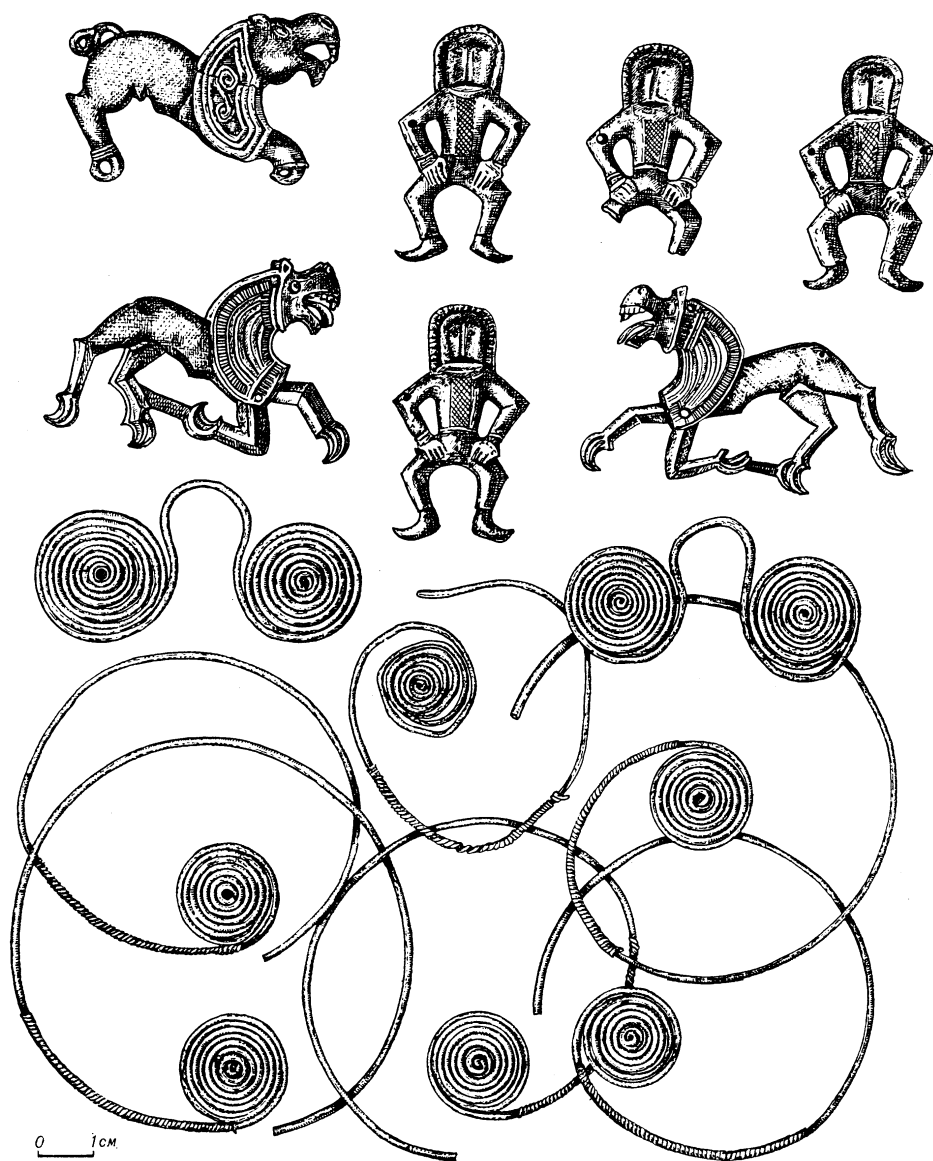

Рис. 46. Украшения из Мартыновского клада

две хронологические группы. Такие клады, как Мартыновский, Хацковский, Молоржавский и некоторые другие, относятся к VI—VII вв., другую группу составляют Пастырский, Харивский и им подобные клады, датируемые второй половиной VII — началом VIII в.

Среди кладов первой группы наиболее интересным является Мартыновский, найденный еще в 1909 г. у с. Мартыновка в бассейне р. Рось и содержащий до сотни различных серебряных изделий: предметы головного убора (налобные венчики, серьги, височные кольца), шейная гривна, браслеты, фибула, разнообразные поясные бляшки, накладки и наконечники, две серебряные чаши с византийскими клеймами, фрагмент блюда, ложка и девять стилизованных фигурок людей и животных (рис. 46)²⁰.

Последние представляют большой интерес для характеристики искусства той эпохи. Они рельефны. Четыре фигурки изображают «пляшущих» мужчин. Каждый из них стоит подбоченившись, словно готовясь пойти вприсядку, ноги согнуты в коленях, руки — в локтях и упираются в колени. Головы мужчин увеличены несоразмерно с остальными частями тела, геометричны и обрамлены «золотыми власами». На груди выгравированы узоры, по-видимому передающие вышивку на рубахах.

Фигурки животных изображают коней, они фантастичны и напоминают хищных зверей. Они бегут с оскаленными пастьми, из которых высушены языки. Широкие гривы украшены геометрическим узором и позолочены.

Головные венчики состояли из серебряных пластин с загнутыми концами. Серьги, получившие наименование пастырских, имеют провололочные кольцевые дужки, к которым прикреплялись привески разных типов, главным образом дисковидные с пятью-семью лопастями или ажурные с дополнениями из зерни. Шейные гривны делались из массивного дрота, иногда перекрученного, с петлеобразно загнутыми концами. Ожерелья состояли из стеклянных и пастовых бус разнообразной формы. Браслеты были массивными или полыми, концы их обычно утолщены.

Поясные наборы включали различные накладки (круглые, прямоугольные, зооморфные, крестовидные), орнаментированные накладки, обоймы, украшенные стилизованными растительными узорами, наконечники и фигурки разных типов. Подобные поясные наборы не были специфическими для пеньковской культуры. Они распространены довольно широко, в чем проявлялась общая евразийская мода. А. К. Амброз связывал появление таких поясных наборов с полуварварской средой византийских городов и крепостей Нижнего Подунавья, откуда они быстро и широко распространились на значительных пространствах Евразии²¹.

²⁰ Рыбаков Б. А. Древние русы... С. 76—89.

²¹ Амброз А. К. Проблемы ранневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 118.

Пояса носили дружинники, принадлежавшие к самым различным этно-племенным группам. Бытование подобных поясов среди носителей пеньковской культуры — свидетельство зарождения дружинного сословия в их среде.

Наиболее интересной категорией находок, встречаемой как в кладах, так и на поселениях и в могильниках пеньковской культуры являются фибулы. Среди них есть щитковые, состоящие из двух щитков, соединенных полукруглой дужкой; зооморфные и антропоморфные с прорезными щитками; шарнирные с прогнутой пластинчатой спинкой и ромбической ножкой. Характерными же для антского населения, к которому, несомненно, принадлежали и племена рассматриваемой культуры, были пальчатые фибулы, имеющие полукруглые щитки с пятью—семью выступами.

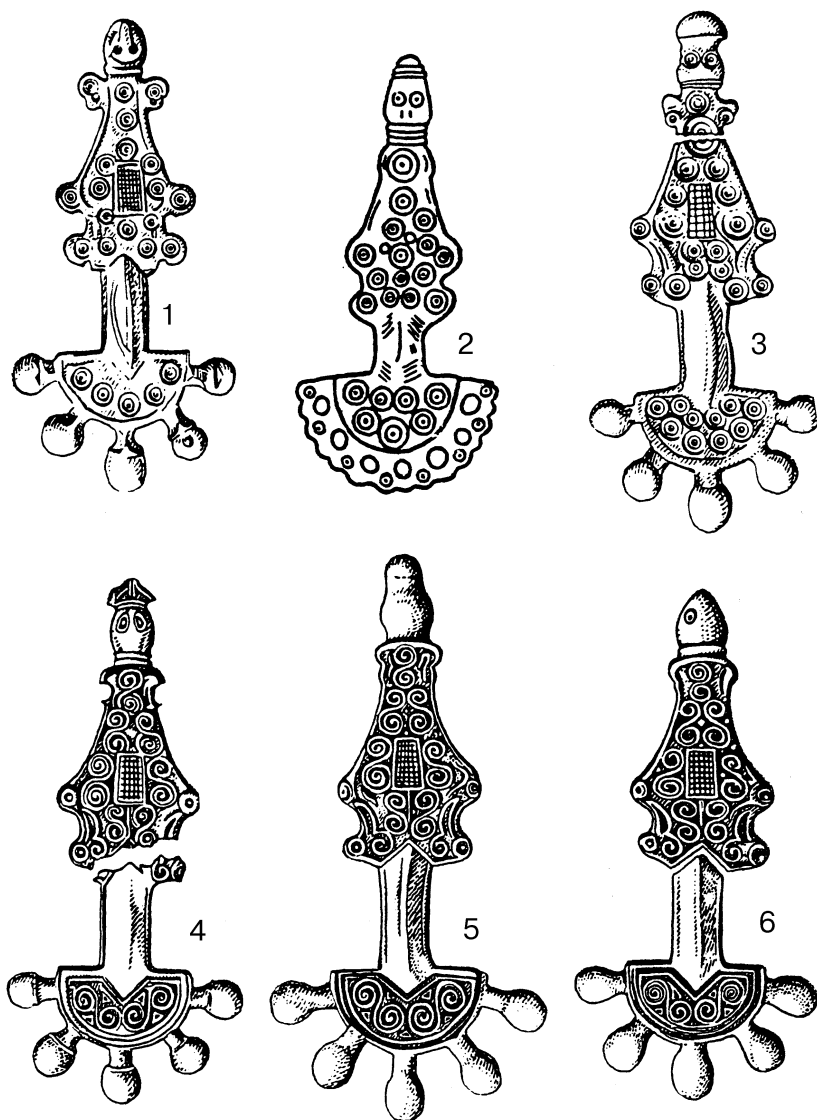
Фибулы, встречаемые на пеньковских памятниках, сложились в Северном Причерноморье под культурным влиянием Византии и Дунайского региона. Широкое бытование их в пеньковской среде, очевидно, восходит к традициям черняховской культуры.

Выше отмечалось, что одним из центров бронзолитейного и ювелирного дела было Пастырское городище. На территории пеньковской культуры функционировали и другие центры производства изделий из цветных металлов. Об этом свидетельствуют находки глиняных тиглей, льячек, литейных формочек и шлаков, связанных с бронзолитейным ремеслом, на поселениях Хитцы, Будище, Семенки, Скибинцы, Домантово, Гута Михайловская и др. На селище Бернашевка в Винницкой обл. раскопками исследован производственный комплекс, в котором обнаружена литейная форма для изготовления пальчатых фибул²².

Пальчатые фибулы с маскообразной головкой и их дериваты являются, как уже было отмечено, характерным этнографическим украшением антов (рис. 47). Помимо пеньковского ареала, они широко распространены в Нижнем Подунавье, где проживание антов документировано историческими свидетельствами. Из основного региона антов эти фибулы распространились в Среднее Подунавье и на Балканский полуостров и далее на Пелопоннесский полуостров (рис. 48). Все это — надежные следы расселения антов и их потомков. Из Дунайских земель сравнительно

---

²² *Винокур І. С.* Слов'янські ювеліри Подністров'я: За матеріалами досліджень Бернашівського комплексу середини I тис. н. е. Кам'янець-Подільський, 1997. С. 53—56; *Винокур І. С.* Бернашевський ювелірний комплекс антско-славянського порубеж'я // *Общество, экономика, культура и искусство славян (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4).* М., 1998. С. 223—232.

**Рис. 47. Пальчатые фибулы с маскообразными головками
из антских памятников Северного Причерноморья**

небольшая группа этого населения вместе с германцами и аварами продвинулась далеко на север в области Мазурского Поозерья и Юго-Восточной Прибалтики, где известно около двух десятков пальчатых фибул рассматриваемых типов.

Мысль о принадлежности пальчатых фибул днепровских типов славянам-антам была высказана еще в 20-х гг. XX в. А. А. Спицыным²³. О славянской атрибуции этих вещей в Восточной Европе писал и А. М. Тальгрэн, утверждавший, что их распространение отражает славянское расселение начала средневековья²⁴. Научную разработку тезис о славянской принадлежности пальчатых фибул Днепровского региона получил в работах Б. А. Рыбакова²⁵. Позднее немецкий археолог Й. Вернер, рассмотрев все комплексы находок пальчатых фибул в Европе, убедительно показал, что такие изделия с маскообразными головками и их дериваты были составной частью славянской женской одежды. Они типологически заметно отличаются от пальчатых фибул, свойственных германскому миру. Кроме того, в отличие от германцев, которым свойственно было парное ношение фибул, славянские женщины носили их по одной²⁶. Последующие археологические изыскания многократно подтвердили это заключение и детализировали его, показав, что пальчатые фибулы с маскообразными головками и их дериваты были свойственны не всему раннесредневековому славянскому миру, а только одному из крупных племенных образований — антам, вышедшим из среды населения черняховской культуры²⁷.

Единичные находки рассматриваемых антских фибул разрозненно встречаются в лесной зоне Восточно-Европейской равнины. Они найдены в ареале колочинской культуры, связываемой с днепровскими балтами: в пограничной полосе с ареалом пеньковской культуры — на нижней Десне (Мена и Новоселье) и в верховьях Сейма (Курск, Гапоново, Каза-

---

²³ Спицын А. А. Древности антов... С. 492—495.

Ранее в литературе бытовало мнение о принадлежности днепровских и севернопричерноморских комплексов украшений с пальчатыми фибулами готам. Однако уже А. Ригль заметил, что это противоречит историческим фактам, поскольку эти фибулы появились в Северном Причерноморье не ранее VI в., когда готы покинули эти местности (Riegl A. Die spätromische Kunstindustrie nach den Funden in Österreich. Bd. II. Wien, 1923. S. 23).

²⁴ Tallgren A. M. Enamelled Ornaments in the Valley of the Desna // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. T. XI. Helsinki, 1937. P. 154.

²⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 57—71; *Он же*. Древние русы... С. 23—104.

²⁶ Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // *Reinicke Festschrift*. Mainz, 1950. S. 150—170; *Idem*. Neues zur Frage der slawischen Bügelfibeln aus südosteuropäischen Ländern // *Germania*. Bd. 38. Heft 1—2. 1960. S. 114—120.

²⁷ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 128—131.

чья Локня), а также в Гомеле и у с. Мужиново в Клетнянском районе Брянской обл.; на двух поселениях тушемлинской культуры — Никодимово и Микольцы и в рязанско-окских и муромском могильниках (Кузьминском, Шокшинском и Подболотненском). Эти материалы, как и некоторые другие, менее яркие, свидетельствуют о некоторой инфильтрации антского населения из пеньковского ареала в балтские и финские области²⁸.

Пальчатые фибулы антских типов обнаружены еще в Крыму, в могильниках Артек, Лучистое, Суук-Су, Эски-Кермен²⁹ и приписываются обычно готам, поскольку их пребывание в этом регионе документировано историческими памятниками. Проникновение носителей черняховской культуры в Юго-Западный Крым археологически прослеживается в течение второй половины III — начала V в. Памятниками этих переселенцев являются могильники с захоронениями по обряду трупосожжения, содержащие различные черняховские компоненты. Так, в Инкерманском, Ай-Тодорском, Озерном-III, Севастопольском и Чернореченском некрополях встречена глиняная посуда черняховского облика. Такая же керамика найдена также в Херсонесе и Керчи. В Инкерманском, Заморском и Скалистинском могильниках, в Херсонесе и Пантикапее обнаружены двупластинчатые фибулы черняховской культуры. Двучленные прогнутые подвязанные фибулы, сопоставимые с черняховскими, встречены в Инкерманском, Ай-Тодорском, Чернореченском, Севастопольском и Скалистинском некрополях, а также в Пантикапее. Из Ай-Тодорского и Севастопольского могильников происходят железные ведрообразные подвески. В ряде крымских памятников найдены костяные пирамидальные подвески с кружковым орнаментом, типичные для черняховской культуры. Пряжки и некоторые другие предметы убора из могильников Юго-Западного Крыма имеют также черняховское происхождение³⁰.

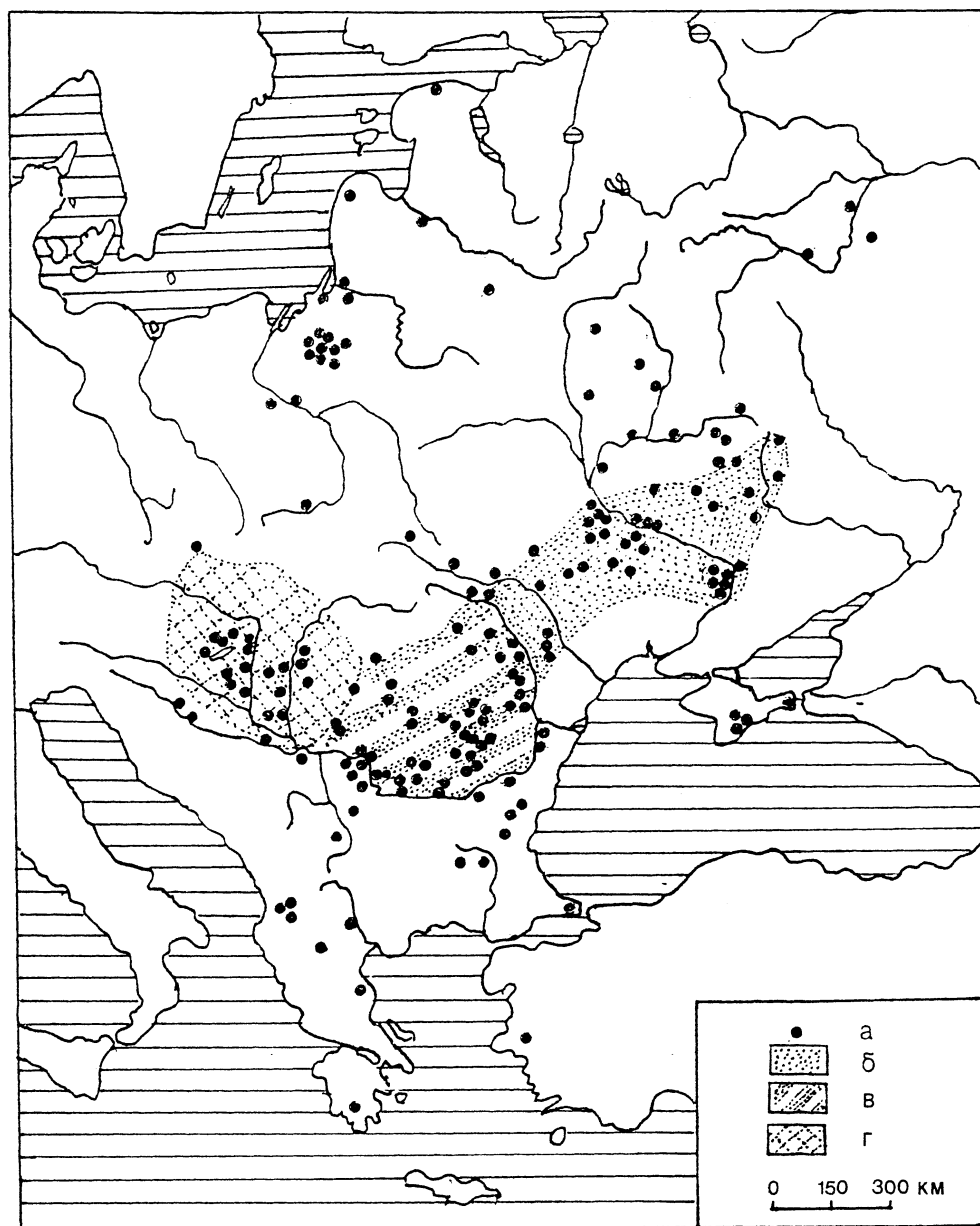
---

²⁸ Седов В. В. Антські пальчасті фібули лисової смуги Руської рівнини // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. Київ; Львів, 1999. С. 253—259.

²⁹ Репников Н. И. Некоторые могильники области Крымских готов // ИАК. Вып. 19. 1906. С. 1—80; Айбабин А. И. Хронология пальчатых и зооморфных фибул днепровского типа из Крыма // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 5—9.

³⁰ Кротошкин В. В. Черняховская культура в Северном Причерноморье // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 157—158; Пиоро И. С. Крымская Готия. Киев, 1990. С. 99—103.

Рис. 48. Распространение антских пальчатых фибул

а — места находки фибул; **б** — ареал пеньковской культуры; **в** — ипотешти-кындештской культуры; **г** — аварской (славяно-аварской) культуры Среднего Подунавья.

Все это является бесспорным показателем проникновения в Крым носителей черняховской культуры, которое имело место в период от конца III до первой половины V в. включительно. Высказано предположение, что этот процесс отражает стремление Херсонеса организовать оборону своих земель с помощью варварских племен³¹.

Готы, которым приписываются рассматриваемые могильники Юго-Западного Крыма,— общее название разноплеменного населения. Об этом ярко говорит разнохарактерность погребальной обрядности. Среди переселенцев в Крым по ряду признаков выявляются немногочисленные захоронения германцев, но иные этнические компоненты в крымских некрополях не поддаются надежному определению. Но поскольку в среде носителей черняховской культуры Северного Причерноморья были и славяне-анты, и сарматы, следует допустить их проживание и в Крыму. Пальчатые фибулы днепровских типов — определенный показатель наличия здесь антского населения. О том, что они принадлежали здесь славянам, можно судить по способу их ношения. Крымское население носило, как и анты Днепровско-Дунайского региона, по одной фибуле, в то время как готам свойственны парные. Согласно изысканиям А. И. Айбабина, эти фибулы, как и другие украшения, известные по антскимкладам, привозились в Крым из Днепровских земель³². Очевидно, они поступали в Крым к своим соплеменникам. Находка бракованных фибул в одном из захоронений могильника в Лучистом отражает попытку производства их на полуострове. Необходимость в этом, нужно полагать, была.

Среди лепной керамики нижнего горизонта культурных напластований Судакской крепости обнаружено большое число фрагментов сосудов пеньковского облика, причем представлены практически все типы этой посуды. В сравнительно небольшом количестве пеньковская керамика встречена в крымских погребальных памятниках VII в.— Айвазовском, Богачевке, Наташине, Суук-Су, Христофоровке³³. Это достоверный показатель присутствия антского населения в Крыму в начале средневековой поры. Какая-то часть его могла сохраниться с позднеримского времени и

---

³¹ *Пиоро И. С.* Крымская Готия... С. 105—106.

³² *Айбабин А. И.* Хронология пальчатых и зооморфных фибул... С. 8. Ранее это же утверждали Б. А. Рыбаков и А. К. Амброз.

³³ *Бафанов И. А., Майко В. В.* Среднеднепровские элементы в культуре населения Раннесредневековой Таврики // *Старожитності Русі-України*. Київ, 1994. С. 96—103. Исследователи считают, что носителями пеньковских древностей были неславяне, и находки керамики пеньковской культуры приписывают болгарам-оногурам, с чем согласиться никак нельзя.

дожила до раннего средневековья. В VI—VII вв., возможно, к остаткам антов подселялись новые группы соплеменников.

Вопрос о судьбе антского населения в Крыму пока не поддается разрешению. Не исключено, что славяне растворились здесь в иноэтнической среде, но допустимо и предположение о сохранении отдельных групп их вплоть до начала древнерусской государственности.

Ипотешти-кындештская культура

Значительные массы населения междуречья нижнего Дуная и Прута в условиях гуннского нашествия не покинули мест своего проживания. Однако ремесленные центры и здесь прекратили свое существование, многие производственные достижения провинциально-римской культуры в значительной степени были утрачены.

Население здесь было неоднородным в этническом отношении. Основу его, по всей вероятности, составляли романизированные потомки гето-дакийских племен. Проживали здесь и славяне, расселение которых в этом регионе в III—IV вв. документировано Певтингеровой картой, и германцы, в частности готы. К сожалению, выявляемая археологически материальная культура V в. земель, расположенных к северу от нижнего течения Дуная, не дает каких-либо маркеров для выяснения этнической структуры населения. На поселениях была распространена керамика, вырабатываемая на гончарном круге и явно продолжавшая местные провинциально-римские традиции. Немногочисленные бронзовые украшения являются византийско-дунайскими изделиями.

Около рубежа V и VI столетий в левобережные области Нижнего Подунавья устремились славяне-анты. Об этом говорят находки лепных сосудов, сопоставимых с керамикой пеньковской культуры. Антская посуда встречена на поселениях Тэбэлэешть в восточных предгорьях Карпат в долине Сирета и его притоков — Бэлэбэнешть, Пожорэнь-Васлуй, Чортешть-Яссы и Сучава-Шипот, Руши-Мэнэстиоара, Будень, Кукорэнь, Ботошань, Давиденъ и др.; Стрэулешть и Милитаръ в предместьях Бухареста. Известна она и в Северной Добрудже — Диногоция, Миригиол, Пятра-Фрэкэцей, Тулча и Хистрия. Есть такая керамика и в могильнике Сэрата-Монтеору, и в других местах. Одновременно в этом регионе получают широкое бытование пальчатые фибулы с маскообразными головками.

Некоторое пополнение славянского этнического компонента этого региона шло и из пражско-корчакского ареала. Это были, как показано ниже, славены (склавены письменных источников VI—VII вв., где «к» явно

вставное). Прокопий Кесарийский в книгах «Готская война», написанных во второй половине VI в., сообщает о проживании за рекой Истром (нижним Дунаем), то есть севернее этой реки, гуннов, славенов и антов. Судя по археологическим данным, в VI—VII вв. в междуречье нижнего Дуная и Прута доминировали анты. Согласно Прокопию, анты заселяли пространства от нижнего Дуная до утригуров, обитавших на побережье Меотиды (Азовского моря)³⁴. Это полностью соответствует археологическим материалам — древности пеньковского облика распространены от нижнего Дуная до бассейна Северского Донца.

Культура Дунайско-Прутского междуречья VI—VII вв. формировалась в результате встречи двух миграционных потоков славян с местным населением, в составе которого уже были славяне — потомки носителей черняховской культуры. Она несколько отличалась от собственно пеньковской и получила название ипотешти-кындештской³⁵. На памятниках последней, помимо пеньковских и пражско-корчакских компонентов, в той или иной мере наличествуют местные элементы, как продолжавшие провинциально-римские традиции, так и своеобразно воспринявшие пришлые элементы. Провинциально-римское наследие проявляется прежде всего в керамическом материале — глиняной посуде, изготовленной на гончарном круге.

Ипотешти-кындештская культура окончательно сформировалась к середине VI в. (рис. 43). Следовательно, широкая инфильтрация антов и славянов в Нижнедунайский регион должна быть отнесена к V — началу VI в. У. Фидлер на основании материалов погребальных памятников определяет обильное появление славян в северной части Нижнего Подунавья рубежом V и VI вв.³⁶

Пальчатые фибулы Нижнедунайского региона этот исследователь дифференцировал на две группы — германскую и славянскую. Первым

³⁴ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 156, 298, 384.

³⁵ Teodor D. Gh. Teritoriul est-carpatic în veacurile V—XI e. n. Contribuții arheologice și istorice la problema formării poporului român. Iași, 1978; *Idem*. Civilizația romanică la est de Carpați în secolele V—VII e. n. Așezarea de la Botoșana-Suceava. București, 1984; *Idem*. Slavii la nordul Dunării de Jos în secolele VI—VII d. Hr. // *Arheologia Moldovei*. T. XVII. 1994. P. 223—251; Szekely Z. Slavii și populația băstinașă în sud-estul Transilvaiei // *Aluta*. T. III. Sfântu Gheorghe, 1971. P. 131—134; *Idem*. Așezări din secolele VI—IX în sud-estul Transilvaniei // *Aluta*. T. VI—VII. 1974—1975. P. 35—46; Dolinescu-Ferche S. La culture «Ipoteshți-Căndești-Ciurel». La situation en Valachie // *Dacia*. T. XXVIII. București, 1984. P. 117—147.

³⁶ Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Teil 1—2. Bonn, 1992.

присущи человеческая маска на головке с крючкообразными выступами и дополнения из драгоценных металлов и алмадина. Орнаментировались они в германском зверином стиле или имели плоские геометрические узоры, ленточные или рудиментарно-спиральные. Датируются они второй половиной V — первой половиной VI в. и отражают проживание германцев на окраинах ранневизантийского мира. Германцы, как известно, составляли основу гарнизонов в византийских крепостях Нижнего Подунавья. В основном это были готы и гепиды. Пальчатые фибулы первой группы — важный показатель пребывания германских женщин в нижнедунайских городах и крепостях. Существенно, что в Арчаре, Девне, Реке, Садовце и Трояне в захоронениях встречены парные фибулы — важная черта именно германского одеяния.

Фибулы второй группы, славянские, по У. Фидлеру, более однообразны, с упрощенной орнаментацией — простейшие спиральные узоры на первом этапе, кружки и «глазки», имитирующие спиральные узоры позднее. Наиболее ранние находки их в могильниках Нижнего Подунавья датируются началом VI в., массовое распространение — начиная со второй половины VI в. Во втором десятилетии VII в. такие фибулы появляются на территориях к югу от Дуная, свидетельствуя об освоении этих земель славянами-антами.

У. Фидлер не соглашается с румынскими археологами, видящими в антских пальчатых фибулах всего лишь продукт византийских мастеров. Анализ условий находок этих предметов позволяет утверждать, что они, являясь ремесленной продукцией, были одним из важнейших этнографических индикаторов антов.

Основными памятниками ипотешти-кындештской культуры являются селища, располагавшиеся на возвышенных террасах речных долин. Жилищами были полужемлянки, по всем своим деталям идентичные постройкам пеньковской культуры. Отапливались они печами, сложенными из камней или глины, в некоторых постройках выявлены очаги. Стены построек в одних случаях были срубными, в других имели столбовые конструкции. Ипотешти-кындештский регион был составной частью обширного ареала славянских полужемляночных жилищ. В Нижнее Подунавье такой тип домостроения был, несомненно, привнесен славянскими переселенцами.

Раскопками исследовано несколько грунтовых могильников с захоронениями по обряду кремации умерших. Наиболее значимым среди них является некрополь Сэрата Монтеору в северо-восточной части Мунте-нии недалеко от г. Бузэу. Здесь исследовано 1536 погребений в неболь-

ших ямках. Основная часть их была безурновыми и безынвентарными, что, как уже отмечалось, является спецификой славянского погребального ритуала. Открыто несколько десятков урновых захоронений, в некоторых могилах остатки трупосожжения ссыпались в могильные ямы, а рядом ставился глиняный сосуд. Среди урн доминирует лепная посуда ипотешти-кындештских форм. Среди находок, обнаруженных в погребениях, имеются желтые, зеленые, синие и полихромные бусы из стекла, железные ножи, бронзовые и железные поясные пряжки, кресало и наконечники стрел аварского типа. Самыми интересными находками являются пальчатые фибулы антских типов. Могильник функционировал в VI — первой половине VII в.³⁷

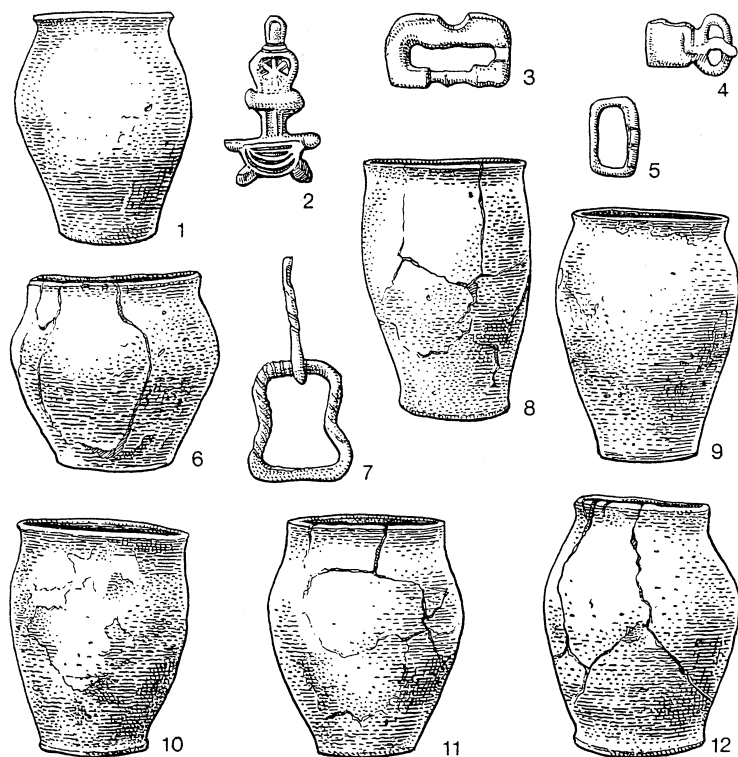
Подобные могильники с захоронениями по обряду кремации исследовались и в других местах территории ипотешти-кындештской культуры. Труположения в них немногочисленны. Вторую группу нижнедунайских погребальных памятников составляют биритуальные могильники. Они оставлены, очевидно, в этническом отношении смешанным населением, но дифференцировать отдельные захоронения по этническим группам не представляется возможным. Части таких некрополей оставлены праболгарами, что подтверждается антропологическими изысканиями. Некоторые труположения могли принадлежать и антам.

Керамический материал рассматриваемой культуры состоит из лепной и гончарной посуды. Коллекцию лепной керамики (рис. 49) образуют в основном горшкообразные сосуды пеньковских и пражско-корчакских форм, а также производные от них типы и сковородки. Эта посуда в основном лишена орнаментации, лишь на поздней стадии появляются косые нарезки по краю венчика. Кроме того, встречаются еще горшкообразные сосуды вытянутой формы, которые связываются с местными гетодакийскими традициями.

На всех поселениях ипотешти-кындештской культуры распространена была также керамика, сделанная на гончарном круге. Особенно много ее на памятниках, расположенных ближе к Дунаю. Северная граница Византийской империи в это время проходила по Дунаю, и на его берегах располагались небольшие города и пограничные крепости, в которых работали ремесленники, в том числе и гончары. Эта ремесленная продук-

---

³⁷ Nestor I. Şantierul Sărata-Monteoru // Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti, 1953. 4. P. 69—89; *Idem*. La nécropole slave d'époque ancienne de Sărata Monteoru // Dacia. T. I. Bucureşti, 1957. P. 289—295; Nestor I., Zaharia E. Săpăturile de la Sărata-Monteoru // Ebendaselbst. T. 5. 1959. P. 511—518; T. 6. 1959. P. 509—514; T. 7. 1961. P. 513—517.

Рис. 49. Древности ипотешти-кындештской культуры

1, 6, 8—12 — глиняные сосуды; 2 — фибула; 3—5, 7 — пряжки.

1, 8, 10—12 — Сучава-Шипот; 2—7, 9 — Сэрата Монтеору.

ция и распространялась широко по Нижнедунайскому региону. Гончарное производство было налажено также и в некоторых ипотешти-кындештских поселениях. Так, гончарный горн был изучен при раскопках поселения в Дэмэроае. Гончарная посуда Подунавья характеризуется высокой техникой изготовления. Сосуды имеют красную или серую поверхность и орнаментированы поясами из нарезных горизонтальных и волнистых линий. Эта керамика своими корнями восходит к римским традициям.

На основании керамического материала можно утверждать, что анты — выходцы из пеньковского ареала заселили земли преимущественно вдоль р. Прут и его притоков, а также Добруджу. Славены — носители пражско-корчакской керамики — расселились на территориях восточнее Карпат и в долине Сирета и его бассейна. На Мунтенской равнине на-

блюдается смешение потоков расселения антов и славянов. Направления и пути миграции этих славянских групп в Нижнем Подунавье попытались реконструировать М. Комша³⁸.

Взаимоотношения между антами и славянами в этом регионе (авторы, писавшие о них, имели в виду прежде всего пограничные с Византийской империей Нижнедунайские земли) были неодинаковыми. Нередко они действовали совместно, в других случаях «... оказавшись в ссоре друг с другом, вступали в сражение». В частности, согласно Прокопию Кесарийскому, война между славянами и антами имела место в 30-х гг. VI в. Византийский император Юстиниан в середине VI в. предложит антам стать «энспондами» Империи. Эта ранневизантийская форма отношений с соседними народами предусматривала охрану северных окраин Империи. Заключение союза с антами было направлено, очевидно, для сдерживания опустошительных набегов, совершаемых на Империю тюркскими племенами³⁹.

Прокопий Кесарийский, характеризуя славянов и антов, отметил, что «у тех и других единый язык, совершенно варварский. Да и внешнеюстью они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они и высоки, и очень сильны телом... Да и имя встарь у славянов и антов было одно». И далее: «...также одинаково и остальное, можно сказать, все у тех и других, и установлено исстари у этих варваров. Ибо они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных»⁴⁰. Очевидно, что этим богом является Перун.

В 602 г., как сообщает Феофилакт Симокатта, во время одного из походов византийского войска в Подунавье аварский каган послал против антов, бывших в то время союзниками Империи, военачальника Апсиха с поручением истребить это племя⁴¹. Историк не информирует, удалось ли карательному отряду Апсиха выполнить поручение кагана. После 602 г. в письменных источниках не содержится упоминаний об антах, что послужило для некоторых исследователей основанием для предположения об

---

³⁸ Comşa M. Directions et étapes de la pénétration des Slaves vers la péninsule Balkanique aux VI—VIIe siècles (avec un regard spécial sur la territoire de la Roumanie) // *Balcanslavica*. T. I. Beograd, 1972. P. 23. Fig. 10; Idem. Die Slawen im karpatisch-donauländischen Raum im 6.—7. Jahrhundert // *Zeitschrift für Archäologie*. Bd. 7. Berlin, 1973. S. 197—228.

³⁹ Bonev C. Les Antes et Byzance // *Etudes Balkaniques*. T. 3. Sofia, 1983. P. 113.

⁴⁰ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I—VI вв.). М., 1991. С. 183, 185.

⁴¹ Феофилакт Симокатта. История. М., 1957. С. 180.

истреблении антского племени аварами. Материалы археологии свидетельствуют, что этого не было. Поселения пеньковской культуры продолжали свою жизнь в течение всего VII столетия. Нужно полагать, что сообщение Феофилакта Симокакты относится не к днепровско-днестровским антам, а к антам Северного Подунавья — носителям ипотешти-кындештской культуры. Но и памятники этой культуры не имеют никаких следов серьезного погрома. По-видимому, прав Г. Г. Литаврин, полагающий, что поход 602 г. сорвался из-за измены части аварских войск⁴². Исчезновение же этнонима анты, скорее всего, обусловлено распадом военно-племенного союза дунайских антов.

Картография могильников и поселений, а также пряжек и фибул, определенных У. Фидлером как славянские, указывает на весьма плотное заселение антами, славянами и автохтонными жителями северных земель Нижнего Подунавья в VI—VII вв.

Аварская культура на среднем Дунае

Какая-то часть черняховского населения была втянута в движение гуннов на запад и вместе с ними осела на Среднедунайских землях (рис. 50). Керамика, явно продолжающая традиции черняховского гончарства, встречена на нескольких десятках памятников конца IV—V в. Среднего Подунавья, и она достаточно определенно свидетельствует о появлении здесь севернопричерноморского населения⁴³. Среди потомков черняховского населения, осевших в этих землях, получили распространение двухпластинчатые фибулы («kurze Blechfibeln») и пряжки, бесспорно эволюционировавшие от черняховских прототипов⁴⁴.

Имеются все основания полагать, что в массе черняховских переселенцев, заселивших Среднедунайские земли, были и славяне-анты. В 448 г.

---

⁴² Литаврин Г. Г. О походе аваров в 602 г. против антов // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989.

⁴³ Tejral J. Die donauländische Variante der Drehscheibenkeramik mit eingeglätteter Verzierung in Mähren und ihre Beziehung zur Tschernjachower Kultur // Vsnik a počátky slovanů. Sborník pro studium slovanských starožitností. T. VII. Praha, 1972. S. 77—139.

⁴⁴ Tejral J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Archaeologia Baltica. Bd. 7. Łódź, 1986. S. 175—238; *Idem*. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // Kolloquium Treuchtlingen. Nürnberg, 1988. S. 11—46; *Idem*. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum // Archaeologia Austriaca. Bd. 72. Wien, 1988.

ставку Атилы посетило византийское посольство во главе с сенатором Максимином. Ставка гуннского хана находилась где-то в регионе между Тисой и Дунаем⁴⁵. Секретарем Максимиана был Приск Панийский. В составленном им отчете об этой миссии содержится много ценной информации о жизни и быте населения гуннской ставки⁴⁶. Приск именует это население скифами и отмечает, что они, «будучи смешанными, сверх собственного варварского языка, ревностно стремятся [овладеть языком] или гуннов, или готов, или даже авсониев, у кого из них сношения с римлянами»⁴⁷. Очевидно, что здесь имеется в виду некий этнос, язык которого отличался от языка гуннов, готов и римлян. И этим варварским этносом, вышедшим из Скифии, были славяне. В пользу этого говорят записанные Приском термины *medъ* и *strava*, которые авторитетно указывают на присутствие славянского населения в рассматриваемом регионе в середине V в.⁴⁸ О славянской атрибуции варваров свидетельствуют и некоторые другие моменты в описании Приска, в том числе гидронимы Тиса и Тимиш⁴⁹.

Археологически расчленить среднедунайские древности готов, гуннов и варваров (в том числе славян), называемых Приском, пока не представляется возможным.

Следующий этап истории Среднего Подунавья связан с расселением здесь аваров и пришедших с ними других этносов.

Авары — кочевые племена тюрко- или монголоязычной этнической группы. Первоначально они были частью населения крупного азиатского каганата Жуаньжуаней, который был разгромлен тюрками. Под натиском последних авары в середине VI в. переселились в предкавказские

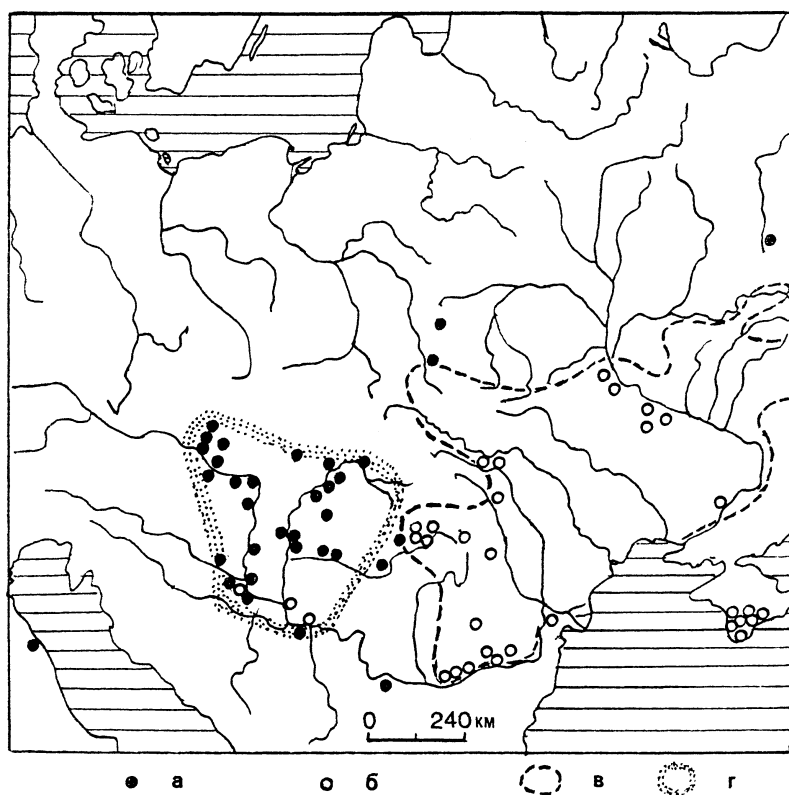
⁴⁵ Thompson E. History of Attila and the Huns. Oxford, 1948. P. 221—222.

⁴⁶ Дестунис Г. С. Сказания Приска Панийского // Учен. зап. Второго Отделения Имп. Академии наук. Т. 7. СПб., 1861. № 1.

⁴⁷ Свод древнейших письменных известий о славянах... С. 87.

⁴⁸ Niederle L. Slovanské starožitnosti. Т. II, del. I, Praha, 1906. S. 138; Баршшш Ф. Приск как извор за најстарију историју Јужних Словена // Зборник радова Византолошког Института. Кн. 1. Београд, 1958. С. 58—59; Поповић Ј. Quel était le peuple pannonien qui parlait medos et Strava // Там же. Кн. 7. 1961. С. 198.

⁴⁹ Баршшш Ф. Приск как извор... С. 53—59; Гиндин Л. А. К вопросу и характере славизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 64—86; Он же. К вопросу о хронологии начальных этапов славянской колонизации Балкан (по лингво-филологическим данным) // Балканско езикознание. Т. 26. София, 1983. С. 29—31.

Рис. 50. Расселение носителей черняховской культуры в Среднем Подунавье

а — места находок серебряных дунайских фибул типа Вена — Нижняя Трансильвания (по Я. Тейлару); **б** — находки черняховских прототипов этих фибул; **в** — граница территории черняховской культуры; **г** — область плотного распространения керамики, истоки которой находятся в глиняной посуде черняховской культуры (по Я. Тейлару).

степи, а в 60-х гг. этого столетия, подчинив кутригуров и утигуров, распространились в землях Скифии, соприкасаясь с антской территорией. Еще в 545 г. анты стали союзниками Византии и обязались препятствовать кочевым ордам переправляться на южный берег Дуная.

По-видимому, анты не смогли сдержать натиск, и в 559 г. войско «гуннов-кутригуров» во главе с Заберганом вторглось в пределы Византийской империи, дойдя до Константинополя. Менаандр Протектор (80-е гг. VI в.), рассказывая о событиях 60-х гг., писал: «... правители антов были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье, авары сразу же стали опустошать (их) землю и грабить страну».

Посольство, направленное антами к аварскому кагану, не имело успеха, возглавлявший его Мезамир был убит. «С того времени более, чем раньше, стали они (авары) разорять землю антов и не переставали поработать жителей, грабя и опустошая»⁵⁰.

Подчинив кутригуров и антов, авары мощной лавиной стали продвигаться на запад. В 565 г. они проникли в Тюрингию и воевали с Византией в союзе с франками. В 568 г. совместно с лангобардами авары одержали победу над гепидами, господствовавшими в восточной части Среднего Подунавья. В следующем году лангобарды ушли в Италию (согласно Павлу Диакону, вместе с ними мигрировали гепиды, сарматы и болгары), и авары стали полновластными хозяевами Паннонии и Среднедунайской низменности⁵¹.

В Среднем Подунавье авары создали мощное государственное образование — Аварский каганат. В письменных источниках VII—VIII вв. это — *Avaria*, *terra Avarorum* или *Hunnja*, *regnum Hunnorum*. Территория каганата простиралась от Венского леса и Далмации на западе до Потисья на востоке. Начиная с последних десятилетий VI в., здесь постепенно складывалась новая археологическая культура, именуемая аварской или аваро-славянской (рис. 51). Ее основными памятниками являются грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупоположения.

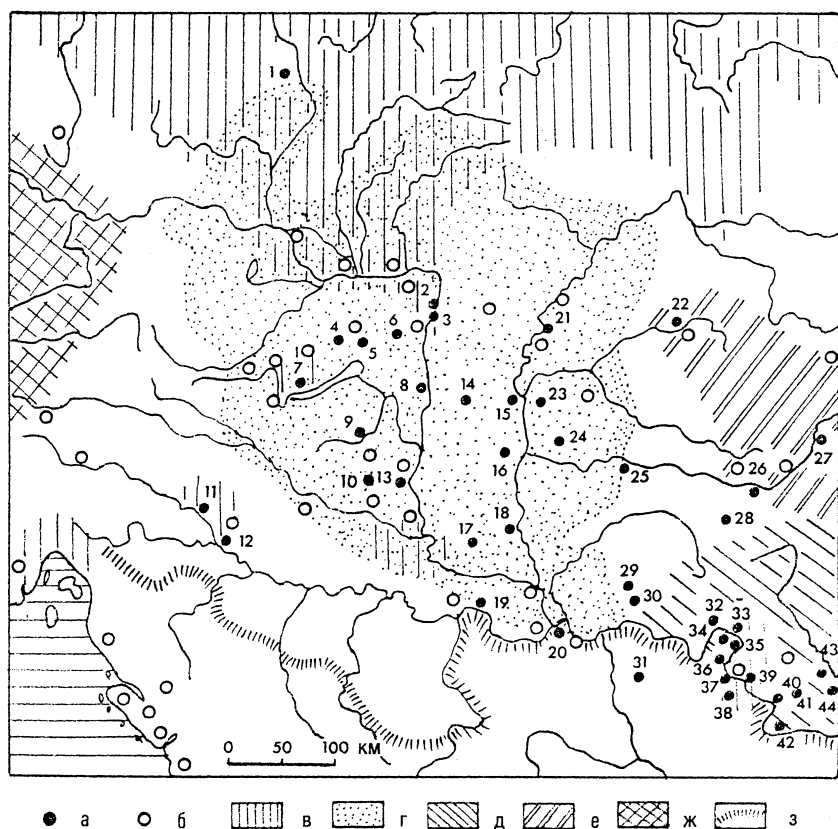
На основе вещевых инвентарей могильников эта культура подразделяется ее исследователями на три этапа⁵².

Для ранней группы погребений (последние десятилетия VI — середина VII в.) характерны находки так называемого мартыновского типа, в том числе ременные бляшки, кованые с пунктиро-штриховым орнаментом, с различными рельефными узорами, розетками и человеческими масками; серьги с подвесками в виде бубенчиков, звездочек и гладких пирамидальных столбиков; кольцообразные серьги со стеклянными бусами; браслеты с колбообразно-утолщенными концами. В это время были распространены: длинные однолезвийные мечи; луки, скрепленные узкими роговыми пластинками; трехлопастные, легкие стрелы; округлые стремена (для сапог с мягкой подошвой). Керамические материалы обра-

⁵⁰ Свод древнейших письменных источников о славянах... С. 317.

⁵¹ Византийские историки. СПб., 1860. С. 385—387; *Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches. Stuttgart, 1919. S. 10; *Bona I.* Abriss der Siedlungsgeschichte Ungarns im 5.—7. Jh. // *Archeologické rozhledy*. Praha, 1968. 3. S. 613; *Avenarius A.* Die Awaren in Europa. Bratislava, 1974.

⁵² *Kovrig I.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. Budapest, 1963.

Рис. 51. Славянские элементы в аварской культуре Среднего Подунавья

а — памятники с находками антских пальчатых фибул; **б** — места находок звездчатых серег. Ареалы: **в** — пражско-корчакской культуры; **г** — плотного распространения древностей аварской культуры; **д** — ипотешти-кындештской культуры; **е** — гепидов и медиаш-группы; **ж** — государства меровингов; **з** — северная граница территории Византийской империи.

1 — Урчице; 2 — Чепель-Остров; 3 — Сигетсентмиклош-Харош; 4 — Папа; 5 — Варпалота; 6 — Чакберень; 7 — Добого у Кестхя; 8 — Элексаллас; 9 — Сакаль (Ерегхечь); 10 — Печ; 11 — Загреб-Стеньовец; 12 — Сисак; 13 — Бой; 14 — Кишкерет; 15 — Гатер; 16 — Фехеро; 17 — Врбас; 18 — Бачко Петрово Село; 19 — Нови Бановицы; 20 — Земун; 21 — Тисабуря; 22 — Сэцунени; 23 — Надьхедь; 24 — Офельдеак; 25 — Фенлак (Фелнак); 26 — Вецел; 27 — Гымбаш; 28 — Сармизеджетуза; 29 — Бала Церква; 30 — Дубово; 31 — Каменево (Петровац-на-Млави); 32 — Оршова; 33 — Дробета-Турну-Северин; 34 — Кладово; 35 — Корбово; 36 — Велесница; 37 — Прахово; 38 — Неготин; 39 — Извоареле; 40 — Пленица; 41 — Выртоп; 42 — Деса; 43 — Вела; 44 — Дрэниц.

зуют прежде всего бутылевидные сосуды, привнесенные кочевниками, и местная грубая посуда серого цвета потисского типа. Нередко погребения людей сопровождались конскими захоронениями. Для раннего периода свойственно положение коня слева от всадника или символические конские захоронения (помещение в могилы частей коня без его туловища). Это — период Первого Аварского каганата.

Второй этап датируется VII столетием. Поясную гарнитуру теперь составляют бляшки и наконечники чеканной индустрии. Преобладают резной и ажурный орнаменты, нередко в сочетании с изображениями птиц и волнистыми узорами. Широкое применение в орнаментике получает филигрань. Появляются новые виды оружия: сабли (с конца VII в.); луки с расширяющимися кверху концами; стрелы с широкими лопастями, часто с дырчатыми прорезями. Для этого времени характерны полные конские захоронения. В меньшей степени теперь бытуют бутылевидные сосуды, доминируют горшки, в том числе с серой поверхностью, и кувшины. Как и в могилах раннего этапа, среди захоронений выявляются черепа с монголоидными элементами.

На позднем этапе развития аварской культуры (от конца VII до конца VIII в.) распространяются могильники с захоронениями, расположенными рядами (до этого могилы располагались хаотично). Получает распространение позолоченная и посеребренная поясная гарнитура. На изделиях, выполненных в технике литья, широко представлены звериные и растительные орнаменты, выполненные как в стилизованных, так и в натуралистических вариантах. О происхождении бронзового литья с грифоно-лововыми узорами в науке идет дискуссия. Некоторые мифологические мотивы на поясных наконечниках указывают на связи с Византией. Поэтому не исключено, что бронзолитейное и ювелирное дело позднеаварской культуры было результатом установления взаимосвязей между Дунайским регионом и Восточноримской империей.

Среди оружия на этом этапе доминируют: топоры и копья; луки с расширяющимися концами; лопастные стрелы с отверстиями; массивные стремени с прямой подошвой. Обычными находками в могилах являются конская сбруя, крупные фалары, удила и псалии.

Наряду с серой керамикой в позднеаварское время появляется желтая посуда. Кроме того, распространение получают широкогорлые горшки, изготовленные на гончарном круге и украшенные линейными или линейно-волнистыми узорами по плечикам. Это так называемая дунайская керамика. Параллельно продолжала бытовать и лепная посуда.

Поселения рассматриваемой культуры еще слабо изучены. Наиболее крупные изыскания проведены на поселении в окрестностях Дунайвароша⁵³. Начальный этап его функционирования определяется 620—630 гг. Открыто несколько подквадратно-прямоугольных полуземляночных жилищ с печами-каменками в углу, по всем своим особенностям сопоставимых с типично славянскими домами того времени. Следующий период характеризуется такими жилищами, которые располагались полукольцом вокруг незастроенной площади. В это время поселение было окружено тройным валом. Исследователь памятника И. Бона полагал, что такая планировка напоминает кочевнический лагерь, состоящий из юрт. Однако, по-видимому, более правы те исследователи, которые находят в постройках и в планировке селения аналогии в славянском мире. На третьем этапе жилищами служили те же полуземляночные постройки, но изменилась планировка поселения, она стала бессистемной, что также типично для раннесредневековых селищ. Венгерские археологи связывают это селение с оногурами-болгарами на том основании, что в 100 м от него выявлен могильник с захоронениями этого этноса. С этим согласиться никак нельзя. Оногуры-болгары появились в этом регионе только около 670 г., а поселение Дунайварош было основано на столетия ранее, в его напластованиях последних десятилетий VII в. не встречено керамики, характерной для болгар. К тому же обитателями этого поселения явно были не номады, а оседлое население.

Авары, судя по данным раннесредневековых авторов, в Среднем Подунавье продолжали вести кочевой образ жизни. Никаких сведений об основании ими селений или протогородов, производительном труде в источниках нет⁵⁴. В продолжение двух с лишним веков источники не фиксируют каких-либо изменений в хозяйственном укладе аваров. Грабительские походы были для них постоянным образом жизни. Продуктами питания аваров вынужденно снабжало местное земледельческое население, которым и оставлены поселения типа Дунайварош.

Два десятка полуземляночных жилищ, прямоугольных в плане, с печами (из камня или кирпича и глины) в углу исследованы также на поселе-

---

⁵³ Bóna I. VII. századi avar települések és Árpád-kori magyar falu Dunaújvárosban. Budapest, 1973.

⁵⁴ Mauricius. Arta militara. București, 1970. XI:3; Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. § 30; Кланица З. Падение Аварской державы в Подунавье // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 76.

нии Татабанья-Алшогалла⁵⁵. Кроме поясных бляшек и бус, здесь встречены эсоконечные височные кольца, свидетельствующие, как и жилища, о несомненном проживании здесь славян. Несколько жилищ-полуземлянок того же типа открыты раскопками на поселениях Нунья-Чардавелдь, Хидвегпуста, Велем-Сентвид, Фекете-Сигет, Ерменькут, Сексард-Бодьне-лой и других.

Хозяйство населения Аварского каганата было двояким. Помимо кочевого скотоводства, привнесенного тюркоязычными племенами из степей Юго-Восточной Европы, значительную роль играло земледелие, удельный вес которого со временем возрастал, и животноводство. Раскопками зафиксированы в основном зерна проса и пшеницы. В нескольких памятниках встречены железные серпы. Коневодство, очевидно, было привилегией тюркоязычных поселенцев на Дунае, а свиноводством занималась другая часть населения, никак не связанная с кочевым бытом. Судя по остеологическим материалам, кроме того, в составе домашнего стада были овцы, крупный рогатый скот, козы, держали и кур.

На поздней стадии аварской культуры активно развивались бронзолитейное ремесло и торговля.

Создателями этой культуры были не только авары, но и более многочисленные племена, которых им удалось подчинить или включить в конгломерат в качестве союзников. Вещевые инвентари могильников, строение могил и погребальная обрядность, а также антропологические материалы указывают на сильную смешанность населения Аварского государства. Среди тюркоязычного населения, по данным погребальных памятников, выделяются авары, кутригуры, болгары, выходцы из Средней Азии и др. Самую же значительную часть населения составляли славяне.

Это были потомки антов, как переселившиеся в Среднее Подунавье с гуннской миграционной волной, так и вовлеченные в мощный поток аварского продвижения.

О переселении в Среднедунайские земли антов, побежденных кочевыми ордами гуннов и аваров, основываясь на косвенных свидетельствах письменных источников, писали ранее некоторые историки⁵⁶. К настоящему времени археологическими изысканиями накоплено достаточно

---

⁵⁵ Szatmári Sarolta B. Avar temető és telepásatás Tatabánya-Alsógalla mellett // Szolnok megyei muzeumi evkönyve. 1982—1983. Szolnok, 1983. S. 67—79.

⁵⁶ Hauptmann I. Politische Umwälzungen unter den Slovenen vom Ende des sechsten Jahrhundert bis zur Mitte des neunten // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Bd. 36. Wien, 1915. S. 234, 249.

данных, надежно свидетельствующих о перемещении значительных масс антского населения из Северного Причерноморья на средний Дунай.

Одним из ярких показателей антской миграции в Среднедунайский регион являются пальчатые фибулы с маскообразными головками и их дериваты. Они в значительном числе обнаружены на поселениях и в могильниках аварской культуры. О том же говорят находки серебряных зоо- и антропоморфных фигурок, по стилю и художественной манере сопоставимых с подобными предметами из Мартыновского клада Северного Причерноморья⁵⁷.

К сожалению, керамический материал не может быть привлечен для изучения следов антского расселения в Среднем Подунавье. Этот регион характеризуется сохранением традиций позднееримского гончарства, и распространенная в памятниках аварской культуры глиняная посуда является в основном местной по происхождению. Встречаются здесь и биконические горшки, по форме довольно близкие к пеньковской керамике, однако нельзя быть уверенным в том, что они привнесены на Дунай из коренных антских земель.

Антское происхождение на поселениях аварской культуры имеют полуземляночные жилища с печами-каменками. Такие постройки являются характерным этнографическим маркером пеньковской и ипотешти-кындештской культур, в то время как славянское население пражско-корчакской культуры Среднедунайского региона возводило полуземлянки, отапливаемые преимущественно очагами.

Обряд трупоположения в антской среде является наследием славяно-иранского симбиоза позднееримского времени. Нужно полагать, что эта обрядность в условиях тесного контакта с аварами, среди которых были и потомки сарматов, стала доминирующей в Среднем Подунавье и среди антов. В этой связи следует полагать, что какая-то часть широтных ингумаций раннеаварских могильников, преимущественно безынвентарных или малоинвентарных, принадлежит антам.

О широком антском расселении на среднем Дунае говорят и материалы этнонимии. Славянский этноним *хорваты* (*xorvati*) мог быть привнесен в этот регион только в результате миграции из Севернопричерно-

---

⁵⁷ Korošec J. Arheološki sedovi slovansko naselitve na Balkanu // Zgodovinski časopis. VIII. Ljubljana, 1954. S. 7—26; Vinski Z. O nalazima 6. i 7. stoljeca u Jugoslaviju s posebnim obzirom na arheološku ostavštinu iz vremena prvog avarškog kaganata // Opuscula archaeologica. III. Zagreb, 1958. S. 13—67; Idem. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine // Vjesnik archeološkog muzeja u Zagrebu. V. Zagreb, 1971. S. 47—73.

морских земель. Этот этноним, как уже говорилось, этимологически тождественен сарматам, оба они восходят к иранскому прилагательному *sar-ma(n)t-/*har-va(n)t- — ‘женский, изобилующий женщинами’. Первоначально носителями этнонима *havat- были иранцы, которые затем славянизировались, сохранив свое самоназвание. Этноним *сербы* также восходит к иранскому миру, он связан с иранским словом *ser-v- со значением ‘охранять, сторожить скот’. Сербы называются географом II в. н. э. Клавдием Птолемеем, по данным которого они локализируются где-то севернее Кавказа и западнее Волги. О. Н. Трубачев считает этноним *сербы/srbi* индоарийским наследием, вошедшим в праславянский мир со стороны Причерноморского Побужья⁵⁸.

С антской миграцией в Среднедунайский регион связано и распространение в его северо-западной части топонимии, производной от этнонима *русь*. Этому славянскому племенному образованию ниже посвящен отдельный раздел. Здесь же речь пойдет об оторвавшейся части этого племени, которая в гунно-аварских миграционных потоках достигла Баварии.

Географические названия, содержащие в своей основе этноним *русь*, фиксируются разрозненно в Нижней и Верхней Австрии, в Штирии, окрестностях Зальцбурга и Регенсбурга. В Раффельштеттенском таможенном уставе, датируемом 904/906 г. и регламентирующем торговлю Франкского королевства при Каролингах, названы две славянские племенные группы — богемы и руги⁵⁹. Вполне очевидно, что богемы — это чехи, а относительно ругов в научной литературе высказано несколько догадок. Недавно А. В. Назаренко достаточно авторитетно показал, что имя *руги* следует идентифицировать с этнонимом *русь*, так как в западноевропейских письменных памятниках X—XI вв. под термином *Rugi* всегда имеется в виду Русь. Исследователь высказал мысль, что это были купцы Киевской Руси⁶⁰.

Однако более вероятно, что торговые люди богемов и ругов Раффельштеттенского устава были не из далекого Поднепровья, а из соседних славянских земель. Маловероятно, что топонимия, содержащая в основе этноним *русь*, оставлена заезжими купцами из Киевской Руси. Она — не-

---

⁵⁸ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 42.

⁵⁹ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. Тексты, переводы, комментарий. М., 1993. С. 62—67.

⁶⁰ Там же. С. 83—89.

сомненный свидетель проживания в этом регионе славянского населения. И археология свидетельствует, что в округе Линца имеется большое число славянских поселений и могильников VII—XI вв., указывающих на проживание в этой местности славян. Именовались они, как можно полагать, русью. Начиная с XI в. в рассматриваемом регионе, согласно изысканиям А. В. Назаренко, получают распространение антропонимы, производные от этнонима русь⁶¹. Это и последующие два—три столетия, как показывают материалы археологии, были завершающим этапом ассимиляции славянского населения Баварии. В этой ситуации появление здесь большого числа отэтнонимных антропонимов-прозвищ представляется вполне закономерным. Подобная картина наблюдается и в землях полабских славян.

Славянское население Дунайского региона составляли не только анты, но и племена, вышедшие из пражско-корчакского ареала. Важнейшими маркерами славян этой племенной группы являются захоронения по обряду трупосожжения и характерная лепная керамика.

Погребения по обряду кремации славянского типа исследовались раскопками в могильниках в Кестхее, Покасепетке и Залакомаре в округе Балатона, а также в Сирмабешенье в венгерском округе Боршод. Целый ряд захоронений по обряду трупосожжения встречен в могильниках северных окраин ареала аварской культуры.

Наиболее интересные результаты получены при раскопках биритуального могильника Залакомар, датируемого VII—IX вв.⁶². Было исследовано свыше 550 могил. Захоронения по обряду кремации VII в. группируются отдельно в юго-восточной части некрополя. К VII в. принадлежат и трупоположения с западной ориентировкой, образуя вместе с сожжениями древнейшую часть кладбища. Глиняные сосуды из могил с трупосожжениями представлены фрагментарно и не поддаются типологическому определению. В погребениях по обряду ингумации встречены типично славянские горшки — один пражско-корчакского облика, другой относится к пеньковской керамике. В той части могильника, где доминировали трупоположения с северной ориентировкой, встречены погребения с конями и отдельные конские захоронения. Эта часть некрополя принадлежит в основном аварам, хотя не исключено, что и здесь имелись погре-

---

⁶¹ Назаренко А. В. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах IX—XIV вв.: Бавария — Австрия // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С. 86—129.

⁶² Материалы раскопок не опубликованы.

бения земледельческого населения. По вещевым инвентарям разнотипные захоронения не различимы. Население, хоронившее умерших в Залакомарском могильнике, принадлежало к общей аварской культуре, но, как показывают детали обрядности, имело различное происхождение.

В могильнике Покасепетк раскопано 348 захоронений VI—VII вв., совершенных как по обряду ингумации, так и кремации. Среди трупоположений доминирует западная ориентировка. При трупосожжениях находились немногочисленные бронзовые и стеклянные предметы, многие из захоронений были безынвентарными, что характерно для славянского погребального ритуала раннего средневековья. В погребениях по обряду ингумации находились предметы вооружения и конского снаряжения. В керамической коллекции этого памятника имеется типичный горшок пражско-корчакского типа⁶³.

Лепные сосуды пражско-корчакского облика обнаружены также в захоронениях могильников Орослань, Черкут и Печ-Кезтемете. Весьма многочисленны в могильниках аварской культуры горшки, которые следует рассматривать как производные от пражско-корчакских.

Славянам, вышедшим из племенного образования, представленного пражско-корчакскими древностями, в аварских могильниках принадлежат не только трупосожжения, но и какая-то часть трупоположений. Эта обрядность могла быть воспринята этой славянской группировкой как от авар, так и от антов. Этому способствовали условия чересполосного проживания разных этносов.

О значительной роли славян, восходящих к пражско-корчакской группировке, в генезисе населения Аварского каганата говорят находки во множестве погребений позднеаварских могильников и на синхронных поселениях эсоконечных височных колец, о которых речь шла выше. Анализ таких захоронений, которым свойственны простые могильные ямы, западная ориентация, малоинвентарность и явно не аварская керамика, не оставляет сомнений в их славянской атрибуции.

Широкое распространение эсовидных височных украшений приходится на тот период, когда авары теряли свою былую военную мощь и доминирующим этносом в Среднем Подунавье становились славяне.

Выше говорилось, что одним из крупных племен пражско-корчакской группы раннесредневекового славянства были дулебы. В результате ве-

---

⁶³ Sós A. Cs. Vorläufige Mitteilungen über die Ausgrabungen in Pókaszepetk // *Folia archaeologica*. XIV. Budapest, 1962. S. 67—82; *Idem*. Jelentés a Pókaszepetki ásatásokról // *Archaeologiai értesítő*. Budapest, 1973. № 1. S. 66—77. Fig. 9.

ликой славянской миграции они оказались раздробленными. Средневековые источники фиксируют проживание дулебов на среднем Дунае между озером Балатон и рекой Мурсой, а также в Южной Чехии. Нужно полагать, что к дунайским дулебам относится рассказ русского летописца о подчинении их аварам и издевательствах, которым они подвергались: «Си же обры (то есть авары) воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женамъ дулебскимъ»⁶⁴.

О значительности славянского населения в Аварском каганате говорят и письменные памятники. Так, в 601 г. во время одного из немногих удачных походов византийская армия пересекла Дунай и разгромила аварское войско, пленив его значительную часть. Среди плененных только пятая часть была аварами, половину составляли славяне, остальные принадлежали к «другим варварам»⁶⁵.

Под термином авары в византийских источниках нередко скрываются славяне. Константин Багрянородный, рассказывая о северных соседях, проживавших за пределами византийской Далмации, писал: «...славянские безоружные племена, которые называются также аварами...» И далее: «...и славяне по ту сторону реки, называемые также аварами...» Или: «Засим славяне, они же авары»⁶⁶. отождествление славян с аварами встречается также в труде Иоанна Эфесского, в Монеувасийской хронике и других раннесредневековых сочинениях.

Сложение аварской культуры отражает начавшуюся культурную интеграцию разноплеменного населения, проживавшего на общей территории, часто на общих поселениях и хоронившего умерших на общих кладбищах. Нужно полагать, что в пределах Аварского каганата шли процессы культурной ассимиляции разных племен и этносов. Не исключено, что процессы эти были в разных регионах этой территории не однозначными. В такой ситуации всякие попытки определения этноса индивидуумов не могут считаться надежными. Правда, можно полагать, что погребения с конями и воинов с набором оружия оставлены аварской или аваро-кутригурской частью населения Аварского каганата. Они сконцентрированы в срединной части каганата, в частности в Алфельде, где находились пастбища для скота, и малочисленны в его окраинных регионах. Венгерский антрополог Т. Тот, исследовавший монголоидные элементы в антропологическом строении погребенных в аварских могильниках, ус-

⁶⁴ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 14.

⁶⁵ Феодилакт Симокатта. История... С. 178.

⁶⁶ Константин Багрянородный. Об управлении... С. 111.

танавливает крайнюю неравномерность их распределения по отдельным памятникам. Исследователь отмечает, что этнические группы, вышедшие из Азии, выявляются далеко не во всех районах Среднедунайского бассейна. Монголоидные особенности документируют их в 23 могильниках (из более сотни в той или иной степени изученных), причем удельный вес их колеблется от 2 до 100%, составляя в среднем 7,7%. Могильников с заметно проявляемыми монголоидными чертами насчитывается девять, и большинство их расположено в степном Алфельде⁶⁷.

На поселениях Паннонии в раннеаварский период, как можно судить по свидетельствам письменных источников, наряду со сравнительно малочисленными группами аваров, проживали славяне, сарматы, германцы и автохтонное романизированное население⁶⁸. Германцы были многочисленны. Лишь в отдельных местностях фиксируются более или менее крупные скопления их. Одно из них характеризуют поселение и могильник в Келкед-Фекетекапу на Дунае⁶⁹. На поселении раскопками изучено 99 построек столбовой или каркасно-столбовой конструкции, что характерно для германского домостроительства. На могильнике вскрыто 680 погребений по обряду труположения. Наиболее ранние датируются последней третью VI в., поздние относятся к VIII в. В древнейшей части некрополя при погребенных обнаружена глиняная посуда характерных для гепидов форм, предметы вооружения и другие вещи. В последующее время весь облик культуры погребенных становится типично аварским — произошла культурная ассимиляция германского этноса.

Славянский этнический компонент доминировал в Паннонии. Археологически он исследовался прежде всего А. Шош и А. Кишем⁷⁰. Несомненно доминирование славянского этноса в численном отношении так-

---

⁶⁷ Тот Т. А., Фириштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970. С. 5—33.

⁶⁸ Kiss A. Avar cemeteries in county Baranya. Cemeteries of the Avar period in Hungary. Budapest, 1977.

⁶⁹ Kiss A. Das Gräberfeld und die Siedlung der awarenzeitlichen germanischen Bevölkerung von Kolked // Folia archaeologica. XXX. Budapest, 1979. S. 185—192.

⁷⁰ Sós A. Cs. A dunaszekcsői avar kori temető // Folia archaeologica. XVIII. Budapest, 1966—1967. S. 120; *Idem*. Frühawarenzeitliches Gräberfeld aus Oroszlány // Folia archaeologica. X. Budapest. 1958. S. 106—124. Abb. 21; Kiss A. Abriss der Siedlungsgeschichte und der ethnischen Verhältnisse des Komitates Baranya in der Awarenzeit // Acta antiqua et archaeologica. XIV. Szeged, 1971. S. 105—113.

же на территориях Юго-Западной Словакии⁷¹, Нижней Австрии⁷², Сербии, Боснии и Хорватии⁷³.

Политическая история Аварского каганата — история непрерывных войн, множества стычек с Византией и ограбления побежденных народов. Уже в 570 г. авары вторглись в пределы Византийской империи, однако их мощный натиск был отбит. В 573 г. авары вынудили Империю заключить мир при условии выплаты ею ежегодной дани. Эти события самым тесным образом переплетаются с расселением славянского населения на просторах Балканского полуострова и Пелопоннеса, поэтому целесообразно рассмотреть их в разделе о славянском освоении этих территорий.

Взаимоотношения славян с аварами были сложными и неоднозначными. Славяне были подвластны аварской знати и вынуждены были принимать участие во всех военных операциях, организуемых аварами, грабя совместно с ними местное население Балканского полуострова. Внутри Аварского каганата имелись регионы, управляемые местными властями, в том числе славянскими князьями. Славяне, как в основном земледельческое население, способствовали приобщению аваров-номадов к оседлому образу жизни, к земледелию и животноводству.

Несомненно, славянское население вынуждено было терпеть грабежи, гнет и унижения со стороны своих властителей. В хронике VII в., составленной Фредегаром, это характеризуется так: «Авары (автор именует их гуннами) каждый год шли к славянам, чтобы зимовать у них; тогда они

⁷¹ *Eisner J.* Devínska Nová Ves. Slovanské pohřebište. Bratislava, 1952; *Čilinská Z.* Slawisch-awarisches Gräberfeld in Nové Zámky. Bratislava, 1966; *Idem.* Frühmittelalterliches Gräberfeld in Želovce. Bratislava, 1971; *Točík A.* Slawisch-avarisches Gräberfeld in Sturovo. Bratislava, 1968; *Idem.* Slawisch-avarisches Gräberfeld in Holiare. Bratislava, 1968; *Kraskovská L.* Slovansko-avarské pohřebisko pri Záhorskej Bystrici. Bratislava, 1972; *Chropovský B.* Die frühslawische und vorgrossmährische Entwicklung im Gebiet der Tschechoslowakei // Grossmähren und die Anfänge der tschechoslowakischen Staatlichkeit. Praha, 1986. S. 100—113.

⁷² *Deim F.* Awaren in Niederösterreich. Wien, 1977; *Idem.* Awarische Altfunde aus Wien und Niederösterreich // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. CIX. 1979. S. 55—102; *Lippert A.* Zur militärischen Westgrenze des Awarenreiches // Mitteilungen... Bd. C. 1970. S. 162—172.

⁷³ *Vinski-Gasparini K., Ercegović S.* Ranosrednjovjekovno groblje u Brodskom Drenovcu // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. I. Zagreb, 1958. S. 130—161; *Janković D.* Le site d'habitation medieval Kula pres du village Mihajlovac. Fouilles de 1981. // Ђердапске свеске. Т. III. Београд, 1986. Р. 443—446; *Idem.* L'embouchure de la rivière Slatinska reka // Там же. Р. 384—387 и др.

брали женщин и детей славян и пользовались ими. В завершение насилия славяне обязаны были платить аварам дань»⁷⁴. Тот же источник сообщает, что, когда авары шли ратью против какого-либо народа, они ставили впереди своего лагеря войско славян. Если последние одерживали верх, «тогда авары подходили, чтобы забрать добычу», если начинали терпеть поражение, то авары шли на подмогу и вынуждали сражаться с новой силой⁷⁵.

Угнетаемые аварами славяне в 623/624 г. восстали против своих поработителей. В хронике Фредегара сообщается, что «не в состоянии терпеть оскорбления и притеснения» славяне взбунтовались, отказались подчиняться аварам и двинули на них свое войско. Как раз в это время «человек по имени Само», родом франк из округа Сенонаго, собрал большое число торговцев и отправился с ними к славянам ради торговых целей. Прибыв к славянам, купец Само отправился с ними в поход против аваров и действовал в сражении весьма активно. В результате он был избран славянами в короли и возглавлял славянское государство на Дунае в течение 35 лет⁷⁶.

Фредегар сообщает, что славяне под руководством Само «много раз сражались с аварами; благодаря его мудрости и находчивости виниды (то есть славяне) одерживали верх над аварами». Сражались славяне во главе с Само также с франками. Одна из таких битв имела место около крепости Вогастисбурк, где сосредоточились главные силы славян. После трехдневного сражения большая часть войска франкского короля Дагоберта была разбита и вынуждена была спасаться бегством. Позднее славяне по распоряжению Само с целью грабежей и разбоя несколько раз вторгались в Тюрингию и другие области Франкского королевства.

Можно полагать, что территория государства Само со временем расширялась. Согласно Фредегару, князь славянского племени сербов Дерван, подчинявшийся франкскому королю, вошел вместе со своими соплеменниками в состав славянского государства. Однако в 658 г. Само умер, государство славян, возглавляемое им, распалось.

---

⁷⁴ *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici // Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum rerum Merovingicarum. Т. II. Hannoverae, 1888. P. 48.*

⁷⁵ Обзор данных исторических источников о взаимоотношениях славян с аварами см.: *Zástěrová B. Avaři a Slované // Vsník a počátku Slovanů. Т. II. Praha, 1958. S. 19—54.*

⁷⁶ В другом средневековом источнике 871 или 873 г. (*De conversione Bagoariorum et Carantanotum Libellus. Teil 4*) сообщается, что «Во времена славного короля франков Дагоберта, некто по имени Само, славянин, живший среди карантанцев, сделался вождем народа».

Вопрос о местоположении славянского государства Само неоднократно обсуждался в исторической литературе. Хроника Фредегара называет только один географический пункт — Вогастисбург, но локализация его на карте затруднительна. Л. Нидерле и ряд других исследователей считали, что государство Само находилось на территории современной Чехии⁷⁷. Весьма распространенной является мысль о его локализации в Карантании⁷⁸. Высказывались предположения о местоположении государства Само на верхней Эльбе поблизости от Тюрингии или широко — от бассейнов Заале и Эльбы на севере до Верхних Альп на юге⁷⁹. Наиболее широкое распространение получила мысль о локализации славянского государства Само в Среднем Подунавье, там, где позднее образовалась Великоморавская держава. При этом предполагается, что государство Само было предшественником Великой Моравии. По представлениям словацкого историка М. Кучеры, Вогастисбург находился или в Девине, или в Братиславе⁸⁰.

Согласно новейшим разработкам рассматриваемого вопроса немецкими исследователями, ядро государства Само находилось севернее Дуная в верхнем течении Майна. В исторических источниках начала IX в. этот регион именуется «regio Sclavorum» или «terra Slavorum», а его центральное место занимает Knetzgau (от славянского *konedz* «князь»). Поблизости находятся Winideheim (то есть «венедский холм»), Knetzburg (слав. «кня-

⁷⁷ Niederle L. *Slovanské starožitnosti*. II. Praha, 1906. S. 341; Novotný V. *Česke dejiny*. I:1. Praha, 1912. S. 216.

⁷⁸ Mikkola J. *Samo und sein Reich* // Archiv für Slavische Philologie. Bd. 42. Berlin, 1928. S. 77 ff.; Grafenauer B. *Novejša literatura o Samo in njeni problemi* // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1950. 4. S. 151—168; Hauptmann I. *Die Frühzeit der West- und Südslawen* // Historia mundi. T. V. 1956. S. 304.

⁷⁹ Peisker J. *The Expansion of the Slavs* // The Cambridge Medieval History. 1926. P. 451—454; Fritze W. H. *Slawen und Avaren im angelsächsischen Missionsprogramm*. Bd. III. *Bedas Hunni und die Entstehung der angelsächsischen Missionvölkerliche von 703/704*. // Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. 33. Berlin, 1967/1968. S. 361.

⁸⁰ Horák B. *Samova říše. Příspěvek k historickému zeměpisu* // Časopis pro dějiny venkova. 10. Praha, 1923. S. 129 ff.; Labuda G. *Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samowa*. Poznań, 1949; Vaněček V. *Souvislost Velké Moravy se slovenským svazem Samovými? Ke vzniku státu na Morave* // Právne historické studie. T. 90. Praha, 1963. S. 211—229; Avenarius A. *K otázce polohy a vzniku Samovej říše* // Historické studie. 13. Bratislava, 1968. S. 177—200; Idem. *Die Avaren in Europa*. Bratislava, 1974. S. 250—252; Čilinska Z. *Zur Frage des Samo-Reiches* // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. T. 2. Bratislava, 1980. S. 79—84; Kučera M. *Postavy veľkomoravskej histórie*. Bratislava, 1986. S. 11—46.

жеская гора») и другие славянские топонимы. В Кнетцгау на небольшом всхолмлении был найден глиняный горшок, напоминающий пражско-корчакские и датированный VII в., а в 200 м западнее при раскопках собрано множество славянской керамики, относящейся ко времени от VII до XIII—XIV вв. При археологических обследованиях других мест того же региона со славянскими названиями обнаружена раннесредневековая славянская керамика. Одно из таких мест исследователи предположительно отождествляют с историческим Вогастисбурком. В целом же территория государства Само включала также земли Чехии (Богемии), а на юге простиралась до Восточноальпийского региона⁸¹.

Могущество Аварского каганата в результате постоянных войн постепенно слабело.

Образование государства Само — явный показатель упадка аварского военного потенциала. В 635—641 гг. успешный поход против аваров совершил болгарский князь Кубрат. Предположительно к этому времени относится освобождение от аварского господства иллирийских славян — сербов и хорватов. Окончательно авары были разбиты в войнах с франками. В 791 г. они были побеждены Карлом Великим, а несколько позже его сын Пипин завершил разгром Аварской державы.

После гибели Каганата основным населением Среднедунайского региона стали славяне. Об этом говорят археологические материалы Моравии и Словакии, Нижней Австрии и округа Балатон, бассейнов Дравы и Савы. Спасаясь от франков, одна группа аваров бежала на восток, за Тису, другая на какое-то время осела в Нижней Паннонии, где растворилась среди славян. Франкские войны затронули и славянское население Среднего Подунавья. Более или менее крупными группами славяне вынуждены были оставить эти земли и продвигаться далеко на восток, оседая на Восточно-Европейской равнине среди местного, тоже славянского, населения, о чем подробнее будет сказано ниже.

Славяне в Среднем Поволжье

Первая немногочисленная группа переселенцев с территории Волыни и Верхнего Поднестровья появилась в Среднем Поволжье еще во II в. н. э. Следы их проживания являются памятники славкинского типа (по од-

---

⁸¹ *Kunstmann H.* Wo lag das Zentrum von Samos Reich? // *Die Welt des Slawen. Halbjahresschrift für Slavistik.* Bd. XXVI. H. 1 (N. F. V, 1). München, 1981. S. 67—101; *Jakob H.* Frühslavische Keramikfunde in Ostfranken // Там же. S. 154—169.

ному из поселений у с. Славкино Сергиевского р-на Самарской обл.), известные в небольшом регионе бассейна р. Кондурча северо-восточнее Самарской луки. Достаточно очевидно, что эти древности не имеют местных корней. Работами Г. И. Матвеевой показано, что глиняная посуда славкинского типа восходит к пшеворской керамике Верхнеднепровского региона и Волыни. С пшеворскими древностями сопоставимы и другие элементы этих памятников. Почти полное совпадение выявляется при сравнительном анализе славкинских и пшеворских глиняных пряслиц, конических грузиков от ткацких станков и дисков-лепешечниц. Прямоугольные жилища с опущенным в грунт полом поселений славкинского типа находят прямые аналогии в пшеворском домостроительстве Волыни и Верхнего Поднепровья, сходна и топография поселений. Распространение поселений славкинского облика в Самарском Поволжье было возможно только в результате миграции какой-то группы пшеворского (славянского) населения из области Волыни и Верхнего Поднепровья⁸². Из-за отсутствия надежных датирующих находок на ранних поселениях славкинского типа время этой миграции определяется приблизительно II в. Скорее всего, переселение пшеворского населения на Волгу было вызвано первой волной вельбарской (готской) экспансии на Волынь в конце II в. Поселение Полянское-III в низовьях р. Утка в Татарстане с материалами, близкими Славкинскому, датировано Е. П. Казаковым III—IV вв.⁸³

В III—IV вв. в Самарском Поволжье распространяются поселения лбищенского типа (по городищу Лбище в Ставропольском р-не). Планировка поселений, строение очагов, глиняных печей и хозяйственных ям находят полные аналогии в памятниках черняховской культуры Верхнего Поднепровья и Южного Побужья. Керамические материалы включают лепные горшкообразные сосуды, миски, воронкообразные крышки и диски, служившие лепешницами-сковородками. Одни типы горшков находят аналогии среди лепной керамики черняховской культуры, другие

---

⁸² Агапов С. А., Пестрикова В. И., Салугина Н. П. Памятники славкинского типа в Куйбышевской обл. // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 111; Матвеева Г. И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н. э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 160—162; Она же. Некоторые итоги изучения именковской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3). М., 1997. С. 207.

⁸³ Казаков Е. П. Новые материалы II—III четверти I тыс. новой эры в Закамье // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 120—121.

сопоставимы с постзарубинецкими. Разнообразные миски лбищенских памятников обнаруживают прототипы среди посуды пшеворской культуры. Тожественны пшеворским диски-лепешницы, воронкообразные крышки сопоставимы с черняховскими. Немногочисленными фрагментами представлена гончарная керамика серого цвета, иногда с лощением, имеющая параллели в материалах черняховской культуры. Ряд вещевых находок из городища Лбище (двучленная прогнутая подвязанная фибула IV в., бронзовые пряжки с полуovalной рамкой и несомкнутыми концами, браслет с утолщенными концами) также находит прямые аналогии в древностях черняховской и пшеворской культур⁸⁴.

Большинство памятников лбищенского типа известно в регионе Самарской луки, но отдельные находки керамики, близкой к лбищенской, обнаружены и выше по Волге вплоть до южных окраин Татарстана. Достаточно очевидно, что распространение поселений лбищенского типа в Самарском Поволжье было обусловлено новой волной миграции населения. Г. И. Матвеева полагает, что переселенцами были носители позднезарубинецких древностей, но не исключает и проникновения в III в. черняховского населения из районов Верхнего Поднестровья и Волини⁸⁵.

Однако слоев с исключительно позднезарубинецкими материалами на поселениях лбищенского облика не выявляется. Фрагменты керамики, сопоставимой с позднезарубинецкой, встречены вместе с черняховско-пшеворскими материалами, что наблюдается также на некоторых поселениях черняховской культуры Верхнего Поднестровья и Южного Побужья. Весь облик лбищенских древностей дает основание полагать, что переселение осуществлялось из одного или нескольких регионов, в которых имело место смешение черняховского населения с пшеворским, то есть из названных местностей черняховского ареала. Об этом свидетельствует сходство планировки поселений, жилищных котлованов и глинобитных печей. Скорее всего, эта миграционная волна была обусловлена второй волной экспансии вельбарского населения в Северно-причерноморский регион. О миграции в Среднее Поволжье черняховского населения говорит и распространение здесь в III—IV вв. пашенного земледелия.

---

⁸⁴ Матвеева Г. И. Раскопки городища Лбище // АО 1982 года. М., 1984. С. 159—160; Она же. Работы на городище Лбище // АО 1983 года. М., 1985. С. 162—163; Она же. Работы Куйбышевского университета // АО 1984 года. М., 1986. С. 141—142.

⁸⁵ Матвеева Г. И. Некоторые итоги изучения... С. 209—210.

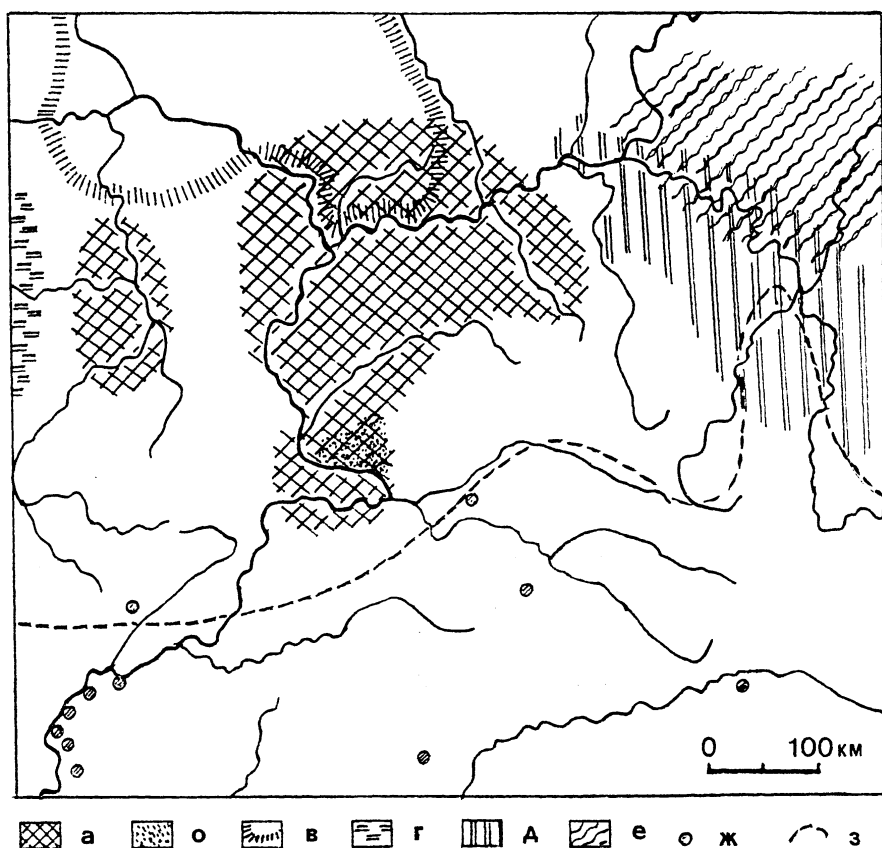

Рис. 52. Ареал именковской культуры

а — распространение именковской культуры; **б** — регион древностей славянского и лбищенского типов; **в** — южная граница территории азелинской культуры; **г** — ареал городецкой культуры; **д** — кушнаренковской культуры; **е** — бахмутинской культуры; **ж** — памятники кочевников; **з** — северная граница степи.

Третья, самая мощная волна миграции населения в Среднее Поволжье из черняховского ареала датируется концом IV в. Она затронула значительные области Среднего Поволжья от Самарской луки на юге до нижнего течения Камы на севере и от средней Суры на западе до реки Ик на востоке⁸⁶. Большие массы переселенцев осели в наиболее плодородных землях Среднего Поволжья, прежде пустовавших некоторое время. Только в прибрежных местностях Нижнего Прикамья переселенцы

⁸⁶ Старостин П. Н. Памятники именковской культуры // САИ. Вып. Д1—32. М., 1967.

застали носителей азелинской культуры и потеснили их в более северные местности. Импульсом этой миграции черняховского населения, безусловно, было нашествие гуннов, а результатом стало становление в Среднем Поволжье именьковской культуры (рис. 52). Ее начало определяется концом IV — V в. Основателями ее стали переселенцы с запада при участии лбищенских племен⁸⁷. Выбор конечного региона миграции черняховского населения вполне объясним. В Среднем Поволжье до этого проживали близкие в этническом отношении племена, но земель с плодородными почвами здесь было достаточно для того, чтобы принять новые группы земледельческого населения.

К настоящему времени выявлено свыше 600 поселений и могильников именьковской культуры. Основная масса населения проживала на открытых поселениях, площадь которых колеблется от 5 тыс. до 50 тыс. и более кв. м. Преобладали крупные поселения. Устраивались они на краях надлуговых террас, иногда на мысах между оврагами.

Известны и укрепленные селения, располагавшиеся на высоких мысах или излучинах рек. С напольной стороны они укреплялись валами, в конструкции которых выявляются слои обожженной глины и бревна, и рвами.

Жилища именьковского населения двух типов — квадратные в плане полуземлянки с наземными конструкциями в виде срубов и слабо углубленные в грунт каркасно-столбовые строения. Перекрытия были двухскатными и четырехскатными, в последних имелись центральные столбы. Иногда в домах устраивались хозяйственные ямы, но основная масса ям (преимущественно цилиндрической или колоколовидной формы, для хранения зерна) и погребов размещалась обычно рядом с жилищем, составляя вместе с ним единый хозяйственный комплекс. Отапливались жилища очагами, глиняными печами и печами-каменками.

При раскопках Старо-Майнского городища среди жилых строений описанных типов была открыта постройка размером 22,9 x 4,6 м, разделенная перегородками на три помещения. Она принадлежит к типу «больших домов», описанных выше при характеристике черняховской культуры⁸⁸.

---

⁸⁷ Матвеева Г. И. Некоторые итоги изучения... С. 209—211.

⁸⁸ Богачов А. В. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991. С. 159—171; Матвеева Г. И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993. С. 156—183.

Именьковские могильники — бескурганные, располагавшиеся в непосредственной близости от поселений и насчитывающие по несколько десятков захоронений⁸⁹. Могилы не имеют каких-либо внешних признаков, но исследователи полагают, что в период их функционирования таковые были, поскольку нарушений ранних погребений поздними не отмечено.

Погребальный обряд единообразен: умерших сжигали на стороне и собранные с костров кальцинированные косточки помещали на дне овальных или подчетырехугольных ям с чашевидным или плоским дном. Только в Коминтерновском могильнике на левом берегу Камы зафиксирован биритуализм. Появление труположений обусловлено проникновением в ареал именьковской культуры носителей турбаслинской культуры. В могилах среди остатков сожжений иногда попадаются отдельные вещи: оплавленные бусы, поясные пряжки, железные ножи, шилья и глиняные пряслица, все со следами пребывания в огне. Многие захоронения были безынвентарными. В могильные ямы обычно ставились глиняные сосуды. Наличие в заполнениях могильных ям битой посуды, следы огня на предметах погребального инвентаря и умышленная их порча сближают именьковскую погребальную обрядность с пшеворским ритуалом.

Глиняная посуда именьковской культуры изготавливалась в основном ручным способом. Преобладают горшковидные сосуды, среди которых наиболее характерными были горшки с округло-биконическим туловом и цилиндрическим или раструбообразным горлом (рис. 53). Нередки также миски усеченно-конических форм и глиняные диски диаметром от 16 до 36 см с бортиками или без них. Именьковская посуда в основном не орнаментирована. Лишь изредка встречаются горшки, миски и диски с узорами в виде насечек, пальцевых зацепов или ямочных вдавлений. По характеру обработки поверхности керамика делится на две группы: 1) с неровной бугристой поверхностью, иногда со следами небрежного сглаживания, подмазки или зачистки; 2) с аккуратно обработанной поверхностью, иногда лощением.

Среди орудий, связанных с земледелием, имеются железные наральники, серпы, косы-горбуши, мотыжки, каменные жернова. О широком использовании лошади говорят находки железных удиц и костяных подпружных пружинок. Орудия рыболовства представлены железными крючками, каменными и глиняными грузилами. Довольно много встречено

---

⁸⁹ *Старостин П. Н.* Именьковские могильники // *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев, 1986. С. 131—136.

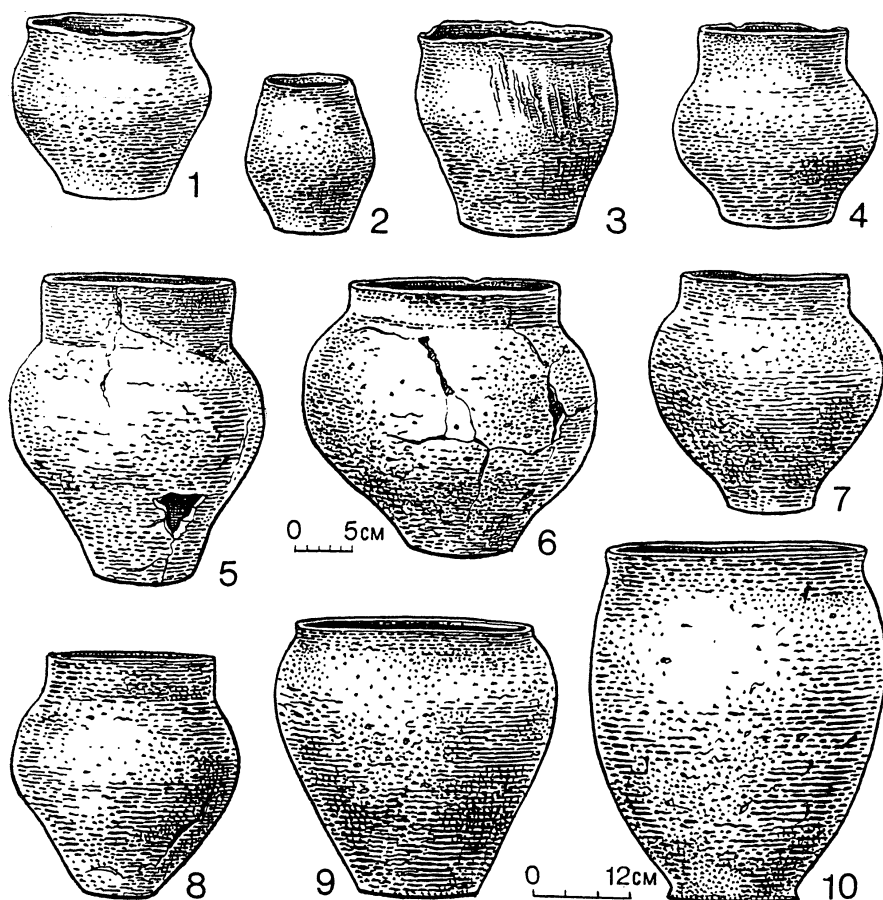

Рис. 53. Керамика именковской культуры

1—8 — из поселения и могильника Рождествено; 9, 10 — из городища Именково.

орудий ремесленного труда — железные долота, молотки, шарнирные клещи, зубила, струги, напильники и бронзовые пинцеты, а также универсальные орудия — железные ножи и узколезвийные проушные топоры. Многие из них своим происхождением несомненно связаны с провинциально-римскими культурами.

На селищах Рождественском-IV и Кармалы, а также на Маклашевском-II городище исследованы сыродутные горны. Металлографические анализы именковских железных изделий свидетельствуют о том, что местные кузнецы обладали высокими техническими навыками в области получения стали путем цементации железных заготовок и термической

обработки их, а также квалифицированно выполняли ковку и сварку. В период, предшествующий именинковой культуре в Среднем Поволжье, как и в культурах этого региона, синхронных именинковой, ничего подобного не было известно. Именинковские кузнецы работали не только на свою общину, но и на более широкую округу. На Щербетском-I селище был найден клад из более десятка новых железных топоров, очевидно, предназначенных для широкого распространения.

На многих именинковских поселениях найдены тигли, льячки, литейные формы, бронзовые шлаки и готовые изделия, свидетельствующие о развитии бронзолитейного ремесла. Меднолитейные мастерские изучались раскопками на упомянутом Щербетском и Новинском поселениях. Среди находок из цветных металлов обычны височные кольца из тонкой проволоки, посоховидные булавы, треугольные подвески с чеканными узорами, поясные пряжки и бляшки, пластинчатые сердцевидные подвески, браслеты и шейные гривны.

Довольно частой находкой в именинковских памятниках являются глиняные пряслица и бусы. Неоднократно найдены также и миниатюрные скульптурные фигурки домашних животных, главным образом лошадей, реже человека, изготовленные из сырой глины и обожженные. Поверхность их затем заглаживалась.

Основным оружием населения именинковой культуры, по-видимому, был лук со стрелами. Железные и костяные стрелы найдены на многих поселениях. Обнаружены также костяные накладки сложных луков. Другим видом оружия были копья, на двух памятниках найдены обрывки железных кольчуг.

Ведущая роль в хозяйстве именинковского населения принадлежала земледелию. Доминирующей культурой было просо. Распространены были также, как можно судить по карпологиическим материалам, посевы пшеницы, полбы, ячменя, ржи, овса и гороха.

Остеологиические материалы говорят о распространенности в домашнем хозяйстве лошади, крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Кости диких животных в остеологиических коллекциях разных памятников составляли от 6,4 до 26,1%.

На ряде именинковских поселений встречены сасанидские монеты второй половины VI — VII в. К импортным изделиям принадлежат халцедоновые и сердоликовые бусы. О развитии торговых связей с Востоком говорят и находки на ряде памятников костей верблюда.

На начальном этапе изучения именинковой культуры исследователями было высказано множество догадок относительно ее происхождения и

этнической принадлежности. Носителей ее относили и к местным финнам, и к буртасам, и к уграм-мадьярам, и к пришлым тюркам. Собранные к настоящему времени данные указывают на непосредственную связь именьковской культуры с провинциально-нормскими⁹⁰.

В настоящее время этнос носителей именьковской культуры устанавливается генетической связью ее с волынцевской культурой, славянская принадлежность населения которой вне всякого сомнения. Именьковское население — крупная культурно-племенная группировка славян-антов, переместившаяся в условиях гуннского нашествия из черняховского ареала на Среднюю Волгу.

Славянская атрибуция населения именьковской культуры находит подкрепление в материалах лингвистики. Как показал В. В. Напольских, в пермских языках выявляется ряд праславянских лексических заимствований, которые относятся ко времени до распада пермской этноязыковой общности, то есть они не могут быть позднее середины I тыс. н. э.⁹¹ Нельзя не обратить внимание на наличие в перечне этих заимствований лексемы «рожь». Как известно, до славянского расселения в восточноевропейских землях рожь не культивировалась. Польский исследователь К. Яжджевский утверждает, что эта сельскохозяйственная культура и в Средней Европе получила широкое распространение только в процессе расселения славян⁹².

В конце VII в. основная масса именьковских поселений и могильников прекращает функционировать. Раскопочные работы свидетельствуют, что селения не были разгромлены или сожжены, они были покинуты именьковским населением. Очевидно, что в силу каких-то обстоятельств обширные плодородные земли Среднего Поволжья оказались опустошенными и земледельцы вынуждены были искать новые местности для своего проживания. Причиной миграции именьковского населения стало появление на Волге воинственных орд тюркоязычных кочевников. Ма-

---

⁹⁰ Матвеева Г. И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 52—73; Она же. К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (Сборник тезисов). М., 1988. С. 11—13; Казаков Е. П. Новые материалы... С. 124.

⁹¹ Napolskich V. V. Die Voslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des I. Jahrtausend unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 18/19. Hamburg, 1996. S. 97—106.

⁹² Яжджевский К. О значении возделывания ржи в культурах раннего железного века в бассейнах Одры и Вислы // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 98—99.

лочисленные группы тюрков начали проникать в Среднее Поволжье еще во второй половине VI в. (Новоселковское погребение). К последним десятилетиям VII в. относится уже массовое появление тюрков, что документируется памятниками новинковского типа конца VII — VIII в.⁹³

Впрочем, какая-то часть именьковского населения не покинула Средневожские земли. Согласно П. Н. Старостину, отдельные группы его при появлении воинственных кочевников ушли в глухие местности Поволжья, в частности в регион р. Черемшан, где элементы именьковской керамики проявляются в глиняной посуде болгарского времени⁹⁴. На поселении Криуши в слоях IX—XI вв. изучались полуземляночные жилища славянского облика. В керамическом материале этого памятника нередки горшки с высокой цилиндрической домовиной, напоминающие распространённые именьковские сосуды⁹⁵. Подобные горшки с полосным лощением обнаружены на Суварском, Танкеевском и Муромском городищах, а также в Болгаре и ряде памятников Нижнего Прикамья.

Из сочинения Ахмеда ибн Фадлана, посетившего регион средней Волги в 922 г. в составе посольства багдадского халифа, достаточно очевидно, что население Волжской Болгарии в то время было полиэтническим. Хан Алмуш — верховный правитель Волжской Болгарии — происходил из племени болгар. Кроме того, упоминаются еще царь племени эскель, народ сиван во главе с Виригом и баранджары. Это тюркские племена, подвластные Алмушу. Общим же названием населения Волжской Болгарии были славяне (ас-сакалиба). Сам Алмуш именуется ибн Фадланом «царем сакалиба», подвластные ему владения называются славянскими, а сама Волжская Болгария — страной Сакалиба. Термином ас-сакалиба, как известно, восточные средневековые историки и географы называли славян. В восточных источниках IX—XI вв. неоднократно называется Славянская река. В VIII—IX вв., по всей вероятности, так именовался Дон. Позднее,

---

⁹³ Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Zubov C. Э. Праболгары на средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998; Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской луке. Самара, 1997.

⁹⁴ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры... С. 31—32.

⁹⁵ Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник: А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 30-летию научной, педагогической и общественной деятельности. М., 1962. С. 167—168; Он же. Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. М., 1968. С. 168; Тухтина Н. В. Раскопки 1957 г. близ с. Криуши Ульяновской обл. // МИА. 1960. № 80. С. 150; Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. С. 57, 116, 129, 143—145.

как достаточно определенно свидетельствует ал-Бируни, Славянская река восточных источников идентифицируется с Волгой⁹⁶. Учитывая все это, следует допустить, что в составе поволжского населения заметное место принадлежало славянскому этносу, а население Волжской Болгарии, как и Дунайской, на первых порах было смешанным тюркско-славянским.

Это подтверждается данными археологии. Типично славянская керамика X—XII вв. на территории Волжской Болгарии встречена на поселениях Бельмерское, Хулаш, Кайбельское, Малопадьцевское и других. Проанализировав все древнерусские находки памятников Волжской Болгарии, М. Д. Полубояринова утверждает, что славяне были жителями Семеновского и Тигашевского поселений, а также Бельмерского городища. Можно говорить и о значительности славянского населения в Волжской Болгарии в период становления государственности. Очевидно, это были в основном потомки именьковского населения. Это славянское земледельческое население способствовало переходу болгар-тюрков к оседлому образу жизни и быстрому созданию городской жизни Волжской Болгарии. Нельзя не обратить внимание на то, что территория последней соответствует отнюдь не региону расселения болгар VIII—IX вв., а ареалу именьковской культуры.

Русы

До последних десятилетий VII в. лесостепные земли Днепровского Левобережья заселяли анты — носители пеньковской культуры (сахновская стадия), а более северную территорию — племена колочинской культуры. В конце этого столетия развитие этих культур на Левобережье было прервано вторжением крупной массы нового населения. Последнее оказалось более жизненным и более активным в хозяйственном отношении, и в Днепровском Левобережье (рис. 54) формируется новая культура — волинцевская⁹⁷.

---

⁹⁶ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1965. С. 121—148; Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 359—408.

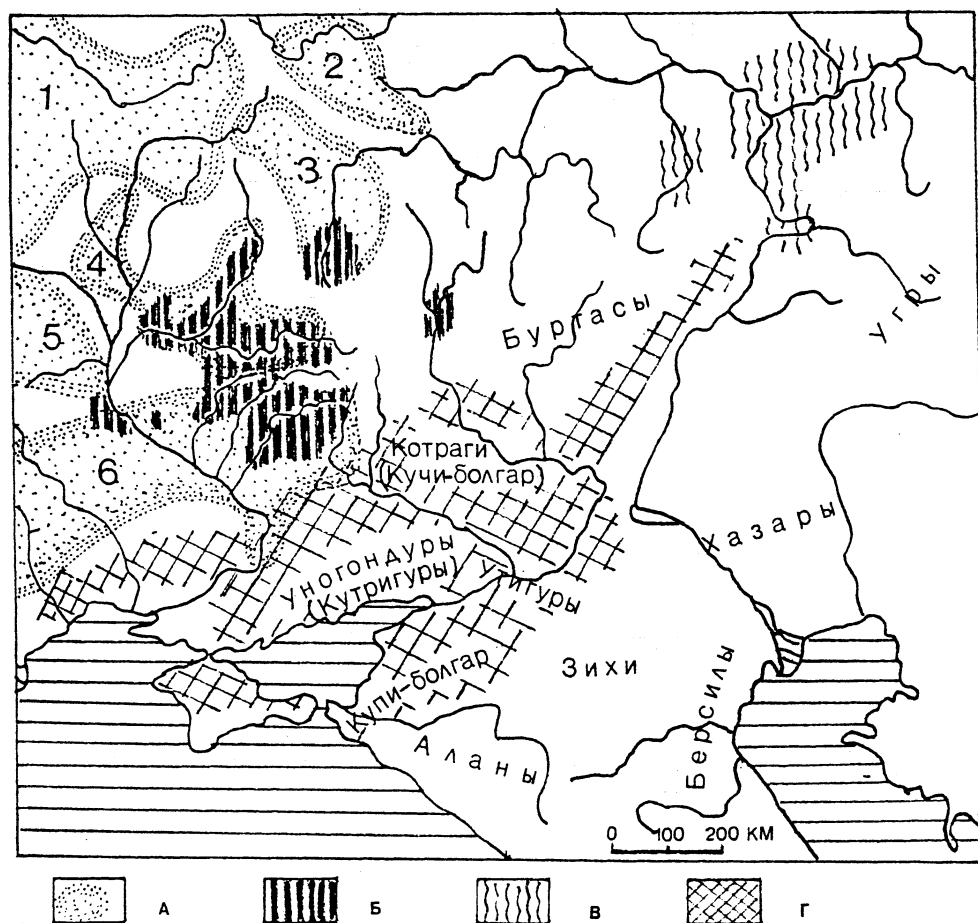
⁹⁷ Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волинцевского типа // СА. Т. XXIX—XXX. 1959. С. 58—83; Горюнов Е. А. О памятниках волинцевского типа // КСИА. Вып. 144. 1975; Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975. С. 49—57; Он же. До питання про пам'ятки волинцевського типу // Археологія. Т. 21. Київ, 1977. С. 50—65; Этнокультурная кар-

Местные жители в основной своей массе не покинули мест своего обитания. Ранние материалы волынцевской культуры характеризуются наличием пеньковских и колочинских компонентов. Так, на поселениях Беседовка, Вовки, Обухов-2, Роище и Хитцы наряду с типично волынцевскими сосудами обнаружены округлобокие и биконические горшки, прямыми аналогиями которых являются материалы позднего этапа пеньковской культуры. В ранних слоях поселения Волынцево вместе с волынцевскими встречены сосуды цилиндро-конических и тюльпановидных форм, свойственные колочинской культуре. Очевидно, что в условиях становления волынцевской культуры пришлое население смешалось с пеньковским и отчасти с колочинским. Постепенно местные элементы стираются и волынцевские элементы становятся доминирующими. Быстрая аккультурация местного антского населения обусловлена его этноязыковой близостью с пришлым.

Основными памятниками волынцевской культуры являются селища, по топографическим особенностям и общему облику сходные с поселениями предшествующей поры. Они устраивались на невысоких участках надпойменных террас и на всхолмлениях среди речных долин. На позднем этапе некоторые поселения стали располагаться на относительно высоких местах. Преобладали поселения сравнительно небольших размеров, но исследовано немало и крупных, площадью 6—7,5 га. Волынцевские поселения не имели укреплений, только единичные из них размещались на городищах, основанных в скифское время. Для изучения планировки поселений данных пока мало. На Волынцевском поселении на раскопанном участке площадью 4800 кв. м открыта 51 постройка жилого и хозяйственного назначения. Хотя эти строения относятся к нескольким строительным периодам, можно утверждать, что они образовывали четыре компактные группы, внутри которых жилища располагались кучно и бессистемно.

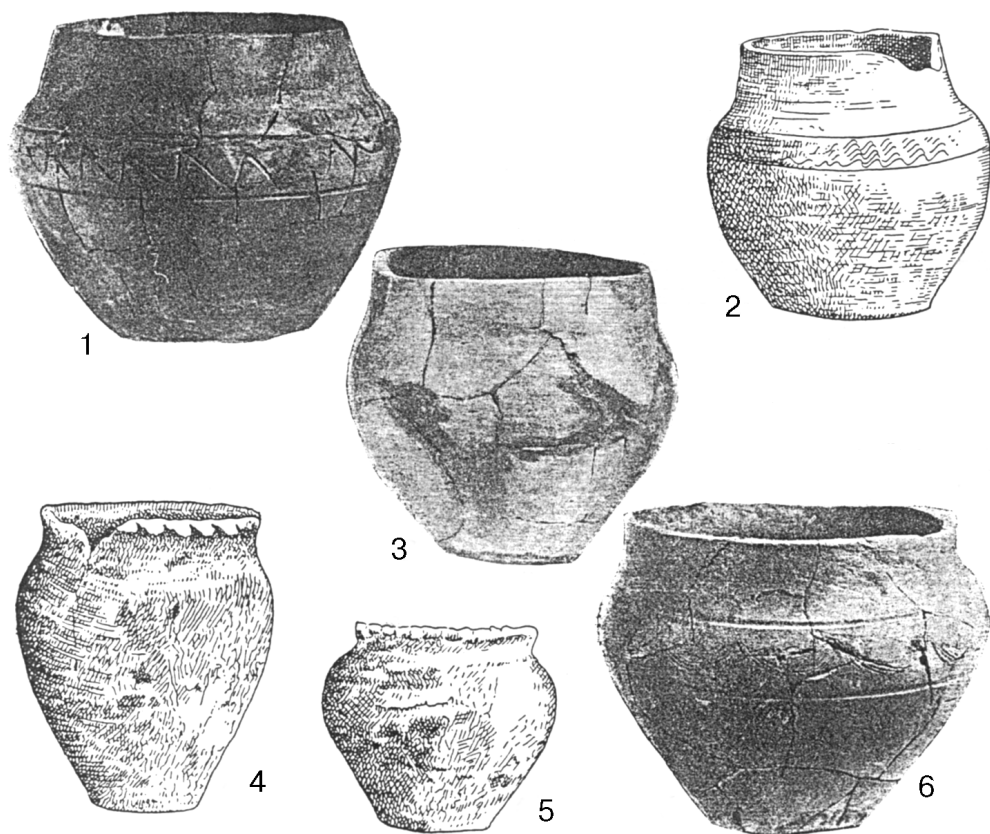
та территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 116—125; Юренко С. П. Население Днепровского Левобережья в VII—VIII вв. н. э. (волынцевская культура) // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 244—251; Петрашенко В. А. Волынцевская культура на Правобережном Поднєпровье // Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Киев, 1990. С. 47—50; Петрашенко В. О. Слов'янська кераміка VIII—IX ст. правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ, 1992. С. 80—102; Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 186—205; Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад... С. 124—135.

Рис. 54. Юго-Восточная Европа накануне становления волынцевской культуры

а — ареалы археологических культур: 1 — тушемлинской; 2 — позднедьяковской; 3 — мощинской; 4 — колочинской; 5 — пражско-корчакской; 6 — пеньковской; **б** — распространение волынцевских древностей; **в** — территория именковской культуры; **г** — ареал болгарских племен и направление их миграции на среднюю Волгу.

Жилищами были полуземлянки, подквадратные или прямоугольные в плане, площадью от 12 до 25 кв. м. Обычно они опускались в грунт на глубину от 0,4 до 1,2 м. Доминировали дома с каркасно-столбовыми стенами, но есть и срубные строения. Перекрытия были двускатными, на деревянную крышу насыпали нетолстый слой земли с глиной. Для входа устраивались коридорообразные ступенчатые вырезы. Нередко в жили-

Рис. 55. Керамика волынцевской культуры

1, 3, 6 — из поселения Волынцево; 2, 4, 5 — из могильника Сосница.

щах имелись ямы-хранилища, вырезанные в полу или уходящие подбоем в стену. Кроме того, вне жилищ на поселениях обычны наземные и ямные хозяйственные строения.

Отапливались жилища преимущественно глиняными печами. Они нередко вырезались в материковых останцах при сооружении дома, а если грунт был непригодным для этого, печи выкладывались из принесенной и сбитой спондиловой глины. На ранних волынцевских поселениях в ряде жилищ имелись открытые очаги.

Могильники волынцевской культуры — грунтовые, без каких-либо наземных признаков. Умерших сжигали на стороне и остатки кремации сыпали в неглубокие ямки или помещали в глиняных сосудах в таких же ямках.

Для рассматриваемой культуры, особенно для ее среднего этапа, весьма характерны гончарные лощеные сосуды с прямым верхом, выпуклыми плечиками и усеченно-коническим низом (рис. 55). Это типичные «волынцевские горшки». Их черная или темно-коричневая поверхность нередко орнаментировалась лощеными и прочерченными вертикальными и перекрещивающимися линиями. Центр изготовления этой посуды находился где-то в пределах ареала волынцевской культуры, но археологами пока не выявлен. Высказано предположение, что его нужно локализовать в районе Полтавы, где еще Н. Е. Макаренко зафиксировал следы гончарного производства этого времени.

Среди лепной посуды, которая составляет 80—90% всей керамики, доминируют горшки тех же форм, что и описанные гончарные. Они имеют заглаженную или подлощенную поверхность и изготавливались из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка. Нередки на памятниках волынцевской культуры и открытые круглодонные миски, среди которых есть и лепные, и гончарные, а также сковородки.

Неоднократно встречены и амфоры — двуручные сосуды так называемого салтовского типа, с характерным бороздчатым туловом, красно-оранжевой поверхностью, иногда со светлым ангобом. Эта посуда в VIII—IX вв. была широко распространена в ареале салтово-маяцкой культуры в Донском регионе и в Крыму и поступала к населению волынцевской культуры в результате торговых операций. Процент такой посуды в разных местах территории этой культуры различен. В южных местностях, пограничных с салтово-маяцким регионом, он значителен (например, на поселении Вовки на долю такой посуды приходится 21% керамической коллекции). Вместе со славянами здесь, возможно, проживали и выходцы из салтово-маяцкой среды.

Железные изделия на памятниках волынцевской культуры представлены наральниками, серпами, косами, топорами, ножами, шильями, пряжками, оружием и доспехами. Коллекция из цветных металлов состоит преимущественно из украшений — височных колец, серег, браслетов, перстней, фибул, бляшек, бубенчиков. Наиболее яркие комплексы украшений содержатся в кладах. Так, в состав Харьковского клада, обнаруженного в горшке волынцевского типа, входили золотые и серебряные серьги, шейные гривны, антропоморфные фибулы, плоские подвески, серебряная цепь и детали поясного набора⁹⁸. Изделия из кости на волынцевских поселениях представлены проколами, кочедыками и амuleтами.

---

⁹⁸ Березовець Д. Т. Харівський скарб // Археологія. Т. VI. Київ, 1952. С. 109—119.

Встречены также стеклянные бусы и большое количество глиняных пряслиц.

Топография поселений и весь облик материальной культуры не оставляют сомнений в земледельческом характере экономики волынцевского населения. Выращивали, судя по материалам раскопок, просо, яровую и озимую пшеницу, рожь, горох, полбу и коноплю. На долю домашних животных приходится свыше 80% остеологического материала. Среди последнего встречены кости верблюда, свидетельствующие о караванных связях с восточными странами.

Основной территорией волынцевской культуры являются Подесенье с бассейном Сейма и верхние течения Сулы, Псла и Ворсклы. Здесь сконцентрировано наибольшее количество ее памятников. Крайние западные волынцевские поселения известны на правом берегу Днепра в округе Киева и Канева. На юго-востоке волынцевский ареал простирался до верхнего течения Северского Донца, где вплотную соприкасался с территорией салтово-маяцкой культуры.

Археологические материалы свидетельствуют о расселении носителей волынцевской культуры также в бассейне воронежского течения Дона. С волынцевским населением здесь связаны две группы керамики, встречаемые на поселениях (Белогорское городище) и могильниках (Первый и Второй Белогорские, Лысогорский) боршевской культуры. Это характерные волынцевские гончарные горшки с лощеным орнаментом и горшкообразные сосуды, по форме идентичные или очень близкие типично волынцевским, но имеющие некачественное лощение⁹⁹. По мнению А. З. Винникова, последняя посуда изготавливалась на месте как подражание волынцевской керамике.

В погребениях Второго Белогорского могильника, кроме того, обнаружены лепные округлобокие горшки с примесью шамота в тесте, сопоставимые с поздненепеньковской керамикой, что позволяет предполагать миграцию волынцевского населения на средний Дон на раннем этапе становления рассматриваемой культуры.

По-видимому, в VIII в. носители волынцевских древностей расселяются и на верхней Оке. Памятников с чистыми отложениями волынцевской

---

⁹⁹ Винников А. З. Славянское городище на Белой горе под г. Воронежем // Из истории Воронежского края. Вып. 6. Воронеж, 1977. С. 113—137; *Он же*. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984. С. 141—145; *Зинковская И. В.* К вопросу о формировании культуры VIII—X вв. на р. Воронеж (по материалам II Белогорского могильника) // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж, 1993. С. 50—52.

культуры здесь пока не выявлено, но глиняная посуда, характерная для нее, встречена на многих памятниках. При систематизации верхнеокской керамики VIII—X вв. Т. Н. Никольская выделила большую группу лепных горшков с прямым вертикальным горлом и выпуклыми плечиками, которые по всем показателям тождественны характерным сосудам волынцевской культуры. Такая керамика встречена на поселениях Воротынцево на Зуше, Зайцево, Синюково, Федяшево и других. Горшки волынцевского облика с заглаженной поверхностью обнаружены также в курганах с трупопожжениями в Лебедке и Воротынцеве¹⁰⁰.

Проникновение волынцевского населения в Верхнее Поочье относится также к первому этапу развития рассматриваемой культуры. По всей вероятности, это была постепенная инфильтрация населения с юга в среду проживавших здесь племен мощинской культуры, принадлежавших к балтам. В труде Иордана они зафиксированы под именем *Coldas*, в котором видится племя голядь, локализуемая русской летописью под 1147 годом на р. Протве¹⁰¹. На рубеже IV и V столетий в этом регионе расселились малочисленные переселенцы из черняховского ареала, скорее всего, славяне-анты. Судьба их остается неясной. Может быть, они растворились в местной среде, но не исключено, что они небольшими островками проживали среди балтоязычного населения. К ним на первых порах, вероятно, и подселялись носители волынцевских древностей.

В эволюции волынцевской культуры намечаются три основных этапа. Ранний период, в котором присутствуют керамические формы пеньковского и колочинского облика. На основании дрововых браслетов с расширенными или зооморфно оформленными концами, В-образных пряжек, костыльковидных застёжек и других находок он датируется последними десятилетиями VII — началом VIII в. Средний этап характеризуется исчезновением форм сосудов пеньковской и колочинской традиций и широким распространением типично волынцевской гончарной посуды с лощеной, подлощенной и заглаженной поверхностью. Он определяется VIII столетием¹⁰². На позднем этапе (вторая половина VIII и первая по-

---

¹⁰⁰ Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. // МИА. № 72. М., 1959. С. 63—67, 78, 87—89; Она же. Земля вятичей. К истории населения верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981. С. 22, 28, 30.

¹⁰¹ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 47—48.

¹⁰² Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 305—306.

С. П. Юренко предлагает иные даты. Ранний горизонт волынцевской культуры она относит к середине VII, средний — к рубежу VII—VIII вв. и началу VIII в., а

ловина IX в.) в Днепровском Левобережье волынцевская культура постепенно трансформируется в роменскую, на Дону — в боршевскую, на верхней Оке — в окскую культуру.

При этом гончарная керамика выходит из употребления, по-видимому, в связи с прекращением в силу пока неизвестных нам обстоятельств функционирования центров по ее производству. Формируется набор сосудов, характерных для роменско-боршевско-окских древностей. Форма характерного волынцевского горшка (с цилиндрическим горлом и высокими плечиками) становится наиболее распространенной и на памятниках этих культур и бытует вплоть до XI в., когда лепную посуду окончательно вытесняет древнерусская гончарная керамика. Преемственность в изготовлении посуды роменской и волынцевской культур прослежена рядом исследователей¹⁰³. Жилища-полуземлянки, свойственные волынцевской культуре, не претерпели каких-либо изменений и стали этнографической особенностью роменско-боршевско-окского населения. Незменной на первых порах оставалась и погребальная обрядность.

Роменская, боршевская и окская культуры, датируемые в основном IX—X вв., очень близки между собой по всем своим параметрам. Различия между ними носят третьестепенный характер¹⁰⁴.

Славяне — носители рассматриваемых древностей — заселили еще Рязанское Поочье. Здесь имеется множество памятников с лепной керамикой, вполне сопоставимой с роменско-боршевской. Это поселение Дубровичи, городища Вышгородское, Старорязанское, Луховицкое-1. Фрагменты боршевской посуды обнаружены разведками на многих селищах, а также в Палецких курганах, насыпанных из культурного слоя предшест-

---

поздний — ко второй половине VIII в. (Юренко С. П. Волынцевская культура // Этнокультурная карта Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 123—124; Она же. Население Днепровского Левобережья в VII—VIII вв. н. э. (волынцевская культура) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 244—251). В основе датировок О. А. Щегловой и И. О. Гавритухина положены вещи из кладов Днепровского Левобережья. Исследователи утверждают, что время бытования волынцевской гончарной керамики следует определять периодом от середины VIII до начала X в. (Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад... С. 133—136).

¹⁰³ Этнокультурная карта... С. 125; Славяне Юго-Восточной Европы... С. 305—305; Узянов А. А. Роменская керамика как источник хронологического членения культуры // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1991. С. 103—104; Юренко С. П. Население Днепровского Левобережья... С. 9—10, 15—16.

¹⁰⁴ Характеристика этих культур: Седов В. В. Восточные славяне... С. 133—150; Он же. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 198—205.

вующего им селища, и распространены широко в Рязанском крае (рис. 56). Волынцевско-боршевские традиции более или менее отчетливо проявляются даже в ранней гончарной керамике ряда памятников Среднего Поочья. Так, на поселении Шумош встречены сосуды с высоким прямым горлом, близкие к типичным волынцевским горшкам, а веревочная орнаментация по их плечикам и по краям венчиков тождественна роменско-боршевской посуде. Аналогичные сосуды обнаружены также на Старорязанском городище и в Дубровичах¹⁰⁵.

Допустимо предположение, что носители волынцевских древностей стали проникать в Рязанское Поочье из коренного волынцевского ареала. Ранние полужемлячные жилища здесь имеют глиняные печи, что типично для волынцевского населения Днепровского Левобережья, тогда как в полужемлянках боршевского населения Донского региона господствовали печи-каменки. Предшествующая славянскому освоению Рязанского края культура рязанско-окских могильников прекращает свое функционирование в VIII—IX вв.¹⁰⁶ Этим временем и следует определять оседание здесь славянского населения.

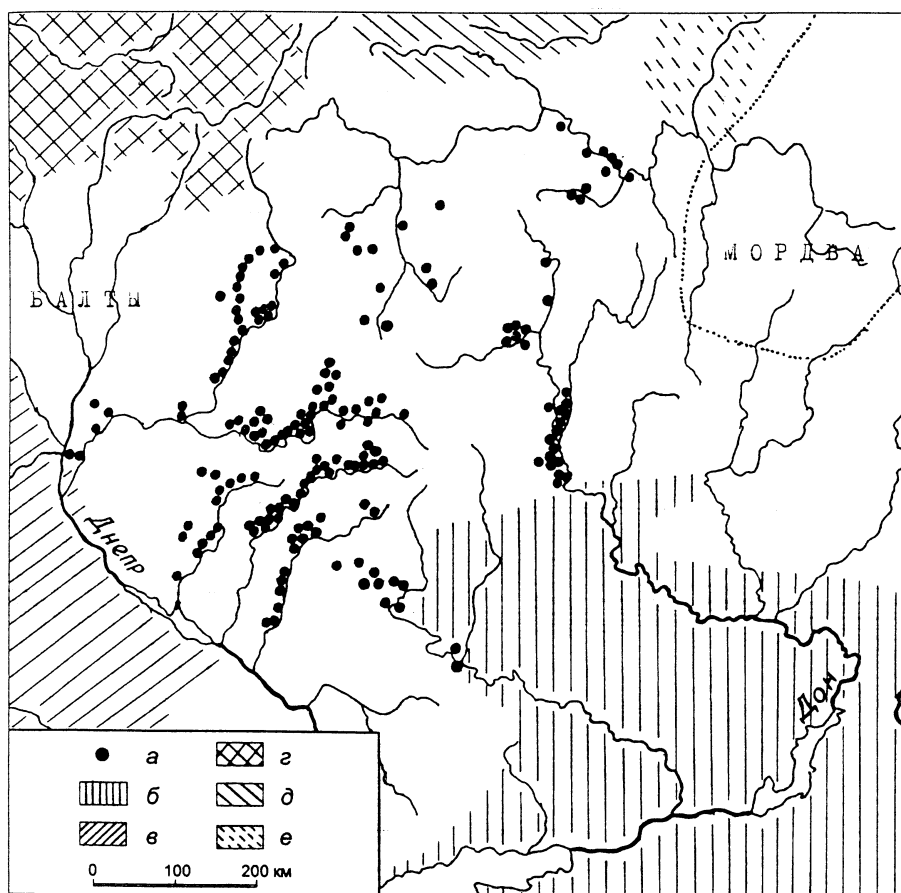
Есть все основания полагать, что расселившиеся в междуречье Днепра и Дона славяне составляли отдельное диалектно-племенное образование. Именьковская группа славян в Среднем Поволжье в течение трех столетий проживала оторванно от остального славянского мира. Изоляция не могла не привести к зарождению некоторых диалектных особенностей. Выявить таковые ныне весьма затруднительно, но на основании данных археологии представляется несомненным, что левобережноднепровско-донская группа славян, сложившаяся в результате переселения носителей именьковской культуры, стала ядром последующего формирования южновеликорусов.

Для диалектной характеристики этой славянской группы несомненный интерес представляют гидронимические изыскания О. Н. Трубачева. В междуречье Днепра и Дона им выявлена архаическая (реликтовая) серия водных названий. Это преимущественно «гидрографические термины, характеризующие особенности воды, ее течения ('продолговатый', 'тенистый', 'грязный', 'непроточный', 'обтекание' и т. д.)» с элементами специфической семантики, с реконструируемым праславянским причас-

---

¹⁰⁵ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 124, 271—273. В последние годы подобная керамика обнаружена разведочными работами рязанских археологов еще на ряде поселений Рязанского Поочья.

¹⁰⁶ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 93—97.

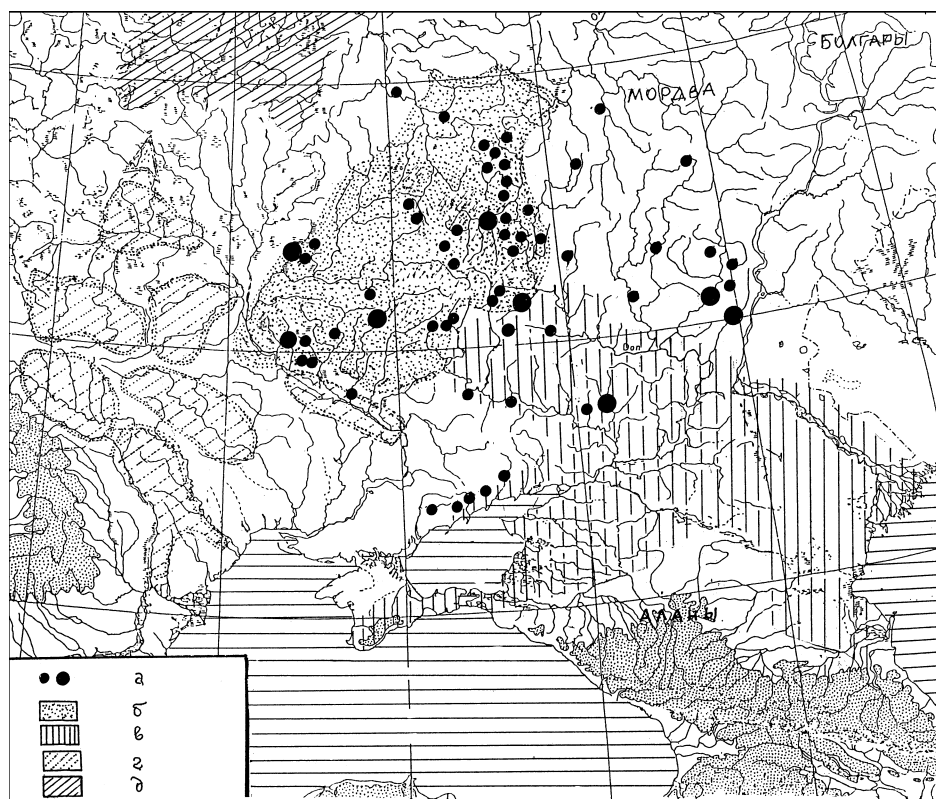

Рис. 56. Распространение памятников роменской и боршевской культур

а — памятники роменской и боршевской культур и подобных им древностей Окского бассейна; **б** — ареал салтово-маяцкой культуры; **в** — регион дулебов и антов; **г** — кривичей смоленско-полоцких; **д** — славянской группы, представленной браслетообразными незавязанными височными кольцами; **е** — муромы.

тием от не сохранившегося в славянских языках глагола. «По всем признакам это древнейший разряд гидронимов», — отмечает исследователь¹⁰⁷. Сравнение этой водной номенклатуры с большой группой праславянских гидрогеографических терминов, собранных и проанализированных Ю. Удольфом, демонстрирует, как утверждает О. Н. Трубачев,

¹⁰⁷ Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 201—207.

**Рис. 57. Распространение архаических славянских гидронимов
левобережноднепровско-донских типов**

а — гидронимы (большими значками обозначены сравнительно крупные реки);
б — ареал роменской и родственных культур; **в** — салтово-маяцкой культуры;
г — регионы дулебских и антских племен; **д** — кривичей.

обособленность (диалектность) этой серии гидронимов левобережноднепровско-донского региона.

Имеются и другие топонимические материалы, подчеркивающие диалектность имениковско-волынцевской группы славян. Так, в том же левобережноднепровском и донском ареалах концентрируются гидронимы, образованные от апеллятива «колодезь», суждения об ареальных показателях которых отмечались лингвистами¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Трубачев О. Н. Название рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968. С. 222—229; Отин Е. С. Ареалы славянских гидронимических терминов в топонимии Подонья // Проблемы восточнославян-

Картографирование этих левобережноднепровско-донских водных названий выявляет отчетливую связь их с ареалом волынцевской и эволюционно развившимися на ее основе роменской, боршевской и окской культурами (рис. 57). Здесь сконцентрирована основная часть архаических гидронимов, описанных О. Н. Трубачевым. В меньшем числе они фиксируются в северо-западных районах территории салтово-маяцкой культуры — на среднем Дону, в верхнем течении Северского Донца и в Северном Приазовье.

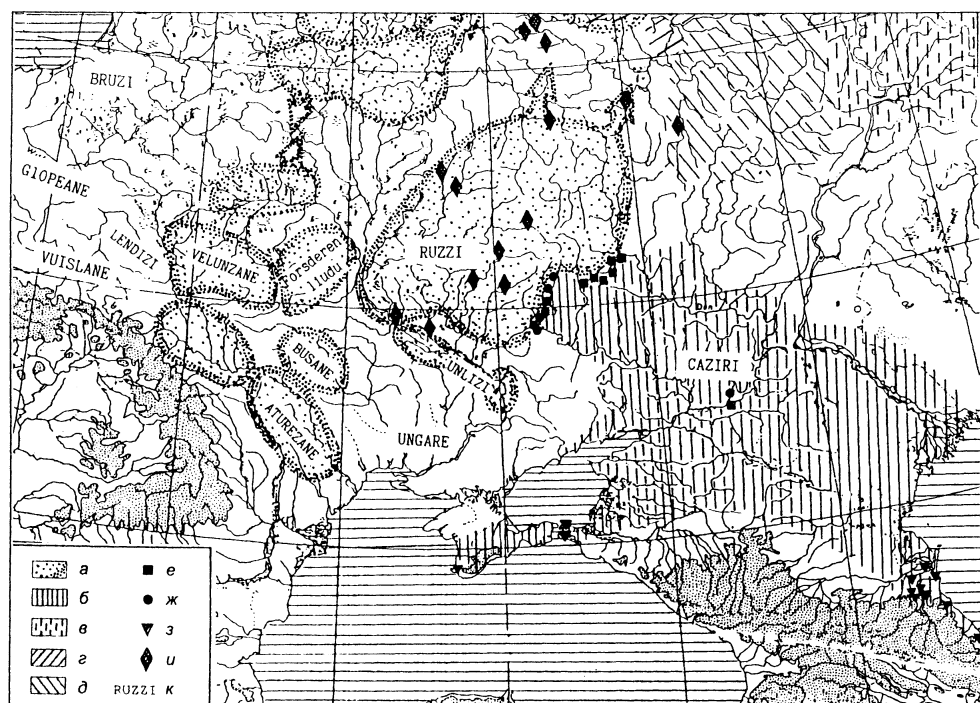
Проживание славянского населения в названных областях салтово-маяцкой культуры документируется данными археологии. В бассейне Дона, наряду с юртообразными жилищами, раскопками исследовано немало полуземляночных построек с двускатными крышами, сопоставимыми с характерными славянскими домами славянского населения Юго-Восточной Европы. Какая-то часть полуземлянок могла принадлежать аланам Хазарского каганата, осевшим в Донецко-Донском регионе в VIII—IX вв. Исследователи полагают, что обычай сооружать полуземляночные жилища был позаимствован аланами Подонья у славян. Вместе с тем выявляется и бесспорный славянский компонент в составе населения Хазарского государства — интерьер жилища. Среди полуземляночных построек салтово-маяцких поселений зафиксировано немало таких, которые имели типично славянское внутреннее устройство — отопительные сооружения располагались в углах или около одной из стен. Выявлены на этих поселениях и глинобитные печи на каркасах, неизвестные аланам, но полностью идентичные отопительным устройствам жилищ волынцевской и роменской культур. О наличии славянского населения в северо-западных районах Хазарии говорят и находки волынцевской керамики на поселениях и могильниках салтово-маяцкой культуры, в том числе в Саркеле¹⁰⁹. Близ салтовского Сухогомольшанского городища исследован могильник с чуждым для салтовского населения погребальным обрядом — ямными и урновыми трупосожжениями. Урнами в них служили сосуды салтовского типа¹¹⁰.

ской топонимии. М., 1978. С. 9—10; Чумакова Ю. П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа, 1992. С. 100—101.

¹⁰⁹ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1980. С. 12—25.

¹¹⁰ Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // Советская этнография. 1986. № 3. С. 158—173.

**Рис. 58. Историческая ситуация в Юго-Восточной Европе
в первой половине IX в.**

а — археологические ареалы славянских племен; **б** — территория салтово-маяцкой культуры; **в** — ареал волжских болгар; **г** — муроми; **д** — мордвы; **е** — хазарские крепости, выстроенные византийскими мастерами в 830-х годах; **ж** — хазарские городища, на которых византийскими строителями воздвигнуты каменные фортификации; **з** — прочие крепости Хазарского каганата; **и** — места находок пяти- и семилучевых височных колец (четвертой группы, по Е. А. Шинакову); **к** — этнонимы «Баварского географа».

Характеризуя Днепровско-Донской регион архаических славянских гидронимов, О. Н. Трубачев высказал мысль о том, что «именно здесь начал шириться этноним Рус, Русь»¹¹¹.

Одно из первых упоминаний этого этнонима (Ruzzi) содержится в раннесредневековом документе, названном «Баварским географом», — памятнике, написанном достоверно в IX в.¹¹² Следовательно, его информа-

¹¹¹ Трубачев О. Н. В поисках единства... С. 207.

¹¹² Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 7—51.

ция фиксирует этноисторическую картину, синхронную рассматриваемым здесь волынцевской и эволюционно выросшим из нее роменской, боршевской и окской археологическим культурам.

В основной части «Баварского географа» описываются племена и народы, проживавшие севернее Дуная в Средней Европе, во второй части упоминаются народы Средней и Восточной Европы с востока на запад — от Хазарии до Силезии: «...Caziri...Ruzzi. Forsderen liudi. Fresiti. Seravici. Lucolane. Ungare. Vuislane...Zuireani. Busane. Unlizi. Lendizi...»

Большинство из этих племенных образований могут быть с большей или меньшей достоверностью локализованы на археологической карте IX в. (рис. 58) и отождествлены с определенными племенами, характеризующимися по данным археологии¹¹³. Тождество Caziri с хазарами, то есть с населением Хазарского каганата, представленным салтовскими культурами, не подлежит сомнению. Русы оказываются ближайшими западными соседями Хазарии. Как полагают некоторые исследователи, «Forsderen liudi» — ошибочно переданное древневерхненемецкое «Foristari liudi» (от Forist «лес»), то есть «лесные жители». Если это так, то это древляне, называемые в русской летописи также лесными жителями («зане седоша в лесех»). Этноним «Fresiti», как предположил немецкий исследователь Й. Геррманн, аналогичен древневерхненемецкому Freisassen — «свободные жители». В таком случае под этим именем скрываются поляне — «жители поля», то есть незалесенной (свободной от леса) местности. Ареалы полян и древлян IX в. надежно определяются по данным археологии — на правобережье Среднего Поднепровья. Подобным образом локализуются бужане (Busane), уличи (Unlizi), тиверцы (Aturezani), угры (Ungare), висляне (Viuslane), лендзяне (Lendizi)... Русам «Баварского географа» остается территория волынцевской и сменивших ее роменской, боршевской и окской культур VIII—IX вв., ареалы которых как раз находятся между Хазарией и регионами полян и древлян.

А. В. Назаренко утверждает, что написание этнонима *русь* в «Баварском географе» свидетельствует о проникновении его в древневерхненемецкие диалекты не позднее IX в.¹¹⁴ Следовательно, уже в это время народ

¹¹³ Подробнее вопрос о данных «Баварского географа» в связи с археологической картой юга Восточной Европы рассмотрен мною в книге: *У истоков восточнославянской государственности*. М., 1999. С. 39—45.

¹¹⁴ Назаренко А. В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX—XI вв. // Вопросы языкознания. 1980. № 5. С. 40—57; Он же. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX—XIV вв.): Бавария — Австрия // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С. 86—129.

русь, проживавший на юге Восточной Европы, был известен в Баварии. С регионом руси Восточную Баварию связывал торговый путь, проходивший вдоль правого берега Дуная, пересекал Карпаты (через Верецкий перевал) и далее следовал по восточнославянским землям¹¹⁵.

О том, что русы IX в. принадлежали к славянскому этносу, свидетельствуют современники — восточные авторы. Так, в географическом сочинении Абдаллаха Ибн Хордадбеха «Книга путей и стран», написанном около 847 г., сообщается: «Что касается русских купцов — а они вид славян — то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны славян к Румскому (Черному) морю, а с них (купцов) десятину взимает царь Рума (Византии) и, если они хотят, то отправляются по реке славян, и проезжают проливом столицы хазар, и десятину с них взимает их (хазар) правитель»¹¹⁶. Излагая идентичную информацию, восходящую, как считают востоковеды, к единому источнику 30—40-х годов IX в., Ибн ал-Факих в произведении «Книга стран», написанном около 903 г., там, где Ибн Хордадбех говорит о русах, прямо пишет о купцах славян («Что касается славянских купцов, то они везут шкурки лисиц и бобров из славянских стран и приходят к морю Румийскому...»)¹¹⁷.

Из этих сообщений достаточно определенно следует, что восточные авторы IX в. видели в русах некое племенное образование славян, проживавших на Восточно-Европейской равнине. Это корреспондируется с данными древневерхненемецких источников, из которых очевидно, что «носители самоназвания „Русь“, с которыми с IX в. имели дело в Баварской восточной марке, говорили по-славянски» и «не позднее середины IX в. в древнебаварский была заимствована славяноязычная форма *русь*»¹¹⁸.

Еще Н. М. Карамзин обратил внимание на то, что в древнерусских летописях в XII—XIII вв. Русью, Русской землей именовались преимущественно южные, киевские области Древнерусского государства. Новгородские люди, направляясь в Киев, говорили: «Иде въ Русь». Начиная с С. М. Со-

---

¹¹⁵ Назаренко А. В. Южнонемецкие земли в европейских связях IX—X вв. // Средние века. Т. 53. М., 1990. С. 121—136.

¹¹⁶ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 384.

¹¹⁷ Там же. С. 385—386.

¹¹⁸ Назаренко А. В. О языке восточноевропейских варягов IX—X вв. (*Rod(s)-(?)) — Русь — Рое — Ruzzi // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 1998. С. 75—79 (цитата — с. 78).

ловьева историки пытались выяснить суть этой, предположительно, первоначальной Руси. Так, В. О. Ключевский, полагая, что русь — это скандинавы, Русской землей считал те земли юга Древнерусской державы, где будто бы плотнее всего осели варяги. Никаких фактических данных в пользу этой догадки ни в то время, ни сейчас в распоряжении науки нет. Заслуживает внимания мысль С. А. Гедеонова, согласно которой первоначальной Русской землей была та территория Среднего Поднепровья, где проживало славянское племя русь, а после образования Древнерусского государства его имя распространилось на все восточное славянство¹¹⁹.

Многие историки вели изыскания по определению географических пределов первоначальной Русской земли. Анализ летописных данных о географии ее был произведен М. Н. Тихомировым¹²⁰. Работа по выборке и интерпретации летописных известий об этой Руси была продолжена А. Н. Насоновым. Определив города, относимые летописями к Русской земле в узком смысле, и выделив города и местности, которые не входили в ее территорию, исследователь попытался наметить пределы первоначальной Руси. Согласно А. Н. Насонову, она включала Киевскую область (без ареалов древлян и дреговичей) и Черниговщину (без северных окраин, но с Переяславской волостью). В правобережной части Среднего Поднепровья, к югу от области древлян эта Русская земля нешироким клином простиралась до верховьев Горыни. Исследователь рассматривал Русскую землю в узком значении территориальным ядром Древнерусского государства¹²¹.

Проблема территории первоначальной Русской земли исследовалась также Б. А. Рыбаковым, которым был привлечен более обширный летописный материал. В результате исследователь утверждал, что Русская земля в узком значении занимала всю левобережную часть Среднего Поднепровья, а на правобережье — сравнительно небольшой регион в округе Киева и нижнего течения р. Рось¹²².

Позднее на тех же летописных материалах вопрос о географии Русской земли в узком значении анализировался В. А. Кучкиным. Он не согласился с Б. А. Рыбаковым в принадлежности к этой земле некоторых

---

¹¹⁹ Геденов С. А. Варяги и Русь. Ч. 2. СПб., 1876. С. 430—442.

¹²⁰ Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. Т. VI—VII. М., 1947. С. 60—80. То же в кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 74—100.

¹²¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 28—68.

¹²² Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 56—66.

городов Днепровского Левобережья и пограничья Киевской земли со степным миром. Зато этот исследователь счел возможным отнести к первоначальной Руси некоторые города на водоразделе Припяти с Южным Бугом и Днестром, расширив ее территорию до пограничья Киевской и Галицкой земель¹²³.

Основанием для отнесения к Русской земле в узком значении городов Бужеска, Шумеска, Тихомля, Выгожева, Гнойницы, Божеского и Межибожья послужила информация летописей о событиях, имевших место около середины XII в. на Киевско-Галицком пограничье. В летописях названные города действительно причисляются к Русской земле, но никак не могут быть идентифицированы с первоначальной Русью. В XI и в первых десятилетиях XII в. Галицкое княжество вело вполне самостоятельную политическую жизнь по отношению к Киеву и, таким образом, оставалось вне пределов Древнерусского государства — Русской земли в широком значении того времени. Киевский князь Изяслав Мстиславич направил в 1148 г. Ростислава в Божский для охраны юго-западного рубежа Древнерусского государства (Русской земли того времени, а не первоначальной Руси). В 1152 г. Изяслав Мстиславич воевал с галицким князем Владимиром Володарьевичем и требовал от него возвращения городов Бужеска, Шумеска, Тихомля, Выгожева и Гнойницы, поскольку это «Руски города», «Руской волости». Опять-таки здесь речь идет явно о городах и волостях Древнерусского государства, то есть о Русской земле в широком значении. Они были временно захвачены галицким князем, и Киевская Русь требовала их возвращения.

Для определения территории Русской земли в узком значении при анализе летописных данных наиболее надежным является метод исключения, поскольку области и города, не входящие в первоначальную Русь, называются достаточно определенно. Таковыми являются, бесспорно, Новгород и его земля, Ростово-Суздальская, Рязанская, Муромская, Полоцкая, Смоленская и Галицкая земли. Достоверно не входили в состав Русской земли в узком значении также ареалы древлян, волян, дреговичей, хорватов и тиверцев. Исключив все эти области из первоначальной Русской земли, остается территория расселения руси — племенного образования, представленного волынцевской культурой, а также роменской, боршевской и окской культурами IX в. Все города и земли, принад-

---

¹²³ Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992—1993 годы. М., 1995. С. 74—116.

лежность которых к Русской земле в узком значении не вызывает никаких сомнений, находятся в ареале племени русь.

Это славянское племя не упоминается в этногеографическом введении Повести временных лет. Летописцу не были известны и анты. Очевидно, что эти праславянские племена ко второй половине XI — началу XII в., когда составлялись первые летописи, сошли с исторической сцены. Вместо них фигурировали вышедшие из среды антов хорваты, уличи и тиверцы, вышедшие из среды руси северяне, вятичи и радимичи. Может быть, племя русь зафиксировано русскими летописями только под 904 годом: «... Игорь же совокупивъ во мнози, варяги, русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверьце, и печенеги наа, и тали у них поя, поиде на Греки в лодьях и на конихъ...»¹²⁴ Здесь русь — такое же племенное образование, как кривичи, новгородские словене, тиверцы, варяги-норманны или печенеги.

О происхождении этнонима *русь* в литературе высказано множество предположений¹²⁵. Сведения об этом в русских летописях противоречивы. Под 862 годом Повесть временных лет сообщает, что «русь, чюдь, словени и кривичи и вси» решили пригласить князей из-за моря и обратились «к варягам, к руси». «И отъ техъ варягъ прозвася Руская земля»¹²⁶. Эта информация послужила основанием мнения о скандинавском происхождении этнонима *русь*, которое длительное время доминировало в научной литературе и бытует в настоящее время. Однако под 882 годом Повесть временных лет сообщает, что Олег, организуя поход из Новгорода в Среднее Поднепровье, берет в свое войско «мнози варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи». Руси в составе дружины Олега не было, и только после утверждения Олега в Киеве «варязи и словени и прочи прозвашася русью»¹²⁷. Здесь утверждается южное начало рассматриваемого этнонима, и исторически это оказывается теперь достаточно оправданным. В днепровско-донском ареале проживало праславянское племя русь, которое и дало имя государственному образованию с центром в Киеве.

Поляне первоначально были территориальным образованием дулебской племенной группы славян, представленной пражско-корчакской и

---

¹²⁴ Повесть временных лет... С. 33—34.

¹²⁵ Краткий обзор см.: Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 163—203; Он же. Руссы и ругии // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 43—52; Горский А. А. Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3. С. 131—137; Константин Багрянородный. Об управлении империей. Комментарий. М., 1989. С. 131—137.

¹²⁶ Повесть временных лет... С. 18.

¹²⁷ Там же. С. 30.

луки-райковецкой культурами. Ареалом их был сравнительно небольшой регион киевского поречья Днепра с Ирпенью на левобережье и нижней Десной на правом берегу¹²⁸. На рубеже VII и VIII вв., как свидетельствуют материалы археологии, регион полян был затронут миграцией средневожских славян и стал частью территории руси, носителей волынцевской культуры. Поляне стали русами, что находит подтверждение в летописной фразе «поляне ныне зовомая русь».

Племена русь в Скандинавии никогда не было. Согласно изысканиям А. А. Шахматова, написание «к руси» в Повести временных лет под 862 годом является более поздней вставкой. Исследователи, отстаивающие мнение о скандинавском происхождении рассматриваемого этнонима, исходным для его становления считали западнофинский термин *Ruotsi/Rootsi*, прилагаемый к Швеции. В славянской среде он будто бы перешел в этноним русь. Этой точки зрения придерживались многие исследования, в том числе и такие крупные научные авторитеты, как А. А. Шахматов и М. Фасмер¹²⁹.

Однако сам термин *Ruotsi/Rootsi* не является собственно финским, это западнофинское заимствование из древнегерманского. В этой связи в литературе высказана догадка, что основой его послужила древнегерманская лексема *gor* 'гребцы', ставшая самоназванием скандинавов, которые приплывали в западнофинские земли. Отсюда будто бы и прибалтийско-финское название шведов *Ruotsi/Rootsi*. Последнее в Восточной Европе трансформировалось в термин русь, имевший на первых порах этносоциальное содержание — так звались представители дружинного сословия независимо от этноязыкового происхождения. Постепенно, как полагают сторонники гипотезы о скандинавском начале этнонима русь, происходил процесс размыwania ранее четко выраженной приуроченности понятия русь к скандинавам и оно было перенесено на всех жителей Древнерусского государства¹³⁰.

Археологу трудно согласиться с такими построениями. Некоторые натяжки в них видят и филологи.

Еще в XIX в. было высказано предположение об иранском начале этнонима русы — от иранского *ors*, *uors* 'белый'¹³¹. В наше время извест-

¹²⁸ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 90—94.

¹²⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 522—523.

¹³⁰ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24—38.

¹³¹ Миллер В. Ф. Этнографические следы иранства на юге России // ЖМНП. Т. 247. 1886. С. 232—283.

ный иранист В. И. Абаев аргументированно показал соответствие этнонима русь с основой иранского происхождения *gauka-/*ruk- ‘свет, белый, блестять’ (осетин. guxs/goxs ‘светлый’, персид. guxs ‘сияние’)¹³².

Лингво-топонимические изыскания О. Н. Трубачева показали, что наряду с обширным иранским этническим элементом в Севернопричерноморских землях длительное время сохранялся индоарийский компонент¹³³. Исследователь выводит этноним русь из местной индоарийской основы *rukса/*ru(s)sa ‘светлый, белый’. В византийских исторических сочинениях этноним русь пишется через -о- и с двойственной огласовкой Русь/Россия. В этой связи О. Н. Трубачев отмечает, что в севернопричерноморских топонимических материалах изначально представлены оба варианта — на -о- и на -у- и, следовательно, в греческом написании имеются давние северопонтийские корни¹³⁴.

Положение лингвистов об иранском происхождении этнонима русь ныне приобретает надежную историко-археологическую подоснову. Русь — ославяненный, первоначально неславянский этноним, вошедший в обиход в славянском мире в позднеримское время, когда в условиях славяно-иранского симбиоза формировались анты. Тогда же славянами были восприняты и другие этнонимы иранского происхождения — анты, сербы, хорваты и другие. В период гуннского нашествия носители этнонима русь мигрировали в Среднее Поволжье, где создали именковскую культуру. Через три столетия они вынуждены были переселиться в Левобережноднепровско-Донской регион, где представлены волынцевской культурой. Место их проживания здесь фиксируется в летописях как Русская земля (в узком значении).

---

¹³² Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. М., 1973. С. 435—437.

¹³³ Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 13—29; *Он же*. Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция // Там же. 1981. № 2. С. 3—21. Переизданы в кн.: Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 42—60, 157—178.

¹³⁴ Трубачев О. Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993; *Он же*. Русь. Россия. Очерки этимологии названия // Русская словесность. 1994. № 3. С. 67—70; *Он же*. В поисках единства... С. 223—249. Исследователь присоединяется к суждениям В. А. Пархоменко и Г. Ловмянского о том, что название русь первоначально обозначало область Среднего Поднепровья, а имя Ruotsi финны перенесли на Швецию уже тогда, когда варяги вместе с восточными славянами впитали этот южный этноним.

В первой половине IX в. русы создали свое государственное образование. Об этом говорят независимые свидетельства восточных и западноевропейского источников. Так, в «Книге дорогих ценностей» арабский ученый Ибн Русте сообщает, что у русов «есть царь, называемый хакан русов»¹³⁵. Эта книга была написана в самом начале X в., но содержащаяся в ней информация о хазарах, мадьярах, болгарях, буртасах, славянах и русах восходит к так называемой «Анонимной записке», которая была использована еще в труде арабского писателя середины IX в. Ибн Хордадбега или ал-Джайхани, и, следовательно, относится ко времени не позднее первой половины IX в. О таком же титуле правителя русов писал («и падишаха русов зовут хакан русов») и автор сочинения «Маджмал ат-таварих»¹³⁶. Согласно «Бертинским анналам» — произведению IX в., принадлежащему перу официального историографа Франкской империи Пруденция, — в составе византийской миссии, прибывшей в 839 г. к императору Людовику Благочестивому, находились послы кагана русов¹³⁷.

Каких-либо сомнений в существовании в первой половине IX в. каганата русов, кажется, не должно быть. Об этом раннегосударственном образовании исследователями высказаны весьма различные предположения. Одни из них (А. А. Шахматов, А. А. Васильев, Дж. Бери и другие) полагали, что Русский каганат находился в Новгородской земле и его создателями были норманны-русы¹³⁸. Главным городом его исследователи обычно считали Новгород. А. А. Шахматов связывал каганат русов с островом Рус арабских источников и локализовал его в Старой Руссе, бывшей в то время, по его представлениям, поселением — колонией скандинавов. Разбойничье-купеческой организацией норманнов и было образовано государство — Русский каганат.

Это полугосударственное образование IX в. во главе с русами-норманнами помещал несколько неопределенно где-то на севере или северо-востоке Восточно-Европейской равнины и А. Стендер-Петерсен¹³⁹.

---

¹³⁵ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах... С. 397.

¹³⁶ Там же. С. 406.

¹³⁷ Annales de Saint-Bertin. Paris, 1964. P. 30—31.

¹³⁸ Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 54—56; Vasilev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936. P. 109—110.

Согласно построениям А. А. Шахматова, русы, нуждаясь в зерне, захватили Днепр и около 840 г. основали в Киеве Древнерусское государство.

¹³⁹ Stender-Petersen A. Der älteste russische Staat // Historische Zeitschrift. Bd. 191. München, 1960. S. 14—17.

Подобная точка зрения недавно изложена К. Цукерманом. Основным аргументом в его построениях является то, что русы — это скандинавы. А если это так, то Русский каганат 30-х гг. IX в. мог находиться только в Новгородской земле, поскольку скандинавов в это время еще не было в Среднеднепровских землях. Каганат русов, утверждает этот исследователь, сложился в условиях экспансии скандинавов-русов в Ильменский регион, и они стали контролировать торговлю между Северной Европой и странами Востока. Основным центром Русского каганата, по мнению К. Цукермана, были Новгородское (Рюриково) городище, другими исследователями он локализуется в Поволховье — Ладоге или Холопьем городище¹⁴⁰.

Согласно П. П. Смирнову, каганат русов следует помещать в Волго-Окском междуречье. Этноним русь этот историк связывал с Волгой, которая в трудах Птолемея известна как река Ра, а в рассматриваемое время была торговой магистралью, связывавшей Северную Европу с Арабским Востоком. П. П. Смирнов считал Русский каганат тождественным Волжскому каганату¹⁴¹.

Современные археологические материалы говорят о невероятности таких построений. Новгород Великий, как свидетельствуют его раскопки, был основан только в первой половине X в., Новгородское (Рюриково) городище, как довольно надежно свидетельствуют его многолетние археологические исследования, в первой половине IX в. еще не функционировало, Старой Руссы в те столетия еще явно не существовало. Во время Русского каганата не функционировал и Волжский торговый путь. Первые контакты Северной Европы со странами Востока в IX столетии, как показывает нумизматический материал, осуществлялись по рекам Донского бассейна.

На основании современных археологических материалов должна быть отвергнута и мысль о нахождении Русского каганата первой половины IX в. в регионе верхней Волги. Недавно О. Прицак локализовал его на Волге в регионе Ростова — Ярославля и утверждал, что это политическое образование будто бы контролировало торговый путь от Балтики по Оке к Северскому Донцу и далее к Черному морю. Это была территория финской мери, которая платила дань осевшим здесь завоевателям русам-нор-

---

¹⁴⁰ Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien Etat russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000. P. 95—120.

¹⁴¹ Смирнов П. П. Волзькїї шлях і стародавні руси (наріси о русской исторії VII—IX ст.). Київ, 1928. С. 7—9, 120—130.

маннам¹⁴². Археологическими данными подобные догадки никак не оправданы. Это было отмечено комментатором русского издания книги Н. Голба и О. Прицака.

Еще около 50 лет назад Г. В. Вернадский, отвергая мысль исследователей, связывавших каганат русов с севером Восточной Европы, указывал на два обстоятельства, препятствующих этому: 1) невозможность руководства активными торговыми и военными операциями русов в Причерноморье и Прикаспии, а тем более на Среднем Востоке; 2) титул правителя государства русов явно был позаимствован у хазар, и, следовательно, они должны были быть соседями. Этот историк полагал, что Русский каганат первой половины IX в. находился в Приазовье и его основателями были русы — потомки местного аланского населения и скандинавы, будто бы появившиеся в этом регионе уже в середине VIII в.¹⁴³

А. П. Новосельцев полагал, что каганат русов первоначально возник в северной части восточнославянской территории, в том регионе, где властвовали варяги-скандинавы. Позднее сфера его влияния распространилась на юг до Среднего Поднепровья¹⁴⁴. Г. С. Лебедев высказал догадку, не пытаясь как-то ее аргументировать, о том, что территория Русского каганата простиралась от Балтики до Среднего Поднепровья и его столицей был Киев¹⁴⁵.

Большинство же исследователей локализовало каганат русов в Среднем Поднепровье и рассматривало это племя как славянское. Для обоснования привлекались названия среднеднепровских рек, созвучных с этим этнонимом, — Рось, Росава и др., предполагалась связь русов с проживавшими ранее в этих землях роксаланами и росомонами. Ныне такие догадки имеют чисто историографический интерес. Б. А. Рыбаков для локализации русов в Среднем Поднепровье пытался привлечь археологические материалы, правда, более раннего времени (VI—VII вв.). Им утверждалась мысль о сложении летописной Русской земли в узком значе-

---

¹⁴² Pritsak O. The Origin of Rus. Vol. 1. Cambridge, 1981. P. 181; Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997. С. 90. См. также комментарии к последней книге на с. 214.

¹⁴³ Vernadski G. Ancient Russia. New Haven, 1943. P. 304; Вернадский Г. В. История России. Древняя Русь. Тверь; М., 1996. С. 287—293.

¹⁴⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 402—407; Он же. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 207—208.

¹⁴⁵ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 237—238.

нии на основе территории племени русов¹⁴⁶. Среднеднепровское положение Русского каганата предполагали в своих исследованиях В. Т. Пашуто, А. Н. Сахаров, Г. Ловмянский, И. П. Шаскольский и некоторые другие исследователи¹⁴⁷. Где-то в Среднем Поднепровье на пограничных землях с Хазарией помещал русов и М. И. Артамонов. Однако он отрицал их славянскую принадлежность, полагая, что это было местное до-славянское племя¹⁴⁸.

Рассмотренные выше археологические материалы позволяют достаточно определенно утверждать, что создателями Русского каганата первой половины IX в. были русы — носители волынцевских древностей и эволюционировавших на их основе роменской, боршевской и окской культур.

Титул кагана (тюрк. хахан) был, несомненно, позаимствован русами у своих соседей хазар. В среде кочевых племен и в государственных образованиях с оседло-кочевым населением, каковым была Хазария, этот титул означал правителя весьма высокого ранга и, как показал А. П. Новосельцев, приравнивался к европейскому титулу императора. Этот титул был унаследован великими князьями Киевской Руси. В «Слове о законе и благодати», написанном в 30—40-е гг. XI в. священником церкви в Берестове Иларионом (позднее — митрополит), киевский князь Владимир Святославич — креститель Руси — назван «великим каганом нашей земли»¹⁴⁹. Этот титул государя в древнерусском обществе был вытеснен термином князь, который, как утверждает исследователь летописной лексики А. С. Львов, был устным заимствованием из моравско-паннонских диалектов славян Подунавья¹⁵⁰. Как показано ниже, значительные массы славян из Дунайского региона действительно расселились на Восточно-Европейской равнине после краха Великоморавской державы и могли занести в восточнославянскую лексику этот и другие термины.

Титул каган, который получил глава политического образования русов, указывает на становление в их земле ранней государственности.

---

¹⁴⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 68—90, 284—295.

¹⁴⁷ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980. С. 22—46; Ловмянский Г. Русь и норманны... С. 194—197; Шаскольский И. П. Известия Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 43—54.

¹⁴⁸ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 365—384.

¹⁴⁹ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159.

¹⁵⁰ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 198—200.

Строительство Саркелской крепости и возведение каменных фортификаций с помощью византийских мастеров на пограничье Хазарского государства с Русским каганатом (рис. 58) свидетельствуют о возрастающей роли последнего, вступившего в соперничество с мощной Хазарией.

Исторические данные не дают ответа на вопрос о времени оформления государства русов. Г. В. Вернадский, локализуя Русский каганат в Азовском регионе, датировал это событие временем около 825 г., когда Хазарское государство испытывало некоторые затруднения в связи с военной активизацией Арабского халифата¹⁵¹. Нумизматические находки, о которых речь пойдет ниже, допускают более раннее становление каганата русов, в начале IX в.

Каменные крепости, выстроенные на северо-западных рубежах Хазарского государства, создали неблагоприятную ситуацию для русов. Эти фортификации могли быть использованы Хазарией не только для сдерживания экспансии Русского каганата в южном направлении, но и для грабительско-захватнических вылазок в глубь территории русов. Эта ситуация, нужно полагать, вынудила правителей Русского каганата отправить в 838 г. (вскоре после возведения крепостей на хазарско-славянских рубежах или, может быть, когда оно не было еще завершено) посольскую миссию в Византию. В собственно византийских источниках информации об этом нет. Однако об этом свидетельствуют «Бертинские анналы». В них, как уже говорилось, сообщается, что в 839 г. в столицу Франкского государства Ингельгейм к императору Людовику Благочестивому из Византии прибыло посольство, к которому были присоединены лица, утверждавшие, что их в Константинополь послал правитель русов — каган с целью установления дружбы.

Эта миссия Русского каганата в Константинополь, видимо, не была успешной. В то время шла война Византии с арабами. В 837—838 гг. византийские войска потерпели ряд поражений в Малой Азии, возникла угроза арабского похода на столицу Империи. В такой ситуации Византия была заинтересована в хороших отношениях с Хазарским государством, установившихся в результате экспедиции Петроны Каматира, и, естественно, не могла налаживать дружеские отношения с его врагом — русами. Нужно полагать, что посланники кагана русов были встречены в Константинополе прохладно, и им пришлось возвращаться ни с чем.

Невозможно сказать, каков был состав посольства Русского каганата 838 г. Если среди миссии были славяне-русы, то они вернулись в Днеп-

---

¹⁵¹ Вернадский Г. В. История России... С. 298—299.

ровско-Донские земли и доложили кагану о результатах поездки в Константинополь. Но были в составе этого посольства и скандинавы. Византийский император Феофил в письме Людовику Благочестивому просил предоставить послам кагана русов возможность вернуться на родину, так как земли, которыми они следовали в Византию, оказались занятыми «дикими и бесчеловечными племенами». Во Франкском государстве, очевидно, знали о Русском каганате. Послы кагана русов были допрошены, и установлено, что они не были русами, а принадлежат к «народу свеонов». Император, воевавший с норманнами, по-видимому, заподозрил послов в шпионаже и задержал до выяснения истинных целей прибытия в Ингельгейм. Если при расследовании послы окажутся невиновными, писал Людовик в ответном послании Феофилу, то он отпустит их или вернет обратно в Византию. О дальнейшей судьбе этих послов кагана русов источник не сообщает. Из информации «Бертинских анналов» очевидно, что Людовик не видел никакой связи между народом русы, Русским каганатом и Скандинавией, куда направлялись задержанные послы. Нет ничего удивительного в том, что послы Русского каганата назвались русами. Позднее, как свидетельствуют русские летописи, варяги-скандинавы нередко представлялись от имени Киевской Руси, объявляя: «Мы от рода Рускаго послы...» Присутствие скандинавов в Русском каганате первой половины IX в. археологически не документируется. Сообщение «Бертинских анналов» — первое свидетельство привлечения норманнов на службу кагану русов. Направленные в Византию в составе посольства кагана, они в силу каких-то обстоятельств, может быть боясь гнева властителя русов, решили не возвращаться в Днепровско-Донской регион.

Направление посольства в 838 г. к византийскому императору — безусловное свидетельство оформления государственности в славянской среде Днепровско-Донского региона. Нельзя не согласиться с Г. Г. Литавриным, оценивающим эту миссию как начало непосредственных контактов Руси с Константинополем, как попытку установить дипломатические отношения Руси с Византией¹⁵².

Вслед за безуспешной попыткой установить контакты с Византией последовала военная акция Русского каганата. Об этом рассказывает «Житие святого Георгия Амастридского». Русы направили свои боевые флотилии на малоазийское побережье Черного моря. Начав с Препонтиды, они разорили ряд византийских городов. Основным объектом нападения

---

¹⁵² Литаврин Г. Г. Византия и Русь в IX—X вв. // История Византии. Т. II. М., 1967. С. 228.

русов стала Амастрида — главный город Пафлагонии. Из этого города происходили строители Саркела и хазарских крепостей на пограничье с Русским каганатом. Эта акция, по-видимому, была своеобразным ответом-мстью за возведение преграды в торговых сношениях руси со странами Востока.

В заключительной части «Жития» рассказывается о чуде, случившемся в Амастриде, в храме у гробницы Георгия Амастридского. «Враги избивали всех подряд, не жалея ни старцев, ни младенцев. Храмы разрушались, святыни осквернялись, а на их месте совершались незаконные жертвоприношения и то древнее таврическое избиение иноземцев, возобновленное ими,— резня дев, мужей и жен». Вступив в храм, росы решили раскопать гробницу, полагая найти там богатства, но внезапно потеряли способность двигаться. «Их игемон расспросил „одного из уведенных в рабство“, какая тайная сила была способна совершить подобное. Тот поведал о могуществе истинного Бога Добра, которому подвластно все и который одобряет лишь благие деяния, в отличие от ложных богов, которым поклоняются и приносят жертвы варвары. Они оскорбили своими руками гроб святого и должны теперь, чтобы избавиться от Божьего гнева, умиловить Бога с помощью христиан, а именно — освободить пленных, оказать почтение церквам и позволить совершить службу. Игемон росов выполнил все, и они обрели подвижность. „И происходит некое их примирение и соглашение с христианами“». Варвары прекратили бесчинства. Росы, поклоняющиеся рощам, лугам, источникам и деревьям, проявили почтение к божественным храмам¹⁵³.

«Житие святого Георгия Амастридского», дошедшее до нас в греческой рукописи X в., было обстоятельно исследовано В. Г. Васильевским, установившим, что оригинал был создан в IX в.¹⁵⁴ Отсутствие в «Житии», отмечал исследователь, упоминания икон указывает на то, что его создание относится к «иконоборческому периоду», который завершился со смертью императора-«иконоборца» Феофила в 842 г. Согласно В. Г. Васильевскому, «Житие» написано автором известных церковных произведений той поры — Игнатием (митрополит в Никее с 830 г.). Время похода русов на Амастриду историк определял до 842 г. Имя руси в то время,

---

¹⁵³ Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Летопись занятий Археографической комиссии. Т. 9. СПб., 1893. С. 1-СССУ; Переиздано в кн.: Васильевский В. Г. Труды. Т. 3. Пг., 1915. С. 64—68.

¹⁵⁴ Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования... С. 1—76, III—CXLI.

утверждал он, было не только известным, но и широко распространенным в Причерноморском регионе.

Выводы В. Г. Васильевского были поддержаны многими исследователями, в том числе Ф. И. Успенским, Е. Е. Голубинским, В. А. Пархоменко, Г. Ловмянским, Г. В. Вернадским (определяет время похода русов на Амастриду 840 г.) и другими. И. Шевченко основательно исследовал «Житие» с точки зрения текстологии, лексики, стиля и литературной традиции и подтвердил правоту выводов В. Г. Васильевского¹⁵⁵. Вместе с тем эта концепция вызвала длительную дискуссию, выдвинуты были доводы против заключения В. Г. Васильевского. Все они недавно были основательно проанализированы Г. Г. Литавриным, который, подводя итоги дискуссии, заключил: «Итак, система доказательств достоверности показаний ЖГА (Жития Георгия Амастридского), разработанная Васильевским с исторической точки зрения и Шевченко — с текстологической, остается на сегодняшний день, на мой взгляд, непоколебленной»¹⁵⁶.

Г. Г. Литаврин подтверждает и выводы В. Г. Васильевского о реальности описанного в «Житии Стефана Сурожского» нападения русов в начале IX в. на города южного побережья Крыма «от Корсуня до Корча» (от Херсона до Керчи), завершившегося на десятый день штурмом Сурожя¹⁵⁷. В «Житии» рассказывается, что при попытке русской рати, пришедшей из Новгорода, осквернить могилу Стефана Сурожского в храме Святой Софии (это произошло через небольшое число лет после смерти святого, умершего около 787 г.) предводителя ее Бравлина поразила припадок. Повинуясь повелению старца, напавшего на него, князь русов распорядился вернуть награбленное, освободить плененных мужчин, женщин и детей и крестился вместе со своими боярами. Когда все это было выполнено, здоровье вернулось к князю, и он с войском покинул Крым. Это описание содержится в поздней славянской версии греческого странного жития Стефана Сурожского. При переработке версия обросла дополнениями — появился Новгород, откуда будто бы вышло войско русов, имя князя, вероятно, было искажено — в остальном, как полагают В. Г. Васильевский и Г. Г. Литаврин, автор славянской рукописи рабски следовал оригиналу.

---

¹⁵⁵ *Ševčenko I.* Hagiology of the Iconoclast Period // *Iconoclasm*. Birmingham, 1977. P. 113—131.

¹⁵⁶ *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 24—32, цитата — С. 28.

¹⁵⁷ Там же. С. 32—35.

В 860 г. русы совершают нападение на Константинополь. В это время Византийская империя находилась в затруднительном положении. Годом раньше ее войска в сражениях с Арабским халифатом потерпели сокрушительное поражение. Едва избежав пленения, император Михаил III в спешном порядке провел подготовку к новой кампании и в начале 860 г. повел войска против арабов. Непокойной была ситуация и внутри Византии. Обострилась борьба с павликианами, которые, обосновавшись в западной части Армении, поддерживали военные действия арабов. Этим и воспользовались русы, которые ранним утром 18 июня появились у стен византийской столицы. Несомненно, русы были информированы о ситуации в Византии, М. Д. Приселков даже высказал догадку о возможной договоренности их с арабами о синхронности боевых действий.

Подойдя к Константинополю со стороны моря на 200 судах, русы высадились и стали грабить окрестные монастыри и дворцы. Не исключено, что если бы они решились штурмовать город, то могли бы взять его. Однако 25 июня русы сняли осаду Константинополя, и их флотилии направились в обратный путь.

Это нападение русов на Константинополь стало масштабным событием в византийской истории. Оно оставило заметный след среди современников, было зафиксировано видными деятелями Империи, да и позднее к нему не раз обращались византийские историки X—XII вв.

Сведения о нападении русов в 860 г. на Константинополь содержатся прежде всего в двух проповедях патриарха Фотия, непосредственного участника этого события¹⁵⁸. В первой, обращенной к константинопольцам, произнесенной в храме Богородицы во Влахернах во время осады города (по мнению Л. Мюллера, в воскресенье 23 июня), подчеркивается неожиданность появления русов, полная неподготовленность византийцев к отражению набега. Фотий утверждал мысль, что нападение варваров и грозящая гибель городу — кара Господняя за грехи ромеев. Вторая проповедь была произнесена Фотием вскоре после отхода русов от столицы Империи. «Когда море тихо и безмятежно расстилалось,— говорил он,— ... мы увидели врагов наших удаляющимися...» «Ушли те, для которых некогда одна молва о ромеях казалась грозой», народ, «насколько ранее невиданный, незнатный и по имени вплоть до нападения на нас незнаемый, настолько он нам глыбу позора и поношений припечатал... незнаемый, но от нападения на нас обретший имя и, незнатный, знатным ока-

---

¹⁵⁸ Mango C. The Homilies of Photius. Patriarcat de Constantinopole. Cambridge, 1958. P. 9.

завшийся, низкий и бедствующий, но поднявшийся на блестящую высоту и к великому богатству, народ, где-то далеко от нас поселившийся, варварский, бродячий, дерзость обретающий в оружии, неохранный, необузданный, в стратегии несведущий...»¹⁵⁹

О нападении русов на Константинополь сообщает также Никита Пафлагонский в «Житии святого Игнатия-патриарха», написанном вскоре после смерти Игнатия в 877 г. Он упоминает еще о том, что тогда же русы совершили нападение на Принцевы острова, находящиеся в 100 км от византийской столицы¹⁶⁰. Осенью 860 г. для участия в соборе по делу Игнатия в Константинополь, только что переживший набег русов, римским папой Николаем I были направлены легаты, от которых Риму стало известно об июньских событиях. В письме папы императору Михаилу III, датированном 28 сентября 865 г., содержится упрек за то, что враги, дойдя до стен Константинополя, натворили множество бед, погубили немало людей, сожгли церкви и ушли неотомщенными¹⁶¹.

Сведения о нападении русов на византийскую столицу в 860 г. имеются в хрониках Миеона Логофета и в «Продолжателе Феофана». В последней сообщается, что русы (из контекста вытекает — до 860 г.) опустошили византийские земли, предали огню Евксинский Понт и теперь окружили столичный город. Событие 860 г. отражено также в византийских произведениях XI—XII вв. — Льва Грамматика, Михаила Глики, Иоанна Зонары и Иоанна Скилицы.

Рассказ о нашествии русов на Константинополь, основанный на хронике «Продолжателя Амартола», имеется и в Повести временных лет (под 852 г., но очевидно, что первые даты в русских летописях недостоверны)¹⁶². Сообщается, что византийский император, оповещенный о нападении русов, вернулся в осажденный город и принял участие в церковных процессиях с покровами Богородицы. Произошло чудо, обусловленное погружением в море полы покровы, — разразился шторм, потопивший суда флотилии русов. О последнем не упоминает Фотий, более того, он говорит, что при отступлении русов море было тихим и безмятежным. Буря — несомненно развитие идеи чудодейственного вмешательства Бо-

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ *Nicetae Paphlagonis. S. P. N. Ignatii archiepiscopi constantinopolitani vita sive certamen // Patrologiae cursus completus. Series graeca. Vol. 105. Paris, 1863. P. 515.*

¹⁶¹ *Monumenta Germaniae Historica. Epistolarum series. Vol. VI. Berlin, 1925. P. 479—480.*

¹⁶² Повесть временных лет... С. 17.

городицы. Повесть временных лет говорит об участии в походе русов Аскольда и Дира, что многими исследователями отрицается¹⁶³.

Новейший анализ источников и обширной литературы о нападении русов на Константинополь в 860 г. выполнен Г. Г. Литавриным¹⁶⁴. Можно согласиться с его выводами относительно целей похода русов. Исследователь пишет, что русы «испытывали настоятельную необходимость отстоять свое место в системе государств, причем наиболее крупных и сильных, обозначить свои границы и свои интересы, предъявить свои претензии на международной арене. Все это в условиях того времени можно было сделать, только продемонстрировав свой воинский потенциал. Чтобы заставить считаться с собой, надо было первому нанести удар и обнаружить готовность его повторить. Иначе не было никаких надежд на то, что такие державы, как Византия, вступят с новым политическим образованием в дипломатические (включая торговые) отношения»¹⁶⁵. Касааясь вопроса о снятии осады византийской столицы и уходе русов, Г. Г. Литаврин, указывая на заявление Фотия об обретении русами огромных богатств, полагает, как, впрочем, и другие исследователи, что русы получили богатый выкуп от императора и захватили огромную добычу в окрестностях Константинополя.

Не исключено, что были и какие-то дипломатические договоренности. Г. Г. Литаврин допускает, что руководители похода 860 г. знали, что послы правителей русов в 838/839 г. добились каких-то уступок от императора Феофила, и теперь русы пытались возобновить их. В Окружном послании Фотия восточным архиереям 867 г. сообщается, что «народ Рос, который, поработив народы вокруг себя и поэтому вообразив чрезмерное, и на ромейскую державу руку поднял. Но вообще теперь и они сменили на чистое и непорочное исповедание христиан эллинскую и безбожную веру... они и епископа и пастыря приняли и совершают с большим тщанием и

---

¹⁶³ В Повести временных лет Аскольд и Дир — дружинники Рюрика, вышедшие из Новгорода в Византию и задержавшиеся в Киеве и княжившие в земле полян. А. А. Шахматов показал, что летописная версия о варяжском происхождении их неверна.

В научной литературе относительно Аскольда и Дира высказано множество догадок. Некоторые продолжают считать их варягами, другие — славянами. По мнению Б. А. Рыбакова, это были потомки Кия, основателя Киева (*Рыбаков Б. А. Киевская Русь...* С. 305—309). Некоторые исследователи считают известие об участии русов в походе 860 г. маловероятным.

¹⁶⁴ *Литаврин Г. Г. Византия, Болгария...* С. 47—60.

¹⁶⁵ Там же. С. 56.

заботой обряды христианские»¹⁶⁶. В принятии верхушкой русов христианской религии, по-видимому, нужно видеть упорядочение общения с Византией, установление дипломатических и торговых контактов.

Поход русов 860 г. на Константинополь мог быть подготовлен только в Русском каганате Днепровско-Донского региона. Высказываемые иногда в литературе догадки о том, что нападение на византийскую столицу было осуществлено норманнами из Скандинавии, должны быть отвергнуты и по историческим¹⁶⁷, и по археологическим соображениям. Если византийские историки X в., в том числе и Константин Багрянородный, называли норманнов Восточной Европы русами, то это никак не может быть поводом для утверждения, что восточноевропейские русы первой половины и середины IX в. были скандинавами. Археологические материалы отчетливо показывают, что до последних десятилетий IX в. скандинавы не могли играть заметной роли в южнорусских землях. Скандинавские древности первой половины и середины IX в. встречены только на двух поселениях северной части Восточно-Европейской равнины — Старой Ладоге и Сарском городище под Ростовом Ярославским. Ситуация коренным образом изменилась в X в. Норманны широко распространились на восточнославянской территории — скандинавские находки в количестве около 1000 обнаружены в более чем 60 пунктах. Варяги стали играть активные роли в военных, административных, дипломатических и торговых делах Древней Руси, такие же, какие ранее принадлежали русам. Русский каганат к последним десятилетиям IX в. сошел со сцены. В Византии варяги в X в. представлялись русами, а этот этноним еще не упрочился во всем восточнославянском мире, славяне Восточно-Европейской равнины называли себя славянами, кривичами, вятичами и иными племенными именами. В такой ситуации в Византии в X в. и могло сложиться представление о русах как о жителях Киевской Руси, с одной стороны, и как о выходцах из Скандинавии — с другой.

Нападение русов на Константинополь в 860 г. было неординарным событием как в византийской, так и в русской истории. Оно оповестило мир, что на исторической арене появилось новое крупное военно-политическое образование. В Повести временных лет в этой связи записано: «Наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семъ бо уведехомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в летописаньи гречьстемъ»¹⁶⁸.

¹⁶⁶ Photios Patriarchos Constantinopolitanos. Epistolae. Hildensheim; New York, 1978. P. 178.

¹⁶⁷ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария... С. 58.

¹⁶⁸ Повесть временных лет... С. 17.

Каганат русов в середине IX в. был известным раннегосударственным образованием. В 40—50 гг. IX в., как свидетельствуют источники, Арабский халифат усилил репрессии в Закавказье. После гибели арабского наместника в борьбе с армянами халиф распорядился сформировать крупное войско во главе с полководцем Бугой Старшим. Последний сначала учинил резню среди армян, а затем захватил Тбилиси, убил эмира, разорил окрестности города и горцев Грузии. Далее Буга Старший разбил войско абхазского царя Феодосия и обрушился на ценар (санарийцев), проживавших в землях, прилегающих к Дарьяльскому ущелью. Санарийцы упорно защищались, но силы были неравными, и они, как сообщает «Книга стран», написанная в 853—854 гг. арабским историком и географом ал-Йа'куби, обратились за помощью к трем известным властителям того времени, которые могли бы оказать им военную поддержку против халифа. Этими властителями были «сахиб ар-Рум» (то есть император Византии), «сахиб ар-Хазар» (каган Хазарии) и «сахиб ас-Сакалиба» (государь славян)¹⁶⁹. Властителем славян в то время мог быть только глава Русского каганата, поскольку в Восточной Европе другого мощного политического образования славян тогда не было¹⁷⁰.

Территория Русского каганата, по всей вероятности, в общих чертах соответствовала области расселения русов как она очерчивается по данным археологии. На западе она почти целиком охватывала бассейн Десны и сравнительно небольшую часть правобережья Днепра (округи Киева и Канева). Южные пределы раннегосударственного образования русов составляли земли верхних течений Сулы, Псла и Ворсклы, на юго-востоке граница проходила по рекам Северский Донец и Тихая Сосна. В состав каганата на востоке входили области воронежского и верхнего тече-

¹⁶⁹ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 192.

¹⁷⁰ Догадка о том, что владыкой славян, названным ал-Йа'куби, был киевский князь, была высказана еще И. Марквартом (*Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts. Leipzig, 1903. S. 200*). Впрочем, ниже исследователь высказывает сомнение в том, что Киев в середине IX в. мог создать сильное государство. В научной литературе есть и предположения, что Йа'куби имел в виду владыку волжских болгар или дунайской Болгарии, которые оказались несостоятельными. Более близок к истине был Т. Левицкий, который связывал славянскую державу ал-Йа'куби с регионом вятичей и северян (*Lewicki T. Świat słowiański w oczach pisarzy arabskich // Slavia Antiqua. T. II. Poznań, 1949/1950. S. 349*). Согласно Г. Ловмянскому, значительным политическим центром в середине IX в. был Киев, и его правитель и назван владыкой славян в упомянутом арабском сочинении (*Ловмянский Х. Русь и норманны... С. 149—152*).

ния Дона, а на севере — Верхнее Поочье и правобережные районы рязанского течения Оки.

На территории руси активно развивались ремесла, прежде всего железоделательное и железообрабатывающее производства, о чем свидетельствуют находки на поселениях железных орудий труда, предметов вооружения и быта, шлаков, остатков горнов и сопел. Технологическое изучение продукции кузнецов роменской культуры указывает на поступательное развитие железообработки. Около половины исследованных изделий было отковано из кричного железа и мягкой сырцово-й стали. Другая часть их выполнена с применением средне- и высокоуглеродной стали (цельноштампованные предметы или сваренные из железа и стали и затем термообработанные). Встречены и инструменты с наварными стальными рабочими частями.

Следы обработки цветных металлов наиболее изучены на Новотроицком городище, а орудия этого ремесла (ляжки, тигли и литейные формочки) обнаружены на многих поселениях. В боршевской культуре, кроме того, было развито костерезное ремесло.

Однако основой экономики населения Русского каганата оставалось пашенное земледелие. Использовались не только легкие почвы приречных участков, но и тяжелые плодородные черноземы на плато. При раскопках поселений найдены железные наральники двух типов — широколопастные и иного вида, которые обычно использовались на старопахотных землях. Мотыгами и мотыжками возделывались приусадебные участки. Железные серпы имели совершенную форму, приближаясь к орудиям уборки урожая времени расцвета Древней Руси. Сроки пребывания участков земли под перелогом постепенно сокращались, что приводило к двуполью. На последнее указывают находки на памятниках роменской и боршевской культур разнообразных сортов пшеницы, ржи, проса, ячменя и овса, а также наличие среди зерновых злаков озимых сорняков¹⁷¹. Засвидетельствовано еще выращивание гороха, бобов, репы, а также льна и конопли. На многих исследованных поселениях открыто большое число зерновых ям, выявлены также хозяйственные сооружения, состоящие из зерновых ям и ручных мельниц.

Земледелие дополнялось животноводством. Анализ остеологических материалов показывает, что первое место в составе стада домашних животных принадлежало крупному рогатому скоту, затем свинье и мелкому рогатому скоту.

---

¹⁷¹ Сухобоков О. В. Славяне Днепровского левобережья. Киев, 1975. С. 87—107.

Немаловажную роль играли и промыслы. От охотничьего снаряжения на поселениях сохранились многочисленные наконечники стрел и дротиков. Неоднократно встречены также железные рыболовные крючки, остроги, пешни, глиняные грузила. Если на поселениях южных районов территории Русского каганата в остеологических материалах доминируют кости домашних животных, то на многих поселениях лесных регионов значительный процент составляют кости диких животных. Так, на памятниках боршевской культуры на долю костей диких животных приходится до 50%, а на отдельных поселениях эта доля превышает 60%¹⁷². Это явный показатель большого значения охоты на лесных зверей. При этом следует иметь в виду, что на поселениях сосредотачиваются в основном костные остатки мясных животных, используемых населением в пищу (заяц, кабан, лось, косуля, благородный олень и др.), а следы охоты на пушных зверей остаются не документированными, поскольку шкурки с этих животных снимались охотниками, как правило, вне поселений. На поселениях боршевской культуры встречены только кости бобра, лисицы и выдры.

Восточные авторы достаточно определенно свидетельствуют, что основным товаром, вывозившимся из земли русов и славян, была пушнина. Большое число серебряных изделий и монет, найденных на рассматриваемой территории, как отмечал И. И. Ляпушкин, получено преимущественно за пушнину¹⁷³. Находки костей верблюда в роменском ареале говорят о торговых караванах, приходивших сюда из далеких земель Востока.

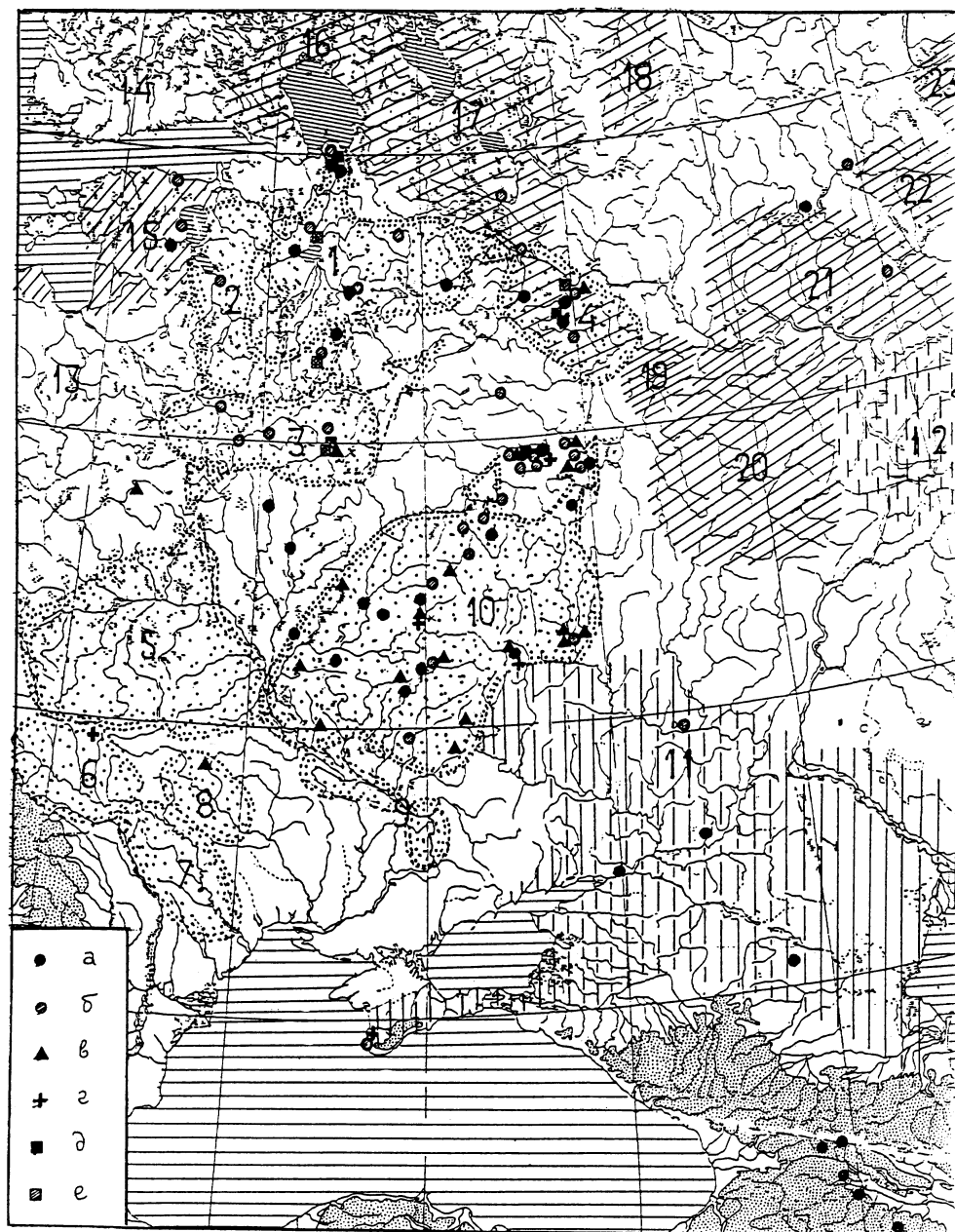
Особого внимания заслуживают нумизматические находки IX столетия (рис. 59). Их картография показывает, что абсолютное большинство кладов куфических монет начального периода их обращения¹⁷⁴ в южной половине Восточной Европы приходится на земли Русского каганата. Подобных кладов вовсе нет в обширном славянском ареале к западу от Днепра. На территории Хазарского государства они единичны, и говорить о денежном обращении здесь не приходится.

---

¹⁷² Цалкин В. И. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ // СА. 1969. № 4. С. 91—101; Журавлев О. П. Животноводство у славянского населения восточноевропейской лесостепи во второй половине I тысячелетия нашей эры // Вопросы истории славян. Археология и этнография. Сборник научных трудов. Вып. 12. Воронеж, 1998. С. 34—43.

¹⁷³ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // МИА. № 74. Л., 1958. С. 216.

¹⁷⁴ Янин В. А. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 79—117.

Аналогичная картина наблюдается и при картографировании монетных кладов второй половины IX в.

← **Рис. 59. Распространение кладов арабских монет первого и второго периодов их обращения в Восточной Европе**

1—10 — регионы славянских племенных образований: **1** — словен ильменских; **2** — кривичей псковских; **3** — кривичей смоленско-полоцких; **4** — мери; **5** — дулебской группы (волыняне, древляне, поляне, дреговичи); **6** — хорватов; **7** — тиверцев; **8** — бужан; **9** — уличей; **10** — русов — носителей волынцевской и эволюционировавших на их основе культур; **11** — территория салтово-маяцкой культуры (Хазарского каганата); **12** — область волжских болгар; **13** — летто-литовских племен; **14—23** — регионы финно-угорских племен: **14** — суми и еми; **15** — эстов и ливов; **16** — корелы; **17** — веси; **18** — заволочской чуди; **19** — муромы; **20** — мордвы; **21** — мари; **22** — удмуртов; **23** — коми-пермяков.

а — клады арабских монет первого периода (до 830 г.) их обращения (по В. Л. Янину); **б** — клады арабских монет 830—890-х гг. (по В. Л. Янину, с дополнениями); **в** — находки подражаний арабским дирхемам; **г** — клады византийских монет IX в.; **д** — памятники первой половины IX в. с находками скандинавских вещей; **е** — памятники второй половины IX в. со скандинавскими элементами.

В Днепровско-Донском регионе сконцентрированы и находки отдельных куфических монет первого периода их обращения в Восточной Европе. Они зафиксированы на городищах Донецком, Дуна, Новотроицком, Федяшево, на памятниках с напластованиями роменской и боршевской культур в Басовке, Великой Чугуевке, Городище, Гнездилове, Змееве, Карачевке, Купянске, Райгородке, Урыве, Федянино, а также в одном пункте на славяно-хазарском пограничье — на поселении салтово-маяцкой культуры в Верхнем Салтове¹⁷⁵.

Все это дает основание утверждать, что ведущая роль в распространении восточной монеты на юге Восточно-Европейской равнины и, следовательно, в торговых операциях со странами Востока принадлежала до последних десятилетий IX в. Русскому каганату, а отнюдь не Хазарии. Через территорию последней проходили караванные пути, связывавшие Русь с Востоком, хазарская администрация взимала за транзит пошлинные сборы, о чем и свидетельствуют восточные авторы.

Как известно, в кладах дирхемов первой трети IX в. преобладают монеты, чеканенные в африканских центрах Арабского халифата, которые поступали в Восточную Европу караванными путями через Кавказ. Днеп-

¹⁷⁵ Монгайт А. Л. Рязанская земля... С. 91—93; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологический очерк. Л., 1968. С. 59—82; Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971. С. 41.

ровская и Волжская водные магистрали в то время еще не функционировали. Согласно изысканиям В. Л. Янина, древнерусская денежно-весовая система складывалась на основе африканских дирхемов (они чеканились по норме около 2,73 грамма) — в гривне IX—X вв., имевшей вес 68,22 грамма, содержится 25 таких монет, а эта гривна в то время была равна 25 кунам. Это позволило исследователю утверждать, что становление древнейшей русской денежно-весовой системы восходит к IX в., поскольку позднее в Восточной Европе хождение получили дирхемы азиатской чеканки, которые весили уже около 2,85 грамма¹⁷⁶. В таком случае зарождение древнерусской денежно-весовой системы следует отнести ко времени Русского каганата, именно на его территории сконцентрирована основная масса находок дирхемов африканской чеканки.

А. В. Назаренко не согласился с В. Л. Яниным, полагая, что в основе денежно-весовой единицы — золотника на Руси лежит арабский динар или византийская номисма (около 4,3 грамма золота). Ее возникновение в IX—X вв. было вызвано, по мнению исследователей, потребностью торговли как с Арабским Востоком, так и с Византией¹⁷⁷. Но и в этом случае роль Русского каганата в IX в. оказывается определяющей. Согласно А. В. Назаренко, структура русского денежного счета IX в., благодаря устойчивости торговых контактов Руси с Баварской «восточной маркой», была заимствована в Баварии уже к рубежу IX—X столетий.

В начале XX в. австрийский нумизмат Цамбауэр в связи с восточноевропейскими находками подражаний арабским дирхемам высказал догадку об их связи с чеканкой монет, будто бы имевшей место в Хазарском государстве. Позднее эту мысль развивал А. А. Быков, полагавший, что в Хазарии в VIII—IX вв. действительно по мере надобности чеканилась своя монета по образцу арабских дирхемов¹⁷⁸. С этим мнением согласился В. В. Кропоткин¹⁷⁹. Осторожно по этому поводу высказался А. П. Новосельцев — вопрос о монетной чеканке в Хазарском государстве пока следует считать открытым¹⁸⁰.

¹⁷⁶ Янин В. Л. Денежно-весовые системы... С. 93—100.

¹⁷⁷ Назаренко А. В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. М., 1996. С. 5—71.

¹⁷⁸ Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. М., 1974. С. 26—71.

¹⁷⁹ Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111—117.

¹⁸⁰ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 117.

Картография находок подражаний куфическим монетам заставляет отказать от таких предположений. Где они изготавливались, определить невозможно, но никак не в Хазарии.

В завершение нумизматического экскурса можно заметить, что находки византийских монет IX в. на юге Восточной Европы (число их, правда, невелико) также связываются с территорией раннегосударственного образования русов. В частности, только здесь встречены монеты императора Михаила III, в царствование которого русами было совершено первое нападение на Константинополь и Византии стала известна Русская земля.

Невозможно достаточно определенно сказать, где находился административный центр Русского каганата. Не исключено, что это раннегосударственное образование не имело такового, подобно тому как не было стольных пунктов в раннем Франкском государстве, где резиденции властителей были разбросаны по всей территории.

Но если в Русском каганате все же был административный центр, то им мог быть только Киев. Древнейшие культурные напластования в этом городе, выявленные на Старокиевской горе, датируются VIII—IX вв. Находки этого времени обнаружены еще на горах Детинке, Киселевке и Щековицы, а также на Подоле¹⁸¹. Непосредственно за рвом Старокиевского городища под позднейшими культурными напластованиями раскопками открыты остатки языческого могильника. Одно из его погребений (120, по нумерации М. К. Каргера) датируется второй четвертью IX в. Среди обнаруженных в нем находок имеются наременные накладки конской сбруи, изготовленные в технике инкрустации серебром по бронзовой основе, умело создающей впечатление сочетания серебра с золотом. По мнению С. С. Ширинского, они были изготовлены в киевской мастерской, которая функционировала со второй четверти IX в.¹⁸²

В IX в. Киев, по всей вероятности, представлял агломерацию крупных поселений торгово-ремесленного характера. Аналогичные поселенческие агломерации были основами становления Праги, Нитравы и некоторых

---

¹⁸¹ Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. По дендрохронологии нижние горизонты культурного слоя Киевского подола датируются 80-ми годами IX в.: Сагайдак М. А. Хронология археологических комплексов древнего Киева // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2. Киев, 1988. С. 136—141.

¹⁸² Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 42—43; Ширинский С. С. Округа древнейших городов Среднего Поднепровья (По материалам курганов IX—X вв. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2. Киев, 1988. С. 319—320.

других городов Среднего Подунавья¹⁸³. Другого крупного центра, подобного Киеву, на территории Русского каганата не было¹⁸⁴.

Можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что военный поход русов 860 г. на Константинополь был организован из региона Киева.

Последний период в истории Русского каганата остается туманным. Поход 860 г., как известно, вызвал усиление дипломатической активности Византийской империи. В Хазарию было направлено греческое посольство¹⁸⁵. Его результаты остаются неизвестными. Русские летописи сообщают, что накануне образования Киевской Руси поляне, северяне и вятичи, то есть племена, составившие племенное образование русов, платили дань хазарам¹⁸⁶. Под 885 годом говорится и о взимании хазарами дани с радимичей¹⁸⁷. Когда были установлены эти даннические отношения, сказать невозможно. Во всяком случае не в период активной деятельности Русского каганата. Встречаемость на некоторых памятниках волынецкой культуры, преимущественно на ее южных окраинах, салтово-маяцкой керамики никак не может быть использована для утверждений о сильном хазарском влиянии и установлении даннических отношений. На территории салтово-маяцкой культуры славянские культурные элементы более существенны, однако это не может быть доводом для построений о взимании русами дани с населения Хазарского каганата.

Не исключено, что славяне, входившие в каганат, в 60—70-х гг. IX в. попали в данническую зависимость от Хазарии. Под натиском последней Русский каганат мог распасться на отдельные племенные части, чем и

---

¹⁸³ *Chropovsky B.* Das frühmittelalterliche Nitrava // Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Bericht über ein Symposium in Reinhausen bei Göttingen. 1973—1974. Teil II. S. 159—176; *Richter M.* Archeologický výskum českých mest // Hospodarske dejiny — Economic History. № 4. Praha, 1979. S. 5—41.

¹⁸⁴ Комплекс памятников севернее Воронежа на правом берегу р. Воронеж, состоящий из трех городищ, девяти открытых поселений и трех могильников, является также крупной агломерацией. Воронежские археологи отождествляют ее с Вантитом, известным по сообщениям арабских авторов (*Пряхин А. Д., Беседин В. И., Разуваев Ю. Д., Цыбин М. В. Вантит*. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 1. Воронеж, 1997). Однако следов зарождающейся городской жизни на этих памятниках не выявлено, а их рассредоточенность на протяжении 11 км пока не дает основания говорить о едином центре.

¹⁸⁵ *Пащито В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 59.

¹⁸⁶ Повесть временных лет... С. 18.

¹⁸⁷ Там же. С. 20.

воспользовалась Хазария. Полями при этом было создано «племенное княжение» с центром в Киеве, где вскоре появились Аскольд и Дир.

В 882 г. Олег, подойдя к Киеву, выдал себя за купца и с помощью этой уловки овладел городом. Очевидно, Киев в это время был уже значительным торговым центром, пребывание иноземных купцов в котором было ординарным явлением. Киевская Русь в последние десятилетия IX в. стала наследницей Русского каганата.

Словенская группа

Эта группа славян в начале средневековья представлена пражско-корчакской культурой (рис. 60). Начало изучения последней было положено работами чешского археолога И. Борковского, хотя памятники этой культуры были выявлены еще в конце XIX в. Исследователь ввел в научный оборот керамику из славянских памятников Придунайских земель, но подчеркивал, что аналогичная глиняная посуда известна также на территории Польши и Германии. Предложив именовать ее пражской, И. Борковский считал, что эта глиняная посуда развивалась автохтонно из керамики культуры погребальных урн римского времени и кельтской¹⁸⁸.

После окончания Второй мировой войны начался период активного накопления археологических материалов. Славянские древности начала средневековья были выявлены и исследованы во многих странах Средней и Восточной Европы. Наиболее характерные формы рассматриваемой керамики дали раскопки поселений в Корчаке на Житомирщине¹⁸⁹. В этой связи принято именовать ее пражско-корчакской.

Этим древностям посвящено множество исследований. Среди них можно назвать итоговые труды, посвященные отдельным регионам пражско-корчакского ареала. Материалы с территории Польши нашли отражение в двух книгах М. Парчевского¹⁹⁰. Работы по изучению и систе-

---

¹⁸⁸ *Borkovský I.* Staroslovanská keramika ve střední Evropě. Studie k počátkům slovanské kultury. Praha, 1940.

¹⁸⁹ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. Вып. Е1—25. М., 1973.

¹⁹⁰ *Parczewski M.* Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1988; *Idem.* Najstarsza faza kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Kraków, 1988.

матизации рассматриваемых древностей Чехии принадлежит Й. Земану¹⁹¹. Д. Бялекова суммировала данные изысканий по Словакии¹⁹². Книга о начале славянской жизни на территории Чехословакии была написана З. Кланицей¹⁹³. В бассейне Эльбы на территории Германии обобщающие труды по памятникам пражско-корчакской культуры принадлежат Й. Геррманну и Г. Брахманну¹⁹⁴. Материалы этих древностей междуречья верхнего Днестра и среднего Днепра систематизировались В. Д. Бараном и И. П. Русановой¹⁹⁵. Попытка целостного обобщения материалов, собранных до 70-х гг. XX в., была сделана И. П. Русановой¹⁹⁶. Однако основная предпосылка исследовательницы, что культура славян в начале средневековья была единой и ее характеризуют исключительно пражско-корчакские древности, была явно ошибочной.

Основу пражско-корчакской керамики составляют высокие горшки с усеченно-коническим туловом, слегка суженным горлом и коротким венчиком (рис. 61). Наибольшее расширение их приходится на верхнюю треть высоты. Большинство сосудов лишено орнаментации, лишь изредка встречаются горшки с косыми насечками по верхнему краю венчика. Вся эта посуда изготавливалась ручным способом без помощи гончарного круга.

Другим культурно-этнографическим маркером рассматриваемой группы славян являются жилища. Доминировали полуземляночные постройки, квадратные или подквадратные в плане размером от 12 до 20 кв. м. Котлованы их опускались в грунт на глубину 0,3—1 м. Конструкции стен

---

¹⁹¹ Zeman J. Najstarši slovanské osídlení Čech // PA. LXVII. Praha, 1979. S. 115—235; Idem. K problematice časně slovanské kultury ve Strřední Evropě // PA. LXX. 1979. S. 113—130.

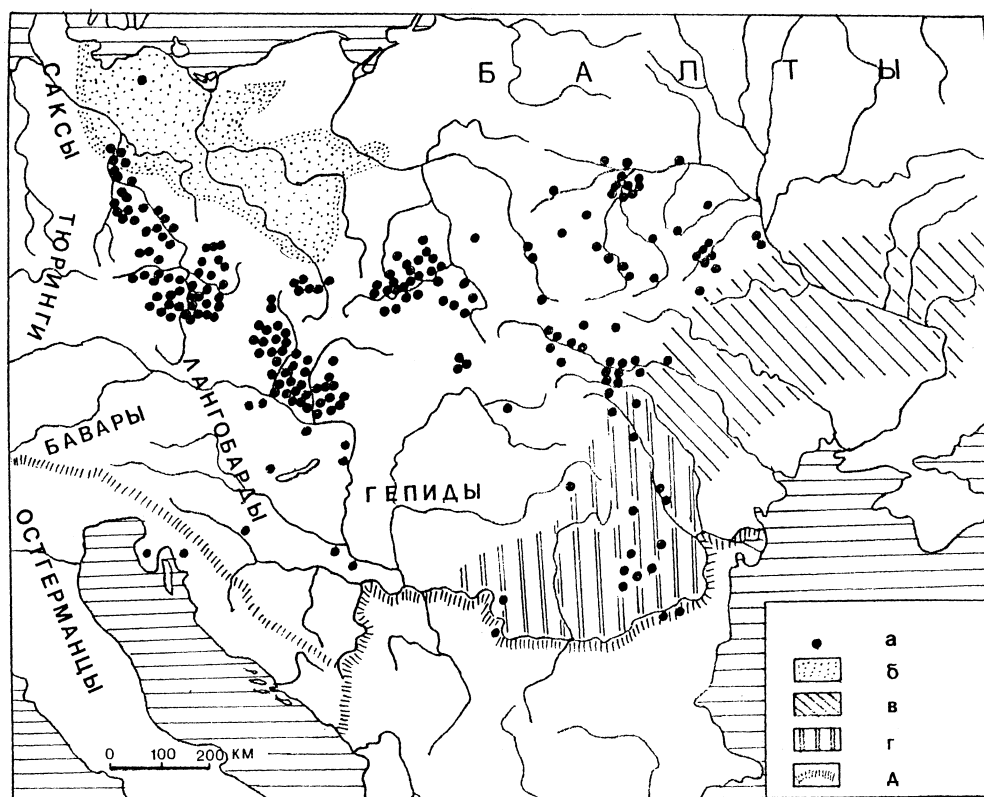
¹⁹² Bialeková D. Nové včasněslovanské nálezy z juhozápadného Slovenska // Slovenská archeologia. X—1. Bratislava, 1962. S. 97—148.

¹⁹³ Klanica Z. Počátky slovanského osídlení našich zemi. Praha, 1986.

¹⁹⁴ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968; Brachmann H. Slawische Stämme an Elbe und Saale. Berlin, 1978; Idem. Die Funde der Gruppe des Prager Typs in der DDR und ihre Stellung im Rahmen der frühslawischen Besiedlung dieses Gebietes // Slovenská archeologia. XXIX. 1983. S. 23—64.

¹⁹⁵ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972; Он же. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев, 1988; Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. между Днепром и Западным Бугом...; Русанова И. П., Тимошук Б. А. Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут. М., 1984.

¹⁹⁶ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.

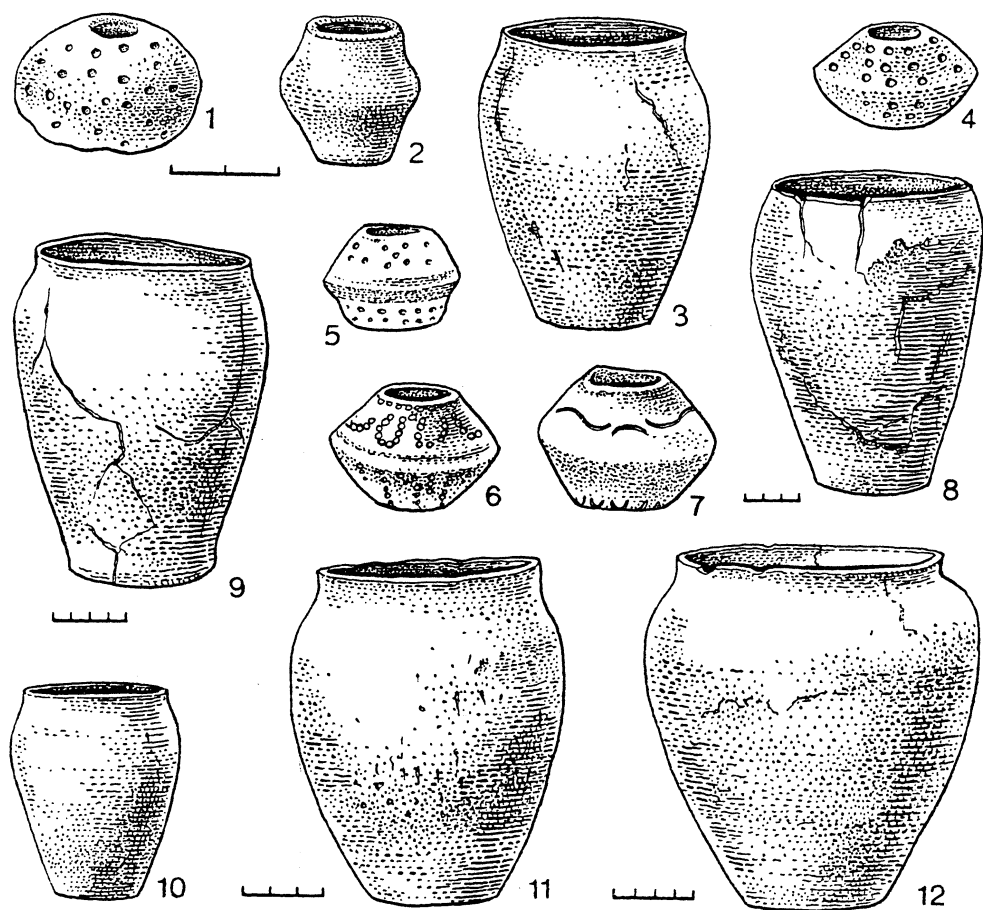
Рис. 60. Распространение памятников пражско-корчакской культуры

а — основные памятники пражско-корчакской культуры; **б** — ареал суковско-дзедзицкой культуры; **в** — пеньковской культуры; **г** — ипотешти-кындештской культуры; **д** — северная граница Византийской империи.

были различными. В одних случаях это были срубы из бревен, реже плах, в других — стены устраивались из горизонтально положенных плах, впущенных концами в пазы угловых стояков или прижатых к земляным стенам котлована с помощью столбов.

Полы таких жилищ были земляными, иногда промазывались глиной и выстилались досками. В одной из стен постройки делался вырез для ступенчатого входа, закрывавшегося дверью. Общая высота жилищ достигала 2 м. Перекрытия были двускатными, они имели деревянный каркас, покрытый досками или соломой.

Отапливались жилища печами или очагами. В одних случаях это были печи-каменки, в других регионах строились печи из глины, а в западных

**Рис. 61. Глиняные сосуды и пряслица из памятников
пражско-корчакской культуры**

1, 5 — Тетеревка; **2, 6, 7** — Корчак-VII; **3** — Сентендре; **4** — Корчак-I; **8, 9** — Корчак-IX; **10** — Нова Гута — Могила; **11** — Велеславин; **12** — Бубенеч.

регионах пражско-корчакского ареала доминировали очаги, сложенные из глины или небольших камней. Отопительные устройства находились обычно в одном из углов постройки, что составляет этнографическую особенность интерьера славянского жилища.

Внутри жилищ вдоль стен устраивались прилавки, вырезанные в материале, со следами облицовки деревом или целиком сделанные из дерева. Они служили лежанками и скамейками. В полах иногда выявляются небольшие ямки, заполненные обугленным деревом. Скорее всего, это

следы ножек столов или иной мебели. Открыты и более крупные ямы, в которых ставились большие глиняные сосуды с различными припасами.

Жилища-полуземлянки пражско-корчакской культуры во многом сходны с постройками пеньковской культуры. В пражско-корчацком ареале известны также наземные жилища. Они менее изучены, поскольку их следы при раскопках обычно трудноуловимы. На основе фрагментарных остатков можно говорить, что это были преимущественно срубные постройки с отопительными устройствами и интерьером, аналогичными полуземляночным домам. Славянское домостроительство раннего средневековья получило обстоятельную характеристику в работах П. Доната¹⁹⁷. Исследователь показал существенные этнографические различия между славянскими и соседними германскими жилищами, а среди славянских построек выделил три основных типа, два из которых свойственны пражско-корчакской культуре.

Третьим этнографическим элементом рассматриваемой культуры является погребальная обрядность. На ранней стадии славяне этой группы хоронили умерших по обряду трупосожжения на стороне и последующим помещением остатков кремации в небольших и неглубоких ямках на грунтовых могильниках. Кальцинированные кости, собранные с погребального костра, иногда помещались в глиняных урнах — горшках пражско-корчацкого облика, которые иногда накрывались камнем, опрокинутым вверх дном сосудом или сковородкой. Большинство захоронений безынвентарны. Встречены лишь одиночные и порой невыразительные, нередко оплавленные предметы, среди которых есть стеклянные бусы, железные ножи, кресала, пряжки, фрагменты костяных гребней и др. По всем своим показателям ранние могильники пражско-корчацкой культуры сопоставимы с пшеворскими погребениями, теми, которые определены как славянские.

Уже в VI—VII вв. в среде носителей пражско-корчацкой культуры получает распространение курганный обряд, и эта особенность выделяет их из других культурно-племенных образований раннесредневекового славянства. Ранние курганы, как правило, не образуют отдельных могильников, а расположены в одних могильниках совместно с более позд-

---

¹⁹⁷ Donat P. Zur Nordausbreitung der slawischen Grubenhäuser // Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1970. N 4. S. 250—269; *Idem*. Bemerkungen zur Entwicklung des slawischen Hausbaues im mittleren und südöstlichen Europa // Balcanoslavica. T. 4. Prilep; Beograd, 1975. S. 113—125; *Idem*. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa von 7. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1980.

ними погребальными насыпями. Курганы невысокие (до 0,5 м), обычно окружены ровиком. Кремация совершалась на стороне, остатки сожжения помещались в основаниях насыпей или в неглубоких ямках под насыпями. Некоторые захоронения находились в глиняных урнах — сосудах пражско-корчакского типа. Захоронения, как правило, не содержат вещевых находок, поэтому датировка их затруднена.

Условия зарождения курганный обрядности в среде славян пражско-корчакской группы пока непонятны. Возможно, они связаны с какими-то изменениями в языческом мировоззрении, но проникнуть в духовную жизнь славян начала средневековья не представляется возможным. Более вероятной представляется мысль о становлении новой обрядности в результате славянизации племен культуры карпатских курганов, локализуемой в Северо-Восточном Прикарпатье и датируемой первой половиной I тыс. н. э.¹⁹⁸ Носителями этих древностей была одна из племенных групп гето-фракийцев.

Погребальными памятниками их являются такие же невысокие курганы с захоронениями по обряду кремации, совершаемой на стороне. Остатки кремации умерших помещались или в основаниях насыпей, или в грунтовых ямках. Ранние курганы пражско-корчакской культуры во всех деталях сопоставимы с погребальными насыпями культуры карпатских курганов.

Функционировала последняя до середины V в., когда ее территорию осваивают славяне — носители пражско-корчакских древностей. При этом аборигенное население не покинуло мест своего проживания и вошло в славянскую среду. Об этом свидетельствуют, во-первых, наличие в поздних памятниках культуры карпатских курганов лепной посуды пражско-корчакского облика и полуземлянок с печами-каменками в углу и, во-вторых, присутствие на пражско-корчакских поселениях второй половины V — VI в. Прикарпатского региона комплексов, сочетающих в себе черты культур карпатских курганов и пражско-корчакских. Включившиеся в этногенез славян потомки племен культуры карпатских курганов, по всей вероятности, и привнесли в славянский мир новую обрядность.

Из-за отсутствия датирующих находок выделить среди славянских курганов VI—VII вв. самые ранние затруднительно. Курганы VI—VII вв.

---

¹⁹⁸ Смішко М. Ю. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття н. е. Київ, 1960; Вакуленко Л. В. Пам'яткі підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н. е. Київ, 1977.

известны уже на широкой территории, но наибольшее число их сосредоточено в северных районах Среднего Подунавья и в правобережной части Припятского бассейна. Эти области были освоены славянами только в VI в., и в составе переселенцев могли быть прикарпатские жители, которыми в эти регионы и была привнесена курганная обрядность. В коренных славянских землях прежний погребальный ритуал сохранялся более продолжительное время.

В период становления курганной обрядности (VI — первая половина VII в.) в ареале пражско-корчакской культуры доминировали еще захоронения в грунтовых могильниках. Лишь на следующем этапе (вторая половина VII — VIII в.) курганный обряд постепенно вытесняет прежний. Курганы появляются в Малопольше, Силезии и на Эльбе, но они еще сосуществуют с грунтовыми могильниками. Лишь на третьем этапе (VIII—X вв.) курганный обряд широко распространяется по всему ареалу пражско-корчакской культуры, а грунтовые некрополи постепенно прекращают функционирование. Курганы появляются и в тех землях, которые заселяли потомки носителей этой культуры. В IX—X вв. обряд кремации постепенно сменяется трупоположениями (о причинах будет сказано ниже). При этом обычай сооружения курганов не претерпел заметных изменений. Курганы с ингумациями по внешнему облику ничем не выделялись от насыпей с захоронениями по обряду кремации и располагались, как правило, в тех же могильниках.

Описанная эволюция погребальной обрядности составляет характерную черту славянской группировки, представленной в начале средневековья пражско-корчакской культурой. В ареалах других групп ранне-средневекового славянства наблюдается иная картина развития похоронного ритуала.

Местами проживания славян рассматриваемой группы были неукрепленные поселения — селища. Располагались они, как правило, по берегам больших и малых рек, ручьев и иных водоемов. Поселения были сравнительно небольшими и состояли из 8—20 дворохозяйств. Лишь изредка встречаются селища более крупных размеров. Так, на поселении Рашков в Верхнем Поднестровье раскопками открыто 92 жилища, но какая-то часть построек, помимо того, была уничтожена при обвалах берега Днестра.

В ряде регионов пражско-корчакской территории отмечено гнездообразное размещение селищ. Так, в Припятском Полесье зафиксированы «гнезда», состоящие из трех—четырех селищ, отдаленных друг от друга на 300—500 м. Расстояния между «гнездами» достигали 3—5 км. Подобное

скопление поселений исследовано раскопками близ Дессау-Мозигкау на Эльбе. На террасе, возвышающейся над долиной реки, располагалось пять селений, каждое из которых состояло из 6—11 жилых построек.

Наиболее распространенной была кучевая, бессистемная застройка. При этом нередко наблюдается размещение жилых построек нерегулярными группами. В промежутках между ними находились хозяйственные ямные строения, которыми, как считают исследователи, пользовались коллективно большие патриархальные семьи. Меньшее число поселений имело рядную застройку, постройки располагались в один—два ряда вдоль берегов рек или озер. На селище Дессау-Мозигкау выявлен еще один тип планировки: около десятка жилых построек располагались кольцеобразно, середина оставалась незастроенной.

В ареале пражско-корчакской культуры известны и единичные городища. Одним из таковых является поселение у с. Зимно на Волини¹⁹⁹. Располагалось оно на мысу высокого берега р. Луг, правого притока Западного Буга. Его жилая площадка размером 135 x 14 м занимала среднюю часть мыса и была ограничена глубокими рвами, а с напольной стороны укреплена оборонительной стеной из бревенчатых стояков и закрепленных в пазах горизонтальных бревен, а также частоколом. Постройки здесь были наземными, очевидно, срубными, от которых сохранились лишь очаги на глиняных вымостках.

На городище найдены многочисленные металлические предметы: орудия труда, бытовые вещи, принадлежности одежды и украшения, а также изделия из кости, камня и глины, в том числе литейные формочки и тигли. Материалы раскопок поселения свидетельствуют, что оно было зарождающимся ремесленным центром, в котором жили и работали кузнецы, бронзолитейщики и камнерезы.

Основой экономики славянского населения пражско-корчакского ареала было сельское хозяйство. Об этом свидетельствуют и ландшафтная приуроченность поселений, и материалы раскопочных изысканий. Среди находок имеются железные орудия земледельческого труда: наральники, мотыжки, серпы, косы-горбуши. Наральники встречены на поселениях Городок, Бакота, Зимно, Хотомель, Рипнев, а также в составеклада железных вещей в Летах под Добржиховицами в Чехии. Они подразделяются на два типа: втульчатые и с бортиками в верхней части, которые удерживали их на деревянной основе рала. Последние известны и

---

¹⁹⁹ Ауліх В. В. Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ, 1972.

среди провинциально-римских древностей, и, очевидно, раннесредневековые являются наследием римского времени. Исследователи полагают, что такие наконечники принадлежали орудиям типа рала с полозом, используемым на сравнительно легких, вероятно старопахотных, землях. Кроме того, в ходу, нужно полагать, были деревянные рала без железных наральников. Тягловой силой при работе такими орудиями были лошадь и волы.

Вспомогательными орудиями обработки пахотных участков были железные и костяные мотыжки. Урожай с полей снимали при помощи серпов, по форме близких параболе, с отогнутым наружу черенком. Современные серпы восходят к этим средневековым орудиям, а последние ведут свое происхождение от аналогичных провинциально-римских. Для уборки урожая и косьбы травы широко использовались косы — массивные изделия с немного вогнутым лезвием и отогнутой пяткой-штырем.

Состав зерновых культур в разных регионах был неодинаковым. В ряде местностей пражско-корчакского ареала доминировало просо, в других — пшеница. Интересные карпологические материалы были получены при раскопках поселения Бржезно в Чехии: 46% исследованной коллекции приходилось на пшеницу, 32% — на ячмень, 11% составляли зерна ржи, 10% — овес и только 1% — просо. Кроме того, на этом памятнике зафиксированы следы культивирования гороха, чечевицы, вики, конопли и сливы²⁰⁰.

С переработкой зерновых культур связаны каменные жернова, повсеместно встречаемые на поселениях. Для выпечки хлеба и лепешек широко применялись глиняные сковородки, часто находимые на поселениях пражско-корчакской культуры. Их же использовали для приготовления различных блюд из несозревших зерен ячменя и пшеницы, а также пищи из проса²⁰¹. Хранилось зерно в специальных ямах колоколовидной или бочковидной формы, которые выявлены раскопками на многих селениях.

Достаточно очевидно, что земледелие составляло основу хозяйственной деятельности славян пражско-корчакского ареала. Немалая роль принадлежала и животноводству. К инвентарю этой отрасли занятий относятся косы для заготовки травы и сена, пружинные ножницы, использовавшиеся для стрижки овец, ботала-колокольчики. Важнейшим же ис-

---

²⁰⁰ *Tempir Z. Analýza rostlin // Pleinerová I. Březno. Vesnice prvních Slovanů v severozápadných Čechách. Praha, 1975. S. 87—92; Beranová M. Zemědělství starých Slovanů. Praha, 1980. S. 149—166. Tabl. 2, 5, 6, 8.*

²⁰¹ *Skruzný L. Pekáče — jejich výskyt, funkce a datování // PA. LV—1. 1964. S. 370—391.*

точником для изучения животноводства являются остеологические материалы. Они свидетельствуют, что на первом месте по числу особей стоит крупный рогатый скот, второе место отводится свинье, третье — овцам и козам, четвертое — лошади. На поселении Бржезно по костным остаткам восстанавливается такой состав стада: крупный рогатый скот — 52%, свинья — 22%, овцы — 11%, лошадь — менее 2%, куры — 10%, утки — 2%. На поселении Девинске Язеро в Словакии установлено следующее соотношение: крупный рогатый скот — 46%, свинья — 22%, овцы — 24%, лошадь — 6%, куры — 1%²⁰².

Охоте, рыбной ловле и лесным промыслам в целом принадлежала весьма второстепенная роль. Так, на поселении Бржезно на долю костей диких животных приходится лишь 2% остеологического материала. Среди археологических находок наконечники стрел и копья — основные орудия охотника — весьма немногочисленны. В лесных местностях доля охоты на диких животных, конечно, была более заметной, но и там доминировали земледелие и скотоводство. Также единичны и находки на поселениях рыболовных крючков и сетевых грузил.

Ремесленное дело населения пражско-корчакской культуры может быть охарактеризовано фрагментарно. Следы железоделательного и кузнечного производств зафиксированы на немногих поселениях — в Рипневце исследован железоделательный горн, в Рашкове — комплекс из горна и кузницы, в Зимно найдены заготовки товарного полуфабриката железа, наковальня, зубило и молоток. Несомненно, эти ремесла были распространены более широко, о чем говорят находки кузнечной продукции на поселениях. Металлографическое изучение изделий показывает, что они отковывались целиком из железа и сырцово́й стали с применением ряда технологических приемов (цементация с последующей закалкой, пакетирование)²⁰³. Ассортимент кузнечной продукции и анализы ее технологии свидетельствуют о заметной архаизации железообрабатывающего ремесла по сравнению с позднеримским периодом.

С бронзолитейным делом связаны находки на Зимновском городище тиглей, льячек и литейных формочек. На других памятниках пражско-корчакской культуры они крайне редки. Изделия из цветных металлов представлены немногочисленными пряжками, бляшками, браслетами и привесками. Так, из раскопок в Зимно происходят бронзовые и серебря-

²⁰² Beranová M. Zemědělství starých Slavanů... Tabl. 9.

²⁰³ Вознесенская Г. А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н. э. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 61—65.

ные пряжки с круглыми, овальными и фигурными рамками, простой и шарнирной конструкции, а также прямоугольные, «гитаровидные»; многочисленные поясные бляшки (двуштитковые, круглые, трапециевидные и фигурные, прорезные и с рельефным орнаментом, в виде фигурок птиц); бронзовые и серебряные браслеты с утолщенными гранеными или округлыми концами; колоколовидные и трапециевидные привески.

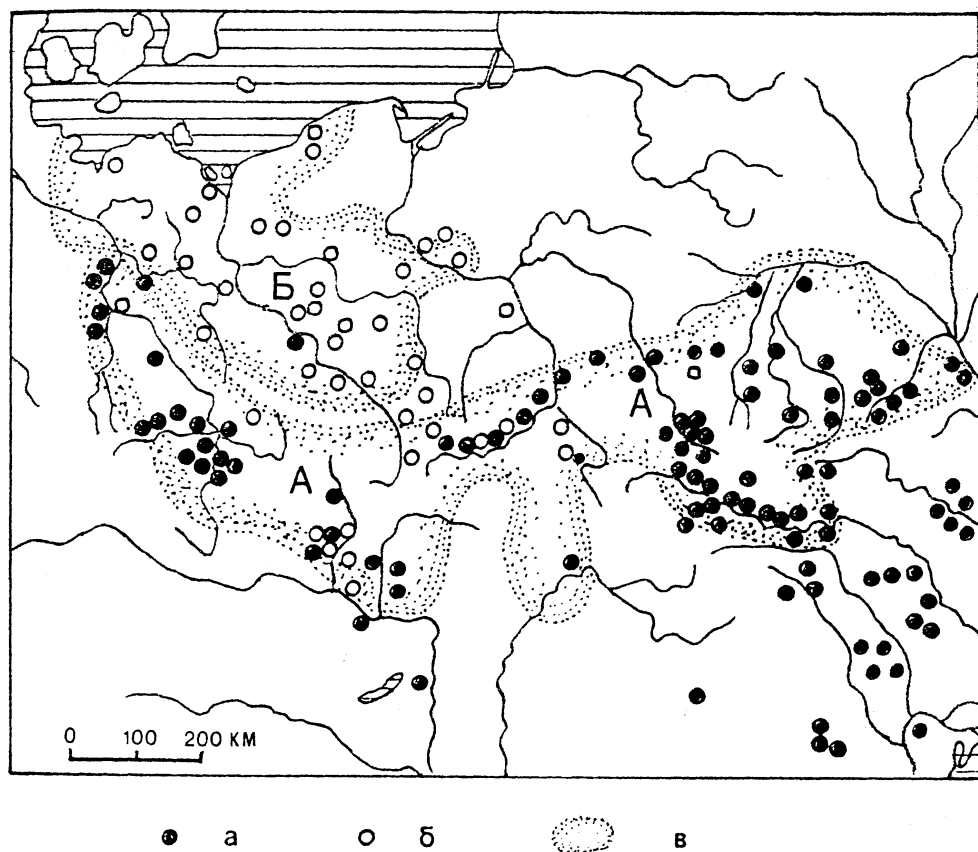
Изделия из кости на памятниках пражско-корчакской культуры представлены находками разнотипных проколов, шильев, иголок и гребней.

К самым распространенным находкам принадлежат железные ножи и глиняные пряслица. Предметы вооружения крайне немногочисленны. Это железные наконечники копий, дротиков и стрел, а также удила и шпоры.

Скорее всего, достигшее в римский период высокого развития деревообрабатывающее ремесло сохранялось в славянской среде раннего средневековья. Выявляемые при раскопках поселений остатки срубных построек (зафиксированы соединения «в лапу» и «в обло») свидетельствуют о наследовании славянами строительной техники римского времени. Материалы Зимновского городища указывают на бытование токарного станка, безусловно восходящего к провинциально-римской культуре. Высказано предположение об относительно широком бытовании в начале средневековья деревянной столовой посуды, изготавливаемой на токарных станках.

Основная масса глиняной посуды пражско-корчакской культуры делалась домашним способом без применения гончарного круга. На самых ранних поселениях, расположенных в бывшем ареале провинциально-римских культур, в небольшом количестве (от 1 до 15% керамического материала) встречается сероглиняная гончарная посуда, распространенная в пшеворской и черняховской культурах. В отличие от последней, раннесредневековая сероглиняная керамика представлена более ограниченным ассортиментом (преимущественно это ребристые и раструбообразные миски с поддоном, с лощеной поверхностью серого или темного цвета) и не имеет орнаментации. Лишь единичные сосуды украшены врезными горизонтальными линиями. Несомненно, что сероглиняная керамика непосредственно связана с пшеворским и черняховским гончарством.

В Северной Буковине на раннесредневековом поселении у с. Глубокое раскопками открыты остатки мастерской по производству сероглиняной керамики. Гончарная печь двухъярусной конструкции соединялась с жилищем-полуземлянкой, отапливаемой печью-каменкой. Кроме гончарной

**Рис. 62. Распространение двух типов жилищ
в раннесредневековом славянском мире**

а — поселения с жилищами-полуземлянками; **б** — поселения с наземными домами с подпольными ямами; **в** — ареалы пражско-корчакской (А) и суковско-дзедзицкой культур (Б).

керамики, в постройке найдены лепные горшки пражско-корчакского облика и сковородки²⁰⁴.

Е. Домбровская, анализируя раннесредневековую керамику Малопольши, утверждала, что гончарный круг здесь не исчезал, а использовался непрерывно в течение V—VIII вв. По ее мнению, на поселениях пражско-корчакской культуры Южной Польши параллельно с лепной посудой в той или иной степени бытовала керамика, в верхней части обто-

²⁰⁴ Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат... С. 86—89.

ченная на круге²⁰⁵. Однако последующие изыскания не подтвердили этого. Устанавливается, что число гончарной керамики на поселениях этого региона постепенно уменьшается, и в комплексах VI и первой половины VII в. она отсутствует вовсе²⁰⁶.

Иная ситуация была в Среднем Подунавье, где гончарный круг использовался для изготовления посуды без каких-то перерывов. Однако и здесь наблюдается непродолжительный период, когда производство гончарной керамики затухало и доминировала лепная. В VII—VIII вв. в Среднедунайском регионе получила широкое распространение гончарная посуда, именуемая дунайской. Импульсы из этого региона во второй половине VII — VIII в. достигли южнопольских земель, где началось постепенное вытеснение лепной посуды гончарной.

Пражско-корчакская культура складывалась на территории, прежде занятой провинциальноримскими культурами. Вне последней рассматриваемая культура распространилась уже сформировавшейся в результате миграций ее носителей. Областью становления этой культуры был Севернокарпатский регион от верхнего течения Одера на западе до Верхнего Поднестровья включительно на востоке. В позднеримское время это южный ареал пшеворской культуры, где славяне впитали в себя кельтский субстрат, северо-западная окраина черняховской культуры, где последняя сформировалась непосредственно на пшеворской основе. В конце IV — первой половине V в. население пражско-корчакской культуры, по-видимому, не выходило за пределы этой территории.

Только на поселениях этого региона встречена сероглиняная гончарная керамика и обнаружены вещевые находки, достаточно определенно относящиеся к этому времени. Так, на поселениях Кодын-1, Бакота и Лука-Каветчинская найдены фибулы, датируемые временем не позднее V в. Две железные арбалетовидные фибулы с высокой дугообразной дужкой, встреченные в жилищах 10 и 21 на Кодынском селище, имеют аналогии в материалах Северо-Восточной Польши, надежно датируемых второй половиной IV — первой половиной V в.²⁰⁷ На поселении Лука-Каветчинская фибула найдена в полуземляночном жилище, печь-каменка которой археомагнитным способом датирована концом V в. На этом селище обна-

---

²⁰⁵ *Dąbrowska E.* Studia nad osadnictwem wczesnośredniowiecznym ziemi Wislickiej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965. S. 153—161.

²⁰⁶ *Parczewski M.* Naistarsza faza kultury wczesnosłowiańskiej... S. 35, 36.

²⁰⁷ *Русанова И. П., Тимошук Б. А.* Кодын — славянские поселения... С. 23—28.

ружены еще стеклянная спаренная бусина IV в. и трехчастный двусторонний костяной гребень²⁰⁸.

Находка в жилище 65 железной фибулы с широкой, прямоугольной в сечении спинкой дала основание для датировки поселения Бакота концом IV — началом V в.²⁰⁹ На поселении Рашков-III пять жилищ археомангнитным способом продатированы второй половиной V в.²¹⁰ На поселении Усмеж, находящемся на левобережье Западного Буга, где помимо лепной посуды встречены и фрагменты сероглиняной гончарной, обнаружен бронзовый поясной наконечник, характерный для древностей периода великого переселения народов (подобные встречаются и в вельбарской культуре), что дало основание исследователям памятника датировать его временем от второй половины IV в.²¹¹

В Верхнем Поднестровье на ряде черняховских поселений открыты напластования V в., свидетельствующие о континуитете населения. Так, на поселении Черепин раскопками изучено два жилища, сопоставимые с типично славянскими домами раннего средневековья. В керамическом материале памятника выявляются формы, занимающие промежуточное положение между черняховской, изготовленной домашним способом, и ранней пражско-корчакской посудой. Сероглиняная гончарная керамика встречена на многих селениях начала средневековья, составляя до 10%. На поселениях Теремцы, Сокол и Рогозина со слоями V в. связаны подквадратные полуземляночные жилища, занимающие промежуточное положение между черняховскими и раннесредневековыми. Типологически они восходят к римскому времени, но также обнаруживают связи с пражско-корчакским домостроительством.

В бассейне верхней Вислы культурные напластования V в. содержат поселения пражско-корчакской культуры Пулавы-Влостовице, где найде-

---

²⁰⁸ Вакулунко Л. В., Приходнюк О. М. Славянские поселения I тыс. н. э. у с. Сокол на Среднем Днестре. Киев, 1984. С. 46, 72—74. Рис. 40; *Они же*. Проблема преемственности черняховских и раннеславянских древностей в свете исследований на Среднем Днестре // *Slovenska archeologia*. XXXIII. Bratislava, 1985. С. 95. Рис. 11.

²⁰⁹ Винокур І. С., Горішній П. А. Бакота. Столиця давньоруського Пониззя. Кам'янець-Подільський, 1994. С. 318—319. Рис. 56:2.

²¹⁰ Баран В. Д. Пражская культура Поднестровья... С. 61—67.

²¹¹ Gajewski L., Gurba J. Z najnowszych badań nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem Lubelszczyzny // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowskiej. Sectio F.* XXXI—3. Lublin, 1979. S. 49; *Idem*. Nowe znalezisko metalowej końcówki pasa w pow. Hrubieszowskim // *Wiadomości archeologiczne*. XL. Warszawa, 1975. S. 426—427.

ны бронзовые поясные принадлежности и костяной гребень²¹², Мерзано-вице и Страдув, где встречена сероглиняная гончарная керамика²¹³. Поселениями V в., возникшими на пшеворской основе, являются также Иголомья под Краковом, Хорула в Силезии и др. Жилища этих селищ — подквадратные полуземлянки и наземные срубной и столбовой конструкции — по своим деталям ничем не отличаются от пшеворских. Зарождение характерных пражско-корчакских горшков восходит к пшеворской культуре, о чем было сказано ранее.

К ареалу становления пражско-корчакской культуры принадлежит и область прешовских древностей в Южном Прикарпатье (часть бассейна Тисы). На позднем этапе (конец IV — первая половина V в.) на прешовских поселениях доминировали уже жилища-полуземлянки, сопоставимые с раннесредневековыми славянскими. Бытует сероглиняная гончарная керамика, что и в севернокарпатских землях. Среди лепной посуды немало горшков, тождественных пражско-корчакским. На ряде поселений, в частности в Блатны Реметы, устанавливается непрерывная эволюция вплоть до VIII—IX вв.

Д. Бялекова на основе анализа материалов Северной Словакии считает, что с прешовской культурой связана первая ступень распространения лепной, предпражской керамики, а собственно пражско-корчакская в этом регионе датируется от конца V в.²¹⁴

---

²¹² *Gajewski L., Gurba J.* Z najnowszych badań... S. 49—54. Rys. 2, 3; *Гурба Я., Гаевски Л.* Результаты полевых исследований раннего средневековья на Люблинской возвышенности // *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave*. Т. 2. Bratislava, 1980. С. 117—123.

²¹³ *Miskiewicz M.* Wyniki prac wykopaliskowych prowadzonych w latach 1958 i 1959 na osadzie z okresu rzymskiego w Mierzanowicach, powiat Opatów // *Materiały starożytne*. Т. VIII. Wrocław, 1962. S. 409; *Dąbrowska E.* Studia nad osadnictwem wczesnośredniowiecznym... S. 266—268; *Idem.* Wielkie grody dorzecza górnej Wisły. Wrocław, 1973. S. 81, 86, 87, 254, 255.

²¹⁴ *Bialeková D.* Nove včasnოსлованскé nalezky... S. 134—136; *Idem.* Zur Datierung der oberen Grenze des Prager Typus in der Südwestslowakei // *Archeologické rozhledy*. XX—5. Praha, 1968. S. 619—625; *Poulik J., Chropovský B.* Grossmähren und die Anfänge der tschechoslowakischen Staatlichkeit. Praha, 1986. S. 90—101.

В. Д. Баран полагает, что формирование пражско-корчакской культуры происходило не на всей очерченной выше территории, а только в ее восточной части — Верхнем Поднестровье и Западной Волини (*Баран В. Д.* Давні слов'яни. Київ, 1998. С. 44—46), с чем трудно согласиться. Выделяемый им регион является археологически наиболее изученным, здесь действительно есть несколько памятников с находка-

Представляется несомненным, что в Прикарпатском регионе основные массы пшеворского населения продолжали проживать в начале средневековья, но облик его культуры в силу изменившейся исторической ситуации претерпел существенные изменения²¹⁵.

Что же произошло, почему провинциально-римская культура прекратила свое развитие и чем был обусловлен культурный регресс в начале средневековой поры?

Нашествие гуннов затронуло не только Севернопричерноморские земли, но и достигло южных областей пшеворского ареала. На ряде поселений фиксируются следы пожарищ, но в большей степени пострадали ремесленные центры, снабжавшие своими изделиями земледельческое население пшеворской культуры. Так, в Тропишуве (близ Кракова) — одном из крупных центров гончарства этой культуры — раскопками было открыто несколько гончарных горнов, загруженных глиняными сосудами. Гончары-ремесленники или были перебиты гуннскими ордами, или бежали и не смогли вернуться к своему производству. Поселение было полностью разгромлено и позднее не восстановлено. Такая участь постигла и другие ремесленные центры пшеворской культуры, что и привело к ее краху.

ми, достоверно датируемыми V в. Однако совокупность данных говорит все же о более широкой территории Прикарпатья, где протекал процесс становления культуры рассматриваемой группы славян.

²¹⁵ Утверждение К. Годловского, что культура сохранившегося пшеворского населения в Южной и Центральной Польше не имеет никакой связи с появляющейся здесь в V в. раннесредневековой славянской культурой, в большей степени обусловлено не конкретными материалами, а авторской концепцией. Славянскую культуру исследователь пытается вывести из зарубинецких и постзарубинецких древностей, полагая, что славяне в Висло-Одерский регион пришли из лесных областей Поднепровья (*Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszy okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1985. S. 155). Нельзя не присоединиться в этой связи к замечанию лингвиста, высказанному по этому поводу: «... сам момент постулируемого, таким образом, прихода славянского населения на Вислу и Одер с Востока выглядит у Годловского крайне неубедительно и декларативно (обращает на себя внимание, что Годловский и не пытается, например, выявить элементы зарубинецкой культуры на Висле и Одере, которые так ожидалось бы, по логике автора), и само изложение этого коренного вопроса разительно отличается от проведенного им тщательного раскрытия динамики и миграции пшеворского... населения Висло-Одерского региона первых пяти веков нашей эры» (*Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. М., 1991. С. 6). Добавлю к тому же, что построения К. Годловского представляются устарелыми, они не учитывают всей суммы данных, которыми располагает современная наука.

О проникновении гуннов в регион верхних течений Вислы и Одера говорят и богатые гуннские погребения V в., исследованные в Енджиховицах, Якушовицах и Пшеменчанах.

Очевидно, какое-то время гунны властвовали в этих землях.

В результате гуннского нашествия провинциально-римское производство (железоделательное и кузнечное, бронзолитейное и ювелирное, гончарное), сконцентрированное в крупных ремесленных центрах, которые обеспечивали потребности основной массы земледельческого населения пшеворской культуры, прекратило свое функционирование. В итоге пшеворская культура постепенно сходит на нет и прекращает свое существование. Германский этнический компонент ее (военно-дружинное сословие со своей свитой и окружением) при этом покинул пшеворский ареал, продвинувшись в Дунайские земли и далее на запад. Вероятно, оставила эти земли и какая-то часть ремесленников. Лишь одиночные мастера продолжили свою деятельность, перемещаясь с одного места на другое. На рассматриваемой территории сохранилось лишь земледельческое, в основной массе славянское население. Наступил общий регресс культуры и экономики. Население вынуждено было изготавливать лишь самые необходимые в быту и хозяйстве вещи домашним способом. В качественном отношении они были хуже провинциально-римских. Из обихода исчезли многие изделия, прежде изготавливаемые в ремесленных центрах. Пострадало и земледелие — высококачественные железные орудия обработки пашни и уборки урожая перестали поступать к сельскому населению.

Не покинула мест своего обитания и часть иноязычных земледельцев южнопшеворского ареала, теперь проживавших более или менее крупными островками среди славянской массы. Один из таких островков характеризует добродзенская культурная группа, локализуемая в сравнительно небольшом регионе междуречья Одера и верхней Варты²¹⁶. Истоки ее, несомненно, восходят к пшеворской культуре. Небольшие поселения состояли из жилищ-полуземлянок и наземных построек, идентичных пшеворским. Умерших хоронили по обряду кремации на стороне, остатки трупосожжений рассыпались на поверхности могильников, разграничить захоронения индивидуумов в которых невозможно.

Лепная керамика добродзенской группы в основной массе обнаруживает аналогии с позднешеворской, гончарная — с бытовавшей в римское время среди германских племен.

---

²¹⁶ Szydlowski J. Grupa dobrodzieńska jako wyraz lokalnych przemian w schyłkowej fazie kultury przeworskiej. Katowice, 1977.

В могильнике Семониа обнаружен лепной сосуд с «хроповатой» поверхностью, по форме идентичный пражско-корчацким горшкам. Фрагментарно такая керамика встречена и на других памятниках. Добродзеньские древности, нужно полагать, принадлежат какой-то группе германцев, смешавшейся со славянским населением. В течение V в. германцы, по-видимому, растворились в славянской среде.

С территории становления пражско-корчацкой культуры ее носители начали широкое расселение в западном, южном и восточном направлениях. Причины миграций нам не ясны.

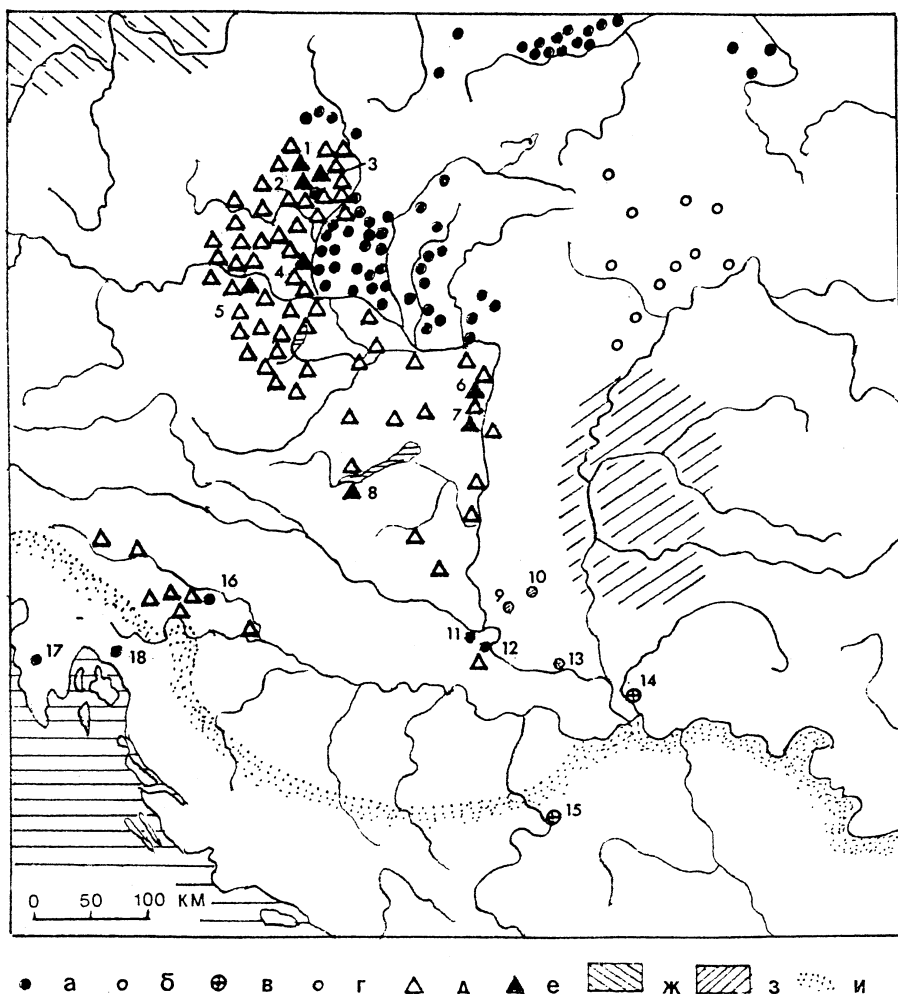
Можно предполагать, что многочисленное земледельческое население в связи с экономическим регрессом не могло прокормиться в Прикарпатском регионе. К этому добавился, вероятно, и демографический всплеск, может быть, нарушение дисбаланса между мужским и женским населением.

Уже в V и особенно в VI столетиях один из миграционных потоков славян — носителей пражско-корчацкой культуры — устремился вдоль восточных склонов Карпатских гор в междуречье Днестра и нижнего Дуная. В бассейнах Прута и Сирета выявлена большая группа поселений пражско-корчацкой культуры, называемых в румынской литературе памятниками типа Костиша-Ботошана²¹⁷. Раскопки поселений выявили подквадратные полуземлянки с печами-каменками в углах и керамику (лепную и серую гончарную), которые тождественны славянским памятникам Верхнего Поднепровья первой половины и середины V в. В более южных нижнедунайских землях этот переселенческий поток славян — носителей пражско-корчацкой культуры — встретился с антским и перемешался с ним. Это было мирное проникновение земледельческого населения. В результате при взаимодействии антов и славян с автохтонными жителями сформировалась описанная выше ипотешти-кындештская культура.

Анты оставались в Нижнем Подунавье основной динамической силой. В 530 г. они вместе с болгарами вовлекаются в агрессивные действия против Византийской империи.

---

²¹⁷ *Teodor D. Gh.* La pénétration des Slaves dans les régions du S-E de l'Europe d'après les données archéologiques des régions orientales de la Roumanie // *Balcanoslavica*. I. Prilep; Beograd, 1974. P. 29—42; *Idem.* Conceptul de cultură «Costișa-Botoșana». Considerații privind continuitatea populației autohtone la est de carpați în secolele V—VII e. n. // *Studia Antiqua et Archeologica*. I. Iași, 1983. P. 215—225; *Idem.* Civilizația romanică la est de Carpați în secolele V—VII e. n. Așezarea de la Botoșana-Suceava. București, 1984; *Idem.* Slavii la nordul Dunării de Jos în secolele VI—VII d. Hr. // *Arheologia Moldovei*. XVII. 1994. P. 223—251.

Рис. 63. Памятники славян и лангобардов в Среднем Подунавье

а — памятники пражско-корчакской культуры; **б** — памятники прешовской культуры; **в** — славянские памятники V в. с пшеворскими чертами (по М. и Д. Янковичам); **г** — славянские памятники конца V и первой половины VI в. (по М. и Д. Янковичам); **д** — памятники лангобардов; **е** — памятники лангобардско-славянские; **ж** — регион полабских германцев; **з** — регион гепидов; **и** — северная граница Византийской империи.

1 — Велатице; **2** — Шаратице; **3** — Журань; **4** — Хохенау; **5** — Лангенлебарн; **6** — Сентендре; **7** — Рекалмас; **8** — Вырс; **9** — Сомбор; **10** — Хоргош; **11** — Осиек; **12** — Винковици; **13** — Каб (Нови Сад); **14** — Опово-Баранда; **15** — Мушиеи; **16** — Петровина; **17** — Двоград; **18** — Бакар.

Значительные массы славян пражско-корчакской культуры, по-видимому, несколькими крупными и мелкими потоками направились в области Среднего Подунавья. К этому времени восточная часть его была заселена антами, появившимися здесь в потоках гуннского нашествия. Славяне из Прикарпатского региона освоили земли Словакии и двигались в Моравию и Чехию. Согласно изысканиям Д. Бялековой, первые памятники пражско-корчакской культуры на территории Словакии относятся к VI в.²¹⁸ З. Кланица утверждает, что славяне прослеживаются в Моравии не ранее 30-х гг. VI в.²¹⁹ Й. Земан на основе разработанной им хронологии раннесредневековой керамики в Чехии показал, что пражско-корчакская керамика здесь распространилась только в первой половине VI в. Тогда же славяне пришли в контакты с проживавшим здесь германским населением (рис. 63)²²⁰.

Древности германского племени лангобардов, проживавшего в рассматриваемое время в Среднем Подунавье, хорошо известны и были объектом монографического анализа И. Вернера²²¹. Погребальными памятниками лангобардов являются грунтовые могильники с трупоположениями. Глиняная посуда резко отлична от славянской. Наиболее характерными являются широкогорлые чашевидные сосуды с бороздчатой орнаментацией и миски с резким изломом профиля. В погребениях обычны мечи, шайбообразные и так называемые С-образные фибулы, фибулы с полукрестообразными головками. Согласно И. Вернеру, лангобарды расселились в Моравии около 450 г., в Паннонских землях — в 526/527 г.

В среднедунайской части области расселения лангобардов выявляется довольно много элементов пражско-корчакской культуры. Так, в могильнике Хохенау было открыто захоронение, в котором в глиняном сосуде пражско-корчакского облика находились остатки кремации умершего²²².

---

²¹⁸ Bialeková D. Nové včasnოსlovenske nalezý... S. 134—136; *Idem.* Datierung der oberen Grenze des Prager Typus in der Südwestslowakei // *Archeologické rozhledy*. XX—5. Praha, 1968. S. 619—625; Fusek G. Slovensko vo včasnოსlovenskom období. Nitra, 1994. S. 41—115.

²¹⁹ Klanica Z. Počátky slovanského osídlení... S. 215; Jelínková D. K chronologii sídlišťních nálezů z keramikou pražského typu na Moravě // *Pravěkě a slovanské osídlení Moravy*. Brno, 1990. S. 277.

²²⁰ Zeman J. Zu den chronologischen Fragen der ältesten slawischen Besiedlung im Bereich der Tschechoslowakei // *Archeologické rozhledy*. XVIII—2. Praha, 1966. S. 157—189; *Idem.* Najstarši slovanské osídlení... S. 210—212.

²²¹ Werner J. Die Langobarden in Pannonien. Beiträge zur Kenntnis der langobardischen Bodenfunde vor 568. München, 1962.

²²² Pittioni R. Frühgeschichte Brandgräber in den March-Thaya-Auen // *Germania*. XVIII. 1934. S. 130—133.

Трупосожжения с глиняной посудой, сопоставимой с пражско-корчакской, исследовались также в лангобардских могильниках Велатице, Журань, Ланжхот, Пржитлуки. И. Вернер отмечал, что какого-либо регионально-го разграничения между славянскими трупосожжениями и лангобардскими ингумациями в могильниках не выявляется. Более того, обнаруживается некоторое смешение лангобардских и славянских культурных элементов. Так, в могильнике Лангенлебарн близ Туллы открыты типично пражско-корчакские горшки в лангобардских скелетных погребениях. В одном из захоронений находились глиняный горшок пражско-корчакского типа и характерные лангобардские пряжка и стеклянные бусы. Подобная картина и в могильнике Шаратице в окрестностях Брно. Здесь типично славянские культурные элементы зафиксированы в ряде скелетных захоронений²²³. Керамика пражско-корчакского облика встречается также на лангобардском поселении Линц-Зизлау²²⁴. Специально находки пражско-корчакских горшков в памятниках лангобардов рассматривались венгерским археологом И. Бона, который показал их довольно широкое распространение в германских труположениях²²⁵. Все это несомненные свидетельства славянского прикновения в среду лангобардов и начала процесса славяно-лангобардской метисации.

Интересная картина контакта лангобардов и славян реконструируется в результате раскопок И. Плейнеровой поселения Бржезно, находящегося на террасе р. Огрже в районе Лоуни²²⁶. На разных участках, разделенных небольшим оврагом, открыты различающиеся по конструкциям и инвентарям жилища лангобардов и славян, существовавшие синхронно. Германское население строило вытянуто-прямоугольные жилища столбовой конструкции с очагами, расположенными посередине их. Славяне воздвигали подквадратные полуземлянки с находящимися в углу печами-каменками или очагами, оконтуренными камнями. Керамика ланго-

---

²²³ Werner J. Die Langobarden in Pannonien... S. 113.

²²⁴ Mitscha-Märheim H. Neue Bodenfunde zur Geschichte der Langobarden und Slawen im österreichischen Donauraum // Beiträge zur älteren europäischen Kulturgeschichte. Bd. II. Klangfurt, 1953. S. 355—376; *Idem*. Dunkler Jahrhunderte goldene Spuren // Die Völkerwanderungszeit in Österreich. Wien, 1963. S. 158—159. Abb. 25.

²²⁵ Bona I. Über einen archäologischen Beweis des langobardisch-slawisch-awarischen Zusammenlebens // Študijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej Akadémie vied. 16. Nitra, 1968. S. 33—45.

²²⁶ Pleinerová I. Březno. Vesnice prvních Slovanů...; *Idem*. Březno: Experiments with building Old Slavic houses and living in them // PA. LXXVII. 1986. P. 104—176; *Idem*. Germanische und slawische Komponenten in der altslawischen Siedlung Brezno bei Louny // Germania. 43. 1965. S. 121—138.

бардской части поселения представлена биконическими горшками и низкими широкими мисками, которые орнаментировались врезными или штамповыми узорами. На славянском участке встречена преимущественно лепная посуда пражско-корчакского облика. Первопоселенцами здесь были лангобарды, их постройки датируются от первой половины VI в. В середине этого столетия к ним подселились славяне, которые проживали на поселении и тогда, когда лангобарды ушли из Подунавья, вплоть до рубежа IX—X вв. Выявлены и следы германско-славянского взаимодействия: в отдельных постройках германцев встречена славянская керамика и, наоборот, в славянских полуземлянках — сосуды германских типов. Черты смешения двух этносов обнаруживаются и в домостроительстве. Так, жилище 8 в конструкции и интерьере сочетало славянские (оно имело квадратную форму и печь в углу) и германские (шестистолбовая конструкция стен) элементы.

О контактах лангобардов и славян рассказывает Прокопий Кесарийский в сочинении «История войн». Сообщается, что Ильдигис, сын законного наследника правителя лангобардов, спасаясь от преследования узурпатора Авдуина, вынужден был бежать к славянам. Когда началась война между лангобардами и гепидами, Ильдигис с большим отрядом, в составе которого были и славяне, пришел на помощь последним. Первоначально гепиды намеревались возвести его на лангобардский престол. Однако вскоре с лангобардами был заключен мирный договор, и Авдуин стал требовать выдачи Ильдигиса, который со своим отрядом ушел обратно к славянам²²⁷. Эти события имели место в 549 г.

В 568 г. лангобарды в условиях аварского нашествия оставили Среднедунайские области. Крупными массами они вторглись в Северную Италию. Византия не смогла выдержать напора лангобардов, ее владычество над этими землями рухнуло. В составе лангобардов, осевших в Италии, как следует из исторических источников и данных археологии, были и иные племенные группы, в том числе славяне, как проживавшие на среднем Дунае в лангобардском окружении, так и из соседних регионов, население которых оказалось вовлеченным в потоки миграций.

После ухода лангобардов их дунайские земли были плотно заселены славянами. Начиная со второй половины VI в. славяне пражско-корчакской группы широко расселяются также в бассейнах верхнего и среднего течения Эльбы и Заале. В этом регионе открыто и частично исследовано

---

²²⁷ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 189, 181.

множество селищ и грунтовых могильников с захоронениями по обряду трупосожжения, датируемых второй половиной VI—VII в.²²⁸

Наиболее обстоятельно исследованным является селище Дессау-Мозигкау, устроенное на небольшом всхолмлении при р. Мульда²²⁹. Раскопками открыто 44 полуземляночных жилища с печами-каменками в углах, относящихся к четырем строительным периодам. Вход в постройки — прирезка к квадратному котловану в виде наклонного пандуса или вырезанных ступеней, иногда покрытых плоскими камнями, — устраивался обычно напротив печи. Это типичные славянские дома пражско-корчакской культуры. Только одна постройка заметно выделялась среди них. Она имела удлиненные очертания и шесть столбов вдоль стен. Исследователь памятника Б. Крюгер сопоставил ее с домами, весьма характерными для германского мира. Очевидно, что славяне, продвигаясь на север вдоль Эльбы и по ее притокам, кое-где встретились с германским населением, сохранившимися небольшими островками с эпохи переселения народов. Основываясь на находке в жилище 10 тюрингской миски, Б. Крюгер датировал поселение временем начиная с конца VI в. Радиоуглеродная дата шестого жилища — 590 ± 80 г. Большинство же вещевых находок на поселении относятся к VII и началу VIII в.

Южные области Среднего Подунавья и Адриатика были довольно плотно заселены автохтонным романским населением, германскими племенами и частично потомками антов. Адриатика и прилегающие области Дунайского региона были территорией Византийской империи, граница которой также сдерживала продвижение больших масс носителей пражско-корчакской культуры в эти земли. Массового расселения славян здесь не наблюдается, но инфильтрация была весьма заметной.

М. и Б. Янковичи допускают проникновение в Сербское Подунавье небольших групп славян начиная с рубежа IV и V вв. Из старых сборов в Опово-Баранде имеются материалы, сопоставимые с пшеворскими. Кон-

---

²²⁸ Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1985. S. 21—30.

Исключением является поселение Лютьенберг-1, возникновение которого, по археологическим и дендрологическим данным, относится к началу VI в. (Herrmann J. Die germanischen und slawischen Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow, Kr. Galau. Berlin, 1973. S. 243—265, 359—366). Видимо, до массового заселения славянами этих земель имела место инфильтрация небольших групп носителей пражско-корчакских древностей.

²²⁹ Krüger B. Dessau-Mosigkau, ein frühslawischer Siedlungsplatz im mittleren Elbgebiet. Berlin, 1967.

цом V — началом VI в. датируется поселение Хоргош (Суботица), где раскопками выявлены наземная и углубленная постройки и деревянная оборонительная стена. К этому же времени относятся находки в Нови Саде (Каб) и Сомборе. Интересные материалы были получены при раскопках поселения Апатин близ Винчи. Кроме лепных глиняных сосудов, здесь найдена и византийская керамика, позволяющая датировать памятник серединой VI в. При появлении аваров жители оставили это поселение. Славяне жили разрозненными поселениями не только близ границ Византии, но и проникли в пограничные крепости, став наемниками Империи. Они довольно быстро осваивали византийскую культуру и фортификацию, пользовались византийской керамикой, уже не строили полуземлянок, а проживали в домах с каменными стенами²³⁰.

В Хорватии, Боснии и Герцеговине зафиксированы отдельные очаги славянских древностей рассматриваемого облика преимущественно VI в. Поселение первой половины этого столетия с прямоугольной полуземлянкой и очагом исследовалось в местности Кршце близ Вышеграда. В Кашичи близ Задара открыт грунтовой могильник с трупосожжениями и лепной урной VII в.²³¹ Тогда же славяне мелкими группами достигли Адриатического побережья Истрии: лепной сосуд пражско-корчакского облика найден при раскопках в Двограде²³². В Адриатике славяне быстро приспосабливаются к местной культуре и условиям быта и становятся археологически неуловимыми. Чуть позднее эти земли были сравнительно плотно заселены славянами антской группы.

Носители пражско-корчакской культуры продвигаются также в южные районы Припятского Полесья вплоть до Киева, по-видимому, перед этим пустовавшие некоторое время. Первые немногочисленные группы славян появляются здесь в V в., основные же массы расселяются в VI—VII вв.²³³

²³⁰ Јанковић М. и Б. Словени у Југословенском Подунвљу. Београд, 1990. С. 12—20.

²³¹ Čeremošnik J. Prvi nalazi najstarijih slavenskih nastambi u Bosni i Hercegovini // Arheološki vestnik. XXI—XXII. Ljubljana, 1970—1971. S. 221—224; *Idem*. Die ältesten Ansiedlungen und Kultur der Slawen in Bosnien und Herzegowina im Lichte der Untersuchungen in Mušiči und Batkoviči // Balcanoslavica. I. Prilep; Beograd, 1972. S. 59—64; Belošević J. Ranosrednjovjekovne nekropole u selu Kasiču kod Zadra // Diadora. T. IV. Zadar, 1968. S. 221—246.

²³² Marušić B. Starohrvatska nekropola u Žminju // Histria archaeologica. T. 17—18. Pula, 1986—1987. S. 5—125. Tabl. XXIV:1.

²³³ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом...; Вергей В. С. Поселения пражской культуры Белорусского Полесья // Этноге-

Рассматриваемая группа славян достаточно надежно отождествляется со славенами, описанными Иорданом и византийскими авторами VI—VII вв. Иордан приводит географические координаты их расселения: «Склавены живут от города Новиетуна и озера именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы»²³⁴. Е. Ч. Скржинская, комментируя труд Иордана, отметила, что, судя по контексту, город Новиетун и Мурсианское озеро, ограничивавшие ареал славен с запада, следует отождествлять с Невидуном на р. Саве, здесь же находилось и Мурсианское озеро, названное от города Мурсы (ныне Осиек). Вместе с тем исследовательница не исключает, что Мурсианским озером мог быть и Балатон, поскольку путь к нему для римлян начинался от города Мурсы²³⁵. В Осиеке и в его округе известны материалы пражско-корчакской культуры, что делает локализацию Е. Ч. Скржинской Новиетуна более надежной. Таким образом, область расселения славен отмечается тремя точками — низовья р. Савы или Балатон на западе, Висла на севере, Днестр на востоке. Эта территория как раз и соответствует ареалу пражско-корчакской культуры первых десятилетий VI в. Информация эта заимствована Иорданом у Кассиодора, писавшего в начале VI в. Не входящие в него земли Чехии и Моравии, бассейна Эльбы и Припятского Полесья были освоены носителями этой культуры несколько позднее.

Славены, нужно полагать, самоназвание носителей пражско-корчакской культуры, впоследствии распространившееся на весь славянский мир. Этнонимы же отдельных племен этой группы славян в праславянский период, кроме одного — дулебы, нам неизвестны. Средневековыми письменными документами зафиксировано проживание дулебов на Волини, в Чехии, между озером Балатон и р. Мурсой, на Драве²³⁶. Все эти регионы находятся в ареале пражско-корчакской культуры. Разбросанность этнонимов может быть обусловлена только дифференциацией прежде единого большого праславянского племени в результате миграций его отдельных групп. Все регионы, где зафиксировано проживание дулебов, находятся в ареале пражско-корчакской культуры, что позволяет от-

---

нез и этнокультурные контакты славян (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3). М., 1997. С. 28—38.

²³⁴ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960. С. 72.

²³⁵ Там же. С. 213—218. Против отождествления Новиетуна с паннонским Невидуном высказался А. Н. Анфертьев, утверждая, что паннонский город был малоизвестен римлянам и находился далеко от территории венетов (Свод древнейших письменных известий... С. 132—134). Вряд ли эти возражения можно считать серьезными.

²³⁶ Niederle L. Slovanské srarozitnosti. Т. II. Praha, 1910. S. 369—370.

нести это племя к славенской группе. Согласно О. Н. Трубачеву, этноним его имеет западногерманское начало²³⁷. Если это так, то племенное образование дулебов следует отнести к римскому времени и локализовать где-то в ареале пшеворской культуры, где славяне контактировали с германцами внутрирегионально.

Пражско-корчакская культура в целом датируется V—VII вв. В связи с широким расселением ее носителей дальнейшее развитие культуры было неодинаковым в разных землях. В Среднедунайском регионе пражско-корчакская культура не имела прямого развития. Здесь, как уже говорилось, славени территориально перемешались с антами и пришлыми тюркоязычными кочевниками, результатом чего стало формирование славяно-аварской культуры. В бассейне Эльбы развитие пражско-корчакской культуры было прервано новыми волнами славянской миграции, исходившими из Среднего Подунавья. О судьбе славен в Нижнем Подунавье было сказано выше. Более или менее спокойно протекало культурное развитие в южных землях Польши, на Волыни и в Припятском Полесье. На рубеже VII и VIII вв. на территории Правобережной Украины в результате плавной эволюции на основе пражско-корчакских древностей складывается лука-райковецкая культура, носителей которой можно отождествлять с дулебами, названными в Повести временных лет.

В VIII—IX вв. в ареале лука-райковецкой культуры наблюдается становление отдельных племен, зафиксированных русскими летописями. Здесь выявляется четыре крупных региона концентрации памятников, разделенных незаселенными лесными и болотистыми пространствами: **1.** Верховья рек Буга Западного, Стири и Горыни — область, соответствующая региону волянян. **2.** Бассейны рек Тетерева и Ужа — коренная область древлян. **3.** Среднее течение Припяти — регион дреговичей. **4.** Киевское поречье Днепра с Ирпенью и устьем Десны — земля полян. Некоторая изолированность этих групп, очевидно, способствовала слабо заметному этнографическому обособлению их. Таким образом, из среды дулебов вышли воляняне, древляне, поляне и дреговичи. Эти новообразования получили свои этнонимы от характера местностей, в которых они обитали. «...Разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте», — пишет летописец²³⁸. И, действительно, название полян явно образовано от лексемы поле (поляне — жители куль-

---

²³⁷ Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 52—53.

²³⁸ Повесть временных лет... С. 11.

турно возделываемых земель), этноним древляне произведен от слова дерево — лесные жители («...древляне, зане седоша в лесех...»), которые в самом деле заселяли лесную область. Этимология дреговичей связана со словами со значением 'болото' (укр. дряговина 'болото', белорус. дрэгва 'болотистая, топкая местность' и родственные лексемы в летто-литовских языках)²³⁹. И это соответствует характеру территории этого племени. Та часть дулебов, которая обитала в бассейне Буга, стала именоваться бужанами, а позднее волянянами (от топонима Волянь — Вельнь).

Воляняне, древляне, поляне и дреговичи в древнерусское время составляли юго-западную группу восточного славянства. Еще А. А. Спицын обратил внимание на полное единство обрядности и вещевых инвентарей курганов IX—XII вв. этой группы племен. Если каждое из восточнославянских племенных образований лесной зоны Русской равнины имело свой этноопределяющий тип височных колец, то на Юго-Западе для всех племен были свойственны одинаковые черты женского убранства²⁴⁰.

Аналогичная ситуация была и в южнопольском регионе ареала пражско-корчакской культуры. Здесь на ее территории также складываются племенные новообразования. Их регионы, как и в Бугско-Днепровском междуречье, были разделены незаселенными или слабо заселенными лесными пространствами. Свои названия они также получают от особенностей местностей или географических ориентиров. Это — висляне в верховьях Вислы; слензяне, проживавшие по обоим берегам Одера ниже полян (название их происходит от реки Слензы и горы Сленз); лендзяне (из славянского *ledo*, русск. ляда, лядина 'пустошь, новь, необработанная земля') на правобережье Вислы между устьями Сана и Вепжа²⁴¹.

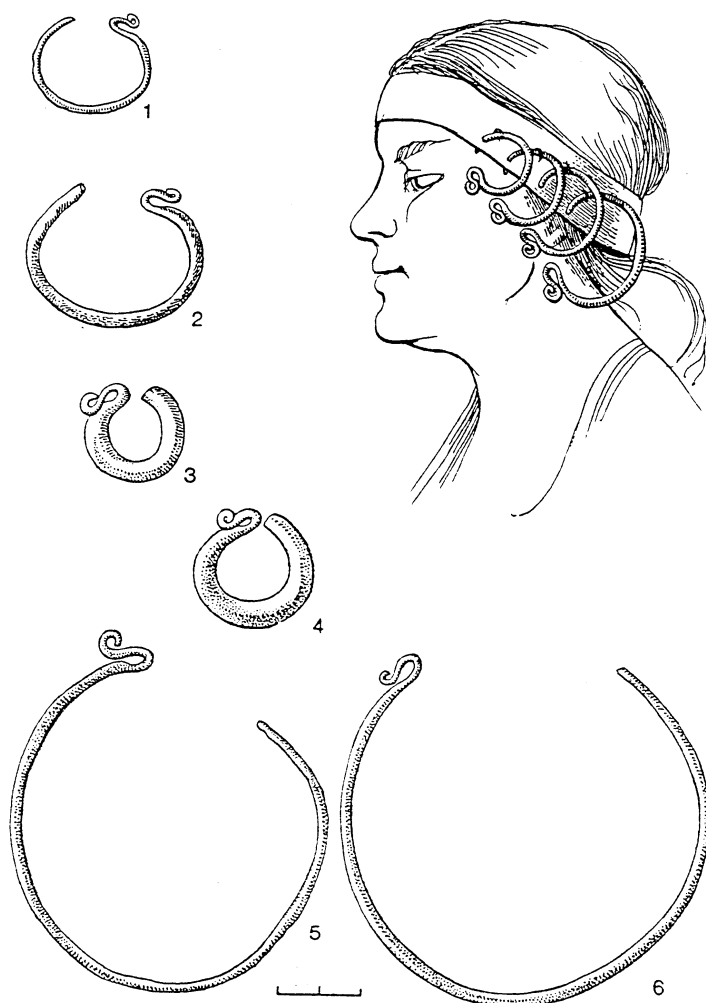
Несмотря на обширность территории, заселенной рассматриваемой славянской группировкой, еще в IX—XII вв. проявляется единообразие в женских височных украшениях славян, вышедших из нее. Это явное

---

²³⁹ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах: Основные проблемы и перспективы // *Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древней Руси.* Киев, 1980. С. 40—41; *Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 41, 43, 46.

²⁴⁰ *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // *ЖМНП.* 1899. VIII. С. 326—327; *Седов В. В.* О юго-западной группе восточнославянских племен // *Историко-археологический сборник: А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 30-летию научной, педагогической и общественной деятельности.* М., 1962. С. 197—198.

²⁴¹ *Leciejewicz L.* Słowianie zachodni. Z dziejów tworzenia się średniowiecznej Europy. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1989. S. 45—123.

Рис. 64. Эсоконечные височные кольца

1, 2 — Калдус; 3 — Млодзиково; 4 — Мейсцовоц; 5, 6 — Гданьск.

свидетельство устойчивости этнографического своеобразия рассматриваемого праславянского образования, представленного в начале средневековья пражско-корчакскими древностями.

Височные кольца — одно из важнейших и наиболее характерных украшений славянского мира раннего средневековья. Еще в XIX в. исследователи обратили внимание на это и использовали для определения территории расселения славян, для разграничения их земель от реги-

онов соседних германских и других иноэтничных племен²⁴². Последующие изыскания многократно подтвердили это положение. Для восточнославянского ареала были определены типы височных колец, специфические для племенных образований, известных по русским летописям.

Для славянского населения рассматриваемой группы были характерны проволочные (или дрововые) кольца разного диаметра, один конец которых завит в виде латинской буквы S (рис. 64). Они носились на висках с одной или обеих сторон головы и крепились на налобной ленточной повязке или головном уборе, а нередко просто вплетались в волосы. Этим височным кольцам посвящена большая литература²⁴³. В. Гензель высказал догадку, что эти украшения имели какое-то магическое значение²⁴⁴, что не исключено. Большинство исследователей считают их западнославянскими, но такого образования в раннем средневековье не было, а их распространение никак не соответствует западнославянскому языковому ареалу. Картография эсоконечных колец рассматриваемого типа дает все основания утверждать, что они были характерны для славян, вышедших из пражско-корчакской группировки²⁴⁵.

---

²⁴² *Lissauer A.* Über die hakenförmigen Ringe oder Hakenringe der Slawen // *Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. X. Berlin, 1878. S. 107—116; *Müller S.* Über slawische Schläfenringe // *Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift*. Bd. 3. 1881. S. 189—197; *Virchow R.* Wendische Graburnen // *Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. XIV. 1882. S. 444—450; *Niederle L.* Bemerkungen zu einigen Charakteristiken der altslawischen Gräber // *Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft zu Wien*. Bd. XXIV. 1894. S. 194—202.

²⁴³ *Hensel W.* O magicznej funkcji wczesnośredniowiecznych kabłączków skroniowych // *Slavia Antiqua*. T. XVI. Warszawa; Poznań, 1968. S. 243—261.

²⁴⁴ *Niederle L.* Život starých Slovanů. T. I. Z. 2. Praha, 1913. S. 589—610; *Musianowicz K.* Kabłączki skroniowe — próba typologii i chronologii // *Światowit*. T. XX. Warszawa, 1948—1949. S. 115—232; *Borkovský I.* Ešovité zaušnice, jejich původu vyznam // *Referaty o pracovnich vysledcich československých archeologů za rok 1955*. Č. I. Libice, 1956. S. 148—156; *Abramowicz A.* W sprawie typologii i zasięgów kabłączków skroniowych // *Przegląd archeologiczny*. T. 8. Wrocław, 1950. S. 387—389; *Kralovský A.* Beiträge zur Frage der Ausgestaltung, Chronologie und der ethnischen Bestimmung des sog. Schläfenringes mit S-Ende // *Studia Slavica*. T. 5. N 3—4. Budapest, 1959. S. 137—361; *Mesterházy K.* Az S-végű hajkarika elterjedése a Kárpát-medencében // *A Debreceni Deri Múzeum évkönyve*. 1962—1964. Debrecen, 1966. S. 95—113; *Idem.* Köznépi ékszerek nemesfém változatai: arany S-végű hajkarikák // *Alba Regia. Annales Musei Stephani Regis*. XX. Székesfehérvár, 1983. S. 143—152; *Kočka-Krenz H.* Esowate kabłączki skroniowe z terenów Polski północno-zachodniej // *Fontes archaeologici Posnanienses*. Vol. XXII. Poznań, 1972. S. 97—143.

²⁴⁵ *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 31—35.

Венедская группа

Лехитская (суковско-дзедзицкая) подгруппа

Славянское население северных территорий пшеворской культуры в эпоху переселения народов разделилось на две части. В западных регионах земледельческое население в основной массе оставалось на прежних местах проживания, пережив существенный упадок экономики и культуры. Теперь это население не получало изделий провинциально-римского ремесла. В результате многие орудия труда и предметы быта, широко распространенные в пшеворской культуре, вышли из употребления. Число изделий из железа и бронзы резко сокращается, теперь они изготавливались непрофессионально, и качество их стало заметно низким. Вместо гончарной керамики с широким ассортиментом сосудов земледельцы стали лепить примитивные глиняные горшки и миски ручным способом из менее качественного теста. Постепенно в северо-западной части раннесредневекового славянского мира складывается новая культура, названная суковско-дзедзицкой (рис. 65)²⁴⁶.

Эти древности пока не получили монографического освещения. Краткая информация о поселениях суковско-дзедзицкой культуры на территории Германии с картой их распространения приведена в книге «Славяне в Германии»²⁴⁷. Для области Польского Поморья (преимущественно для региона между нижним Одером и Парсентой) перечень памятников с краткой характеристикой приведен в статье Я. Жака²⁴⁸. В сводной рабо-

---

²⁴⁶ Поименована по двум сравнительно хорошо изученным поселениям — городищу Суков в Мекленбурге (*Schuldt E. Die Ausgrabungen im Gebiet der «Alten Berg» von Sukow, Kr. Teterow // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. Jahrbuch 1963. Schwerin, 1964. S. 217—238*) и селищу Дзедзице в Польском Поморье (*Porzeziński A. Wstępne wyniki badań na osadzie wczesnośredniowiecznej w Dziedzicach, pow. Myślibórz, w 1970 r. // Materiały zachodniopomorskie. T. XVII. Szczecin, 1971. S. 97—112; Idem. Zasielenie Pomorza Zachodniego w VI—VII wieku n. e. w świetle dotychczasowych wyników badań archeologicznych // Slavia Antiqua. T. XXII. Warszawa; Poznań, 1975. S. 29—63; Idem. Z badań nad problematyką osadnictwa najstarszej fazy wczesnego średniowiecza na Pomorzu Zachodnim // Materiały zachodniopomorskie. T. XXVI. Szczecin, 1982. S. 115—144; Sikorski A. Problem ceramiki typu Dziedzice w świetle badań w Dębzinie, woj. Koszalin // Folia praehistorica posnaniensia. T. II. Poznań, 1987. S. 279—302.*

²⁴⁷ Die Slaven in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1985. S. 27—28. Abb. 4.

²⁴⁸ Żak J. Die älteste frühmittelalterlich-slawische Keramik Westpommerns // Koszalin-skie zeszyty muzealne. T. 5. Koszalin, 1975. S. 221—229.

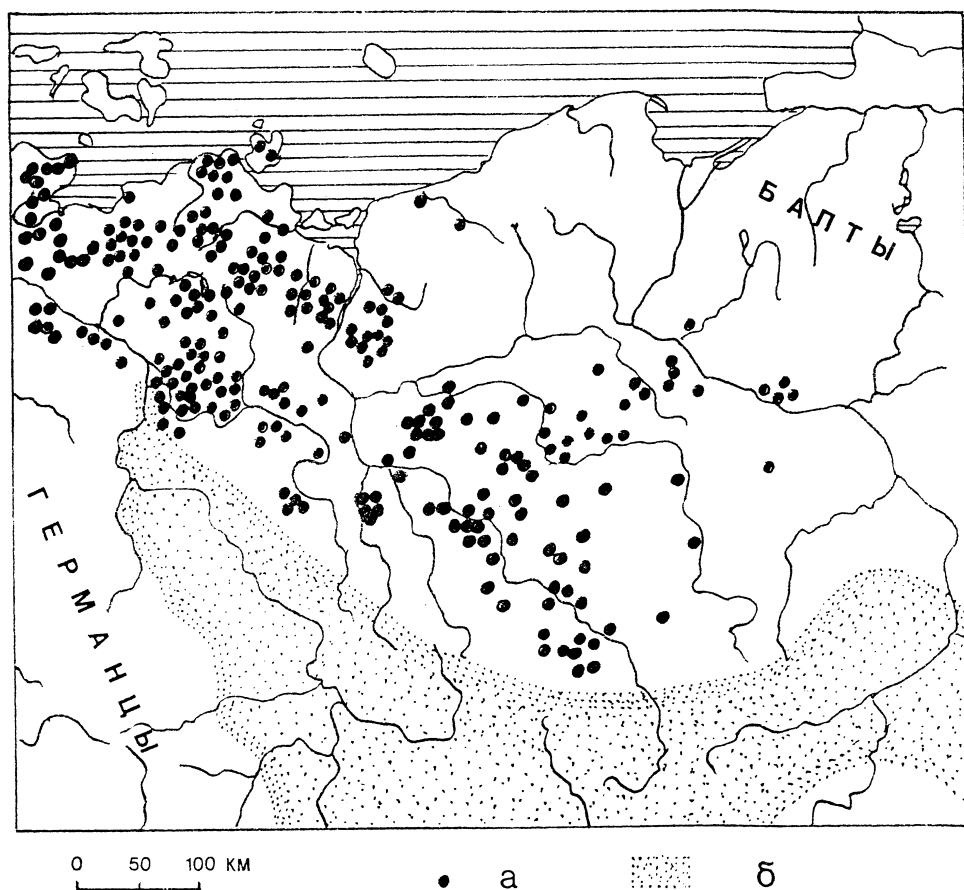

Рис. 65. Распространение памятников суковско-дзедзицкой культуры

а — поселения суковско-дзедзицкой культуры; **б** — ареал пражско-корчакской культуры.

те М. Парчевского, посвященной славянским древностям начала средневековья в Польше, они не выделены и рассматриваются в общей массе²⁴⁹.

Наиболее характерными элементами суковско-дзедзицкой культуры являются особенности домостроительства и керамика. Жилищами служили исключительно наземные постройки, преимущественно срубные²⁵⁰. При раскопках они выявляются с большим трудом, главным образом по

²⁴⁹ *Parczewski M. Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988.*

²⁵⁰ *Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jh. Berlin, 1980.*

Рис. 66. Керамика суковско-дзедзицкого типа

1 — Клайн Марков; 2 — Брущево; 3 — Вентшов; 4, 5 — Суков.

подпольным чашеобразным ямам овальных, реже подпрямоугольных очертаний. Размеры ям различны — от 2 x 1,5 до 3,1 x 1,9 м, глубина около 0,4 м. Исследователи поселений суковско-дзедзицкой культуры различают ямы хозяйственные и жилищные. Первые обычно меньших размеров и заполнены грунтом с содержанием различных отходов. В жилищных же ямах обычно обнаруживаются развалы камней от печей и очагов, которые устраивались на полу поблизости от углублений. В некоторых жилищах открыты неразрушенные очаги размером около 1,5 x 1,2 м — кладки из камней в один—два яруса или воронкообразные углубления, заполненные углистым слоем. На ряде поселений зафиксированы и остатки печей-каменок.

Суковско-дзедзицкая керамика (рис. 66) заметно отлична от пражско-корчакской. Основными формами ее являются горшки двух видов и мискообразные сосуды. К первому виду относятся горшки, имеющие сравнительно широкое горло и небольшое по диаметру днище. Вторую группу образуют почти биконические горшки с несколько сглаженным переходом от верхней части к нижней. Такую же форму имели и миски при меньшей высоте, но большем диаметре.

Поселения суковско-дзедзицкой культуры были преимущественно неукрепленными. Они располагались по берегам больших и малых рек и иных водоемов. Судить о планировке поселений преждевременно, поскольку более или менее полно раскопанные селения единичны. Фрагментарные данные указывают на доминирование кучевой застройки.

В ареале рассматриваемой культуры очень рано возникают укрепленные поселения — городища. В бассейне Хавеля — Шпрее исследовались городища в Бранденбурге, Копенике, Шпандау, Бланкенберге. Начало возникновения их в этом регионе определяется исследователями концом VI — началом VII в.²⁵¹ В северных районах Германии раскапывались городища близ Наумена, Альтфресака, Бамме и другие. Первые укрепления в Ольденбурге были возведены славянами в первой половине VII в. По-видимому, этим временем датируется и начало городищ в Бозау и Фархау²⁵².

В. Лосиньский, исследовавший микрорегион р. Парсенты, определяет несколько причин раннего возникновения укрепленных поселений. Миграция славян третьей четверти I тыс. н. э., отмечает он, привела к перегруппировке и распаду прежних племенных отношений. В итоге намечается тенденция формирования малых племен. В этой связи необходимы стали политические и оборонные центры. Городища и были такими опорными пунктами малых племен, занимавших местности площадью около 30 кв. м. Это были административные центры и одновременно пункты натурального обмена, а также убежища в моменты опасности. Во-

---

²⁵¹ Grebe K. Zur frühslawischen Besiedlung des Havelgebietes // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. Bd. 10. 1976. S. 167—189; Herrmann J. Köpenick. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Gross-Berlins. Berlin, 1962; Müller A. Die slawischen Burgen von Spandau // Ausgrabungen in Berlin. Bd. II. Berlin, 1971. S. 89—95; Seyer H. Die Burg in Berlin-Blankenburg und die altslawische Besiedlung des Niederen Barnims // Archäologie als Geschichtswissenschaft. Berlin, 1977. S. 381—395.

²⁵² Struve K.-W. Die slawischen Burgen in Wagrien // Offa. N 17/18. 1959/1961. S. 57—108; Idem. Die Burgen in Schleswig-Holstein. Bd. I. Neumünster, 1981; Willkomm H. Comparison of C14 Dates // Radiocarbon. XXII—2. 1980. P. 286—290.

круг городищ группировались селища, в которых проживало земледельческое население. В. Лосинский отмечает, что примерно в то же время строятся городища и в других регионах суковско-дзедзицкого ареала²⁵³.

В срединной Польше раскопано городище Шелиги, находящееся на берегу небольшой реки Слупянки в 4—5 км от ее впадения в Вислу. Открыты остатки наземных построек с каменными очагами. Они располагались в два ряда по краям городища, а в середине находилась незастроенная площадь. При сооружении вала широко использовались крупные камни.

Около 70% керамического материала из культурного слоя городища составляли фрагменты лепной посуды суковского-дзедзицкого облика. В ямах, открытых в материке, встречена только такая керамика. Кроме того, в слое обнаружены обломки биконических горшков, близких к торновским, тюльпановидные сосуды, а также посуда, обточенная на гончарном круге. Из раскопок этого памятника происходят серебряный браслет с расширенными концами; бронзовые привески нескольких типов, бубенчики, спиральные бусы, пальчатая фибула; железные топор, наконечник копья, шпоры с загнутыми внутрь концами, фрагмент псалия. При издании материалов раскопок В. Шиманьский датировал городище второй половиной VI — первой половиной VII в. Позднее, дополнительно проанализировав вещевые находки, исследователь пришел к заключению об основании поселения в Шелигах в самом начале VII в.²⁵⁴ В округе городища выявлен комплекс селищ.

До конца VIII в. на территории суковско-дзедзицкой культуры бытовал погребальный обряд, плохо фиксируемый археологически, — остатки кремации умерших, собранные с погребальных костров, разбрасывались в определенных местах (могильниках) прямо на поверхности. Один из таких могильников с поверхностным слоем, состоящим из остатков трупопожжений, был выявлен в Ябеле в округе Нейбранденбург²⁵⁵.

Областью становления суковско-дзедзицкой культуры были земли среднего течения Одера с бассейном Варты, прежде входившие в пше-

---

²⁵³ *Losiński W.* Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—X/XI w.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972; *Idem.* Osadnictwo plemienne Pomorza (VI—X w.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1982.

²⁵⁴ *Szymański W.* Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Zespół osadniczy z VI—VII w. Wrocław, 1967; *Idem.* Próba weryfikacji datowania zespołu osadniczego ze starszych faz wczesnego średniowiecza w Szeligach, woj. Płockie // *Archeologia Polski*. T. XXXII. Wrocław, 1987. S. 107—134.

²⁵⁵ *Warnke D.* Bestattungssitten der slawischen Bevölkerung in Norden der DDR // *Zeitschrift für Archäologie*. Berlin, 1982. № 2. S. 195.

ворский ареал. Пшеворские поселения здесь функционировали до середины V в. Только в этом регионе зафиксированы наиболее ранние суковско-дзедзицкие памятники, нижние отложения которых могут быть отнесены к V — началу VI в. Таковы поселения Бониково, Радзеюв Куявский, Осечница, Новы Дворек, Боровой Млын, Полупин и др. В Бониково при раскопках найдены фибула с подвязанной ножкой, датируемая III—IV вв., и шпора VI в., позволившие определить нижние суковско-дзедзицкие напластования поселения V—VI вв.²⁵⁶ На поселении Радзеюв Куявский обнаружена скандинавская фибула с прямоугольной головкой, датируемая V—VI вв.²⁵⁷ На городище Бискупин найдена пряжка V в.²⁵⁸ Начало поселений в Жуковицах М. Качковский склонен определять второй половиной V в. или рубежом V и VI вв.²⁵⁹ К ранней фазе славянских памятников рассматриваемого облика относятся также поселения Язув, Брущево, Новины и Хвалкув. Все они локализуются в ареале пшеворской культуры.

В пользу датировки первых поселений суковско-дзедзицкой культуры пшеворского ареала второй половиной V — началом VI в. говорит и то, что многие формы ранней глиняной посуды, встреченной при раскопках их, имеют прототипы в керамике римского времени. Анализируя материалы поселений окрестностей Глогува, М. Качковский выделил две группы глиняной посуды, которые обнаруживают бесспорные связи с местной позднеримской керамикой²⁶⁰. На связи раннесредневекового керамического материала рассматриваемого региона с позднеримским обращал внимание и Э. Домбровский. В Боникове, Осечнице и Шелигах встречены горшкообразные сосуды с высоким прямым горлом, слегка отогнутым венчиком и раздутым туловом, которые имеют прямые аналогии в керамике позднепшеворских памятников²⁶¹.

---

²⁵⁶ Holowińska Z. Wczesnośredniowieczne grodzisko w Bonikowie. Poznań, 1956. S. 37, 70—78; Godłowski K. Die Frage der slawischen Einwanderung ins östliche Mitteleuropa // Zeitschrift für Ostforschung. Bd. XXVIII. 1979. S. 423—425.

²⁵⁷ Gabalówna L., Nowakowski A. Wczesnośredniowieczna osada na stanowisku 5 w Radziejowie // Prace i materiały Muzeum w Łodzi. Seria archeologiczna. T. II. Łódź, 1964. S. 233.

²⁵⁸ Kaczowski M. Charakterystyka osadnictwa wczesnośredniowiecznego w rejonie Głogowa od połowy V do połowy XI wieku w świetle źródeł archeologicznych // Zielonogórskie zeszyty muzealne. T. II. Zielona Góra, 1971. S. 5—37.

²⁵⁹ Gród prasłowiański w Biskupnie w pow. Żniskim. Poznań, 1938. Tabl. LVIII.

²⁶⁰ Kaczowski M. Próba chronologicznej klasyfikacji ceramiki z VI i VII wieku w okolicach Głogowa // Zielonogórskie zeszyty muzealne. T. V. Zielona Góra, 1975. S. 43—72.

²⁶¹ Dąbrowski E. Rozwój zasiedlenia w okolicach Krosna Odrzańskiego od późnego okresu lateńskiego po wczesne średniowiecze // Slavia Antiqua. T. XVII. Warszawa; Poznań, 1970. S. 146—158; *Idem*. Dotychczasowe wyniki badań archeologicznych w

В VIII—IX вв. суковско-дзедзицкая посуда в рассматриваемом регионе постепенно вытесняется гончарной керамикой.

Из ареала становления суковско-дзедзицкой культуры славяне уже в VI в. начали активно осваивать западные районы Польского Поморья и междуречья нижних течений Одера и Эльбы. В северной Польше к VI столетию относятся нижние напластования исследованных раскопками селищ Дзедзицы, Дерчево и Дембчино²⁶².

В землях западнее Одера первые славяне появляются начиная с середины VI в., а массовое заселение их относится ко второй половине VI — началу VII в. Низовья Эльбы и смежные приморские области были освоены славянами на рубеже VI и VII вв.

Продвигаясь на северо-запад, славяне кое-где встретились с остатками германского населения. На основании множества пыльцевых анализов, взятых на ряде поселений региона Хавеля — Шпрее, в которых встречена и славянская, и германская керамика, немецкие исследователи констатировали непрерывность использования пахотных полей от римского времени до раннесредневекового²⁶³. В Берлине-Марцан на поселении суковско-дзедзицкой культуры раскопками открыт колодец, выстроенный местными германцами, который славяне застали действующим и, немного обновив, стали им пользоваться²⁶⁴. Подобная ситуация наблюдается и на острове Рюген. Из 40 пыльцевых анализов, взятых на раннеславянских поселениях, половина показала континуитет земледельческой деятельности и, следовательно, несомненную встречу славянских переселенцев с местными германцами. Об этом же говорит и этноним славян Рюгена — раны (руяне, рушане, руги), который восходит к германским ругиям, упоминаемым еще Тацитом. Контакты славян с германцами фиксируются археологически и в Вагрии, в частности, по материалам Ольденбурга и Бозау²⁶⁵.

Osiecznicy i Białogorze, pow. Krosno Odrzańskiego na tle niektórych zagadnień z pogranicza późnego okresu rzymskiego i początków wczesnego średniowiecza // Zielonogórskie zeszyty muzealne. T. III. Zielona Góra, 1971. S. 39—82.

²⁶² Porzeziński A. Z badań nad problematyką... S. 115—144; Köhler R. Frühe slawische Siedlungen in Pommern unter besonderer Berücksichtigung der neuen Grabungen in Dziedzice/Deetz // Offa. XXXVII. Neumünster, 1980. S. 177—183.

²⁶³ Lange E. Ergebnisse pollenanalytischer Untersuchungen zu den Ausgrabungen in Waltersdorf und Berlin-Marzahn // Zeitschrift für Archäologie. Bd. XIV. Berlin, 1980. S. 243—248.

²⁶⁴ Seyer H. Germanische und slawische Brunnenfunde in der Siedlung von Berlin-Marzahn // Zeitschrift für Archäologie. Bd. XIV. Berlin, 1980. S. 225—241.

²⁶⁵ Struwe K.-W. Ausgrabung Oldenburg // Sonderforschungsbereich 17. Skandinavien- und Ostseeraumforschung. Kiel, 1981. S. 75—80. См. также: Herrmann J. Germanen und

Эти наблюдения относятся преимущественно к памятникам, расположенным на возвышенных участках. Результаты же пыльцевых анализов, полученных с поселений, расположенных в низинных местностях междуречья нижних течений Эльбы и Одера, достоверно свидетельствуют, что эти обширные области, плотно заселенные в позднеримское время германским населением, были полностью оставлены в период переселения народов и в V—VI вв. заросли лесами. Славяне, осваивавшие эти земли, вынуждены были расчищать участки для пахотных угодий. Расселялись славяне здесь небольшими группами, их ранние поселения имели малые размеры. На первых порах большая роль в хозяйствовании в таких местностях принадлежала подсечно-огневому земледелию.

В ареале суковско-дзедзицкой культуры исторические источники фиксируют несколько племенных образований.

В междуречье средних течений Одера и Варты локализуются поляне — одно из крупных племен лехитской группы славян. Этимология его прозрачна — от слова «поле». Баварский географ не упоминает полян, но ему были известны глопеане — большое племенное формирование, включавшее «400 градов». По всей вероятности, оно тождественно полянам, в составе которых были более мелкие племена-новообразования — гопляне (название происходит от озера Гопло в Куявии), ленцичане (округа Ленчицы) и серадзане (округа Сарадза). Соседями полян на юго-западе были дедошане.

Каких-либо заметных различий между полянами и дедошанами в археологических материалах не наблюдается. Области их расселения, как и других племен на территории Польши, реконструируются на основе карты древней залесенности. Раннесредневековые племена осваивали окультуренные земли, рубежами между ними были лесные пространства²⁶⁶.

Довольно крупным племенным лехитским образованием были ободриты. Впервые они упоминаются во «Франкских анналах» под 789 годом. Источник говорит о них как об особой этнической и политической общности славян²⁶⁷. В ее состав входило несколько племен: собственно

Slawen in Mitteleuropa. Zur Neugestaltung der ethnischen Verhältnisse zu Beginn des Mittelalters. Berlin, 1984.

²⁶⁶ *Leciejewicz L.* Słowiańszczyzna zachodnia. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. S. 53—69; *Idem.* Słowianie zachodni. Z dziejów tworzenia się średniowiecznej Europy. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1989. S. 52—66.

²⁶⁷ *Horák B., Travníček D.* Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii // *Rozprawy Československé Akademie věd.* T. 66—2. Praha, 1956. P. 3; *Fritze W.* Probleme

ободриты, давшие имя всей общности, варны, полабы, вагры, древане и линяне.

Племя ободритов локализуется по побережью Балтийского моря от Любекского залива до Ратиборского озера, между реками Травной и Варной. Многие исследователи полагают, что название племени образовано от р. Одер, то есть ободриты — «жители по берегам Одера»²⁶⁸. Если это действительно так, то этноним восходит еще к той поре, когда предки раннесредневековых ободритов в пшеворское время проживали где-то по Одеру. Согласно Л. Нидерле, этноним ободриты имеет патронимическое начало — потомки предводителя Ободра²⁶⁹.

Во «Франкских анналах» упоминаются еще ободриты, проживавшие в начале IX в. где-то на среднем Дунае. В этой связи высказывается гипотеза о локализации ранних ободритов в среднем течении Одера, откуда большая их часть переместилась в Мекленбург и Голштейн, а меньшая мигрировала на юг, осев на Дунае по соседству с болгарами²⁷⁰. О. Н. Трубачев, прежде разделявший эту точку зрения, недавно высказал иную этимологию. Он полагает, что этноним ободриты образован от славянского глагола *ob(ъ)dertī/*ob(ъ)dьrati ‘ободрать, ограбить’, в пользу чего свидетельствуют «Франкские анналы» — «ободриты, которые на языке народа называются грабителями»²⁷¹.

Рядом с ободритами по р. Варне проживали варны, их центром предположительно был Пархим. В Восточном Голштейне между Балтийским

der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giessen, 1960. S. 141.

Основные вопросы изучения древностей ободритов поставлены в работе: *Leciejewicz L.* Główne problemy dziejów obodrzyckich // *Słowiańszczyzna Połabska między Niemcami a Polską*. Poznań, 1981. S. 167—182).

²⁶⁸ *Lehr-Splawiński T.* Poprawy i szkice z dziejów kultury Słowian. Warszawa, 1954. S. 99; *Rudnicki M.* Nazwy Słowian połabskich i łuzycznych u Geografa Bawarskiego // *Opuscula Casimira Tymieniecki septusgenario dedicata*. Poznań, 1959. S. 253; *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // *Вопросы языкознания*. 1974. № 6. С. 56; *Moszyński L.* Z zagadnień słowotwórstwa prasłowiańskich nazw plemiennych // *Etnogeneza i topogeneza Słowian*. Warszawa; Poznań, 1980. S. 65—69.

²⁶⁹ *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. T. III. Praha, 1919. S. 126.

²⁷⁰ О различных мнениях относительно локализации ободритов Подунавья и их происхождении см.: *Novaković R.* Baltički sloveni u Beogradu i Srbiji. Beograd, 1985. S. 96—135.

²⁷¹ *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 129—130.

морем и р. Травной обитали вагры, главным центром которых был Старгард (ныне Ольденбург). Южнее, по правому берегу Эльбы (Лабы) жили полабы, а выше по течению этой реки — линияне. Центром полабов был Рацисбург (по-видимому, славянский Ратибор). Левобережную часть Поэльбья заселяли древане. В археологических материалах заметных различий между ободритскими племенами не проявляется. Судя по их этнонимам, это были новообразования с несложившимися этнографическими элементами. Однако, как свидетельствует Гельмольд, каждое из ободритских племен имело свои обычаи и свои религиозные культы — у полабов главным языческим божеством была Жива или Сива, у вагров — Прове, у собственно ободритов — Радогошт или Редегаст²⁷². Местами совершения языческих культов были священные рощи. Описывая одну из них, где главным богом был Прове, Гельмольд отмечает, что это место было «святыней всей земли» вагров, где каждый второй день недели собирался весь народ во главе с князем и жрецом²⁷³. При раскопках поселений Вагрии были обнаружены деревянные изображения языческих богов²⁷⁴.

В письменных источниках зафиксированы имена князей ободритского племенного союза. Первым значится князь Вилчан, затем на протяжении 40 лет это политическое образование возглавляли Дражко, Славомир и Чедраг. Упоминаются также князья малых племен, входивших в ободритский союз. В последней четверти VIII в. ободриты были союзниками короля франков Карла (позднее — император Карл Великий) при покорении саксов. Одновременно, отстаивая свои земли, ободриты вели войны с датчанами и велетами. В 30—40-х гг. IX в. восточнофранкский король Людовик Немецкий одержал победу над ободритами и ликвидировал их племенной союз. Однако в середине IX в. при некотором ослаблении Восточнофранкского государства ободриты восстановили племенной союз, просуществовавший до 20—30-х гг. X в. По-видимому, это племенное образование постепенно трансформировалось в государственное, параллельно началось формирование ободритской народности²⁷⁵. Этот про-

²⁷² *Helmoldi Presbyteri Bozoviensis Chronica Slavorum* // *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*. Bd. XIX. Berlin, 1963. I, 83; *Łowmiański H. Religia słowian i jej upadek*. Warszawa, 1979. S. 175.

²⁷³ *Helmoldi Presbyteri Bozoviensis...* I, 83.

²⁷⁴ *Struwe K. Ziel und Ergebnisse von Untersuchungen auf drei slawischen Burgwällen Ostholsteins* // *Ausgrabungen in Deutschland*. Bd. III. Mainz, 1975. S. 111—112.

²⁷⁵ Становление государства у ободритов обычно датируется первой половиной или серединой X в. (*Ловмянский Г. Происхождение славянских государств // Вопросы истории*. 1977. №12. С. 193). О формировании ободритской народности см.: *Сали-*

цесс был прерван немецкой экспансией. В середине X в. князь Готшалк (1043—1066 гг.) предпринял попытки воссоздания ободритской государственности, но они были неудачные²⁷⁶. Утратив политическую самостоятельность, ободриты оказались под властью немецких князей и епископов. Принятие ободритами католической религии и массовая колонизация их земель немцами привели к постепенной ассимиляции большей части славянского населения.

На территории ободритов известно несколько более или менее крупных градов, которые на первых порах были центрами политической власти, но постепенно трансформировались в ремесленно-торговые пункты, охотно посещаемые иноземными купцами. Наиболее крупными среди них являются административные центры вагров и ободритов (малого племени) — Старгард и Велиград. Последний именовался датчанами Рериком. В 808 г., как свидетельствуют «Франкские анналы», он был сожжен датчанами, и купцы были переселены в Хайтхабу — в земли, подвластные датскому королю. Вскоре Велиград был отстроен славянами заново, и в нем разместился князь ободритов.

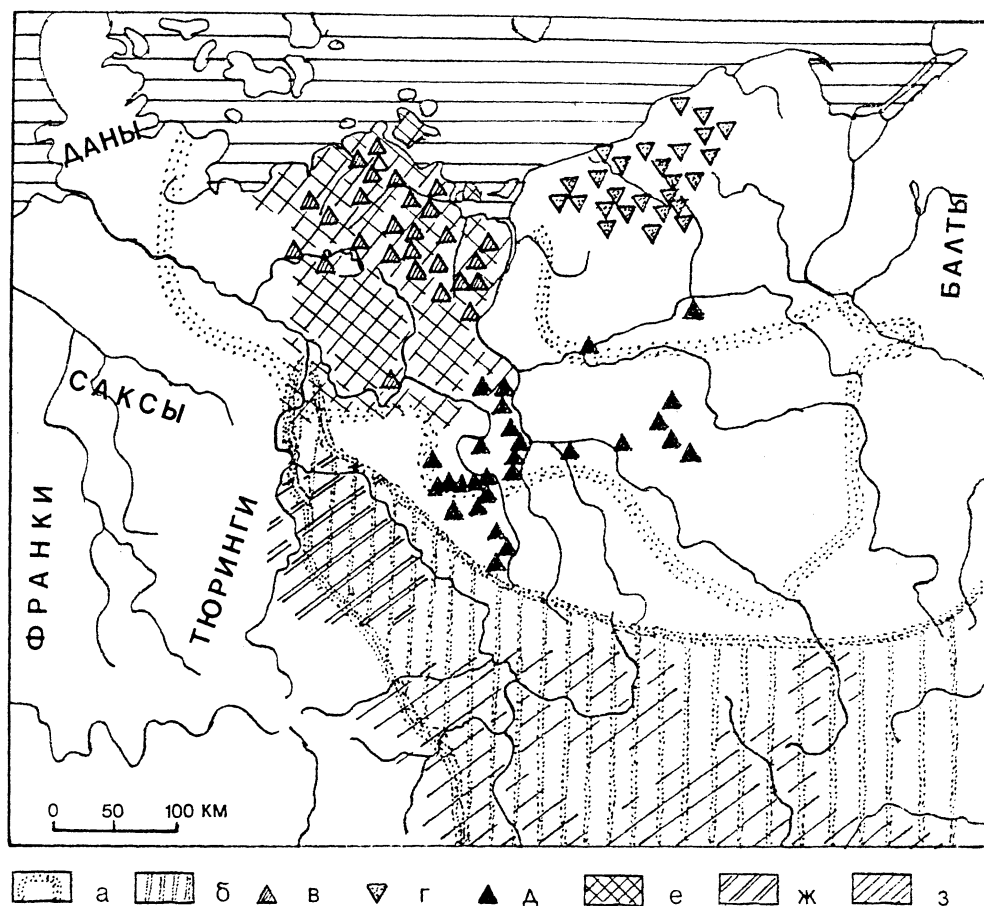
Недалеко от Висмара находится крупное городище, именуемое Мекленбургским, которое отождествляется с Велиградом — резиденцией князей ободритского племенного союза, а в более позднее время — мекленбургских князей²⁷⁷. Городище устроено на всхолмлении, имеет овальные очертания размером 180 x 140 м и по периметру обнесено валом высотой до 8,6 м. Нижний горизонт культурного слоя, в котором доминирует суковско-дзедзицкая керамика, датирован на основании материалов раскопок 620—680 гг. Изучение валов выявило 7 строительных периодов. Древнейший вал с внутренними деревянными конструкциями имел высоту до 7 м и ширину основания 12,75 м. Его возведение автор раскопок П. Донат определяет первой четвертью VII в., разрушен был в 680 г. (дендрологическая дата). В последующие столетия Велиград — Мекленбург стал крупным ремесленно-торговым поселением раннего средневековья и играл заметную роль в истории региона до XIII в. В его округе археологами открыты синхронные земледельческие поселения и могильники.

вон А. Н. Самосознание ободритов (к вопросу об образовании ободритской раннефеодальной народности) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 130—151.

²⁷⁶ Корулюк В. Д. Государство Готшалка // Славянский сборник. М., 1947. С. 336—355.

²⁷⁷ Donat P. Die Mecklenburg — eine Hauptburg der Obodriten. Berlin, 1984.

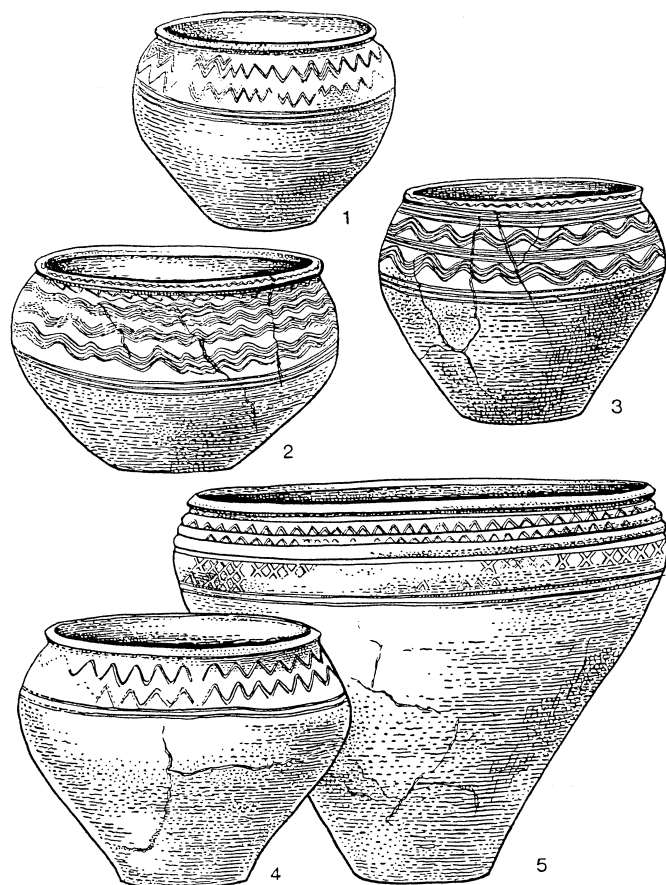
Рис. 67. Северо-западный регион славянского мира в VI—VIII вв.

а — ареал суковско-дзедзицкой культуры; **б** — пражско-корчакской культуры. Основные памятники различных культур: **в** — фельдбергской; **г** — кендзинской; **д** — торновской. Ареалы культур: **е** — фельдбергской; **ж** — рюсенской; **з** — керамики дунайского типа.

Довольно хорошо изучен археологами и Старгард — Ольденбург²⁷⁸.

Суковско-дзедзицкая керамика в ободритском ареале доживает до IX в., но в слоях этого столетия составляет уже сравнительно небольшой процент. Уже на рубеже VII и VIII вв. получает хождение керамика мен-

²⁷⁸ Gabriel I. Starigard/Oldenburg: Hauptburg der Slawen in Wagrien. I. Stratigraphie und Chronologie. Neumünster, 1984. S. 75—89, 213—214.

Рис. 68. Керамика фельдбергской культуры

1—3 — Менцлин; 4 — Герке; 5 — Дамен.

кендорфского типа, изготавливавшаяся на гончарном круге²⁷⁹. Это была продукция ремесленного производства, и она распространялась, постепенно вытесняя лепную посуду, независимо от племенных и иных рубежей.

Область между регионом ободритов и нижним течением Одера принадлежала велетам-лютичам. Этноним велеты связан со славянским *vel-* 'великий': в украинском языке велет, в русском волот 'великан, богатырь'. Их начало восходит к расселению на этой территории славян — носителей суковско-дзедзицких древностей. На рубеже VI и VII вв. здесь появ-

²⁷⁹ *Schuldt E.* Die slawische Keramik in Mecklenburg. Berlin, 1956; *Idem.* Slawische Töpferei in Mecklenburg. Berlin, 1964.

ляются новые группы славянского населения с иными культурными традициями. Славяне-первопоселенцы в значительной массе не покинули мест своего проживания, лишь кое-где они вынуждены были оставить свои селения. Культура славян второй волны миграции названа фельдбергской по одному из раскопанных городищ в Фельдберге в округе Нейбранденбург. Основным ареалом этой культуры стала область западнее нижнего течения Одера между побережьем Балтийского моря и поречьем Хавель—Шпрее (рис. 67).

На первых порах племена фельдбергской культуры заметно отличались от славян, поселившихся здесь ранее. Пришлое население проживало на сравнительно крупных укрепленных поселениях, состоящих из нескольких десятков дворохозяйств. В одном таком граде проживало от 600 до 1000 человек. В этой связи нужно полагать, что перемещение фельдбергского населения осуществлялось большими, сплоченными коллективами. Фельдбергская керамика изготавливалась на гончарном круге, она хорошо обожжена и богато орнаментирована (рис. 68). Это преимущественно горшкообразные сосуды, невысокие, широкогорлые, с выпуклыми боками и суженной нижней частью. Они украшались многорядной волной или горизонтальными линиями, встречаются также штампованные узоры и наlepные валики. Жилищами фельдбергского населения были наземные срубные дома. Погребальные памятники пока не выявлены.

Во время расселения носителей фельдбергской культуры зафиксированы случаи разрушения суковско-дзедзицких селений. Но вскоре между славянами первой и второй волн миграции установились мирные отношения, но скоро они перемешались не только территориально, но и физически, в итоге образовалось единое племенное сообщество. Фельдбергская керамика постепенно вытеснила прежнюю, изготавливавшуюся без гончарного круга²⁸⁰.

Согласно изысканиям Й. Геррманна, фельдбергская керамика восходит к распространенной на территории Силезии глиняной посуде позднеримского времени и периода переселения народов. Среди последней имеется много сосудов, которые по своим формам и орнаментации близки к

---

²⁸⁰ В археологической литературе высказаны и иные мнения о фельдбергской культуре. Так, Э. Шульдт полагал, что фельдбергская керамика эволюционировала из суковско-дзедзицкой (*Schuldt E. Die slawische Keramik... S. 75—89, 213—214*). О последних изысканиях см.: *Brather S. Feldberg Keramik und frühe Slawen. Studien zur nordwestslawischen Keramik der Karolingerzeit. Bonn, 1996*.

фельдбергским и могли стать их прототипами²⁸¹. В начале средневековой поры в славянской среде имелось немало «кочующих» ремесленников, сохранивших позднеримские производственные традиции. Группа таких гончаров-ремесленников и могла положить начало фельдбергской керамике. Они со своими семьями и родственными группами и расселились среди суковско-дзедзицкого населения в землях севернее Хавель—Шпрее.

Основной ареал фельдбергской культуры соответствует области, которая, согласно историческим данным, принадлежала велетам. Они и были носителями этих древностей. Й. Геррманн утверждал, что фельдбергская керамика — это «типичное произведение велетских племен»²⁸². Эта посуда бытовала до IX в., когда появляется менкендорфская керамика, которая постепенно вытесняет прежнюю. В регионе Хавель—Шпрее вырабатывается своеобразный тип посуды, занимающий как бы промежуточное место между фельдбергской и менкендорфской керамикой. Некоторые исследователи рассматривают ее как вариант менкендорфской посуды, а К. Греббе назвал ее псевдофельдбергской²⁸³.

В состав велетов входили хижане (кессины), черепняне (цирципаны), толлензы (доленцы), укряне, стодоране и редари (ротари). Князь последних одновременно возглавлял все племенное сообщество велетов. Локализуются редари в окрестностях Редегоста (Ретры), где находился языческий храм Сварожича Радогоста, упоминаемый в трудах Адама Бременского и Гельмольда. Ретра была разгромлена немцами в 1127 г. Археологически она не изучена, предполагается лишь, что находилась близ нынешнего Нейбранденбурга. Черепняне обитали за рекой Пеене (Пена) и названы от этого гидронима. Между черепнянами и варнами жили хижане (от славянского хыжь — хижина). Округа озера Толлензее была местом обитания толленцев, укряне заселяли область по р. Укры. Самым южным велетским племенем были стодоране, имевшие второе имя — говоляне от названия р. Хавель, по берегам которой они проживали. Кроме того, источники называют ряд мелких племен, обитавших в ареале фельдбергской культуры, — моричан, брижан, шпреян, семчичан, плонян и др. Все это, как видно из этнонимов, были новообразования, каких-либо различий в археологических материалах между ними не обнаруживается.

---

²⁸¹ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 70—73.

²⁸² Там же. С. 49.

²⁸³ Grebe K. Zur frühslawischen Besiedlung des Havelgebietes // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. Bd. 10. Berlin, 1976. S. 7—54.

Согласно «Франкским анналам», велеты с самого появления находились в конфронтации с ободритами. Под 808 г. сообщается об их «давнишней вражде с ободритами». В последней четверти VIII в. велеты (франки именовали их вильцами) подчинялись Карлу Великому, а в начале IX в. наметилась тенденция усиления власти велетского князя.

Источники характеризуют велетов как самый воинственный славянский народец. Они вели упорную и ожесточенную борьбу против немецкого господства и насаждения христианства. Особенно сильный характер она приобрела в X в.²⁸⁴, при этом этот племенной союз стал именоваться лютичами. Трудно сказать, чем обусловлена смена этнонима. Племенное имя лютичи ассоциируется со славянским *ljut-* в значении «лютый, жестокий, свирепый, сильный». Л. Нидерле считал, что этот этноним произведен от имени родоначальника или предводителя племени Люта.

Около рубежа IX—X вв. из велетского союза отделились стодоране. В 929 г. они оказались в числе первых жертв немецкой экспансии. Велеты же упорно отстаивали свою независимость и в 50-х гг. X в. объединились с ободритами. Борьба шла с переменным успехом. После кратковременного установления господства немецких феодалов и духовенства в 983 г. лютичи подняли восстание и повели за собой ободритов. В течение нескольких недель они освободили свою территорию и восстановили прежний племенной строй. В Ретре стало собираться «народное собрание», решавшее основные вопросы племенного союза. Широкое развитие получил языческий культ. Главная святыня в Ретре стала одновременно сборным пунктом для боевых походов²⁸⁵. Роскошные языческие святилища, как сообщают хронисты, возникли и в центрах племен, входивших в лютический союз. Организация языческого культа стала средством сохранения независимости и политической самостоятельности. Создание центрального святилища можно рассматривать как показатель начального этапа становления этноса и государственности.

Во второй половине XI в. лютический племенной союз не выдержал мощного напора немецкого и датского феодальных государств. Славянское население рассматриваемого региона оказалось подчиненным светской и духовной жизни Запада. В условиях последовавшей затем немецкой колонизации велетские славяне были постепенно ассимилированы.

---

²⁸⁴ *Bulin H. Německý přínos k dějinám polabských slovanů // Vsnik a počatky slovanů. Dil. II. Praha, 1958. S. 5.*

²⁸⁵ *Herrmann J. Feldberg, Rethra und das Problem der wilzischen Höhenburgen // Slavia Antiqua. T. XVI. Warszawa; Poznań, 1970. S. 33—69.*

Невозможно сказать, были ли руяне острова Рюгена частью велетского союза племен или, как считал, в частности, Л. Нидерле, составляли отдельную группу балтийских славян. Первыми славянскими поселенцами на острове были носители суковско-дзедзицких древностей. Фельдбергская керамика распространилась здесь относительно поздно, только в VIII в. В IX в. на острове уже безраздельно господствовала фрезендорфская посуда. Ее характерными формами являются широкогорлые выпуклобокие горшки с орнаментальными поясами из валиков с нарезными узорами или из волнистых линий. Основным регионом этой керамики был Рюген, поэтому немецкие археологи рассматривают ее как этнографический элемент ранов. В небольшом количестве такая посуда встречается еще в прибрежных местностях Фестландии²⁸⁶.

В земле руян, в Арконе, находилось знаменитое языческое святилище Святовита, функционировавшее в XI—XII вв. и известное по описанию датского хрониста Саксона Грамматика. Аркона была одним из крупных укрепленных поселений, культовым и административным центром руян. В 1168 г. датчане разрушили ее, и руяне были подчинены их владычеству.

Арконское городище расположено на мысу, возвышающемся над водами Балтики на 70 м. Его подтреугольная площадка длиной до 300 м и шириной около 400 м с напольной стороны в X—XI вв. была защищена валом и рвом. Поселение, как показали раскопочные работы, основано в VIII—IX вв. и первоначально имело значительно меньшую площадь. Языческий храм Святовита стоял в срединной части святилища, на мысе, ныне разрушенном морскими прибоями. Удалось изучить лишь часть рва, ограждавшего культовое место. Анализы костных остатков, собранных при раскопках сохранившейся части святилища, показали, что в жертву руяне приносили в основном молодых животных — крупный рогатый скот, овец, коз и свиней. Около городища и внутри его во время языческих празднеств совершались торговые операции, о чем говорят находки вещей, привезенных из Скандинавии и стран Западной Европы²⁸⁷.

---

²⁸⁶ Donat P. Zur zeitlichen und regionalen Gliederung der altslawischen Keramik zwischen Oder und Elbe/Saale // *Studia nad etnogenezą słowian i kulturą Europy Wczesnośredniowiecznej*. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987. S. 245—247. Abb. 4, 5.

²⁸⁷ Herrmann J. Arkona auf Rügen. Tempelburg und politisches Zentrum des Ranen vom 9. bis 12. Jh. Ergebnisse der archäologischen Ausgrabungen 1963—1971. // *Zeitschrift für Archäologie*. Bd. 8. Berlin, 1974. S. 177—209.

Появление фельдбергской керамики в землях западнее Одера оказало заметное воздействие на культурное развитие Польского Поморья. Суковско-дзедзицкая посуда здесь безраздельно господствовала в VI — начале VII в. На следующей стадии (VII — начало VIII в.) получает распространение сначала глиняная посуда, подправленная на гончарном круге, а затем и собственно гончарная керамика. При этом появляются формы сосудов, эволюционно не связанных с местной посудой.

Ранняя глиняная посуда, подправленная на круге, получила название голанчской²⁸⁸. Она довольно многообразна и включает горшки баночной и яйцевидной форм, близкие к биконическим, невысокие, но широкие сосуды, приближающиеся к мискам. Большинство сосудов не орнаментировалось. Голанчский тип сменяется кендзинским, в составе которого характерными являются вазообразные сосуды, нередко орнаментированные. Время бытования голанчской и кендзинской керамики определяется VII — первой половиной VIII в.

Эта глиняная посуда по показателям сопоставима с фельдбергской. Нужно полагать, что распространение голанчской и кендзинской посуды в Польском Поморье было результатом инфильтрации носителей фельдбергской культуры в эти земли.

Дальнейшее развитие керамики этого региона происходило независимо от соседних земель. Во второй половине VIII — первой половине IX в. продолжала бытовать голанчская и кендзинская посуда, но вместе с ней получает хождение керамика бардыского и волинского типов, а в конце этого периода и керамика щецинского типа.

Последняя стала характерной для западнопоморской области, наибольшее распространение ее приходится на период от середины IX до 70-х гг. X в. Щецинская керамика богата по ассортименту, наиболее ходовыми были горшки, близкие к цилиндроконической и биконической формам. Почти вся посуда орнаментировалась узорами из линий, прореченных вертикально, горизонтально или крестообразно. Встречаются также орнаменты из волнистых линий и палочные вдавления. На смену щецинской посуде в конце X в. приходит керамика швелюбского типа.

Области Польского Поморья принадлежали поморянам. Нужно полагать, что это было новообразование: так стали именоваться славяне — носители суковско-дзедзицкой культуры, расселившиеся в приморских землях. Миграция осуществлялась вниз по поречью Одера, и первой оказа-

---

²⁸⁸ Losiński W. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—X/XI w.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972; *Idem*. Osadnictwo plemienne Pomorza (VI—X w.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1982.

лась освоенной славянами западная часть Поморья. Затем они продвинулись на восток и стали соседями пруссов. На юге территория поморян ограничивалась обширным непроходимым девственным лесом. Среди поморян выделяется несколько мелких племенных образований. Баварский географ называет волинян (велюнзан) и приссан (выжичан). Первые локализуются в окрестностях Волина, вторые — на правобережье Одера, выше по течению. В более восточных землях Польского Поморья проживали два племени — кашубы, занимавшие область от устья Вислы до Жарновского озера, и словинцы, локализуемые в округе Лебского озера. Ретроспективный анализ средневековых исторических материалов позволил Г. Ловмянському высказать предположение о существовании в IX в. предгосударственного образования — «поморского племенного союза»²⁸⁹.

Фельдбергская керамика в небольшом количестве поступала и в ареал ободритов²⁹⁰.

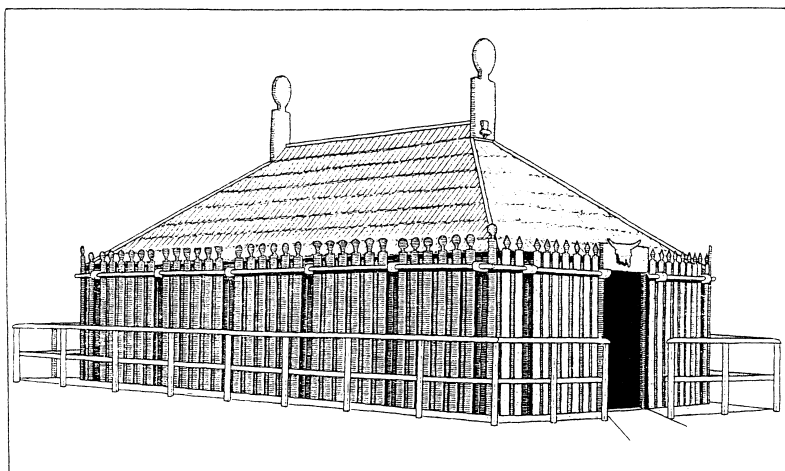
Духовная жизнь балтийских славян — большая, интереснейшая тема, нуждающаяся в специальном монографическом исследовании. Языческая религия в северо-западном регионе раннесредневекового славянства не только сопутствовала всем сторонам жизни и быта, но и играла огромную роль в длительной борьбе за независимость и стала идейной основой княжеской власти ободритских и велетских племен. В этом регионе сооружались культовые здания, которых не знали славяне других территорий.

Храмы балтийских славян, выстроенные из дерева и великолепно оформленные, до недавнего времени были известны по описаниям XI—XII вв. Теперь некоторые из них открыты и изучены археологами. Один из них исследован в Гросс Радене недалеко от г. Штернбергер в округе Шверина. Здесь на полуострове озера Биннензее находится городище с высоким кольцевым валом и рядом поселение IX—X вв., где и открыто было культовое здание второй половины IX в. (рис. 69). Стены его сооружены из вертикально поставленных бревен, которые с наружной стороны были облицованы уплощенными брусьями. Последние сверху завершались схематически вырезанными изображениями голов. Над входом висел череп зубра — символ силы и благополучия. Длина храма 12,5 м, ширина 7 м²⁹¹.

²⁸⁹ *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e. T. V. Warszawa, 1973. S. 411—414.

²⁹⁰ *Donat P.* Zur zeitlichen und regionalen Gliederung... S. 239—254.

²⁹¹ *Schuldt E.* Der altslawische Tempel von Gross Raden. Schwerin, 1976; *Idem.* Siedlung und Burg von Gross Raden. Schwerin, 1978; *Idem.* Gross Raden. Ein slawischer Tempelort

**Рис. 69. Реконструкция святилища по раскопкам в Гросс Радене
(по Э. Шульдту)**

Остатки подобной культовой постройки, несколько худшей сохранности, раскопаны в Фельдберге.

Анализ этих храмов при учете данных исторического описания выявляет ближайшие аналогии им в культовом строительстве кельтов. В этой связи достаточно обоснованной представляется мысль Й. Геррманна о том, что культовые здания балтийских славян восходят к кельтским храмовым сооружениям²⁹². Их начало, по-видимому, относится к последним столетиям I тыс. до н. э., когда часть славян впитала в себя кельтский субстрат. В земли балтийских славян кельтское наследие было перенесено, скорее всего, из Силезии носителями фельдбергских древностей.

В VIII—IX вв. в землях балтийских славян появляются первые протогородские поселения. Одним из наиболее изученных является поселение Ральсвик на острове Рюген²⁹³. Оно основано в VIII в., но его наибольший расцвет приходится на IX—X столетия. Находилось поселение на полу-

---

des 9./10. Jh. In Mecklenburg. Berlin, 1985; *Idem.* Der eintausendjährige Tempelort Gross Raden. Schwerin, 1990.

²⁹² *Herrmann J.* Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des frühen Mittelalters // *Slovenská archeologia*. XXVI—1. Bratislava, 1978. S. 19—28.

²⁹³ *Herrmann J.* Ralswiek auf Rügen — ein Handelsplatz des 9. Jahrhunderts und die Fernhandelsbeziehungen im Ostseegebiet // *Zeitschrift für Archäologie*. Bd. 12. Berlin, 1978. S. 163—180; *Idem.* Ralswiek — Seehandelsplatz, Hafen und Kultstate, Arbeitsstand 1983 // *Ausgrabungen und Funde*. Bd. 29. Berlin, 1984. S. 128—135.

острове при Большом Ясмундском заливе и имело размер 360 x 70—100 м. Его застройку образовывала система дворов, состоящих из жилого дома, подсобных строений, мастерских и хозяйственных амбаров. Многие из таких усадеб имели собственные пристани с навесами, под которыми сохранялись и могли ремонтироваться ладьи. Раскопками документировано 15—17 пристаней. Исследованы и сами судна, на которых совершались морские перевозки. Это были ладьи длиной около 14 м и шириной 3,4 м. Осадка их — около 1 м, грузоподъемность — примерно 9 тонн. Передвигались они с помощью парусов, весла имели подсобное назначение. В XI в. жизнь на поселении затухает.

Главную роль на Ральсвикском поселении играли купцы. Им принадлежали усадьбы, где на хозяйственных дворах проживали моряки, ремесленники и подсобники. В усадьбах при раскопках зафиксированы остатки мастерских по изготовлению железных орудий труда, обработке дерева и изготовлению поделок из кости. В некоторых дворах, судя по следам обработки дерева и находкам железных заклепок, вероятно, строились ладьи. Жители поселения занимались также земледелием и скотоводством, но их роль была подсобной.

Подобные торговые прибрежные фактории, осуществлявшие товарооборот путем морских перевозок между ближними и отдаленными местностями, исследовались и в неславянских регионах Балтики — Хайтхабу на юге Ютландского полуострова, Хельге в Швеции, Каупанг в Норвегии²⁹⁴.

В Польском Поморье интересным протогородом, переросшим в раннесредневековый город, был Волин²⁹⁵. В VIII — первой половине IX в. это было неукрепленное торгово-ремесленное поселение, основанное на острове при р. Дзивне, — центр волинян, входивших в племенное образование поморян. Во второй половине IX в. были сооружены оборонительные валы, и поселение получило регулярную застройку. В X в. при граде разрастается неукрепленный посад, и в следующем столетии Волин становится одним из крупных славянских городов на Балтике, о чем сви-

---

²⁹⁴ Герфманн Й. Роль прибрежных торговых факторий VIII—X вв. в развитии племенного общества, формировании государств и городов // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 1. М., 1987. С. 32—46; Седов В. В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 31—38.

²⁹⁵ Filipowiak W. Wyspa Wolin w prahistorii i we wczesnym średniowieczu // Z dziejów Ziemi Wolińskiej. Szczecin, 1973. S. 63—137; Idem. Die Kultproblematik in Wolin vom 9. bis zum 12. Jh. // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. T. I. Bratislava, 1979. S. 243—257.

детельствует Адам Бременский. Раскопками его изучены следы развитой ремесленной деятельности (костерезное дело, стеклоделие, обработка янтаря и др.). Начиная с X в. Волин активно участвовал в балтийской торговле. Одновременно он был одним из культовых центров. При раскопках обнаружена серия находок, характеризующих разные стороны славянского язычества.

Основы градообразовательного процесса закладываются и на ободритско-велетской территории. Наряду с городищами — резиденциями князей и племенной знати — археологами выявлены поселения, в которых концентрировалась ремесленно-торговая деятельность. А. Грингмут-Даллмер на основе анализа таких памятников утверждал, что они, осуществляя ремесленное дело, торговлю и власть, обладали зачаточными функциями раннесредневекового города. Города «немецкого права», возникшие в XII—XIII вв. на территории между нижней Эльбой и Одером, отмечал исследователь, основывались нередко непосредственно на месте славянских протогородских селений или же около них²⁹⁶.

В земле ободритов одним из таких поселений был Альт-Любек²⁹⁷. Его ядром стало городище с кольцевым валом и жилой площадкой размером около 100 x 75 м, находящееся в устье р. Траве. Около него располагалась неукрепленная часть поселения с ремесленным производством. Во второй половине XI в. ободритский князь Генрих на противоположном берегу реки основал торг и рядом поселение, которое развивалось в дальнейшем как преимущественно купеческое. Оно и стало ядром складывающегося города, в котором купцы вышли за рамки посадских людей, образовав сообщество с собственным правом.

В самом конце VIII — начале IX в. в ряде мест суковско-дзедзицкого ареала появляются курганы, что обусловлено контактами славян со скандинавами. Одним из ранних курганных могильников является Менцлинский — некрополь крупного торгового поселения VIII—IX вв. в Менцлине на р. Пеене. Раскопки его показали, что наряду со славянами здесь проживали переселенцы из Скандинавии, а торговые контакты осуществлялись со многими областями Балтики, в том числе с Фрисландией.

---

²⁹⁶ Грингмут-Даллмер А. Расселение славянских племен. Исторические предпосылки возникновения города в Восточном Мекленбурге // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 2а. М., 1987. С. 67—73.

²⁹⁷ Hübener W. Alt Lübeck und die Anfänge Lübecks — Überlegungen der Archäologie zu den Anfängen ihres «städtischen Wesens» // Neue Forschungen zu Geschichte der Hansestadt Lübeck. Lübeck, 1958. S. 7—25.

В курганах Менцлинского могильника отчетливо проявляется скандинавский этнический показатель — умерших хоронили в сложенных из камней ладьевидных могилах под курганными насыпями. Скандинавские элементы обнаруживаются и в вещевых находках ряда погребений. Курганная обрядность очень скоро была воспринята местными славянами, которые стали хоронить умерших в курганах, но, в отличие от скандинавов, по обряду трупосожжения. Вместе с тем следует отметить, что этническая атрибуция большинства трупосожжений не поддается определению, поскольку в Менцлине имела место метисация населения — во многих курганах проявляется переплетение славянских и скандинавских элементов²⁹⁸.

Аналогичная картина наблюдается и в других ранних курганных могильниках. Первые захоронения в курганах обычно содержат или элементы скандинавской обрядности, или вещевые находки скандинавского происхождения.

Одним из интереснейших курганных могильников в землях балтийских славян является Ральсвикский на острове Рюген. В нем насчитывается около 150 невысоких полусферических насыпей. Первые курганные захоронения датируются последними десятилетиями IX в., наиболее поздние — концом XII в. Курганы скандинавов (погребения в ладьях или вместе с ладьей) в некрополе единичны. Основная же масса курганных захоронений безынвентарна или содержит единичные бытовые вещи. Исследователи памятника вполне справедливо относят их к местному славянскому населению²⁹⁹. Основание других курганных могильников на Рюгене датируется лишь XI в.

Все ранние курганные некрополи в землях балтийских славян расположены при торговых поселениях-факториях, в которых проживало разнотническое население. И достаточно очевидно, что курганная обрядность сюда была занесена норманнами, которую постепенно в течение IX—XI вв. восприняло местное население.

---

²⁹⁸ *Schoknecht U.* Menzlin, ein frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin, 1977.

²⁹⁹ *Warnke D.* Das frühgeschichtliche Hügelgräberfeld in den «Schwarzen Bergen» bei Ralswiek, Kreis Rügen // *Zeitschrift für Archäologie*. Bd. 5. Berlin, 1975. S. 89—127; *Idem.* Funde und Grabsitten der Gräberfelds in den «Schwarzen Bergen» bei Ralswiek im Rahmen der kulturellen Beziehungen im Ostseegebiet // *Zeitschrift für Archäologie*. Bd. 12. Berlin, 1978. S. 275—282; *Idem.* Das frühmittelalterliche Hügelgräberfeld von Ralswiek, Kr. Rügen // *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave*. T. I. Bratislava, 1979. S. 901—904; *Idem.* Das frühmittelalterliche Hügelgräberfeld in den «Schwarzen Bergen» bei Ralswiek, Kr. Rügen // *Bodendenkmalpflege und archäologische Forschung*. Berlin, 1983. S. 165—173.

Население суковско-дзедзицкой культуры и его потомки, несмотря на широкое расселение и племенную дифференциацию, в течение длительного времени осознавали свое единство, принадлежность к единой племенной общности. В первых веках II тыс. н. э. на всей территории, освоенной ими, получили распространение однотипные украшения — височные кольца поморского типа. Это полые кольца с дрововым завершением в виде латинской буквы S. Большинство их орнаментировано растительными или геометрическими узорами. Изготавливались эти украшения из сплавов белых металлов, нередко из чистого серебра, а в Альт-Любеке найдено и золотое кольцо. Носили кольца по одному с каждой стороны головы, в районе висков, подвешивая к налобному венчику, головным уборам или вплетая в волосы.

Это были изделия ремесленного производства. Появились они на рубеже X и XI вв., наибольшее распространение их приходится на XI—XII вв., в XIII в. эти украшения постепенно выходят из употребления (наиболее поздние находки относятся к XIV в.). З. Буковский, посвятивший рассматриваемым украшениям небольшую книгу, полагал, что распространялись они из ремесленных центров там, где находили спрос³⁰⁰. Ареал височных колец поморского типа соответствует территории расселения славян суковско-дзедзицкой группы, и нужно полагать, что эти украшения стали одним из этнографических элементов рассматриваемой группы раннесредневекового славянства.

Суковско-дзедзицкую племенную общность можно связывать с лехитской диалектной группой праславянского языка, характеризующейся рядом фонетических особенностей, заметно выделяющих ее среди других праславянских диалектных групп³⁰¹. Говоры суковско-дзедзицкой группы славян в условиях дальнейшего исторического развития стали основой становления великопольского диалекта польского языка, кашубского языка в Поморье и полабского (или древяно-полабского) в бассейне нижней Эльбы и смежных землях. О первых двух языках-диалектах речь пойдет ниже в связи с вопросом формирования польской народности. Полабский язык принадлежит к числу мертвых³⁰². Носители его были онемечены. Остатки славян-полабцев зафиксированы в первой половине XVIII в. Это были сельские жители княжества Люнебург. Ныне полаб-

³⁰⁰ Bukowski Z. Puste kabłączki skroniowe typu pomorskiego. Szczecin, 1960.

³⁰¹ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 227 и карта IV.

³⁰² Сундрун А. Е. Полабский язык. Минск, 1987.

ский язык исследуется на основе записей и словариков, выполненных непрофессионалами, а также по данным топонимики и славянских заимствований в немецком языке. Лингвисты полагают, что этот язык имел распространение на широкой территории вплоть до нижнего Одера. Обычно полабский язык подразделяется на древанскую, ободритскую и велетскую диалектные группы, но надежных материалов для такого членения в распоряжении лингвистики нет. Археологические данные допускают мысль о том, что велетские говоры могли развиваться независимо от ободритских и эволюционировали в самостоятельный славянский язык (формирование его не было завершено), следы которого в материалах языкознания обнаружить не представляется возможным.

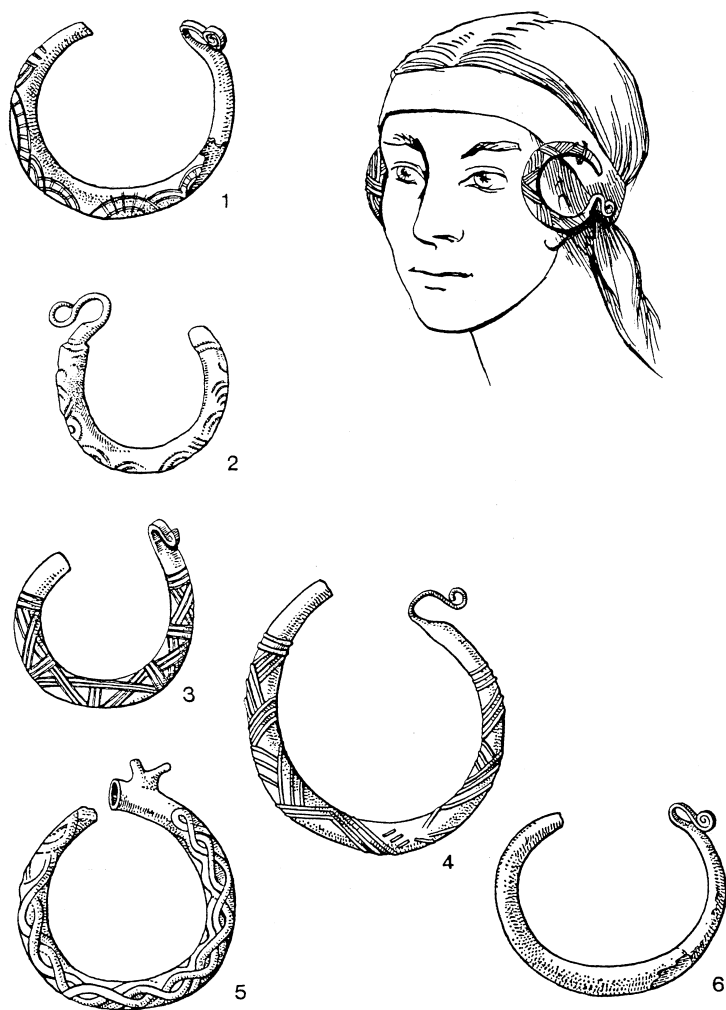
Северная восточнославянская подгруппа

Расселение славян в северных землях Восточно-Европейской равнины

Среднее Повисленье принадлежит к регионам, густо заселенным земледельческим населением в позднеримское время. К настоящему времени здесь выявлено свыше 750 памятников с материалами этого периода. В конце IV — начале V в. почти все поселения римского времени были оставлены жителями. Объясняется это значительным ухудшением климата.

Первые четыре столетия нашей эры в Средней Европе были весьма благоприятны в климатическом отношении для жизни и развития сельскохозяйственной деятельности, которая была основой экономики как славянского, так и германского населения провинциально-римских культур. Благодаря расцвету ремесленного производства активно совершенствуются орудия земледельческого труда, строительное дело, в быт входит целый ряд новых изделий. Развитие экономической жизни вело к существенным демографическим сдвигам. Наблюдается рост числа поселений и заметное увеличение численности населения.

В конце IV в. в Европе наступает резкое похолодание, особенно холодным было V столетие. Это был период максимального похолодания не только для I тыс. н. э., в это время имели место наиболее низкие температуры за последние 2000 лет. Резко повышается увлажненность почвы, что связано и с увеличением выпадения осадков, и с трансгрессией Балтийского моря. Повышаются уровни рек и озер, поднимаются грунтовые воды, сильно разрастаются болота. Очевидно, что многие поселения римского времени оказались затопленными или подтопленными, а

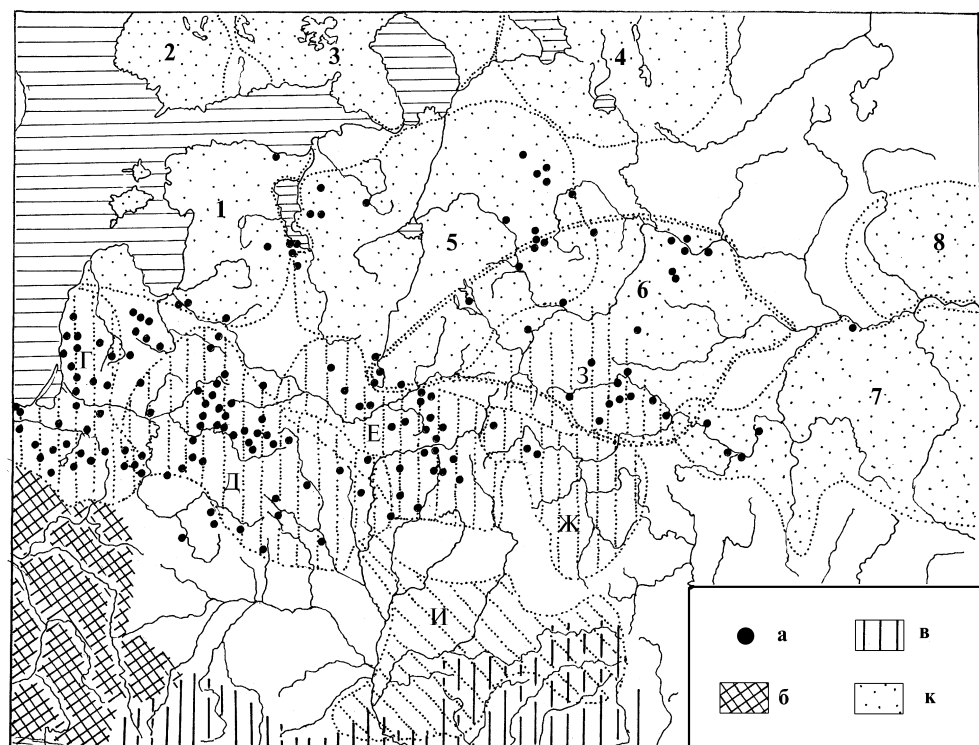

Рис. 70. Височные кольца поморского типа

1 — Данковице; 2 — Жарнувка; 3 — Бяла; 4 — Гез; 5 — Гданьск; 6 — Бискупин.

значительные участки пашен — непригодными для сельскохозяйственной деятельности. Поймы рек, прежде дававшие обильные урожаи, покрываются водой или аллювиальными отложениями и исключаются из хозяйственного землепользования.

Известно, что необычайно сильные наводнения в Ютландии и смежных землях Германии заставили тевтонов целиком переселиться на другие территории. К этому времени относится и миграция саксов. Археоло-

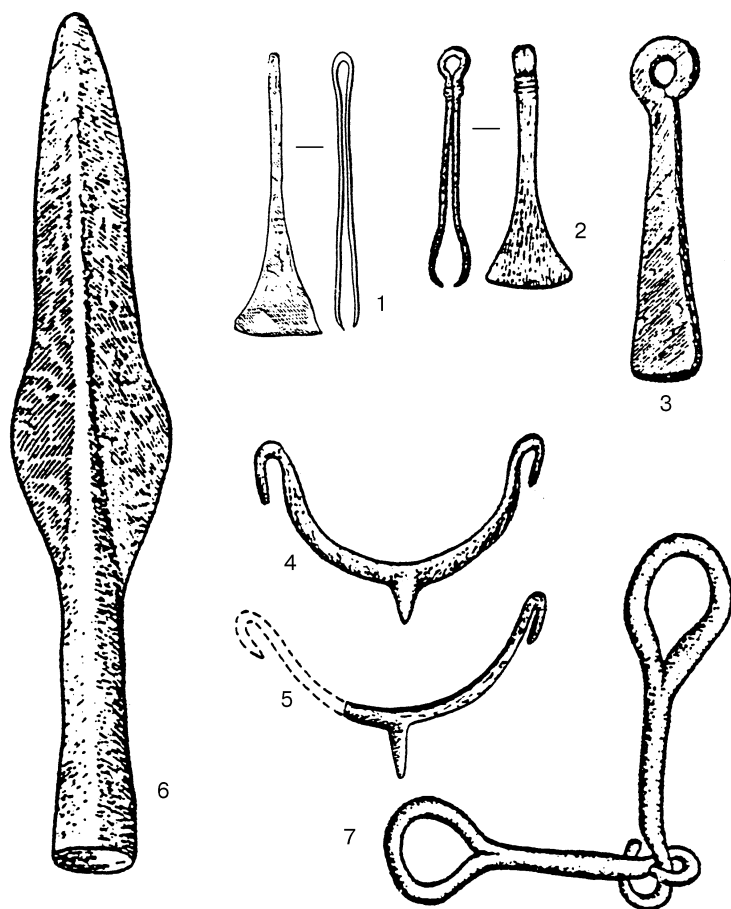

Рис. 71. Археологические культуры римского времени в лесной зоне Восточной Европы и памятники средневропейских переселенцев периода переселения народов

а — памятники с находками средневропейских провинциально-римских типов; **б** — ареал провинциально-римских культур в Средней Европе; **в** — черняховской культуры; **г** — западных балтов; **д** — культуры штрихованной керамики; **е** — днепро-двинской культуры; **ж** — мощинской культуры; **з** — москворецких городищ; **и** — киевской культуры; **к** — культур финно-угорских племен (**1** — эстонских каменных могильников; **2** — финских каменных могильников; **3** — лууконсаари; **4** — позднекаргопольской; **5** — сетчатой керамики Ильменского бассейна; **6** — дяковской; **7** — городецкой; **8** — азелинской).

гические исследования с привлечением естественников показывают, что очень многие поселения Северной Германии, которые успешно функционировали в римское время, были оставлены жителями в V в. в связи с повышением уровней рек и озер и переувлажненностью земли.

Среднее Повисленье отличается наиболее низменным рельефом, и оно более других регионов, очевидно, пострадало от наводнений и пере-

Рис. 72. Предметы среднеевропейского провинциально-римского происхождения из ареала тушемлинской культуры

1, 2 — пинцеты; 3 — пластинчатое кресало; 4, 5 — шпоры; 6 — наконечник копья; 7 — удила.

1 — Лужесно; 2, 4, 6 — Демидовка; 3 — Заозерье; 5 — Цурковка; 6 — Еловцы.

увлажненности грунта. Судя по материалам археологии, его население полностью покинуло свои земли, регион обезлюдел на какое-то время.

Археологически выявляются регионы миграции этого населения, в римское время пользовавшегося всеми достижениями среднеевропейской провинциально-римской культуры. В настоящее время в лесной зоне Восточно-Европейской равнины выявляется свыше 100 памятников середины I тыс. н. э. с находками различных вещей среднеевропейских про-

винциальноримских типов, прежде неизвестных в этих землях (рис. 71). Это предметы, в римское время широко бытовавшие в Средней Европе (ареалы пшеворской и вельбарской культур), не свойственны черняховской культуре Северного Причерноморья. Это исключает их привнесение из южных регионов Восточной Европы.

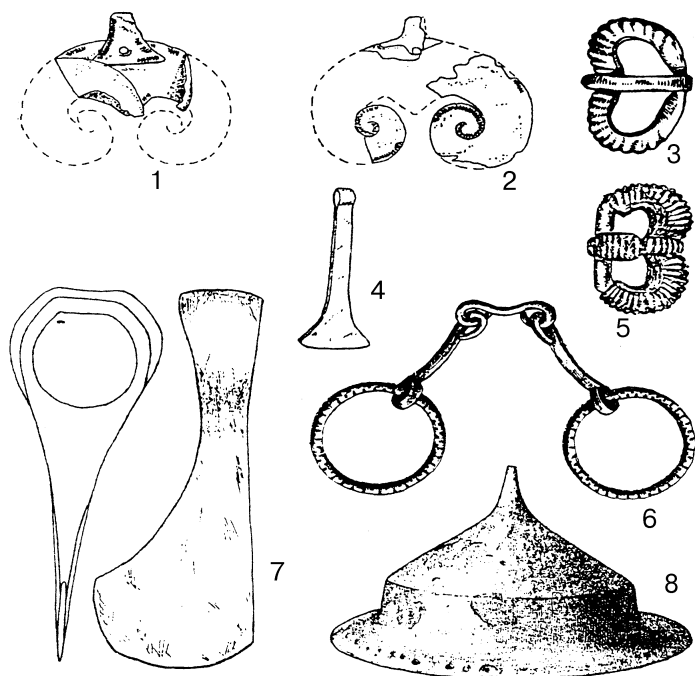
К числу таковых принадлежат железные шпоры и удила, бритвы, пластинчатые кресала, ювелирные и туалетные пинцеты, В-образные рифленные пряжки, пельтовидные привески, выполненные в стиле Сёсдал, железные втульчатые наконечники копий с пером пламевидных очертаний, двушипные втульчатые наконечники копий или дротиков, умбон шита типа Либенау, боевые топоры, характерные для вооружения «среднеевропейских варваров» позднеримского времени (рис. 72 и 73). Центральноевропейское происхождение имеют и некоторые бусы, в частности трех- и двучастные пронизки из стекла темно-фиолетового цвета, типичные для пшеворской и вельбарской культур, стеклянные бусы боченковидной формы с поперечно сжатыми сторонами. Вместе с этими предметами на той же территории Восточно-Европейской равнины получают распространение железные серпы до этого неизвестных здесь форм, каменные жернова для мельниц, а также культуры ржи и овса³⁰³.

Местное население лесной полосы Восточной Европы, как уже подчеркивалось, не было знакомо с этими изделиями провинциальноримского производства. Вполне очевидно, что они могли быть занесены сюда только группами переселенцев из средневропейских областей. О приливе больших масс нового населения говорит и то, что на всей территории Восточно-Европейской равнины, где встречены находки средневропейских провинциальноримских типов, как раз именно в это время прекращают свое развитие местные культуры раннего железного века. Постепенно складываются новые культурные образования, прямо не связанные с предшествующими.

Можно полагать, что основным исходным регионом миграции в севернорусские земли было Среднее Повисленье. Картография находок провинциальноримских типов, в частности В-образных рифленных пряжек и шпор с острыми коническими шипами и отогнутыми наружу крючками на концах, дает основание утверждать, что передвижения средневропейского населения шли широкой полосой вдоль возвышенной гряды, оставленной валдайским оледенением. Из Среднего Повисленья мигра-

---

³⁰³ Подробнее этот вопрос разработан в кн.: *Седов В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование.* М., 1999. С. 92—115.

Рис. 73. Предметы среднеевропейского провинциально-римского происхождения из памятников северной части Восточно-Европейской равнины

1 — пельтовидные привески; 3, 5 — В-образные рифленые пряжки; 4 — пинцет; 6 — удила; 7 — боевой топор; 8 — умбон.

1, 2, 4, 5 — Любахин; 3 — Полибино; 6, 8 — Доложское; 7 — Чагода.

ционные потоки через Мазурское Поозерье, средний Неман, бассейн Нериса-Вилии направлялись в северо-восточном направлении вплоть до Валдайской возвышенности. Непроходимые лесные массивы Среднего Побужья и Верхнего Понеманья, остатком которых ныне является Беловежская пуща, обходились переселенцами.

Интересно, что подобный маршрут миграции славян в севернорусские земли — из Повисленья через среднее течение Немана и бассейн Нериса-Вилии — независимо от археологии ранее реконструировался немецким лингвистом Ю. Удольфом по данным топонимики — географическим названиям со славянскими основами *veś*, *potok*, *korč*, *ručej*, *gař*, *dor*, *derevnija*³⁰⁴.

³⁰⁴ *Udolph J.* Die Landnahme der Ostslaven in Lichte der Namenforschung // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 29. Wiesbaden, 1981. S. 321—336; *Idem.* Kritisches und

Предметы средневропейского провинциально-римского происхождения, появившиеся в период великого переселения народов в лесных землях Восточно-Европейской равнины, не являются этническими маркерами. Поэтому следует говорить о миграции средневропейского населения, поскольку население пшеворской и вельбарской культур было разнородным. Однако выше было отмечено, что в Висленском регионе пшеворской культуры в римское время доминировал славянский компонент. Славянский этнический элемент был значительным и в средневисленской части ареала вельбарской культуры. В процессе миграции готов к Черному морю носители пшеворских древностей Среднего Повисленья не покинули мест своего проживания и влились в среду населения вельбарской культуры³⁰⁵. В этой связи допустимо предположение о доминировании славянского этнического компонента в составе средневропейского населения, осевшего в лесной полосе Восточно-Европейской равнины. Среди переселенцев были и представители иных этносов, прежде всего разнородные балты и германцы. Но, расселившись на одной территории со славянами, они включились в общий этногенетический процесс, который завершился становлением восточнославянского этноса и языка.

Земледельцы, пришедшие из средневропейских земель, в новых местах проживания постепенно приспосабливались к местным условиям. Жизнь и быт их стабилизировались. Они вступили в контакты с аборигенным населением и вместе с ним создавали новые культуры (рис. 74).

К р и в и ч и

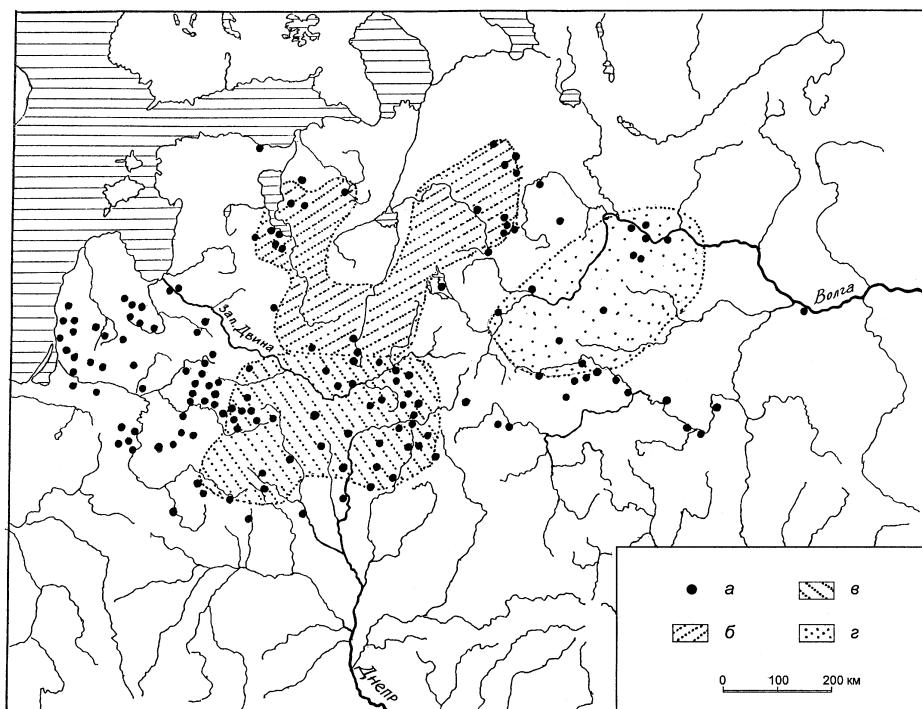
Обширные области бассейнов озер Ильменя и Псковского до середины I тыс. н. э. принадлежали прибалтийско-финскому населению. Их древности составляют культуру текстильной керамики. Этот вывод полностью соответствует заключениям лингвистов — на всей территории этой культуры известно большое количество водных названий западно-финского происхождения. Значительную роль в экономике этих племен играли присваивающие формы хозяйствования, хотя им были известны и земледелие, и скотоводство.

Около середины I тыс. н. э. культура текстильной керамики на рассматриваемой территории прекращает развитие. Зарождается и развивается новая — культура псковских длинных курганов, эволюционно никак не связанная с предшествующей.

Antikritisches zur Bedeutung slavischer Gewässernamen für die Ethnogenese der Slaven // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XLV. H. 1. Heidelberg, 1985. S. 33—57.

³⁰⁵ Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994. С. 222—232.

Рис. 74. Культурные новообразования в лесной зоне Восточной Европы после расселения средневропейского населения

а — памятники с находками средневропейских провинциалноримских типов;
б — ареал культуры псковских длинных курганов; **в** — тушемлинской культуры;
г — мерянской культуры.

Ареал этой культуры простирается от юго-западного побережья Псковского озера и бассейна р. Великой на западе до бассейна р. Мсты и верхнего течения Чагоды вплоть до востока. На юге он захватывает верховья Западной Двины и бассейн ее правого притока р. Дриссы, на Полотчине (рис. 75). Наибольшая концентрация памятников культуры псковских длинных курганов наблюдается в бассейне р. Великой и на побережье Псковского озера.

Наиболее характерными памятниками ее являются длинные курганы — невысокие (около 1 м) валообразные насыпи от 10—12 до 100 м и более длиной³⁰⁶. Обычно они расположены в могильниках вместе с круг-

³⁰⁶ О длинных курганах псковского типа см.: Седов В. В. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1—8. М., 1974; Он же. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 46—58;

лыми в плане (полусферическими) насыпями, среди которых есть и синхронные длинным, и более поздние, относящиеся к древнерусскому времени. Каждый длинный курган (или синхронный круглый) заключал несколько, иногда десятки захоронений по обряду трупосожжения. Кремация умерших совершалась на стороне, а собранные с костра остатки сожжения помещались в различных местах погребальных насыпей. Основная часть погребений помещалась в небольших ямках в основаниях курганов или в уже насыпанных курганах, некоторые захоронения рассыпались непосредственно на поверхности насыпей. Курганы окольцовывались ровиками шириной от 1,5 до 5,5 м и глубиной 0,5—1,2 м. Грунт из ровиков использовался для сооружения курганных насыпей. Вместе с тем ровики несли и культовую нагрузку — в моменты захоронений в них зажигались ритуальные костры.

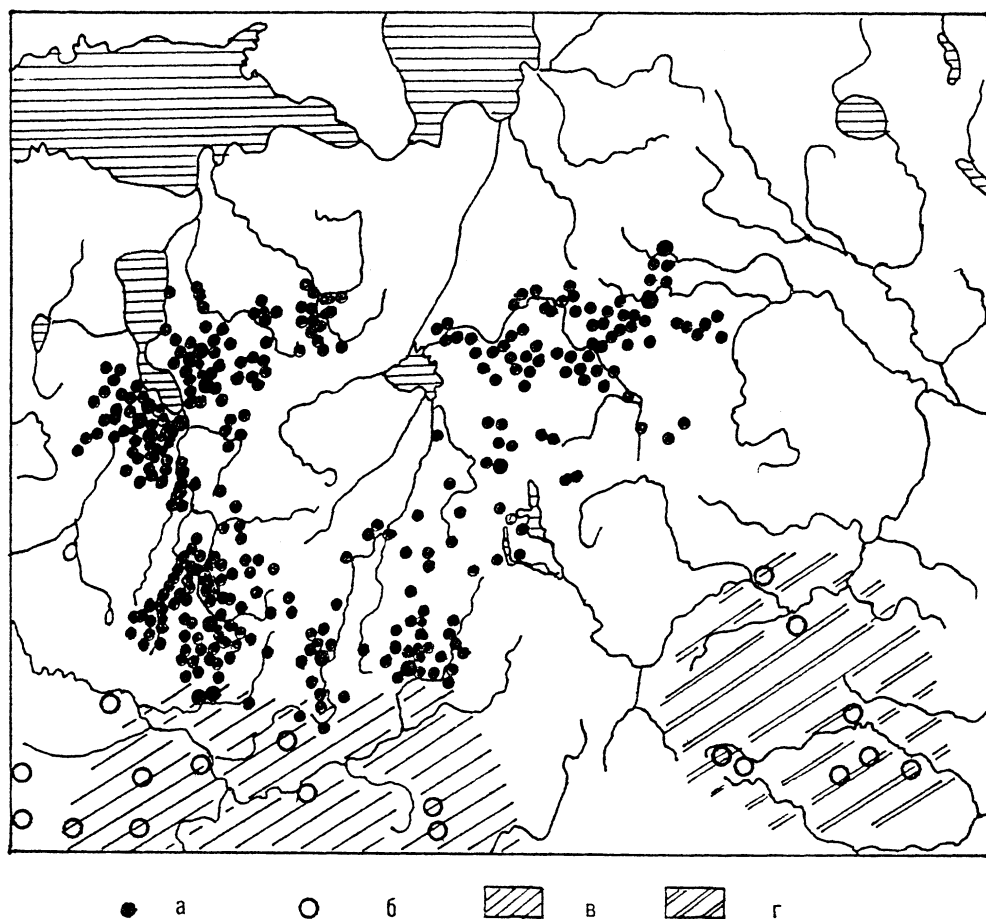
При сооружении курганов места, избранные для насыпей, предварительно ритуально выжигались («очищались огнем»), для чего использовали хворост или солому. Следы таких ритуалов являются выявляемые в длинных курганах подошвенные зольно-угольные прослойки толщиной от 2—4 до 15—30 см. Этот ритуал, по всей вероятности, был наследием обрядности прибалтийско-финского населения, в среде которого он имел распространение уже в начале нашей эры. Площадки, избранные для эсто-ливских каменных могильников с оградками, предварительно выжигались, в результате образовывались подстилающие зольно-угольные прослойки. Они зафиксированы также в более поздних погребальных памятниках води и корелы³⁰⁷, что свидетельствует о широком бытовании ритуала в древнем прибалтийско-финском ареале.

В единичных курганных насыпях встречены выкладки из камней, изредка камнями обставляли и отдельные захоронения, очень редко камнями прикрывались остатки погребений. Применение камня не было свойственно славянскому погребальному обряду. Отмеченные выкладки следует рассматривать как наследие местной прибалтийско-финской обрядности. На основании косвенных данных устанавливается, что носите-

---

Он же. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 211—217; *Он же.* Древнерусская народность... С. 117—128; *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н. э. // СА. 1981. № 2. С. 42—56.

³⁰⁷ *Шмидхельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955. С. 238; *Nordman C. A.* Karelska järnåldersstudier // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakaukirja. XXXIV. Helsinki, 1924. S. 100; *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-восточных земель Великого Новгорода // СА. Т. XVIII. 1953. С. 202—203.

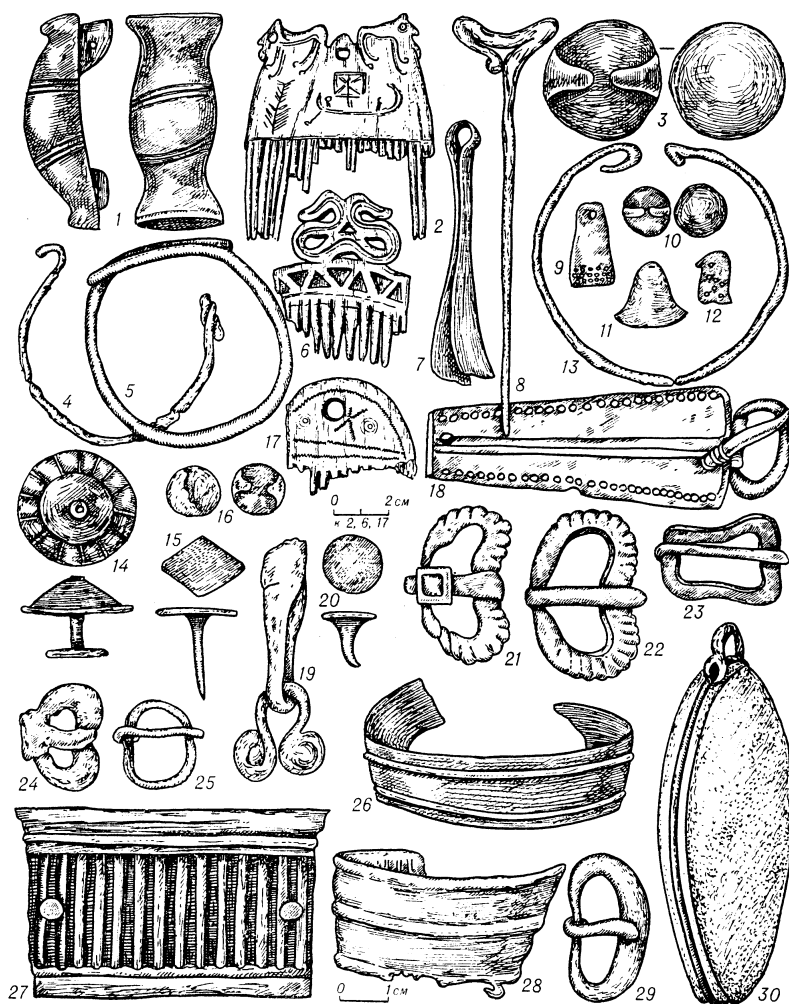
Рис. 75. Распространение памятников культуры псковских длинных курганов

а — могильники с длинными курганами псковского типа; **б** — места находок браслетообразных незамкнутых височных колец середины I тыс. н. э.; **в** — ареал тушемлинской культуры; **г** — позднедьяковской культуры.

ли культуры текстильной керамики хоронили умерших по обряду трупосожжения, рассыпая остатки кремации в специальных местах (могильниках), обозначенных грудой камней или отдельными камнями³⁰⁸.

Один из длинных курганов в Северике имел покров из валунных и плитняковых камней, что весьма характерно для курганов ятвягов. С ят-

³⁰⁸ Седов В. В. Прибалтийские финны // Финны в Европе в VI—XV веках. Прибалтийско-финские народы: Историко-археологические исследования. Вып. 1. М., 1990. С. 20.

Рис. 76. Находки из памятников культуры псковских длинных курганов

1 — равноплечная фибула; 2, 6, 17 — гребни; 3, 10, 14—16, 20 — бляшки; 4, 5, 13 — височные кольца; 7 — пинцет; 8 — булавка; 9, 11, 12, 19 — привески; 18, 21—25, 29 — пряжки; 26, 28 — браслеты; 27 — накладка; 30 — блоковидное крепасло.

1, 3—5, 7—16, 18—29 — металл; 2, 6, 7 — кость; 30 — камень.

1 — Изборск; 2, 6—9, 12, 17, 19 — Псков; 3, 25, 27 — Жеребятино; 4, 13 — Кази-ха; 5, 28 — Городня; 10, 11 — Арнико; 14, 18 — Лезги; 15, 20, 22 — Полибино; 16 — Светлые Вешки; 21, 30 — Линдора; 23 — Северик; 24 — Липецы; 26 — Горско; 29 — Верепково.

вяжскими погребальными насыпями сопоставим и один из курганов в Выбутах. Оба они расположены в регионе нижнего течения р. Великой и говорят о том, что в среде средневропейских переселенцев, несомненно, были переселенцы из ятвяжских земель.

Большинство погребений культуры псковских длинных курганов являются безурновыми и безынвентарными, что типично для славянской обрядности. Только в немногих курганах встречены единичные находки — бронзовые бляшки, пряжки, в том числе В-образные рифленные, железные ножи, глиняные пряслица, стеклянные бусы, часто оплавленные, и др. (рис. 76). Глиняная посуда рассматриваемой культуры неоднородна. Сравнительно небольшая часть сосудов имеет баночную форму и, скорее всего, восходит к керамике местного прибалтийско-финского населения. Другая часть керамического материала сопоставима с глиняной посудой тушемлинской культуры и вместе с тем с керамикой поселения Шелиги, упомянутого при характеристике суковско-дзедзицкой культуры.

Селища рассматриваемой культуры пока изучены слабо. На поселении Варшавский шлюз-III при впадении р. Горюнь в Чагоду, занимающем площадь 140 x 60 м, раскопками исследованы остатки трех наземных жилищ размером от 4,1 x 5,3 до 5,1 x 8,4 м с печами-каменками. По углю, взятому из отопительного сооружения, получена дата 1600 ± 80 лет назад³⁰⁹. Жилая постройка со стенами столбовой конструкции и очагом-каменкой выявлена и при раскопках селища на озере Съезжем³¹⁰. В западной части территории культуры псковских длинных курганов устраивались городища-убежища³¹¹.

Время формирования этой культуры на основании В-образных рифленных пряжек, пельтовидных подвесок стиля Сёсдал, туалетного пинцета и двухшипного наконечника дротика определяется V в. Обычай сооружать длинные курганы зародился в Псковско-Ильменском крае. Им предшествовали грунтовые могильники, которые в ряде мест функционировали и позднее, параллельно с длинными курганами. Такие могильники исследовались на озере Съезжем, в урочище Кобылья Голова в

---

³⁰⁹ Башенькин А. Н. Сопки и длинные курганы в Юго-Западном Белозерье // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура (Материалы по археологии России. Вып. 1). М., 1992. С. 136.

³¹⁰ Носов Е. Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на о. Съезжее // КСИА. Вып. 166. 1981. С. 66—68.

³¹¹ Фурасев А. Г. Городища-убежища Псковщины второй половины I тысячелетия н. э. // Петербургский археологический вестник. № 9. СПб., 1995. С. 143—150.

нижнем течении Мсты, недалеко от Изборска при д. Лезги и в Удомельском Поозерье³¹².

Остатки кремации на этих некрополях помещались в неглубоких ямках. Погребения обычно безынвентарные и безурновые, в редких могилах встречены единичные вещи, характерные для культуры псковских длинных курганов. Этап зарождения длинных курганов, по всей вероятности, отражают погребальные площадки, окомтуренные ровиками, с захоронениями, которые исследовались на юго-западном побережье Псковского озера, на озере Съезжее и в бассейне Чагодоши. Следует согласиться со схемой развития обрядности, предложенной Е. Н. Носовым: «Первоначально грунтовые захоронения совершались на естественных всхолмлениях, группируясь, скорее всего, в соответствии с определенными прижизненными отношениями умерших (в первую очередь родственными). В дальнейшем для грунтовых захоронений стали сооружать специально выделенные на местности погребальные площадки, окруженные ровиками. Земля из ровиков шла на выравнивание площадок... Затем площадки стали подсыпать, устраивая своеобразные платформы для совершения захоронений»³¹³. Так появились курганы. Впрочем, не исключено и иное развитие курганной обрядности. На первых порах население, пришедшее в Псковско-Ильменские земли, хоронило умерших по прежнему обряду в грунтовых могильниках, но устраивало их на невысоких природных всхолмлениях удлинённых очертаний. На Псковщине такие естественные валообразные возвышения с захоронениями известны в двух местах — Городище и Замошье. В равнинных местностях для подобных захоронений пришлось сооружать искусственные валообразные насыпи³¹⁴.

Переселенцы из Средней Европы, пострадавшие от наводнений и переувлажненности почвы, в новых местах проживания избирали участки, не подверженные таким явлениям, — песчаные возвышенности в сухих боровых лесах. Все могильники с ранними длинными курганами фиксируются в возвышенных местностях (не менее 150 м над уровнем моря), все находки В-образных рифленых пряжек — индикаторов миграцион-

---

³¹² Орлов С. Н. Археологические исследования в низовьях реки Мсты // СА. 1968. № 2. С. 166—167; Гроздилов Г. П. Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7. Л., 1965. С. 81.

³¹³ Носов Е. Н. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. Вып. 179. 1984. С. 11—17.

³¹⁴ Седов В. В. Длинные курганы... С. 41; Он же. Восточные славяне... С. 53.

ных процессов из Средней Европы — обнаружены в таких же возвышенных местностях³¹⁵.

Создателями культуры псковских длинных курганов, несомненно, были земледельцы. Ими были освоены прежде всего местности с дерново- и типично слабо- и среднеподзолистыми, а также с дерново-карбонатными и перегнойно-карбонатными почвами, которые наиболее пригодны для земледелия в Псковско-Ильменском крае³¹⁶. Пришлomu населению пришлось на первых порах освобождать от леса участки для сельскохозяйственной деятельности. Не располагая качественными орудиями для вырубки леса и обработки пахотных угодий, переселенцы вынуждены были заняться подсечно-огневым земледелием, которое на какое-то время стало главным агротехническим приемом для подготовки почвы к посевам. Подсечное земледелие, базирующееся на использовании огня и ручных орудий обработки земли, в сочетании с разведением скота, занятиями охотой, рыбной ловлей и лесными промыслами стало основой экономики носителей рассматриваемой культуры.

Появление в Псковско-Ильменском регионе значительных масс нового населения привело к некоторой перегруппировке прибалтийско-финских племен. Немалые группы его оставили места своего проживания и переселились в области, не затронутые миграцией среднеевропейцев. Это стало импульсом дифференциации прибалтийско-финской языковой общности — начался процесс становления раннесредневековых эстов, ливов, води, корелы, суми и еми³¹⁷.

Натиск населения культуры псковских длинных курганов в западном направлении не стихал на протяжении всей третьей четверти I тыс. н. э. Для его сдерживания эстские племена на восточном пограничье соорудили цепь укрепленных пунктов³¹⁸.

Прибалтийские финны называют славян венедами. Высказываемая исследователями мысль о заимствовании западными финнами этого этнонима от германцев с исторической точки зрения не находит оправдания.

---

³¹⁵ Седов В. В. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 132. Карты на рис. 1—3.

³¹⁶ Там же. С. 135. Рис. 4.

³¹⁷ Седов В. В. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение. 1997. № 2. С. 3—16.

³¹⁸ Sedov V. Die erste Welle slawischer Ansiedlung im Nordwesten Osteuropas und die Ostseefinnen // Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992. S. 67—69. Abb. 2.

Вторжение в середине I тыс. н. э. в прибалтийско-финский ареал большой массы средневропейских переселенцев, вышедших из исторического венедского региона, склоняет к предположению, что это пришлое население именовалось венетами. Этот этноним для наименования славян был воспринят всем прибалтийско-финским миром.

О расселении средневропейского населения на Северо-Западе помимо данных археологии свидетельствуют материалы топонимики. Так, картография гидронимов с основой тереб- (от глагола теребить «расчищать землю, готовить ее под пашню») показывает, что Псковско-Ильменский край составляет общий ареал с Повисленьем, Чехией и Словакией³¹⁹. Р. А. Агеева на основе гидронимов, оформленных по праславянским моделям, выделила в Псковско-Ильменском крае регионы наиболее раннего оседания славян. Это бассейн р. Великой, земли к югу от озера Ильмень, а также области между Чудским и Псковским озерами, с одной стороны, и средним течением р. Луги — с другой³²⁰. Как раз в этих местностях наблюдается наибольшая концентрация длинных курганов псковского типа. В гидронимии бассейнов Псковского озера и Ильменя имеются и другие схождения с водными названиями современной Польши³²¹. В лексических материалах проявляется некоторая близость псковских говоров со славянским миром Висленского бассейна³²².

Детали взаимоотношения пришлого населения с местным прибалтийско-финским трудно поддаются изучению. Отмеченные выше элементы в строениях длинных курганов и сохранение пласта западнофинской гидронимии говорят о включении аборигенных жителей в общий этногенетический процесс. По-видимому, в разных регионах обширного ареала культуры псковских длинных курганов он протекал неоднозначно, но генеральным направлением стала постепенная ассимиляция местных финнов.

Культуру псковских длинных курганов можно рассматривать как славянскую, не исключая при этом в составе ее носителей и местных финнов, и балтов, находящихся на разных уровнях славянизации. В пользу

---

³¹⁹ Смолицкая Г. П. Некоторые лексические ареалы. По данным гидронимии // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 171—179.

³²⁰ Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974. С. 153—185.

³²¹ Там же. С. 158—160, 182—184.

³²² Мжельская О. С. О лексических связях псковских говоров с западными славянскими языками // Вестник Ленинградского гос. университета. 1963. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 89—100.

этого говорит то, что она существеннейшим образом отличается от предшествующих древностей прибалтийских финнов, с одной стороны, и эволюционно связывается с достоверно славянскими материалами последующей поры — с другой. Сопоставительный анализ всех особенностей длинных курганов (и сопутствующих им круглых) с соответствующими показателями курганов IX—X вв. Псковской земли обнаруживает полнейшее единообразие³²³. Можно отметить еще, что погребальный ритуал культуры псковских длинных курганов по всем параметрам сопоставим с достоверно славянской обрядностью ряда других территорий раннесредневекового славянства и существенно отличен от прибалтийско-финского и летто-литовского.

По реликтам псковских говоров и новгородским берестяным грамотам реконструируется диалект славян, расселившихся в Псковско-Ильменском крае. Ныне он именуется древненовгородским. А. А. Зализняк показал, что это был один из диалектов праславянского языка³²⁴. Отсутствие в нем элементов второй палатализации дает основание утверждать, что группировка славянского населения, осевшая в бассейнах озер Псковского и Ильменя, оторвалась от основного славянского массива не позднее середины I тыс. н. э. и какое-то время проживала изолированно. Это полностью согласуется с данными археологии.

Носители культуры псковских длинных курганов себя называли кривичами (венеды — общее название для одной из крупных частей славянского мира). Латыши до сих пор называют русских *krievs*, именем, явно производным от этнонима кривичи. Из племенных подразделений славянского этноса латышские племена (прежде всего латгалы) непосредственно соседствовали и находились в тесных контактах только с носителями культуры длинных курганов (небольшие группы их проникли на латгальскую территорию, и, наоборот, археологически фиксируется расселение небольших групп латгалов на Псковщине), то есть кривичами, поэтому их имя и распространилось на все восточнославянское, а затем и русское население.

Имеются и указания летописей о кривичах как жителях Псковской земли. Так, из летописной легенды о призвании варягов очевидно, что Изборск стоял в старой кривичской земле, а в Архангелогородском летописце сохранилось прямое известие об Изборске как кривичском

---

³²³ Седов В. В. Длинные курганы кривичей... С. 36—41; Бузов В. А. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // СА. 1996. № 1. С. 122—131.

³²⁴ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

городе³²⁵. Изборск находился в одном из регионов концентрации длинных курганов, а в VIII—IX вв., как показали его раскопки, был племенным центром одной из кривичских групп.

С конца VII — начала VIII в. в восточной части ареала псковских длинных курганов получает распространение культура сопок. Сооружение длинных курганов здесь прекращается, население культуры псковских длинных курганов вливается в состав словен ильменских. В то же время часть населения рассматриваемой культуры переселилась в более южные земли — в Полоцкое Подвинье и Смоленское Поднепровье, где сформировалась особая культура смоленско-полоцких длинных курганов, о чем речь пойдет ниже.

Непосредственное развитие культуры псковских длинных курганов продолжалось только в Псковской земле. Здесь на смену валообразным насыпям приходят круглые курганы с одним—двумя захоронениями по обряду кремации. Эволюционная связь между этими курганами достаточно очевидна, они однотипны по всем своим особенностям, в том числе по деталям погребального обряда. Характерная для длинных курганов псковского типа подошвенная зольно-угольная прослойка — следы культового очищения огнем места, избранного для погребальной насыпи, — обычна и для круглых курганов как с остатками трупосожжения, так и с трупоположениями XI—XII вв. Последние курганы уже характеризуют кривичей псковских. Они бедны вещевым инвентарем, кривичи псковские не имели этнографических особенностей в женском убранстве. Перстнеобразные височные кольца, шейные ожерелья из единичных стеклянных бус, металлические браслеты и перстни, иногда встречаемые в курганах с трупоположениями, принадлежат в общевосточнославянским типам.

Словене ильменские

С этим племенным образованием связывается культура сопок³²⁶. Основным регионом ее является бассейн Ильменя, где сосредоточено более 70% могильников с сопками. Остальная часть их расположена в смежных областях — верховьях рек Луги и Плюссе и в бассейне Мологи. За преде-

---

³²⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 18; Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП. 1899. IV. С. 336.

³²⁶ Подробнее о культуре новгородских сопок см.: Седов В. В. Новгородские сопки // САИ. Вып. Е1—8. М., 1970; Он же. Восточные славяне... С. 58—66; Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв.: Сопки Северного Поволжья. СПб., 1984.

лами этой территории весьма немногочисленные сопки известны в бассейнах Западной Двины и р. Великой (рис. 77).

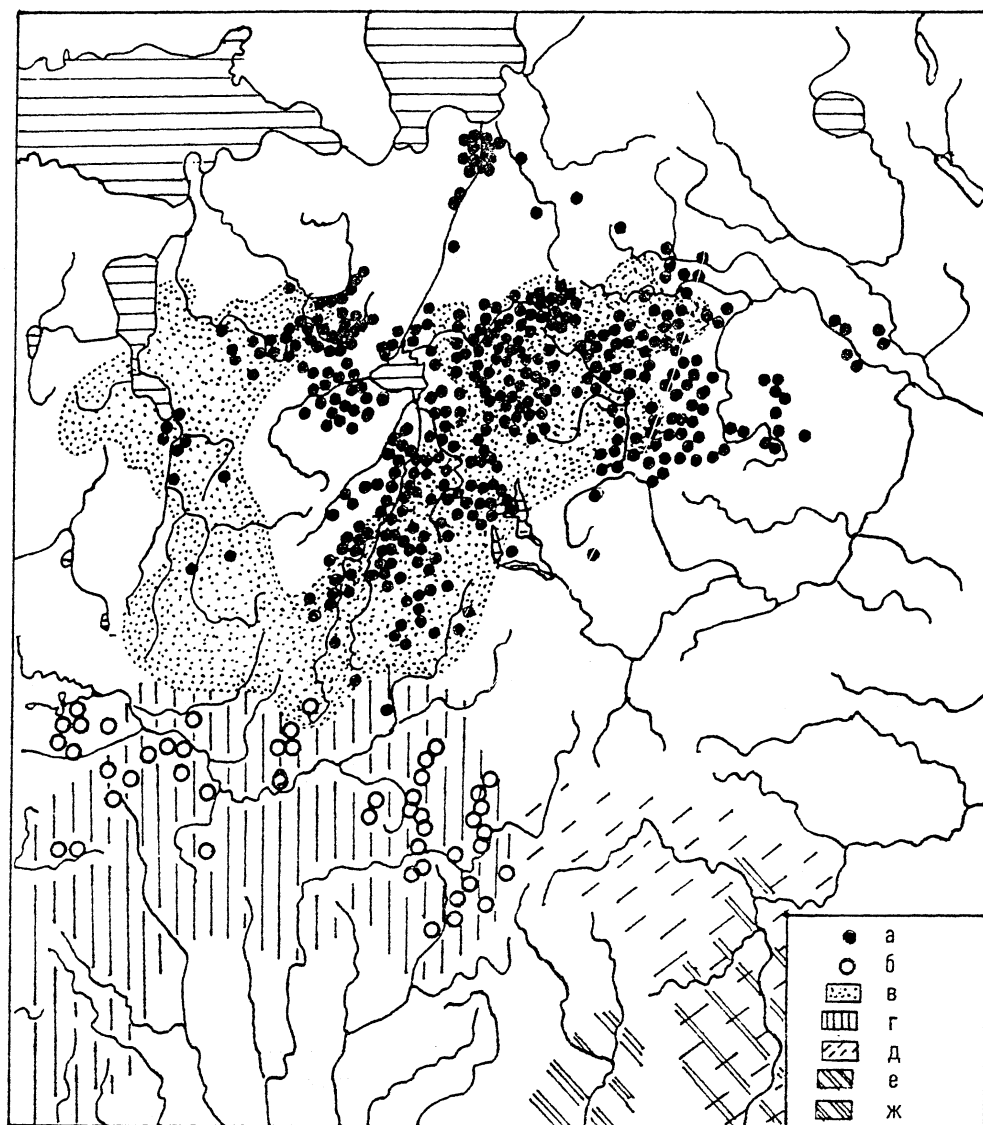
Сопки — высокие крутобокие насыпи с несколько уплощенной вершиной, окольцованные в основаниях валунами. Среди них есть, правда, и насыпи с полусферическими вершинами, и насыпи без видимой каменной обкладки. По своим размерам они весьма различны — от небольших, высотой 2—3 м и диаметром 12—14 м, до грандиозных, достигающих 10 м в высоту при диаметре основания около 40 м. Обычно сопки группируются в могильники, состоящие от 2—3 до 12 насыпей, но есть и одиночные сопки. Свыше четверти известных могильников с сопками содержат также обычные курганы или жальничные могилы.

Сооружались сопки не единовременно, а в несколько приемов. Система возведения их была неодинаковой, но схематично она сводится к следующему. Сначала выкладывалось кольцо из валунов, примерно равное по диаметру основанию насыпи, имевшее, по-видимому, какой-то ритуальный смысл. Сразу же по возведении кольца сооружалась невысокая насыпь с плоской вершиной, в которой и совершались захоронения в ямах или непосредственно на поверхности. По прошествии некоторого времени, исчисляемого десятилетиями, насыпь увеличивали в высоту еще на 1,5—3 м, и опять-таки в ее верхней части совершались новые захоронения. Через некоторое время сопку подсыпали в третий раз и в течение многих лет хоронили в ней умерших. Среди дошедших до нас сопок есть и такие, которые сооружены в два или четыре приема, имеются насыпи без вторичной подсыпки. В ряде сопок выявляются индивидуальные особенности, не вписывающиеся в изложенную схему³²⁷.

В основаниях некоторых сопок и в их насыпях на разной высоте раскопками выявлены разнотипные сооружения из камней. Иногда устанавливается их связь с захоронениями, в других случаях таковой не прослеживается. Среди этих сооружений более распространенными являются кладки-помосты, сложенные из валунов в один, реже — в два—три яруса. Форма их в плане различна, есть четырехугольные, подтреугольные, немало неправильных, рваных очертаний. Иногда в сопках открываются небольшие кучки, сложенные из камней. Все эти сооружения из камней находят полные аналогии среди погребальных древностей прибалтийско-финских племен, поэтому их появление в сопках следует рассматривать как местную традицию, привнесенную в культуру сопок местными славянизированными финнами.

---

³²⁷ Например сопка, раскопанная у бывш. дер. Мерлугино (Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 100—113).

**Рис. 77. Распространение новгородских сопкок
и длинных курганов смоленско-полоцкого типа**

а — могильники с сопками; **б** — могильники с длинными курганами смоленско-полоцкого типа. Ареалы: **в** — культуры псковских длинных курганов; **г** — тушемлинской культуры; **д** — мощинской культуры; **е** — вятичей (VIII в.); **ж** — роменской культуры.

В некоторых сопках нижнего течения Волхова открыты стенки и выкладки треугольной формы, сложенные из валунов. Они имеют полные аналогии в курганах эпохи викингов Скандинавии. В Поволховье сопки с такими кладками относятся к сравнительно поздней поре. Появление кладок скандинавских типов, очевидно, отражает норманнское проникновение в Приладожье.

Умерших в сопках хоронили по обряду трупосожжения. Кремация умерших совершалась, как правило, на стороне, в сопках помещались остатки сожжений, собранных с погребальных костров. Абсолютное большинство захоронений было безурновым и безынвентарным. Значительная часть их, в частности почти все поверхностные, не сохранилась до нашего времени, чем обусловлена малочисленность изученных археологами погребений. В очень немногих захоронениях встречены единичные, порой маловыразительные вещи (бусы, бронзовые спиральки, привески, бубенчики, перстни, бляшки, ножи, пряжки и др.).

Поселения культуры сопки пока очень слабо исследованы. Это были преимущественно селища. Небольшие раскопки велись на поселениях Золотое Колено на р. Мсте, где выявлены остатки наземных срубных домов площадью 18—24 кв. м с печами-каменками в углах, на селище при р. Прость, нижние отложения которого определяются вещевыми находками конца VII — VIII в., в Новых Дубовиках, Нестеровичах и др.

Большой интерес представляют исследования поселения Бережок на озере Наволок в Удомельском Поозерье. В раскопе площадью около 350 кв. м зафиксированы остатки жилых наземных построек размером от 4,4 x 4,8 до 5,5 x 5 м, с отопительными устройствами из камней и следы хозяйственных строений меньших размеров и без печей. Поселение датируется в основном IX—X вв., но его возникновение относится к концу VIII в.³²⁸ Отложения культуры сопки имеются и на некоторых городищах. Таковы Холопий Городок близ Новгорода, Новые Дубовики, Ладога и др.

Керамика культуры сопки исключительно лепная и представлена двумя основными типами сосудов. Более распространенными являются слабопрофилированные приземистые (низкие, но широкие) горшки с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Второй тип образуют широкогорлые биконические сосуды с отчетливым переломом в плечиках и чуть отогнутым верхним краем. Такие сосуды широко представлены в материалах из раскопок Ладоги, поэтому они именуются керамикой ла-

---

³²⁸ *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье... С. 58—88.

дожского типа. Глиняная посуда поселений более разнообразна. Так, на селище Бережок, кроме посуды названных типов, обнаружены банковидные сосуды, хорошо профилированные горшки, миски и мисковидные сосуды.

Вполне очевидно, что культура сопок никак не могла развиваться из местных древностей прибалтийско-финских племен. Создателями ее могло быть только пришлое население при пассивном участии аборигенов. Ареал культуры сопок в значительной своей части налегает на восточные области территории псковских длинных курганов. Анализ взаимоотношений носителей этих культур показывает, что какое-то время население, оставившее длинные курганы псковского типа и культуру сопок, проживало на одной и той же территории чересполосно. Очень скоро начался процесс интеграции этих культур, в результате чего носители культуры псковских курганов оказались вовлеченными в единый этногенетический процесс и восприняли культуру сопок.

Всякие попытки выявить на археологических материалах следы серьезного прилива нового населения в Приильменье накануне становления культуры сопок оказываются бесплодными. Более реальной представляется мысль о расселении племенной группировки славян, создавшей эту культуру, в составе большого миграционного потока средневропейского населения периода великого переселения народов. На первых порах эти переселенцы проживали, по всей вероятности, островками среди носителей культуры псковских длинных курганов. Один из таких островков выявлен И. В. Ислановой в Удомельском Поозерье, характеризующийся специфическими древностями удомельского типа, которые датируются третьей четвертью I тыс. н. э.³²⁹

Наиболее исследованным памятником этого региона является селище Юрьевская Горка, занимавшее узкую полосу берега р. Съежи близ оз. Удомля, его размеры 150 x 30—40 м. Раскопками изучены остатки наземных жилищ с очагами или печами, сложенными из камней. Судя по отсутствию столбовых ямок, это были срубные строения. Некоторые хозяйственные постройки имели стены столбовой конструкции.

В керамической коллекции поселения значительную часть составляли горшки с округлым, плавно сужающимся к днищу туловом, с наибольшим расширением в верхней трети. Ближайшие аналогии им имеются в синхронных памятниках Северо-Запада (Михайловское в верховьях Западной Двины, Псковское городище и др.), несколько отдаленные — в

³²⁹ Там же. С. 22—56.

керамике суковско-дзедзицкого ареала. В Удомельском Поозерье это явно привнесенная посуда. Кроме того, в материалах селища имеются банковидные сосуды, находящиеся параллели в местных памятниках раннего железного века, которые следует рассматривать как культурное наследие ассимилированных аборигенов. Сравнительно небольшой процент глиняной посуды составляют горшки со сглаженным ребром в верхней трети, которые стали основой керамики ладожского типа.

В коллекции вещевых находок поселения Юрьевская Горка многочисленны пастовые и стеклянные бусы нескольких типов, позволяющие датировать памятник серединой и третьей четвертью I тыс. н. э. Найдены три железные пряжки, из которых две надежно определяются V—VII вв. Кроме того, обнаружены бронзовые спиральки, обоймица, подвески, фрагменты браслетов; железные ножи, топоры, наконечник стрелы, крючки, фитильные трубочки, трехчастные удила и пинцет; глиняные пряслица и каменные литейные формочки. Удила и пинцет имеют среднеевропейское начало.

В расположенном рядом с поселением бескурганном могильнике открыто восемь захоронений — остатки трупосожжений находились в неглубоких округло-овальных ямках.

Отмечая культурное своеобразие поселения и могильника Юрьевская Горка, И. В. Исланова высказала предположение, что этот комплекс и, очевидно, ему подобные, пока неисследованные, были основой развития культуры сопок, которая формировалась при взаимодействии носителей удомельских древностей с населением, представленным псковскими длинными курганами восточных земель Ильменского бассейна³³⁰. С этим положением на современном этапе знаний следует согласиться.

В пользу такого решения вопроса свидетельствует преемственность важнейших элементов древностей удомельского типа и культуры сопок. Это хорошо видно при сопоставлении культурных элементов поселения Юрьевская Горка с материалами селища Бережок, принадлежащего к культуре сопок. Одинаковость проявляется и в керамических материалах, и в домостроительстве, и в погребальной обрядности. Поселения удомельского типа находятся в тех же ландшафтных условиях, которые характерны для культуры сопок.

Активизация населения, представленного древностями удомельского типа, и включение носителей культуры псковских длинных курганов Ильменского региона в единый процесс становления культуры сопок

---

³³⁰ Там же. С. 126—129.

обусловлены, скорее всего, природно-климатическими изменениями, имевшими место в VII в. В это время в Европе, в том числе в лесной полосе Восточно-Европейской равнины, наступило потепление. Заметно повышаются среднегодовые температуры, значительно уменьшается увлажненность. Количество осадков в VII в. было на уровне современности, а к началу VIII в. даже на 50 см меньше. Опускаются уровни озер и рек и их стока. Понижение зеркала Балтийского моря привело к падению уровней грунтовых вод, усыханию и сокращению болот.

Период VIII—X вв. характеризуется теплым, умеренно влажным и малоизменчивым климатом. Это было время интенсивного почвообразования, особенно в поймах рек. Пойменные участки активно осваивались земледельцами. Складываются весьма благоприятные условия для развития земледелия и животноводства.

География и топография памятников культуры сопок свидетельствуют, что в Ильменском крае население в VIII—X вв. обживало местности, наиболее целесообразные для пашенного земледелия. Уже говорилось, что сопки тяготеют преимущественно к дерново-карбонатным почвам, наиболее плодородным на Северо-Западе. Многие памятники культуры сопок приурочены также к плодородным аллювиальным участкам речных и озерных долин.

Земледельческий уклад населения культуры сопок представляется несомненным. Доминировало, нужно полагать, пашенное земледелие, поскольку подсека на дерново-карбонатных почвах из-за особенностей их химического состава вообще невозможна³³¹. Непосредственные следы древней пахоты зафиксированы при исследовании культового сооружения культуры сопок у д. Коломно в Юго-Западном Приильменье³³². Пахотные борозды обнаружены и в Новгороде под культурными напластованиями Троицких раскопов. Установлено, что они оставлены узколопастными железными наконечниками сох, характерных для Новгородчины в IX—X вв.³³³

---

³³¹ *Концевий В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 11—12.

³³² *Концевий В. Я.* О «каменных кругах» юго-западного Приильменья // Новое в археологии Северо-Запада. Л., 1985. С. 37—44.

³³³ *Александровская Е. И., Александровский А. А., Гайдуков П. Г., Кренке Н. А.* Лес, луг, пашня, городская застройка по данным исследования древнейшего культурного слоя и погребенной почвы Новгорода // Естественно-научные методы в полевой археологии. Вып. 3. М., 2000. С. 27—31.

Ландшафтная приуроченность к местностям, наиболее пригодным для пашенного земледелия, характерна также для памятников удельского типа. Население же культуры псковских длинных курганов, как отмечалось, использовало в основном подсечно-огневую форму земледелия. Улучшение природных условий стало импульсом активизации пашенного земледелия, что способствовало единению разнотипных групп славян и становлению в Приильменье культуры сопок. Конечно, нельзя при этом исключать, что отдельные группы племен культуры длинных курганов и в VIII—IX вв. сохраняли свой прежний уклад.

В VIII в. в Ильменском регионе складывается новая погребальная обрядность. На смену грунтовым могильникам с захоронениями остатков трупосожжения в неглубоких ямках (или прямо на поверхности) приходят курганообразные насыпи — сопки при сохранении всех деталей прежнего ритуала. Вопрос о конкретных путях зарождения сопок остается нерешенным. По этому поводу были высказаны различные предположения. Согласно мнению П. Н. Третьякова и Е. Н. Носова, сооружение погребальных насыпей в Новгородской земле обусловлено миграцией носителей мощинской культуры из Верхнеокского региона, где высокие курганы известны в предшествующее время. Однако новгородские сопки и мощинские курганы настолько различны по своему строению и керамическому материалу, что ни о какой-либо преемственности между ними не может быть речи. Мною высказана догадка, что обычай сооружения высоких насыпей был позаимствован от балтов в процессе передвижения в Приильменье через их земли, но подкрепить эту мысль конкретными данными пока не представляется возможным. Должны быть решительно отвергнуты и утверждения некоторых исследователей о заимствовании носителями культуры сопок курганной обрядности у норманнов. Ныне вполне очевидно, что скандинавы расселились в Новгородском крае позднее, когда обряд сооружения сопок уже сложился. Исключением может быть округа Ладоги, где сопки имеют больше сходных черт с погребальными памятниками Скандинавии. В целом же обычай сооружать сопки зародился в местной среде и связан с какими-то языческими представлениями.

География памятников культуры сопок и последующая история ее носителей дают все основания отождествлять рассматриваемые древности со словенскими ильменскими (новгородскими), о которых в русских летописях сообщается: «Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ»³³⁴.

---

³³⁴ Повесть временных лет... С. 11.

В течение IX—X вв. культура сопок постепенно трансформируется в древнерусскую культуру Новгородской земли. Каких-либо нарушений эволюционного развития при этом не наблюдается. Эволюция прослеживается и в керамических материалах, и в домостроительстве, и в топографии поселений. Между сопками и древнерусскими курганами выявляются связующие элементы, свидетельствующие о спокойном развитии культуры и быта населения Приильмения. В сопках и курганах IX—X вв. с захоронениями по обряду кремации тождественны все детали обрядности, однороден и состав вещевых находок. Многие могильники с сопками продолжали функционировать и в X—XII вв. Курганы ильменских словен X—XII вв. нередко имеют в основаниях, как и сопки, кольцевые обкладки из камней, в отдельных насыпях фиксируются и кладки из камней как наследие обрядности культуры сопок.

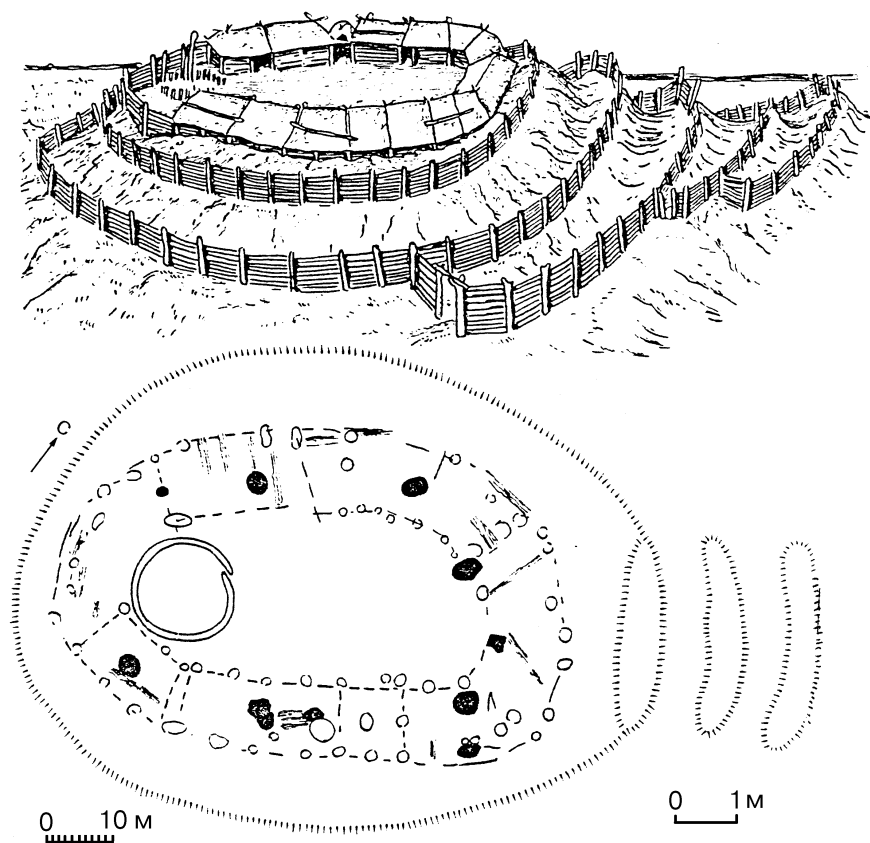
Подытоживая сказанное, следует отметить, что предки словен ильменских появились в Поильменье в середине I тыс. н. э. в составе большого потока среднеевропейских переселенцев. Какое-то время они более или менее крупными островками проживали на территории культуры псковских длинных курганов, в ее восточной части, сохраняя свой культурный облик. В хозяйственном укладе кривичей доминировало подсечно-огневое земледелие, а среди носителей удомельских древностей в какой-то степени сохранялась пашенная обработка почв. В связи с улучшением природно-климатической ситуации в Приильменье, большой вес приобретает пашенное земледелие. Носители удомельских древностей и культуры псковских длинных курганов включаются в общий этногенетический процесс, результатом которого стало формирование словен ильменских.

Смоленско-полоцкая группа кривичей

В середине I тыс. н. э., как свидетельствуют находки провинциально-римских типов, значительное число переселенцев из Средней Европы оседает в землях верхнего Немана, Полоцкого Подвинья и Смоленского Поднепровья. Местным населением здесь были балты, представленные двумя культурами — днепро-двинской и штрихованной керамики. В конце IV в. в тех местностях, где осело среднеевропейское население, их развитие прекратилось. Складывается новая культура, названная тушемлинской (рис. 78)³³⁵.

---

³³⁵ Названа по наиболее исследованному памятнику Тушемля на Смоленщине (*Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. С. 3—129*). В белорусской литературе эта культура нередко именуется банцеровской — по горо-

**Рис. 78. План раскопок городища Тушемля (внизу)
и реконструкция памятника (вверху), по П. Н. Третьякову**

Ее территория охватывает Смоленское Поднепровье, Полоцко-Витебское Подвинье и смежные с ним области верховьев Вилии, Немана и Березины Днепроовской. Основными памятниками этой культуры являются открытые поселения — селища, устраиваемые на песчаных останцах, холмах или на склонах коренных берегов близ рек и озер. Это были довольно крупные селения (большинство их занимало площадь в 1—2 га), застроенные наземными жилищами столбовой или срубной конструкции.

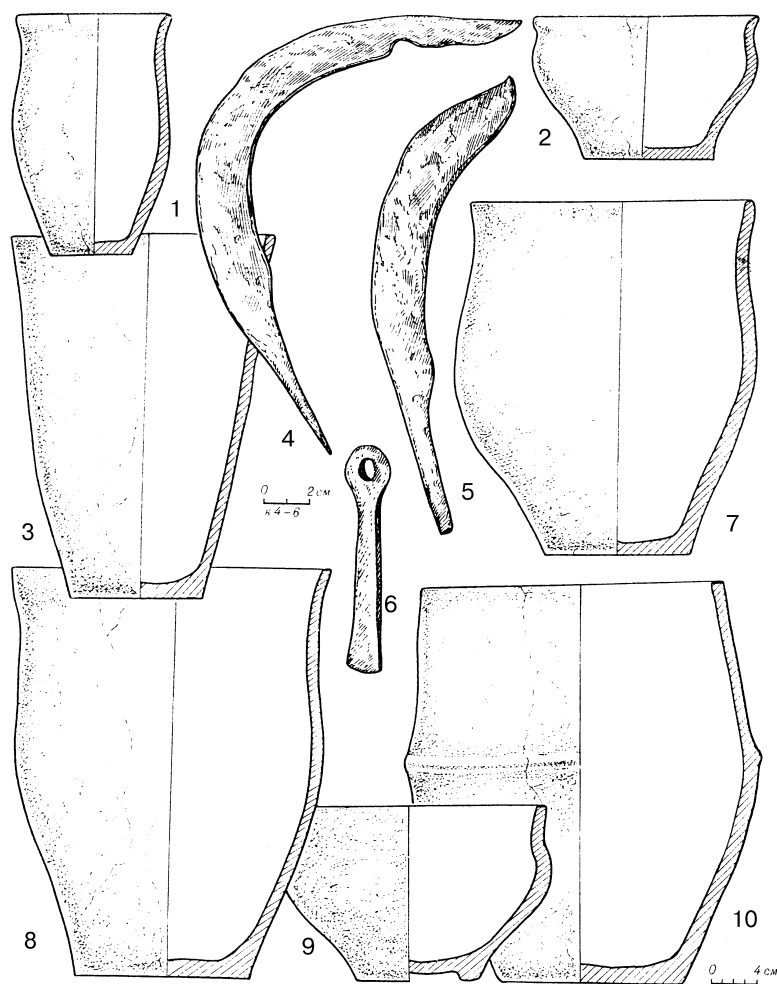
дищу Банцеровщина близ Минска, исследованному С. А. Дубинским (Дубинскі С. А. Раскопкі Банцароускага гарадзішча каля Менску у 1926 г. // Гістарычна-археалёгічны зборнік. Вып. 1. Менск, 1927. С. 360—367). Предпринимались попытки выделения особой банцеровской культуры, которые оказались непродуктивными.

Некоторое представление о застройке дали раскопки селища Дедиловичи в бассейне верхнего течения Березины. Оно располагалось на склоне холма, и его обитатели, чтобы получить горизонтальные площадки для домостроения, вынуждены были врезать свои жилища одной стороной в грунт. Всего было зафиксировано не менее трехсот западин от жилищ. Дома ставились рядами на небольшом расстоянии друг от друга. Все они были срубными, размер их от 3 x 2,7 до 3,5 x 3 м. В 35 из 47 раскопанных жилищ отрыты печи-каменки, в четырех — очаги. Рядом с домами находились небольшие хозяйственные строения.

Через столетие по становлении тушемлинской культуры в ее ареале возникают городища, которые служили убежищами для населения окрестных селищ, а также местами языческого культа. При строительстве городищ нередко использовались заброшенные укрепленные селения раннего железного века — сооружались дополнительные укрепления — земляные валы по периметру и еще два—три вала на склонах.

Одним из таких городищ является Тушемля в верховьях Сожа. Оно было устроено на продолговатом мысе между двумя оврагами. Овальная площадка в 800 кв. м по периметру была обнесена двумя земляными валами с деревянными оградами на вершинах. На площадке впритык к валу находилась замкнутая постройка шириной 4—4,5 м со стенами столбовой конструкции и двускатным перекрытием. Поперечными перегородками она членилась на помещения размером 6 x 4 м. Семь или восемь из них имели в середине очаги, остальные использовались для хозяйственных нужд. С восточной стороны был устроен выход на поселение, от которого дорожка шла ко второму рву, и далее по его дну, обогнув городище, можно было выйти за пределы убежища. На мысовой части городища находилось языческое святилище в виде круглой утрамбованной площадки диаметром 6 м, по краю которой с интервалами стояли столбы, вероятно изображавшие языческих богов. В центре возвышался более массивный столб — изображение главного божества (рис. 78).

Погребальными памятниками рассматриваемой культуры являются бескурганные могильники. Безраздельно господствовал обряд трупосожжения, кремация совершалась на стороне. Собранные с костра остатки кремации помещались в неглубокие округлые ямки в могильниках, располагавшихся на естественных возвышениях поблизости от поселений. Большинство погребений были безынвентарными, единичные — урновыми. В немногих захоронениях встречены бронзовые колечки, спиральки, обломки браслетов, бронзовые и стеклянные сплавы, бусина, булавка и глиняные пряслица.

Рис. 79. Находки из раскопок поселений тушемлинской культуры

1—3, 7—10 — глиняные сосуды; 4, 5 — железные серпы; 6 — железное кресало.
1, 8, 10 — Демидовка; 2, 4, 9 — Тушемля; 3, 7 — Акатово; 5 — Гнездово; 6 — Слобода-Глушица.

Керамика тушемлинской культуры изготавливалась домашним способом без применения гончарного круга. Наиболее характерными были горшкообразные сосуды тюльпановидной, биконической и усеченно-конической форм, лишенные орнаментации (рис. 79). Менее многочисленную группу составляли миски и мископодобные горшки. Они выделяются по характеру обработки поверхности — лощеной и подлощеной.

На поселениях было развито прежде всего железообрабатывающее ремесло. Среди изделий из железа обычны находки ножей, топоров, серпов, кос, рыболовных крючков и др. На многих селищах найдены глиняные льячки, обломки тиглей с подтеками бронзы и литейные формочки. Среди предметов из цветных металлов встречены височные кольца, браслеты, спиральки, трапециевидные привески, пряжки и др.

Ведущая роль в экономике тушемлинского населения, безусловно, принадлежала земледелию. Об этом свидетельствуют находки орудий сельскохозяйственного труда (серпы, косы, топоры, зернотерки, жернова) и зернового материала (ячмень двурядный и многорядный, мягкая пшеница, рожь, просо, овес, горох, бобы). Споро-пыльцевые исследования культурных напластований и грунтов из-под насыпей валов на городищах-убежищах указывают на подсечное земледелие. Это, по-видимому, характеризует раннюю фазу тушемлинской культуры. Распространение же совершенных по форме серпов и находки жерновов говорят о том, что наряду с подсекой функционировало и пашенное земледелие. Судя по остеологическим материалам, развито было и животноводство, а охота и рыбная ловля имели второстепенное значение³³⁶.

На основании вещевых находок на поселениях Смоленщины П. Н. Третьяков датировал тушемлинскую культуру серединой и третьей четвертью I тыс. н. э.³³⁷, что подтвердилось дальнейшими исследованиями. Важные материалы для датировки культуры были получены при раскопках поселения Демидовка³³⁸. Здесь были найдены бронзовая подвеска-лунница с красной эмалью, которая по аналогиям датируется V — началом VI в., и гончарный серолощенный кубок, имеющий дунайские параллели V в. Несомненно, что в V в. рассматриваемая культура развивалась как уже полностью сложившаяся. А. Г. Митрофанов датировал ранние селища в белорусском регионе V—VI вв., а начало становления культуры относил к IV—V вв.³³⁹ В целом комплекс вещей из Демидовского поселения оп-

---

³³⁶ Более подробную характеристику тушемлинских древностей см.: *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 34—41.

³³⁷ *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 273—279.

³³⁸ *Шмидт Е. А.* О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // *Древние славяне и их соседи.* М., 1970. С. 69.

³³⁹ *Митрофанов А. Г.* О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V—VIII вв.) // *Беларускія старажытнасці.* Менск, 1972. С. 150—163; *Он же.* Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э. — IX в. н. э.) // *Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии.* Рига, 1980. С. 103—108.

ределяется V—VII вв., что, как и исследования других памятников, дает полные основания датировать тушемлинскую культуру этим временем.

Об ее происхождении высказано несколько предположений. П. Н. Третьяков, публикуя материалы раскопок памятников этой культуры на Смоленщине, полагал, что она сложилась при взаимодействии носителей днепро-двинской культуры с проникшими в этот регион с юга племенами зарубинецкой культуры. На первом этапе результатом такого смешения стало формирование древностей типа среднего слоя Тушемли с явными позднезарубинецкими чертами, которые на следующей стадии трансформировались в тушемлинскую культуру³⁴⁰.

К этой точке зрения присоединились многие исследователи. Так, А. Г. Митрофанов, исследовавший ряд памятников западной части ареала тушемлинской культуры, утверждал, что ее формирование происходило на основе местных древностей культуры штрихованной керамики при участии племен днепро-двинской культуры и продвинувшихся сюда носителей культуры типа Адаменки, которая ведет свое начало из позднезарубинецкой среды³⁴¹. Однако серьезной аргументации в пользу этой гипотезы исследователь не нашел. Согласно представлениям В. Б. Перхавко, рассматриваемая культура была результатом взаимодействия местного населения Северной Белоруссии с расселившимися здесь племенами киевской культуры³⁴².

Мысль о становлении тушемлинской культуры при смешении местных культур раннего железного века с древностями позднезарубинецкого и киевского круга, привнесенными переселенцами с юга, бытует в литературе до сих пор³⁴³. Однако фактических материалов, подтверждающих эту точку зрения, по существу, нет. Ни одному из исследователей не удалось конкретно продемонстрировать, что на всей территории становления тушемлинской культуры действительно имело место расселение постзарубинецкого населения. Инфильтрация позднезарубинецких племен затронула в основном только южные области Смоленщины.

Н. В. Лопатин выделяет на территории становления тушемлинской культуры древности типа Заозерье, характеризующиеся керамикой с рас-

³⁴⁰ Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища... С. 3—129.

³⁴¹ Митрофанов А. Г. Археологические памятники восточных балтов... С. 155—162.

³⁴² Перхавко В. Б. Раннесредневековые древности междуречья Днестра и Немана. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1978. С. 19.

³⁴³ Лопатин Н. В. Проблемы и перспективы изучения древностей типа Тушемли-Банцеровщины // Памятники железного века и средневековья на верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989. С. 17—18.

чесами и датируемые III—IV вв. По его мнению, к которому присоединяется и А. Г. Фурасьев, эволюция шла от позднезарубинецких (киевских) древностей к памятникам типа Заозерье и далее к тушемлинской культуре³⁴⁴. Однако глиняная посуда с расчесами не является характерным маркером киевской культуры, фрагменты ее в весьма небольшом числе встречены преимущественно в западной части ее ареала. Также единичны фрагменты керамики с расчесами и в памятниках Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья. Они обнаружены далеко не на всей территории формирования тушемлинской культуры, и к V в. керамика с расчесами выходит из употребления³⁴⁵.

Общий ареал глиняной посуды с расчесами позволяет рассматривать ее как реликт штрихованной керамики. Расчесы на сосудах, как показал Н. В. Лопатин, в основном наносились фрагментами костяных гребней римского времени. По всей вероятности, это продолжение обычая штриховки поверхности глиняных сосудов, распространенного среди одной из группировок местных балтов в раннем железном веке. Тогда она наносилась гребнеобразными орудиями или пучком соломы, в римское время с появлением костяных гребней они стали орудиями для «штриховки-расчесов». Значительная часть керамики с расчесами фиксируется в ареале культуры штрихованной керамики. По наблюдениям Е. А. Шмидта, такая посуда в Смоленском Поднепровье встречена в тех регионах позднезарубинецкой и днепро-двинской культур, где выявляется инфильтрация носителей культуры штрихованной керамики³⁴⁶. При расселении в этих землях средневропейского населения обычай «штриховки» глиняной посуды исчезает.

Несомненным остается то, что становление тушемлинской культуры стало концом развития местных древностей раннего железного века. Кроме существенных изменений в материальной культуре, при этом имела место коренная перестройка поселенческой структуры. Жизнь на городищах раннего железного века полностью затухает, все население концентрируется на открытых поселениях, которые становятся более крупными. Очевидно, что без внешнего импульса объяснить это невозможно.

---

³⁴⁴ Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. О роли памятников III—IV вв. н. э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербургский археологический вестник. № 9. Л., 1995. С. 136—142.

³⁴⁵ Седов В. В. Древнерусская народность... С. 133—138. Рис. 25.

³⁴⁶ Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Ч. 1. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э.— III в. н. э.). М., 1992. Карта на с. 205.

Племена киевской культуры и носители позднезарубинецких древностей никак не могли оказать единовременного существенного воздействия на затухание культур раннего железного века и тем более на становление новой. Если инфильтрация этих племен и имела место, то она, судя по данным археологии, не могла быть значительной и не могла охватить обширную территорию днепро-двинской и культуры штрихованной керамики.

Несомненно, более существенной была миграция населения из Средней Европы, о чем свидетельствует концентрация в рассматриваемых землях находок провинциально-римского происхождения. Субстратом тушемлинской культуры были две различные культуры — днепро-двинская, оставленная одним из крупных племенных образований днепровских балтов, и культура штрихованной керамики, носители которой составляли ядро балтов — основных предков раннесредневековых летто-литовских племен. При этом следует подчеркнуть, что новая культура охватила только части ареалов этих культур раннего железного века, только те области, где находками провинциально-римских типов документируется расселение среднеевропейского населения. Следовательно, активным элементом при становлении тушемлинской культуры были пришлые племена.

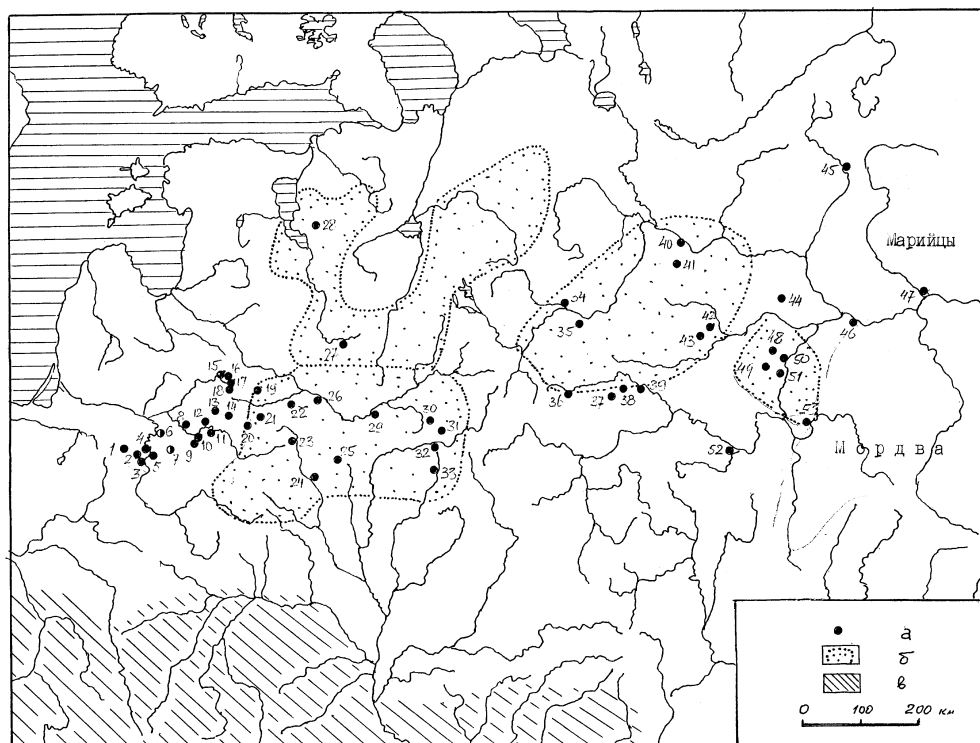
Исследователи не раз обращали внимание на некоторую близость глиняной посуды тушемлинской культуры к керамическим комплексам культуры псковских длинных курганов. На этом основании некоторые археологи строили догадки о становлении культуры псковских длинных курганов в результате расселения верхнеднепровско-западодвинского населения в Псковско-Ильменском крае³⁴⁷. Однако синхронность культуры псковских длинных курганов и тушемлинской исключает генетическое развитие первой из второй. Параллели в керамических коллекциях этих культурных групп обусловлены родственностью их. Они вышли из единого венедского ареала Средней Европы. К этому можно добавить, что тушемлинская керамика имеет еще некоторые черты сходства с синхронной глиняной посудой суковско-дзедзицкого типа срединных и поморских областей Польши и Мекленбурга.

В свете изложенного следует пересмотреть и вопрос об этнической принадлежности населения тушемлинской культуры. Полагая, что эта

---

³⁴⁷ Носов Е. Н. Проблема изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л., 1982. С. 62—63.

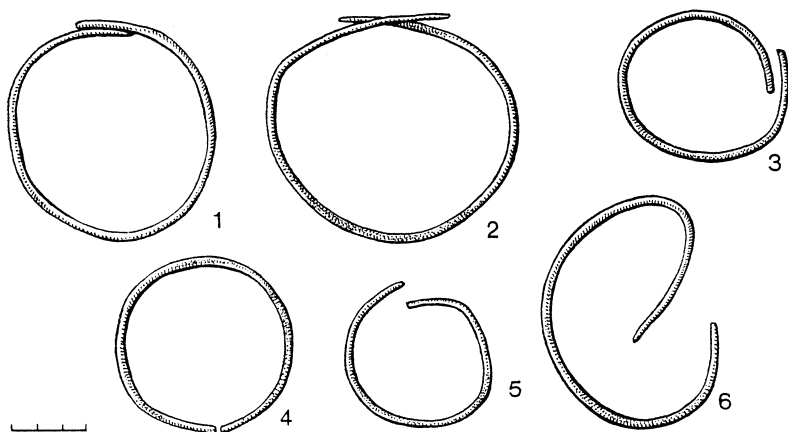

**Рис. 80. Распространение браслетообразных
незавязанных височных колец в середине I тыс. н. э.**

а — памятники с находками браслетообразных колец; **б** — ареалы культурных новообразований периода великого переселения народов и начала средневековья (культуры псковских длинных курганов, тушемлинской, мерянской и муромской); **в** — ареалы распространения пражско-корчакской и пеньковской культур.

1 — Радостай-Аленонис; 2 — Луксенай; 3 — Сейлюнай; 4 — Бакшай; 5 — Слабаделе (Аловеле); 6 — Мигонис; 7 — Аукштадварис; 8 — Кернаве; 9 — Квирбай; 10 — Кайренай; 11 — Варапнишкес; 12 — Пакрауглу; 13 — Граужиняй; 14 — Межонис; 15 — Дусетос; 16 — Эйкотишкис; 17 — Жадавайняй; 18 — Рокенай; 19 — Прудники; 20 — Микольцы; 21 — Городище; 22 — Свила; 23 — Васильковка; 24 — Аздятичи; 25 — Дедиловичи; 26 — Бельчица; 27 — Казиха; 28 — Городня; 29 — Бароники; 30 — Акатово; 31 — Близнаки; 32 — Демидовка; 33 — Тушемля; 34 — Отмичи; 35 — Топорок; 36 — Троицкое; 37 — Луковня; 38 — Щербинка; 39 — Боршева; 40 — Попадьинское; 41 — Сарское; 42 — Малодавыдовское; 43 — Выжегша; 44 — Кочкино; 45 — Попово на Унже; 46 — Безводное; 47 — Ахмылово; 48 — Максимово; 49 — Малышево; 50 — Тумовское; 51 — Подболотня; 52 — Борки; 53 — Старый Кадом.

Рис. 81. Браслетообразные височные кольца середины I тыс. н. э.

1 — Эйкотошкис; 2 — Демидовка; 3 — Попово на Унже; 4 — Попадьинское; 5 — Отмичи; 6 — Микольцы.

культура сложилась на базе местных древностей предшествующего времени, балтская атрибуция которых представляется несомненной, исследователи считали и племена тушемлинской культуры восточными балтами. Присутствие местных балтов в составе населения Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья несомненно — местное население при появлении средневропейского населения в основной массе не покинуло мест своего обитания. В отличие от Псковско-Ильменского региона, земли днепровских балтов были сравнительно плотно заселены, и местное население должно было составить заметный компонент в составе тушемлинского. Вместе с тем археологические материалы свидетельствуют, что и переселенцы не были ассимилированы в балтской среде. Этническими индикаторами нового населения являются, в частности, браслетообразные височные кольца (рис. 80), получившие распространение в этих землях в самом начале эпохи средневековья.

Это провололочные украшения большого или среднего диаметра, в том числе и весьма крупные, с сомкнутыми или заходящими концами (рис. 81). Найдены они на многих памятниках тушемлинской культуры, и можно говорить о характерности этих колец для ее носителей, по крайней мере для значительной части их³⁴⁸.

³⁴⁸ Седов В. В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. // СА. 1994. № 2. С. 56—68; *Он же*. Древнерусская народность... С. 137—137.

Как уже отмечалось, височные кольца были излюбленным женским украшением значительной части раннесредневековых славян и являются надежным индикатором для выделения славянских древностей среди материалов соседних этносов.

Средневековые древности финно-угорских и летто-литовских племен, заселявших лесные области Восточной Европы, ныне достаточно хорошо изучены³⁴⁹. Можно вполне определенно утверждать, что ни одному из племенных образований балтов и финно-угров, не затронутых славянским влиянием, ношение височных колец не было свойственно. Женское убранство прибалтийских и волжско-камских финнов, как и летто-литовских племен, было своеобразным и не могло включать височные кольца. Единичные височные кольца славянских типов, изредка встречаемые в древностях Прибалтики, Волго-Камья и Приуралья, отражают культурные и этнические контакты местного населения со славянским миром.

Появившиеся в тушемлинской культуре браслетообразные височные украшения без каких-либо перерывов продолжали бытовать в лесной зоне Восточно-Европейской равнины до X—XIII вв. включительно, когда их славянская принадлежность уже не вызывает никаких сомнений. В этой связи в составе тушемлинской культуры рассматриваемые украшения должны быть отнесены к славянскому этносу.

Вычленив в составе населения тушемлинской культуры местный балтский и пришлый славянский этнические компоненты не представляется возможным. По всей вероятности, в ареале этой культуры сформировался культурный славяно-балтский симбиоз с общим домостроительством, керамическим материалом и погребальной обрядностью. Можно полагать, что время тушемлинской культуры было начальным этапом славянизации местного населения.

Ареал браслетообразных височных колец в середине и третьей четверти I тыс. н. э. не ограничивался территорией тушемлинской культуры. В восточном направлении он простирался до междуречья Волги и Оки. Наиболее западные находки аналогичных височных колец встречены в юго-восточной части современной Литвы. Здесь в конце IV — начале V в. археологически надежно фиксируется появление нового населения, расселившегося среди племен культуры штрихованной керамики. Переселенцами сюда был привнесен неизвестный прежде курганный обряд погребения. В течение V—VI вв. в этом регионе сооружались округлые в плане погребальные насыпи высотой от 0,5 до 1,2 м, сложенные целиком

---

³⁴⁹ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

из камней или имеющие в основании венцы из валунов. Умерших хранили по обряду ингумации в подкурганных ямах. Погребальный инвентарь представлен украшениями, металлическими деталями одежды, изредка встречаются орудия труда и фрагменты керамики³⁵⁰.

В этих курганах неоднократно встречены височные кольца, изготовленные из проволоки круглого, иногда ромбического сечения. Диаметр их колеблется от 3—4 до 8—10 см. Концы колец обычно заходят друг на друга и нередко, как и тушемлинские, утолщены. Раскопками установлено, что женщины носили их на висках по одному или несколько с обеих сторон головы³⁵¹.

Обряд сооружения каменных или каменно-земляных курганов был привнесен в Юго-Восточную Литву, безусловно, из ятвяжского региона Сувалкии, где такие насыпи были хорошо известны еще в римское время³⁵². Появление на территории Литвы западнобалтского населения совпадает с концом существования культуры штрихованной керамики и распространением качественно новой глиняной посуды — шероховатой (или ошершавленной) — и предметов провинциально-римских среднеевропейских типов. Меняется и структура поселений.

Материалы краниологии показывают, что население, оставившее в Литве каменно-земляные курганы конца IV — начала VI в., было неоднородным в племенном отношении — мужчины и женщины принадлежали к разным антропологическим типам. Мужской части населения свойственна узколицесть и грациальность, их антропологический тип сопоставим с раннесредневековыми ятвягами Сувалкии. Женщины принадлежали к умеренно массивному широколицему типу³⁵³.

Очевидно, что основу мужского населения Юго-Восточной Литвы в рассматриваемое время составляли в большей степени пришлые ятвяги,

---

³⁵⁰ Лухтан А., Ушинскас В. К проблеме становления Литовской земли в свете археологических данных // *Древности Литвы и Белоруссии*. Минск, 1988. С. 93—96.

³⁵¹ Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. IV. Vilnius, 1978. P. 6—8. Zem. 2.

³⁵² Таутавичюс А. Балтские племена на территории Литвы в I тыс. н. э. // *Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии*. Рига, 1980. С. 84; Michelbertas M. Senasis geležies amžius Lietuvoje. Vilnius, 1986. P. 239—240.

³⁵³ Česnis G., Urbanavičius V. М. е. I tukstantmečio vidurio rytų Lietuvos gyventojų antropologija // Lietuvos TSR mokslų Akademijos darbai. «A» serija. 3 (88). Vilnius, 1984. P. 56—67; Денисова Р. Я. География антропологических типов балтских племен и этногенетические процессы в I — начале II тыс. н. э. на территории Литвы и Латвии // *Балты, славяне и прибалтийские финны: Этногенетические процессы*. Рига, 1990. С. 38—40.

которые и принесли сюда курганный обряд. Эти мужчины вступали в брачные связи с женщинами иного происхождения. Последние, судя по браслетообразным височным кольцам, были родственны славянскому компоненту тушемлинской культуры.

В VI в. юго-восточные области Литвы были затронуты новой волной миграции, которая привела к становлению культуры восточнолитовских курганов. Последняя достаточно определенно связывается с летописной литвой³⁵⁴. Население, оставившее каменные и каменно-земляные курганы, нужно полагать, растворилось в новой этнической среде. Обычай ношения браслетообразных височных колец здесь в VI в. исчезает.

На рубеже VII и VIII вв. в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье получают распространение длинные и удлинённые курганы, именуемые в археологической литературе смоленско-полоцкими. Они заметно отличаются от валообразных погребальных насыпей псковского типа и характеризуются своеобразным вещевым инвентарем, поэтому выделяются в отдельную археологическую культуру³⁵⁵.

Смоленско-полоцкие длинные курганы отличаются от псковских прежде всего внешним обликом: их длина не превышает 30 м, а большинство насыпей вытянуты всего на 12—20 м. Они не имеют в основании зольно-угольных прослоек, что вполне объяснимо, поскольку эта обрядность была наследием прибалтийско-финского населения, а в рассматриваемом регионе дославянскими жителями были балты. Весьма существенны и отличия в вещевых коллекциях. В составе инвентарей культуры смоленско-полоцких длинных курганов обычны металлические части женских головных уборов типа летто-литовских вайнаг, полусферические бляхи, проволочные биэсовидные украшения, трапещевидные и грибовидные привески, костяные привески-уточки. Некоторые из этих украшений имеют аналогии в синхронных древностях Литвы и Латвии, что стало для некоторых исследователей поводом для отнесения культуры смоленско-полоцких длинных курганов к балтскому этносу³⁵⁶.

---

³⁵⁴ Таутавичюс А. З. Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 128—153; Финно-угры и балты... С. 390—395.

³⁵⁵ Подробнее о культуре смоленско-полоцких длинных курганов см.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 92—104; Он же. Длинные курганы... С. 32; Енуков В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.

³⁵⁶ Шмидт Е. А. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 7. Смоленск, 1970. С. 219—135.

Балтские предметы встречаются и среди тушемлинских древностей, поэтому наличие их в памятниках рассматриваемой культуры является вполне правомерным — тушемлинское население не покидало мест своего проживания при формировании новой культуры. Балтские вещи в Смоленской и Полоцкой землях обнаруживаются и позднее, в курганах X—XII в., свидетельствуя о длительности процесса славянизации аборигенного населения.

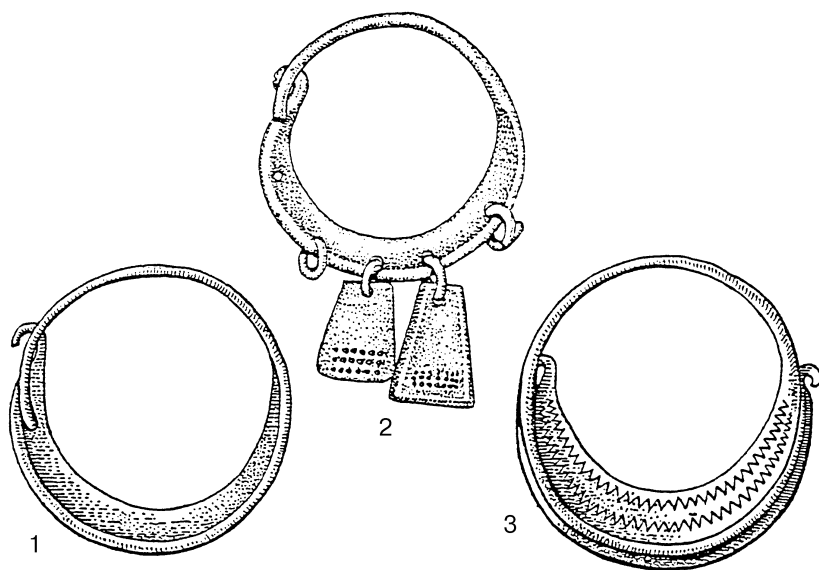
В деталях погребальной обрядности в культурах смоленско-полоцких и псковских длинных курганов существенных различий не проявляется. Если они и есть, то не носят принципиального характера и обусловлены как сложением на базе разных субстратов, так и разновременностью памятников. Становление культуры смоленско-полоцких длинных курганов можно объяснить только инфильтрацией населения псковских длинных курганов на территорию, занятую племенами тушемлинской культуры. В ареал длинных курганов при этом вошли далеко не все области тушемлинской культуры, а только те земли, которые непосредственно примыкают к региону бытования псковских длинных курганов. Не исключено, что отлив носителей псковских длинных курганов был обусловлен активизацией словен ильменских. Именно в это время культура сопков распространяется на значительной части Ильменского бассейна.

Общий ареал длинных курганов, подразделяемый на две части — псковскую и смоленско-полоцкую, соответствует трем историческим землям Древней Руси — Псковской, Полоцкой и Смоленской, принадлежащим кривичам. Думается, что есть все основания рассматривать ареал длинных курганов как территорию расселения кривичей, которые уже на ранней стадии дифференцировались на две этнографические группы — псковскую и смоленско-полоцкую.

Псковская, Смоленская и Полоцкая земли объединяются в единый ареал по диалектным данным. Ныне псковские говоры принадлежат к переходным, сложившимся при взаимодействии наречия, ставшего севернобелорусским (в период Древней Руси это смоленско-полоцкие говоры), с северновеликорусским³⁵⁷. При этом языковые особенности, связывающие псковские говоры с говорами других кривичских земель, получили самое последовательное распространение. В этой связи следует полагать, что в конце I и начале II тыс. н. э. отчетливого рубежа между псковскими и смоленско-полоцкими говорами еще не было. Формирование южного рубежа псковских говоров, то есть пучка изоглосс, отделяю-

---

³⁵⁷ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 230—234.

Рис. 82. Височные кольца культуры смоленско-полоцких длинных курганов
1 — Заозерье; 2 — Цурковка; 3 — Дроково.

ших их от севернобелорусского диалекта, относится ко времени Великого Литовского княжества³⁵⁸.

В Смоленско-Полоцком регионе, как отмечалось выше, в середине I тыс. получили распространение браслетообразные височные кольца. Они бытовали и среди населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Вместе с тем в ареале этой культуры в VIII—IX вв. сформировались оригинальные височные украшения — провололочные, диаметром от 5 до 10 см, с пластинчатыми расширениями на заходящих друг на друга незамкнутых концах. Один конец их, а иногда и оба завершались крючкообразно. Плоские части этих украшений орнаментировались нарезными зигзагообразными линиями. В единичных случаях на пластинчатых частях колец делались небольшие отверстия, через которые продевались тонкие провололочные колечки с трапециевидными пластинчатыми привесками (рис. 82).

³⁵⁸ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 445—452. Новое исследование истории говоров кривичей см.: Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 115—153; 1987. М., 1989. С. 187—224.

Такие височные украшения стали весьма характерными для культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Помимо того, они разрозненно найдены в единичных памятниках более северных территорий (городище Псковское, Камно, Ржева Пустая, Городище близ Великих Лук, Ладога). Прямых аналогий им в синхронных или более ранних материалах Восточноевропейского региона не обнаруживается. Догадка о том, что эти украшения восходят к летто-литовским дровово-пластинчатым шейным гривнам с заходящими концами, высказываемая некоторыми исследователями, должна быть отвергнута, поскольку такие гривны в Юго-Восточной Прибалтике получили широкое распространение только в X—XI вв., когда рассматриваемые височные кольца уже вышли из употребления.

Основу смоленско-полоцких колец VIII—IX вв., безусловно, образуют бытовавшие в этом регионе с тушемлинского времени браслетообразные украшения. Другим слагаемым элементом при оформлении этих височных колец стали лунничные украшения, с которыми их роднят и зигзагообразные штихельные узоры, и крючкообразные завершения на концах. Серповидные пластинчатые расширения, появившиеся на проволочных (браслетообразных) кольцах, следует рассматривать как подражания лунничным украшениям, широко бытовавшим в Дунайских землях³⁵⁹.

Появление лунничных височных колец в лесной полосе Восточно-Европейской равнины, о чем подробнее будет сказано ниже, отражает широкую инфильтрацию славянского населения с Дуная. Одним из колец, явно привнесенных из Среднедунайских земель, является находка в могильнике с длинными курганами в Арефино на Смоленщине³⁶⁰. Фрагмент лунничного височного кольца встречен еще при раскопках жилища 38 в отложениях тушемлинской культуры на селище близ д. Городище в Мядельском р-не Белоруссии³⁶¹.

Привнесение в Смоленско-Полоцкий регион лунничных височных колец, где до этого имели хождение браслетообразные украшения, и породило гибридные — проволочно-пластинчатые. Они и стали характерными для населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов. При этом полного вытеснения браслетообразных височных колец не про-

---

³⁵⁹ Korošec P. Zdodnjerednjeveška arheološka slika karantanskih slovanov. T. I—II. Ljubljana, 1979.

³⁶⁰ Левашова В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. (Труды ГИМ. Вып. 43). М., 1967. С. 20. Рис. 4: 4.

³⁶¹ Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии. Минск, 1978. Рис. 53: 28.

изошло. Они продолжали бытовать, о чем можно судить по фрагментарным находкам их в захоронениях смоленско-полоцких курганов Слободы-Глушицы, Пнева, Слободы, Ярцева и других. Неоднократно встречаются браслетообразные височные кольца и на синхронных поселениях. Сказать, были ли какие-либо племенные различия между теми жителями Смоленско-Полоцкого региона, которые носили браслетообразные кольца, и теми, что предпочитали проволоочно-пластинчатые височные украшения, затруднительно. К X столетию браслетообразные кольца вытесняют проволоочно-пластинчатые. В X—XIII вв. в областях расселения смоленско-полоцких кривичей получают повсеместное распространение браслетообразные височные кольца с завязанными концами, ставшие этнографическим маркером этого восточнославянского племени³⁶².

М е р я

Миграционные волны периода великого переселения народов, исходившие из Средней Европы, затронули также междуречье Волги и Оки, о чем свидетельствуют прежде всего вещевые находки провинциально-римских типов. До этого западные районы междуречья были заселены балтами, родственными племенам днепро-двинской культуры (позднediaковские древности Москворечья и Верхневолжья), восточная часть принадлежала поволжским финнам³⁶³.

Появление средневропейского населения полностью нарушило жизнь и быт местного населения. Еще в 40-х гг. XX в. исследователи обратили внимание на то, что поселения дяковской культуры прекращают функционировать в V—VI вв. П. Н. Третьяков и О. Н. Бадер попытались объяснить это изменениями социально-экономического уклада, в результате чего население покинуло прежние укрепленные поселения и стало осваивать селища³⁶⁴. К. А. Смирнов, проанализировавший вещевые коллекции дяковских городищ, показал, что дяковская культура действительно прекращает свое развитие в V—VI вв. Встречаемые на городищах

---

³⁶² Подробнее о культуре смоленско-полоцких кривичей X—XIII вв. см.: *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья... С. 109—124; *Он же.* Восточные славяне... С. 158—166.

³⁶³ Об этнической ситуации в Волго-Окском междуречье в раннем железном веке см.: *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне... С. 113—163, 234—239, 285—300.

³⁶⁴ *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. // МИА. № 5. Л., 1941; *Бадер О. Н.* Древние городища на верхней Волге // МИА. № 13. М., 1950.

единичные более поздние вещи исследователь справедливо объяснял посещением этих мест уже после их запустения³⁶⁵.

Этот вывод подтверждается и региональными изысканиями. Так, Н. А. Кренке в развитии культуры раннего железного века бассейна верхнего и среднего течения р. Москвы выделил четвертый и пятый этапы, составляющие позднедьяковскую культуру. Четвертый период, датируемый III—V вв. н. э., был временем расцвета этой культуры. Население проживало на городищах и селищах. В пятом периоде (VI—VII вв.) наблюдается культурный и экономический упадок жизни, это был конец развития дьяковской культуры. Памятников этой культуры позднее VII в. в Москворечье, заключает исследователь, нет вовсе³⁶⁶.

В Верхневолжье расцвет дьяковской культуры В. И. Вишневским определяется V в. до н. э. — III в. н. э. Позднее имела место существенная трансформация культурного развития — очень быстро исчезает сетчатая керамика, ее вытесняет гладкостенная посуда без орнамента или с орнаментом лишь по краю венчиков, появляется лощеная керамика. Исследователь не определяет причины таких изменений, но, по-видимому, они обусловлены инфильтрацией в среду поволжских финнов балтского населения. Далее В. И. Вишневский выделяет своеобразный вещевой комплекс, датирующийся V—VI вв. и включающий серпы с петлей, ножи с уступом на горбинке, пластинчатые кресала, костяные гребни и др. Региональный характер работы не дал возможности для объяснения появления новых предметов. Теперь же очевидно, что это было результатом миграции средневропейского населения. Именно в это время на ряде поселений (Березняки, Попадьинское, Устье) появляются и первые наземные срубные постройки. Этим периодом завершается история местного населения³⁶⁷. Встречаемые на некоторых поселениях предметы VIII—IX вв. уже никак не связаны со слоями позднедьяковской культуры.

---

³⁶⁵ Смирнов К. А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 77—78.

Попытка И. Г. Розенфельдт на основе отдельных вещевых находок пролонгировать существование дьяковской культуры до IX в. (*Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья*. М., 1982) не встретила поддержки среди исследователей. Отдельные предметы VII—IX вв. могли попасть на городища и тогда, когда дьяковская культура и не функционировала.

³⁶⁶ Кренке Н. А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.

³⁶⁷ Вишневский В. И. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII—VII вв. до н. э. — VII—VIII вв. н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991.

Поселения VII—IX вв. Москворечья и Верхневолжья остаются слабоизученными. Поэтому многое в истории этих регионов пока кажется туманным. В частности, не удастся детально проследить ход этногенетических процессов. Верхневолжский регион пополнялся небольшими группами кривичей, о чем свидетельствует появление здесь единичных длинных курганов. В XI—XII вв. в Тверское Поволжье и левобережную часть бассейна верхнего течения р. Москвы имела место значительная инфильтрация смоленско-полоцких кривичей, наиболее ярким показателем чего является распространение в этих областях браслетообразных завязанных височных колец.

Несколько отчетливее этническая ситуация третьей четверти I тыс. н. э. вырисовывается в более восточных землях — в междуречье Волги и Клязьмы. Работами А. Е. Леонтьева установлено, что между местными дьяковскими древностями раннего железного века и культурой второй половины I тыс. н. э. прямой преемственности не выявляется. В третьей четверти этого тысячелетия здесь формируется совершенно новое культурное образование, что могло быть обусловлено только появлением нового населения. Миграционный процесс привел к коренной перестройке системы расселения. Прежние небольшие поселения, приуроченные к пойменным лугам, в основной массе забрасываются. Получают распространение поселения более крупных размеров, которые тяготели уже к участкам с наиболее плодородными почвами. Ведущую роль в экономике населения теперь стало играть земледелие. Более того, материалы археологии дают основание говорить о развитии пашенного земледелия при возможной специализации отдельных поселений на животноводстве, охоте и рыболовстве. Существенно увеличивается при этом численность населения³⁶⁸.

А. Е. Леонтьев полагает, что пришлым населением, создавшим новую культуру в междуречье Волги и Клязьмы, была финноязычная мера, и именует эту культуру мерянской. Вопрос о происхождении пришлого населения остается в работе А. Е. Леонтьева нерешенным. Лишь мимоходом он высказывает мысль о возможном переселении пришельцев из региона рязанско-окских могильников. Однако подтвердить эту догадку какими-либо фактическими данными исследователь даже не пытался. Между тем сопоставительный анализ особенностей культуры рязанско-окских могильников и древностей второй половины I тыс. н. э. Волго-Клязьминского междуречья достаточно определенно демонстрирует невозмож-

---

³⁶⁸ Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

ность генезиса последних из рязанско-окских. Совершенно различны и погребальная обрядность, и комплексы женских украшений, и керамические материалы. Имеются, правда, отдельные однотипные украшения, предметы труда и быта, встречаемые и на Средней Оке, и в междуречье Волги и Клязьмы. Однако все эти находки не составляют специфики ни культуры рязанско-окских могильников, ни мерянской культуры — они широко распространены в материалах нескольких культур Волжского региона, не являясь культурно определяющими.

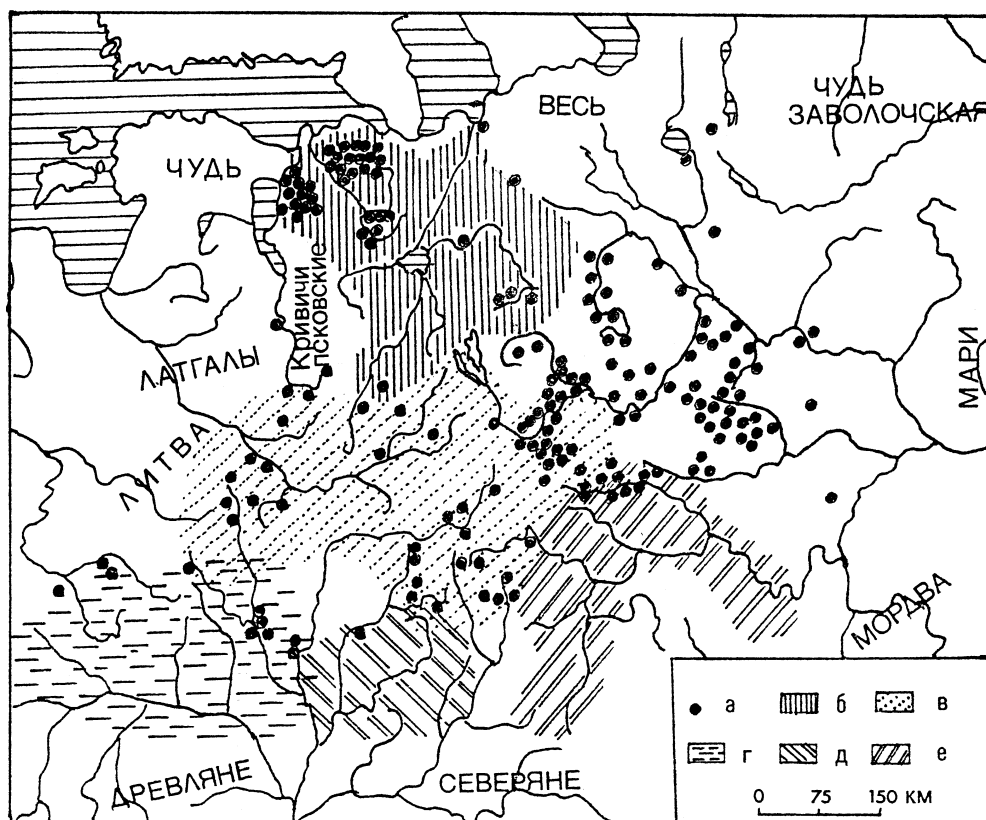
Вопрос о сложении новой (мерянской) культуры в Волго-Клязьминском междуречье невозможно решать без учета распространения в этом регионе предметов провинциально-римских типов. Их появление здесь, как и в других землях Восточно-Европейской равнины, безусловно, отражает прилив населения из Среднеевропейского ареала. Каких-либо следов иных миграций в археологических материалах при этом никак не обнаруживается. Следовательно, становление мерянской культуры может быть только результатом взаимодействия среднеевропейских переселенцев с финноязычными аборигенами. Эта культура в некоторой степени родственна культурам тушемлинской и псковских длинных курганов, сформировавшимся в то же время.

Большинство селищ второй половины I тыс. н. э. в Волго-Клязьминском междуречье занимают пологие склоны возвышенностей коренных берегов рек и озер. Площади их — от 1 до 6 га. Жилищами служили преимущественно наземные срубные постройки с печами-каменками. На некоторых поселениях выявлены и полуземляночные строения.

Известны и немногочисленные укрепленные поселения, среди которых выделяется Сарское городище на берегу оз. Неро, которое, по-видимому, было административным (племенным) центром. Оно устроено на всхолмлении среди заливных лугов. Его срединная часть площадью свыше 8000 кв. м, обнесенная валами, была древнейшим селением, к которому со временем прирастали неукрепленные участки. Общая застроенная площадь поселения к X в. достигла 2,7 га.

Около Сарского городища исследован грунтовой могильник, в котором открыты захоронения по обрядам кремации и ингумации. Наиболее ранние погребения датируются VI—VII вв. Подобные могильники известны и в других местностях Волго-Клязьминского междуречья.

Керамические материалы рассматриваемой культуры неоднородны. Вся глиняная посуда изготавливалась без гончарного круга. По характеру обработки поверхности она делится на две группы: 1) с шероховатой и бугристой поверхностью; 2) лощеная и с заглаженной поверхностью.

Рис. 83. Распространение браслетообразных независимых височных колец в XI—XIII вв.

а — памятники с находками этих украшений. Ареалы: **б** — ильменских словен; **в** — смоленско-полоцких кривичей; **г** — дреговичей; **д** — радимичей; **е** — вятичей.

Довольно много горшкообразных сосудов с максимальным расширением в верхней половине, несколько напоминающих синхронную славянскую керамику других регионов. Но нередки и приземистые «кубовастые» сосуды, которые исследователи обычно связывают с местным финским этносом. Реже встречаются банковидные сосуды. На Сарском городище обнаружены и глиняные сковородки.

Вещевой материал, полученный при обследовании поселений и могильников Волго-Клязьминского междуречья, включает железные орудия труда, предметы вооружения, бытовые находки, различные украше-

ния из цветных металлов, изделия из кости и глины и свидетельствует о поступательном развитии материальной культуры вплоть до древнерусского периода.

Разнохарактерность керамики и вещевых коллекций указывает на некоторую неоднородность этнического состава населения культуры второй половины I тыс. н. э. На присутствие финского этнического компонента среди жителей Сарского поселения указывают и приземистые сосуды, и украшения финно-угорского облика. Да и пласт древней финской гидронимии Волго-Клязьминского междуречья достаточно определенно свидетельствует об участии финноязычных аборигенов в генезисе ранне-средневекового населения этого края. Вместе с тем несомненно, что культуру Сарского поселения, как и подобных ему памятников, никак нельзя относить целиком к финскому этносу.

Основными создателями мерянской культуры все же были не местные финны, а среднеевропейские переселенцы. Только в этом случае могла сложиться новая поселенческая структура, которая оставалась неизменной и в древнерусское время, и мог возобладать земледельческий облик экономики. Нельзя не обратить внимание и на то, что тип расселения, сформировавшийся в третьей четверти I тыс. н. э., оставался в этом регионе неизменным позднее, в том числе в период Древнерусского государства. Каких-либо трансформаций в эволюции культуры, быта и экономики при перерастании мерянской культуры в древнерусскую здесь не наблюдается. Достаточно очевидно, что основы так называемой мерянской культуры и быта были заложены во второй половине I тыс. н. э. населением, пришедшим из Средней Европы.

Как и в других регионах лесной полосы Восточно-Европейской равнины, затронутых среднеевропейской миграцией в Волго-Клязьминском междуречье, в составе переселенцев доминировал славянский этнический компонент. Об этом наиболее ярко свидетельствует распространение в местах оседания нового населения браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими концами (рис. 80 и 83). Они появляются в рассматриваемой области в V—VI вв. и идентичны тушемлинским. В Москворечье такие украшения найдены на поселениях Боршева, Дьяково, Луковня, Троицкое, Щербинка, на верхней Волге — в Отмичах и Топорке, в междуречье Волги и Клязьмы — на Сарском городище и в ранних захоронениях Сарского могильника, на городищах Выжегша и Мало-Давыдовское, на селищах Пеньково, Попадьянское, Шурск-III и Новотроицкое. На Троицком городище браслетообразные кольца обнаружены в верхних культурных напластованиях, определяемых не позднее V — начала

VI в.³⁶⁹ Находка подобного украшения на Попальинском селище позволяет говорить, что они бытовали в Ярославском Поволжье уже в VI столетии³⁷⁰.

Носители браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими концами, осевшие в западных районах Волго-Окского региона и в междуречье Волги и Клязьмы, занятых балтскими и поволжско-финскими племенами, включили аборигенов в единый этногенетический процесс, и это новообразование стало ядром-основой древнерусского населения Северо-Восточной Руси.

Браслетообразные височные кольца с сомкнутыми или заходящими концами бытовали в рассматриваемом ареале беспрерывно до XIII вв. включительно и стали одним из важнейших этнографических признаков племенной группировки Ростово-Суздальской земли. В IX—X вв. носители этих украшений распространились на север, достигнув Белозерья.

Согласно акцентологическим изысканиям, восточно-великорусские говоры междуречья Волги и Оки составляют особую (четвертую) группу. «Диалекты этой группы ввиду сугубой архаичности их акцентной системы не могут быть объяснены как результат вторичного развития какой-либо из известных акцентологических систем, а должны рассматриваться как наиболее раннее ответвление от праславянского; этнос носителей этого диалекта представляет, по-видимому, наиболее ранний восточный колонизационный поток славян»³⁷¹. Достаточно ранняя изоляция этого диалекта, отмечают исследователи, препятствовала распространению «долготной» и «краткостной» оттяжек, свойственных другим первоначальным диалектным группам праславянского языка.

Б. М. Ляпунов и Ф. П. Филин, разрабатывая вопросы диалектного членения славян Восточно-Европейской равнины, высказали мысль о том, что Ростово-Суздальская земля была заселена особым восточнославянским племенем, название которого не дошло до нас, и владимиристо-суздальские говоры ведут свое начало от диалекта этого племени³⁷².

³⁶⁹ Дубынин А. Ф. Троицкое городище // Древнее население Подмосковья. М., 1970. Рис. 16: 1, 21, 24—26; 17: 26.

³⁷⁰ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М., 1961. С. 82—91.

³⁷¹ Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 157—158; Булатова Р. В., Дыбо В. А., Николаев С. Л. Проблемы акцентологических диалектологизмов в праславянском // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. Доклады сов. делегации. М., 1988. С. 31—65.

³⁷² Филин Ф. П. Очерк истории русского языка до XIV столетия // Уч. зап. Ленинградского педагогического ин-та им. А. И. Герцена. Т. XXVII. Л., 1940. С. 86;

Таким образом, результаты, полученные на археологических материалах, о раннем освоении славянами междуречья Волги и Клязьмы подкрепляются лингвистическими данными. При этом нельзя не обратить внимания и на то, что распространение браслетообразных височных колец с сомкнутыми и заходящими концами в XI—XIII вв. в значительной степени соответствует и региону говоров четвертой акцентологической группы³⁷³ и владимирско-поволжской группе северновеликорусского наречия³⁷⁴.

Судьба племен дьяковской культуры в условиях расселения среднеевропейского населения была неодинаковой. Какая-то часть финноязычного населения, по-видимому, не была затронута влиянием культуры пришлого населения и продолжала обитать в мелких неукрепленных селениях, сохраняя свой быт и прежний хозяйственный уклад. Археологически такие поселения трудноуловимы, поэтому пока остаются неизученными. По всей вероятности, они имели тот же облик, что известные по историческим материалам «мерские станы». Они сохранялись преимущественно в отдаленных залесенных микрорегионах, в местностях, непригодных или малоприспособленных для пашенного земледелия.

Среднеевропейские переселенцы очень скоро, если не сразу, вступили в контакты с финскими аборигенами. Это, в частности, наблюдается в округе оз. Неро, в регионе концентрации пришлого населения. Здесь образовались единые поселения и могильники с общей «мерянской» культурой второй половины I тыс. н. э. Постепенно единая культура распространяется по всему междуречью Волги и Клязьмы. Финноязычная меря, по-видимому, все более и более втягивалась в единый этногенетический процесс, который вел к формированию древнерусского населения Ростово-Суздальской земли.

На территории финской мери, наряду с характеризуемыми браслетообразными височными кольцами, появились и специфические — браслетообразные втульчатые. Один конец их завершался втулкой, другой, несколько заостренный, вставлялся в нее (рис. 84). Такие украшения в сравнительно небольшом количестве разбросанно встречены по всему ареалу мери³⁷⁵.

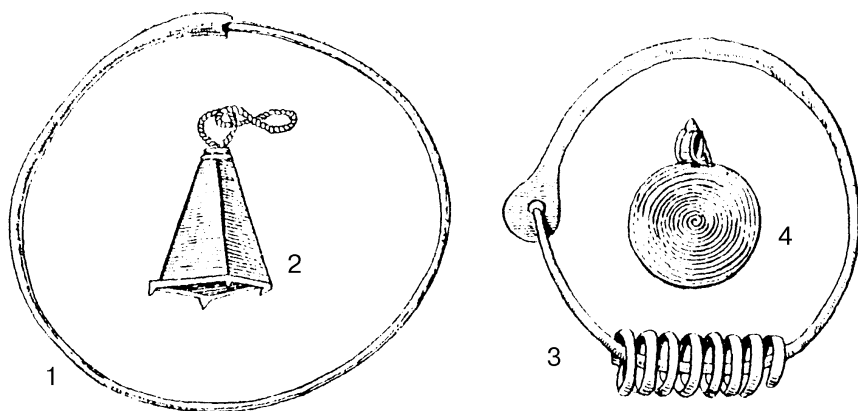
Он же. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972. С. 58—60.

³⁷³ Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. А. Основы славянской акцентологии... С. 156—159.

³⁷⁴ Седов В. В. Древнерусская народность... С. 261—262. Рис. 46.

³⁷⁵ Генинг В. Ф. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности) // Происхождение марийского народа. Йошкар-

Рис. 84. Височные кольца финноязычных мери и муромы, производные от славянских браслетообразных украшений

1 — втульчатое височное кольцо; 2, 4 — подвески; 3 — щитковое височное кольцо.
1, 2 — Сарский могильник; 3, 4 — Максимовский могильник.

Скорее всего, они носились местным населением, включившимся в процесс славянизации.

Начавшийся во второй половине I тыс. н. э. ассимиляционный процесс завершился лишь в первых веках II тыс. н. э. Финские культурные элементы в сравнительно небольшом числе отчетливо проявляются еще в курганах XI—XIII вв.³⁷⁶ О длительном сожительстве местного финноязычного и пришлого населения в рассматриваемом регионе говорят и данные ойконимии³⁷⁷.

Ола, 1967. С. 65—66; Sedov V. Schläfenringe der wolgafinnischen Stämme // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Sectionum. Dissertationes. Historica, archaeologica et anthropologica. Debrecen, 1990. S. 117—122; Финно-угры и балты... С. 78; Леонтьев А. Е. Археология мери... С. 159—163.

³⁷⁶ Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери // СА. 1980. № 2. С. 67—79; Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997. С. 197—214.

³⁷⁷ Альквист А. Наблюдения над финно-угорским субстратом в топонимии Ярославского края на материалах гидронимических формантов -(v)га и -(v)нга, (v)ньга, -(v)нда // Studia Slavica Finlandensia. Т. XV. Helsinki, 1992. С. 1—50; Она же. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 22—36; Она же. Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // Studia Slavica Finlandensia. Т. XX. Helsinki, 1998. С. 5—38.

Очевидно, в условиях славяно-финского симбиоза этноним местного населения — меря — был перенесен, как это нередко было в древней истории Европы, на все население междуречья Волги и Клязьмы. Накануне и в период становления Древнерусского государства все жители Ростовского края назывались мерей. В Повести временных лет сообщается, что первыми жителями были «в Ростове меря», «на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же»³⁷⁸.

В середине IX в. словене ильменские, кривичи и меря образовали конфедерацию трех племен — раннее военно-политическое образование с общим войском, сумевшим отразить набеги дружин норманнов³⁷⁹. Согласно летописному Сказанию о призвании варягов, в 60-х гг. этого столетия эти племена приглашают на княжение трех братьев из Скандинавии.

Меря упоминается в летописях среди участников похода Олега 882 г. на Киев и похода Руси 907 г. на Константинополь. Это было уже не поволжско-финское племя, а воины из среды населения Ростовской земли, сформировавшегося в условиях славяно-мерянского симбиоза.

Мурома

Массив славянского населения, осевшего в середине I тыс. н. э. в Волго-Окском регионе, нужно полагать, был весьма многочисленным и довольно активным. Из региона раннего расселения носителей браслетообразных височных колец с сомкнутыми и заходящими концами исходили культурные и этнические импульсы на соседние территории. Уже в VII в. славяне проникли в область расселения поволжско-финского племени муромы. В Малышевском могильнике, принадлежавшем этому племени, браслетообразные кольца рассматриваемого облика встречены в единичных захоронениях ранней стадии («А»). Носились они по одному или по два с каждой стороны головы³⁸⁰. В Кочкинском могильнике, датируемом второй половиной VII — первой половиной VIII в., браслетообразные кольца с сомкнутыми концами обнаружены в десяти погребениях: в двух по обряду кремации, остальные при трупоположениях, преимущественно с нехарактерной для финно-угорского мира западной ориентировкой³⁸¹.

³⁷⁸ Повесть временных лет... С. 13.

³⁷⁹ Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 111—142.

³⁸⁰ Дубынин А. Ф. Раскопки Малышевского могильника // КСИИМК. Вып. XXVI. 1949. С. 93.

³⁸¹ Ерофеева Е. Н., Травкин П. Н., Уткин А. В. Кочкинский грунтовой могильник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 14. Йошкар-Ола, 1988. С. 99—125. Рис. 2: 2, 3, 5.

Такие же височные украшения встречены и в других могильниках муромы — Подболотьевском, Максимовском и Чулковском³⁸², имеются они и на поселениях этого племени³⁸³.

Эти находки в памятниках муромы, безусловно, отражают инфильтрацию славянского населения в среду этого племени. Очевидно, вскоре традиция ношения височных колец воспринимается местным финноязычным населением. При этом вырабатывается своеобразный тип браслетообразных колец — щитковоконечных: один конец их оформлялся в виде овально-округлого щитка с отверстием, другой завершался крючкообразно (рис. 84). Такие украшения получают распространение среди муромских женщин³⁸⁴ и сосуществуют параллельно вместе с браслетообразными сомкнутыми височными кольцами.

Щитковоконечные кольца зарождаются, судя по материалам Малышевского и других муромских могильников, на завершающем этапе стадии «А», а их широкое бытование приходится на IX—X вв. Муромские женщины носили по четыре-пять таких колец с каждой стороны головы³⁸⁵. Они нередко дополнялись шумящими привесками или спиральными перстнями, нанизанными на их стержни. Это явно неславянская особенность, она указывает на принадлежность погребенной к местному финскому этносу. В Малышевском могильнике, по подсчетам А. Ф. Дубынина, щитковоконечные кольца составляют 74% всех браслетообразных украшений, в Подболотьевском — около 80%. Все же эти могильники VIII—XI вв. следует рассматривать не как собственно муромские, а как памятники муромско-славянского населения. Последние щитковоконечные височные кольца датируются первой половиной XI в. Это дает основание полагать, что к середине этого столетия процесс славянизации основной части финноязычной муромы подошел к финалу.

В исторических событиях, отраженных на первых страницах русских летописей, мурома не упоминается. Она названа только в перечне пле-

---

³⁸² *Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы // *Материалы по археологии России.* № 25. М., 1901. С. 45—51, 105—113; *Городцов В. А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома // *Древности. Труды Московского археологического общества.* Т. XXIV. М., 1914. С. 58; *Гришаков В. В.* К истории населения правобережья нижней Оки в конце I тыс. н. э. // *Материалы по археологии Мордовии (Труды Института языка, литературы, истории и экономики Мордовской АССР. Вып. 85).* Саранск, 1988. С. 53. Табл. VI: 16.

³⁸³ *Горюнова Е. И.* Этническая история... С. 177. Рис. 78: 28—30.

³⁸⁴ *Финно-угры и балты...* С. 88; *Sedov V.* Schläfenringe... S. 117—122.

³⁸⁵ *Дубынин А. Ф.* Раскопки Малышевского могильника... С. 91—96.

мен во вводной главе Повести временных лет, а также в статье под 862 г., где говорится, что древним населением города Муром была мурома³⁸⁶. Раскопки этого города свидетельствуют, что с момента своего возникновения это было славянское поселение. Вероятно, и здесь в процессе взаимодействия славян с местным финноязычным племенем имел место перенос его этнонима на все древнерусское население Муромской округи.

Славянское расселение раннего средневековья, как показывают материалы археологии, протекало порой скачкообразно. Более или менее крупные группы славян, оторвавшись от основного массива, продвигались далеко и какое-то время проживали изолированно. Такая картина, в частности, наблюдается на Балканском полуострове и Пелопоннесе. В Поволжье памятниками такого расселения являются Безводнинский могильник и поселение с могильником у с. Попово на р. Унже.

Первый памятник находится в Нижегородской области на берегу р. Кудьмы, близ ее впадения в Волгу. Ю. А. Краснов, раскопавший Безводнинский могильник, рассматривал в публикации его материалов браслетообразные височные кольца с сомкнутыми концами как украшения местного финноязычного населения³⁸⁷. Однако дополнительный анализ материалов раскопок показывает, что эти украшения употреблялись только частью населения и преимущественно на ранних стадиях функционирования некрополя.

На самом раннем этапе (V — начало VI в.) захоронения с браслетообразными височными кольцами составляют 46,2% общего числа могил. При этом оказывается, что все женские трупоположения этого времени ориентированы головами на СЗ или ССЗ, в то время как синхронные мужские погребения имели преимущественно характерную для финно-угорского мира северную ориентацию.

На второй хронологической стадии (VI — начало VII в.) число захоронений с браслетообразными кольцами уменьшается до 35%. По-прежнему большинство женщин помещались в могилы головами на СЗ или ССЗ, но теперь есть и погребенные меридионально. Все мужчины, как и раньше, клялись в могилы головами на север.

В захоронениях третьей стадии браслетообразные височные кольца не встречены. Правда, они есть в единичных могилах четвертой стадии (конец VII — первая половина VIII в.), составляя всего 9% от общего числа женских погребений этого этапа.

---

³⁸⁶ Повесть временных лет... с. 13, 18.

³⁸⁷ Краснов Ю. А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М., 1980.

Эти наблюдения позволяют утверждать, что носители браслетообразных височных колец появились в этом регионе Поволжья в VI в. и влиялись в местную финноязычную среду. Переселенцам, в отличие от местных финнов, была характерна, нужно думать, западная ориентировка погребенных. Почему это были преимущественно женщины, сказать затруднительно. Пришлая группа населения, очевидно, постепенно была ассимилирована, и обычай ношения браслетообразных колец в этом регионе исчезает.

У д. Попово на Унже браслетообразные височные кольца найдены при раскопках городища в яме 19, датируемой VI—VII вв., и в погребениях 7 и 10 расположенного поблизости могильника, относимого к тем же столетиям³⁸⁸. Нужно полагать, что в этот регион, заселенный позднедьяковским населением, проникла очень небольшая группа славян, скоро растворившаяся в местной среде. Не исключено, что появление славян на Унже обусловлено брачными связями.

Несколько браслетообразных височных колец рассматриваемого типа встречено в Младшем Ахмыловском могильнике V—VII вв., расположенном на юго-западной окраине территории мари³⁸⁹. Эти находки также отражают проникновение небольшой группы славян в окраинные земли марийской территории. Исследователь памятника Г. А. Архипов писал о некоторой этнической неоднородности погребенных на основе иных материалов. Малочисленные славяне здесь были вскоре ассимилированы, в марийских памятниках VIII—IX вв. браслетообразных украшений нет вовсе³⁹⁰.

Инфильтрация носителей браслетообразных сомкнутых височных колец фиксируется и в Рязанском Поочье. Находки этих украшений встречены в Шатрищенском, Борковском и Старокадомском могильниках — памятниках культуры рязанско-окских могильников. В Шатрищенском некрополе бронзовые и серебряные провололочные кольца диаметром 4,8—5,5 см появляются в захоронениях VII — начала VIII в., то есть на последнем

---

³⁸⁸ *Леонтьев А. Е.* Поповское городище (результаты раскопок 1980—1984 гг.) // Ранне-средневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989. С. 79. Рис. 23: 1; *Рябинин Е. А.* Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Там же. С. 148—153. Рис. 6: 8, 10, 11.

³⁸⁹ *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973. С. 92, 104. Рис. 85; 93: 2.

³⁹⁰ *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. ... С. 19. Рис. 16: 1—6; 90; *Он же.* Дубовский могильник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 8. Йошкар-Ола, 1984. С. 119. Рис. 8: 19—28; *Никитина Т. Б.* Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Там же. Вып. 17. 1990. С. 81—118.

этапе функционирования кладбища. Они обнаружены в девяти погребениях, из которых шесть имели несвойственную финно-угорскому миру широтную ориентацию³⁹¹.

В Борковском могильнике аналогичные височные украшения зафиксированы только в одном погребении, ориентированном головой к юго-западу³⁹². Согласно А. К. Амброзу, оно принадлежит к третьему этапу эволюции рязанско-окских древностей, то есть к VII в.³⁹³ В Старокадомском могильнике два браслетообразных кольца встречены только в погребении 36. Кроме того, в могиле 51 у височных костей черепа погребенной находились провололочные браслеты, которые использовались, очевидно, как височные кольца. Могильник в целом датируется VI—VII вв., а названные захоронения относятся к VII в.³⁹⁴ Группы населения, принесшего в Рязанское Поочье браслетообразные височные кольца, были, очевидно, малочисленными и не могли привести к славянизации местных жителей³⁹⁵.

Курганный обряд в Волго-Клязьминское междуречье был привнесен расселившимися здесь словенами ильменскими из Новгородской земли и кривичами из Смоленской и Полоцкой земель³⁹⁶. Эти миграции датируются X—XII вв., они в той или иной степени пополнили древнерусское население Ростово-Суздальской земли. В ареале браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими концами X—XIII вв. параллельно с курганами функционировали грунтовые могильники (с захоронениями по обряду ингумации). Таковы Федовский некрополь в Верхнем Поволжье, в захоронениях которого обнаружено большое количест-

---

³⁹¹ Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 134.

³⁹² Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы... С. 34.

³⁹³ Амброз А. К. Проблемы средневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 113.

³⁹⁴ Шитов В. Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии (Труды ИЯЛИЭ Мордовской АССР. Вып. 85). Саранск, 1988. С. 23—43.

³⁹⁵ Из основного ареала браслетообразные височные кольца с сомкнутыми концами были занесены в Среднее Поднепровье. Здесь они сравнительно малочисленны и бытовали короткое время. Они известны из трех кладов — Суджанского, Мартыновского и Мало-Ржавского (Рыбаков Б. А. Древние русы // СА. Т. XVII. 1953. С. 74—76, 82—83. Рис. 16; 18; Он же. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. Вып. XXVII. 1949. С. 77. Рис. 31а; 32а) и среди случайных находок в Княжей Горе и Сахновке на р. Рось (Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. Рис. 34: 2).

³⁹⁶ Седов В. В. Восточные славяне... С. 185—196.

во браслетообразных сомкнутых височных колец³⁹⁷, могильники в с. Великое в Ярославском р-не, Купанский на берегу Плещеева озера, Кресты на Мологе и ряд менее известных³⁹⁸. Такие некрополи, по-видимому, были весьма многочисленны, но в отличие от курганных их трудно обнаружить. Грунтовые могильники следует рассматривать как наследие обрядности славян миграционной волны середины I тыс. н. э. Такие древнерусские некрополи известны также в Белозерье и Прионежье. Н. А. Макаров, исследовавший их, отмечал, что курганный обряд не был единственной формой погребального ритуала в Северной Руси — на Русском Севере имеются регионы, занятые древнерусским населением, которое не знало курганной обрядности³⁹⁹.

Краниологическими изысканиями выявлен «парадоксальный факт» — между антропологическим строением средневекового населения Северо-Восточной Руси, восстанавливаемым по скелетным остаткам в курганах XI—XIII вв., и современным русским населением тех же территорий отсутствует преемственность. Причем различия касаются весьма существенных деталей как черепной коробки, так и лицевого скелета⁴⁰⁰. Надежных объяснений этому до сих пор не было. Изложенные выше материалы позволяют говорить, что ядром великорусов Северо-Восточной Руси стали славяне, расселившиеся здесь в середине I тыс. н. э., вместе с ассимилированными ими аборигенами. Они-то и заложили основы антропологического строения современного русского населения Волго-Клязьминского междуречья. Принесшие в этот край курганный обряд словене ильменские и кривичи смоленско-полоцкие в антропологическом отношении отличались от славян первой миграционной волны, что и фиксирует краниология.

---

³⁹⁷ Спицын А. А. Старейшие русские могильники в Новгородской области // Известия Археологической комиссии. Вып. 15. СПб., 1905. С. 1—15.

³⁹⁸ Отчет Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. С. 93; Горюнова Е. И. Этническая история... С. 253—264. Карты 3 и 4; Куза А. В., Никитин А. Л. Славянский могильник в пос. Купанском близ Переяславля Залесского // КСИА. Вып. 104. 1965. С. 117—120; Никитин А. В. Городище и могильник у д. Кресты // КСИА. Вып. 139. 1974. С. 104—105; Комаров К. И. Новые раскопки Купанского могильника // КСИА. Вып. 144. 1975. С. 91—94.

³⁹⁹ Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI—XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М., 1990. 17—32.

⁴⁰⁰ Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969. С. 202—204.

Освоение славянами Балканского полуострова и Пелопоннеса

Население Балканского полуострова до славянской колонизации в этническом отношении было довольно пестрым. Древние иллирийские и дако-фракийские жители, включенные в состав Римской, а затем и Византийской империи, подверглись частично или в значительной степени романизации или эллинизации. Романизировано было целиком население Далмации, откуда романизация проникла более или менее крупными островками до центральных областей Балканского полуострова. Романизированной оказалась и значительная часть жителей Нижнего Подунавья. После раздела Римской империи в 395 г. в восточных районах Балканского полуострова латинский язык в ряде местностей стал уступать греческому. В начале средневековья романизированное население сохранялось сплошным массивом в Далмации и смежных землях Боснии и Герцеговины, а значительными островками — в ряде районов Македонии и в Пинде, в меньшей степени в Черногории, Сербии, а на востоке — между Софией и Нишем.

Эллинизации подверглись жители прибрежных регионов Черного и Эгейского морей, а также южной и восточной Фракии. Греческим было в основном и население многих византийских крепостей, разбросанных по всему Балканскому полуострову и по берегам Дуная. Согласно изысканиям П. Хараниса, грекоязычное население стало самым крупным среди всех прочих этнических групп⁴⁰¹.

Потомки иллирийских племен сохранили свою речь лишь в регионах, примыкающих к Адриатическому морю между Черногорией и Эпиром. Сильно поредели и ряды фракийских племен. Письменные источники свидетельствуют, что в VI в. население, говорившее по-фракийски, имело лишь в горных местностях Фракии. Географические названия, зафиксированные на территории расселения болгарских славян, рисуют картину несколько более широкого распространения мелких групп фракийцев. Они дают основание говорить, что славяне в процессе освоения Балканского полуострова встретились и общались с остатками фракийского населения — племенами бессов, сапов, пайонов и другими.

Кроме того, небольшими анклавами перед славянским расселением на Балканском полуострове проживали бастарны, переселенные на Балка-

---

⁴⁰¹ Charanis P. Studies on the Demography of the Byzantine Empire. London, 1972. P. 19.

ны императором Пробом еще в III в., лангобарды, локализуемые где-то в устье Гебра, скиры — в Малой Скифии, герулы — в окрестностях Сингидуна.

Исключительно по данным археологии полной картины славянского освоения Балканского полуострова восстановить невозможно. Балканский полуостров был мощно затронут еще римской цивилизацией, а в ранневизантийский период это была зона относительно высокоразвитой культуры. Славяне, познакомившись с культурой городов Адриатики, с ремеслами и строительным делом Византии, очень быстро стали пользоваться теми же изделиями, в том числе и гончарной керамикой, что и местное население. Продвигаясь в глубь полуострова и оседая более или менее крупными группами, славяне активно и довольно охотно воспринимали культурные и экономические достижения византийских провинций и, таким образом, оказывались в археологическом отношении невычленимыми среди других этносов.

В землях Византийской империи славяне уже не строили полуземляночные жилища, не изготавливали глиняные сосуды домашним способом, обряд кремации вытеснялся ингумацией. Расселение славян на Балканском полуострове, таким образом, вело к стиранию тех этнографических особенностей, на основе которых археологи обычно выделяют их древности среди иноэтничных материалов.

Существенную информацию о колонизации славянами Балкан и Пелопоннеса дают исторические памятники⁴⁰². Первые достоверные известия о движениях славянского населения к югу от Дуная датируются первой половиной VI в. Не исключено появление славян на Балканах и в более раннее время в составе войск германцев и гуннов, но прямых свидетельств об этом в письменных источниках нет.

Девять византийских крепостей, перечисленных в сочинении Прокопия Кесарийского «О постройках», имеют славянские по происхождению названия.

---

⁴⁰² Литература по проблеме освоения славянами Балканского полуострова огромна. Назову лишь некоторые работы: *Дринов М.* Заселение Балканского полуострова славянами // Избранные сочинения. Т. 1. София, 1971. С. 186—362; *Погодин А. А.* Из истории славянских передвижений. СПб., 1901; *Дучев Ив.* Балканският Югоисток през първата половина на VI век. Начални славянски нападения // Беломорски преглед. Т. 1. София, 1942. С. 229—270; *Тъпкова-Заимова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите през VI—VII в. София, 1966; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971. С. 103—116; *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen // Byzanz im 7. Jahrhundert. Berlin, 1978.

На этом основании исследователи полагают, что какие-то группы славян осели на территории Империи уже в конце V в. или на рубеже V и VI столетий. Некоторые соображения также дают повод для предположения о появлении первых славянских поселенцев на Балканах около середины V в.⁴⁰³

Марцеллин Комит свидетельствует об опустошении в 511 г. Македонии и Фессалии гетами⁴⁰⁴, в которых одни исследователи видят славян, другие — разноплеменное войско, в составе которого были и славяне. Если это действительно так, то это было первое глубокое проникновение славян на территорию Византийской империи. Согласно Прокопию Кесарийскому, в период правления императора Юстина (518—527 гг.) «...анты, живущие поблизости от склавинов, перейдя реку Истр, огромным войском вторглись в землю ромеев...»⁴⁰⁵

В правление императора Юстиниана (527—565 гг.) набеги славян на земли Византии повторяются все чаще и чаще и приобретают все большую мощь. У Империи не имелось необходимого количества войск, чтобы содержать гарнизоны грандиозной оборонительной системы крепостей вдоль Дуная, а имеющиеся войска в пограничных крепостях не в состоянии были сдерживать натиск задунайских племен. Прокопий Кесарийский сообщает, что «Иллирию же и всю Фракию, считая от Ионийского залива до предместий Византии, включая и Элладу и область херсонесцев, гунны, и склавины, и анты (разоряли), совершая набеги почти что каждый год с тех пор, как Юстиниан воспринял власть над ромеями, (и) творили ужасное зло тамошним людям. Ибо думаю, что при каждом вторжении оказывалось более чем по 200 000 погубленных и поработенных там ромеев, (поэтому) скифская пустыня впрямь стала повсюду в этой земле...»⁴⁰⁶

Письменные источники неоднократно говорят о набегах варваров на Византию без указания их племенной принадлежности. Исследователи не без оснований усматривают в этих варварах славян и говорят о наличии славян в числе этих варваров. Во время военных вторжений массы славян, иногда значительные, оседали в землях Империи.

---

⁴⁰³ Дуриданов И. Заселването на славяните в Горна Мизия по данните на топонимията // Славянска филология. Т. 17. София, 1983. С. 223—224.

⁴⁰⁴ Marcellini Comitum Chronicon // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. Vol. XI. Berlin, 1894. P. 100.

⁴⁰⁵ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1991. С. 197, 241.

⁴⁰⁶ Там же. С. 203.

Около 545 г. Юстиниан предложил антам стать «энспондами» Византии — анты обязались не допускать военных вторжений «гуннов» через свои нижнедунайские области на территорию Империи. С тех пор усилился поток набегов славян из Среднего Подунавья. Прокопий свидетельствует о проникновении славян во Фракию в 545 г., в 547—548 гг. они появились в Иллирии и Далмации, в 549 г. — вновь во Фракии. В 548 г. славянское войско, переправившись через Дунай, продвинулось к реке Гебр-Марице и, разделившись на два отряда, нанесло поражение византийской армии в Иллирии и Фракии. Славяне, как пишет Прокопий, «стали безбоязненно разорять все области, как фракийские, так и иллирийские, и оба (отряда) взяли осадой множество крепостей...»⁴⁰⁷ В 550—551 гг. славяне после очередного набега на земли Византийской империи остались зимовать в ее пределах.

Помимо широкого военного проникновения на территорию Византийской империи имело место и мирное расселение славянского земледельческого населения, не получившее отражения в памятниках письменности. Изыскания в области топонимии показывают, что наиболее ранние географические наименования славянского происхождения фиксируются в предгорных местностях западной и центральной частей Балканского полуострова, где не велось активных военных действий. В подобных микрорегионах славянские поселенцы, занимаясь сельским хозяйством, могли чувствовать себя в безопасности⁴⁰⁸. Проникновение славян небольшими группами продолжалось в течение всего VI столетия.

При миграции аваров в Среднее Подунавье этот регион, как уже говорилось, заметно пополнился славянским (антским) населением. Становление Аварского каганата расширило переселения славян на Балканский полуостров, которым сопутствовали военные походы в глубь Византийской империи. Император Юстиниан некоторое время с помощью даров и обещаний сдерживал боевой натиск аварского кагана. Но после его смерти вступивший на престол Юстин II (565—578 гг.) отказался от выплаты дани, и наступил период крупных войн, продолжавшийся до 626 г. и сильно потрясший устои Византийской империи.

Военные действия развивались неблагоприятно для Византии, поскольку ее основная армия уже в течение двух десятилетий вела боевые действия с персами.

---

⁴⁰⁷ Там же. С. 193.

⁴⁰⁸ Топкова-Заимова В. Славянские заселения на Балканский полуостров в рамках на «варварские» нашествия през VI и VII вв. // Известия на Българското историческо дружество. Т. 29. София, 1974. С. 199—201.

Византийские войска терпят ряд поражений от аваров. В 565 г. в состав Аварской державы были включены области Савы и Дравы, а в 574 г. Империя вынуждена была отдать часть Сремской земли и выплатить дань.

Однако походы аваро-славянских боевых отрядов продолжались и продолжались. Особенно крупными они были в 577—578 и 581 гг., когда войска Аварского каганата вторглись в глубь Империи. Сирийский хронист VI в. Иоанн Эфесский относительно вторжения 581 г. писал: «В третьем году после смерти Юстина царя и правления победительного Тиверия — вышел народ лживый (определение, традиционное в сирийской историографии при описании варварских народов) славяне. И прошли они стремительно через всю Элладу, по пределам Фессалоники и Фракии всей. Они захватили много городов и крепостей: они опустошали, и жгли, и захватывали в плен, и стали властвовать на земле и живут на ней, властвуя, как на своей собственной, без страха, в продолжение четырех лет... И они выучились воевать лучше, чем ромеи...»⁴⁰⁹

Во время правления императора Маврикия (582—602 гг.) аваро-славянские набеги на Византийские земли разгорелись с новой силой. Письменными источниками засвидетельствованы крупные вторжения 582, 584, 585 и 586—589 гг. К 584 г. относится первое крупное нападение славян на Фессалонику. Опасной семидневной осаде аваро-славянским войском подвергся этот город и в 586 г. Осаждавшие ускоренным маршем прибыли из-за Дуная и с левобережья Савы. Фессалоники и на этот раз выдержали осаду. Каган аваров возвратился в свои земли, а славянам повелел разорить Македонию и Грецию. Значительные массы славян при этом осели на этих землях. В те же годы славяне нападали и на области Северной Италии.

В 591 г. закончилась византийско-персидская война, и Маврикий принял энергичные меры по защите своих земель на Балканах. Сражения с аварами и славянами велись с переменным успехом. В 593 г. множество славян проникло в Мезию и достигло побережья Мраморного моря. Тогда Маврикий направил крупный военный отряд под руководством Прииска в земли славян и аваров, расположенные к северу от Дуная. В 597 г. такая же военная операция была повторена. Однако славяне (независимо от аваров) продолжали натиски на юг. В 597 г. они осаждали Солунь, в 599 г., разбив византийский отряд при Янтре, напали на Фракию. В 601 г. византийская армия добилась победы над аварами и славянами где-то на Дунае и на Тисе.

---

⁴⁰⁹ Свод древнейших письменных известий... С. 279.

Ситуация серьезно изменилась в 602 г., когда на византийский престол вступил Фока (602—610 гг.), убивший Маврикия. В Византии начались волнения, которые затронули и гарнизоны придунайских пограничных крепостей. В результате северная граница Империи стала непрочной, и славяне получили возможность беспрепятственно заселять Балканский полуостров. Параллельно военные отряды аваров и славян продолжали боевые действия против Византии. Памятниками письменности документированы вторжения во Фракию, которые иногда достигали крепостных стен Константинополя (под 611, 618, 622 и 626 годами).

В течение VII в. Балканский полуостров и земли Пелопоннеса были в значительной степени освоены славянами. Если раньше понятие «Славянская земля» для византийцев распространялось на регион к северу от Дуная, то в VII в. это были центральные области Балканского полуострова, прежде всего Македония и ее окрестности. Юго-восточные земли полуострова были еще под властью Византии. Теперь славянские боевые отряды формировались на Балканах — хорошо известны их нападения на Солунь-Фессалонику, обстоятельный рассказ о которых содержится в византийском агиографическом сочинении VII в. «Чудеса святого Димитрия». Впрочем, во второй половине VII в. Византия восстановила свой контроль над большинством областей Балканского полуострова. Лишь заселенные славянами земли между Дунаем и Старой Планиной оставались независимыми.

В 578—581 гг. началось широкое освоение славянами Греции. Ими был взят Коринф, и они стали проникать на Пелопоннес. Второй этап славянского освоения датируется первыми десятилетиями VII в., когда мощные миграционные волны охватили всю территорию Греции. Как сообщает Исидор, во время правления императора Ираклия (610—641 гг.) уже вся Греция была оккупирована славянским населением⁴¹⁰.

Славянское заселение Греции было весьма широким и массовым. На Пелопоннесе выявляется около 400 географических названий славянского происхождения, в районе Фессалоники и Халкиды — около 150, в Фессалии — свыше 100. Византия потеряла власть над этой территорией.

Письменные источники позволяют говорить о проникновении славян на острова Средиземного и Эгейского морей — Крит, Эвбею, Фасос, Корфу, Самос, Эгину, Тенос, Ловкос⁴¹¹. Славянская миграция затронула и не-

---

⁴¹⁰ Известия исторических источников об освоении славянами Греции собраны и проанализированы в книге: *Weithmann M. W. Die slawische Bevölkerung auf der Griechischen Halbinsel. München, 1978. S. 54—197.*

⁴¹¹ *Шишманов Ив. Славянскита селища в Крите и на другите острови. София, 1897.*

которые районы Малой Азии. Источники сообщают о проживании славян в двух местностях — у побережья Мраморного моря в Вифинии и в Каппадокии—Сирии. Первое известие о славянах в Вифинии относится к середине VII в. Основными центрами их расселения здесь были окрестности Никомедии, где поселилось много славян из Солуни в 668 г., регион Nikei, где проживали племена сагудатов и гордосербов, и берега реки Артана недалеко от Босфора. В Каппадокии—Сирии славянское население появилось несколько позднее. Оно документально зафиксировано в округе Антиохии, где-то у Алеппо, южнее Тавриза, в окрестностях Апаimei и в других местах⁴¹².

Исторические материалы свидетельствуют, что основные массы славянских переселенцев на Балканский полуостров и Пелопоннес направлялись из Среднедунайских земель. Все аваро-славянские военные отряды формировались именно в этом регионе. Военные вторжения подготавливали условия для последующего расселения крупных масс земледельческого населения. Военные отряды нейтрализовали византийские крепости, при этом несло заметный урон и редело население окрестных земель. Таким образом, более или менее крупные регионы очищались от военной силы и администрации Империи, а иногда и опустошались. Эти участки и заселялись славянскими колонистами, продвигавшимися мелкими и крупными группами. Думается, что для расселения избиралось преимущественно осеннее время, когда аборигены обладали запасами продовольствия и фуража и были возможности обеспечения собственных семей за счет разорения местных жителей.

Наряду с массовыми переселениями имела место и инфильтрация небольших, большесемейных групп славян. В частности, такое «просачивание» славян фиксируется в южных землях Нижнего Подунавья.

Для изучения славянского освоения Балканского полуострова существенные данные дает топонимика. В этом отношении большой интерес представляет труд болгарского ученого Й. Заимова⁴¹³. Он обратил внимание прежде всего на наиболее древнюю и весьма распространенную группу славянских топонимов, оформленных суффиксами -ане/-яне (доляне, горяне, ополяне и т. п.), среди которых имеется немало названий,

---

⁴¹² О расселении славян в Малой Азии см.: Ламанский В. О славянах в Малой Азии // Записки II Отделения Императорской Академии наук. Т. V. СПб., 1859; Niederle L. K slovanské kolonisaci Malé Asie a Syrie v VIII—X st. // Сборник по славяноведению. СПб., 1907.

⁴¹³ Заимов Й. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Прочуване на жителските имена в българската топонимия. София, 1967.

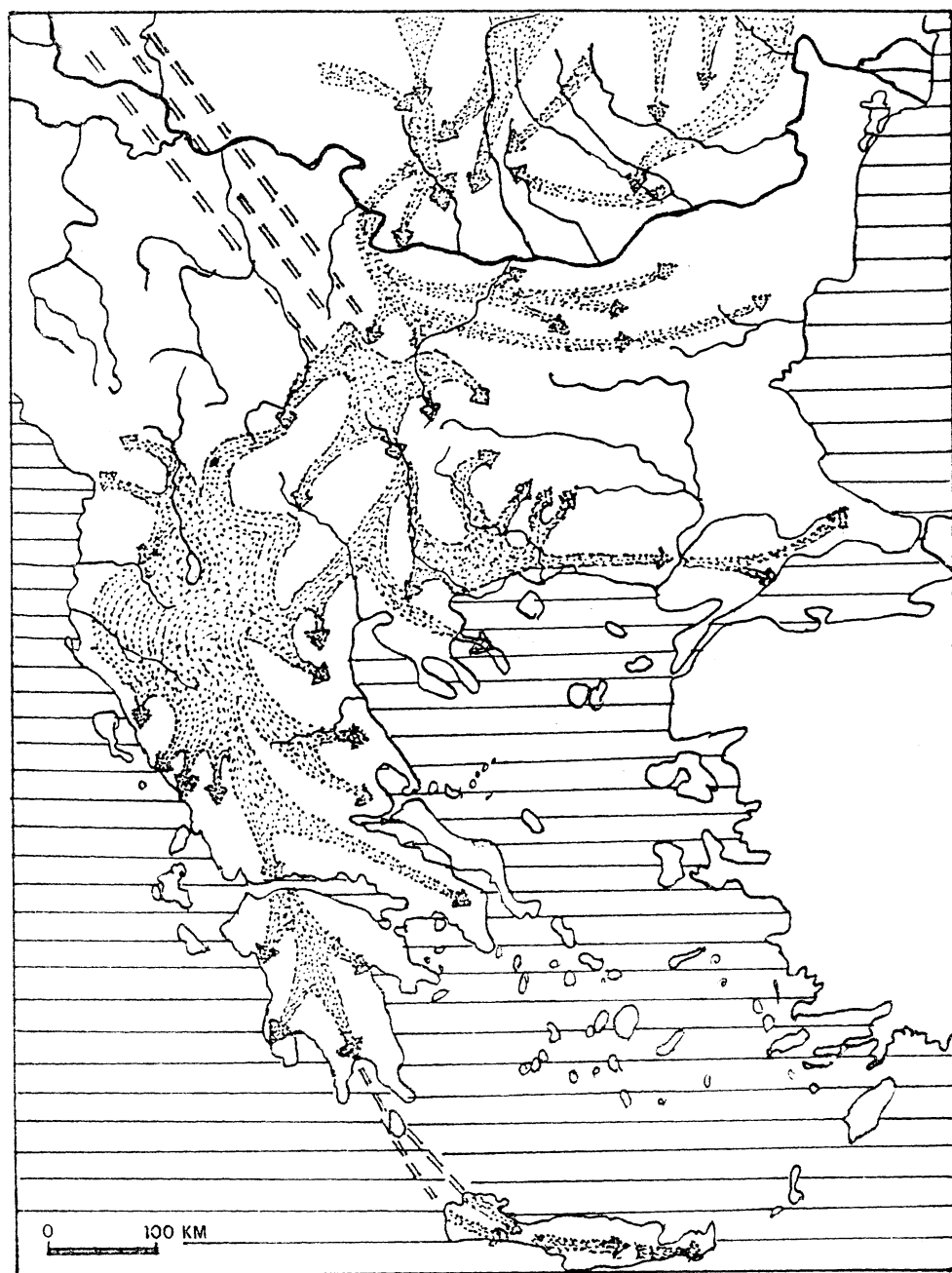

Рис. 85. Пути и направления славянского освоения Балканского полуострова по данным топонимики (по Й. Займову)

содержащих в своей основе редкие и исчезнувшие ныне праславянские лексемы. География этой группы топонимов, как утверждает исследователь, должна надежно отражать главные пути расселения славян на первых этапах освоения ими Балканского полуострова (рис. 85).

В результате топонимических изысканий Й. Заимов пришел к выводу, что в VI—VII вв. главная переправа славян через Дунай находилась в его среднем течении около Видина. Далее основные массы славян по правым притокам Дуная — Тимоку и Мораве продвигались на юг и затем разделялись на два рукава. Один поток переселенцев продолжил движение в южном направлении, при котором осваивались земли Македонии, Фессалии, Албании, Греции, Пелопоннеса и Крита. Другой поток по рекам бассейна Струмы направлялся к северному побережью Эгейского и к берегам Мраморного моря. Меньшие группы миграционных потоков славян, преодолев Дунай в том регионе, поворачивали на восток и продвигались вдоль правого берега этой реки. При этом заселялись области Западного Причерноморья.

Топонимические материалы показывают, что в северной части Балканского полуострова перемещения славян протекали по рекам и их долинам, а в южной, где противодействие византийских гарнизонов и местного греческого населения было сильным, славяне предпочитали передвигаться по гористым местностям. Исследователи неоднократно обращали внимание на обилие славянской географической номенклатуры в гористых областях Балканского полуострова и в Греции⁴¹⁴.

Географическое распределение ранних славянских топонимов свидетельствует, что славянами наиболее плотно первоначально была освоена Македония со смежными регионами, в том числе и округа Фессалоник. Здесь славянские названия обильны и в равнинных, и в гористых местностях. Довольно густо располагались славянские поселения и в Греции.

Картину славянского расселения на рассматриваемой территории дополняют географические названия, образованные от славянских этнонимов. Так, от племенного имени сербов ведет свое начало название средневекового города Серблия или Сербия у реки Быстрицы в Фессалии. Ряд топонимов, производных от этнонима сербы, имеется в Греции и Эпире. К выходцам из сербского племенного образования принадлежала и группа славянского населения, зафиксированная источниками под именем гордосербы в Вифинии. В Македонии, Греции и на Крите известны

---

⁴¹⁴ Georgacas D. Place and other names in Greece of various Balkan origins // Zeitschrift für Balkanologie. Bd. III. Sofia, 1965. P. 77.

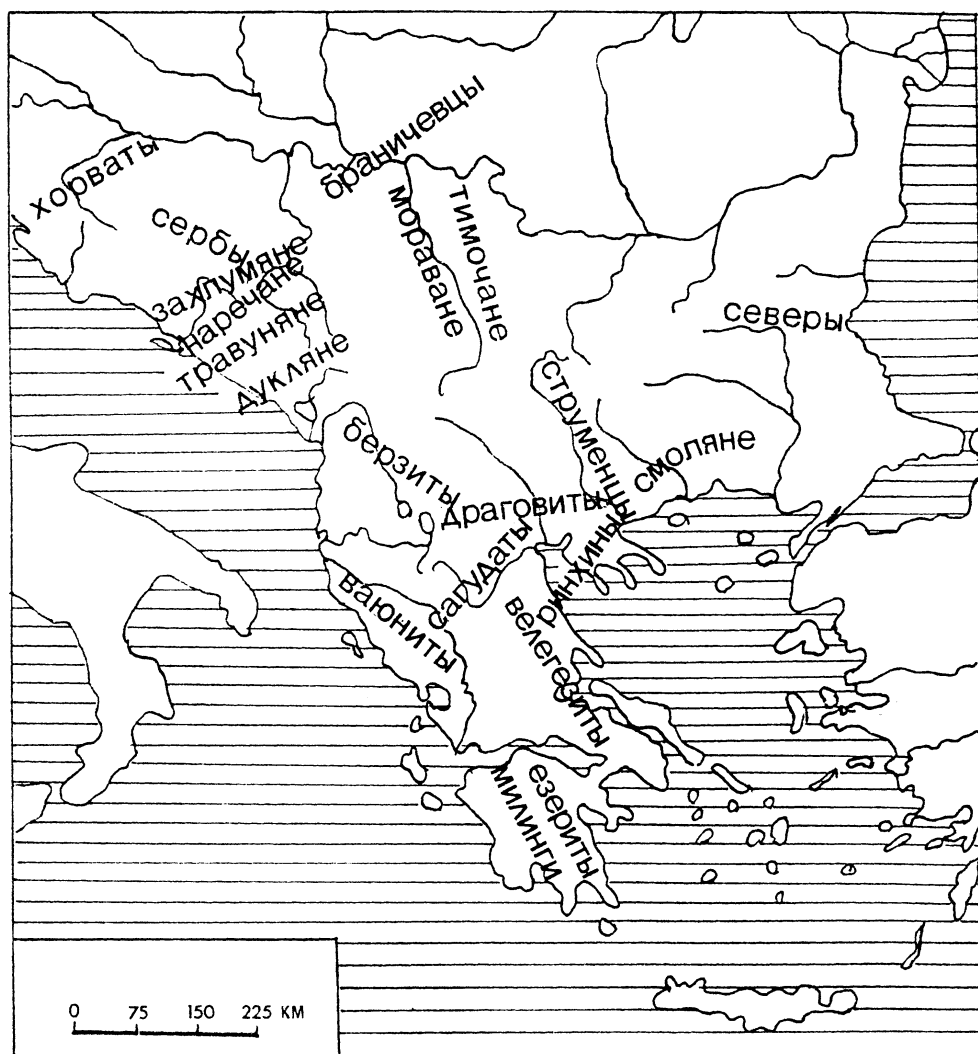

Рис. 86. Славянские племена Балканского полуострова и Пелопоннеса

топонимы Хорваты, определенно указывающие на участие представителей хорватского племени в заселении этих земель.

Освоение славянами Балканского полуострова и Пелопоннеса было сложным многоактным процессом, что привело к нарушению племенной структуры, восходящей к праславянскому периоду. Большинство племен, зафиксированных письменными документами (рис. 86), являются территориальными новообразованиями, получившими имена по местностям, в

которых они осели. Таковы, в частности, мораване, заселившие бассейн р. Моравы, южного притока Дуная; тимочане, названные по р. Тимок (правый приток Дуная); струменцы (или стримонцы), локализуемые по среднему и нижнему течению р. Струмы (впадает в Эгейское море) и на ее притоке Струмицы; ринхины, проживавшие на р. Ринхин, пока не идентифицированной с современной картографической номенклатурой. Их территория примыкала к морю, вероятно, к востоку от Фессалоники. В VIII в. ринхины переселились в южные районы полуострова Халкидики.

Другие славянские этнонимы, известные по памятникам письменности, неясного происхождения. Однако оснований считать их древними праславянскими образованиями у нас нет. В регионе среднего течения Вардара и по его притокам проживали верзиты (или берзиты). В Хронике Феофана (вторая половина VIII — начало IX в.) упоминается и земля Верзития. По мнению ряда исследователей, верзиты занимали также земли бассейна р. Дрин до Охридского озера на северо-западе⁴¹⁵. Южнее, в Эпире, находилась территория ваюнитов. Западнее Фессалоники на плодородной Солунской равнине, по нижнему течению Вардара и вдоль р. Быстрицы размещались драгувиты и сагудаты. Племя драгувитов некоторыми историками связывается по созвучию с дреговичами Припятского Полесья, которые при этом полагают, что это племя пришло на Балканы из Восточноевропейских земель. Это маловероятно, поскольку восточнославянские дреговичи были новообразованием последних веков I тыс. н. э. и названы по болотистой местности, заселенной ими. Из среды сагудатов, нужно полагать, вышла группа славян, известная под тем же этнонимом в Вифинии. Южнее сагудатов на плодородных землях Фессалии и по побережью Эгейского моря обосновались велегезиты.

Восточнее ареала струменцев и ринхинов в Западных Родопах на р. Места-Нестос, впадающей в Эгейское море, в том районе, где ныне расположен город Смолян, локализируются смоляне⁴¹⁶. В XII в. они называются в составе населения Болгарского царства. «Баварский географ» (IX в.), как уже говорилось, упоминает смолинцев (Smeldingen) среди племен полабских славян в правобережной части нижней Эльбы близ устья Эльды. Еще в XIX в. была высказана догадка о проживании на берегах верхнего

---

⁴¹⁵ *Панов Б.* Охрид и Охридската област во првите векови по словенската колонизација (VI—VIII век) // Годишен зборник. Филозофски факултет на универзитетот Скопје. Кн. 4 (30). Скопје, 1978. С. 119—136.

⁴¹⁶ *Дечев Д.* Где са живели смолените? // Сборник в чест на В. Н. Златарски по случай на 30-годишната му научна и професорски дейност. София, 1945. С. 45—54.

Днепра славянского племени смолян, которое дало имя городу Смоленску. Лингвистические изыскания О. Н. Трубачева показали, что название этого города действительно восходит к этнониму смоляне, то есть Смоленск — город смолян. Допустимо предположение, что смоляне Балканского полуострова, смолинцы Полабья и смоляне Верхнего Поднепровья некогда составляли единое праславянское племя, которое оказалось расчлененным и разбросанным в результате великой славянской миграции. Коренной регион гипотетических праславянских смолян определить невозможно. Впрочем, не исключено и независимое происхождение этнонимов этих разрозненных племен — их названия, как показал О. Н. Трубачев, связаны с занятиями подсечно-огневым земледелием⁴¹⁷.

На юго-востоке Болгарии у восточных балканских перевалов локализуются северы. Они, как считают исследователи, были поселены в эти земли ханом болгар Аспарухом. По предположению Л. Нидерле, это племя какое-то время проживало на нижнем Дунае. Этноним северы сопоставим с восточнославянскими северянами, в связи с чем вполне допустима мысль о том, что балканские северы — отколовшаяся часть большого праславянского племени, сложившегося в условиях славяно-иранского симбиоза в антском регионе Днестровско-Днепровского междуречья.

Несколько славянских племен документировано источниками на Пелопоннесе. Рассказывая о военных походах императора Михаила III (842—867 гг.) с целью покорения пелопоннесских славян, Константин Багрянородный говорит о покорении милингов и эзеритов. Они проживали в южных землях полуострова на склонах горных хребтов Тайгета, милинги — в западной части, эзериты — в восточной, именуемой Элос.

Учитывая историческую ситуацию, не следует искать на Балканском полуострове и Пелопоннесе славянские культуры, идентичные тем, которые были свойственны славянскому населению земель к северу от Дуная. Как уже было отмечено, славяне-переселенцы активно и быстро воспринимали все достижения материальной культуры Византии и ее провинций, что вело к стиранию их этнографического своеобразия.

Археологические материалы подтверждают топонимические заключения о том, что основной поток славянских колонистов направлялся на Балканы из Среднедунайского региона. Об этом прежде всего говорит погребальная обрядность. В обширных западных и срединных областях Балканского полуострова с самого начала славянского расселения в их

---

⁴¹⁷ Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1992. С. 137—142.

могильниках господствовал обряд трупоположения. Как говорилось выше, эта обрядность очень рано стала характерной для славян Среднего Подунавья. Славянские могильники с трупоположениями, основанные в VII в., исследовались во многих местностях современной Сербии, Македонии и Греции⁴¹⁸.

Трупоположения в этих бескурганных некрополях, как правило, имеют широтную ориентацию. В отличие от более поздних, христианских кладбищ, расположение могил в них хаотично. Среди захоронений много безынвентарных, что обычно для средневекового славянского мира. В других могилах при погребенных имелись немногочисленные вещи — перстни, браслеты, головные украшения, пряжки, ножи и другое. В некоторых некрополях отмечены обкладки могил каменными плитами. В Далмации и Истрии погребения в ряде случаев в головах и ногах отмечались камнями, появляются и первые подплитовые захоронения. В Кекрые на территории Греции раскопано около 50 захоронений по обряду ингумации в ящикообразных сооружениях из плитняка, что связано, как полагает исследователь памятника, с влиянием христианства. В женских погребениях находились серьги, височные кольца, перстни, бусы, а также железные ножи, глиняные и стеклянные сосуды, в мужских — изредка предметы вооружения. Датируется могильник VII в. и первоначально был отнесен к аварам⁴¹⁹. Однако М. В. Вайтманн справедливо указал на полное отсутствие в захоронениях этого некрополя каких-либо аварских находок и показал, что материалы расположенного рядом поселения с большой долей вероятности позволяют связывать его со славянами⁴²⁰. В Коринфе в одном из скелетных захоронений, датируемом концом VI или началом VII в., встречена керамика, несколько напоминающая пеньковскую.

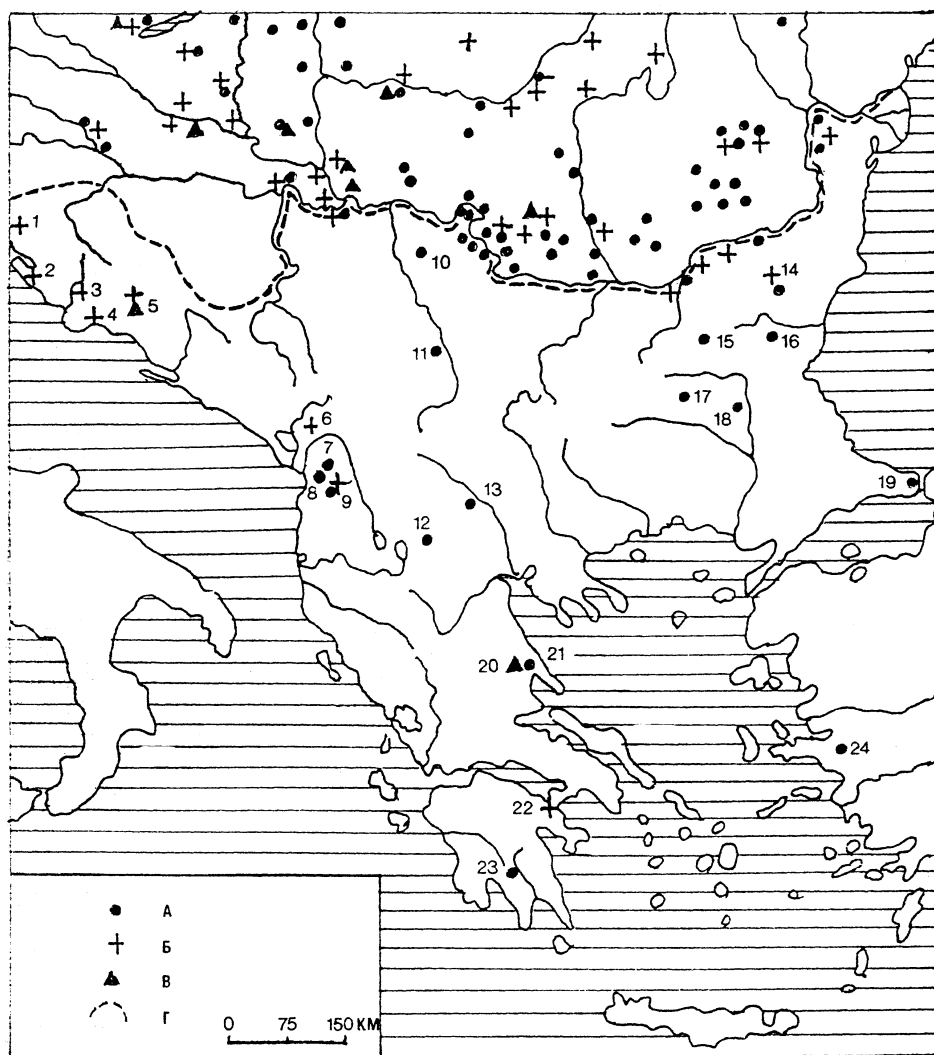
Исследователи рассматриваемых западнобалканских могильников подчеркивают, что среди погребенных в них могут быть могилы автохтонного населения, вступившего в контакты с расселившимися славянами.

---

⁴¹⁸ Археолошки споменици и налазишта у Србији. II. Београд, 1956; *Evans H. M. A. The Early Mediaeval Archaeology of Croatia*. Oxford, 1989; *Marušić B. Nekropole VII. i VIII. stoljeca u Istri // Zgodnji srednji vek v Sloveniji*. Ljubljana, 1967. S. 25—40; *Aleksova B. Demir kapija. Slovenska nekropola i slovenske nekropole u Makedoniji*. I. Skopje; Beograd, 1966.

⁴¹⁹ *Bulle H. Ausgrabungen bei Aphiona auf Korfu // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Athen*. Bd. 59. 1934. S. 147—155.

⁴²⁰ *Weithmann M. W. Die slawische Bevölkerung auf der Griechischen Halbinsel*. München, 1978. S. 244—246.

Рис. 87. Распространение находок антских типов на Балканском полуострове

а — места находок пальчатых (антских) фибул; **б** — находок звездчатых фибул; **в** — вещей «мартыновского стиля»; **г** — северная граница Византийской империи. 1 — Прозор; 2 — Голубинцы; 3 — Золун; 4 — Оток; 5 — Бискупня; 6 — Скадра; 7 — Лезха; 8 — Лачи; 9 — Круя; 10 — Каменево (Петровац-на-Млави); 11 — Царичин град; 12 — Битола; 13 — Бресто под Виничанами; 14 — Мадара; 15 — Велико Тырново; 16 — Людяково; 17 — Стара Загора; 18 — Ямбол; 19 — Стамбул; 20 — Велестино; 21 — Нея Анхиалос; 22 — Коринф; 23 — Спарта; 24 — Пергамон.

Одним из достоверных показателей значительного антского участия в колонизации Балканского полуострова и Пелопоннеса являются находки пальчатых фибул славянских типов. Их картография (рис. 87) свидетельствует, что выходцы из антской среды Среднедунайских земель приняли участие в заселении западной части Балканского полуострова (бассейн р. Марицы, Македония и Албания) и Греции. Из последнего региона происходят две пальчатые фибулы. Одна встречена в могильнике с трупоположениями византийского города Неа Анхиалос, жизнь в котором прекратилась в результате славянского натиска в середине VII в. Другая фибула происходит из Спарты. Обнаружены находки пальчатых фибул и в Малой Азии⁴²¹.

Пальчатые фибулы славянских типов обнаружены также в ряде мест восточных районов Балканского полуострова. Они могут отражать миграции антского населения из разных мест, в том числе и из ареала ипотешти-кындештской культуры.

На Балканском полуострове, вплоть до Фессалии, получили распространение предметы так называемой «мартыновской культуры». Так, в Велестино найдено 15 металлических фигурок (рис. 88), изображающих в гротесковой форме птиц и копытных животных. Еще 5 фигурок — женские изображения, в том числе есть фронтальные изображения с поднятыми руками, другие держат на руках младенцев. Мужские фигурки — всадник в шлеме с мечом и круглым щитом, фронтальное изображение бородатого воина с боевым топором, фронтальные изображения бородатых людей с диадемами или в орнаментированной одежде. Исследователи давно сопоставили подобные находки с изображениями из Мартыновского клада в Поднепровье и условно отнесли к так называемой «мартыновской культуре». Специально изучивший велестинскую коллекцию Й. Вернер датировал ее VII в. и отнес к единому культурному стилю, который объединяет находки из Велестино и им подобные с антскими пальчатыми фибулами и мартыновскими изображениями. Исследователь допускал, что фигурки имели культовое назначение, что позднее попытался обосновать Н. Чаусидис⁴²².

---

⁴²¹ Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz, 1950. S. 150—172; *Idem*. Neues zur Frage der slawischen Bügelfibeln aus südosteuropäischen Ländern // Germania. Anzeiger des Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 38. 1960. S. 114—120; Babić B. Die Erforschung der altslawischen Kultur in der SR Mazedonien // Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1976. N 1. S. 63.

⁴²² Werner J. Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland // Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Gesellschaftswiss. Bd. 2. Berlin, 1953; Чаусидис Н. Митските слики на јужните словени. Скопје, 1994.

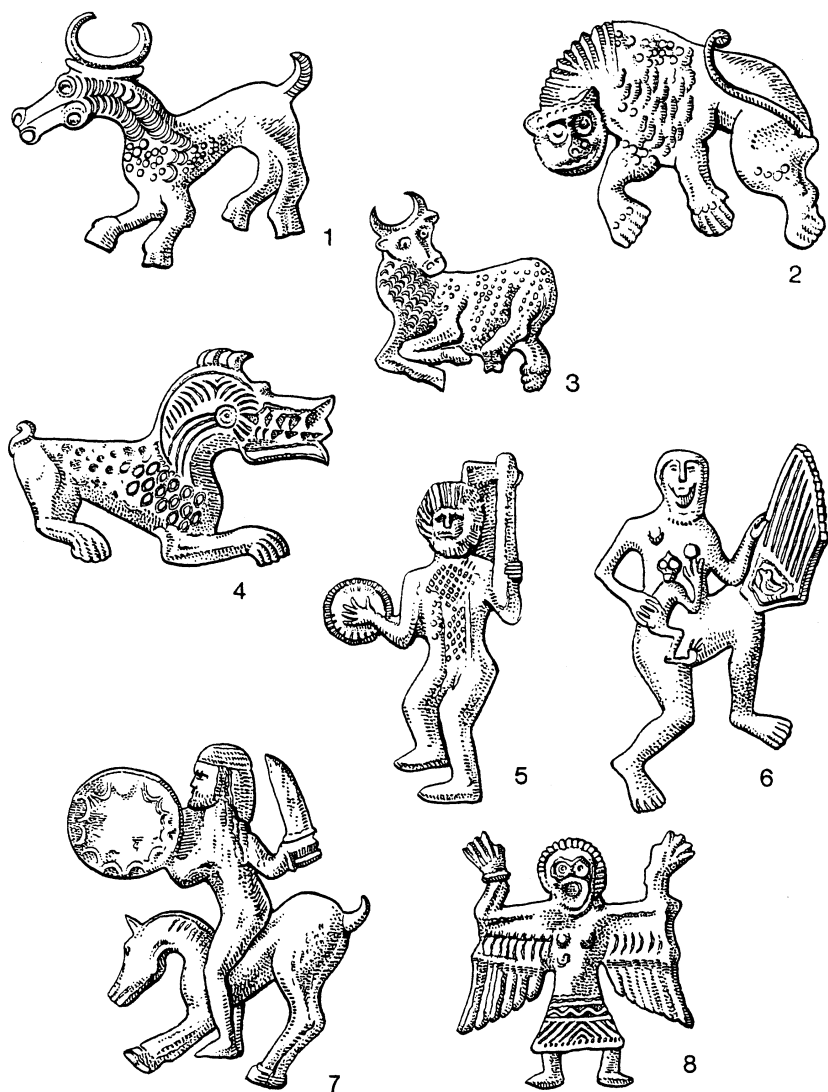

Рис. 88. Находки из Велестино

Поселения славян, расселившихся на Балканском полуострове, изучались во многих местностях. В регионах, примыкающих к нижнему Дунаю, на территории Болгарии селища VI—VII вв. раскапывались около Гарвана, Попина, Дунавца, Серебрны, Старого Села, Новы Черны, Вечедрема и других. В Центральной Болгарии наиболее известно селище около Севлиево, в южной — около Любеново, Минерални Бани и

Марицы⁴²³. По своим топографическим особенностям большинство селений идентично северодунайским. Впрочем, не отличались от них в этом отношении и поселения, основанные на местах проживания аборигенного (фракийского и греческого) населения. Таковы, в частности, селища VI—VII вв. в Любеново, Старой Загоре, Благоевграде и другие.

И письменные, и археологические данные свидетельствуют, что славяне очень часто основывали свои поселения также на месте античных крепостей, разрушенных во время военных походов. Таковыми являются исследованные раскопками, например, селения в Долно Церово и Пернике на Струме⁴²⁴.

Жилища-полуземлянки, весьма характерные для славян коренных территорий пражско-корчакской и пеньковской культур, выявлены лишь на немногих поселениях северо-восточной части Балканского полуострова⁴²⁵. В остальных регионах славянского расселения господствовали наземные жилища срубной конструкции. В Адриатике и западной части Балканского полуострова славяне нередко использовали жилища автохтонного населения. Славяне, осевшие в Греции, быстро освоили местное домостроительство. Интересные материалы получены при раскопках поселения в Керкыре на северо-западе Пелопоннеса. Его напластования VII в. перекрывали культурные слои античного времени. Славянское селение располагалось в наиболее возвышенной части античного поселка и было довольно большим. Оно состояло из множества двукамерных домов размером около 4 x 5 м. Цоколи их выкладывались из каменных плит, стены сооружались из кирпича, а крыши из черепицы⁴²⁶. Материалы расположенного рядом могильника и топонимия микрорегиона дают все основания утверждать, что жителями этого поселения были исключительно славяне или в основном славяне.

---

⁴²³ Вьжарова Ж. Н. Славянски и славянобългарски селища в Българските земи от края на VI—XI век. София, 1965; *Она же*. Памятники Болгарии конца VI—XI в. и их этническая принадлежность // СА. 1968. № 3. С. 148—159; Милчев Ат., Ангелова Ст. Археологически разкопки и проучвания в м. Калето при с. Нова Черна, Селистренско, през 1967—69 г. // Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. Т. 63. № 3. София, 1971. С. 22—50.

⁴²⁴ Чангова Й. Проучвания в крепостта Перник // Археология. София, 1963. № 3. С. 65—72.

⁴²⁵ Димитров Д. Принос към изучаването на старобългарското жилище в Северо-източна България // Известия на Народния музей. Т. 9. Варна, 1973. С. 101—109; Donat P. Bemerkungen zur Entwicklung des slawischen Hausbaues im mittleren und südöstlichen Europa // *Balcanoslavica*. 4. Beograd, 1975. S. 113—126.

⁴²⁶ Bulle H. Ausgrabungen bei Aphiona... S. 147—240.

Славянские поселения в рассматриваемое время состояли из индивидуальных дворов, представлявших собой небольшие хозяйственные комплексы. Около жилищ обычно находились ямы — хранилища продуктов сельскохозяйственного производства. В некоторых селениях в грунте раскопками открыты «цистерны» с запасами воды. Почти в каждом жилище встречены различные бытовые предметы: ножи, ножницы, ручки и обручи от деревянных ведер и кадушек, скобы, гвозди и т. п. Каждая семья вела индивидуальное хозяйство, ее земельные участки были выделены в пределах общинных владений.

Исторические источники, археологические материалы и данные топонимики достаточно определенно говорят, что основные массы славянского населения Балканского полуострова и Греции занимались земледелием. Согласно сведениям, содержащимся в труде «Чудеса святого Димитрия», в 70-х гг. VII в. велегезиты, драгувиты, сагудаты и другие славянские жители Фессалии и окрестностей Фессалоники выращивали хлебные культуры и излишки урожая продавали в города.

Материалы археологических раскопок вполне определенно указывают на земледельческий уклад славянских колонистов Балканского полуострова. Это продемонстрировано изучением раннеславянских поселений в Сербии в бассейнах Моравы, Дрина и Тимока, в Македонии в районе с. Дебреште и в Болгарии — при раскопках поселений обнаружено множество находок земледельческих орудий и иных элементов земледельческого быта⁴²⁷. На многих поселениях VII—IX вв. встречены железные серпы, косы, наральники, а также каменные жернова. На селищах в бассейнах Струмы и Месты раскопками изучены остатки зернохранилищ, в которых находилось большое количество пшеницы и проса⁴²⁸. Весьма часты на поселениях славян пряслица от веретен, указывающие, по всей вероятности, на широкое культивирование льна.

Славяне, расселившиеся в Македонии, Фессалии и Греции, кроме того, занимались огородничеством, садоводством и виноградарством. Об

---

⁴²⁷ *Fine J. V.* The Early Medieval Balkans: Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century. Univ. Of Michigan Press, 1983. P. 38—39; *Hensel W., Rauchutová J.* Archaeological Research at Debrešte (Macedonia), 1974—1978 // *Archaeologia Polona*. T. XX. Warszawa, 1981. P. 191—225; *Michailov S., Dončeva-Petkova L., Toptanov D.* Fouilles archéologiques près du village Odarci, département de Tolbochine (Bulgarie) au cours des années 1971—1977 (partie orientale) // *Slavia Antiqua*. Vol. XXVII. Poznań, 1980. P. 119—171; *Въжафова Ж. Н.* Славянски и славянобългарски селища... С. 170 и др.

⁴²⁸ *Стоянова-Серафимова Д.* Разкопки крепости в с. Делно Церово // *Археология*. София, 1963. № 4. С. 22.

этом имеются данные в названных выше «Чудесах святого Димитрия», а в сочинении Иоанна Камениата «На взятие Фессалоники» говорится, что в округе этого города, где проживали драгувиты и сагудаты, было множество садов и виноградников. При раскопках славянских поселений Македонии, относящихся, правда, к несколько более позднему времени, найдены кривые садовые ножи и ножи для подрезывания винограда.

Интереснейшие результаты были получены Ф. Малингудисом на основе изучения топонимики Греции и лексики современного греческого языка⁴²⁹. Проанализированные им материалы показывают, что славяне появились в этом регионе в качестве сложившихся земледельцев. В топонимии и лексике Пелопоннеса, Эпира и западных областей материковой Греции засвидетельствован весь спектр славянской земледельческой терминологии, начиная от обработки пашенных участков (поле, борона, ярмо, мотыга, корчевать, выжигать и др.) и кончая уборкой урожая и молотью зерна (серп, коса, ток, гумно, молотья и др.). К этому можно добавить и такие славянские лексемы, как жито, пшено, ветряная и водяная мельницы, сад, слива и т. п.

Эти материалы свидетельствуют о развитости земледелия славян до расселения их на Балканском полуострове, об их знакомстве с провинциально-римскими достижениями в области сельского хозяйства. Во вновь освоенные земли Греции славяне принесли новшества, неизвестные здесь прежде. К таковым, в частности, принадлежат водяные мельницы, хорошо известные в провинциально-римских ареалах; бороны, более приспособленные для обработки пахотных полей в равнинных местностях (до этого греки знали иной тип бороны, более пригодный для работы в предгорных и гористых землях); косы, серпы и мотыги, восходящие к орудиям сельскохозяйственного труда провинциально-римских культур.

Значительное место в хозяйстве славянского населения рассматриваемого ареала занимало и животноводство. Согласно материалам, полученным при раскопках поселений на территории Болгарии, около 95% костных остатков принадлежит домашним животным. При этом на долю

---

⁴²⁹ *Malingoudis Ph.* Studien zu den slawischen Ortsnamen Griechenlands. Bd. 1 (Akademie des Wissenschaft zu Mainz. Abhandlungen der Geistes-Sozialwissenschaftlichen Klasse. Jg. 1981. №3). Mainz; Wiesbaden, 1981. S. 174—181; *Idem.* Toponymy and History. Observations concerning the Slavonic Toponymy of the Peloponnese // *Cyrrillomethodianum*. VII. Thessaloniki, 1983. P. 99—111; *Idem.* Frühe slawische Elemente im Namensgut Griechenlands // *Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert*. München, 1987. S. 53—65; *Малингудис Ф.* Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимии // *Византийский вестник*. Т. 48. М., 1987. С. 44—52.

крупного рогатого скота приходится 46% всей остеологической коллекции, 21% составляют кости свиньи, 18,5% — костный материал мелкого рогатого скота и около 5% — кости лошади. Анализ остеологических материалов показывает постепенное возрастание употребления в пищу мяса крупного рогатого скота⁴³⁰. Охотились преимущественно на кабана, серну, оленя и тура. Лошадь использовалась и как тягловое животное в сельском хозяйстве, и при транспортировке, и в военном деле. По свидетельствам Прокопия Кесарийского и Феофилакта Симокатты, отряды конницы имелись в славянском войске уже в VI в., и византийцы использовали их в войнах в Италии.

Славяне, осевшие в предгорных местностях, изобиловавших лугами и пастбищами, в большей степени занимались пастушеством. Рыбная ловля у балканских славян имела чисто вспомогательное значение. При раскопках поселений были встречены кости сомов и осетров, рыболовные крючки, каменные и глиняные сетевые грузила.

Имеются основания полагать, что среди славянского населения, колонизовавшего Балканский полуостров и Грецию, была развита дерево- и металлообработка. Плотническое мастерство славян получило известность в Византии еще тогда, когда они жили к северу от Дуная. Феофилакт Симокатта сообщает, что аварский каган привлекал славян как умелых мастеров к строительству судов и плотов для переправы через Дунай. Данные, содержащиеся в сочинении «Чудесе святого Димитрия», говорят о наличии у славян большого числа судов и лодок. В 626 г. во время осады Константинополя славяне по повелению аварского кагана должны были переправить из Малой Азии на своих судах целую армию персов. Очевидно, что, достигнув берегов Эгейского и Средиземного морей, славяне смогли переправиться на острова и на побережье Малой Азии на судах, построенных своими мастерами. По описанию Константина Багрянородного, славянские суда имели мачты и паруса. Однодеревки, выдолбленные из крупного бревна и скрепленные при помощи скоб и болтов в сложные конструкции, вмещали до 40 человек.

При раскопках славянских поселений неоднократно найдены орудия труда плотников — топоры, долота, скобели, пилы, молотки. Лексические материалы Пелопоннеса, отмечает Ф. Малингудис, недвусмысленно показывают, что местное греческое население заимствовало у славян ряд строительных терминов. Выявляются также топонимы, характеризую-

---

⁴³⁰ *Иванов Ст. Животински костни остатъци от селището в местността Джеджови лозя при с. Попина // Въжарова Ж. Н. Славянски и славянобългарски селища... С. 207—223.*

щие металлообработку. Однако материалы археологии свидетельствуют, что металлообрабатывающие ремесла в славянском мире Балкан получили широкое развитие только в VIII—IX вв., когда жизнь в этом регионе стабилизировалась и славянские ремесленники в полной мере освоили достижения византийского бронзолитейного и ювелирного дела.

Социальная структура славянского общества времени колонизации Балканского региона реконструируется гипотетически. Скупые свидетельства византийских авторов по этому вопросу носят обычно субъективный характер и дают, по всей вероятности, несколько заниженную картину жизни и быта славян. Описания славян Прокопия Кесарийского и других авторов относятся в основном к славянам Северного Подунавья до их широкого расселения на Балканском полуострове. Безусловно, миграция в византийские земли, как и в области материальной культуры, во многом изменила социальное лицо славянского общества. Участие в военных действиях вело к углублению имущественной дифференциации, обогащению дружинно-племенной верхушки, к социальному расслоению общества.

Большую часть славянства составляли свободные общинники, занимавшиеся индивидуально (семьями) сельскохозяйственной деятельностью. Участие в военных набегах было преимущественно добровольным. Основной целью при этом была заинтересованность в захвате добычи. Впрочем, славяне Аварского каганата вынуждены были принимать участие в военных действиях на недобровольной основе⁴³¹.

В VII—VIII вв. в среде балканских славян складываются военно-политические образования, именуемые в византийских сочинениях славиниями. Формирование большинства их относится к последней четверти VII в., когда столкновения славян с Империей стали особенно интенсивными. К 70-м гг. VII в. относятся известия о славинии «Семь родов», которая до прихода болгар-тюрков Аспаруха главенствовала в Мисии и Малой Азии. Эта славиния образована была из нескольких славянских племен, имевших свои территории и собственного вождя. Знать отдельных племен сохраняла самостоятельность. Известно, что одним из таких пле-

---

⁴³¹ Об устройстве славянского общества рассматриваемого ареала см.: *Иванова О. В., Литаврин Г. Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв. М., 1985. С. 34—68; *Литаврин Г. Г.* Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI—VII вв.) // *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне (сборник статей). СПб., 1999. С. 527—538; *Он же.* Еще раз о занятиях и общественной организации славян на Балканах в VI—VII вв. // Там же. С. 539—547.

мен были северы. Административным центром славинии «Семь родов» была Плиска.

К несколько более позднему времени относится славиния Берзития, названная по имени главенствующего племени. Это было уже предгосударственное образование, занимавшее земли Македонии в районе городов Охрид, Прилеп и Битола. Князь Берзитии был полновластным повелителем своих подданных и располагал воинской силой и материальными ресурсами. К началу VIII в. эта славиния находилась, как полагают исследователи, на стадии зарождения раннесредневековой государственности.

Зародышевую форму государственности составляли и славинии драгувитов «Драгувития» и сагудатов (субделитов) «Субделития». Известны еще славинии тимочан и абодритов⁴³².

К середине VII в. обширные ареалы Балканского полуострова и Греции оказались заселенными сплошь или более, или менее крупными анклавами славянским населением. Дальнейшее культурное и этническое развитие его в разных местностях протекало далеко не одинаково. В основной части Балканского полуострова славянский этнос был более активным и постепенно включил в себя остатки аборигенных жителей фракийского, греческого, романизированного и иллирийского этносов.

Вместе с тем в ряде местностей расселившиеся славяне смешались с аборигенами и были ассимилированы ими.

Одним из таких регионов является Греция. О значительности здесь славянского населения в VII—VIII вв. говорят исторические, топонимические и лингвистические данные. Лингвистический анализ новогреческого языка выявляет заметное воздействие славянской речи. Славянская лексика отражает прежде всего сельскохозяйственную деятельность, свидетельствуя о контактах местных греков исключительно со славянами-земледельцами. Славянское влияние в греческом заметно также во флористической и фаунистической терминологии.

Расселение славянских масс на территории Греции было подготовлено военными вторжениями. При раскопках Коринфа изучены следы пожара и разрушений, датируемые последним десятилетием VI в., которые привели к гибели части города. Напластования VI—VII вв. в Коринфе выявляют «варваризацию» материальной культуры и быта. Следы раз-

---

⁴³² *Литафрин Г. Г.* Славинии VII—IX вв.— социально-политические организации славян // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М., 1984. С. 193—203. Перепечатана в кн.: *Литафрин Г. Г.* Византия и славяне... С. 518—526.

рушений, относящиеся к концу VI или самому началу VII в., археологически отчетливо фиксируются также в Афинах, Фессалии, Эвбее и Локрисе. В результате работ археологов выявляется и запустение в то же время целого ряда аграрных поселений с культурными слоями, характеризующимися позднееримской и ранневизантийской керамикой. В особенности это касается греческих селений восточной и южной прибрежных полос Греческого полуострова, а также некоторых островов. В западных районах Пелопоннеса подобного запустения поселений не наблюдается, здесь жизнь греческого населения протекала относительно спокойно.

О вторжении на территорию Греции многочисленных групп нового населения говорят также клады монет, которые были зарыты в конце VI — начале VII в. С этого времени в Греции прекращается денежное обращение. На поселениях Греции в культурных отложениях VII—VIII вв. не обнаруживается каких-либо следов византийского военного и церковного строительства.

Доминирование славянского населения в Греции продолжалось более 200 лет. Перелом наступил в конце VIII в. В 783 г. Византия осуществила военный поход в Элладу и окрестности Фессалоники, завершившийся победоносно. В первой половине IX столетия была завоевана почти вся Морья, а в 940 г. были окончательно покорены милинги и эзериты. Восстановление власти Византийской империи привело к активизации греческого этнического элемента. Если в VII—VIII вв., как утверждают М. Вайтманн и ряд других исследователей, в Греции имела место славянизация какой-то части местных греков, то в IX—X вв. началась и активно осуществлялась языковая ассимиляция славянского населения. В начале II тысячелетия этот процесс в основном завершился.

Несколько по-иному развивались события на территории Албании. Славяне начали расселяться в этом регионе Византийской империи начиная с 584 г., то есть с начала аваро-византийских войн. Миграция определенно шла из Среднедунайских земель, в основном вдоль р. Моравы. Области Албании до славянского расселения занимали остатки иллирийцев, которые после крушения Римской империи вошли в состав Византии. В конце IV в. в эту землю проникли визиготы, следами пребывания которых являются своеобразные фибулы. После широкой инвазии славян, отчетливо фиксируемой топонимикой, культурное развитие на территории Албании протекало двумя направлениями. В южных районах культура была идентична македонской. Недаром с 851 по 1018 г. Южная Албания входила в состав Болгарского государства. В северной части начиная с VII в. формируется своеобразная археологическая культура, названная команской.

Ее древности изучаются преимущественно по раскопкам грунтовых могильников, среди которых наиболее изученным является некрополь в местности Круя⁴³³. Захоронения по обряду ингумации помещались в ямах глубиной до 1,4 м с каменными ящикообразными конструкциями, сложенными на известковом растворе. Большинство умерших ориентировалось по линии север — юг, клали их в могилы на спине, с вытянутыми вдоль туловища или сложенными на груди руками.

Умершие сопровождалась различными вещами. Это украшения (бронзовые, серебряные и стеклянные бусы; провололочные и лунничные височные кольца, в том числе с филигранной орнаментацией; шайбообразные, дисковидные и зооморфные фибулы; браслеты; перстни; привески), предметы вооружения (наконечники копий и стрел, мечи), поясные принадлежности, железные ножи. Керамика гончарная, красной и серой поверхности, нередко орнаментированная различными процерченными узорами.

Анализ вещевых материалов показывает, что команская культура была сложным новообразованием, включившим в себя местное позднеримское наследие, византийское ремесло и славянские элементы. Присутствие славянского этнического компонента проявляется в находках пальчатых фибул (могильники Круя и Лезе) и в широком распространении лунничных и иных височных колец, тождественных тем, которые известны в достоверно славянских древностях Среднего Подунавья и Адриатики.

Команская культура развивалась до начала IX в. Ее исследователи утверждают, что эта культура отражает начальный этап становления албанцев, формирование которых протекало на основе местного иллирийского этноса при ассимиляции осевших в этом регионе славян⁴³⁴.

Третьим крупным регионом, где славянское население оказалось ассимилированным аборигенами, были северные области Нижнего Подунавья. Ипотешти-кындештская культура развивалась здесь до конца VII в. Прорыв византийской границы на нижнем Дунае вызвал отлив славянского населения на юг. Славянский этнический компонент в

---

⁴³³ *Anamali S., Spahiu H.* Une nécropole du haut moyen âge a Krujë // *Buletin i Universitetit, të Tiranës*. T. XVII—2. Tiranë, 1963. P. 3—85. *Idem.* La nécropole de Kruje et la civilisation du haut moyen âge en Albanie du Nord // *Studia Albanica*. T. I. N 1. Tiranë, 1964. P. 149—181; *Anamali S., Spahiu H.* Varreza arbërore e Krujës // *Iliria*. T. XI. Tiranë, 1988. P. 47—103.

⁴³⁴ *Anamali S.* Problemi i kulturës së hershme mesjetere shqiptare në dritën e zbulimeve të reja arkeologjike // *Studime historike*. Tiranë, 1967. P. 29—40; *Idem.* Des Illyriens aux Albanaïs // *Iliria*. T. V. Tirana, 1976. P. 23—40.

северных землях Нижнего Подунавья уменьшился, и начался постепенный процесс его романизации. В VIII в., судя по раскопкам поселений Борниш, Лозна-Стрэтень и Хлинча-Яссы в Восточном Прикарпатье, Бэлень, Дулчанка и Ширне в Мунтении, Сэлашурь и Филиашь в юго-восточной Трансильвании и могильника Налбант в Добрудже⁴³⁵, еще существовали крупные островки славянского населения, не затронутого романизацией. Эти памятники по всем своим показателям можно считать славянскими, их культура была непосредственным развитием предшествующей.

Да и в целом культурный облик VIII—IX вв. Нижнедунайского региона продолжал развитие традиций ипотешти-кындештской культуры. На поселениях строились полуземляночные жилища с каменными или глиняными печами в одном из углов.

В начале еще преобладала лепная керамика, близкая к местной посуде VI—VII вв. При этом доминировали горшки прежних форм и сковородки.

Для периода VIII—IX вв. славянские этнические элементы отчетливо фиксируются в деталях погребальной обрядности. Среди могильников этого времени имеются такие, которые содержат исключительно трупосожжения в глиняных сосудах-урнах или прямо в ямах. Румынские археологи со всей определенностью рассматривают такие некрополи как собственно славянские. Большую же часть могильников составляют биритуальные некрополи, которые те же исследователи целиком относят к неславянскому («автохтонному») населению. С таким членением погребальных памятников Румынии никак нельзя согласиться. В условиях длительного проживания славянского и дако-романского населения на одной территории такое разграничение неправомерно. Захоронения по обряду кремации в нижнедунайских могильниках могли принадлежать как славянам, так и неславянскому населению, а среди ингумаций какая-то часть их должна принадлежать антам, поскольку в антской среде этот ритуал восходит еще к римскому времени.

---

⁴³⁵ *Teodor D. Gh.* Teritoriul est-carpatic în veacurile V—XI e. n. Contribuții arheologice și istorice la problema formării popurului român. Iași, 1978. P. 67—75; *Idem.* Cercetări arheologice în așezarea din secolele VII—VIII de la Lozna-Străteni, jud. Botoșani // *Materiale și cercetări arheologice*. Vol. 14. București, 1980. P. 455—461; *Muscă L., Muscă T.* Săpăturile arheologice de la Băleni-Romăni, jud. Dimbovită // *Materiale și cercetări arheologice*. Vol. 14. București, 1980. P. 427—429; *Szekely Z.* Așezarea prefeudală de la Sălașuri. Marisia, 1971. P. 71—81; *Idem.* Așezări din secolele IV—IX în sud-estul Transilvaniei // *Aluta*. Vol. 6—8. 1974—1975. P. 40—48; *Simion G.* Necropola feudală timpurie de la Nalbant (jud. Tulcea) // *Peuce*. Vol. 2. 1971. P. 221—248.

Оба этноса — славянский и дако-романский,— проживая на одной территории, в течение веков находились в постоянном взаимодействии, по-видимому, в условиях частичной метисации, и культурная дифференциация их затруднительна.

Таким образом, период VIII—IX вв. был начальным этапом романизации нижнедунайского населения, который со временем приобретал все большую направленность.

Проблема этногенеза румын длительное время обсуждается в научной литературе. Большая группа исследователей, в том числе большинство румынских ученых, отстаивает автохтонную теорию, согласно которой романское население Нижнего Подунавья сформировалось в результате романизации местных гето-дакских племен. Археологические материалы VI—XI вв. Карпато-Дунайского региона ряд румынских исследователей рассматривают как древности преимущественно автохтонного населения, и в этой связи иногда высказывается мысль о становлении румынской народности в этот период. Румынские этнографы обращают внимание на тождество некоторых элементов культуры (в скотоводстве, земледелии, рыболовстве, в народной одежде) румын и дако-романского населения Нижнего Подунавья. На этом основании утверждается, что культура румын имеет автохтонное начало и продолжала дако-романские традиции⁴³⁶.

Однако проживание в Карпато-Дунайском регионе в начале эпохи средневековья больших масс славянского населения не подлежит сомнению. Это надежно документируется историческими и археологическими данными. В VI—VII вв. в этом регионе, бесспорно, доминировал славянский этнос. Более того, имеются основания полагать, что в VIII—IX вв. в нижнедунайских землях имел место прилив новых групп славянского населения. Об этом, в частности, говорит распространение в это время лепной посуды с веревочной орнаментацией, напоминающей роменскую⁴³⁷.

В этой связи ряд исследователей отрицает местное происхождение румын, полагая, что румынский язык и этнос сложились где-то к югу от Дуная и только позднее носители этого языка переселились на северный

---

⁴³⁶ Nestor I. Les données archéologiques et le problème de la formation du peuple rouman // *Revue roumaine d'histoire*. Vol. III. N 3. București, 1964. P. 419; Рикман Э. А. Проблема этногенеза в современной румынской этнографии (О древних источниках румынской народной культуры) // *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев*. М., 1976. С. 232—249.

⁴³⁷ Теодор Дан Г. Славянские культурные элементы VI—IX вв. н. э. в Карпато-Дунайской области // *Труды V Международного Конгресса археологов-славистов*. Т. 4. Киев, 1988. С. 206.

берег нижнего Дуная, где к этому времени имелись островки романизированного населения.

Недавно У. Фидлер, проанализировав все материалы археологии, пришел к заключению, что продолжавшееся три с половиной столетия римское и византийское господство в Нижнем Подунавье не привело к романизации местных дако-фракийских племен. Исследователь утверждает, что потомки древнероманского населения к началу средневековой поры проживали разрозненными группами по всему Балканскому полуострову, в том числе в Македонии, Фессалии, Албании и Северной Греции. В период упадка византийского господства на Балканском полуострове часть этих потомков древнероманского населения продвинулась в Карпато-Дунайский регион (влахи/волохи — *valahi, vlasi, volohi, blaci* исторических источников той поры) и вместе с проживавшими здесь славянами положила начало процессу (в VIII или IX в.) формирования румынского этноса⁴³⁸.

Несомненно, что румынская народность могла сложиться только после поглощения славянского населения Карпато-Дунайской области. В письменных источниках волохи — предки румын и ранние румыны — здесь отчетливо выступают лишь с XII в.

Участие славянского населения в этногенезе румын документируется не только данными археологии, но и языкознанием, топонимикой и этнографией. Территория, где ныне проживает восточнороманское население (румынское и молдавское), изобилует географическими названиями славянского происхождения⁴³⁹. И объяснение этому только одно — славяне длительное время проживали в Карпато-Дунайском регионе, дав свои названия многим рекам, урочищам и селениям. Сохраниться же эта топонимия могла только в том случае, если славяне в условиях становления румынского этноса не покинули мест своего проживания.

Характерной особенностью восточнороманского языка является наличие в его лексике значительного славянского пласта. При этом древние славянские заимствования распространены на всей территории этого языка. Существенно то, что славянскими по происхождению являются названия сельскохозяйственных орудий труда и способов обработки полей (плуг, борона, коса, грабли, сноп, копна, борозда, черный пар и др.).

---

⁴³⁸ Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Teil 1. Bonn, 1992. S. 43—48.

⁴³⁹ Петрович Э. Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии // *Romanoslavica*. Vol. IX. Bucuresti, 1963.

В молдавских диалектах среди терминов, связанных с земледелием, только 5% их имеют латинское начало, тогда как доля лексем раннеславянского происхождения составляет более 30%. Аналогичная картина наблюдается и при анализе молдавской лексики, связанной с прядением и ткачеством. Фонетические особенности позволяют относить древние славянские лексические заимствования ко времени до X—XI вв.⁴⁴⁰

В антском диалекте, как уже отмечалось, взрывное *g*, свойственное праславянскому языку, в условиях славяно-иранского симбиоза изменилось в задненебный фрикативный *ɣ(h)*. На территории Румынии и Молдавии выявлен целый ряд топонимов несомненно славянского происхождения, в которых *g* представлен как *h*⁴⁴¹. Эти топонимы, очевидно, отражают преимущественно антский характер славянского населения Карпато-Дунайского региона до его включения в этногенетический процесс становления румынского этноса.

---

⁴⁴⁰ *Rosetti A.* Slavo-romanica. Sur la constitution du système vocalique du romain // *Romanoslavica*. Vol. I. București, 1959. P. 27—30; *Mihăilă G.* Contribuții la studierea geografiei împrumuturilor slave în limba română // *Romanoslavica*. Vol. I. 1959. P. 23—53.

⁴⁴¹ *Petrovici E.* Toponimice slave de est pe teritoriul Republicii Populare Romane. I: Toponimice prezentind H provent din G // *Romanoslavica*. Vol. IV. București, 1960. P. 41—61; II: Toponimice cu polnoglasie // *Romanoslavica*. Vol. VI. București, 1962. P. 5—17.

РАСПАД ПРАСЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ

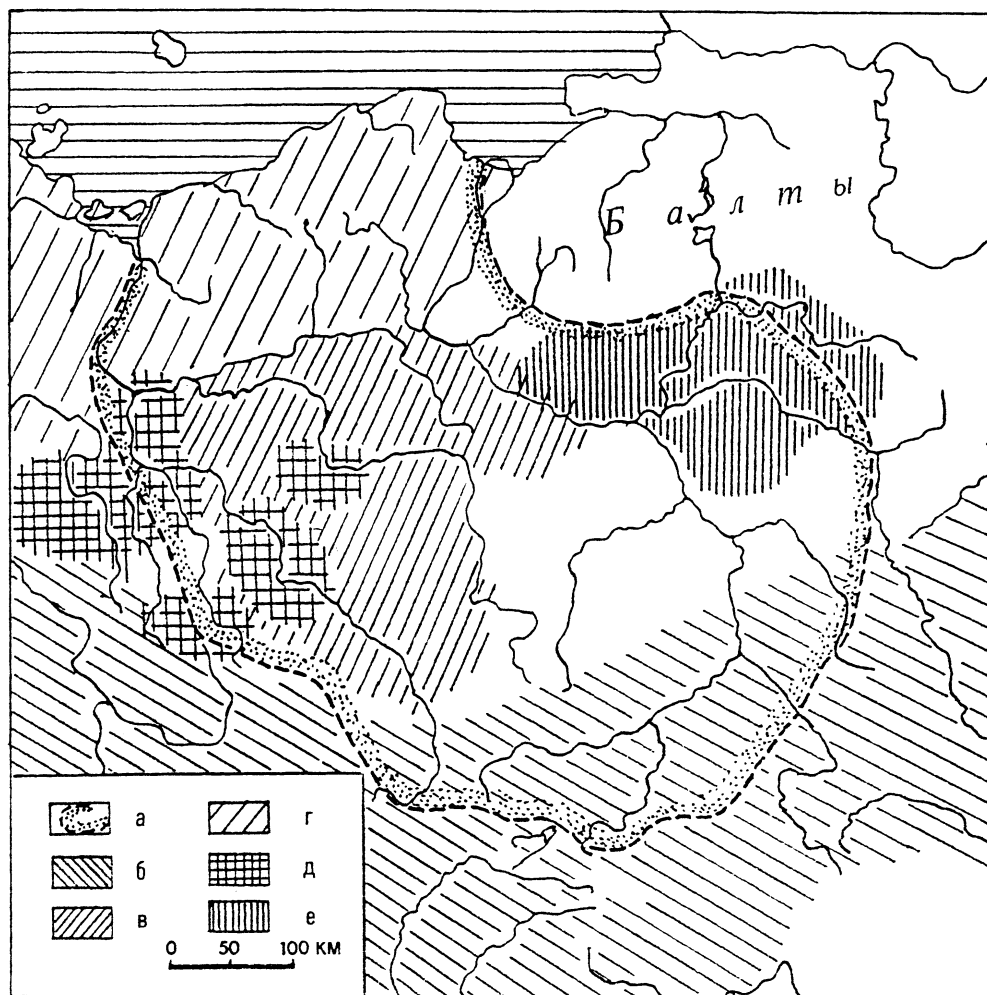
Расселение славян на широких пространствах Европы прервало их одностороннее этническое и языковое развитие. Во вновь освоенных землях славяне встретились с различными как индоевропейскими, так и неиндоевропейскими этносами, вступили с ними в контакты, в результате начались неодинаковые в разных местностях процессы физического смешения славян с ранее проживавшим населением. Началась этноязыковая дифференциация славянского этноса, итогом которой стало образование отдельных славянских народностей.

При рассмотрении этих явлений было целесообразным распределить их по географическим регионам, соответствующим современному членению славянства на западную, южную и восточную группы.

Славяне западные

Поляки

Польская раннесредневековая народность, подобно древнерусской, сформировалась в результате интеграции нескольких племенных образований, принадлежащих в основном к двум праславянским этнографическим группам. В самом начале средневековья территория становления древнепольского этноса была заселена славянами, представленными суковско-дзедзицкой (Великопольша со смежными областями Силезии и Польское Поморье) и пражско-корчакской культурами (Малопольша и верхнее течение Одера). При этом в территориальном и численном отношении, безусловно, доминировали славяне суковско-дзедзицкой группы. В западной части ареала последней имелись еще славянские группы тор-

**Рис. 89. Праславянские племенные группы
и ареал становления древнепольской народности**

а — приблизительная граница ареала древнепольской народности; **б** — ареал пражско-корчацкой культуры; **в** — коренная территория суковско-дзедзицкой культуры; **г** — земли, освоенные племенами суковско-дзедзицкой культуры; **д** — регионы торновской культуры; **е** — территория мазовшан.

новской культурной группы, расселившиеся здесь в VIII—IX вв. (рис. 89).

Этнографические различия между этими группами славян проявляются и позднее. В Верхневисленском регионе и в верховьях Одера, где в

пражско-корчакский период на смену грунтовым могильникам пришли курганные захоронения, эта обрядность получает большее распространение. Обряд погребения остается прежним. Тела умерших сжигали на погребальных кострах, а собранные после кремации остатки помещались в разных местах курганных насыпей. Курганный ритуал бытовал в Малопольше и на верхнем Одере до начала XI в. В долинах Карпатских гор он задержался до рубежа XI и XII вв. В бассейне р. Сан известны и единичные курганы с захоронениями по обряду трупоположения¹. Позднее в связи с активным распространением христианства население стало хоронить умерших на прицерковных кладбищах.

К числу наиболее изученных курганных могильников рассматриваемого ареала принадлежат два некрополя при с. Карнатка недалеко от Мышленице². Первый могильник состоял из 20 полусферических насыпей высотой до 1,2 м и диаметром 5—7,5 м. Во втором насчитывалось 8 таких же курганов. При раскопках в некоторых курганах зафиксированы обугленные остатки прямоугольных сооружений из тонких бревен, составляющих каркас насыпей. Остатки трупосожжений были обнаружены на склонах курганных насыпей, у их подножий или в ровиках, окольцовывавших курганы. Исследователь этих памятников Х. Цолль-Адамикова полагает, что собранные с погребальных костров остатки кремации в глиняных урнах ставились на вершинах курганов, а может быть, на каких-то деревянных конструкциях, поскольку находки горшков обычно сопровождалась более или менее крупными кусками обугленного дерева.

Курганы с остатками кремации умерших исследовались также в Биалогуже, Гуциуве, Избиско, Пиотровице, Рацибуж-Оборе, Розумице и Трепче. В Дахнуве и Липско остатки трупосожжений и керамические фрагменты найдены были в поверхностных отложениях, свидетельствуя о том, что погребения совершались на поверхности курганов³. В отдельных курганах могильников Гуциув и Избиско кальцинированные кости находились около столбовых ям, оставшихся от кольцевых оградок, окружавших насыпи. Есть все основания полагать, что поверхностные захоро-

---

¹ Zoll-Adamikowa H. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski. Cz. I. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975; Cz. II. 1979.

² Zoll-Adamikowa H. Ciałopalne kurhany wczesnośredniowieczne w Kornatce, pow. Myślenice, w świetle badań lat 1963—1965 // Sprawozdania Archeologiczne. T. XIX. Kraków, 1968. S. 305—335; *Idem*. Czworokątne konstrukcje drewniane w kurhanach ciałopalnych z Kornatki, pow. Myślenice // Acta Archaeologica Carpathica. T. X. Kraków, 1968. S. 141—155; *Idem*. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska... Cz. I. S. 120—140.

³ Zoll-Adamikowa H. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska... Cz. I.

нения были весьма распространенным ритуалом славянского населения Малопольши и верховьев Одера.

Севернее, на обширной территории распространения суковско-дзедзицких древностей, курганный обряд не был известен. Здесь погребальные памятники второй половины I тыс. н. э. остаются почти неизвестными. Нужно полагать, что в этом регионе до распространения христианства бытовали поверхностные захоронения по обряду кремации, от которых не осталось или почти не осталось следов. Единственный могильник, содержащий захоронения по обряду трупосожжения второй половины I тыс. н. э., исследовался в Конине близ Познани⁴. Этот бескурганный некрополь находился на месте могильника пшеворской культуры. Остатки кремации умерших помещались в неглубоких ямках, в заполнениях которых присутствовали камни. Одно из исследованных захоронений было урновым, остальные — безурновыми и безынвентарными. Собранный керамический материал датирует памятник от VII—VIII до XI в. включительно. К первым векам II тыс. н. э. в могильнике относятся захоронения по обряду трупоположения.

В Великопольше исследовано еще несколько биритуальных бескурганных могильников с захоронениями от X до XII в. включительно. Среди них наибольший интерес представляет некрополь Лутомерск в Лодзинском воеводстве⁵. Раскопками его исследовано 77 трупоположений и 12 трупосожжений. Последние не образовывали компактной группы, а встречались разбросанно среди могил с ингумациями. Остатки кремации умерших собирались с погребального костра и помещались в неглубоких ямках, в заполнениях которых имелось множество некрупных камней. Кроме кальцинированных костей в могильных ямках встречены вещи: железные ножи, наконечники стрел и копий, стремена, удила, деревянные ведерки с железными обручами и др. Датируются захоронения по обряду сожжения концом X—XI в. В могилах с трупоположениями встречено значительно больше вещевых находок. Среди них имеются предметы вооружения (мечи, копья, стрелы), снаряжение всадника и верхового коня, бытовые предметы и металлические принадлежности одежды. Эти погребения относятся к XI—XII вв. В этот период основные массы славян Великопольши хоронили умерших на христианских

---

⁴ *Pieczyński Z.* Cmentarzysko z okresu wędrówek ludów i z wczesnego średniowiecza z Konina // *Fontes Archaeologici Posnanienses*. T. XVIII. Poznań, 1967. S. 54—67.

⁵ *Nadołski A., Abramowicz A., Poklewski T.* Cmentarzysko z XI wieku w Lutomiersku pod Łodzią // *Acta Archaeologica Lodziensia*. Nr. 7. Łódź, 1959.

кладбищах. Лутомерский могильник, очевидно, является реликтовым языческим некрополем, оставленным уже крещеным населением. Впрочем, некоторые археологи полагают, что этот памятник принадлежит не местному населению. Так, Л. Раухут относил его к могильникам мазовшан, полагая, что могилы этого кладбища на поверхности имели выкладки из камней, которые были разобраны и использованы во время строительных работ⁶.

В Польском Поморье, как говорилось выше, также первоначально господствовали поверхностные погребения по обряду трупосожжения, а начиная с VIII в. под воздействием обрядности населения прибрежных торговых факторий получают распространение курганные захоронения.

Различие между двумя этнографическими группами славянского населения Польши проявляется и в височных украшениях. Как уже отмечалось, славянскому населению, вышедшему из пражско-корчакского ареала, были свойственны проволочные или дрововые височные кольца с завершением на одном из концов в виде латинской буквы S. Славяне же суковско-дзедзицкого происхождения носили височные кольца поморского типа. Это различие наблюдается вплоть до XII в.

До середины X в. существовали несколько племенных княжений. Уже в IX в. оформилось княжество вислян. В Паннонском житии Мефодия о нем сообщается: «Поганьскъ кѣнязь сильнѣ вельми, сеядя въ Вислех, ругашеся християном и пакости деяше»⁷. Около 875—876 гг. великоморавский князь Святоплук подчинил себе это княжество, но в конце IX в. оно, по всей вероятности, снова стало самостоятельным очагом зарождения государственности. Английский король Альфред Великий писал: «...к востоку от Моравии находится страна Вислян...»⁸. Во второй половине X в. княжество вислян оказалось в зависимости от Чешского государства. Славяне, заселявшие верхневисленские земли, Моравию и Чехию, принадлежали к единой пражско-корчакской культурной группе, что, безусловно, способствовало объединительным тенденциям этих земель.

В ареале суковско-дзедзицкой группы славян известное политическое значение некоторое время имели голяне. С середины X в. ведущая роль в политической жизни лехитских славян принадлежала полянам с цен-

---

⁶ *Rauchut L.* Wczesnośredniowieczne cmentarzyska w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu // *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne*. T. I. Wrocław, 1971. S. 584—589.

⁷ *Monumenta Poloniae Historica*. T. I. Kraków, 1946. P. 107.

⁸ *Monumenta Poloniae Historica*... P. 13.

тром в Гнезно. В «Хронике» Галла Анонима, написанной в начале XII в.⁹, но содержащей ранние княжеские родовые предания о династии Пястовичей, рассказывается, что после гибели в Крушвице Попела князем в Гнезно стал Земовит, сын крестьянина Пяста. Его сыном был Лестько (Лешко), внуком Земомысл, а правнуком Мешко I (960—992 гг.) — первый польский князь, достоверно зафиксированный письменными памятниками. Земовит — основатель династии Пястов — княжил в последней трети IX в.¹⁰, и, следовательно, княжество полян восходит к этому столетию и существовало параллельно с политическим образованием вислян. Во времена Мешко княжество полян было уже раннегосударственным образованием. Сам Мешко считался «другом императора» Священной Римской империи Оттона II и был женат на дочери чешского князя Болеслава I. Князь стал способствовать распространению христианства в Польше, что, в свою очередь, способствовало превращению княжества в раннефеодальную монархию¹¹.

В X в. наблюдается общий экономический прогресс, отмечается рост польских городов и активизация городской жизни. Ко времени правления Мешко относится возведение фортификационных сооружений в городах, имевших стратегическое значение.

Археологические изыскания показали, что центр большого княжества полян — Гнезно — с середины IX в. был сильно укрепленным градом¹². Основан он был на так называемой горе Леха еще в конце VIII в. В следующем столетии поселение имело уже трехчастную структуру: укрепленный «град» (детинец), защищенный валом, предградье и открытое селение (подградье — подол). Раскопками зафиксированы следы ремесленной деятельности. В середине X в. вал «града» реконструируется и становится более мощным, ограждается валом и подградье. Вокруг разрастаются открытые неаграрные селения, многие из которых имели торговый характер. Очевидно, что это был уже сформировавшийся раннесредневековый город (рис. 90).

Несомненный интерес представляет конструкция гнезненских валов X в. Их основу составляли многоярусные накаты бревен. Внизу они кла-

---

⁹ Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.

¹⁰ Łowmiański H. Początki Polski. T. 5. Warszawa, 1973. S. 462.

¹¹ Łowmiański H. Początki Polski... S. 310—504; Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. T. 2. Poznań, 1988. S. 176—209.

¹² Hensel W. Najdawniejsze stolice Polski. Gniezno, Kruszwica. Poznań. Warszawa, 1960. S. 7—62.

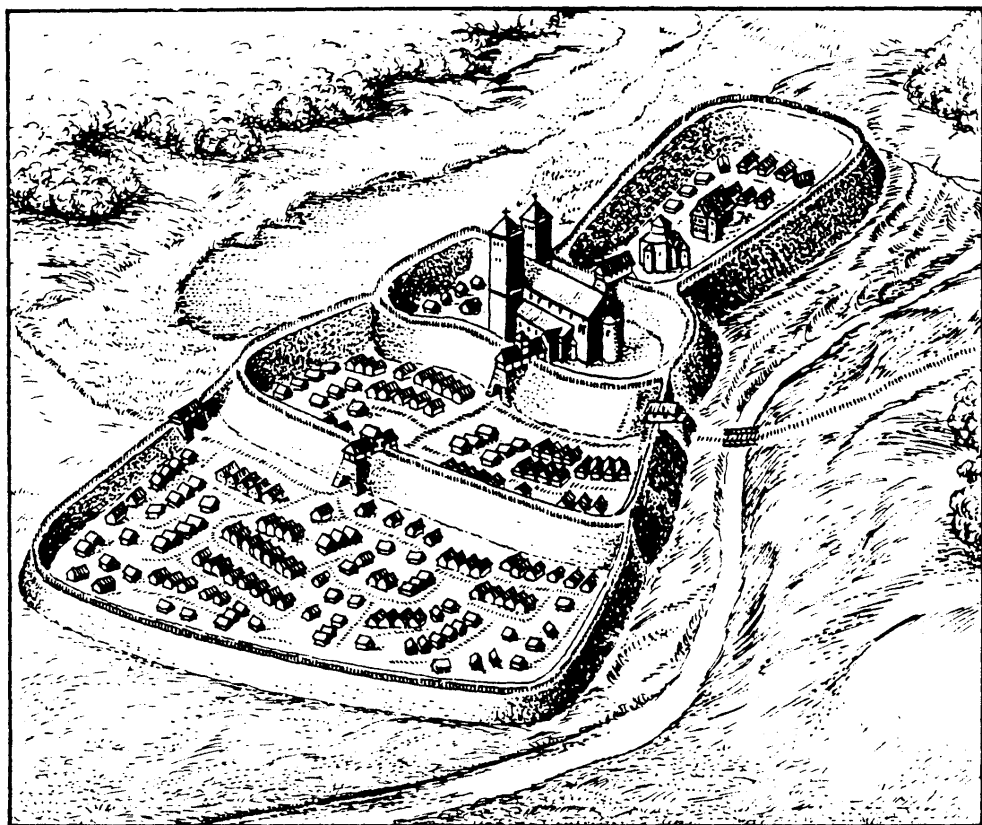

Рис. 90. Реконструкция облика Гнезно начала XI в.

лись накатом вдоль вала, выше — поперек вала. Накаты крепились бревнами с мощными суками-крюками (хаковое крепление). Жилищами Гнезно, как и других поселений Великопольши, были наземные постройки срубной, реже столбовой конструкции, продолжавшие традиции местного домостроительства.

Кроме Гнезно, в земле полян имелись еще два крупных центра — Крушвица и Познань¹³. Одним из интереснейших поселений является Ополе, основанное в VIII в. на островке между двумя руслами Одера. В X в. это было уже сильно укрепленное селение, окруженное высоким валом. Площадка внутри укреплений была плотно застроена домами того же типа, что и в Гнезно. Постройки находились и за пределами валов. Начиная с

¹³ Hensel W. Najdawniejsze stolice... S. 63—194.

X в. улицы Ополе имели деревянное замощение. Здесь жили и работали преимущественно ремесленники разных специальностей¹⁴.

Устанавливаемая на основе данных археологии концентрация крупных и малых «гродов» в Великопольше — важный показатель крепнущей государственной администрации и сильной военной организации. В правление Мешко I в состав Великопольского княжества вошли Куявия, Ленчицкая и Серадзская области — началось политическое и культурное объединение славянских племен территории Польши.

В 966 г. Мешко принял христианство по латинскому обряду. В относительно быстром распространении новой религии в Великопольше важную роль сыграло сближение с Чехией. При великопольском дворе появились чешские священники и миссионеры. Около 968 г. в Великопольшу прибыл и первый епископ Иордан, местом пребывания которого стала Познань.

В Польском Поморье имелось два племенных княжения — одно с центром в Щецине, другое — в Гданьске. Раннесредневековое селение в Щецине было основано в VIII в. В первой половине IX в. это был укрепленный «грод» с подгородьем, где концентрировалось торгово-ремесленное население и рыбаки. В XI—XII вв. предградье активно разрослось и, как считают исследователи, население города достигало 10 тысяч человек¹⁵.

В 967 г. Мешко победил волинян-язычников. В результате к Древнепольскому государству были присоединены западные земли Польского Поморья — правивший в Гданьске племенной князь признал свою зависимость от Мешко.

Сын Мешко Болеслав Храбрый присоединил к Великопольскому государству и земли вислян. Таким образом, около 1000 г. создано Польское государство, поглотившее прежние племенные княжения (рис. 91). В 1000 г. Болеслав основал в Гнезно архиепископство с епископскими кафедрами в Познани, Вроцлаве, Колобжеге и Кракове¹⁶.

Объединение племенных земель в единую государственную территорию стало одним из существенных факторов, ведущих к консолидации славянского населения. Княжество Болеслава Храброго было уже сло-

---

¹⁴ Nasz A. Opole. Wrocław, 1948; Holubowicz Wl. Opole w wiekach X—XII. Katowice, 1956.

¹⁵ Cnotliwy E., Leciejewicz L., Losiński W. Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórza Zamkowe. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983; Rogosz R. Besiedlungsbedingungen in der Umgebung von frühmittelalterlichen Szczecin // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 26. М., 1987. С. 43—55.

¹⁶ Labuda G. Studia... S. 426—526.

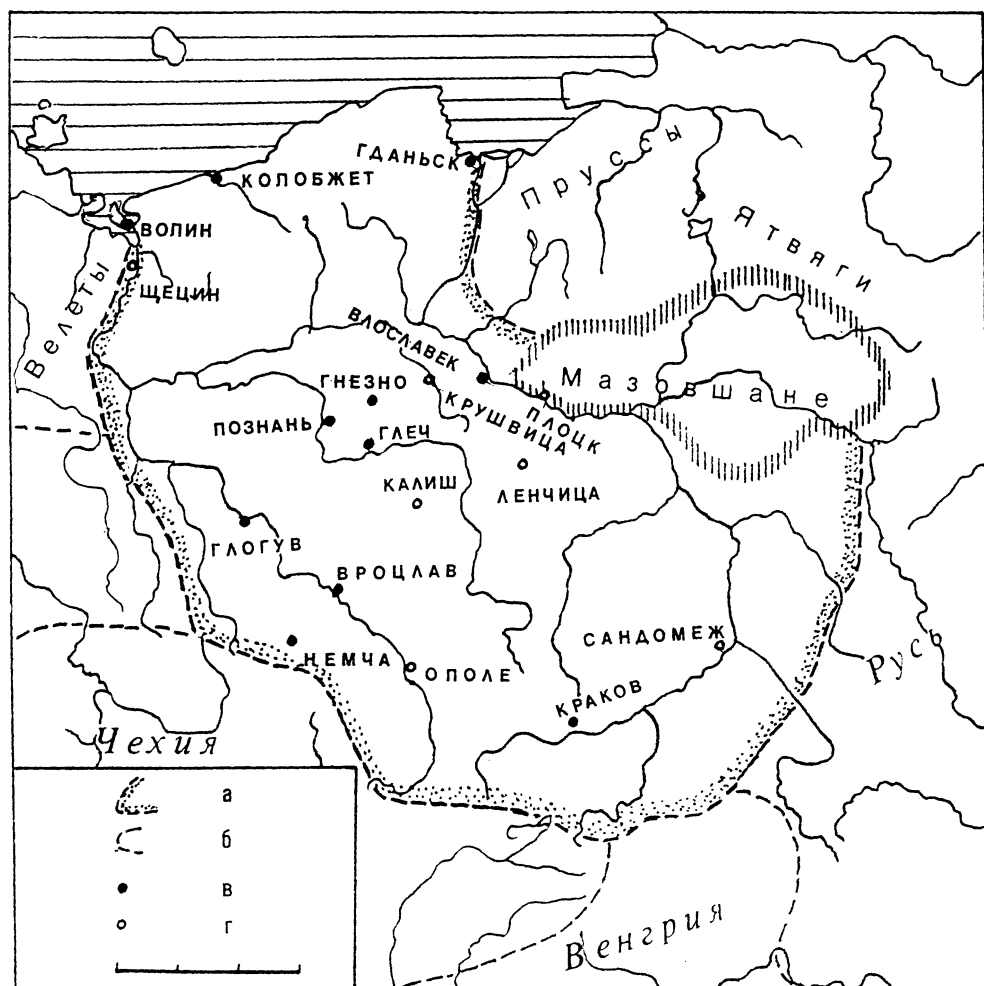

Рис. 91. Польское государство в начале XI в.

а — приблизительная граница территории Польского государства; **б** — границы других государственных образований; **в** — польские города, известные по письменным источникам; **г** — польские города, существование которых в XI в. устанавливается данными археологии.

жившимся государством, в рамках которого и начался процесс интеграции разноплеменного населения в единую народность. Несомненную роль при этом играло и христианство. Образовавшаяся сеть епархий, как и складывающаяся административная структура, не совпадала с прежними племенными ареалами.

Мощной движущей силой в интеграционном процессе славян Польской державы стали города, население которых формировалось в той или иной степени из разноплеменной среды, в том числе переселенцев из Моравии и Чехии. Бурное развитие городского ремесла стало базой формирования общепольской культуры. Изделия городских мастеров распространялись по всей территории Польского государства. Развитие торговой деятельности связывало в единое целое бывшие племенные регионы.

Период становления польского этноса был временем значительных перемещений славянского населения. Это было связано не только с необходимостью пополнения формирующихся городов. Распространение в XI—XII вв. эконолических проволоочно-дротовых височных колец на бывшей суковско-дзедзицкой территории — отчетливое свидетельство продвижения сельского населения из южнопольских областей в северном направлении вплоть до поморских земель. В результате на основной части польской территории формировалось метисное славянское население, которое способствовало этническому единению и становлению польской народности.

Формирование народности, очевидно, продолжалось несколько столетий. В XI—XII вв. этот этногенетический процесс, можно полагать, полностью охватил славянское население Великопольши, Силезии и Мало-польши. В какое-то время к этому процессу присоединились и славяне Польского Поморья.

Этноним поляне, ранее обозначавший население одного из племенных регионов в Великопольше, стал в XI—XII вв. постепенно распространяться на всех жителей Польского государства (поляне/поляки), что фиксируется несколькими достаточно хорошо информированными иностранными источниками¹⁷. Во второй половине XIII — XIV в. на первый план выступает языковой критерий: поляки — население, говорившие на польском языке. В научной литературе высказана мысль об определении этим временем завершения процесса формирования польской народности со сложившимся самосознанием¹⁸.

Первый этап становления польского этноса, по-видимому, в той или иной степени совпадает с началом становления польского языка при до-

---

¹⁷ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 153.

¹⁸ *Grodecki R. Powstanie polskiej świadomości narodowej na przełomie XIII i XIV w. // Przegląd współczesny. T. II. Warszawa, 1925.*

минировании диалектной речи. Изучение этого процесса усложняется тем, что в польском средневековье господствовал в качестве литературного и письменного языка латинский язык. Этот язык полностью удовлетворял все государственные, религиозные и культурные потребности славянского населения Польши. Складывавшийся же польский язык оставался средством общения на бытовом уровне. Эта ситуация несколько сдерживала окончательное оформление последнего. Первый самостоятельный памятник польской письменности — «Свентокшишские проповеди» — относится к середине XIV в.

Латинские тексты, написанные в Польше или для Польши, содержат материалы, позволяющие охарактеризовать отдельные (преимущественно фонетические) элементы древнепольского языка начиная с середины XII в. (в латинском тексте Гнезненской буллы содержится свыше 400 глосс древнепольского языка). Исследователи польского языка обычно членят его на три этапа: древнепольский язык — до 1500 г., среднепольский — XVI—XVIII вв., современный польский — со второй половины XVIII в.¹⁹

Согласно изысканиям польского лингвиста С. Урбанчика, начало польского языка как отдельного славянского языка восходит к рубежу IX и X вв., в XII в. осуществляется окончательное формирование системы консонантизма, XV—XVI вв. — время утраты количественных различий, и середина XVIII в. — начало действия новой литературной нормы²⁰.

Формирование польского этноса в результате интеграции двух основных этнографических групп славянства отражено в некоторых диалектных различиях польского языка XII—XIV вв. Еще в прошлом столетии И. А. Бодуэн де Куртенэ в результате изучения памятников письменности выделял в польском языке XII—XIII вв. три диалектные зоны: великопольско-куявскую, малопольско-силезскую и мазовецкую²¹. Ныне на основании координации данных лингвистики и археологии с той или иной долей вероятности можно утверждать, что первая диалектная область своими корнями восходит к суковско-дзедзицкой этнографической группе раннесредневекового славянства и отражает специфику ее говоров. Территориально эта диалектная зона соответствует расселению по-

---

¹⁹ Леп-Сплавинский Т. Польский язык. М., 1954; Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego. Warszawa, 1980

²⁰ Urbanczyk S. Szkice z dziejów języka polskiego. Warszawa, 1968. S. 129.

²¹ Бодуэн де Куртенэ И. О древнепольском языке до XIV столетия. Лейпциг, 1870. С. 97.

томков суковско-дзедзицких племен. Основой малопольско-силезской диалектной зоны могла быть пражско-корчакская этнографическая группа славянских племен. Мазовецкие говоры связаны с племенным образованием мазовшане, которые занимают особое место в генезисе древнепольской народности.

В настоящее время некоторые диалектные различия внутри польского языка XII—XIV вв. являются достаточно надежно установленными²². Они свидетельствуют о диалектном членении языка в тот период прежде всего на две зоны: северную (изменения *ga* → *ge*, *ja* → *je*, *'a* → *'e*, переход *tart* → *tert*, невокализированные варианты уменьшительных суффиксов *-k*, *-c*), соответствующую расселению славян суковско-дзедзицкого начала, и южную, население которой формировалось на пражско-корчакской этнографической основе.

В современном польском языке выделяется пять диалектных групп: великопольская, малопольская, силезская, мазовецкая и кашубская, основы которых, как можно полагать, были заложены в раннем средневековье. Великопольская диалектная зона, несомненно, восходит к славянам суковско-дзедзицкого ареала. В основе малопольского диалекта находятся говоры вислян — одного из племен пражско-корчакской группы славян. Кашубы являются потомками суковско-дзедзицких племен, расселившихся в Польском Поморье, в генезис которых включились пришлые фельдбергские (голанчские) племена. В результате поморский регион Польши длительное время в культурном отношении (в частности, это весьма отчетливо проявляется в керамических материалах раннего средневековья) заметно отличался от коренных областей суковско-дзедзицких племен. Формирование силезской диалектной группы обусловлено взаимодействием суковско-дзедзицкого населения с торновским. Мазовецкая диалектная группа, несомненно, восходит к говорам средневековых мазовшан.

Последние занимают особое место среди племен, принявших участие в генезисе польской народности. Впервые мазовшане упоминаются в Повести временных лет как одно из ляхских племен. Знает это племя (*Masovitae*, *Masouiensos*) и польский хронист Галл Аноним. Он называет однажды мазовшан даже особым народом, на основании чего некоторые исследователи полагают, что этому автору были известны какие-то этно-

---

²² *Dejna K.* Dialekty polskie. Wrocław, 1973; *Толстая С. М.* Языковая ситуация в Польше в XII—XIV вв. // Развитие этнического самосознания в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 289.

языковые особенности, выделяющие это племя. Х. Ловмянский считал мазовшан вместе с дулебами, хорватами и велетами древнейшим славянским племенем.

Археологические материалы позволяют восстановить раннюю историю мазовшан, локализация которых в северо-восточной Польше, называемой Мазовией, не подлежит сомнению. Эти земли, как отмечалось выше, в эпоху великого переселения народов из-за крайне неблагоприятных условий были покинуты славянами. Какое-то время они оставались незаселенными или крайне слабо заселенными.

К VI—VII вв. относятся два памятника: небольшие могильники Мендзиборув на левобережье Вислы и Непорент в низовьях Буга. Оба содержали бескурганные ямные трупоположения с глиняными урнами пражско-корчакского облика²³. По всей вероятности, эти захоронения оставлены небольшими группами славянских переселенцев, оторвавшимися от основного массива пражско-корчакских племен. На следующем этапе в Среднем Повисленье погребальных памятников снова нет²⁴ — территория оставалась незаселенной.

Ситуация резко изменилась в последних веках I тыс. н. э., когда в Мазовии и смежных землях появляются курганы, при сооружении которых широко использовался камень. Такие курганы исследовались С. А. Дубинским и Р. Якимовичем в Цецели в междуречье Буга и Нарева²⁵. Одни из них имели каменный покров, уложенный в несколько ярусов, другие дополнительно — вымостки из камней в основаниях насыпей, в третьих — кладки из камней в середине их высоты. Все курганы содержали захоронения по обряду трупосожжения (в единичных насыпях открыты более поздние впускные трупоположения). Кремация умерших совершалась на стороне. Собранные с костра кальцинированные кости рассыпались на материке или помещались в насыпях. Все захоронения безынвентарные, в некоторых насыпях встречены фрагменты лепной, а в одной и гончарной керамики. В одном кургане рядом с сожженными костя-

---

²³ Bernat W. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko ciałopalne w miejsc. Międzyborów, pow. Grodzisk Mazowiecki // *Wiadomości archeologiczne*. T. XXII. Warszawa, 1955. S. 81—88; Rauchut L. Wczesnośredniowieczny grób ciałopalny ze wsi Nieporęt, pow. Wołomin // *Wiadomości archeologiczne*. T. XXIV. Warszawa, 1957. S. 382.

²⁴ Zoll-Adamikowa H. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska... Cz. I. Rys. 57.

²⁵ Дубинский С. А. Отчет о раскопках курганов Бельского уезда Гродненской губ., произведенных летом 1910 года // Архив Института истории материальной культуры. Дело 1911/89. С. 115—120; Jakimowicz R. Sprawozdanie z działalności Państwowego Muzeum Archeologicznego za 1928 rok // *Wiadomości archeologiczne*. Warszawa, 1935. S. 262—263.

ми обнаружен целый глиняный сосуд. В кургане 1 найден череп лошади. Датировка курганов затруднительна, на основании лепной посуды их относят обычно к последним векам I тыс. н. э.²⁶ Подобные курганы раскапывались в том же регионе в Бациках Ближних²⁷.

Каменные курганы могли быть привнесены в Мазовию и Подляшье лишь с севера, из коренных земель ятвягов. Использование камня при устройстве погребальных сооружений в течение длительного времени было свойственно западнобалтским племенам и обусловлено какими-то языческими представлениями. Каменные курганы получили распространение в западнобалтском мире еще в I тыс. до н. э.²⁸ В землях пруссов и галиндов они в I тыс. н. э. трансформировались в грунтовые захоронения с поверхностными обозначениями из камней. Кладки или вымостки из камней устраивались пруссами над могилами до XIII—XIV вв. включительно. Ятвяжские племена в течение всего I тыс. н. э. продолжали сооружать каменные или каменно-земляные курганы (в некоторых местностях до конца XIII в.). На южной окраине ятвяжского ареала, там, где ятвяги контактировали со славянами, хоронившими умерших на грунтовых могильниках, каменные курганы эволюционно сменяются каменными могилами. Применение камня для обозначения могил в ятвяжском крае было широко распространено в XI—XII вв., а в некоторых местах сохранилось до XVII в.²⁹

Подобная трансформация каменных курганов в каменные могилы имела место и в Мазовии. Обряд трупосожжения в каменных могилах в первых веках II тыс. н. э. постепенно вытесняется ингумациями, в которых встречено немало вещевых находок. На их основе Л. Раухут выделил три стадии эволюции каменных могильников, отчасти налегающих друг на друга: 1) XI — начало XII в.; 2) конец XI—XII в.; 3) вторая половина XII—XIII в.³⁰

О том, что каменные могильники были привнесены в Мазовию и Подляшье ятвягами, говорят особенности погребальной обрядности. Свыше 90% мужских погребений первой хронологической стадии имели восточ-

²⁶ Zoll-Adamikowa H. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska... Cz. I. S. 60—66.

²⁷ Дубинский С. А. Отчет о раскопках... С. 123—124.

²⁸ Engel C., La Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande. Königsberg, 1937. S. 84—86; Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. S. 247—334.

²⁹ Talko-Hryniewicz J. Przyczynek do paleoetnologii Litwy. Cmentarzysko na Ariańskiej górze w majątności Unji pod Wierzbolowem, pow. Wolkowyszii, gub. Suwalska // Prace i materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. T. I. Cz. 1—2. Kraków, 1920. S. 48—51.

³⁰ Rauchut L. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska... S. 472—474.

ную ориентировку, и, наоборот, свыше 90% синхронных женских были похоронены головами на запад. Положение умерших головой к востоку — обрядность, не свойственная славянскому этносу, и на территории его расселения встречается только там, где славяне встретились и контактировали с иноэтничными племенами. В Мазовецко-Подляшском регионе восточная ориентация погребенных, безусловно, восходит к ритуалу западнобалтского мира. В пользу этого свидетельствуют и вещевые материалы, сопровождающие такие захоронения. Так, в мужских погребениях с восточной ориентировкой встречены шпоры, кресала с кремнями, топоры, наконечники копий и стрел. Это явно неславянская особенность ритуала. В мужских трупоположениях с западной ориентировкой первой хронологической стадии таких вещей не встречено. Исключением является одно из погребений, обращенных головами на запад, в могильнике Блихово под Плоцком, где был найден топор. Однако, в отличие от обычных топоров, встречаемых в каменных могилах с восточной ориентировкой, это был боевой топор скандинавского происхождения. Очевидно, эта находка не племенной маркер, а показатель социального статуса погребенного — захоронен был не рядовой земледелец, а воин-дружинник.

Погребения в каменных могилах второй и третьей стадий не дают отчетливой картины подобной дифференциации. Находки шпор и кресал обнаружены как в погребениях с восточной ориентацией, так и в немногих мужских захоронениях, обращенных головами к западу, что является показателем начавшегося процесса ятвяжско-славянской метисации.

В женских погребениях каменных могильников Мазовии и Подляшья обычными становятся эсоконечные височные кольца, ожерелья из бус, серьги, перстни, железные ножи и глиняные пряслица. Это типично славянский набор погребальных инвентарей. В Мазовии и Подляшье эти находки в основном характерны для захоронений с западной ориентацией. Причем обычно в таких погребениях присутствует по четыре—шесть височных колец и ожерелья из одной—двух нитей разноцветных бус. В женских трупоположениях с восточной ориентировкой если подобные украшения и встречаются, то они состоят из единичных височных колец и бус.

В Мазовии параллельно с каменными могильниками функционировали грунтовые некрополи без каменных кладок, которые доминировали в южных районах. Вещевые инвентари и детали обрядности их не оставляют сомнений в славянской атрибуции этих памятников.

Рассмотренная ситуация дает все основания полагать, что племенное образование мазовшан формировалось в условиях славяно-ятвяжского

взаимодействия. В XII в. в условиях активизации военных набегов на западнобалтские земли со стороны Польши и Древней Руси (источниками документированы походы польских войск против ятвягов, сасов и галиндов под 1108, 1110, 1115, 1166 и 1192 годами и вторжения войск киевских и волынских князей в регионы ятвягов и галиндов под 1112 и 1113 годами) часть ятвягов мигрировала в северо-восточном направлении, достигнув Новгородской земли³¹.

Помимо данных археологии, об участии балтского населения в генезисе мазовшан говорят материалы гидронимики. В Мазовецко-Подляшском регионе известно несколько десятков водных названий достоверно балтского происхождения. Регион балтских гидронимов простирается от р. Кшны до бассейна Бзуры, его центром, как утверждают лингвисты, была зона, примыкающая к месту слияния Нарева с Бугом и последнего с Вислой³². Весьма вероятно, что этноним мазовшане произведен от антропонима Мазо, известного у средневековых прусов и в Литве.

По всей вероятности, на начальной стадии становления польской народности мазовшане не были включены в этот этногенетический процесс. В XI в. Мазовия была отдельным полугосударственным образованием со своей княжеской династией. В следующем столетии она стала одной из провинций Польского государства, но в XIII—XIV вв. Мазовия вновь существует отдельно от остальной части Польши. Только в 1526 г., после прекращения княжеской линии Пястов, Мазовия окончательно вошла в состав Польши и мазовецкий диалект волился в польскую языковую общность.

Чехи

Освоение славянами Чешской долины началось в VI—VII вв. Это были племена, представленные пражско-корчакской культурой. С появлением в Среднедунайском регионе аваров славянское население пополнилось переселенцами из антской среды.

По данным Баварского географа, Козьмы Пражского — чешского хрониста начала XII в. и различных средневековых грамот, восстанавливается картина расселения славянских племен в Чешской долине накануне образования государственности (рис. 92). Верховья р. Влтавы занимали

³¹ Седов В. В. Жальники // Российская археология. 2000. № 1. С. 7—22.

³² Орел В. Э. Балтийская гидронимия и проблемы балтийского и славянского этногенеза // Советское славяноведение. 1991. № 2. С. 83—86.

дулебы. Это была оторвавшаяся группа крупного праславянского племенного образования, представленного на заре средневековья частью пражско-корчакской культуры. Ниже, по обоим берегам Влтавы расселились чехи. В Хронике Козьмы Пражского содержится рассказ о расселении на Влтаве «*pater Bohemus*» со своим родом, который и назвал эту землю своим именем. Исследователи видят в этом предание о происхождении племени чехов, идентифицируя «*pater Bohemus*» с легендарным Чехом³³. Северо-западными соседями чехов были лучане. Западные окраинные области нынешней Чехии заселяли три небольших племени — седличане, гбаны и тугошть. Севернее земли чехов размещались также весьма небольшие племена — лемузы (по р. Огрже), литомержичи и дечане (на правобережье Эльбы-Лабы). На северо-востоке от чехов проживало небольшое племя пшован, восточными соседями чехов были зличане, а за ними выше по Лабе и далее на восток до Моравии на значительной территории расселились хорваты — племя, несомненно, антского происхождения³⁴.

По материалам археологии названные племенные регионы никак не выделяются. Судя по названиям (седличане — от топонима Седлице, литомержичи — от Литомержице, дечане — от Дечин), некоторые из племен были территориальными новообразованиями. Несомненный интерес представляет соответствие области распространения курганной обрядности на юго-востоке Чехии с ареалом дулебов. Это вполне объяснимо, поскольку это племенное образование вышло из славянской этнографической группы, где рано получил распространение обычай хоронить умерших в курганах. Второй регион концентрации этой обрядности локализуется на Лабе, преимущественно в области проживания зличан, третий — в ареале мораван. Нужно полагать, что эти племена по происхождению связаны с пражско-корчакской группой славян.

В области расселения чехов и племен, соседних с ними с севера и запада, курганный обряд не получил распространения. Думается, что говорить на этом основании об антском происхождении этих племен можно лишь весьма осторожно, поскольку в Среднем Подунавье и в смежных землях имело место значительное смешение населения разных групп. Погребальными памятниками VIII—X вв. в регионе этих племен являются грунтовые могильники с трупоположениями.

³³ Novotný V. *Česky dejiny*. Díl I. Č. 1. Praha, 1912. S. 228—235.

³⁴ Turek R. *Čechy v raném středověku*. Praha, 1982; *Idem*. *Die frühmittelalterliche Stämmegebiete in Böhmen*. Praha, 1957.

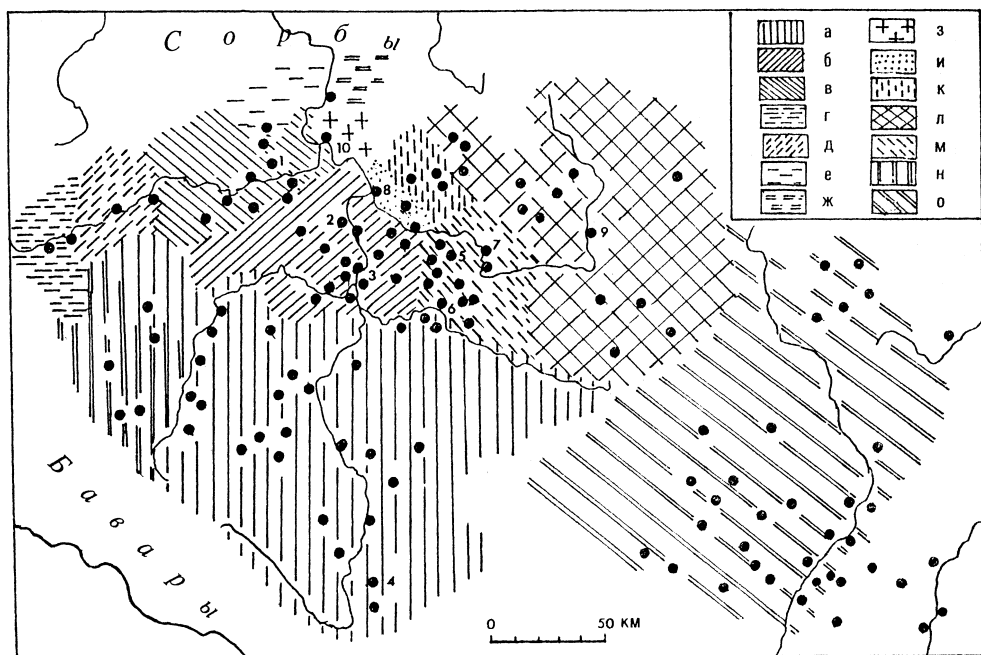

Рис. 92. Славянские племена Чехии

Ареалы: а — дулебов; б — чехов; в — лучан; г — гбанов; д — седличан; е — лемузов; ж — дечан; з — литомержечей; и — пшован; к — хорватцев; л — хорватов; м — зличан; н — тугошть; о — мораван.

Черными кружками обозначены городища VIII—X вв. (по Р. Туреку): 1 — Властислав; 2 — Либушин; 3 — Левы Градец; 4 — Прага-Град; 5 — Дудлебу; 6 — Клучев; 7 — Коуржим; 8 — Либице; 9 — Градец Кралове; 10 — Литомержице.

Один их таковых исследовался около городища Либице-над-Цидлиноу. Открыто 160 захоронений с западной ориентировкой. Две трети погребенных сопровождалась вещевыми находками — железными ножами, глиняными сосудами и украшениями. Среди последних имеются проволочные височные кольца с эсовидными и кольцевыми завершениями, гроздевидные серьги с корзиночководными и спиральными привесками, ожерелья из стеклянных и янтарных бус, проволочные и дровотые перстни. В трех захоронениях встречено оружие, в самом богатом — меч и шпоры³⁵.

³⁵ Hrdlička L. Kanin, pkr. Nymburk // Bulletin zachranného oddělení. Díl 6. Praha, 1968. S. 55—56; Justová J. Kanin, k. o. Opolany, o. Nymburk // Výzkumy v Čechách. Praha, 1969. S. 47.

Подобный грунтовой могильник раскапывался в с. Башть в районе Праги, где открыто около сотни трупоположений. Некоторые могилы на поверхности обозначались отдельными камнями по их контурам, иногда отдельные камни клались над изголовьем или в ногах. Есть могилы с каменными плитами-стелами, на которых выбиты кресты. Погребенные по сторонам обкладывались досками. Наиболее частой находкой в могилах являются глиняные сосуды. Кроме того, найдены бронзовые и серебряные височные кольца и серьги, разнотипные бусы из стекла, янтаря и цветных металлов, железные ножи и бронзовый крестик. Это было еще языческое кладбище, но некоторые из погребенных были уже крещеными³⁶.

К такому типу принадлежит могильник, исследованный около городища Будеч. Здесь также зафиксированы поверхностные обозначения могил. Коллекция украшений из этого памятника включает простые и эсоконечные височные кольца малых диаметров, серьги с привесками в виде виноградных гроздей, серьги с корзиночками и бубенчиками, провололочные перстни, пуговицы и бусы. В нескольких захоронениях встречены деревянные ведерки³⁷.

IX—X вв. датируются погребения в подобном некрополе, расположенном на территории Пражского града (в саду Лумбе на южной стороне Йиздарны), где раскопано свыше сотни погребений. Найдено большое количество золотых украшений (серьги, височные кольца, «жемчужины» в составе ожерелий, пуговицы). Среди более распространенных украшений из серебра имеются гроздевидные серьги, височные кольца, в том числе эсоконечные, ожерелья из стеклянных, металлических, янтарных, хрустальных и аметистовых бус. Нередкой находкой являются железные ножи. Оружия в погребениях нет, только в одной могиле встречены шпоры³⁸.

Такие могильники исследовались во многих других местностях Чешской долины. Безраздельно господствовал обряд трупоположения. Достаточно очевидно, что эта обрядность не связана с христианской религи-

---

³⁶ Skružný L. K některým zvláštnostem pohřebního ritu na slovanském pohřebišti v obci Bášt (o. Praha-východ) // Slované 6.—10. století. Břeclav-Pohansko 1978. Brno, 1980. S. 211—220; Sankot P. Bášt, okr. Praha-východ // Výzkumy v Čechách 1978—1979. Praha, 1982. S. 7.

³⁷ Šolle M. Slovanská pohřebiště pod Budči // PA. T. LXXII. Praha, 1981. S. 386—408.

³⁸ Smetánka Z., Hrdlička L., Blajerová M. Výskum slovanského pohřebiště za Jizdárnou na Pražském hrade // Archeologické rozhledy. XXV. Praha, 1973. S. 265—270, 369; Idem. Výskum slovanského pohřebiště za Jizdárnou Pražského hradu v r. 1973 // Archeologické rozhledy. XXVI. 1974. S. 386—405, 433—438.

ей. Одни исследователи обуславливают раннее распространение ингумаций местными условиями — восприятием славянским населением позднеантичных традиций, которые сохранялись в этом регионе, несмотря на смену этносов. Другие археологи связывают ранний переход к трупоположениям с проникновением в славянскую среду представлений, прямо или косвенно вызванных христианством³⁹.

Аналогичные грунтовые могильники в большом числе известны и в земле мораван. Они получили обстоятельное освещение в монографии Б. Достала⁴⁰.

Курганные некрополи в Чешской долине, как уже было сказано, концентрируются в двух регионах — в ареалах дулебов и зличан. Ранние курганы содержат погребения по обряду кремации умерших. В первой половине IX в. получают распространение трупоположения⁴¹. Курганных могильников с ингумациями в Чехии немного, и они не образуют компактных регионов — в IX—X вв. славянское население Чехии переходит к грунтовым захоронениям. В этот период курганный ритуал был уже реликтовым.

Одним из изученных является курганный могильник Дражички в Таборском районе. Первоначально он состоял из более 100 полусферических насыпей. Среди раскопанных имеются курганы с захоронениями остатков трупосожжений нескольких индивидуумов, датируемых по керамическому материалу VIII — первой трети IX в. Курганы с трупоположениями выделяются своими малыми размерами. Умерших хоронили в них в грунтовых ямах с широтной ориентацией. В целом захоронения безынвентарные или малоинвентарные. Только при одном детском трупоположении найдены большие эсоконечные височные кольца⁴².

Основная часть земледельческого населения Чешской долины проживала на селищах, которые остаются археологически почти не изученными. Раскопками нескольких поселений открыты лишь отдельные объекты, в основном остатки жилищ, и собран керамический материал. Так, на

---

³⁹ Krumphanzlová Z. Počátky křesťanství v Čechách ve světle archeologických pramenů // PA. LXII. 1971. S. 406—456,

⁴⁰ Dostál B. Slovanská pohřebiště ze střední doby hradištní na Moravě. Praha, 1966.

⁴¹ Turek R. Slawische Hügelgräber in Südböhmen // Fontes Archaeologici Pragenses. I. Pragae, 1958; *Idem*. Problémy slovanských mohyl v Čechách // Slavia Antiqua. T. XII. Poznań, 1965. S. 57—81; Lutovský M. Hroby předků. Praha, 1996.

⁴² Beneš A. Zachranné výzkumy slovanských mohyl v Jizních Čechách // Výběr prací členů Historického klubu při Jihočeském muzeu v Českých Budějovicích. T. 15. 1978. S. 234—235.

селище Држетовице исследованы две полуземляночные постройки и шесть зерновых ям⁴³. При раскопках поселения Енушев Уезд в районе Теплице зафиксированы следы литейного и кузнечного ремесел. Исследованиями селища Коунице выявлены следы укреплений, позволяющие говорить о том, что некоторые аграрные селения VIII—IX вв. в Чехии были защищены деревянно-глиняными стенами⁴⁴.

Сравнительно хорошо изученными являются городища, которые начиная с VIII в. строились в большом количестве (рис. 93). Кратко охарактеризую некоторые из них.

Одним из укрепленных пунктов в земле чехов было городище Будеч, расположенное в 20 км западнее Праги⁴⁵. Оно устроено на холме, занимает площадь в 22 га и членится на две части — округлый в плане град (6 га) и предградье. Раскопками выяснено, что укрепления града были первоначально сооружены на рубеже VIII и IX вв., при этом для устройства крепостной стены шириной 7 м был использован каменный вал эпохи бронзы. Последний составил внешние контуры стены, а ее внутренняя сторона выстроена из дерева. На рубеже IX и X вв. на руинах первоначальной стены строится новая шириной до 10 м. Ее лицевая сторона была выложена из песчаника, внутренняя — из бревен. Одновременно стеной, выложенной из камня с внешней стороны, укрепляется и предградье. С внутренней стороны стена была сложена из бревенчатых решетчатых конструкций, заполненных глиной. Позднее эти фортификации несколько раз обновлялись.

Городище было плотно застроено. Жилищами IX—X вв. служили подквадратные в плане полуземлянки и наземные дома срубной и столбовой конструкции. В XI—XII вв. уже безраздельно господствовали срубные строения, некоторые из которых имели фундаменты или цоколи из камней. Около многих жилищ открыты ямы-зернохранилища. В одной из них, относящейся к IX в., найдено много зерна (три четверти его составляла пшеница, четверть — рожь). Зафиксированы остатки кузнечного и костерного ремесел.

В легендах о святом Вацлаве говорится, что около 900 г. чешский князь Спитигнев (891—916 гг.) построил в Будече храм святого Петра. Его остатки

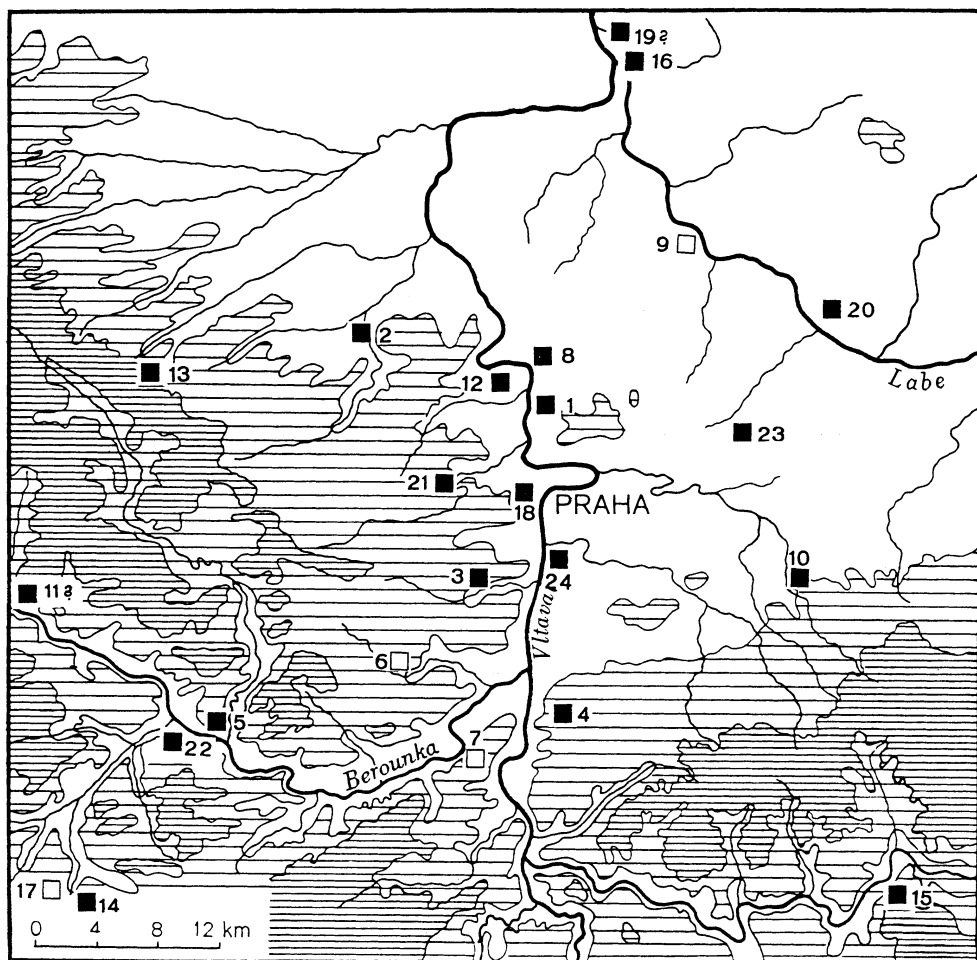
---

⁴³ Knor A. Nová hradištní sídliště na Kladensku a Slánsku // PA. T. XLVIII. 1957. S. 58—96.

⁴⁴ Kudrnač J. Slovanské výšinné sídliště v Kounicích ve vztahu k osídlení v Pošembeři // Archeologické rozhledy. XXXVI. 1984. S. 279—287.

⁴⁵ Šolle M., Váňa Z. Budeč — památník českého dávnověku. Kladno, 1983.

Рис. 93. Славянские городища Средней Чехии (по Й. Сламе)

1 — Богнице («Замка»); 2 — Будеч; 3 — Бутовице; 4 — Дольны Бжежаны; 5 — Гостин («Козел»); 6 — Хотеч («Скрабек»); 7 — Йиловиште («Гуменска»); 8 — Клецаны; 9 — Козлы; 10 — Краловице; 11 — Кживоклат; 12 — Левы Градец; 13 — Либушин; 14 — Лоховице; 15 — Лштени; 16 — Мельник; 17 — Отмиче; 18 — Прага; 19 — Пшов; 20 — Стара Болеслав; 21 — Шарка; 22 — Тетин; 23 — Винож; 24 — Вышеград.

открыты раскопками в граде. Это была ротонда с внутренними опорами и апсидой. Древнейшие погребения при ней датируются между 900 и 950 гг.

На южном краю городища исследована усадьба со срубными постройками на каменных цоколях и дорогой, вымощенной камнем. Она ограж-

дена была частоколом. Возникла усадьба в X в., но наиболее активная жизнь в ней приходится на два последующих столетия. Исследователи памятника полагают, что это — резиденция управляющего поселением.

Крупные раскопки велись на городище Либице, расположенном на р. Цидлине недалеко от ее впадения во Влтаву⁴⁶. Это укрепленное поселение зличан. Предполагается, что во второй половине X в. оно было одной из резиденций княжеского рода Славниковичей. В 995 г. поселение перешло во владения Пржемысловичей и стало кастелянским градом.

Центр поселения занимал террасный остров площадью около 10 га. Славяне освоили его уже в VI в. Раскопками изучены полуземляночные постройки с печами-каменками и очагами. Первые фортификации были возведены в конце VIII в. Это была стена, основу которой составляли бревенчатые клетки, заполненные глиной и камнями. С внутренней и внешней сторон к стене примыкали рвы. Городище имело воротный проезд, ведущий в посадскую часть поселения. Первоначально ворота были деревянными, а во второй половине X в. были выстроены из камня и завершались башней.

До присоединения городища к владениям Пржемысловичей оно было застроено наземными домами столбовой и срубной конструкции. Кроме жилищ, открыты остатки хозяйственных и производственных строений (дубильня, крытый ток, рубленые садки для рыбы), а также зерновые ямы.

С конца VIII в. функционировало предградье. В зличанский период в нем имелись строения трех типов: полуземлянки, наземные срубные дома и столбовые постройки. В северной части предградья работали железоделательные и кузнечные мастерские. В южной части исследован большой срубный дом на каменном цоколе с несколькими комнатами. Под деревянным полом выявлен водоотводный канал. Среди находок из этого строения имеется сосуд для обрядового литья воды во время богослужений и железное писало.

На городище исследовано кладбище, насчитывавшее около 300 могил. При погребенных найдены оружие, предметы снаряжения всадников и верховых коней и украшения, датируемые от последней трети IX до се-

---

⁴⁶ *Turek R.* Libice, knížeci hradíško X. věku. Praha, 1966—1968; *Idem.* Libice. Hroby na libickém vnitřním hradisku // *Sborník Národního muzea. A — Historie.* T. 32. Praha, 1978. S. 1—150; *Idem.* Libice nad Cidlinou, monumentální stavby vnitřního hradiska // *Sborník Národního muzea...* T. 35. 1981. S. 1—72; *Idem.* Slavnikovci a jejich panství. Hradec Králové, 1982; *Justová J.* Archeologický výzkum na libickém předhradí v letech 1974—1979 // *Archeologické rozhledy.* XXII. 1980. S. 241—264, 351—357.

редины XI в. Эти захоронения принадлежат дружинному сословию. Анализ вещевых материалов показывает заметное влияние великоморавского ремесла. С начала X в. в ювелирном деле фиксируется становление собственно чешского ремесла, впитавшего в себя художественно-производственные традиции Великой Моравии.

В середине X в. в восточной части городища был выстроен однефный каменный костел и двухэтажный срубный дворец, соединенные мостовым переходом. К югу от дворца размещался монетный двор, при раскопках которого открыты остатки трех литейных горнов и инвентарь ремесленника-литейщика со следами серебра и меди.

При захвате Либице Пржемысловичами поселение в сильной степени было разрушено и выгорело. Его жители переселились в окрестные села.

Много внимания чешские археологи уделяют истории Праги, где находился один из старейших градов. На территории Праги выявлено и исследовано несколько поселений пражско-корчакской культуры. Ядром развития пражской агломерации стало укрепленное поселение, возникшее в 870—890 гг. на месте будущего Пражского града. К XI в. его площадь составляла 5—6 га. В начале XII в. были возведены каменно-деревянные крепостные стены, до этого фортификационные сооружения были деревянными⁴⁷.

Важные результаты для характеристики культуры и быта населения периода становления чешской народности и государства получены раскопками городищ Стара Коуржим, датируемого от середины VIII до середины IX в.⁴⁸, Левы Градец⁴⁹, Либушин⁵⁰ в ареале чехов; Левоусы в районе Литомержице⁵¹, Градец над Йизероу в районе Млада-Болеслава⁵²

⁴⁷ Borkovský I. Pražský hrad v době přemyslovských knížat. Praha, 1969.

⁴⁸ Šolle M. Stará Kouřim a projevy velkomoravské hmotné kultury v Čechách. Praha, 1966; *Idem*. Kouřim v mladší a pozdní době hradištní // PA. T. LX. 1969. S. 1—124; *Idem*. Kouřim v průběhu věku. Praha, 1981.

⁴⁹ Borkovský I. Levý Hradec. Praha, 1965.

⁵⁰ Váňa Z., Kabát J. Libušín (Výsledky výzkumu časně středověkého hradiště v letech 1949—1952, 1956 a 1966) // PA. T. LXII. 1971. S. 179—313; Váňa Z. Přemyslovský Libušín. Historie a pověst ve světle archeologického výzkumu // Památky naší minulosti. T. 7. Praha, 1973; *Idem*. Výzkum Libušína v letech 1970 i 1971. Doplnující poznámky k postavení hradiště ve středočeské oblasti // Archeologický rozhledy. XXVII. 1985. S. 52—71.

⁵¹ Váňa Z. Slovanské hradiště v Levousích (k. o. Křesín, okr. Litoměřice) a otázka rozsa-hu luckého uzemi // Archeologický rozhledy. XXV. 1973. S. 271—288.

⁵² Kován J. Slovanské hradiště Hradec nad Jizerou a některé problémy jeho datování // PA. T. LVIII. 1967. S. 143—168.

и ряда других. Характеристика славянских городищ Чешской долины дана в книге М. Шолле⁵³, а их обзор в связи с проблемой становления государства Пржемысловичей сделан Й. Сламой⁵⁴.

В письменных памятниках IX в. имеется информация о двух политических (предгосударственных) образованиях в Чешской долине — Богемии и Хорватии. Согласно «Франкским анналам», Богемия в это время была племенным образованием, охватывавшим области Центральной и Северо-Западной Чехии⁵⁵, то есть земли чехов, лучан, седличан, гбанов, лемузов, зличан и литомержичей. Главная роль в нем принадлежала чехам. Некоторые из племен были включены в состав Богемского союза с помощью военной силы. Одним из таких эпизодов является война чехов с лучанами, о которой сообщается в Хронике Козьмы Пражского. Согласно записанному в ней преданию, во главе войска чехов стоял Честимир, лучанское войско вел их князь Влатислав. Происшедшее на Туровском поле сражение было ожесточенным. Победителями оказались чехи, которые, захватив земли лучан, разрушили их грады.

Богемия, очевидно, была довольно устойчивым племенным образованием, оказывавшим сопротивление сначала Франкской империи, неоднократно пытавшейся подчинить чешские земли своей власти, а позднее выступившим против экспансии Великоморавской державы. В условиях политического объединения и борьбы за независимость славянских племен Чешской долины началась этноязыковая консолидация их. У них, как полагают исследователи, вырабатывалось сознание общих интересов, что стало основой последующей трансформации этой общности в чешскую народность⁵⁶. В начале 70-х гг. IX в. Богемия вошла в состав Великой Моравии, но после смерти Святоплука в условиях междоусобицы между его сыновьями выделилась из нее. В 845 г. 14 старейшин племен Богемии в Регенсбурге приняли христианство.

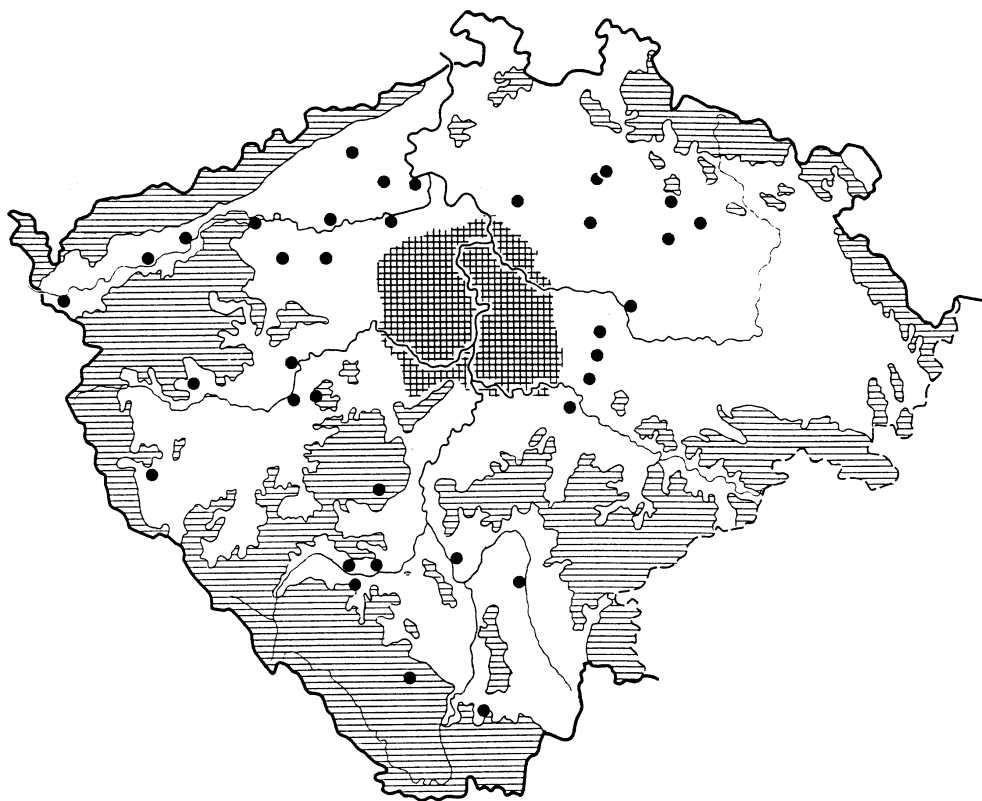
---

⁵³ Šolle M. Staroslovanské hradiško. Praha, 1984.

⁵⁴ Sláma J. Střední Čechy v raném středověku: II. Hradiště, příspěvky k jejich dějinám a významu (Praehistorica. XI). Praha, 1986; III. Archeologie o počátcích přemyslovského státu. (Praehistorica. XIV). Praha, 1988.

⁵⁵ Dobíáš J. Seit wann bilden die natürlichen Grenzen von Böhmen auch seine politische Landesgrenze // Historica. T. VII. Praha, 1963; Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 98.

⁵⁶ Wenskus R. Die slawischen Stämme in Böhmen, als ethnische Einheiten // Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit. Wiesbaden, 1967. S. 34.

Рис. 94. Чехия в конце IX — первой половине X в. (по Й. Сламе)

Клетчатой штриховкой выделен приблизительный регион первоначального владения Пржемысловичей; черными кружками обозначены городища.

В IX в. особое политическое образование составляла и Хорватия. Согласно Хронике Козьмы Пражского, Хорватское княжество занимало обширные области между Чехией и Моравией. В X в. хорватские земли уже находились в политической зависимости от пражского князя Чехии, но управлялись своими князьями из рода Славниковцев. К рубежу X—XI вв. земли стали частью территории Древнечешского государства.

Предком чешского княжеского рода, согласно легенде, был Пржемысл. Пржемысловичи были уже не племенными предводителями, а князьями всей совокупности племен, составляющих население Чехии. На рубеже IX и X вв. Пржемысловичи и дружинное сословие приняли христианскую религию, которая вскоре распространилась по всей территории, подвластной им.

Процесс становления Древнечешской государственности по данным археологии прослежен Й. Сламой⁵⁷. На основе анализа материалов городищ он выделил коренной домен Пржемысловичей с восьмью градами во главе с Пражским, который соответствовал в общих чертах племенному ареалу чехов, и продемонстрировал распространение власти Пржемысловичей в конце IX — первой трети X в. на территориях других чешских племен (рис. 94). Крупные грады становятся административными центрами Древнечешского государства. Все земли объединяются под центральным управлением чешского князя с главной резиденцией в Праге. Активизировался процесс стирания племенных традиций, и постепенно прежняя племенная структура окончательно сходит со сцены. К началу XI в. держава Пржемысловичей превратилась в более или менее однородный социальный и этноязыковой организм.

В этих условиях начался процесс формирования древнечешской народности. Наряду с понятием чехи — одно из славянских племен — появляется понятие о чехах как славянской общности всей Чешской долины. Постепенно первое понятие сходит со сцены, и чехами стало именоваться все население Древнечешского государства. Существенную роль в этом процессе играли грады, население которых формировалось теперь из разных регионов Чехии. Развитие ремесленной деятельности вело к формированию единого культурного пространства. Немалое значение в стирании племенных традиций имели и внутренние миграции. Населением осваиваются новые земли, все подходящие для земледелия области. В конце IX—X в. наблюдается заметный рост сельских поселений и процесс уплотнения поселенческой структуры.

Начальный этап становления чешского этноса определяется концом X в., то есть моментом полного объединения земель Чешской долины под властью Пржемысловичей. Процесс интеграции населения в единый этнос, как показывают исторические данные, в это время еще находился в зачаточном состоянии⁵⁸. Этническое самосознание чехов как особой общности впервые фиксируется в хрониках XII в.⁵⁹, но восходит, по-видимому, к предшествующему столетию.

---

⁵⁷ Sláma J. Střední Čechy v raném středověku: III. Archeologie o počtcích... S. 71—84.

⁵⁸ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 140.

⁵⁹ Флоря Б. Н. Этническое самосознание чешской феодальной народности в XII — начале XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 182—216.

Первые свидетельства о становлении древнечешского языка содержатся в памятниках старославянского языка моравского извода X—XII вв. и в латинских грамотах и сочинениях XI—XIII вв. Первые фонетические явления, характерные для чешского языка, относятся к X в., а основные фонетические процессы были завершены к началу XV в.⁶⁰

Словаки

Первые славяне расселились в северо-восточной части Словакии в римское время. Их памятниками являются поселения прешовской культуры. В V—VII вв. уже вся территория Словакии была освоена славянами, принадлежавшими пражско-корчакской этнографической группе⁶¹. Дополнительных серьезных притоков славянского населения здесь не было. Расселение аваров и пришедших с ними антов в Среднем Подунавье затронуло только юго-западные окраины Словакии. На основании археологических материалов и исторических свидетельств можно достаточно определенно утверждать, что словаки являются в основном прямыми потомками раннесредневековых славян пражско-корчакской группы. Исторический континуитет между носителями пражско-корчакской культуры и населением Великоморавского государства вне всякого сомнения.

И это полностью соответствует данным языкознания. В лингвистической литературе получило признание положение о непосредственных праславянских корнях словацкого языка, о западнославянском характере его праславянской основы⁶².

Славяне, заселившие земли Словакии в V—VI вв., пережили аварское господство и в великоморавский период образовали Нитранское княжество.

В VII—VIII вв. постепенно менялась экономическая и социальная структуры славянского населения рассматриваемой территории. Прояв-

---

⁶⁰ *Travníček F.* Historická mluvnice československá. Praha, 1935; *Havránek B., Jedlička A.* Česká mluvnice. Praha, 1970; *Широкова А. Г.* Чешский язык. М., 1961; *Нещименко Г. П.* Языковая ситуация в Чехии в XII—XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 216—232; *Mluvnice češtiny*. 1—3. Praha, 1986—1988.

⁶¹ *Fusek G.* Slovensko vo včasnოსlovenskom období. Nitra, 1994.

⁶² *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka. I—V. Bratislava, 1967—1973; *Krajčovič R.* Slovenčina a slovanské jazyky. I. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava, 1974; *Novák L.* K najstarším dejinám slovenského jazyka. Bratislava, 1980.

лением этих перемен являются городища, возникающие в конце VIII в. В следующем столетии число их заметно возрастает, и они приобретают все большее и большее значение в историческом развитии. Наибольший интерес среди ранних укрепленных центров Словакии представляют Нитра и Девин.

В округе Девина выявлена целая система городищ. Центральное городище при слиянии Дуная и Моравы охранялось городищами («На песках», «Над каменоломней»), устроенными на южном откосе всхолмления Девинская Кобыла. На первом городище исследованы валы с деревянными (срубными и решетчатыми) конструкциями и каменной стеной с внешней стороны. Перед валом находился ров.

Раскопки Девина показали, что славяне начали осваивать его в VIII в. В слоях IX — начала X в. открыт целый ряд срубных жилищ, в том числе полуземлянок, с богатыми вещевыми материалами. Крепостные сооружения этого времени были уничтожены при последующих возведениях фортификаций. Сохранились лишь остатки вала в северной части поселения, который был насыпан еще в римское время, а славяне его укрепили деревянными конструкциями. В юго-восточной части городища были открыты фундаменты великоморавской церкви второй половины IX в., сложенной из камня и украшенной полихромной живописью. Вблизи нее исследованы могилы с богатым инвентарем (серьги, ожерелья из бус, шпоры, пряжки, кресала, пуговицы и др.).

После распада Великоморавской державы жизнь в Девине не была прервана. При городище исследовано поселение с жилыми постройками, образующими улицу⁶³.

Регион Нитры был плотно заселен славянами в VI—VII вв., к этому времени относится и возникновение этого поселения. Остатками княжеского града Прибины является городище с валами и рвами, устроенное на возвышенной местности у подножия горы Забор. Раскопками града открыты остатки церковной постройки, в укрепленном предградьи зафиксированы следы активной ремесленной деятельности (железоделание, кузнечное и бронзолитейное дело, изготовление костяных гребней и жерновов). Раскопочными работами на Штуровой улице открыты стеклоделательные печи, на Лупке — гончарные горны⁶⁴.

⁶³ Plachá V., Hlavicová J., Keller I. Slovanský Devín. Bratislava, 1990.

⁶⁴ Chropovský B. Das frühmittelalterliche Nitra // Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1974. S. 159—175; *Idem*. Nitra. Archeologický výskum slovansky lokalit. Nitra, 1975.

Нитра и Девин IX—X вв. можно рассматривать как раннегородские поселения. В IX в. селения с укреплениями и развивающими ремеслами появились и в других местах юго-западной Словакии. Наличие крупных укрепленных поселений, расчлененных на грады и предграды, в которых концентрировался ремесленно-торговый люд, свидетельствует о глубокой социальной дифференциации славянского общества. Об этом же говорят материалы синхронных могильников. Очевидно, население рассматриваемой области достигло сравнительно высокого культурного и социально-политического развития и было способно создать свое государство — Нитранское княжество.

В зальцбургском трактате «Обращение баваров и карантанцев», составленном в 870—871 гг., рассказывается о князе Прибине, в состав владений которого входила Нитра. Сообщается, что в этом граде Прибины был построен христианский храм, который был освящен зальцбургским архиепископом Адальрамом (824—836 гг.). В 30-х гг. IX в. Прибина был изгнан из своих владений Моймиром — «князем мораван над Дунаем». При этом многие укрепления, воздвигнутые при Прибине, были разрушены⁶⁵.

Моймир I (умер около 846 г.) — первый крупный политический деятель Великоморавской державы, территория которой в его время охватывала Моравию и значительную часть современной Словакии.

Некоторые исследователи полагают, что Моймир, разгромив нитранского князя и распространив политическую власть на земли Словакии, не смог завершить процесс государственной унификации на всей территории Великой Моравии. В течение всей истории этой державы существовал определенный дуализм: словацкие земли развивались в некоторой степени независимо, сохраняя и приумножая традиции прибиновского княжества. К этому времени и восходит начальный процесс становления словацкого общества⁶⁶.

Период, когда земли Словакии входили в состав территории Великоморавского государства, был временем расцвета экономики и культуры. Быстро развивались кузнечное и ювелирное ремесла, в том числе изготовление различных орудий труда и оружия с применением сварки стали с железом, закалки и других технологических приемов, предметов из цветных металлов с использованием многообразных приемов ювелирной техники. Получает дальнейшее развитие сельское хозяйство, строятся

⁶⁵ Magnae Moraviae Fontes Historici. T. III. Brno, 1970. P. 310—312.

⁶⁶ Krajčovič R. Jazyk na Vel'kej Moravě a jeho kontinuita so slovincinou // Historický časopis. Bratislava, 1985. N 2. S. 293—304.

крепости, административные и религиозные центры. Христианская религия объединяет население Великоморавской державы в духовном отношении.

Ряд косвенных данных позволил исследователям высказать предположение, что в Моравии имели место процессы формирования нового этноса и становления этнического самосознания великоморавской народности⁶⁷. Это маловероятно, поскольку территория Великоморавской державы не была стабильной, а само государство просуществовало весьма непродолжительное время. Наибольшего расцвета политическая жизнь ее достигла при Святоплуке (870—894 гг.). Его власть распространялась на земли от верховьев Эльбы на западе и на всю Словакию до Тисы на востоке. На юге в составе Великой Моравии оказались и паннонские области вплоть до низовьев Дравы, на севере — регион верхней Вислы. В самом начале X в. Великоморавское государство оказалось в кризисной ситуации, не выдержало натиска венгров и прекратило свое существование. Административные и культурные центры его быстро зачахли, отдельные области Великой Моравии оказались в неодинаковых исторических условиях.

Славянское население территории Великоморавской державы, сложившееся на основе различных племенных групп, не было единым, различные регионы ее имели неодинаковое развитие в диалектном отношении. Одним из таких регионов была область Словакии, заселенная славянами пражско-корчакской группы, в меньшей степени, чем другие дунайские области, затронутая какими-либо этническими инфильтрациями. Здесь в пределах земель Нитранского княжества и мог развиваться диалект, который после падения Великоморавского государства и стал основой словацкого языка.

Археологическое изучение средневековой деревни Словакии отчетливо показывает полную преемственность ее сельского населения с великоморавским. Об этом отчетливо свидетельствуют и заселенность местности, и тождественность форм поселений, и одинаковость жизни и быта земледельцев X—XV вв.⁶⁸ Исторический континуитет с Великой Моравией проявляется и в других элементах материальной и духовной культуры⁶⁹.

---

⁶⁷ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 82—96.

⁶⁸ *Habovštiak A. Stredoveká dedina na Slovensku*. Bratislava, 1985.

⁶⁹ *Ruttkay A. Problematik der historischen Entwicklung im Gebiet der Slowakei im 10.—13. Jahrhundert aus der Sicht der archäologischen Forschung // Grossmähren und die Anfänge der tschechoslowakischen Staatlichkeit*. Praha, 1986. S. 159—244.

Иностранцы, побывавшие в Словакии в XII—XIII вв., отметили, что среди народа бытует традиция Святоплука. В народных песнях она сохранялась до XVI в. Подчеркивая, что словаки только сравнительно небольшое время имели свою государственность (Нитранское княжество, вошедшее в Великую Моравию) и потом почти тысячу лет жили в составе Венгерского королевства, то есть не имели ни территориальной, ни культурной, ни политической автономии, тем не менее сохранили свой язык и этнос, словацкий историк М. Кучера объясняет это тем, что словацкая народность сформировалась в великоморавский период⁷⁰.

Данные языкознания показывают, что еще в период до X в. в среде славянского населения коренного ареала Великой Моравии (Моравия и Словакия) появились определенные различия, ставшие позднее характерными признаками чешской и словацкой языковой области⁷¹. Эти изоглоссные явления на территории Словакии и стали основой последующего оформления словацкого языка. Первоначально, по-видимому, сложился макродialekt позднепраславянского языка с некоторыми особенностями, свойственными словацкому языку. Этот процесс протекал в условиях Венгерского государства. Данные языкознания позволяют говорить о развитии народно-разговорного словацкого языка в XI—XV вв.⁷²

Лужичане и сербы/сорбы

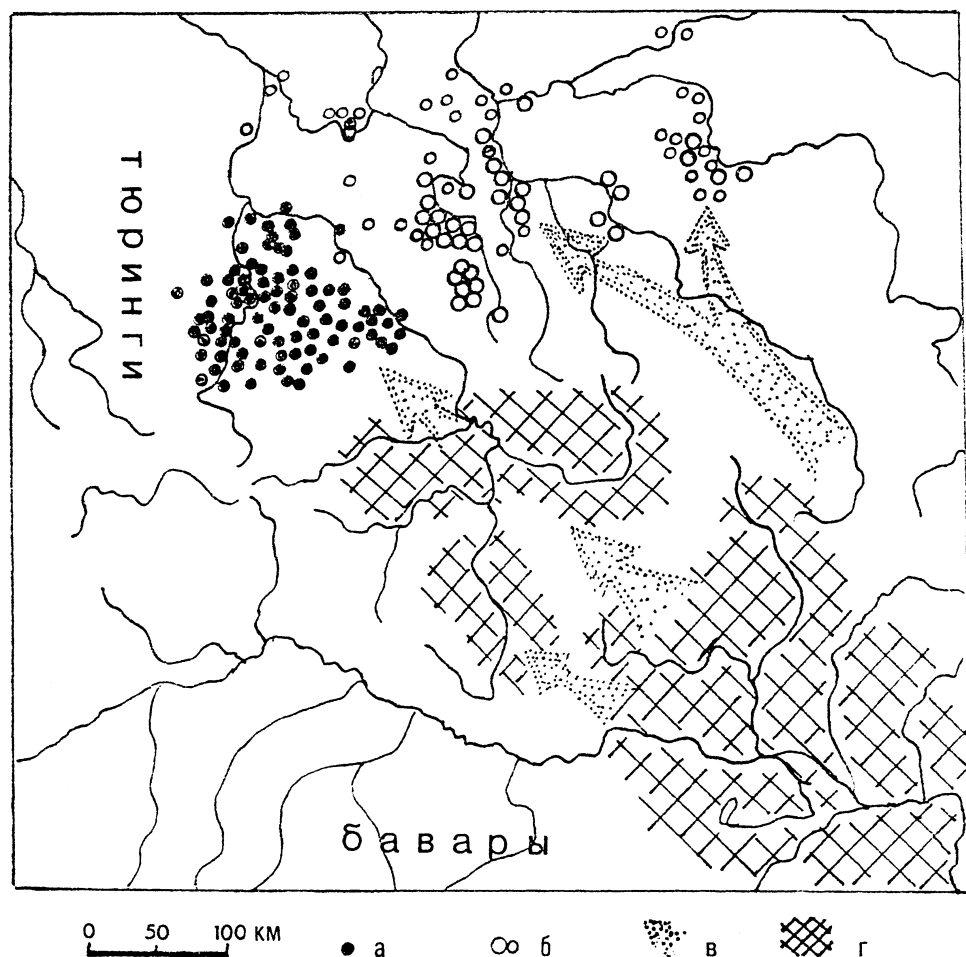
Земли бассейна среднего течения Эльбы в VI в. были заселены славянами пражско-корчакской группы, а соседние области среднего течения Одера занимали племена суковско-дзедзицкой культуры. В VII в. в ре-

---

⁷⁰ Kučera M. Grossmähren und die slowakische Geschichte // Grossmähren und Anfänge der tschechoslowakischen Staatlichkeit. Praha, 1986. S. 280—310; Кучера М. К началу исторического самосознания словаков // XII Międzynarodowy kongres slawistów. Kraków 27 VIII — 2 IX 1998. Streszczenia referatów i komunikatów. Literaturoznawstwo. Folklorystyka. Nauka o kulturze. Warszawa, 1998. S. 227.

⁷¹ Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963. S. 58—159; Krajčovič R. Slovenčina a slovanske jazyky... S. 63—98.

⁷² Смирнов А. Н. Этническое самосознание словаков в свете лингвистических данных // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 245—255. Автор разделяет мнение А. Эрхарта о том, что определяющую роль в становлении словацкого языка имели экстралингвистические факторы, то есть вхождение земель, заселенных предками словаков, в состав Венгерского королевства. См. также: Виноградова А. И., Мельников Г. П., Шушагин В. П. К проблеме становления этнического самосознания словаков // Там же. С. 233—244.

Рис. 95. Расселение славян серболоужицкой группы

а — поселения с рюсенской керамикой; **б** — поселения с торновской керамикой (крупные значки — городища; малые — селища); **в** — направления миграции славян рюсенской и торновской групп; **г** — область распространения дунайской керамики.

гионе Шпрее—Хавель и смежных областях бассейна Одера расселяются новые группы славян, представленные торновскими древностями (рис. 95). При этом прежние жители не покинули мест своего обитания.

На первых порах вновь прибывшие славяне селились изолированно — на небольших городищах с довольно мощными оборонительными конструкциями.

Одним из характерных поселений является полностью раскопанное городище в Торнове в бассейне Шпрее⁷³. Исследователями его выделено два строительных горизонта. Городище А (нижний слой) имело кольцеобразный вал (до 9 м высоты) с внутренними деревянными решеткообразными конструкциями крюкового крепления. С внешней стороны к валу примыкал ров, с внутренней — хозяйственные срубные постройки. На внутренней площадке городища открыты остатки строения размером 5 x 2,2 м, стены которого выполнены в столбовой технике. Здесь же находились колодец и зерновая яма. В ней и среди остатков постройки у ворот обнаружено большое количество зерна (рожь, пшеница и ячмень). В культурном слое помимо керамического материала найдены железная сковорода, наконечник стрелы, а также каменные жернова.

Подобную планировку имело и раннее городище в Форберге, находящееся в том же регионе. Вещевые находки и некоторые другие моменты позволили Й. Геррманну датировать нижние культурные отложения этого памятника VII—VIII вв. Как и Торновское городище, оно погибло в результате пожара.

На руинах раннего поселения в Торнове было выстроено новое городище (Б). Его защищали мощный кольцевой вал высотой 10—14 м и ров шириной 5—8 м. При сооружении вала использовались отчасти старые конструкции, а на вершине и у основания со стороны рва были возведены дополнительные сооружения из вертикальных столбов и срубов. Для входа, как и на городище А, в валу был прорезан тунелеобразный коридор шириной 1,5—1,6 м. С внутренней стороны склоны вала были выложены камнем, к ним вплотную примыкала кольцевая постройка, разделенная на 19 секций. Она выстроена из бревен срубной техники, комбинированной с вертикальными столбами. Три секции постройки были жилыми, остальные служили амбарами для хранения продовольственных припасов. В последних находились глиняные ванны и деревянные ящики, заполненные обугленным зерном, сгоревшим вместе с поселением. В слое IX в. на городище обнаружено свыше 100 жерновов, глиняные пряслица, два железных серпа, два топора и поясные принадлежности.

В срединной части городища располагалась постройка, имеющая два помещения. Первое, размером 4 x 0,7—1,2 м, выстроено из горизонтально положенных брусев, которые удерживались стояками, пол был глинобитным. Вторая камера — сруб размером около 2 x 1,2 м.

---

⁷³ Herrmann J. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz. Berlin, 1966.

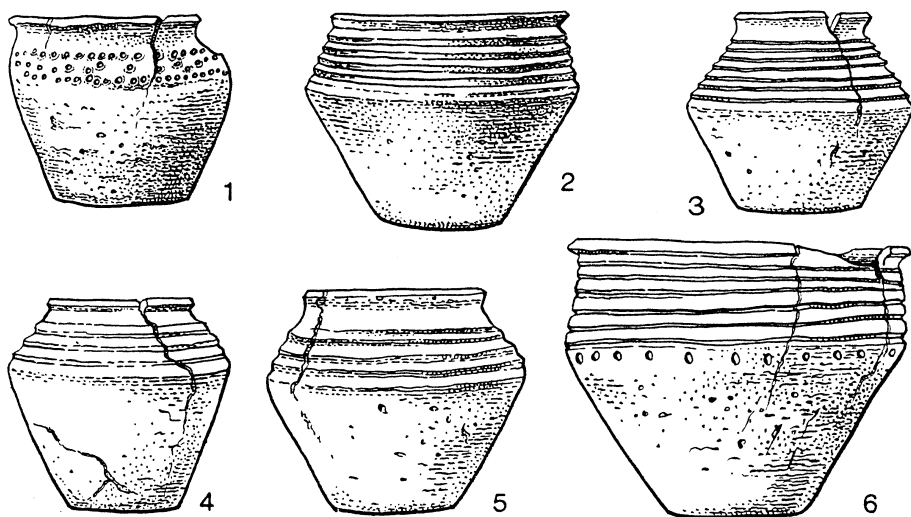

Рис. 96. Керамика из поселения Торнов

Примерно такое же строение имело и городище Б в Форбурге. В отличие от Торновского, сгоревшего в IX в., оно функционировало и в X в. За его валами на всхолмлении располагалась неукрепленная часть поселения размером 100 x 80—90 м. При раскопках здесь открыты многочисленные ямы от столбовых построек, собрано большое количество фрагментов керамики того же облика, что и на городищах.

Глиняная посуда торновской культуры изготавливалась на гончарном круге (рис. 96). Наиболее распространенными были горшки хорошо выраженной биконической формы. Выше перелома на сосудах располагался орнаментальный пояс из нескольких рельефных полос — пластических валиков, а также волнистые и линейные узоры, наколы и штампы. Эта посуда является одним из важнейших маркеров торновских древностей. Кроме того, на поселениях этой культуры встречаются высокие сосуды с резким, угловатым изгибом плеч и горшки с плавным профилем, которые орнаментировались волнистыми и линейными узорами, пересекающимися линиями, прочерченными крестиками и черточками.

Появление торновской керамики в рассматриваемом регионе определяется первой половиной VII в.⁷⁴, широко бытовала она в течение VII и VIII столетий и в небольшом количестве использовалась и в IX—X вв.

⁷⁴ Herrmann J. Die germanische und slawische Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow, Kr. Calau. Berlin, 1973. S. 13, 64—73, 167, 265; Hinczlerówna Z. Dorzecze

На первых порах торновская керамика была характерна для жителей городищ, а обитатели окрестных селищ пользовались лепной посудой, продолжавшей традиции пражско-корчакской и суковско-дзедзицкой культур. Такая же керамика встречена и в нижних горизонтах напластований некоторых городищ (Столпе, Визенау, Лоссов, Вильдберг и другие).

В результате взаимодействия и метисации местных и пришлых славян в самом конце VII в. и особенно в VIII в. происходят существенные изменения в эволюции лепной керамики. Ее формы становятся более многообразными, распространяются орнаментальные мотивы, воспринятые от торновской посуды. Эта керамика именуется археологами псевдоменкендорфской. Параллельно на многих неукрепленных поселениях появляется и собственно торновская посуда, которая к началу IX в. вытесняет лепную. Лишь в отдельных местах в небольшом количестве изготавливались лепные сосуды, но они уже имели торновский облик.

К этому времени стандартизируется и домостроительство. Если в ранний период рассматриваемый регион отличался разнотипностью жилищ (постройки столбовой конструкции на городищах, углубленные дома на селищах, строения с углублениями, характерные для суковско-дзедзицких памятников), то теперь доминировали наземные дома столбовой конструкции.

Земледелие у славян торновской группы находилось на более высоком уровне, чем у ранее осевших. При исследовании зерновых материалов из городища Торнов удалось выявить 73 разнохарактерных комплекса, принадлежащих урожаю одного года, но различным полям и усадьбам. Их тщательное изучение совместно с анализами сорняков, содержащихся в комплексах, дало основание исследователям утверждать, что в торновском ареале на пашенных участках имела место определенная сменяемость зерновых культур, то есть севооборот.

Есть основания полагать, что в рассматриваемом регионе в IX в. появились ремесленные поселения с мастерскими по изготовлению железных изделий и украшений из цветных металлов.

Погребальные памятники торновской культуры пока не выявлены.

Славяне торновской группы надежно отождествлены немецкими исследователями с лужичанами. Они заселяли историческую область Лужицу⁷⁵.

---

górnjej i środkowej Odry od VI do początków XI wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. S. 76—78.

⁷⁵ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawische Stämme zwischen Elbe und Oder/Neisse. Berlin, 1968. S. 51—52.

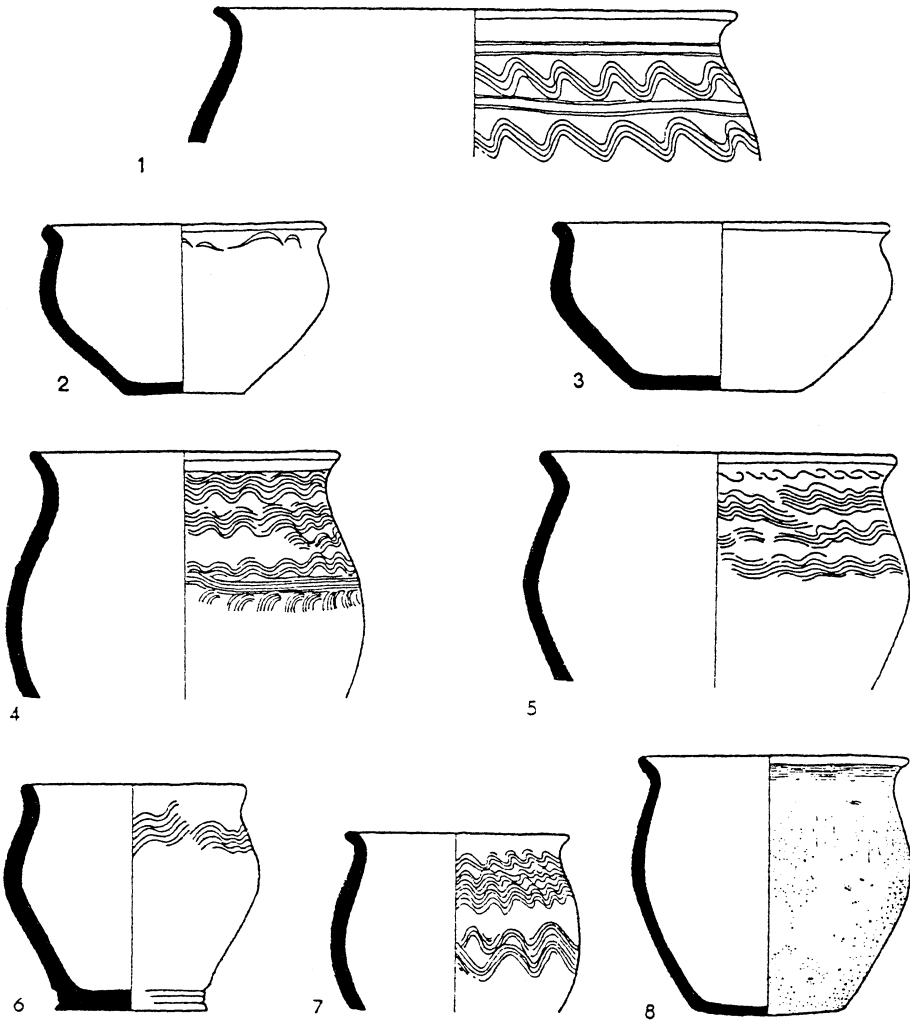

Рис. 97. Керамика рюсенского типа

Истоки торновской керамики обнаруживаются в культурах римского времени и периода переселения народов Силезии, в том числе в памятниках добродзеньской группы⁷⁶. При сопоставлении торновской биконической посуды и керамики позднеримского времени Силезии выявляется

⁷⁶ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse... S. 73. Некоторые сомнения в преемственности торновских и силезских древностей обусловлены хронологическим разрывом между ними.

сходство не только в формах сосудов, но и в деталях орнаментации. И там и тут однотипны пластические валики, штампованные и накольчатые узоры. Наземные постройки столбовой конструкции также были привнесены в Лужицу переселенцами из Силезии, где такой тип жилищ был весьма характерен для поселений римского времени.

Импульсом перемещения группы славян из Силезии в Лужицу, по всей вероятности, стало появление в Среднедунайском регионе новых масс населения, ведомого аварскими ордами.

Междуречье Эльбы и Заале, примыкающее к торновскому ареалу с юго-запада, в VI в. было заселено славянами пражско-корчакской группы. В самом начале VII в. в этом регионе появляются новые массы славянских переселенцев, по своему культурному облику заметно отличающиеся от пражско-корчакских. Памятники вновь пришедшего населения характеризуются прежде всего керамикой, именуемой рюсенской (рис. 97). Это одна из групп серой керамики дунайского типа, изготавливаемой на гончарном круге.

Рюсенская посуда представлена в основном невысокими горшками, хорошо профилированными, обычно обильно украшенными линейными и волнистыми узорами⁷⁷. Одновременно с этой керамикой в Эльбо-Заальском регионе получают распространение поселения нового типа — городища с оборонительными стенами, сложенными насухо из камня и имеющими сверху деревянные сооружения в виде палисадов, решетчатых или ящичных конструкций. Зафиксированы и защитные стены, сложенные из кирпича.

Возведение на поселениях оборонительных стен сухой каменной кладки с деревянным верхом восходит к античной традиции, воспринятой в начале средневековья славянским населением, осевшим в западных землях Среднего Подунавья⁷⁸. Такие городища известны среди славян Чехии и Приальпийской зоны. Очевидно, оттуда в начале VII в. и переселилась какая-то группа населения в Эльбо-Заальскую область. Дунайская керамика сложилась в Среднем Подунавье также под воздействием местного позднеримского гончарства.

Городища рюсенских славян имеют форбурги, что также сближает их с поселениями западных окраин Среднего Подунавья. К числу наиболее

---

⁷⁷ Brachmann H. Slawische Stämme an Elbe und Saale. Berlin, 1978. S. 95—105.

⁷⁸ Herrmann J. Gemeinsamkeiten und Unterschiede im Burgenau der slawischen Stämme westlich der Oder // Zeitschrift für Archäologie. I. Berlin, 1967. S. 206—258; Brachmann H. Slawische Stämme... S. 152—155.

известных памятников рассматриваемого региона принадлежат городища Фихтенберг, Кезитц, Кезигесбурх, Гана, Альтенплатхов и др.⁷⁹

С расселением рюсенских славян в междуречье Эльбы и Заале распространяется обряд трупоположения. Захоронения по обряду кремации, свойственные пражско-корчацким славянам, бытовали в течение всего VII в., но параллельно с ним умерших хоронили по обряду ингумации, и этот ритуал постепенно вытеснил прежний.

В последующие столетия в ареале рюсенских древностей прослеживается эволюционное развитие культуры (через стадию типа *Rotha* рюсенская керамика трансформируется в типичную «позднеславянскую», отчетливо выделяющуюся среди соседних германских форм сосудов), свидетельствуя о преемственности населения.

Рюсенская группа славян надежно идентифицируется с сербами/сорбами⁸⁰, упомянутыми впервые в исторических памятниках под 631 г. как племенная общность славян, предводительствуемая князем⁸¹. Письменные документы локализуют сорбов между Заале и Эльбой, и это находит надежное подтверждение в материалах топонимики⁸².

Согласно археологическим данным, носители рюсенских древностей — сорбы были переселенцами из более южных, Западнодунайских земель; языковые материалы также указывают на переселение сорбов из южных регионов⁸³.

---

⁷⁹ Wetzel G. Der slawische Burgwall Fichtenberg bei Muhlberg // *Ausgrabungen und Funde*. N 22. Berlin, 1977. S. 76—86; Schneider J. Die Burg Plote. Genthin, 1979; Brachmann H. Einige Bemerkungen zum Befestigungsbau der sorbischen Stämme // *Slované* 6.—10. století. Brno, 1980. S. 41—48.

⁸⁰ Brachmann H. Slawische Stämme... S. 91—95, 247; *Idem*. Historische und kulturelle Bezeichnungen der Sorben zu Böhmen und Mähren // *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave*. T. 1. Bratislava, 1979. S. 117—124.

⁸¹ Krusch B. *Fredegarii et aliorum chronica*. Hannover, 1988. P. 99.

⁸² Muka E. Die Grenzen des serbischen Sprachgebietes in alter Zeit // *Archiv für slawische Philologie*. Bd. XXVI. S. 543; Eichler E. Ergebnisse der Namengeographie im altsorbischen Sprachgebiet // *Materialien zum slawischen onomastischen Atlas*. Berlin, 1964. S. 13—78; *Idem*. Die Gliederung des altsorbischen Sprachgebietes im Lichte der Namensforschung. Bautzen, 1967; Strzelczyk J. Der slawische Faktor im Licht schriftlicher Quellen der Geschichte Mitteldeutschlands vom 6. bis 8. Jahrhundert // *Lětopis Instituta za serbski ludospyt*. Rjad B. XXVII—2. Bautzen, 1980. S. 135—148.

⁸³ Eichler E. Zur Herkunft der Slawen im Elbe-Saale-Gebiet: I. Tschechisch-sorbische Parallelen in der Toponomastik // *Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege*. Bd. 13. Berlin, 1964. S. 265—293.

Из письменных памятников определяется, что первоначально племя сербы/сорбы обитало на р. Мульде, но очень скоро этот этноним распространился на все славянство междуречья Эльбы и Заале. Нужно полагать, что сорбы создали какое-то племенное формирование. В его составе были долеминцы, колодичи, сиуслы, житичи, худичи, нелетичи, нуджичи и другие. По мнению В. Шлезингера, некоторые из них были территориальными новообразованиями, получившими имена от мест своего проживания⁸⁴.

В IX в. территория сорбского союза племен расширяется, в него вошла и часть земель лужичан. В результате этноним сорбы распространяется на восток вплоть до среднего течения Одера⁸⁵. В письменных памятниках этого времени сорбы/сербы — совокупность многих славянских племен, вошедших в состав политического объединения. Территория его членилась на несколько племенных регионов, которые, в свою очередь, состояли из «градских округов», группирующихся вокруг градов. Всего в племенном союзе сорбов было 50 округов⁸⁶. Под 806 г. в источниках называется князь Милидух, объединявший под своей властью все сорбские племена.

Начиная с VII в. из междуречья Эльбы и Заале славяне относительно небольшими группами мирно расселялись на запад, оседая в Тюрингии среди немецкого населения. Здесь известны находки пражско-корчакской и рюсенской культур⁸⁷. Проживание славян в Тюрингии сравнительно хорошо документировано археологическими материалами начиная с IX в.⁸⁸ О широком расселении славян в этой земле говорят пись-

---

⁸⁴ *Schlesinger W.* Die Verfassung der Sorben // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giesen, 1960. S. 9.

⁸⁵ *Herrmann J.* Die Lusizi im frühen Mittelalter. Ergebnisse und Fragen der Forschung zur Herkunft, Ökonomie und Gesellschaftsstruktur // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Rjad B. XXI—1. Bautzen, 1975. S. 100—113ю

⁸⁶ *Horak B., Travníček D.* Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii // Rozprawy Československej Akademie věd. R. 66—2. Praha, 1956. S. 9.

⁸⁷ *Vogt H.-J.* Zur frühslawischen Besiedlung des Elbe-Saale-Gebiet // Berichte über den II. Internationalen Kongress für slawische Archäologie. Bd. II. Berlin, 1973. S. 395—404; *Dušek S.* Geschichte und Kultur der Slawen in Thüringen. Weimar, 1983. S. 13—19.

⁸⁸ *Rempel H.* Die sorbische Keramik in Thüringen // Prähistorische Zeitschrift. Bd. Berlin, 1959. S. 175—186; *Timpel W.* Neue archäologische Untersuchungen im westsaalischen Thüringen zum Umfang und zur Grenze der slawischen Besiedlung im mittelalterlichen deutschen Feudalstaat // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. T. I. Bratislava, 1979. S. 333—340; *Dušek S.* Geschichte und Kultur der Slawen...;

менные документы IX—XIII вв. В XII в. в отдельных местностях удельный вес славянских жителей достигал 37%. Славяне оставили мощный пласт в топонимике этого края⁸⁹.

Взаимоотношения славян с местным населением Тюрингии были мирными. Славяне селились поблизости от франко-германских поселений или подселялись в уже существующие деревни. С VIII в. эти славяне стали подданными франко-германского государства, но, как свидетельствуют археологические материалы, сохранили свою материальную культуру вплоть до XII—XIII вв. В XIII в. началась их культурная и этноязыковая ассимиляция.

Основой экономической жизни славян Эльбо-Заальского региона было земледелие. Область характеризуется плодородными моренными и лессовыми почвами и развитой водной системой, что благоприятствовало развитию земледелия. Сельское население ее было довольно многочисленным. Крупные и малые грады в большом числе известны на всей территории сорбов. Они были резиденциями племенной знати разных уровней и убежищами, куда в моменты опасности собирались окрестные жители.

Естественно, что этот плодородный и плотно заселенный край постоянно привлекал франкских феодалов. Судя по Хронике Фредегара, земля сорбов уже в 30-х гг. VII в. была в даннических отношениях с франками. Когда сложилось государство Само, сорбы во главе с князем Дерванусом вошли в его состав, освободившись из-под господства франков. Историческое наступление на земли сорбов начал в 782 г. франкский король Карл Великий. Сорбы отчаянно сопротивлялись. Даже после гибели в сражениях 805—806 гг. их вождя Милидуха Сорбского племенной союз продолжал сдерживать мощные натиски Франкского, позднее Восточно-Франкского государства. Исторические документы зафиксировали 14 крупных войн франков против сорбов. Последние не только отражали вторжения франкских войск, но иногда переходили в наступление, вторгаясь в земли противника и опустошая их. Но силы все же были неравными, и в начале X в. Сорбский союз не смог выдержать напора Немецкого госу-

---

Душек З. Германо-славянские контакты в средневековой Тюрингии // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 58—61.

⁸⁹ Walther H. Namenkundliche Beiträge zur Siedlungsgeschichte des Saale- und Mittel-elbegebietes bis zum Ende des 9. Jahrhunderts. Berlin, 1971; Eichler E. Ergebnisse der Namenforschung im deutsch-slavischem Berührungsbereich // Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. Bd. 122. H. 5. Berlin, 1982.

дарства и сошел с исторической сцены. Подвластными немцам оказались и лужичане.

По мере порабощения серболужицкого населения их земли стали заселяться немецкими колонистами. Строились немецкие города, в которых славяне могли селиться лишь на окраинах. Военно-административное и церковное управление целиком находилось в руках колонистов. Началась германизация славянского населения. Процесс становления зарождающихся этносов сорбов и лужичан был прерван. Только часть их сумела сохранить свои языковые и этнографические особенности. Еще в 20-х гг. XX в. в Германии проживало около 150 тысяч серболужичан, имевших свои школы на родном языке, свою литературу и публицистику, свои культурно-просветительные учреждения.

Сохранившийся до XX в. серболужицкий язык имеет два значительно отличающихся друг от друга диалекта — верхнелужицкий и нижнелужицкий. Их глубокие различия проявляются и в фонетике, и в морфологии, и в лексике⁹⁰.

Нижнелужицкий диалект локализуется в ареале торновской культуры и, следовательно, восходит к говорам средневековых лужичан, поскольку каких-либо перемещений славянского населения в этом регионе позднее не наблюдалось. Верхнелужицкий диалект территориально связан с ареалом рюсенской культуры, что дает основание рассматривать его как наследие говоров средневековых сорбских племен.

Мысль, высказываемая некоторыми лингвистами, о первоначальном бытовании единого серболужицкого языка, который впоследствии дифференцировался на два больших диалекта, не находит подтверждения в историко-археологических материалах. Последние свидетельствуют о существовании в раннем средневековье в Эльбо-Заальском регионе двух самостоятельных этнокультурных групп (торновской и рюсенской) различного происхождения, говоры которых и могли стать основой соответственно нижнелужицкого и верхнелужицкого диалектов. Этноним сербы, как уже отмечалось, имеет антское начало и восходит к славяно-иранскому симбиозу римского времени. В связи с этим становится понятным, почему, например, в верхнелужицком диалекте имеет место замена g посредством h при сохранении g в нижнелужицком. Последний по ряду явлений близок к ляхитской языковой области⁹¹, что также вполне объяснимо — он сформировался на субстратной суковско-дзедзицкой основе.

⁹⁰ Трофимович К. К. Серболужицкий язык // Славянские языки. М., 1977.

⁹¹ Schuster-Šewc H. Zur Bedeutung der sorbischen Lexik für die slawische historisch-etymologische Wortforschung // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 24. Berlin, S. 120—131; *Idem*.

Славяне южные

Карантацы

Анализ водных названий и материалы ономастики дают достаточные основания предполагать, что славянское расселение в Приальпийском регионе, включающем верхнее течение Дравы (с Муром), верховья Савы со смежными землями бассейна Энса и левобережья Тальяменто, осуществлялось двумя направлениями. Один поток миграции шел с юго-запада, другой — с севера. Естественно, при этом славянские переселенцы оказывались неоднородными в племенном и диалектном отношениях⁹². Аварское господство не затронуло этих приальпийских земель, не исключено, что они пополнялись славянами, бежавшими, спасаясь от аварского гнета.

Историк Б. Графенауэр в результате изучения всей суммы письменных известий считал, что около 550 г. массивы славян уже имелись в окрестностях позднеантичных центров Агунтума и Овилавы. Концентрацию славянского населения около других таких центров исследователь датирует 570—590 гг. Таким образом, освоение славянами рассматриваемой Приальпийской области следует определять второй половиной VI в.⁹³ Славяне встретились здесь с разрозненными группами романизированного кельто-иллирийского населения и быстро наладили с ним активные культурные и соседские контакты⁹⁴. Позднеантичные центры положительно воздействовали на развитие культуры славян и сыграли организующую роль в становлении ранней государственности.

Освоив приальпийские области, славяне стали совершать нападения на города Истрии и Северной Италии. Письменными источниками зафиксированы такие походы в 592, 600 и 602 гг. В 595 и 596 гг. приаль-

---

Die Ausgliederung der westslawischen Sprachen aus dem Urslawischen mit besonderer Berücksichtigung des Sorbischen // *Lětopis Instituta za serbski l'udospit*. Rjad A. Bd. 29—2. Bautzen, 1982. S. 113—140.

⁹² *Bezljaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967. S. 105—106, 110—111, 132—133; *Kronsteiner O.* Die alpenlawischen Personennamen. Wien, 1975.

⁹³ *Grafenauer B.* Naselitev slovanov v Vzhodnih Alpah in vprašanje kontinuitete // *Arheološki vestnik*. T. XXI—XXII. Ljubljana, 1970—1971. S. 17—32.

⁹⁴ *Grafenauer B.* Die Kontinuitätsfragen in der Geschichte des altkarantanischen Raumes // *Alpes Orientales*. T. V. Ljubljana, 1969. S. 65—70; *Kahl H.-D.* Zwischen Aquileia und Salzburg // *Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert*. Wien, 1980. S. 33—81.

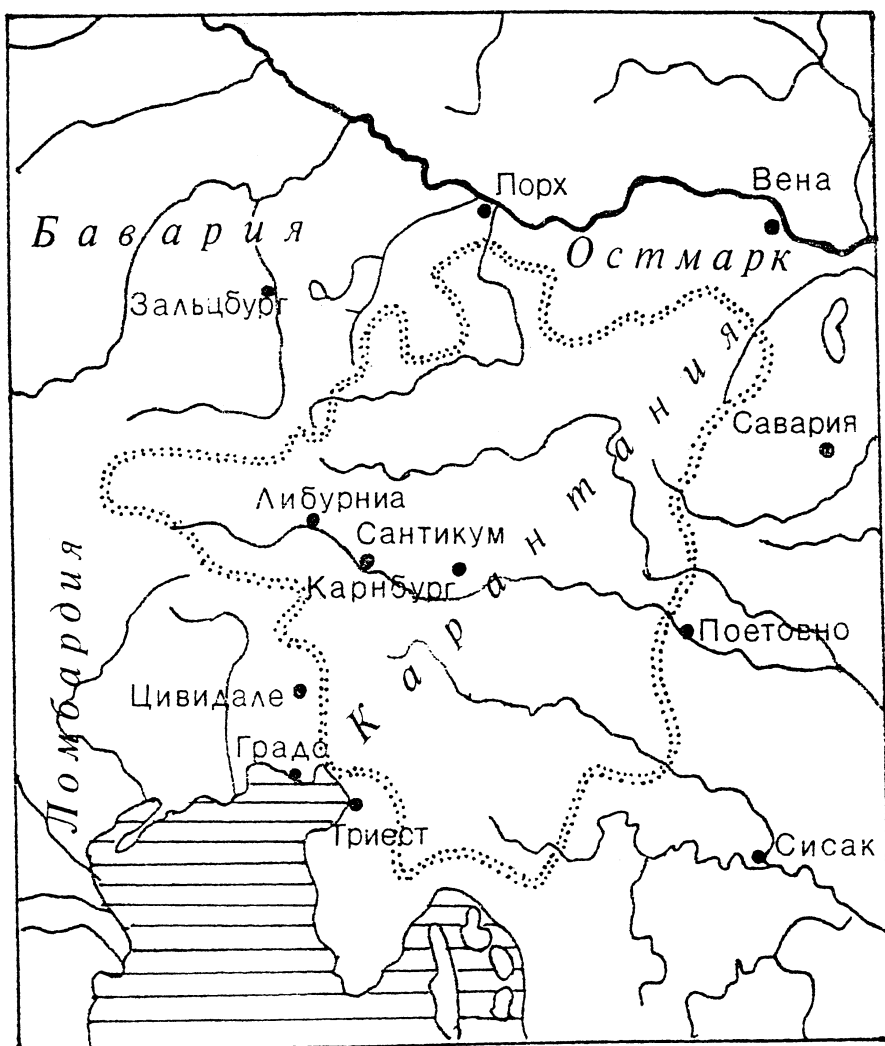

Рис. 98. Карантанія и ее окружение

пийские славяне, как сообщает Павел Диакон, приняли участие в сражениях против баварского воеводы Тассилы где-то в верховьях Дравы и Мура, в области, именуемой «provincia Sclavorum»⁹⁵.

Уже в первой половине VII в. альпийские славяне создают раннегосударственное образование. Его ядром стала область в округе античного

⁹⁵ Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda. Zv. I. Ljubljana, 1978. S. 347—359.

Виринума, где местный князь из града Карантана (в районе нынешнего Карнбурга близ Клангенфурта) начал объединение разрозненных славянских групп, постепенно распространяя свою власть на пространство от среднего течения Энса на севере до верховьев Дравы на юге⁹⁶. Образовавшееся Карантанское княжество объединило всех славян Приальпийского региона и просуществовало более 100 лет (рис. 98). От названия этого государства его население стало именоваться карантанцами, в русских летописях — хорутанами.

Наиболее ранние могильники, связываемые исследователями со славянским населением, в Приальпийском регионе датируются последними десятилетиями VI в. Захоронений по обряду кремации в них нет, отсутствует и лепная керамика, столь характерная для многих земель ранне-средневекового славянства. Умерших хоронили по обряду трупоположения с широтной ориентацией. Так, в могильнике Подмелцу-Башка в Словении раскопками открыты трупоположения, обращенные головой на запад. Вещевой материал небогат: железные пряжки, ножи и фрагменты гончарной глиняной посуды. Пряжки позволяют датировать захоронения второй половиной VI или началом VII в. Находок для этнической атрибуции умерших нет. Исследователь памятника В. Шрибар относит его к славянам, поскольку лангобарды в это время были уже в Италии и основными жителями этого региона были славяне⁹⁷.

Аналогичные могильники исследовались в Гойаче-Морлеке в окрестностях Горичи, в Лашке при Целе, Бледе и Крани. В первом некрополе при трупоположениях с широтной ориентацией обнаружены стремяна и другие вещи, датируемые концом VI в.⁹⁸ В большом могильнике в Лашке найдены стеклянные бусы, бронзовая игла, фрагменты керамики, позволившие определить время памятника концом VI—VII в.⁹⁹

Очень вероятно, что первые славяне появились в Восточноальпийском регионе в процессе продвижения лангобардов из Среднего Подунавья в Северную Италию. Выше отмечалось, что в Подунавье среди лангобардов проживали и славяне. Когда под давлением аваров лангобарды оставили эту область, отправились на запад и соседствующие с ними сла-

---

⁹⁶ Pauli Historia Langobardorum // Monumenta Germanie Historica. Scriptores rerum Langobardicarum. Hannoverae, 1878. IV: 7, 10. 24.

⁹⁷ Šribar V. Zgodnjesrednieveško grobišče in naselbina v Podmelcu-Baška grapa // Zgodnji srednji vek v Sloveniji. Ljubljana, 1967. S. 69—80.

⁹⁸ Kastelic J. Najdbe zgodnjega srednjega veka v Gojačah pri Gorici // Zgodovinski časopis. T. VI—VII. Ljubljana, 1952—1953. S. 89—109.

⁹⁹ Korošec J. Staroslovenska grobišča v Severni Sloveniji. Ljubljana, 1947. S. 118.

вяне. В этот поток миграции могли быть вовлечены и другие славяне. По времени освоение славянами Приальпийской территории совпадает с лангобардской миграцией в Северную Италию.

Некоторые подтверждения этому имеются в археологических материалах. Так, в достоверно славянском некрополе Блед-Пристава-2, основанном около 568 г. и функционировавшем вплоть до XI в., в ряде ранних захоронений отмечены элементы лангобардской культуры¹⁰⁰. В могильнике Света Гора близ Ровище, основная масса погребенных в котором достоверно принадлежит славянам, среди ранних славянских открыты и захоронения лангобардов¹⁰¹.

Интересные данные получены при раскопках крупных славянских некрополей в Крани¹⁰². В одном из них, расположенном на высоком берегу Савы в урочище «На Лайху», раскопками исследовано около 750 труположений конца VI — начала VII в., среди которых были захоронения с явными лангобардскими особенностями. На этом основании некоторые исследователи отнесли памятник к лангобардам, другие не согласились с этим. Славянские захоронения VII—VIII вв. в могильнике, расположенном при слиянии Кокры с Савой, выделяются А. Валичем по височным кольцам, свойственным раннесредневековому славянскому миру. Лангобардско-славянские связи проявляются в распространении у части альпийских славян серег кошарицкого типа (проволочные крупного диаметра с дополнительным малым колечком-петлей внизу). Они встречены, в частности, в славянских захоронениях могильников Блед-Пристава, Крань, Лашки и др. Зародились же они в Италии в лангобардской среде¹⁰³ и были позаимствованы от них альпийскими славянами.

Проблема континуитета населения и культуры в Придунайском регионе остается дискуссионной. Согласно Ф. Бирбрауэру, славянская экспансия прервала традиции римского наследия. Исключение составила лишь Истрия, где славянская инфильтрация не была разрушительной и

---

¹⁰⁰ *Kastelic J., Škerlj B.* Slovanska nekropola na Bledu. Arheološko in antropološko poročilo za leto 1948 // Dela Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. II. Ljubljana, 1950; *Kastelic J.* Slovanska nekropola na Bledu // Dela Slovenska Akademija... XIII. 1960; *Arheološka najdišča Slovenije.* Ljubljana, 1975. S. 170.

¹⁰¹ *Arheološka najdišča Slovenije...* S. 266.

¹⁰² *Valič A.* Oris 20-letnih raziskovanj grobišča v Kranju // Kranjski zbornik. 1975. Kranj, 1975; *Idem.* La nécropole slave à Krani. Beograd, 1978; *Sagadin M.* Kranj-Križišče Iskra (nekropola iz časa preseljevanja ljudstev in staroslovanskega obdobja). Ljubljana, 1987. См. еще: *Korošec P.* Nekropola na Ptujskem gradu. Ptuj, 1999.

¹⁰³ *Werner J.* Die Langobarden in Pannonien. München, 1962. S. 81.

античное наследие в раннем средневековье получило дальнейшее развитие¹⁰⁴. Однако У.-Г. Иблер, проанализировав металлические украшения рубежа античности и средневековья, пришла к заключению о преемственности культур¹⁰⁵. О континуитете культурного развития от римского периода до средневековья много писал Б. Графенауэр¹⁰⁶.

В условиях укрепления Карantanского государства наступила стабилизация жизни и быта, что вело к консолидации славянского населения Приальпийского региона, свидетельством чего является становление в начале VIII в. единой археологической культуры — карantanской (рис. 99)¹⁰⁷. Кельто-иллирийское романизированное население к этому времени было окончательно славянизировано. Ядром карantanской культуры стала территория Карantanского княжества. Вместе с тем памятники этой культуры известны и за его пределами — в Восточном Фриуле, а единичные находки встречены на Дунае, на территориях Чехии и Венгрии.

Старшая фаза карantanской культуры именуется кеттлахской (VIII — первая половина IX в.) по раскопанному еще в середине XIX в. могильнику Кеттлах около Глогниц в Австрийской Штирии¹⁰⁸. Одним из типичных памятников этой фазы является некрополь Блед-Пристава. Умерших хоронили в направлении запад — восток (с сезонными отклонениями) в могильных ямах (иногда на досках), на спине, со сложенными руками. Инвентарь богат и многообразен. Это провололочные височные кольца, серьги со стеклянными ягодообразными привесками, фибулы,

---

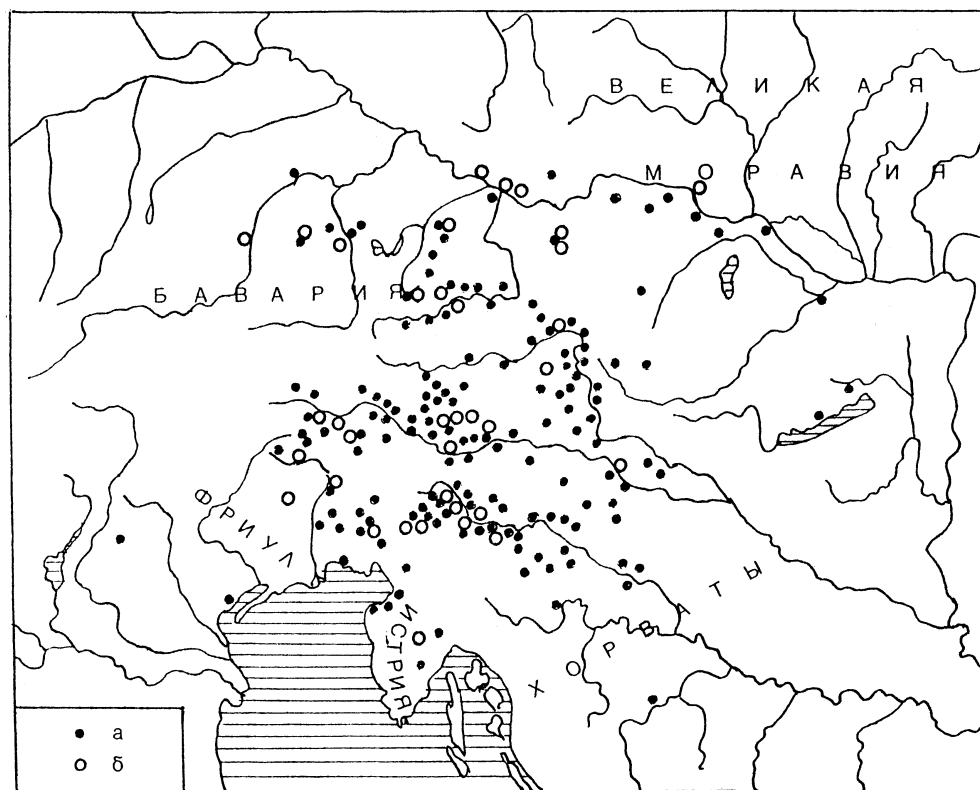
¹⁰⁴ Bierbrauer V. Jugoslawien seit dem Beginn der Völkerwanderung bis zur slawischen Landnahme: die Synthese auf dem Hintergrund von Migrations- und Landnahmevorgängen // Jugoslawien. Integrationsprobleme in Geschichte und Gegenwart. Göttingen, 1984. S. 49—97.

¹⁰⁵ Ibler U.-G. Studien zum Kontinuitätsproblem am Übergang von der Antike zum Mittelalter in Nord- und Westjugoslawien. Bonn, 1990.

¹⁰⁶ Grafenauer B. Die Kontinuitätsfragen in der Geschichte... S. 65—70; *Idem.* Naselitev slovanov v Vzhodnih Alpah... S. 17—32.

¹⁰⁷ Korošec P. Zgodhjesrednjeveska arheološka slika karantanskih Slovanov. Zv. 1—3. Ljubljana, 1979; Šribar V. Slawen in Ostfriaul (Italien) // Balcanoslavica. T. 2. Prilep; Beograd, 1973. S. 109—123; Mader B. Die Alpenslawen in der Steiermark. Ein toponomastisch-archäologische Untersuchung. Wien, 1986.

¹⁰⁸ Franck A. Bericht über Auffindung eines uralten Leichengräberfeldes bei Kottlach unweit Gloggnitz und über einige bemerkenswerte Fundstücke // Archiv für Kunde österreichischen Geschichtsquellen. Bd. 12. Wien, 1854. S. 235—259; Pittioni R. Der frühmittelalterliche Gräberfeld von Kottlach // Sonderschriften des archäologischen Instituts des Deutschen Reiches. Bd. XIV. Wien, 1943.

Рис. 99. Распространение памятников карantanской культуры

а — памятники, основанные в кеттлахской фазе; **б** — памятники, основанные в карantanской фазе.

шейные цепочки, привески, молоточкоподобные брактеаты, перстни, стеклянные бусы и глиняные сосуды. Последние принадлежат к дунайской гончарной керамике.

Проволочные височные кольца представлены несколькими типами. Весьма распространенными были кольца, завершающиеся на одном конце крючком, на другом — петлей или крючками на обоих концах. Кроме Карантании, они встречены в Северной Далмации и Хорватии, а также в смежных районах Нижней Австрии и Баварии. В Приальпийском регионе имели широкое хождение еще проволочные кольца с концами, перевязанными отдельной проволочкой. На кеттлахской стадии здесь получают некоторое распространение и кольца с эсвидным концом, очевидно свидетельствуя о происхождении какой-то части славян Приальпийских

Рис. 100. Лунничные височные кольца карantanской культуры

1 — Кётлах, Глогниц; 2 — Фёрк; 3 — Жминья; 4 — Крань; 5 — Крунгл, Миттерндорф; 6 — Афрам, Лейбнитц; 7 — Юдовска вас; 8 — Гермагор (Шмохор); 9 — Туррида, Седеглиано.

земель из среды исторических славян — носителей пражско-корчакской культуры. Об этом говорит и зафиксированный письменными документами этноним дулебы, локализуемый где-то в бассейне р. Мур. В отличие от основного региона эсоконечных височных колец, на территории карantanских славян такие украшения имеют на противоположном конце крючок — гибридное образование из весьма распространенных в Карантании височных колец и привнесенных эсоконечных.

Большинство могильников карантанской культуры функционировали как в старшей, так и в младшей фазе. Переход между фазами был весьма плавным, эволюционным, тем не менее облик второй фазы рассматриваемой культуры был своеобразным.

Доминирующей ориентировкой погребенных младшей фазы (вторая половина IX—X в.) было направление северо-запад — юго-восток (с сезонными отклонениями). Как и раньше, какого-либо определенного порядка в расположении могил не наблюдается. Умершие помещались в грунтовые ямы нередко на доске или под доской, руки складывались на корпусе. Инвентарь многих захоронений очень скромнен: серьга или височное кольцо, перстень в женских захоронениях, нож и кресало — в мужских. Другие погребения характеризуются множеством украшений: несколько височных колец и серег, фибулы, перстни, богатые шейные ожерелья и др. Если раньше украшения изготавливались преимущественно из проволоки или кованых пластин, то теперь распространение получает техника литья и эмали.

Типичными украшениями карантанских славян становятся лунничные височные кольца (рис. 100). Ранние экземпляры их — с простыми прочерченными узорами неправильно-геометрического облика или с растительной и зооморфной орнаментацией — появились еще в старшей фазе. Во второй фазе наряду с аналогичными кольцами широкое хождение получают лунничные украшения с полихромными выемчатыми эмалями. Техника эмальерного дела пришла к альпийским славянам из каролингского мира. Рейнские параллели проявляются и в бытовавших в карантанской культуре шайбообразных фибулах (рис. 101). Лунообразные украшения являются позднеантичным наследием, переработанным карантанскими славянами. В ряде мест Приальпийского региона продолжали бытовать и эсоконечные височные кольца.

Становление и развитие карантанской культуры — бесспорное свидетельство этнической консолидации альпийских славян. С формированием этой культуры, нужно полагать, начался процесс интеграции славянского населения рассматриваемого региона в единую народность. В трактате «Обращение баваров и карантанцев», написанном в 870 или 871 г. в Зальцбурге, термин «карантани» последовательно употребляется как этноним, обозначающий особый славянский этнос, заселявший территорию между Баварией и Нижней Паннонией¹⁰⁹. Как отдельный славян-

---

¹⁰⁹ *Vilfan S. Rechtsgeschichte der Slowenen. Graz, 1968. S. 40.*

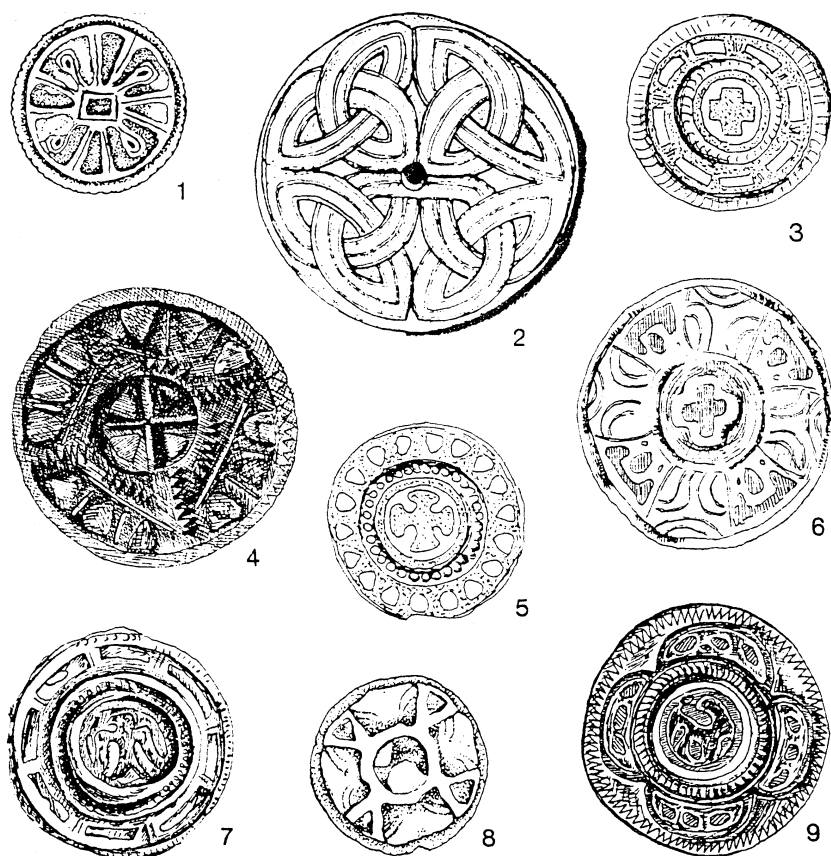

Рис. 101. Шайбообразные фибулы карantanских славян

1, 3, 4, 6, 8 — Крань; 2 — Блед; 5 — Гарс, Турнау; 7 — Стари Трг, Словень Градец; 9 — Аквилея (Оглей).

ский народ карantanцы фигурируют и в древнерусских летописях: «А се ти же словени: хровате белии и серебъ и хорутане»¹¹⁰.

Уже в середине VIII в. карantanские князья оказываются в вассальной зависимости от империи Каролингов. При этом начинается христианизация карantanских славян миссионерами из Баварии и Италии. В 811 г. области Карantanии к северу от Дравы отошли под юрисдикцию Зальцбургского архиепископа, а южные земли — Аквилейского патриархата. В 20-х гг. IX в. Карantanия находится под властью баварских графов, и, таким образом, альпийские славяне оказались в составе империи Карла Ве-

¹¹⁰ Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 11.

ликого. Местная карантанская знать сближается с баварской и франкской аристократией, начался длительный процесс ассимиляции значительных масс славянского населения.

Несмотря на неблагоприятную историческую ситуацию, карантанская культура вплоть до X в. включительно развивалась в едином направлении, что указывает на устойчивость складывающейся славянской народности. Однако утрата государственной самостоятельности Карантании и унифицирующее воздействие христианства все же прервали процесс развития карантанской народности. Термин «карантани», как свидетельствуют исторические документы, к X в. теряет этническое значение и становится хоронимом. Славянские земли Приальпийской области теперь в памятниках письменности называются «Склавинией». Впрочем, Гельмольд, Бартоломей Английский именуют славян этого региона по-прежнему карантанцами.

Карантанская культура была культурой альпийских славян языческого периода. Прекращение ее развития отражает завершение процесса христианизации и одновременно начала германизации славянского населения Приальпийского региона. В XI — начале XII в. герцогство Карантания дифференцируется на мелкие административно-территориальные образования, что усилило ассимиляцию славян. Параллельно началась интенсивная колонизация Восточноальпийских земель немецкими крестьянами. Однако еще в XV в. славянское население осознавало себя особым этносом, хотя составляло уже меньшую часть населения региона. Позднее оно постепенно утратило свой язык и самобытность, но некоторое этнографическое своеобразие областей бывшего славянского расселения заметно до сих пор. Еще раньше были ассимилированы славяне, проживавшие среди романоязычного населения во Фриуле.

Прямыми потомками альпийских славян ныне являются словенцы. Первый этап становления их языка, как можно полагать, восходит к периоду Карантанского княжества. Ряд фонетических явлений словенского языка, согласно Р. Коларичу, говорит о возможности его обособления к концу IX в.¹¹¹ Первым памятником словенского языка считаются Брижинские (Фрейзингенские) отрывки X или XI в., продолжающие праславянские традиции. В XI—XV вв. в Восточноальпийском регионе доминировали немецкое и латинское влияние и словенский язык в письменности не употреблялся.

---

¹¹¹ *Kolarič R. Periodizacija razvoja slovenskega jezika // Slavistična Revija. Ljubljana, 1958. S. 69—76.*

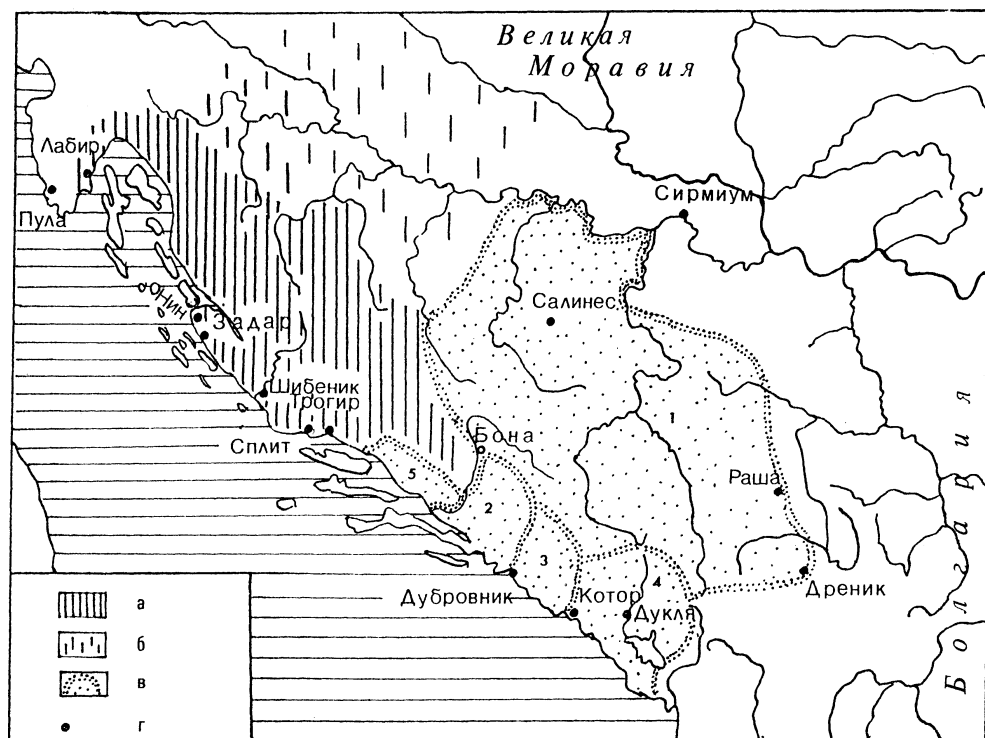

Рис. 102. Области расселения хорватов и сербов

а — ареал становления хорватской народности; **б** — Посавская Хорватия; **в** — регионы сербов: **1** — Сербия; **2** — Захумье; **3** — Травиния; **4** — Дукля; **5** — Пагания; **г** — основные города.

В настоящее время словенский язык¹¹² характеризуется чрезвычайным диалектным разнообразием. Исследователи выделяют 49 диалектов, объединяемых в семь основных групп. Это косвенное подтверждение заключения, основанного на археологических материалах, о племенной неоднородности славян, расселившихся в Приальпийском регионе. В западных и северо-западных диалектах словенского языка присутствуют явления (сохранение групп *tl*, *dl*, фрикативный *h*, отсутствие вторичного *l* в конце слова и др.), которые роднят их с западнославянскими языками, в частности с чешским. Можно полагать, что это фиксируется распростра-

¹¹² Ramovš F. *Kratka zgodovina slovenskega jezika*. Ljubljana, 1936; Bezljaj F. *Eseji o slovenskem jeziku...*; Lencek R. L. *The structure and history of the Slovene language*. Columbus, 1982.

нением в карантанской культуре эсоконечных височных колец. Впрочем, формирование многих диалектных элементов словенского языка относится к более позднему историческому периоду и обусловлено было как территориальной расчлененностью этноса, так и сильными влияниями, исходившими со стороны немцев, фриулов, итальянцев, сербов, хорватов и венгров.

Хорваты

Хорваты — одно из племенных образований антов Северного Причерноморья. Иранское происхождение этнонима допускает формирование племени в условиях славяно-иранского симбиоза позднеримского времени. Великая славянская миграция расчленила это племя на несколько групп, которые осели в разных регионах раннесредневекового славянского мира. Исторические источники фиксируют хорватов в Далмации, в восточной Чехии, на Заале, в Силезии, на верхней Висле и в Древнерусском Прикарпатье.

Наиболее крупная группировка хорватов поселилась в Далмации (рис. 102). Пути миграции их пока не могут быть определены материалами археологии. Можно полагать, что импульсом далекого переселения хорватов стал мощный натиск аваров, существеннейшим образом затронувший коренные антские земли. В составе большого миграционного потока, лавиной продвигавшегося на запад, оказались анты, осевшие вместе с аварами на среднем Дунае, и среди них хорваты, продвинувшиеся в Далмацию.

Время расселения хорватов в этих землях определяется археологически концом VI и самым началом VII в.¹¹³ Первые захоронения в хорватских могильниках датируются первыми десятилетиями VII в., но эта дата отражает не момент появления славян в Адриатике, а период стабилизации их жизни во вновь освоенных землях. Далмация и смежные с ней области до миграции хорватов были заселены романизированным населением, сохранившимся с римской поры¹¹⁴. По-видимому, хорваты осели в Далмации многочисленной группой. Прежние жители отчасти были вытеснены в гористые местности или переселились на острова Адриатиче-

¹¹³ Vinski Z. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine // Vjesnik Arheoloskog muzeja u Zagrebu. 3 serija. Sv. V. Zagreb, 1971. S. 61—67.

¹¹⁴ Kovačević J. Les Slaves et la population dans L'Illyricum // Berichte über den II Internationalen Kongress für Slawische Archäologie. Bd. II. Berlin, 1973. S. 143—151.

ского моря. Впрочем, в ряде местностей романизированное население ос-
талось на своих местах обитания, установив контакты со славянами. Ма-
териалы раннехорватских некрополей свидетельствуют, что переселенцы
заняли плодородные области Далмации — местности, где концентриру-
ются памятники позднеантичной поры, поблизости, а нередко непосред-
ственно на развалинах прежних поселений. При раскопках позднеантич-
ных селищ региона Равних Котаров зафиксировано множество случаев
использования хорватами жилищ абортинного населения¹¹⁵. Хорваты
восприняли у местного населения элементы земледельческо-скотоводче-
ского хозяйства далматинского типа и переняли способы постройки жи-
лищ — у сельского населения Далмации вплоть до настоящего времени
бытует иллирийский тип деревенского дома¹¹⁶. Раскопками документиро-
вано присутствие хорватского населения и в некоторых городских посе-
лениях римского времени (Нина, Брибара, Салоны и др.)¹¹⁷. Взаимодей-
ствие местного романизированного населения с пришлыми хорватами в
Салоне и ее округе фиксируется письменными данными и неизменно-
стью мест возведения культовых построек¹¹⁸. В целом же в Хорватской
Далмации при расселении славян наблюдается деградация городской
жизни, поселения аграризируются, и только через некоторое время с
развитием государственности начинаются процессы реурбанизации.

Древнехорватские могильники Далмации получили монографическую
характеристику в трудах Д. Еловины и Я. Белошевича¹¹⁹. Они обычно со-
держат по несколько сотен захоронений по обряду труположения.
Функционировали они длительное время, некоторые до X столетия и
позднее. Расположение могил в некрополях бессистемное, что обычно
для славянских языческих кладбищ. Умершие помещались в ямы глуби-
ной от 0,6 до 1,5 м. Они клались на спине, как правило, головой на запад
(с сезонными отклонениями). В отдельных могильниках отмечены еди-
ничные погребения с иной ориентацией, что связано, нужно полагать, с
наличием в хорватской среде иноплеменников.

¹¹⁵ *Belošević J.* Materijalna kultura Hrvata od VII do IX stoljeca. Zagreb, 1980. S. 82.

¹¹⁶ *Batović S., Oštrić O.* Tragovi ilirske kulturne baštine u narodnoj kulturi našeg primor-
skog područja // Posebna izdanja. T. XII. Sarajevo, 1969. S. 245—277; *Suić M.* Marginalne
biljeske uz rad N. Klačić // Sociologija sela. God. 16. Zagreb, 1978. S. 135.

¹¹⁷ *Batović S.* Istraživanje ilirskog naselja u Bribiru // Diadora. Sv. 4. Zadar, 1968. S. 85—90.

¹¹⁸ *Rapanić Ž.* Prilog proučavanju kontinuiteta naseljenosti u salonitanskom ageru u
ranom srednjem vijeku // Vjesnik za srheologiju i historiju dalmatinku. Sv. 74. Split, 1980.

¹¹⁹ *Jelovina D.* Starohrvatske nekropole na području između rijeka Zrmanje i Cetine.
Split, 1976; *Belošević J.* Materijalna kultura Hrvata...

Исследователями на древнехорватских некрополях выделяется три типа могил. Первый составляют простые грунтовые ямы овальной или подпрямоугольной формы. Ко второму относятся могилы, в которых при погребенных клались камни, иногда помещенные около головы и ног, иногда лежащие бессистемно, иногда образующие несплошную обкладку умершего. Третий тип составляют могилы, в которых умершие правильно обставлены камнями или стенки ям выложены вертикально поставленными крупными плитами. Со временем процент погребений последнего типа заметно возрастает, и эта обрядность становится одним из характерных признаков хорватского ритуала. Могилы, обложенные плитняковыми камнями, обычны и в хорватских христианских кладбищах.

Немалое число погребенных в древнехорватских могильниках сопровождалось различными вещевыми находками. Среди височных украшений широкое бытование имели провололочные кольца небольшого диаметра, концы которых завертывались в колечки-петли. Кроме того, нередко височные кольца с подвеской в виде виноградной грозди и двух- и трехбусинные (со сканными бусами). Только в единичных захоронениях встречены эсоконечные кольца.

Шейные ожерелья сравнительно немногочисленны. Они состоят из разнотипных стеклянных бус, среди которых имеются экземпляры византийского и каролингского происхождения. В отдельных могилах встречены бубенчики, еще реже — крестики. Распространенной находкой являются бронзовые и серебряные перстни разных типов.

Железные ножи находились и в мужских, и в женских захоронениях. В мужских могилах нередко пряжки, в женских — глиняные пряслица. Предметы вооружения (мечи, копья, стрелы, топоры) и конского снаряжения в могилах чрезвычайно редки.

Керамика древнехорватских некрополей, как и синхронных поселений, которые пока очень слабо изучены, изготавливалась на гончарном круге и принадлежит к дунайскому и так называемому городищенскому типам, распространенным в Среднем Подунавье.

В двух могильниках на территории Хорватии открыты единичные захоронения по обряду кремации. Одно из них исследовано в Кашичах и по керамике датировано VII в., другое — в некрополе Ждрияц около Нина среди более 200 трупоположений¹²⁰.

---

¹²⁰ *Belošević J.* Die ersten slawischen Urnengräber auf dem Gebiete Jugoslawiens aus dem Dorfe Kašić bei Zadar // *Balcanoslavica*. 1. Beograd, 1972. S. 73—86; *Idem.* Über einige Besonderheiten in der Entwicklung der Keramik auf dem Gebiete Dalmatiens // *Balcanoslavica*. 3. Prilep; Negotin, 1974. S. 161—181; *Idem.* Ždrijac, Nin — ranosrednjovjekovna nekropola // *Arheološki pregled*. 12. Beograd, 1970. S. 156—157.

Несколько отличной была культура хорватов, расселившихся в Истрии. На основании письменных источников освоение этого полуострова славянами (вместе с аварами) определяется 599—611 гг., что, как утверждает Б. Марушич, находит полное подтверждение в археологических материалах. Появление нового населения в Истрии сопровождалось разрушением целого ряда христианских построек. Археологически зафиксирована гибель церковных зданий на поселениях Рим под Роча, Мунтаяна, Врсар, Клоштар, Святого Фошка под Жминью, Рогатица. Частичные разрушения отмечены также на поселениях романизированного населения Двоград, Бале, Велика Госпа под Бале, Бетика, Баньоле под Водняной, Фажана, Гуран и Галижана¹²¹. Следы разрушений фиксируются и в жилых районах некоторых из исследованных археологами поселений¹²².

В Истрии различаются две группы могильников VII—VIII вв. Первую составляют некрополи местного романизированного населения, начало захоронений в которых восходит к предшествующим столетиям. Это христианские кладбища, в расположении могил в них прослеживается рядность. Умерших хоронили по обряду ингумации и нередко около головы и ног клали камни; появляются первые подплитовые могилы. При погребенных встречаются предметы вооружения, пряжки, браслеты, височные кольца. Б. Марушич полагает, что автохтонное население, хоронившее в этих могильниках, испытывало влияние со стороны соседей-славян, о чем свидетельствуют отдельные вещевые находки и керамика.

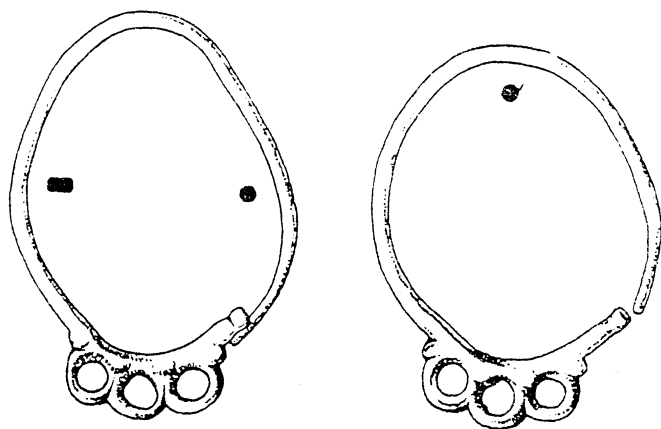
Ко второй группе принадлежат синхронные могильники, основанные уже после славянской экспансии на отдельных всхолмлениях или на руинах позднеантичных строений. Могилы в них расположены бессистемно, на поверхности они обозначены плитами или обложены камнями. В большинстве случаев погребенные обставлены плитами или обложены камнями, что было, как считают исследователи, результатом влияния местной позднеантичной обрядности. Среди вещевых находок обычны железные ножи, пряжки, браслеты, височные кольца и глиняные сосуды; предметы вооружения отсутствуют. Могильники этой группы, согласно Б. Марушичу, принадлежат славянам-язычникам¹²³.

---

¹²¹ Marušić B. Prilog poznavanju kasnoantičkog Nezakcija // Starohrvatska prosvjeta. Serija III. Sv. 16. Split, 1986. S. 51—76.

¹²² Marušić B. Slavensko-avarske napadi na Istru u svijetlu arheološke grade // Perestila. Pula, 1957. S. 63—69.

¹²³ Marušić B. Nekropole VII. i VIII. stoljeca u Istri // Zgodnji srednji vek v Sloveniji. Ljubljana, 1967. S. 25—40; *Idem*. Nekropole VII. i VIII. stoljeća u Isri // Arheološki vestnik. XVII. Ljubljana, 1967. S. 333—348.

Рис. 103. Височные кольца бузетского типа из могильника Крань

В могильниках Истрии встречаются височные кольца двух типов. Кольца кошарицкого типа — провололочные с концом, завернутым в небольшое колечко, которое служило ушком для подвешивания. Наиболее ранние кольца этого типа происходят из лангобардских могильников. В Истрии они, как полагает Б. Марушич, являются позднеантичным наследием¹²⁴.

Другой тип составляют височные кольца бузетского типа (рис. 103). Они провололочные и имеют внизу по три припаянных колечка небольшого диаметра. Наибольшее число их встречено в памятниках Истрии; немногочисленные находки таких украшений происходят из Триестской области, Фриула, и одиночные разрозненно попадают почти по всему Апеннинскому полуострову¹²⁵.

Ко времени проживания хорватов в Далмации относятся предания об их происхождении, записанные позднее, около 950 г. в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей»¹²⁶.

¹²⁴ Marušić B. Ranosrednjovjekova nalazišta iz Istre // Starohrvatska prosvjeta. Serija III. Sv. 8—9. Split, 1963; Šonje A. Ostaci groblja kod sela Klisti, jugozapadno Tinjana // Histria Archaeologica. XI—XII. Pula, 1980—1981. S. 67—88.

¹²⁵ Marušić B. Staroslovanske in neke zgodnjesrednjeveške najdbe v Istre // Arheološki vestnik. VI. Ljubljana, 1955. S. 97—133; *Idem*. Tri ranjsrednjovjekovna nalazišta iz Istre // Jadranski zbornik. VI. Rijeka; Pula, 1966. S. 280—294; *Idem*. Ranosrednjovjekovna nekropola na Vrhu kod Brkača // Histria Archaeologica. X. Pula, 1979. S. 111—150.

¹²⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, комментарий). М., 1989.

В одном из них рассказывается, что авары «перебили всех жителей города (Салона), а затем овладели всей страной Далмацией и поселились в ней... Хорваты же жили в то время за Багиварией, где с недавнего времени находятся белохорваты. Один из родов, отделясь от них, а именно — пять братьев: Клука, Ловел, Косендцис, Мухло и Хорват и две сестры, Туга и Вуга — вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом — и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор страна находится под властью хорватов»¹²⁷.

Несколько по-иному сообщает о начале расселения хорватов в Далмации тот же источник в другом месте: «... хорваты, ныне живущие в краях Далмации, происходят от некрещеных хорватов, называющихся белыми, которые обитают по ту сторону Турции, близ Франгии, и граничат со славянами — некрещеными сербами...» И далее: «Когда авары, пройдя войною, прогнали... римлян... в ныне именуемой Хорватии и Сербии... их земли оставались пустыми. Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пройдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут и ныне. Эти хорваты имели в то время в качестве архонта отца некоего Порга»¹²⁸.

Противоречия этих легенд обусловлены, по-видимому, тем, что в основу труда Константина Багрянородного легли сведения, полученные от разных информаторов, а некоторые могли быть дополнены в соответствии с политической традицией Византии. Думается, что не стоит видеть в этих преданиях противоречий и деталей исторической реальности, хотя они и стали основой многих гипотетических построений¹²⁹. Более кон-

---

¹²⁷ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей... С. 131.

¹²⁸ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей... С. 137.

¹²⁹ Многие исследователи локализовали места проживания «белых хорватов», из которых вышли далматинские хорваты, в Чехии, поскольку Константин Багрянородный пишет, что они проживали «за Багиварией» (предположительно, Баварией), «по ту сторону Турции (то есть Венгрии), близ Франгии (Франконии) и граничили со славянами — некрещеными сербами» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей... С. 131, 135). Однако это регион чешских хорватов, хорошо известных в X в. и в Византии, и во Франкском королевстве. По-видимому, он ошибочно и принят был в Византии за древний ареал хорватского племени. Уже В. Ягич отмечал, что хорваты не могли прийти в Далмацию из бассейна Лабы, они явно переселились из более восточных земель. Исследователь решительно отвергал существование Великой Хор-

кретны археологические материалы, которые позволяют утверждать, что хорваты появились в Далмации в составе крупной переселенческой волны вместе с аварами и, может быть, ведомые конными отрядами аваров. На первых порах авары, вероятно, считали хорватов своими подданными и властвовали над ними. Эти события и запечатлены народными преданиями, изложенными в труде Константина Багрянородного. Вместе с тем они допускают мысль о создании далматинскими хорватами военно-племенного образования (во главе с архонтом — отцом Порги), в результате чего они освободились от аварской зависимости. Как следует из главы 30 сочинения «Об управлении империей», Хорватия состояла из четырнадцати жупаний, из которых тремя владел «боян». Титул последнего восходит к периоду аварского владычества над хорватами.

Собственно аварские древности периода Первого аварского каганата (до 670 г.) на территории Хорватии единичны. В основном это случайные находки или отдельные элементы снаряжения коня и всадника¹³⁰.

ватии на севере, считая ее фантазией Константина Багрянородного (*Jagić V. Ein Kapitel aus der Geschichte der südslawischen Sprachen // Archiv für slavische Philologie. Bd. XVII. Berlin, 1895. S. 47—87*).

Другие исследователи рассматривали информацию о Белой (или Великой) Хорватии — древней родине всех хорватов — как историческую реальность. В частности, Л. Нидерле утверждал, что Великая Хорватия находилась в Прикарпатье. О ней (славянская область Chordab, Chravat, Chrvat) будто бы говорят и арабские авторы IX—X вв. (*Niederle L. Slovanské starožitnosti. II. Původ a počátky slovanů jižných. 2. Praha, 1910. S. 251—262*). В Северном Прикарпатье локализовали Белую Хорватию и другие исследователи (*Dvorník F. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949. P. 278; Vlahović P. Current theories about the settlement of Slavs in the contemporary Yugoslavian countries and their anthropological conformation // Ethnologica Slavica. T. IV. Bratislava, 1972. P. 25—41*). Согласно представлениям польского историка Е. Гачиньского, хорватское сообщество относится к периоду V—VIII вв. и занимало пространство к северу от Карпатских гор, от верховьев Одера на западе до Горыни на востоке. Исследователь высказал догадку, что Хорват был предводителем аланской дружины и правил этими землями как наместник гуннов. Этноним хорваты будто бы произведен от этого антропонима (*Gaczyński J. Zarys dziejów plemiennych Małopolski // Rocznik Przemyski. T. XII. Przemyśl, 1968. S. 51—117*). Ныне эти гипотетические построения представляют чисто историографический интерес.

¹³⁰ *Kovačević J. Avari na Jadranu // Materijali III Simpozijum praistorijska i srednjevekovne sekcije arheološkog društva Jugoslavije. Beograd, 1966. S. 53—81; Vinski Z. O nalazima 6. i 7. stoljeca u Jugoslaviju s posebnim obzirom na arheološku ostavstinu iz vremena prvog avarskog kaganata // Opuscula archaeologica. III. Zagreb, 1958. S. 13—67; Idem. Rani srednji vijek u Jugoslaviji... S. 47—73.*

Очевидно, тюркский элемент в освоении Далмации славянами составлял ничтожный процент.

Победу хорватов над аварами историки ориентировочно датируют 20—30-ми гг. VII в. При этом отмечается заинтересованность Византии в союзе с хорватами против ее главного противника — Аварского каганата. Не исключено, что византийский император Ираклий (610—641 гг.) оказывал содействие хорватам в борьбе с аварами. Это и отразилось в изложении Константина Багрянородного расселения хорватов «по воле василевса Ираклия». Ф. Дворник полагал даже, что между Ираклием и хорватами было заключено соглашение против аваров, которое он относит к 626 г.¹³¹

Центр племенного союза далматинских хорватов VIII в. предположительно локализуется исследователями где-то в районе Цетине и Велебита¹³². В рамках этого политического образования начался процесс консолидации хорватских племен в раннюю народность. К концу VIII в. племенной союз, как полагают исследователи, постепенно трансформировался в раннее Хорватское государство¹³³.

Археологические материалы свидетельствуют о готовности хорватского общества к становлению ранней государственности. Изучение могильников показывает заметное социальное расслоение населения. Так, в некрополях Приморской Далмации выявляются и захоронения с дорогим боевым снаряжением, и могилы рядовых дружинников с копьем, боевым топором и стрелами, и малоинвентарные или безынвентарные погребения рядовых общинников. При особо богатых захоронениях встречены золотые изделия византийского происхождения, сирийские и североитальянские предметы из стекла, дорогие украшения. Процесс социально-имущественной дифференциации — важнейший показатель становления государственности.

Первые прямые известия о государственном образовании в Далматинской Хорватии относятся к началу IX в. Возглавлял его Борна. Первоначально он именуется в памятниках письменности как «князь гудускан», затем называется «князем Далмации», а в конце правления — «князем Далмации и Либурнии», что говорит о территориальном росте его владений. Годускане отождествляются хорватскими исследователями с гачанами, которые локализуются в бассейне р. Гацка. Очевидно, это было одно

¹³¹ *Constantine Porphyrogenius. De administrando imperio. Vol. II. London, 1962. P. 124.*

¹³² *Historija naroda Jugoslavije. T. I. Zagreb, 1953. S. 177.*

¹³³ *Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1971. S. 146—148.*

их племенных образований хорватов. Борна, как полагают исследователи, это архонт, отец Порги, названный в труде Константина Багрянородного. Термин «архонт» применяется этим автором для князей — правителей раннегосударственных образований. Во «Франкских анналах» сообщается о наличии у Борны княжеской дружины и крепости. Раннее Хорватское княжество находилось под верховной властью Франкской империи.

После смерти Борны в 821 г. решением народного собрания (с согласия императора франков Людовика Благочестивого) был избран новый правитель Владислав, племянник Борны. В середине IX в. в исторических документах фигурирует понятие об единстве страны хорватов. В надписи на камне Бранимира, занявшего престол в 70-х гг., он именуется «князем хорватов»¹³⁴.

Становлению и упрочению Хорватского государства во многом способствовало то, что славяне, колонизовавшие Далматинские земли, установили тесные контакты с местным населением и активно восприняли позднеантичное и византийское наследие.

Концентрация древнехорватских некрополей в ближайших окрестностях позднеантичных городов Далмации указывает на заинтересованность славян остатками римской цивилизации. Хорватское население имело и в городах Далмации¹³⁵. Процент славян в составе жителей городов Нин, Брибир, Салона, Котор и других постепенно возрастал. Для своих жилищ они использовали позднеантичные постройки.

В конце VI — первой половине VII в., когда славяне только что вышли к Адриатическому побережью, «цветущие» позднеантичные города переживали упадок. Однако уже во второй половине VII в. и особенно в VIII—IX вв. ситуация стабилизируется и начинается новый подъем городской жизни и культуры. Хорватские ремесленники овладели приемами ювелирного, костерезного и гончарного римско-византийского мастерства.

При князе Трпимире (около 845—864 гг.) хорваты приняли христианство.

---

¹³⁴ О начальной истории хорватской государственности см.: *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии. К изучению процесса классообразования у славян. М., 1964; *Акимов О. А.* Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв. М., 1965. С. 219—249; *Свердлов М. Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 74—85.

¹³⁵ *Batović S.* Istraživanje ilirskog naselja u Bribiru // *Diadora*. Sv. 4. Zadar, 1968. S. 85—90; *Idem.* Istraživanja liburnskog naselja u Ninu // *Diadora*. Sv. 5. Zadar, 1970. S. 33—44; *Bribir u srednjem vijeku*. Split, 1987.

Объединение всех хорватских земель в едином государстве стимулировало процесс формирования древнехорватской народности. В X—XI вв. этноним хорваты употреблялся для обозначения славян, проживающих в ареале описанной выше древнехорватской археологической культуры Далмации. Славянское население вне этого ареала, к северу от него до XIV—XV вв. (так называемая Паннонская Хорватия), судя по археологическим данными, не входила в состав древнехорватской народности. В источниках это население называется просто «славяне», а территория — «Славинией» или «Словинье»¹³⁶.

Сербы

Наиболее ранние достоверно славянские памятники на территории средневековой Сербии датируются VI—VII вв. Они локализуются исключительно в Сербском Подунавье¹³⁷. Единичные урновые захоронения по обряду трупосожжения выявлены в нижнем течении Дрина (Дворови и Зелинье) и на Дунае севернее устья Савы (Нови Сланкамен и Челарево). В нижнем и среднем течении Дрина (Сасе и Язбине под Бошковичем) и в низовьях Тимока (Кула под Михайловцем, Дунав под Слащиной, Любичевац и Велесница) открыты поселения с лепной славянской керамикой. В Велеснице, Прахово, Петровом Селе и Нови Бановци найдены пальчатые фибулы, указывающие на антское происхождение славянского населения, осевшего в Сербском Подунавье. Нужно полагать, что этот регион был областью первоначального оседания балканских сербов (рис. 102).

Сербы, заселившие Балканы, как и сорбы на Эльбе, были частями праславянского племени, проживавшего в римское время где-то в антском регионе Северного Причерноморья. Иранское или индоарийское происхождение этнонима сербы представляется неоспоримым. Л. Нидерле в этой связи высказал догадку о том, что сербы — группа славян, расселившаяся в VI в. на среднем Дунае и получившая название от местных сарматов, которые были славянизированы. Более вероятной является мысль о появлении в славянском мире этнонима сербы в антском регионе Северного Причерноморья в условиях славяно-иранского симбиоза.

¹³⁶ Историја народа Југославије. Т. 1. Београд, 1953. С. 168.

¹³⁷ Јанковић М. и Ђ. Словени у Југословенском Подунављу. Београд, 1980; Trifunović S. Slovenska naselja V—VII veka u Bačkoj i Banatu // Проблемы славянской археологии (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 1). М., 1997. С. 173—184.

Истоки этого этнонима восходят к античным сербам, упоминаемым в трудах Птолемея и Плиния и локализуемым на Северном Кавказе¹³⁸. Очевидно, это было какое-то неславянское племя, ираноязычное или, как полагает О. Н. Трубачев, индоарийское¹³⁹. Этот исследователь этимологически связывает этноним с древнеиндийским *śiras* 'голова' и полагает миграцию этого индоарийского племени (после II в. н. э.) из Северного Кавказа через Крымский полуостров, где его пребывание фиксируется топонимикой, в пределы славянства в Северное Причерноморье с последующей его ассимиляцией. Наиболее вероятным районом вхождения неславянских сербов в славянский мир, согласно О. Н. Трубачеву, был Южный Буг¹⁴⁰.

Импульсом миграции сербов из Севернопричерноморского региона на запад стало аварское нашествие. По всей вероятности, они оказались включенными в мощные миграционные потоки, направившиеся в Среднедунайские земли. Появление сербов в Сербском Подунавье, нужно полагать, непосредственно связано с первой аварской миграционной волной. По-видимому, очень скоро из Подунавья сербы расселились в южном и юго-западном направлениях, освоив западнобалканские области центральной Сербии (Рашки), Воеводины, Боснии и Герцеговины, вплоть до побережья Адриатического моря.

Памятников археологии на этой территории, непосредственно предшествующих сербской колонизации, известно крайне мало. Одним из таковых является могильник Михалевици в Боснии, в котором в результате раскопок открыты труположения конца V—VI в. Некрополь принадлежит местной романизированной популяции с остатками остроготов¹⁴¹. Очевидно, что прежнее романизированное население этих земель сильно пострадало от аварских набегов и грабежей и сохранилось лишь небольшими островками.

В сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империй» помещен рассказ о происхождении сербов Балканского полуострова. В основе его, как показал Г. А. Острогорский, находится информация из

---

¹³⁸ *Swoboda W.* Serbowie starożytnie // *Słownik starożytności słowiańskich*. T. V. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1972. S. 146.

¹³⁹ *Трубачев О. Н.* Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // *Вестник древней истории*. 1978. № 4. С. 73—75.

¹⁴⁰ *Трубачев О. Н.* *Indoarica в Северном Причерноморье*. М., 1999. С. 118—121.

¹⁴¹ *Époque préhistorique et protohistorique en Yougoslavie. Recherches et résultats*. Beograd, 1971. P. 55—56.

не дошедшей до нас «Хроники сербских правителей», составленной между 927/8 и 944 гг.¹⁴²

Константин Багрянородный пишет, что «сербь происходят от некрещеных сербов, называемых также „белыми“ и живущих по ту сторону Турции в местности, именуемой Войки. С ними граничит Франгия, а также Великая Хорватия, некрещеная, называемая также „Белой“. Там-то и живут с самого начала эти сербы. Но когда двое братьев получили от отца власть над Сербией, один из них, взяв половину народа, попросил убежища у Ираклия, василевса ромеев». Далее рассказывается, что византийский император Ираклий (610—641 гг.) поселил сербов в «феме Фессалоники», но вскоре они решили возвратиться в прежние места проживания. Однако при переправе через Дунай сербы переменяли свое намерение и вновь попросили поселить их на землях Империи. «Поскольку нынешняя Сербия, Пагания, так называемая страна захлумов, Тервуния и страна каналитов были под властью василевса ромеев, а страны эти оказались безлюдными из-за аваров (они ведь изгнали оттуда римлян, живущих в теперешней Далмации и Диррархии), то василевс и поселил означенных сербов в этих странах»¹⁴³.

Из текста Константина Багрянородного также следует, что ранее балканские сербы жили по соседству с Франкским государством (Франгией) и Великой Хорватией. Однако надежно локализовать этот регион не представляется возможным. Тем более что в следующей главе труда «Об управлении империей» сообщается, что сербами были также захлумы, которые прибыли «... от некрещеных поселенцев на реке Висле (их называют личики) и поселились на реке, именуемой Захлума»¹⁴⁴. Эта информация Константина Багрянородного послужила основой для целого ряда гипотетических построений¹⁴⁵.

Археологические материалы не позволяют согласиться ни с одной из догадок, высказанных в исторической литературе. По-видимому, можно присоединиться к Л. Нидерле, который утверждал, что каких-либо дока-

---

¹⁴² *Острогорски Г.* Порфириогенитова хроника српских владара и њени хронолошки подаци // Сабрана дела Георгија Острогорског. Кн. 4. Београд, 1970. С. 79—86.

¹⁴³ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей... С. 141.

¹⁴⁴ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей... С. 149 и 151.

¹⁴⁵ *Vlahović P.* Current theories about the settlement of Slavs in the contemporary Yugoslavian countries and their antropological confirmation // *Ethnologica slavica*. Т. IV. Bratislava, 1972. Р. 25—41; *Новаковић Р.* Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво. Београд, 1978. С. 362—387.

зательств существования Великой Сербии нет и, скорее всего, «Константин создал северную Великую Сербию лишь как *folii* к традиции о Великой Хорватии»¹⁴⁶.

На основании цитированного выше отрывка из труда Константина Багрянородного освоение сербами западных земель Балканского полуострова следует датировать вторым—третьим десятилетиями VII в. Весьма вероятно участие в этом процессе византийской администрации, заинтересованной в охране своих территорий от посягательств со стороны Аварского каганата.

Павел Диакон сообщает о крупном походе славян Адриатики в 662 г. против лангобардов Южной Италии. На «множестве кораблей» славяне пересекли Адриатическое море и достигли города Сипонта. В этой связи историки полагают, что во второй трети VII в. в прибрежной части сербского ареала возникло крупное сербское племенное образование. Очевидно, оно имело провизантийскую направленность и военная операция 662 г. была организована Византией. По словам Константина Багрянородного, сербы приняли христианство уже при императоре Ираклии.

Древности периода первоначального освоения Балкан сербскими племенами очень трудно улавливаются археологическими методами¹⁴⁷.

Несомненный интерес в этом отношении представляет недавняя работа Д. Янковича, в которой собраны данные о специфических погребальных памятниках, именуемых «громилами»¹⁴⁸. Это могильники, состоящие из небольшого числа невысоких курганообразных насыпей, сооруженных из грунта с многочисленными камнями. При раскопках ряда таких насыпей обнаружить остатки погребений обычно не удастся, среди камней отдельных «громил» встречены разрозненные кости животных и фрагменты керамики. Лишь в единичных «громилах» зафиксированы слабые следы остатков захоронений. При раскопках в некоторых могильниках были найдены отдельные вещи, которые наряду с керамическими находками позволяют датировать памятники в целом второй половиной I тыс. н. э. Д. Янкович полагает, что «громилы» были этнографически сербскими погребальными памятниками, и на основании их распространения очерчивает территорию проживания сербов в IX в.

---

¹⁴⁶ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 78.

¹⁴⁷ Ljubinković M. Problemi arheoloških istraživanja VI—VII veka u Jugoslaviji, sa posebnim osvrtom na probleme slovenske arheologije // Materijali III. Simpozijum praiistorijske i srednjevekovne sekcije Arheološkog društva Jugoslavije. Beograd, 1966. S. 83—99.

¹⁴⁸ Јанковић Ђ. Српске громиле. Београд, 1998.

В VIII—IX вв. на всей территории расселения сербского этноса складывается довольно однородная культура, известная в основном по погребальным памятникам. Это грунтовые некрополи, обычно состоящие из многих десятков, а иногда и сотен могил с захоронениями по обряду трупоположения с широтной ориентацией. Предполагается, что господство ингумации в Сербии было обусловлено воздействием христианской религии. Это действительно так, но вместе с тем следует иметь в виду, что ритуал трупоположения был привнесен сербскими племенами из своих прежних мест проживания в антской среде. Раннесредневековые сербские могильники функционировали продолжительное время, некоторые — до XIV—XV вв. включительно. На части их имелись церкви, но погребения содержат вещевые находки, отражая языческое наследие.

Обзор этих сербских кладбищ сделан в двух работах Г. Марьянович-Вуевич¹⁴⁹. Есть и публикации отдельных исследованных раскопками памятников¹⁵⁰.

Наиболее ранние могильники с захоронениями VIII—IX вв. выявлены преимущественно в Подунавье¹⁵¹. Так, в некрополе у с. Грабовица в местности Позаймиште раскопано 26 захоронений, в том числе с гроздевидными серьгами¹⁵². Разрушенное кладбище, из которого происходят вещи VIII—XII вв., зафиксировано в Брестовике в районе Белграда.

Более многочисленную группу составляют некрополи, основанные в IX—X вв. Они известны уже на всей территории расселения сербских племен¹⁵³. Погребальный обряд в этих памятниках однообразен — умерших погребали в прямоугольные ямы с несколько закругленными углами, на спине, головами на запад (с сезонными отклонениями). Нередко

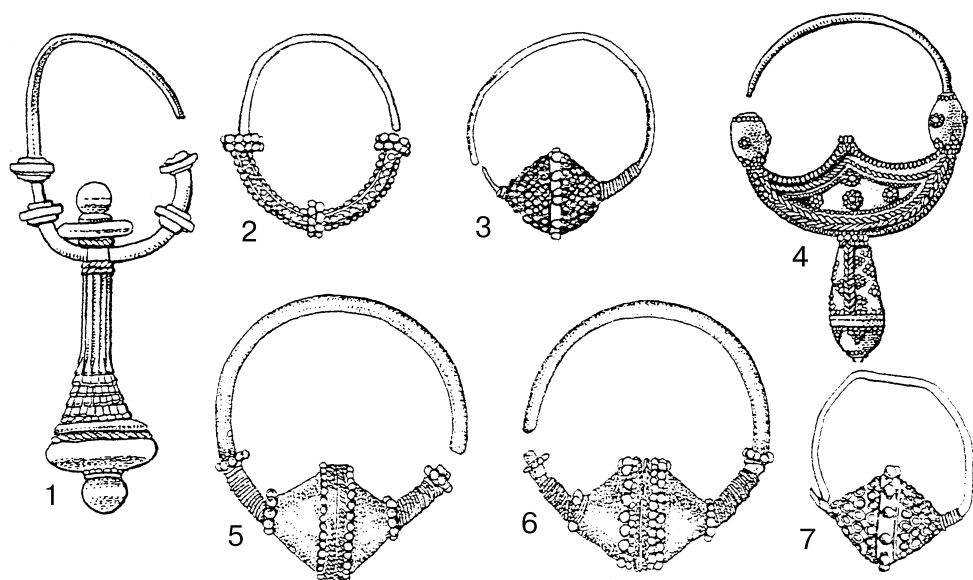
¹⁴⁹ *Марьянович-Вуевич Г.* Прилог проуаванью историјата истриживања средњовековних некропола у Србији // *Старинар*. Кн. XXXVI. Београд, 1986; *Она же*. Средњовековне некрополе у Србији евидентиране кроз археолошка ископавања // *Старинар*. Кн. XXXVII. Београд, 1987. С. 191—207.

¹⁵⁰ *Марьянович-Вуевич Г.* Трњане. Србска некропола (крај — почетак века). Београд, 1984.

¹⁵¹ *Јанковић М. и Ђ.* Словени у Југословенском Подунављу...

¹⁵² *Ерцеговић-Павловић С.* Гробовица. Раносредњовековно насеље // *Ђердапске свеске*. Т. III. Београд, 1986. С. 346—361.

¹⁵³ Археолошки споменици и налазишта у Србији. I. Западна Србија. Београд, 1953; II. Централна Србија. 1956; *Милетић Н.* Словенска некропола у Гомјаници код Приједора // *Гласник Земалског музеја Босне и Херцеговине*. XXI—XXII. Сараево, 1967; *Он же*. Словенска некропола у Миховљанима код Банја Луке // *Там же*. XXXIV. 1980.

Рис. 104. Серьги из памятников сербов

1 — Браничево; 2, 3, 7 — Трняне; 4 — Мачванска Митровица; 5, 6 — Винча.

погребенные обставлялись крупными каменными плитами. В некоторых могильниках открыты и каменные саркофаги с двускатными перекрытиями, явно отражающие позднеантичное наследие¹⁵⁴. В похоронном ритуале сербских некрополей отмечены и некоторые особенности, восходящие к славянскому язычеству. Обстоятельная характеристика обрядности сербов по материалам могильников X—XII вв. дана в специальной работе Г. Марьянович-Вуевич¹⁵⁵.

В захоронениях рассматриваемых некрополей обнаружено большое число различных вещевых находок. В женских захоронениях обычны разнообразные украшения (рис. 104). Для IX—X вв. весьма характерны бронзовые и серебряные серьги с четырьмя биконическими или ягодообразными утолщениями, из которых два находятся на проволоочном стержне, а два других выступают за его пределы; гроздевидные гранулированные и серповидные серьги с привесками; перстни простейших типов и шейные ожерелья из разноцветных пастовых бус.

¹⁵⁴ Minić D. La site d'habitation médiéval de Mačvanska Mitroviца // Sirmium. T. XI. Beograd, 1980.

¹⁵⁵ Marjanović-Vujović G. Burial Rite in Nekropolises of 11th—12th Century in territory of Serbia // Balcanoslavica. T. 9. Prilep, 1986.

Большинство украшений XI—XII вв. принадлежат к изделиям массового ремесленного производства¹⁵⁶. В это время широкое распространение получили проволоочные височные кольца небольшого диаметра. Большая часть их имеет сомкнутые концы. Широко бытуют и проволоочные однобусинные серьги. Бусы чаще имеют биконическую форму, реже ягодообразную. Они обычно орнаментированы зернью или псевдозернью. Шейные ожерелья состояли из разнообразных бус, иногда дополненных привесками — бубенчиками или крестиками. В некоторых захоронениях встречены и браслеты из цветных металлов — пластинчатые или витые из трех—четырех проволок. Довольно частыми находками являются бронзовые перстни — проволоочные, пластинчатые и печатные. Во многих мужских могилах вещевых находок не встречено, в других обнаружены железные ножи, кресала, бронзовые и железные пряжки. Как мужские, так и женские погребения иногда сопровождалась глиняными сосудами¹⁵⁷.

Ювелирное ремесло сербов развивалось на базе позднеантичного наследия в условиях влияния со стороны византийских мастеров¹⁵⁸. Византийское влияние сказывалось и в других элементах раннесредневековой сербской культуры, в том числе и в керамическом производстве.

Поселениями сербов в VII—XI вв. были преимущественно открытые селища с наземными (изредка с опущенным в грунт полом) постройками срубной и каркасно-столбовой техники. Нередко сербы селились и на сохранившихся или разрушенных поселениях местного романизированного населения, при этом ими использовались прежние постройки. Наследием античного и византийского времени были города и крепости, которые постепенно пополнялись славянским населением. Такие античные города, как Сремска Митровица, Белград, Гамзиград и другие, к последним векам I тыс. н. э. стали славянскими. Согласно изысканиям П. Мийовича, в регионе Дукля первый этап славянского освоения этих земель не оставил никаких следов в городской культуре. Только начиная с IX в. в городах появляется славянский этнический компонент, который со вре-

---

¹⁵⁶ Радојковић Ђ. Накит код Срба. Београд, 1969; Накит на тлу Србије из средњовековних некропола од IX—XV века. Београд, 1982.

¹⁵⁷ Микић Д. Керамичке посуде као гробини прилози на средњовековним некрополама у Србији // Годишњак Музеја града Београда. Београд, 1978.

¹⁵⁸ Čorović-Ljubinković M. Les influences de l'orfèvrerie Byzantine sur la parure de luxe Slave de IXe au XIIe siècles // Actes du XII-e Congrès International des Études Byzantines. T. III. Beograd, 1964. P. 35—39.

менем становится доминирующим¹⁵⁹. Становление Белграда как славянского города определяется IX—X вв. Культурные напластования IX в. зафиксированы в «Верхнем городе», где в то время имелась уже деревянная крепость. В X в. возникает городской посад в «Нижнем городе». Накануне возникновения города в округе наблюдается концентрация поселений VII—X вв.¹⁶⁰

Расселившаяся на Балканах часть праславянского племени сербов, очевидно, была единой. Древних племенных образований в ее составе не выявляется. Известные по письменным памятникам X в. подразделения внутри балканских сербов были территориальными новообразованиями. Таковы дукляне — жители Дукли, захлумяне — жители Захлумья, травуняне — жители Травунии, мораване, тимочане, названные по рекам, на которых они поселились. В ареале сербов имелась еще Пагания, то есть земля язычников, названная так потому, что поселенцы ее «не приняли крещения в то время, когда были крещены все сербы». Завершение христианизации сербов относится к периоду правления императора Василия I (867—886 гг.), который, по сообщению Константина Багрянородного, обратил сербов в христианство и назначил им князей. В Пагании в среде крестьянства язычество господствовало еще в X в.

Во «Франкских анналах» в информации о событиях начала IX в. сербы фигурируют как особая народность, занимавшая значительную часть Далмации (в античном понимании — от побережья Адриатического моря до реки Савы). Сербы к этому времени, нужно полагать, ассимилировали остатки местного романизированного населения и включили в свой состав мелкие славянские группы несербского происхождения, если таковые были на их территории.

В IX—X вв. в сербских землях имелось пять—шесть раннефеодальных княжеств, подвластных Византии. Только в 1034—1042 гг. образовалось самостоятельное Сербское государство, покончившее с зависимостью от

---

¹⁵⁹ *Deroko A.* Srednjovekovni gradovi u Srbiji, Črnoj Gori i Makedoniji. Beograd, 1950; *Popović M.* Les villis médiévales Serbes. Développement et forme // Проблемы славянской археологии (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 1). М., 1997. С. 33—41; *Мийович П.* Проблемы исследования славянских городов в Черногории // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. Т. 2. Bratislava, 1980. С. 269—275.

¹⁶⁰ *Јанковић М.* Београд и његова околина од IX до XI века // Проблемы славянской археологии (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 1). М., 1997. С. 42—52.

Византии. Завершающая стадия формирования сербской народности относится уже ко времени Неманичей¹⁶¹.

В языковом отношении сербы и хорваты составляют единство. Они пользуются общим сербохорватским языком. Различия между сербским и хорватским вариантами этого языка носят второстепенный характер, сербы пользуются кириллицей, а хорваты — латинской графикой. На территории сербохорватского языка ныне выделяется три диалектные области. Наибольшее распространение получило штокавское наречие, занимающее все области расселения сербов и черногорцев, а также значительные смежные земли хорватов. Кайкавское наречие локализуется в северо-западной части хорватской территории, включая регион Загреба. Чакавские говоры концентрируются в западных местностях Хорватии, в Истрии, на побережье и островах Адриатики¹⁶². Языковая общность сербов и хорватов и их диалектная нерасчлененность дают основание полагать, что в праславянский период их предки составляли близкородственные племенные образования на антской территории Северного Причерноморья.

Болгары

Известия, содержащиеся в исторических сочинениях авторов VI—VII в., надежно свидетельствуют, что восточные области Балканского полуострова в той его части, где сложился болгарский этнос, были заселены славянами. К сожалению, памятники археологии этого времени остаются неизученными в достаточной степени. Исследовались в основном поселения и могильники славянского населения VI—VII вв. в поречье нижнего течения Дуная¹⁶³. В центральной и южной частях территории Болгарии во второй половине VI в., как свидетельствуют письменные источники, славяне находились в стадии частых перемещений и были еще малочисленными. Исторические данные не дают возможности датировать массовое расселение славян на территории к югу от нижнего Дуная. Одни исследователи допускают, что это имело место в середине VI в., другие оп-

---

¹⁶¹ Бирковић С. Образовање српске државе. Београд, 1983; Наумов Е. П. Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 189—218.

¹⁶² Поповић И. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.

¹⁶³ Въжарова Ж. Н. Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI—XI вв. на територията на България. София, 1976.

ределяют этот процесс временем после 582—583 гг., когда имел место прорыв византийского рубежа на Дунае, третьи — периодом после 602 г., когда войска Империи оставили крепости на своей северной границе¹⁶⁴. В VII столетии жизнь и быт славянских поселенцев в восточной части Балканского полуострова только что налаживались, поэтому их поселения этого времени обнаружить затруднительно. Культурные отложения селищ оказались потревоженными (а нередко уничтоженными) активной деятельностью последующих исторических периодов. Тем не менее не подлежит сомнению, что в основе хозяйства славян было земледелие при развитом животноводстве¹⁶⁵. Известно, что в третьей четверти VII в. славяне уже вели торговлю продуктами сельского хозяйства с византийскими городами¹⁶⁶.

На основе исторических данных достаточно очевидно, что славяне ко времени прихода орды Аспаруха заселяли области Малой Скифии и Мисии, а в районе Варны и приморские земли. Часть славянского населения входила в политико-территориальное образование (славинию), хорошо известное византийцам под наименованием «Семь родов». Эта часть славян занимала северное пограничье Византийской империи, по соседству с территориями, контролируемыми аварами и Аспарухом. На правах федератов союз «Семь родов» обязан был охранять границы Византии, получая за это какое-то условленное вознаграждение. В составе славянского населения, не входившего в эту славинию, известны северы, о которых речь шла выше. Имена других племен не зафиксированы письменными материалами.

В 80-х гг. VII в. в славянские земли Западного Причерноморья вторглись болгары — тюркоязычные племена, пришедшие из Центральной Азии. Впервые они были зафиксированы в письменных документах в IV в. н. э., когда они проживали на Северном Кавказе. Со второй половины IV в. болгары локализуются в основном в Приазовье. В последних десятилетиях VI и в начале VII в. они находились в зависимости от Запад-

---

¹⁶⁴ *Топкова-Заимова В.* Нашествия и этнические промени на Балканите. София, 1966. С. 59—88; *Топкова-Заимова В.* Ethnische Schichten auf dem Balkan und die byzantinische Macht im 7. Jahrhundert // *Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus.* Berlin, 1978. S. 66.

¹⁶⁵ *Čankova-Petkova G.* Gesellschaftsordnung und Kriegskunst der slawischen Stämme der Balkanhalbinsel (6.—8. Jh.) nach den byzantinischen Quellen // *Helikon*, 1962. № 1—2. S. 267.

¹⁶⁶ Извори за българската история. Т. VI. Гръцки извори. Т. III. София, 1960. С. 150, 154, 160.

нотюркского каганата. Во время междоусобных войн между конфедератами Каганата в 30-х гг. VII в. приазовские болгары сумели освободиться из-под власти тюркютов. Вождь племени гунногундур Кубрат объединил разрозненные болгарские орды, создав военно-политическое образование, известное в Византии как «Великая Болгария». Кубрат установил тесные контакты с Византийской империей. Однако после его смерти в середине VII в. политический союз болгарских племен в Приазовье распался. Воспользовавшись этим, Хазарский каганат принудил восточно-приазовскую орду болгар, возглавляемую Батбаяном, старшим сыном Кубрата, признать свое господство и выплачивать дань. Другая болгарская орда во главе с Котрагом под напором Хазарского каганата ушла на среднюю Волгу.

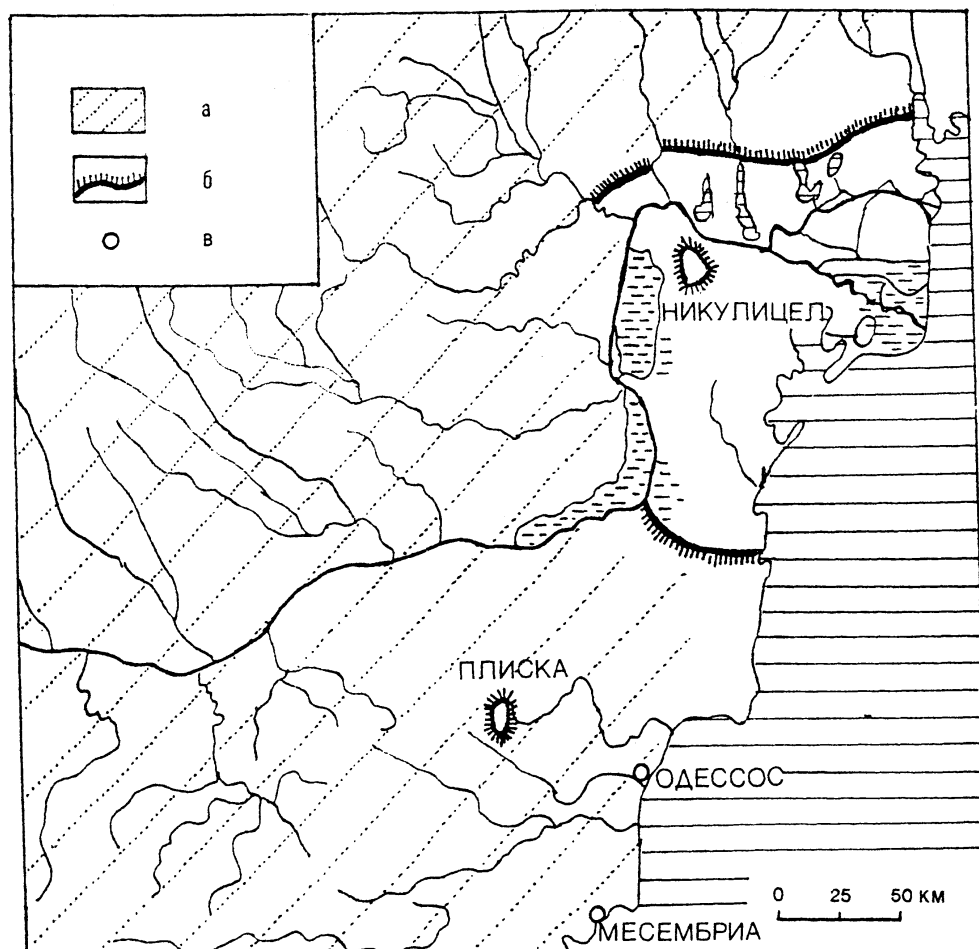
Дольше других сопротивлялась хазарам орда Аспаруха. В 70-х гг. VII в. она вынуждена была оставить степи Приазовья и переселиться на запад. В «Хронике Феофана» сообщается, что хан Аспарух с болгарской ордой, «переправившись через Днепр и Днестр и достигнув Онгла, более северных по отношению к Дунаю рек, поселился между ним и ими, рассудив, что место безопасно и трудно для овладения с любой стороны».

Местность Онгл многими исследователями локализовалась севернее Дуная, в низовьях Серета и Прута. Другая группа историков допускала, что Онгл находился в болотистых низовьях Дуная, что получило некоторую, в том числе археологическую, аргументацию в работах Р. Рашева и других ученых¹⁶⁷. С севера и юга эта местность защищена многокилометровыми валами (их сооружение относится к предшествующим периодам, но они могли быть использованы болгарской ордой), с востока ее ограничивало Черное море, с запада — Дунай с заболоченными пространствами. Здесь, около Никулицел, имеются остатки земляного укрепления, где могла располагаться ставка Аспаруха (рис. 105).

Археологические памятники болгар в Приазовье и местности Онгл не обнаруживаются. Они вели кочевой образ жизни, и трассы кочевания для каждой из родоплеменных групп не были строго регламентированы.

---

¹⁶⁷ Rašev R. L'Onglos — témoignages écrites et faits archéologiques // Bulgarian Historical Review. 11. Sofia, 1982. P. 68—79; *Idem.* Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII—XI вв.). Варна, 1982; *Божилев Ив.* Към историческата география на Северозападното Черноморие // Известия на Народния музей — Варна. Кн. 11. Варна, 1975. С. 27—36; *Димитров Д. И.* Прабългарите по северното и западното Черноморие. Варна, 1987. С. 191; *Hălcescu C.* Din nou despre Onglos // Studii și cercetări de istorie veche. T. 40. București, 1989. P. 340.

**Рис. 105. Первый этап расселения протоболгарских орд
Аспаруха (до 680 г.) и Плиска**

а — территория, освоенная славянами до прихода протоболгар; **б** — валы, использованные Аспарухом, и его резиденции; **в** — византийские города.

Постоянные становища еще не устраивались, поскольку их стада, состоящие из коней, овец и коз, не требовали в зимнее время специальных помещений и заготовки кормов.

Византийский император Константин IV, узнав о том, что болгары разбили лагерь у Дуная в Онгле и разоряют окрестные земли, направил к Дунаю войска и флот. Болгары, как сообщают хронисты, первоначально укрылись в укреплениях. Византийцы же из-за болотистой местности

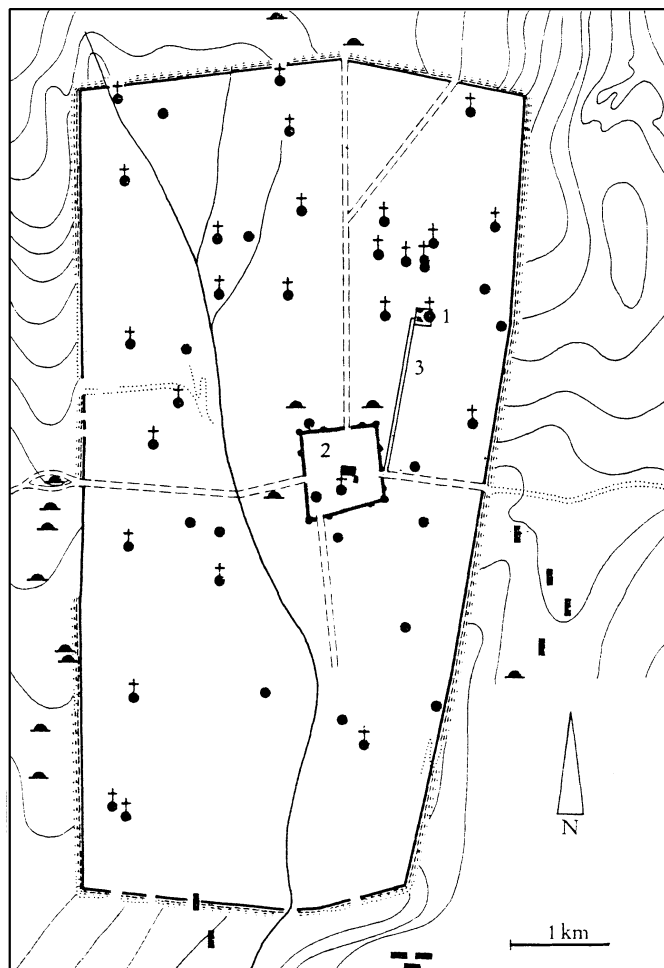

Рис. 106. План Плиски

1 — большая базилика; 2 — дворец; 3 — мощеные улицы.

медлили с нападением на болгарский лагерь. Вскоре болгары осмелели и нанесли большой урон войскам Империи. Преследуя их, болгары Аспаруха двинулись вдоль черноморских берегов на юг от Дуная. Достигнув окрестностей Варны, они осели в этих землях. Оттуда они постепенно распространили свою власть на широкую территорию, заселенную славянами-земледельцами, между поречьем Дуная и Балканскими горами.

Подчинение славян Аспаруху обошлось, очевидно, без серьезных столкновений. Став повелителем славян, племя северов он переселил на

юг, к приморскому проходу; северы должны были препятствовать вторжениям византийцев. Славянское объединение «Семь родов» было сформировано, при этом Аспарух переселил часть славянского населения на запад для защиты своих владений от Аварского каганата. Другие группы славян сами признали верховную власть Аспаруха. Перемещения славянского населения к югу в порубежные земли с Византией и к северо-западу, к границам с Аварским каганатом документируются археологическими материалами¹⁶⁸.

Болгары-тюрки, или протоболгары, как они именуются в историко-археологической литературе для разграничения от болгар-славян, устроили свои станы в регионе Плиски — Шумена. Резиденция Аспаруха была основана на месте славянского селища Плиски и создавалась по кочевнической традиции. В плане она имела форму двух концентрических трапеций (рис. 106). Общая площадь ее достигала 23 кв. км. Центральная часть отводилась ставке хана, периферийная предназначалась для шатров сородичей и стад скота. Окружал резиденцию глубокий и широкий ров общей длины около 21 км. Почти в центре этого укрепленного лагеря была устроена крепость с мощной каменной стеной по периметру (около 3 км). Крепость и здания внутри нее (дворцовые постройки, баня, бассейны, цистерны для воды) были сооружены из огромных известняковых блоков, лишь в некоторых постройках использовался и кирпич. Корни каменного строительства ханской резиденции идут в Византию, оно велось квалифицированными мастерами — византийцами и, может быть, славянами, следы пребывания которых зафиксированы археологически¹⁶⁹.

В окрестностях Плиски археологическими работами изучались два крупных селения протоболгар. Следы их станов обнаружены и в других местах Малой Скифии. Жилищами протоболгар были юртообразные сооружения. Одно из них, раскопанное в Блашково в округе Варны, имело овально-подчетыреугольные очертания свыше 4 м в поперечнике и прирезку для входа. Пол жилища был опущен в грунт на 30 см. По периметру прослежено свыше четырех десятков ямок от кольев, составляв-

---

¹⁶⁸ Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bd. 1. Bonn, 1992. S. 21—24.

¹⁶⁹ Михайлов Ст. Първата славянска столица Плиска в светлината на последните археологически разкопки // Slovenská archeologia. Т. VII. Bratislava, 1959. С. 366—368; Ваклинов Ст. Плиска за тридесет години // Археология. София, 1974. № 3. С. 30—39. Rašev R. Pliska. The First Capital of Bulgaria // Ancient Bulgatia. Papers presented to the International Symposium on the Ancient History and Archaeology of Bulgaria. University of Nottingham, 1981. Nottingham, 1983.

ших каркас юрты. В ее срединной части имелся углубленный очаг¹⁷⁰. Подобные юрты овальных очертаний исследовались еще на раннеболгарских поселениях около Кладенци в Толбухинском округе, в Стериев близ г. Бяла, в Нова Черна в Селистренском округе¹⁷¹. На поселении у с. Река Девня найдена глиняная модель юртообразного жилища¹⁷².

Власть Аспаруха распространялась на территорию от долины Тимока на западе до берегов Черного моря на востоке, основным, довольно многочисленным населением которой были славяне (рис. 107). После ряда набегов протоболгар на земли Византийской империи к югу от Балканских гор она была вынуждена заключить с Аспарухом мирный договор с выплатой ему ежегодной дани.

Время Аспаруха — начальный этап становления государственности. Это было военно-политическое образование, высшая власть в котором принадлежала пришлому кочевому тюркоязычному племени, а основу населения составляли славяне-земледельцы.

На первых порах Болгария была обычным полукочевым государством, в главе которого стоял связанный со своим родом и знатью хан. Ему были подвластны как другие протоболгарские роды, так и славянское население. Последнее в окраинных землях имело самоуправления во главе с князьками, которые возглавляли отряды славянских ополченцев. Они участвовали в военных операциях хана и несли службу по охране границ формирующегося государства. Это была своеобразная федерация, ядро которой составляли болгары-тюрки, а периферию — зависимое славянское население, по численности заметно превосходящее властителей. Государственным языком в этой державе первоначально был тюркский. В течение полутора столетий (примерно до 30-х гг. IX в.) государство сохраняло некоторые особенности, унаследованные от предшествующей эпохи родоплеменного строя кочевого этноса.

Вплоть до начала IX в. отчетливо различается дуализм этнической структуры населения Болгарии. Наиболее ярко он документируется погребальными памятниками (рис. 108).

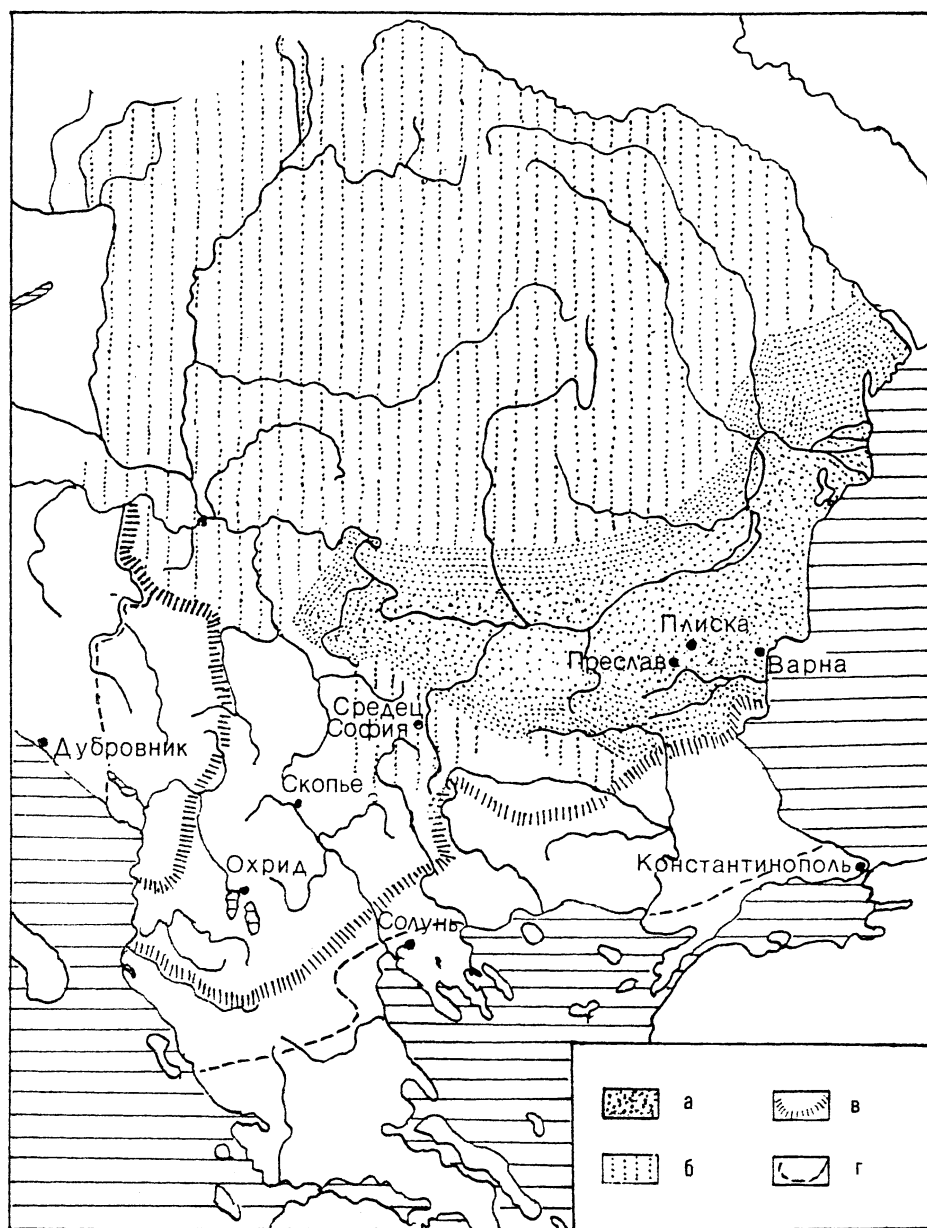
---

¹⁷⁰ Димитров Д. И. Принос към изучаването на старобългарското жилище в Североизточна България // Известия на Народния музей — Варна. Кн. IX (XXIV). Варна, 1972. С. 101—108.

¹⁷¹ Dimitrov D. I. Neue Angaben von den Protobulgaren im Nordöstlichen Bulgarien auf Grund archäologischer Forschungen // Studia in Honorem Veselini Beševliev. Sofia, 1978. S. 379—381.

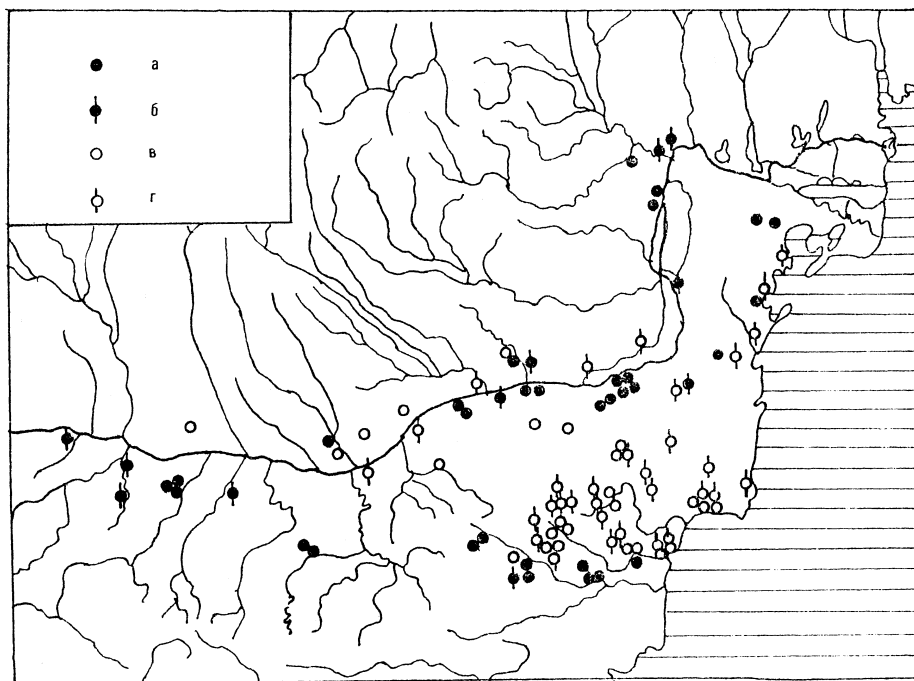
¹⁷² Вължарова Ж. Н. Юрто-жилище на прабългарите модел // Преслав. Сборник. Т. I. София, 1966.

Рис. 107. Территория Болгарского государства

а — при хане Аспарухе (681—701 гг.); **б** — при Тервеле (701—718 гг.); **в** — при Круме (803—814 гг.) и Омуртаге (814—831 гг.); **г** — при князе Борисе (852—889 гг.); **д** — при Симеоне (893—927 гг.).

**Рис. 108. Могильники славян и протоболгар
на территории государства Аспаруха и Тервела**

а — достоверно славянские могильники; **б** — могильники, относимые к славянам предположительно; **в** — достоверно протоболгарские могильники; **г** — могильники предположительно протоболгарские.

Одним из характерных для дунайских протоболгар (расселившись в западнопричерноморских землях, они стали хоронить умерших на стационарных кладбищах) является бескурганный могильник близ Нови Пазар, датируемый концом VIII и началом IX в. Господствовал обряд труположения с ориентацией ССВ—ЮЮЗ. В одной из могил рядом с мужчиной был погребен конь. Захоронения сопровождалось обильными вещевыми инвентарями. Это поясные принадлежности, сабли, костяные накладки лука, украшения и другое, а также горшки с яйцевидными туловами и кувшины (рис. 109)¹⁷³. Аналогичные некрополи открыты и в иных местах.

¹⁷³ Михайлов Ст. Един старинен некропол при Нови Пазар // Известия на Археологическия институт. Кн. XX. София, 1955. С. 293—336; Станчев Ст. и Иванов Ст. Некрополът до Нови Пазар. София, 1958.

Рис. 109. Керамика VII—IX вв. из памятников Болгарии
(Гарван, Дольни Любовит и Галице)

Славянские могильники характеризуются доминированием захоронений по обряду кремации умерших. Среди них есть урновые и безурновые, абсолютное большинство их являются безынвентарными или малоинвентарными. Единичные урновые захоронения имели покрытия, что, как полагают исследователи, было привнесено в славянскую обрядность от местного фракийского населения. В славянских могильниках встречаются и труположения, как правило безынвентарные.

Исследовались и некрополи, оставленные этнически смешанным населением. Для захоронений по обряду ингумации свойственны ниши и номадские элементы, в том числе кости коня и овцы. Эти могилы принадлежат болгарам-тюрькам, что подтверждается антропологическими изысканиями — черепа этих погребений выявляют некоторые монголоидные особенности. Среди трупосожжений таких могильников доминируют безурновые, но в некоторых из них встречены кости коня, коровы и овцы.

Одним из таких памятников является некрополь Истрия — Капул Винлор, в котором раскопано 55 труположений (многие из могил имели ниши) и 197 захоронений по обряду кремации. У. Фидлер, обобщив-

ший материалы нижнедунайских могильников, полагает, что трупосожжения в них могли принадлежать и славянам, и протоболгарам, но дифференцировать их по этносам не представляется возможным¹⁷⁴.

Процесс сближения болгар-тюрков и славян носил естественно-исторический характер. В условиях, в которых оказались в Западном Причерноморье протоболгары, сохранение ими кочевого хозяйственного уклада оказалось бесперспективным. Здесь не было обширных степных просторов, свободные перегоны скота были ограничены, поскольку значительные площади земель были освоены земледельческим населением. Находясь в тесном общении со славянами, протоболгары стали переходить к оседлому образу жизни, оседая на славянских поселениях. Использование же ими общих кладбищ совместно со славянами говорит не только о территориальном смешении, но и о начале процесса метисации.

Протоболгары перенимали у славян не только атрибуты оседлого земледельческого уклада, но и многие элементы быта и духовной культуры. Как уже отмечалось, доля тюркского элемента по сравнению со славянским была незначительной, а по мере расширения Болгарского государства за счет присоединения новых славянских земель постепенно уменьшалась. К тому же болгары-тюрки оказались рассеянными на широкой территории, и славянская среда все более и более активно поглощала их. Постепенно погребений протоболгар становится все меньше и меньше.

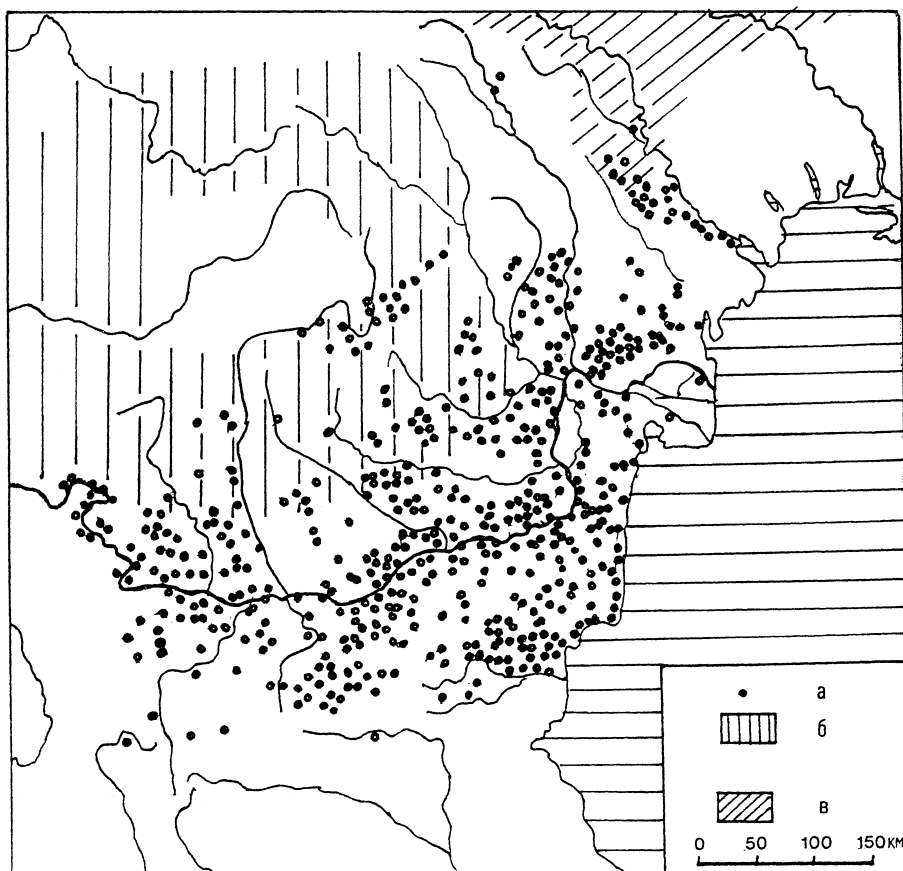
Славянам не было необходимости осваивать тюркский язык. Их непосредственными администраторами были старейшины, жупаны и князья из славянской среды, во главе воинских формирований, состоящих из славян, стояли военачальники-славяне. В таких условиях проникновение тюркского элемента в славянские диалекты было весьма незначительным. Славянами был усвоен лишь минимум тюркско-болгарских лексем, касающихся в основном титулатуры должностных лиц, некоторые воинские термины, наименования специфических бытовых предметов и слов, выражающих основы счета и понятия времени¹⁷⁵.

На рубеже VIII и IX в. на территории совместного проживания славян и протоболгар складывается единая археологическая культура, расцвет которой приходится на IX — начало XI в. Ядром ее стали земли Западного Причерноморья между поречьем Дуная и Балканскими горами.

---

¹⁷⁴ Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern... Bd. 1. S. 246—270.

¹⁷⁵ Коев И. Следи от бита и езика на прабългарите в нашата народна култура // Етногенезист и културно наследство на българска народ. София, 1971. С. 57—61; Мафинов В. За етнокултурните приноси за българското животноводство // Там же. С. 87—92.

Рис. 110. Распространение памятников болгар VIII—IX вв.

а — памятники VIII—IX вв.; **б** — приблизительный регион становления румынского этноса; **в** — восточнославянская область.

Отсюда эта культура распространилась на левый берег Дуная вплоть до южных регионов Прутско-Днестровского междуречья (рис. 110).

Основным типом поселений этой культуры были селища, располагавшиеся обычно среди плодородных участков на склонах речных долин. Жилищами были прямоугольные полужемляночные постройки срубной или плетнево-столбовой конструкции, с двускатными крышами, продолжавшие традиции славянского домостроения. Отапливались они преимущественно печами, сложенными из камней или глины, в сравнительно немногих домах имелись очаги. Интерьер жилищ типично славянский, только в единичных случаях отопительные сооружения размещались в

середине построек. Возле жилых построек нередко отдельно поставленные глиняные хлебные печи и хозяйственные ямы.

На некоторых поселениях зафиксированы следы занятий железнотопкой и кузнечным ремеслом. Раскопками изучены мастерские с орудиями труда. Для характеристики кузнечного дела интересен большой клад железных изделий, найденный близ поселения IX—X вв. в Драгословени в Мунтении. В его составе были две кузнечные наковальни, молоты, клещи, сельскохозяйственные орудия (наральники, чересла, лопатки для очистки рала, оковки лопат, серпы, косы), бытовые предметы, боевые топоры, наконечники копий, удила и стремена. В ряде мест исследовались гончарные горны, которые были глиняными, одноярусными.

Могильники рассматриваемой культуры — грунтовые, с биритуальными захоронениями, свидетельствующие о полном культурном слиянии славян и протоболгар. В некрополе Султана (около г. Олтеница) раскопано 153 могилы IX—X вв. с труположениями и 46 захоронений по обряду кремации. Несожженных умерших помещали в могильные ямы головами преимущественно на запад (или северо-запад). Возле скелетов находились горшки, кувшины, ножи, поясные принадлежности и украшения, в том числе серьги или головные подвески с многогранными зернеными привесками, стеклянные бусы. В некоторых труположениях встречены также отдельные кости, а иногда и целые скелеты овец и птиц, яичная скорлупа, угли, зола. Остатки кремации умерших помещались в обычных горшках или сыпались прямо в ямки, куда бросали и обломки ритуально разбитых глиняных сосудов. Вещевые находки в таких захоронениях единичны¹⁷⁶.

В могильнике Разделна в Варненском округе, наоборот, доминировали погребения по обряду сожжения. Раскопками здесь открыто 216 таких захоронений в урнах и 6 в овальных ямках. Около 50 урновых трупосожжений находилось в специальных гробницах, сооруженных из античного кирпича или камня. Иногда урны накрывались каменными плитками, кирпичами или разбитыми глиняными сосудами. В единичных могилах встречены сожженные кости ягнят и птиц. Погребальный инвентарь крайне беден — железные ножи, пряжки, стеклянные бусы, серьги, браслеты, пряслица, стрелы, серпы¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Mitrea B. La nécropole birituale de Sultana — résultats et problèmes // Dacia. T. 32. Bucureşti, 1988. P. 91—139.

¹⁷⁷ Димитров Д. И. Некрополь при гара Разделна // Известия на Народния музей — Варна. Кн. XIV (XXIX). Варна, 1978. С. 120—152.

В том же округе два могильника раскопаны около Девня. В одном из них выявлено 38 трупосожжений и 51 трупоположение. Могилы с остатками кремации умерших не образовывали особой группы, а располагались рассеянно среди трупоположений. В другом могильнике раскопками изучено 95 трупоположений и 56 сожжений¹⁷⁸.

Разграничение погребений славян и потомков протоболгар в этих могильниках уже невозможно. Болгары-тюрки, переходя к оседлому образу жизни и к земледельческому укладу, смешивались со славянами не только регионально, но и физически. Они перенимали элементы славянской обрядности, и, наоборот, славянами были восприняты отдельные компоненты протоболгарского ритуала.

Несомненный интерес представляет глиняная посуда рассматриваемой культуры¹⁷⁹. Большую часть ее составляют гончарные столовые горшки и одноручные кувшины с округлым туловом, покрытые сплошь лощением или с пролощенным орнаментом в виде сетки, зигзагообразных или прямых вертикальных полос. Эта керамика сопоставима с гончарными изделиями салтово-маяцкой культуры, восходя, как полагают ее исследователи, к аланскому гончарству.

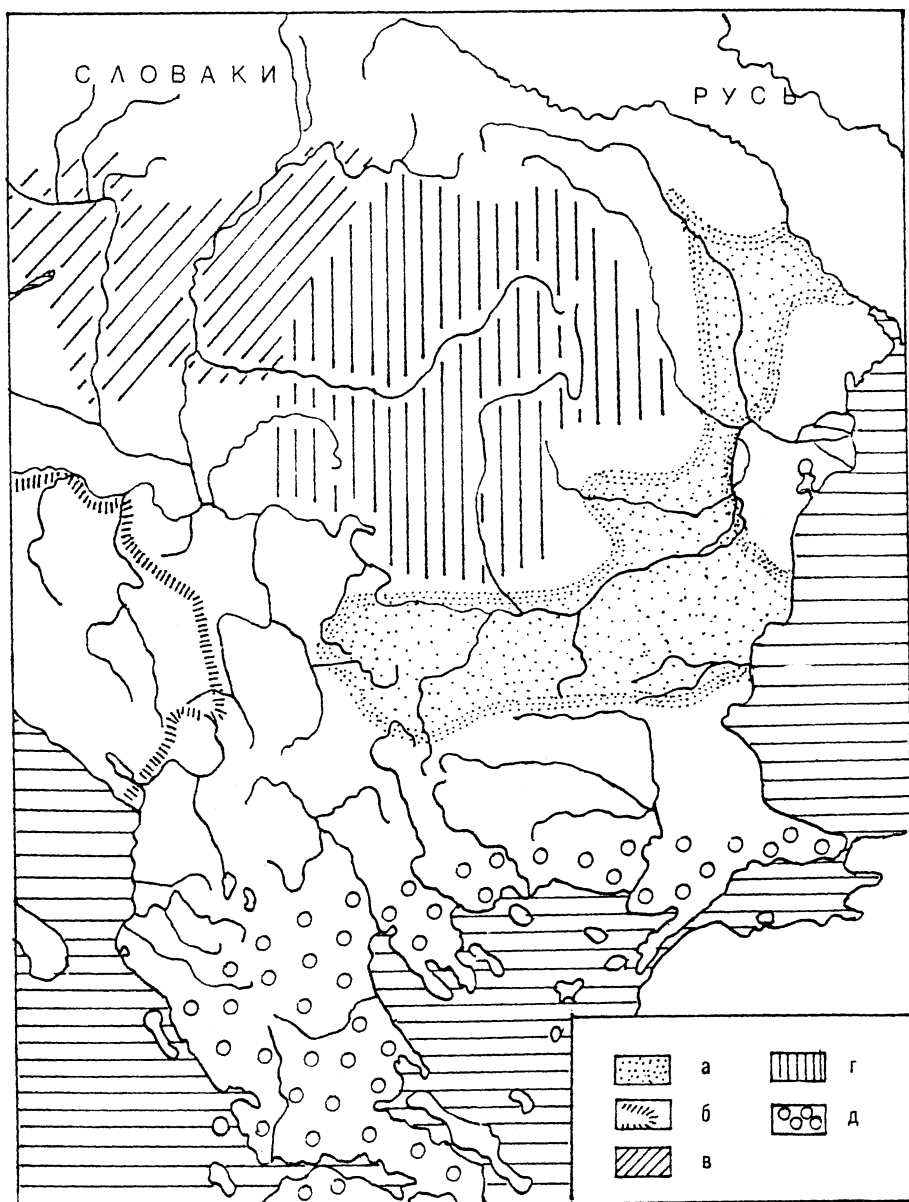
Вторую керамическую группу образуют сосуды, связанные с местным провинциально-римским гончарным делом. Они изготовлены из тонкого глиняного теста с примесью мелкого песка и достаточно хорошо обожжены. Поверхность сосудов красная или серая. Это преимущественно горшки, украшенные по плечикам поясами из врезных линий или каннелюрами. Кроме того, есть миски, высокие двуручные кувшины, в том числе с характерной для византийской керамики IX—X вв. желто-зеленой поливой. Традиции провинциально-византийского гончарства, очевидно, были переданы славянам остатками местного романизированного населения, включенного в общий этногенетический процесс.

Еще одну группу составляют кухонные горшки с красной, коричневой или желтой поверхностью, сформованные из глиняного теста с примесью песка и дресвы. Среди них наибольшее бытование имели горшкообразные сосуды с плавно расширяющимся кверху туловом, которые исследователи связывают с традициями славянского гончарства.

---

¹⁷⁸ Димитров Д. И. Новооткрыт раннобългарски некропол при Девня // Известия на Народния музей — Варна. Кн. VII (XXII). Варна, 1971. С. 57—76; *Он же*. Раннобългарски некропол № 3 при Девня // Там же. Кн. VIII (XXIII). 1972. С. 45—65; *Он же*. Древнебългарские некрополи в Варненском округе // Славяните и средиземноморският свят VI—XI век. София, 1973. С. 75—91.

¹⁷⁹ Новейшее исследование керамики VI—IX вв. Нижнедунайского региона принадлежит У. Фидлеру: *Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern...* Bd. 1. S. 124—170.

Рис. 111. Становление болгарской народности

а — ареал формирования болгарской народности (балкано-дунайской культуры);
б — восточная граница территории сербов; **в** — регион ранневенгерских могильников (по И. Эрдели); **г** — ареал волохов — романского населения, формировавшегося на дако-романской основе (по М. Комше); **д** — ареал греков.

Становление в Западном Причерноморье, между поречьем Дуная и Балканскими горами единой археологической культуры IX—X вв., несомненно, отражает процесс формирования болгарского этноса (рис. 111). Протоболгары, многократно уступавшие по численности оседлому населению, стали приспосабливаться к новому для них хозяйственно-культурному укладу, идентичному славянскому, и постепенно ассимилировались.

Элементы славянизации протоболгар проявляются уже в конце VIII в. Как показал В. Бешевлиев, тюркские надписи этого времени при передаче антропонимов, топонимов и должностной номенклатуры обнаруживают славянское языковое влияние¹⁸⁰. Разграничение болгар—тюрок и славян присутствует в надписях VIII — самого начала IX в. Позднее термин «болгары» стал ассоциироваться со всем населением Болгарского государства. Так, в законоположениях, изданных ханом Крумом (803—814 гг.), никаких различий по этническому признаку уже не делается. В составе ханской администрации уже присутствуют славяне, и роль их постепенно возрастала. Среди приближенных хана находились лица со славянскими именами. В середине IX в. существенных этнических различий среди основной массы населения Болгарского государства не усматривается. Если раньше византийские авторы употребляли термин «болгары» в двух значениях (им обозначались и протоболгары, и население Болгарского государства), то теперь он стал однозначным и применялся для всего населения Болгарии (болгары-тюрки при этом никак не вычленялись). С этого времени можно говорить о начальном этапе становления болгарской народности как одного из этноязыковых образований раннесредневекового славянства. Вскоре славянский (болгарский) язык становится государственным языком Болгарии. Болгары-тюрки в основной массе оказались славянизированными, и лишь кое-где могли сохраняться небольшие островки тюркской речи¹⁸¹.

---

¹⁸⁰ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979. С. 57—58.

¹⁸¹ Вопрос о роли фракийского этнического компонента в этногенезе болгарского этноса не вполне ясен. Одни исследователи считают, что фракийское население Балканского полуострова в те столетия, когда эти земли входили в состав Римской империи, было романизировано и не сохранилось к началу средневековья (Бешевлиев В. Български език. София, 1971. С. 77—78). Однако топонимические данные указывают на сохранение редкого фракийского населения, преимущественно в гористых местностях Мисии, где оно какое-то время контактировало со славянами (Тъпкова-Заимова В. Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966. С. 84; Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971. С. 86—96, 173). В этой связи некото-

Создалась новая этническая общность. Этноним болгары из узкоплеменного стал обозначать всех подданных Болгарского государства. В условиях формирования единой народности, славянской в своей основе и по языку, он стал этнонимом одного из славянских этносов. Областью становления болгарской народности были в основном земли внутрирегионального взаимодействия славянского и протоболгарского населения, которые соответствовали территории формирующегося Болгарского государства¹⁸².

В дальнейшем государственные границы его многократно изменялись, не оказывая какого-либо заметного влияния на этногенез болгарской народности. Вместе с тем нельзя отрицать большого значения государственности в процессе консолидации тюркско-болгарского и славянского этносов и становления единой раннесредневековой народности. Болгарский историк Д. Ангелов, в течение многих лет исследовавший условия формирования этой народности, отводил Болгарскому государству

рыми исследователями высказано предположение о том, что фракийцы в процессе славянского расселения в восточных районах Балканского полуострова были вытеснены с удобных земель. Следы воздействия фракийской культуры выявляются в этнографии (элементы праздничных обрядов, свадебных и похоронных ритуалов, в религиозных представлениях, а также в деталях одежды и украшений) и некоторых фольклорных особенностях (*Милчев А.* Славяните и нардните на римските провинции в источна част на Балканския полуостров // *Berichte des II. Internationale Kongress für slawische Archäologie*. Bd. III. Berlin, 1973. S. 149—150; *Vakarelski Ch.* Des vestiges anciens, probablement thraces, dans la culture materielle des Bulgares // *Thracia. Primus Congressus Studiorum Thracicorum*. T. II. Serdicae, 1974. P. 183—189; *Georgieva I.* Sur certaines influences thraces dans la culture spirituelle du peuple bulgare // *Thracia. Primus Congressus...* P. 213—217; *Koleva T.* Typologie de la fête de la Saint George chez les Slaves du Sud // *Études Balkaniques*. Sofia, 1977. N 1. P. 116—122). Это надежный показатель участия фракийцев в этногенезе болгар. Согласно изысканиям болгарского лингвиста Б. Симеонова, в лексике болгарского языка имеется немало слов, воспринятых от фракийского субстрата. Исследователь полагает, что фракийское население не было окончательно романизировано — получила распространение не латинская речь, а сформировался фракийско-латинский язык. С этим населением и встретились славяне. Фракийский этнос, его язык и культура, заключает Б. Симеонов, стали компонентами формирующейся болгарской народности (*Симеонов Б.* К вопросу о субстратных фракийских элементах в болгарском языке // *Thracia. Primus Congressus...* P. 313—330. См. также кн.: *Этногенез и культурно наследство на българския народ*. София, 1971). Однако данных археологии недостаточно, чтобы решить эту проблему фактологически.

¹⁸² О становлении и развитии Болгарского государства см.: *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне (сборник статей). СПб., 1999. С. 192—217, 237—284.

решающую роль¹⁸³. С этим полностью согласиться трудно, но его роль в создании историко-культурного и административного единства на всем пространстве славяно-протоболгарского взаимодействия несомненна.

Болгарская держава способствовала развитию монументальной архитектуры. Начиная с IX в. в Болгарии возводятся множество зданий, в которых не только были восприняты традиции византийского мира, но и продемонстрировано стремление к нововведениям. Помимо строительной активности в дворцовом комплексе Плиски, где строятся большая тронная палата, новые жилые здания и новые крепостные стены из кирпича, государственные резиденции с архитектурными постройками возникают в ряде других поселений. Для строительства некоторых административных сооружений используется тип базилики.

Значительное развитие получает ювелирное дело, унаследовавшее традиции провинциально-византийского производства. Серебряные и бронзовые украшения (разнотипные серьги, обрамленные узорами из скани и зерни, перстни, браслеты, нагрудные привески, поясные наборы) обнаружены при раскопках многих памятников болгарской культуры.

Мощным импульсом в укреплении болгарского этноса стало христианство, принятое под давлением Византии в правление князя Бориса (852—889 гг.). Сохранение двух видов язычества — славянского и болгаро-тюркского было некоторым препятствием в оформлении единства духовной жизни складывающейся болгарской народности. Христианство укрепило центральную власть Болгарского государства и сыграло немалую роль в завершении ассимиляционного процесса, то есть в слиянии прото-болгар со славянами.

Имеются все основания говорить, что к началу X в. процесс становления болгарской народности, славянской по языку, культуре и своему облику, завершился. В правление царя Симеона (893—927 гг.) официальным для Болгарского государства становится оформившийся славянский (болгарский) язык, все делопроизводство теперь велось на этом языке. В то же время совершился переход к церковному служению на славянском языке¹⁸⁴.

---

¹⁸³ Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971. С. 332; *Он же*. Покръстване на българите — причини и последици // Православието в България. София, 1974. С. 77—100; *Он же*. Формиране на българската народност // История на България. Т. 2. София, 1981. С. 261—277.

¹⁸⁴ О формировании этнического самосознания болгарской народности см. в кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 49—82.

Столица Болгарии из Плиски, связанной с протоболгарскими традициями, переносится в Преслав. Стараниями Симеона последний существенно преобразуется, возводятся новые оборонительные стены, расширяется белокаменный государев дворец, за его пределами строятся многочисленные жилища, а в окрестных долинах и предгорьях — монастыри и усадьбы феодалов.

Преслав X в. следует рассматривать как раннесредневековый город. Раскопками зафиксированы следы ювелирного, камнерезного и керамического производств. Активно функционировали торговые ряды, где ремесленники и торговцы продавали горожанам и окрестным жителям различные изделия и товары. Впрочем, как и в других поселениях раннегородского облика, значительная роль в Преславе X в. еще принадлежала сельскохозяйственной деятельности. Близ города ремесленники имели участки, на которых занимались земледелием¹⁸⁵.

С Преславом связано производство расписной керамики, распространенной на северо-востоке Балканского полуострова во второй половине IX—X в. и известной в археологической литературе как «преславская». Это плитки и сосуды, изготовленные высокопрофессионально из каолиновой глины. Белая поверхность изделий расписывалась художниками минеральными красками или глазурью. Орнамент носит восточный характер. Об изготовлении этой продукции в Болгарии свидетельствуют находки полуготовых и бракованных изделий, сырья и печей для обжига. Это производство, как полагают его исследователи, было привнесено в Болгарию откуда-то извне и доведено до совершенства уже преславскими мастерами¹⁸⁶.

IX—X столетия — период становления и других городов Болгарии¹⁸⁷. На Балканском полуострове выявляется некоторый континуитет городского развития от античности к средневековью. Правда, жизнь в древних городах развивалась не прямолинейно — периоды бурного развития сменялись кризисными этапами, вслед за которыми следовал новый подъем. Одним из таких городов является София. Она возникла как го-

---

¹⁸⁵ Преслав. Сборник. Т. 1. София, 1968; Т. 2. 1976; Т. 3. 1983; Т. 4. 1993; *Ваклинов Ст.* Формиране на старобългарската култура. VI—XI век. София, 1977. С. 167—227.

¹⁸⁶ *Миятев Кр.* Преславската керамика. София, 1936; *Акрабова-Жандова Ив.* Преславската рисувана трапезна керамика // Преслав. сборник. Т. 2. София, 1976. С. 62—80.

¹⁸⁷ *Димитров Д.* Възникване на градски центрове в Северо-Источна България // Средновековният български град. София, 1980. С. 35—45; *Овчафов Д.* Възникване и оформане на Преслав като средновековен град (IX—X в.) // Там же. С. 107—227.

род римской провинции Дакии. В IV в., когда в Восточноримской империи наблюдается общий подъем градостроительства, София значительно расширяется, город обносится новыми крепостными стенами, часть которых была поставлена на старые фортификации. София становится одним из центров духовной культуры региона, в IV—VI вв. она имела восемь христианских храмов. Это был довольно большой город с населением пестрым в этническом отношении, но в значительной степени романизированным.

Славяне в процессе расселения на Балканах неоднократно атаковали этот город — археологами фиксируются следы разорения и заметного запустения. Славяне небольшими группами оседали в городе, и постепенно доля их все увеличивалась. С IX в. город стал называться Средец — достоверно славянским топонимом, свидетельствующим о славянизации его жителей. Раннесредневековая эпоха унаследовала часть античных улиц и античные здания.

Время царствования Симеона было периодом расцвета болгарской культуры. Достижения византийской цивилизации приспосабливались к местным условиям и получили дальнейшее развитие. При царском дворе создается славянский литературный центр, где произведения византийских авторов переводились на славянский язык.

При преемниках Симеона в Болгарии наступил социально-политический кризис, центральная власть оказалась ослабленной, чем и воспользовалась Византия. После 40-летней борьбы с Империей в 1018 г. Первое Болгарское государство прекратило свое существование. Византийское господство продолжалось до 1186 г. Однако сложившийся болгарский этнос продолжал свое развитие и в период византийского владычества¹⁸⁸.

Славяне Македонии

Территория Македонии была заселена славянами в VI—VII вв. Археологические материалы этого времени здесь пока слабо изучены и представлены отдельными находками антских фибул и глиняной посуды, обнаруженной при раскопках более поздних поселений. Предположитель-

---

¹⁸⁸ Иной этнической ситуацией была в землях к северу от нижнего течения Дуная. Здесь болгар потеснили печенег и половцы, неоднократно вторгавшиеся в XI в. и в южнодунайские области Болгарии. Часть лесостепных регионов междуречья Дуная и Днестра оказалась в пределах Древнерусского государства. Со временем остатки болгар и восточнославянское население были поглощены романоязычным этносом.

но к этому времени относится также погребение, открытое в могильнике IX—XII вв. при раннехристианской базилике в с. Радолиште в районе Струга. Это было трупоположение с западной ориентацией, при котором найдены две серебряные серьги, орнаментированные «наростами», бронзовая шейная гривна, фибула и фрагмент бусины, позволяющие датировать могилу периодом великой славянской миграции¹⁸⁹. К VI—VIII вв. относятся два поселения в окрестностях Прилепа.

В византийском агиографическом произведении «Чудеса святого Димитрия», написанном в 80-х гг. VII в., рассказывается, что в 685 г. Кувер (предполагаемый брат Аспаруха) со своей болгаро-тюркской дружиной поселился на Керамийском поле (регион Прилепа и Битола) в качестве федерата Византийской империи. В этой связи многие исследователи, в том числе Л. Нидерле, полагали, что в Македонии расселились протоболгары, в результате этнические процессы там были идентичными территории Болгарии — в пространстве от Охридского озера до западного побережья Черного моря сложился болгарский этнос¹⁹⁰.

Однако подтверждений этой гипотезы в материалах археологии нет. В регионе Охрида — Битола нет следов расселения болгар-тюрков, нет здесь и древностей балкано-дунайской культуры, получившей распространение в период славяно-протоболгарского симбиоза. Очевидно, правы те историки, которые полагают, что тюрко-болгарский компонент в дружине Кувера был малочисленным и роль этой дружины в этногенетическом, да и в политическом плане не сопоставима с ситуацией, имевшей место в регионе Плиски — Преслава¹⁹¹.

Славянское население, осевшее в рассматриваемых землях, не составляло племенного единства. Островками здесь сохранялись и романизированные иллирийцы, которые в процессе стабилизации жизни, нарушенной миграциями VI—VII вв., постепенно славянизировались. К началу

---

¹⁸⁹ *Babić B.* Die Erforschung der altslawischen Kultur in der SR Mazedonien // *Zeitschrift für Archäologie*. Bd. X—1. Berlin, 1976. S. 59—73; *Aleksova B.* Prosek — Demir kapija. Slovenska nekropola i slovenske nekropole u Makedoniji. T. I. Skopje; Beograd, 1966. S. 80; *Манева Е.* Средневековни некрополи во Македонија // *Историја на културата на Македонија*. Кн. 1. Скопје, 1995. С. 63—71; *Она же.* Проблема средновековых некрополей в Македонии // *Общество, экономика, культура и искусство славян (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4)*. М., 1998. С. 388—395.

¹⁹⁰ *Ангелов Д.* Образуване на българската народност... С. 208.

¹⁹¹ *Литаеврин Г. Г.* Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (Конец VI — начало VII в.) // *Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв.* М., 1985. С. 150—151.

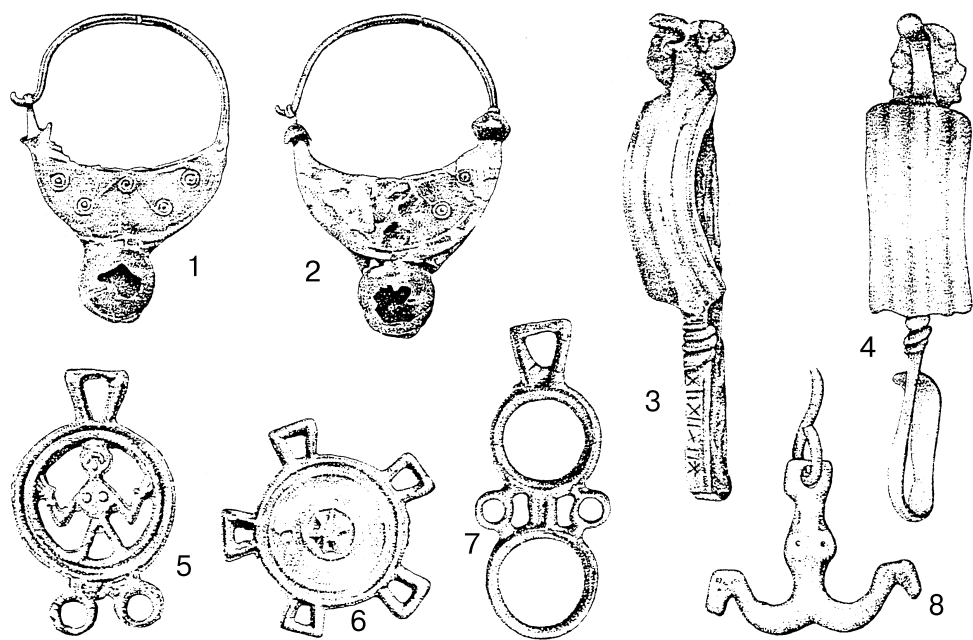

Рис. 112. Височные кольца, фибулы и привески
из могильника при церкви Эразма в Охриде

IX в. в округе Охридского озера славянское население было уже доминирующим. В это время здесь складывается довольно однородная культура, известная в основном по некрополям.

Одним из таковых является могильник Демир Капия, находящийся близ впадения р. Бошаве в Вардар. Раскопками его исследовано свыше 500 могил с захоронениями по обряду трупоположения с западной ориентировкой. В ряде случаев для захоронений из каменных плит устраивались ящикообразные гробы. При погребенных встречено множество вещевых находок, преимущественно женских украшений. Среди них часты серьги нескольких типов — проволочные с утолщениями, одно-, двух- и трехбусинные, с разными привесками. Изредка попадались колты. Многочисленны браслеты, среди которых доминируют пластинчатые с разными геометрическими узорами. В сравнительно немногих погребениях обнаружены глиняные сосуды и пряслица, железные ножи, поясные пряжки и наконечники стрел, единичные христианские крестики¹⁹². Подобные могильники исследовались и в других местностях Македонии

¹⁹² Aleksova B. Prosek — Demir kapija...

(рис. 112). Они датируются IX—X или XI—XII вв., а некоторые включают и погребения XIII—XIV вв.

Общая характеристика материальной культуры X—XIV вв. славянского населения рассматриваемого региона дана в монографии Б. Бабича. Исследователь показывает, что она формировалась в немалой степени за счет усвоения и дальнейшего развития славянами местного позднеантичного наследия. Это касается как ремесленного производства, так и домостроительства и фортификационного дела¹⁹³.

Важнейшим центром культуры македонских славян был Охрид. Как поселение он был основан еще в III в. до н. э. (Desaretia, греч. Lychnidos). В III в. н. э. здесь распространилось христианство, в V в. основана епископия. В V—VI вв. Лихнидос был сильно укрепленным городом Византии. Раннее славянское поселение было основано на месте этого города, жители которого погибли во время эпидемии VI в. В VII в. Охрид стал одним из укрепленных поселений славян-берзитов.

В первой половине IX в. Македония была включена в состав Болгарского государства. В 886 г. первые просветители славянства — Кирилл и Мефодий — вынуждены были покинуть Великую Моравию и были приняты болгарским царем Борисом. В Охриде началось строительство христианских храмов. В правление Бориса возводится базилика — кафедральный собор святой Софии. Близ Охрида в 886 г. основывается Охридская школа просвещения и литературы. Ее преподавателем стал продолжатель дела Кирилла и Мефодия — известный славянский просветитель Климент Охридский (умер в 916 г.). Им был основан в Охриде Пантелеимонов монастырь, отстраиваются и другие церкви. Климент Охридский в 893 г. стал первым епископом-славянином.

В X в. Охрид оставался крупным центром славянской культуры и просвещения. При царе Самуиле возводится внутренняя крепость, а весь город обносится крепостной стеной с двумя воротами.

С этого время начинается история раннесредневековых городов Македонии. Кроме них, имелись небольшие укрепленные поселения — грады, бывшие и административными центрами, и резиденциями властителей, и военными крепостями¹⁹⁴.

---

¹⁹³ *Бабич Б.* Материјалната култура на македонските словени во светлината на археолошките истражувања во Прилеп. Прилог за историјата на културата на македонскиот народ. Прилеп, 1986.

¹⁹⁴ *Дероко А.* Средневековни градови у Србији, Црној Гори и Македонији. Београд, 1951; *Ќорнаков А.* Локација и функција на сакралните објекти во средновековите

В тот период, когда славяне Македонии входили в состав Болгарии, византийцы могли называть их болгарями. Не исключено, что и часть славянского населения Македонии, в частности социальные слои, активно участвовавшие в политической жизни государства, именовали себя болгарями. Д. Ангелов отмечал решающую роль государственной власти в утверждении среди подданных этнонима болгары¹⁹⁵.

В письменных памятниках вместе с тем сохраняются термины «славяне» и «славянский язык». «Понятия „славяне“ и „славянский“ имеют здесь,— подчеркивает Г. Г. Литаврин,— по преимуществу этнический и вероисповедальный смысл, тогда как термины „болгары“ и „болгарский“ — государственно-политический»¹⁹⁶. После IX в. византийские авторы уже не называли население Болгарского государства славянами, а применяли этот термин для славянского населения, проживавшего вне его территории.

Присоединение Македонии имело большое значение прежде всего для становления болгарского этноса на территории Болгарии, поскольку увеличило долю славянского этнического компонента на государственной территории и тем ускорило завершение процесса ассимиляции тюркского элемента, во-вторых, активизировало распространение христианства. Однако на развитии этноязыковых процессов это не сказалось в заметной степени. И эти процессы в Македонии и на коренной территории Болгарии протекали различно. Если в Болгарии завершался процесс ассимиляции пришлого тюркского населения, а славянское население впитало в себя еще фракийский субстрат, то славянское население Македонии не было затронуто этими процессами. Субстратным населением македонских славян были романизированные иллирийцы.

В результате этническое и диалектное развитие в этих регионах шло несколько иными путями. Потомками македонских славян стала сравни-

---

градови во Социалистична република Македонија // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 2а. М., 1987. С. 145—156; *Trajkovski K. Srednovekovniot grad Morodvis vo Makedonija* // Там же. Т. III. Вып. 1в. М., 1987. С. 89—93; *Tomoski T. Entwurf einer Karte von Burgen in Makedonien* // *Balkanoslavica*. Т. 11—12. Pilep, 1984—1985. S. 33—45.

¹⁹⁵ Ангелов Д. Образуване на българската народност... С. 332; *Angelov D. Quelques problèmes de la nationalité bulgare aux IX—Xe siècles: La langue et la prise de conscience* // *Byzantinobulgarica*. Vol. 4. 1973. P. 9—20.

¹⁹⁶ Литаврин Г. Г. Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в.) // Литаврин Г. Г. Византия и славяне (сборник статей). М., 1999. С. 341.

тельно недавно сформировавшаяся македонская народность с особым славянским языком¹⁹⁷.

Славяне восточные

Исторические и языковые свидетельства о восточнославянской общности

Расселившиеся на Восточно-Европейской равнине славяне, как показано выше, принадлежали четырем крупным племенным образованиям позднеславянского периода. Северные области заселяли кривичи, словене ильменские и славяне Ростово-Суздальской земли — меря, вышедшие из племенной группы, родственной суковско-дзедзицким (ляшским) славянам. В лесостепных и смежных с ними лесных землях Правобережной Украины (волыняне, поляне, древляне и дреговичи) проживали славяне пражско-корчакской группы. Южнее их локализуются хорваты, тиверцы, уличи, потомками которых были анты IV—VII вв. Из антской среды вышли и славяне, осевшие в междуречье Днепра, Оки и Дона (северяне, вятичи и донские славяне).

Все это славянское население в X—XIII вв. составило единое этноязыковое образование, именуемое русью. Это отчетливо видно по Повести временных лет. Русь, Русская земля XI—XII вв. во вводном разделе этого произведения в этнографическом, языковом и политическом плане противопоставляется полякам, чехам, грекам-византийцам, венграм, половцам и другим этносам того времени. Пределы Руси определяются по географии ее данников: «А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мръдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь...»¹⁹⁸ Нанесение их на карту показывает, что русь в XI—XII вв. занимала территорию от Ладоги до Черного («Русского») моря и от Карпат до Дона. Русь составляли восходящие к более раннему времени славянские племенные группы словен ильменских, кривичей, полян, северян, вятичей, радимичей, древлян, дреговичей, волынян, хорватов, тиверцев и уличей. В пределы Русской земли входили также области мери, муромы и веси. Очевидно, процесс обрусения их к этому времени достиг завершающей стадии.

¹⁹⁷ Конески Б. Историја на македонскиот јазик // Избрани дела. Кн. 7. Скопје, 1981; Усикова Р. П. Македонский язык. Скопје, 1985.

¹⁹⁸ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 13.

Русские летописи освещают историю всей Русской земли, всего славянства Восточной Европы как целостного этноязыкового образования раннего средневековья.

Понятие о руси и убежденность в единстве всей Русской земли демонстрируются во многих дошедших до нас памятниках письменности. Среди них наиболее ранним является «Слово о законе и благодати», принадлежащее перу киевского церковного деятеля Илариона. Датируется памятник временем между 1037 и 1050 гг.¹⁹⁹ Для Илариона Русская земля — это вся государственная территория времени князя Владимира Святославича с единым владычеством, единой верой, где есть «наш язык русский». Отсюда следует, что славяне Восточно-Европейской равнины составляли и языковое единство.

Сознанием единства всей Русской земли в широком смысле и общности древнерусского народа проникнуто и другое произведение XI в. — «Память и похвала князю Русскому Владимиру» Мниха Иакова²⁰⁰. В нем говорится, что Владимир «крести же всю землю Рускую отъ коньца и до коньца», «всю Рускую землю приведе къ Богу», «всю Рускую землю и грады вся украси святыми церквами».

Аналогично по смыслу и понятие Русской земли в памятниках борисоглебского цикла, которые были созданы во второй половине XI — начале XII в. «Страна Руская» в этих документах — вся территория, где проживают «сыны руские», «праведные люди руские»²⁰¹. Игумен Даниил во время посещения «Святой земли» (1106—1108 гг.) поставил в Иерусалиме лампаду «от вся Руськыя земля».

На основе анализа информации исторических источников А. В. Соловьев показал, что в течение двух столетий (911—1132 гг.) понятия «Русь» и «Русская земля» означали все восточное славянство, всю страну, заселенную им. В области же внешней политики и в сфере церковной жизни эти понятия бытовали более продолжительное время и сохранялись в период политической раздробленности Древней Руси²⁰².

---

¹⁹⁹ Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // *Slavia*. XXXII—2. Praha, 1963. S. 140—179; Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984; Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 26—61.

²⁰⁰ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1902. С. 239—242.

²⁰¹ Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. М., 1916. С. 6, 11.

²⁰² Soloviev A. Der Begriff «Russland» im Mittelalter // *Studien zur älteren Geschichte Osteuropas*. Teil I. Graz; Köln, 1956. S. 149—150.

Во второй половине XII — первой трети XIII в., когда Русь распалась на несколько феодальных княжеств, проводивших или пытавшихся проводить самостоятельную политику, единство русской народности продолжало хорошо осознаваться: вся Русская земля противопоставлялась обособившимся региональным вотчинам, князья которых нередко враждовали между собой.

Идеей единства Руси проникнуты многие художественные произведения того времени. К числу таковых принадлежит и «Слово о полку Игореве». В поэтическом произведении «Слово о погибели Русской земли», написанном в связи с татаро-монгольским нашествием, Русская земля простирается от Литвы, Польши и Венгрии до Волжской Болгарии и мордвы и от корелы и «дышючего моря» (Ледовитого океана) до половцев.

В былинах Русь — это единая Русская земля с единым народом, единой верой и единым государством.

Достаточно определенное представление о территории Русской земли дает карта русских городов X — начала XIII в., упоминаемых в летописях в связи с различными историческими событиями, а также систематический перечень их «А се имена всем градом Руским, далним и ближним», относящийся к концу XIV в.²⁰³ Этот список был составлен уже в период полной государственной и территориальной раздробленности Руси. В то время вокруг Москвы сосредоточилась лишь шестая часть древнерусских земель, остальные находились под властью литовских князей, польских и венгерских королей; Новгород и Псков были самостоятельными республиками. Однако в список были включены все русские города независимо от их политической принадлежности. Очевидно, в конце XIV в. единство древнерусского этноса — руси еще отчетливо сохранялось.

В договорах с иностранцами все жители Древней Руси и тогда, когда она распалась, в том числе новгородцы, славянское население Литовского государства и другие именовались русами или русинами.

Важнейшим маркером этнического образования, позволяющим говорить о нем как об особой народности, является язык. Славяне Русской земли в широком смысле составляли отчетливую языковую общность.

---

²⁰³ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 475—477. Исследование этого документа см.: Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 214—259. (Переизд. в кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 83—137).

В современной научной литературе ее именуют древнерусской (восточнославянской) народностью, а язык — древнерусским.

Данные лингвистики свидетельствуют, что славянские племена, заселившие пространства Восточной Европы, в самом конце I и первых веках II тыс. н. э. переживают процесс консолидации, что кладет начало развитию общих языковых явлений и оформлению единого языкового пространства — становлению древнерусского языка. На протяжении столетий происходит ряд языковых процессов, охватывающих весь восточнославянский ареал²⁰⁴.

Наиболее характерной особенностью, четко выделяющей древнерусскую языковую область, является так называемое первое полногласие. В древнерусском языке произошло превращение общеславянских сочетаний *ort, *olt с нисходящей интонацией в ро и ло (робота, робъ, рост, роля, лодья и т. п.). Вместо начальных звуков je и ju в древнерусской языковой области развились о и у (*jezero > озеро, *jesen' > осень, *jedin > один).

Характерные для праславянского языка взрывные согласные в группах tl, dl в древнерусском языке были утрачены (рало, гърло, мыло, ель, молити, плел и т. п. Ср. польск. radło, gardło, mydło, jodła, modlic, płótn).

Зубные согласные *tj, *dj у славян Восточноевропейского ареала изменились в аффрикату ч и согласный ж (например, праслав. swetia > свеча, media > межа).

В прежних сочетаниях губных согласных с j в восточнославянской языковой среде появляется л (земля, люблю, куплю, ловлю и др.).

Произошло изменение сочетаний типа tort, tolt, tert, telt в полногласные сочетания torot, tolot, teret, telet: город, голова, берег, молоко, горох, солома и др.

Общеславянские сочетания kv, gv перед е (oi) в древнерусском языке превращаются в цв и зв (*kvet > цвет, *gvezda > звезда и т. п.).

В восточнославянской области происходит утрата носовых гласных, которые заменяются неносовыми (носовой заднего ряда о изменяется в у,

---

²⁰⁴ О древнерусском языке см.: *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907; *Шахматов А. А.* Курс истории русского языка. Ч. 1—3. СПб., 1910—1912; *Он же.* Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и русских народностей. Пг., 1916; *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М.; Л., 1924; *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953; *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962; *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1965; *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1983.

носовой переднего ряда е — в а с мягкостью предшествующего согласного (‘а): зуб, рука, ряд и др.).

Древнерусская языковая область характеризуется единством своего развития. На протяжении XII—XIII вв. произошло падение редуцированных гласных, и эта утрата охватила всю территорию Древней Руси. Этот фонетический процесс вызвал целый ряд других изменений в звуковой и морфологической структуре древнерусского языка: развились закрытые слоги, образовалось множество сочетаний согласных, появились согласные на конце слова, что вызвало оглушение согласных и совпадение в конце слов звонких и глухих в одном звуке.

В грамматическом строе этого языка изменений наблюдается меньше, чем в фонетике. Специфическими для восточнославянского ареала являются утрата двойственного числа и связи в перфекте, падение простых прошедших времен (аориста и имперфекта), тенденции в эволюции именного и местоименного склонений и спряжений.

Словарный состав древнерусского языка унаследовал несколько тысяч терминов, восходящих к праславянской этноязыковой общности. Вместе с тем в лексиконе восточнославянского ареала появилось немало слов, отсутствующих в общеславянском языке. К ним, в частности, принадлежат белка, хомяк, собака, утка, корова, птица, лог, куст, осока, груздь, радуга, погост, лапоть, сапог, кнут, жемчуг, ковер, коврига, каравай, ковш, коромысло, кровать, ларь, бурый, сизый, хороший, дешевый, сорок, девяносто, семья и немало других.

Утверждение о едином языковом развитии руси — славянского населения Восточно-Европейской равнины — не исключает диалектных особенностей в отдельных регионах.

Первым исследователем, описавшим некоторые отличительные особенности восточнославянских говоров, которые указывают на древнерусское языковое единство, был А. Х. Востоков — ученый первой половины XIX в. С тех пор древнерусский язык исследовался многими лингвистами, среди которых нельзя не назвать И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова. Т. Лер-Сплавиньского, Н. С. Трубецкого, Н. Н. Дурново, Ф. П. Филина. Вопрос о существовании древнерусского языка можно считать твердо установленным²⁰⁵. Его функционирование соответствует периоду Древнерусской государственности X—XIII вв.

---

²⁰⁵ Об истории изучения проблемы древнерусского языка и народности см.: *Седов В. В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 9—24.

А. А. Шахматов на основе языковых данных попытался восстановить начальный этап восточного славянства²⁰⁶. «Первой прародиной» формирующегося восточнославянского этноса, согласно представлениям этого исследователя, были области в междуречье нижних течений Прута и Днестра. Это были анты, упоминаемые в исторических источниках VI—VII вв. Они и стали ядром восточного славянства. Спасаясь от аваров, значительные массы антов переселились на Волынь и в Среднее Поднепровье. Этот регион назван А. А. Шахматовым «колыбелью русского племени». Здесь восточные славяне образовали «одно этнографическое целое» и отсюда в IX—X вв. начали освоение широких пространств Восточно-Европейской равнины от Черного моря на юге до Ильмена на севере и от Карпат на западе до Дона на востоке. Начался новый этап в истории восточного славянства (исследователь назвал его древнерусским), в течение которого развивался процесс языковой интеграции на всей территории Древнерусского государства, которому А. А. Шахматов отводил определяющую роль. В XIII в. древнерусская языковая общность распадается.

Концепция А. А. Шахматова была принята рядом крупных лингвистов того времени, в том числе Д. Н. Ушаковым, Е. Ф. Будде.

Положения о том, что внутри позднепраславянского языкового состояния будто бы имело место становление «прарусского» или «православянского» диалекта, который стал основой древнерусского языка, придерживались многие исследователи. Определить на географической карте место такого диалекта на основе данных языкознания не представляется возможным. Построения А. А. Шахматова были гипотезой, не находящей какого-либо подтверждения в исторических материалах. Археология в то время еще не располагала данными для решения этой проблемы.

В 60—80-х гг. XX в. многие археологи полагали, что в восточнославянском этногенезе ведущая роль принадлежала зарубинецкой культуре. В этой связи были высказаны догадки о зарождении восточнославянской языковой общности в этой культуре²⁰⁷.

В языкознании предложено и иное решение вопроса о становлении древнерусского языка. Согласно представлениям Б. М. Ляпунова, пра-

---

²⁰⁶ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915; Он же. Введение в курс истории...; Он же. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

²⁰⁷ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 153; Филин Ф. П. О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 36—50.

славянский язык не был монолитным, а членился на множество диалектов. Восточнославянский язык в своей основе не имел единого праславянского диалекта, а образовался из нескольких праславянских диалектов, носители которых расселились в восточной части славянского мира²⁰⁸.

Подобную точку зрения развивал и Г. А. Хабургаев. Он утверждал, что восточнославянское языковое единство сформировалось гетерогенным образом из нескольких диалектных компонентов. К оформлению древнерусской общности привело политическое объединение разных славянских племен²⁰⁹.

К настоящему времени археология накопила вполне достаточное количество данных, чтобы подключиться к исследованию проблемы становления древнерусской народности. И следует сразу подчеркнуть, что современные археологические материалы исключают гипотезу о существовании внутри позднепраславянского языкового состояния «прарусского» диалекта, который бы стал основой при становлении древнерусского языка. Археология неоспоримо свидетельствует, что среди праславянского мира не существовало диалектно-племенного образования, которое могло бы стать ядром древнерусской народности. Древнерусский этнос, как и некоторые другие раннесредневековые этноязыковые образования, был сложным формированием, включившим в себя несколько различных праславянских группировок. К тому же нельзя не учитывать, что славянское население, освоившее широкие просторы лесной полосы Восточно-Европейской равнины, застало различные финноязычные и балтские племена и славянизировало их. В лесостепной зоне славяне длительное время контактировали с иранскими и тюркскими племенами. В такой ситуации становление единой древнерусской народности и языка стало возможным только в результате активных интеграционных явлений. Материалы археологии предоставляют возможность для изучения этих процессов.

Миграция славян из Дунайского региона

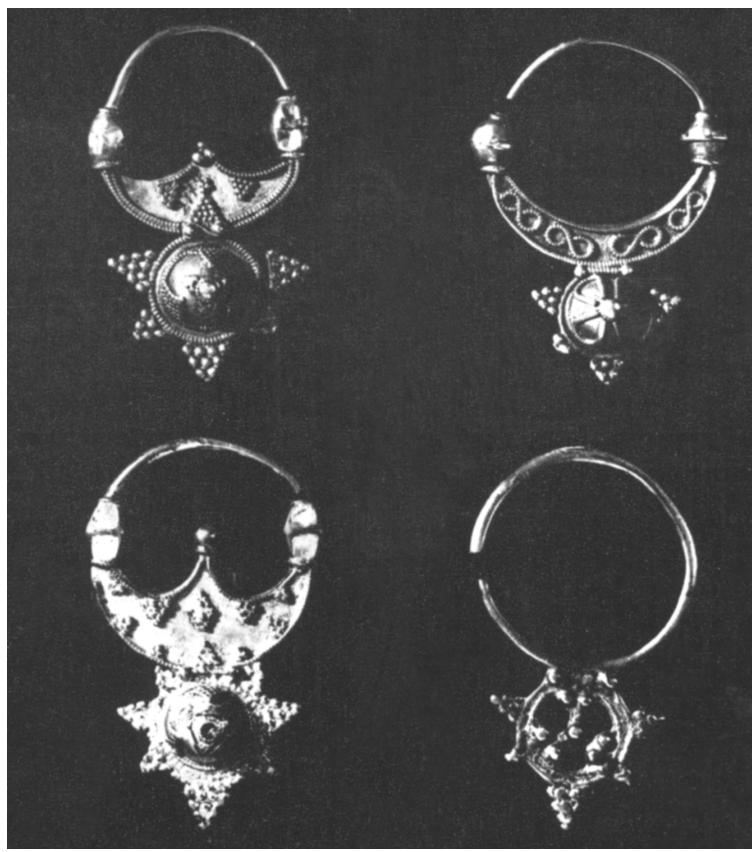
В VIII—IX вв., когда земли Восточной Европы были уже в значительной степени освоены разноплеменным славянским населением, наблюда-

---

²⁰⁸ Ляпунов Б. М. Древнейшие взаимные связи языков русского и украинского и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 163—202.

²⁰⁹ Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980.

Рис. 113. Серьги из Харьевского клада

ется широкая инфильтрация новых, сравнительно многочисленных групп славянских переселенцев из Подунавья. Важнейшими показателями этого переселенческого процесса являются прежде всего появление и распространение различных вещевых находок дунайского происхождения.

Первые дунайские переселенцы появились в южных землях Восточной Европы на рубеже VII—VIII вв. Наиболее ярким отражением этого являются находки изделий из цветных металлов на Пастырском городище, художественный стиль которых обнаруживает явные дунайские истоки. Как показали изыскания О. М. Приходнюка, первые мастера-ювелиры, работавшие на этом поселении, несомненно, пришли из Дунайского ареала. Только дунайские ремесленники могли принести в Среднее Поднепровье передовые для того времени технологии провинциально-византийского мастерства. Следы подобных переселений небольших групп

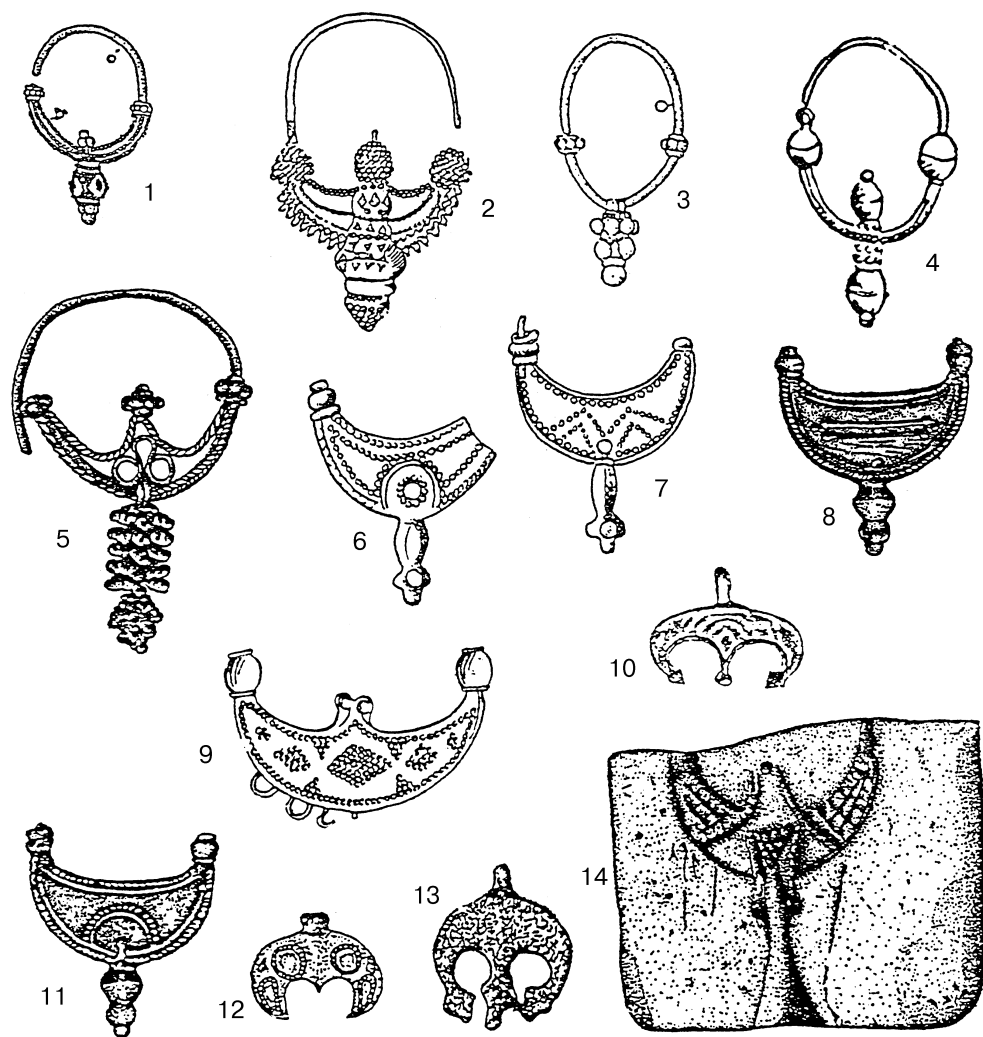

Рис. 114. Восточноевропейские находки дунайского происхождения

1—9, 11 — серьги и височные кольца; 8, 10, 12, 13 — лунницы; 14 — каменная литейная форма.

1—4 — Елизаветградский уезд; 5, 8, 11, 14 — Гнездово; 6, 7 — Монастырек; 9, 13 — Кузнецовское; 10 — Екимауцы; 12 — Бранешты.

дунайского населения фиксируются также в материалах производственных комплексов, выявленных археологами на городище Зимно на Волыни и на поселении Бернашевка на среднем Днестре, при анализе находок, обнаруженных на селищах в Гайвороне и острове Мытковском на

Южном Буге, в Малых Будках на Сумщине. К изделиям дунайских ремесленников, переселившихся в южнорусские земли, относятся и многие вещи, находившиеся в составе кладов Днепровского левобережья²¹⁰.

С расселением на Восточно-Европейской равнине довольно многочисленных групп славянского населения из Среднего Подунавья связано появление и распространение в середине VIII в. ярких дунайских наборов украшений, изготовленных в технике тиснения и обильно декорированных зернью (рис. 113). Они включают серьги, лунницы, бусы, круглые медальоны и перстни с полусферическими щитками. Все эти находки до этого не были известны в славянских землях Восточной Европы. Первоначально высказывались догадки об их восточном происхождении. Однако последующие изыскания опровергли такое мнение. Шведский археолог В. Дучко, исследовав всесторонне подобные украшения, найденные в памятниках Скандинавии, убедительно показал их среднедунайское (великоморавское) происхождение²¹¹. К таким же результатам пришла О. А. Щеглова, изучавшая рассматриваемые украшения, встреченные в кладах Среднего Поднепровья. В итоге она утверждает, что появление в середине VIII в. в среднеднепровской области дунайского набора украшений и последующее распространение их может быть обусловлено только приходом в этот регион населения из Среднего Подунавья²¹².

Несомненно с расселением дунайских славян связано и появление в восточнославянском ареале проволочных височных колец (или серег) со свисающей подвеской в виде виноградной грозди, оформленных узорами из зерни и скани (рис. 114). Наиболее ранними среди них являются серьги пастырского типа. Они найдены на Пастырском городище (рис. 115), на поселениях в Григоровке и Зеленках и в составе Харьевского клада²¹³.

---

²¹⁰ Приходнюк О. М. Технологія, виробництва та витоків ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. Київ, 1994. № 3. С. 61—77.

²¹¹ Duczko W. The filigree and granulation work of the Viking period. Stockholm, 1985; Дучко В. Славянские ювелирные изделия с зернью и филигранью в Скандинавии эпохи викингов // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1а. М., 1987. С. 77—88.

²¹² Щеглова О. А. Среднее Поднепровье конца VII — первой половины VIII вв.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте: Материалы методологического семинара ИИМК. Л., 1991. С. 42—50.

²¹³ Ханенко Б. И. и В. Н. Древности Поднепровья. Т. IV. Киев, 1901. Табл. XIII; Бerezoveць Д. Т. Харківський скарб // Археологія. Т. VI. Київ, 1952. Табл. II: 1, 2; III: 1, 2; Брайчевский М. Ю. Новые находки VI—VIII вв. н. э. на Пастырском городище // Краткие сообщения Института археологии АН Украины. Вып. 10. Киев, 1960. С. 106—107.

О крупной волне миграции славян IX—X вв., исходившей из Средне-го Подунавья, свидетельствуют находки преимущественно в южных районах Восточной Европы серебряных и бронзовых проволочных колец с подвеской из полых шариков в виде грозди винограда и расположенных симметрично розеточек, составленных также из шариков зерни.

Такие головные украшения многократно встречены на восточнославянских поселениях и в могильниках IX — начала XI в. Так, при раскопках городища Екимавцы в Молдавии обнаружено свыше трех десятков таких зерненных колец, изготовленных мастером в результате тонкой и сложной работы²¹⁴. Они имеют гладкую дужку диаметром 2—3 см и большую привеску из крупных и мелких шариков зерни и сканых колечек. На дужках припаяны еще 3—4 бусинки из мелкой зерни. На поселении выявлены и следы изготовления этих украшений местными ремесленниками.

Подобные головные украшения встречены при раскопках городища Алчедар и могильника Бранешты в Поднестровье²¹⁵. Серьги или кольца этого типа найдены также на Княжей Горе под Каневом и на поселении Монастырек на Днепре²¹⁶. В Киеве они встречены в курганных могильниках: две находки обнаружены в погребении, выявленном в 90-х гг. XIX в. на Кирилловой улице, три — в срубном захоронении, раскопанном в 1936 г. близ Десятинной церкви²¹⁷.

Аналогичные украшения найдены в курганах с труположениями X в. в двух могильниках Воыни — Пересопницы и Новоселки²¹⁸. В земле древлян серьги такого типа встречены в курганах Речицкого могильника²¹⁹,

---

А. И. Айбабин подразделял серьги пастырского типа с полый подвеской на три подтипа. Среди них украшения двух подтипов (с подвеской в виде полого шара, украшенного псевдозернью, и с полый «каплевидной подвеской») имеют несомненное дунайское происхождение (*Айбабин А. И.* К вопросу о происхождении серег пастырского типа // *СА.* 1973. № 3. С. 70—72).

²¹⁴ *Федоров Г. Б.* Славяне Поднестровья // *По следам древних культур: Древняя Русь.* М., 1953. С. 150—151.

²¹⁵ *Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф.* Памятники древних славян (VI—XIII вв.). Кишинев, 1974. С. 82. Рис. 14.

²¹⁶ *Мезенцева Г. Г.* Древньоруське місто Родень. Княжа гора. Київ, 1968. С. 76—77. Табл. XIa, XII; *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырек на среднем Днепре. Киев, 1988. С. 90. Рис. 11: 6; 31: 5.

²¹⁷ *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 180, 209. Табл. XXVIII; XX: 2.

²¹⁸ *Мельник Е. Н.* Раскопки в земле лучан // *Труды XI Археологического съезда.* Т. 1. Киев, 1901. С. 535, 536, 542. Табл. VI: 1.

²¹⁹ *Яроцкий Я. В.* Краткий отчет о раскопках курганов Речицкого могильника // *Труды Общества исследователей Воыни.* Т. 1. Житомир, 1902. С. 92—117. Табл. 1: 5.

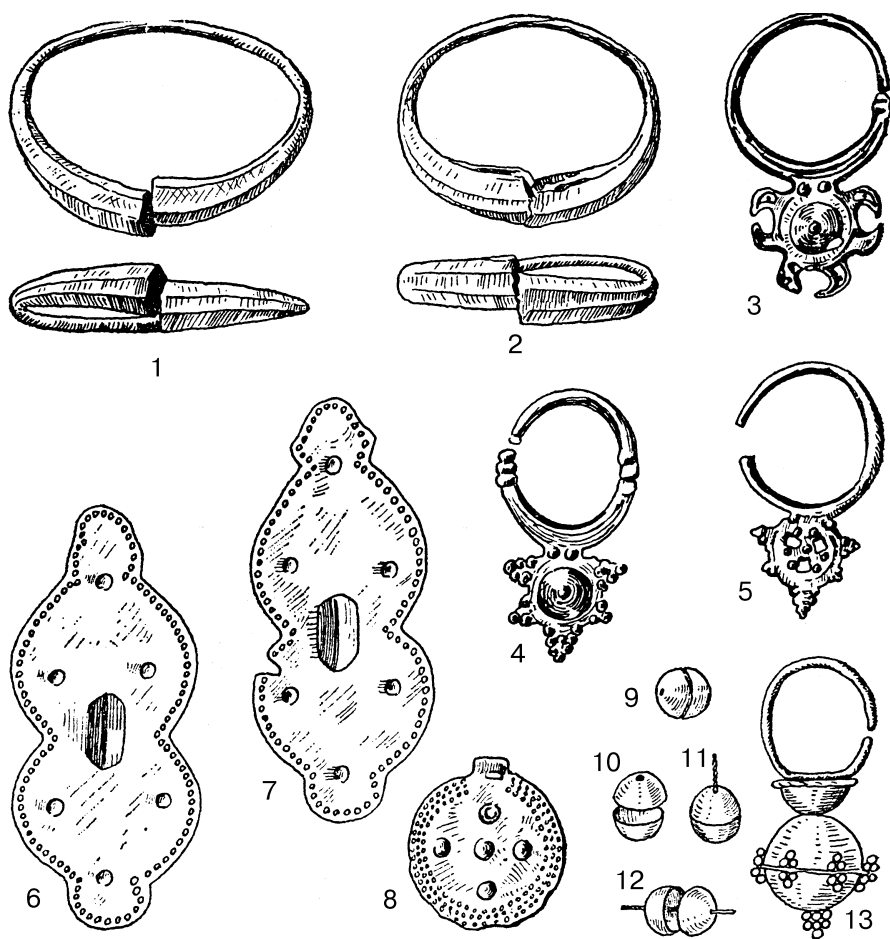

Рис. 115. Украшения из Пастырского клада 1949 г.

1, 2 — браслеты; 3—5, 13 — серьги дунайского происхождения; 6, 7 — фибулы; 8 — подвеска; 9—12 — бусы.

в регионе проживания дреговичей — в Малых Эсьмонах²²⁰. Наиболее северной является находка на Гнездовском селище²²¹.

Довольно много таких украшений происходит из кладов X в. Эти изделия, искусно отделанные зернью и сканью, в полном смысле могут быть отнесены к лучшим произведениям художественного ремесла того

²²⁰ Отчет археологической комиссии за 1889 год. СПб., 1891. С. 48. Рис. 14.

²²¹ Пушкина Т. А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М., 1887. С. 55. Рис. 1: 6, 7.

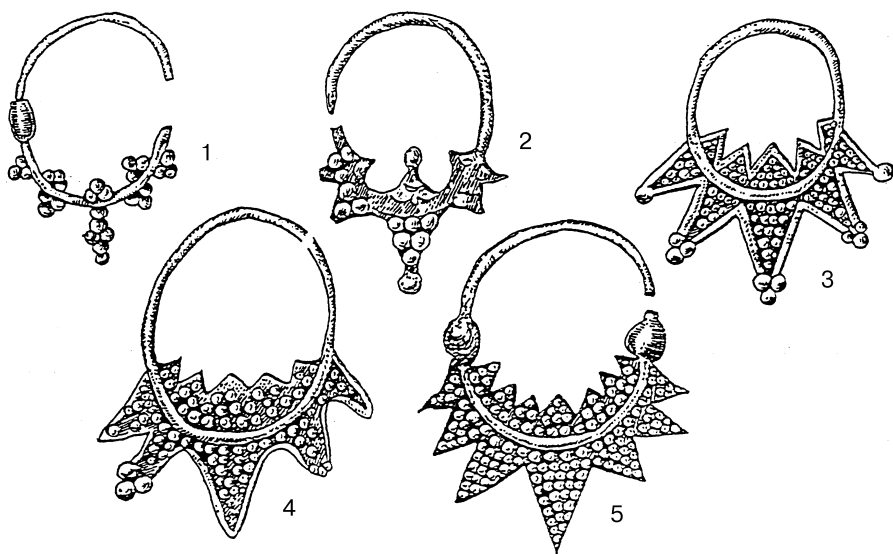

Рис. 116. Эволюция лучевых височных колец

1 — Блужина (Чехия); 2 — Новотроицкое; 3 — Зарайск; 4, 5 — Титчиха.

времени. В кладе, обнаруженном в Борщевке на Волини, наряду с другими вещами имелось восемь серег, в Копиевском кладе на Винничи-не — двадцать семь²²². Они содержатся также в составе кладов, найденных в Гущино близ Чернигова, Денис в окрестностях Переяславля Южного, Шабельницах и Юрковицах на Киевщине, в кладах, Елизаветградского и Херсонского уездов Северного Причерноморья²²³.

Коренной территорией рассматриваемых колец с привеской в виде виноградной грозди является Среднее Подунавье и Северная Адриатика. Здесь они получили распространение около середины VIII в. и бытовали до конца IX в., а в некоторых местностях встречены и среди древностей X в.²²⁴ Восточноевропейским находкам таких украшений (в

²²² Гуцин А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.; Л., 1938. Табл. XI: 1—3, 5, 6, 8—10; Линка Н. В. Копиївський скарб // Археологія. Т. II, Київ, 1948. С. 182—190. Табл. I: 8—12; II: 1—3; III: 14; IV: 1—18.

²²³ Отчет археологической комиссии за 1914 год. М., 1916. С. 10. Рис. 4—6; Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XII вв. М.; Л., 1954. Табл. VI: 6—11, 18; VII: 1, 3; VIII: 9, 15, 21, 28, 30.

²²⁴ Hampel J. *Altertümer der frühen Mittelalter in Ungarn*. Bd. II. Braunschweig, 1905. S. 489—494; Hrubý V. *Staré Město. Velkomoravské pohřebiště «na Valách»*. Praha, 1955. S. 229. Obr. 41; Dostál B. *Slovanská pohřebiště na střední doby hradištní na Moravě*. Praha,

литературе они называются по-разному: «серьги волынского типа», «екимауцкие» или «гроздевидные серьги») в последнее время посвящены две статьи — Е. Ю. Новиковой и написанная совместно Р. А. Рабиновичем и С. С. Рябцевой²²⁵. Они достаточно определенно утверждают, что рассматриваемые украшения появились в Восточнославянских землях в результате переселения групп среднедунайского населения.

Дунайское происхождение имеют и ранние лучевые височные кольца (рис. 116), послужившие прототипами семилучевых и семилопастных украшений радимичей и вятичей. Это прежде всего кольца Зарайского клада IX в., среди которых есть и пятилучевые с ложной зернью на щитке и тремя шариками на концах каждого луча, и семилучевые с одним шариком на концах лучей²²⁶. К той же группе височных украшений принадлежат семилучевые кольца Полтавского клада, очень близкие к зарайским, также относящиеся к IX в.²²⁷ Близко к зарайским и височное кольцо с семью острыми лучами, найденное на Новотроицком городище. Здесь же обнаружено еще пятилучевое кольцо с ложной зернью на щитке. Дата этих находок также IX в.²²⁸ Новотроицкие кольца отлиты, очевидно, на месте из низкопробного серебра, копируя дорогостоящие украшения, привнесенные из Подунавья. К несколько более раннему времени относится семилучевое височное кольцо, происходящее из культурного слоя VIII—IX вв. городища Хотомель в Припятском Полесье²²⁹. Лучевые кольца того же облика найдены еще на городище роменской культу-

---

1966. S. 55—44; *Belošević J.* Materijalna kultura Hrvata od VII do IX stoljeca. Zagreb, 1980. S. 86—90; *Jurić R.* Strenioviekovni nakit Istre i Dalmacije (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. II). T. 2. Zagreb, 1986. S. 245—289.

²²⁵ *Новикова Е. Ю.* О серьгах «екимауцкого типа» // Проблемы археологии Евразии (Труды ГИМ. Вып. 74). М., 1990. С. 107—117; *Рабинович Р. А., Рябцева С. С.* Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Приднестровья в контексте культурно-исторических процессов X—XI вв. // *Stratum + Петербургский археологический вестник.* СПб.; Кишинев, 1997. С. 236—245.

²²⁶ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 106—107. Рис. 14; 15; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады... С. 81.

²²⁷ *Макаренко Н. Е.* Материалы по археологии Полтавской губ.: Находка 1905 г. в Полтаве // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Вып. V. Полтава, 1908. С. 5—9. Рис. 1: 2; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси... С. 108—110; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады... С. 79.

²²⁸ *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое // МИА. № 74. Л., 1958. С. 24—26. Табл. ХСІ, ХСІІ.

²²⁹ *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья // САИ. Вып. Е1—57. М., 1961. С. 24. Табл. 8: 21.

ры Горналь, на городище боршевской культуры Титчиха в Воронежском Подонье, в Кветуни под Трубчевском, а также на поселениях в Гнездово под Смоленском и Супрутах в Верхнем Поочье²³⁰. Датируются они в целом IX—X вв., гнездовская находка — рубежом IX и X вв.

Прототипами этих украшений являются широко распространенные в Подунавье золотые и серебряные подвески, основу которых образуют проволоочные кольца, в нижней части имеющие треугольные отростки-лучи, составленные из зерни. По своему облику рассматриваемые восточноевропейские украшения вполне сопоставимы с дунайскими, на что обращали внимание многие исследователи²³¹. Занесенные дунайскими переселенцами кольца с зернеными лучами были образцами при изготовлении восточноевропейских украшений, среди которых имеются экземпляры с деградирующей псевдозернью, что обусловлено многократным копированием находящихся в обиходе украшений. Наиболее вероятной представляется мысль об изготовлении лучевых височных колец в восточноевропейских землях местными ремесленниками по образцам, привнесенным переселенцами с Дуная. Иного объяснения появления в Восточной Европе в VIII—X вв. лучевых украшений найти не удастся.

Надежным показателем миграции дунайских славян в лесную зону Восточно-Европейской равнины являются лунничные височные кольца, о которых речь шла выше. Миграционными волнами, исходившими из Среднедунайских земель, эти украшения были привнесены в кривичские области и на среднюю Оку, а из этих регионов обычай ношения лунничных колец распространился и на Русском Севере.

Несомненным свидетельством переселения разрозненных групп дунайских славян в среднюю полосу Восточной Европы являются также находки трапецевидных подвесок с точечным узором по нижнему краю. Их славянскую атрибуцию показала румынская исследовательница М. Комша, каталогизируя эти предметы, широко представленные в Ду-

---

²³⁰ Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965. С. 119—122; Изюмова С. А. Ранние типы лучевых колец Супрутского городища // Вестник Московского Государственного университета. Сер. Историческая. 1978. № 6. С. 102; Соловьева Г. Ф. Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 176. Рис. 3; 6; Пушкина Т. А. Височные кольца... С. 52.

²³¹ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое... С. 26; Левашова В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. (Труды ГИМ. Вып. 43). М., 1967. С. 25—26; Соловьева Г. Ф. Семилучевые височные кольца... С. 176—177; Шинаков Е. А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3. С. 115—116.

найском регионе²³². В Смоленско-Полоцком ареале подобные трапециевидные подвески найдены в длинных курганах, где они коррелируются с проволоочно-пластинчатыми (серповидными) височными кольцами, производными от дунайских лунничных²³³.

Заново проанализировав находки трапециевидных подвесок, И. О. Гавритухин выделил среди них группу малых с орнаментацией по нижнему краю в виде полосы из прессованных точек²³⁴. Наиболее ранние экземпляры их были сравнительно широко распространены в Подунавье, где в славяно-аварских могильниках датируются VII — началом VIII в. Не позднее рубежа VII и VIII вв. такие подвески получают некоторое бытование среди славянского населения, представленного пражско-корчакской культурой, преимущественно в областях, примыкающих к Карпатскому региону.

В VIII—IX вв. аналогичные трапециевидные подвески появляются в Верхнеднепровско-Двинском регионе в памятниках культуры смоленско-полоцких длинных курганов и в бассейне среднего течения Оки, то есть в тех областях, что и лунничные височные кольца. Их появление объяснимо только миграциями отдельных групп славян из Среднего Подунавья²³⁵.

Инфильтрация среднедунайских славян в восточноевропейский ареал документируется рядом других находок. Так, в одном из длинных курганов у д. Цурковка на Смоленщине обнаружена часть поясного набора достоверно дунайского происхождения²³⁶. Эта ременная гарнитура принадлежит к позднеаварскому кругу древностей, широко представленному в Среднем Подунавье. Среди находок из Цурковского кургана есть еще браслет с полыми расширенными концами²³⁷, который сопоставим с дунайскими украшениями типа Сентендре.

²³² Comşa M. Bemerkungen über die Beziehungen zwischen der Awaren und Slawen im 6.—7. Jahrhundert // Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6.—10. Jahrhundert. Nitra, 1984. S. 63—74.

²³³ Седов В. В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 95.

²³⁴ Гавритухин И. О. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 12, Мінск, 1997. С. 44—58.

²³⁵ Подобные трапециевидные подвески в небольшом числе известны еще в памятниках VII в. Мазурского Поозерья, где приток населения из Подунавья и наличие в его составе славянского компонента устанавливаются целым комплексом данных (Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 170—173).

²³⁶ Шмидт Е. А. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // СА. 1958. № 3. С. 168; Седов В. В. Длинные курганы кривичей... С. 59.

²³⁷ Седов В. В. Длинные курганы кривичей... Табл. 26: 21.

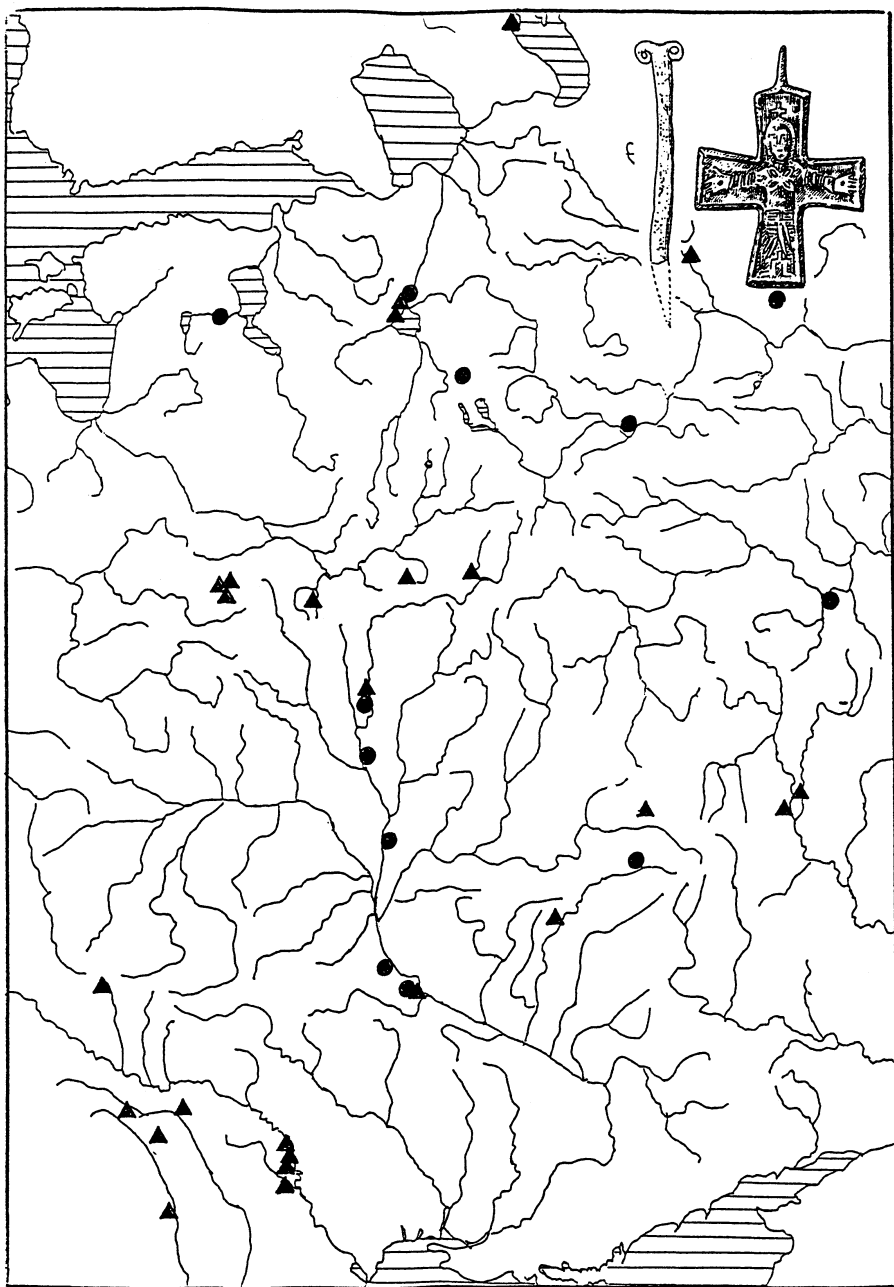

Рис. 117. Распространение ножей с волютообразными завершениями на рукоятках и крестиков с изображением Распятия моравского типа

Целый ряд находок, связанных с кругом дунайских древностей, выявляется в Гнездовском археологическом комплексе (рис. 114). Помимо названных выше лучевых височных колец и колец с гроздевидной привеской, к предметам среднедунайского происхождения бесспорно принадлежат три бронзовых кольца в форме обращенной рожками вверх лунницы с гроздевидным отростком в центре нижней кромки. Из Среднедунайского региона поступили сюда также чекан блучинского типа и золоченая шпора. Ранняя гончарная керамика, появляющаяся в Гнездове в 20—30-х гг. X в., также имеет дунайское происхождение. При этом достаточно очевидно, что ее распространение было не результатом торговых операций, а следствием миграции в Верхнее Поднепровье групп славянского населения, в составе которого были гончары из Дунайских земель²³⁸.

Из кургана 13, раскопанного в Гнездовском могильнике Д. А. Авдусиным, происходит амфоровидный глиняный сосуд-корчага с процарапанной надписью «гороуща» или «гороушна». Согласно изысканиям О. Н. Трубачева, эта надпись свидетельствует о проникновении на Русь глаголицы, отражая импульсы из Среднего Подунавья²³⁹.

Небезынтересна мысль этого исследователя о миграции племени смолян, давшего имя городу Смоленску, из Дунайских земель. В раннем средневековье смоляне фиксируются в трех отдаленных регионах: 1) смолинцы, названные «Баварским географом» среди полабских славян, в правобережной части нижней Эльбы близ устья Эльды; 2) смоляне в Западных Родопях на р. Места-Нестос, впадающей в Эгейское море, там, где находится город Смолян; 3) на берегах верхнего Днестра, где-то в районе Смоленска. Некогда эти племена, нужно полагать, составляли единое праславянское племя, которое было расчленено и разбросано в результате великой славянской миграции. Коренной регион праславянских смолян находился, как полагает О. Н. Трубачев, где-то в Подунавье. Если это так, то его часть, осевшая в кривичском Поднепровье, проделала большой путь из исходного центра, возможно, в числе носителей лунничных височных колец.

Показателем расселения разрозненных групп дунайских славян являются и находки на восточнославянской территории железных ножей с рукоятками, оформленными волютообразными навершиями (рис. 117). Они имеют довольно крупные размеры — от 9 до 19 см, плоскую желез-

²³⁸ Пушкина Т. А. Височные кольца... С. 50—57.

²³⁹ Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. С. 130—183.

ную рукоятку, иногда украшенную насечками, составляющими геометрические узоры.

Эти ножи неоднократно привлекали внимание исследователей²⁴⁰. В результате можно утверждать, что первые ножи с волютообразными рукоятками появились в Дунайско-Прикарпатском регионе. В составе вещевогоклада, найденного в Шилагушомльё (Румыния), имелась золотая цепочка, на которой были прикреплены амулеты и среди них — миниатюрный нож с волютообразной рукояткой²⁴¹. Одни исследователи датировали эту находку концом IV — первой половиной V в., К. Яжджевский отнес нож-амулет к VI в. По всей вероятности, подобные культовые амулеты и послужили прототипами рассматриваемых раннесредневековых ножей.

В VI—VIII вв. железные ножи с волютообразными рукоятками получили распространение в Дунайско-Карпатской области. Они найдены на славянских поселениях в Словакии (Хвойно, Нитра), Польши (Бониково, Бискупин, Челядж, Велько, Новая Гута-Могила, Сандовель, Глезияновск, Бнин, Милич, Жуковице), Молдавии (Алчедар III, Бранешты I, Лопатна, Требужены, Перерыта пе Шес), в могильнике аварского периода Богойево в Югославии, а также в позднеаварских некрополях Среднего Подунавья (Алатгьян, Зилингталь, Кестхей, Соб).

---

²⁴⁰ *Szymański W.* Przyczynki do zagadnienia chronologii i zasięgu występowania żelaznych noży z rękojeściami zakończonymi wolutami // *Wiadomości archeologiczne*. XXX, 3—4. Warszawa, 1964. S. 221—228; *Idem.* Wczesnośredniowieczne noże z rękojeściami zakończonymi wolutami w świetle nowych badań // *Wiadomości archeologiczne*. XXXI, 2—3. 1965. S. 146—148; *Idem.* Noże z rękojeściami zakończonymi wolutami — zagadkowe komponenty kultury słowiańskiej i awarskiej // *Studia nad etnogenezą słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej*. T. II. Wrocław; Warszawa; Karków; Gdańsk; Łódź, 1987; *Šiška St.* Nože s vultovým ukončením rukovati v hradištnej kultúre // *Archeologické rozhledy*. Praha, 1964. N 3. S. 395—404; *Pleterski A.* Nožoci z zavojkoma z zgodnjem srednjem veku // *Arheološki vestnik*. XXXIV. Ljubljana, 1983. S. 375—395; *Verony G.* Spätawarenzeitliche Messer mit Volutengriff // *Urzeitliche und frühhistorische Besiedlung der Ostslowakei in Bezug zu den Nachbargebieten*. Nitra, 1986; *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972. С. 182—183. Рис. 29: 5, 7; *Перхавко В. Б.* Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // *СА*. 1979. № 4. С. 47. Рис. 4: 8; *Он же.* Один из компонентов материальной культуры раннесредневекового населения Беларуси // *Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза: Тэзісы дакладаў канферэнцыі прысвачонай 80-годдзю з дня нараджэння А. Г. Мітрафанава*. Менск, 1992. С. 86—88.

²⁴¹ *Hampel J.* *Altertümer...* III. Taf. 14.

Связь этих ножей со славянским этносом не может вызывать серьезных возражений. Наличие на позднеаварских могильниках погребений славян ныне достаточно надежно аргументировано. В чешской и словацкой литературе эти некрополи не без оснований именуются славяно-аварскими.

Уже В. Шиманьский рассматривал ножи с волютообразными рукоятками как предметы жреческого языческого культа, с чем согласились большинство археологов, публиковавших эти находки. В погребениях они встречаются в сопровождении богатых инвентарей.

В нижнедунайском регионе такие ножи бытовали и в VIII—X вв.²⁴² В Среднем Подунавье они уже не встречаются, но зато широко распространяются по Восточно-Европейской равнине.

В южной области Восточной Европы железные ножи с волютообразными рукоятками найдены на поселениях Ревно на Буковине, Плиснеск (Подгорцы) на Волыни, Каневском на Днестре и на двух городищах роменской культуры — Новотроицком и Шуклинском²⁴³. Четыре экземпляра таких ножей обнаружены при раскопках Старожиwитиновского городища боршевской культуры и еще один на Семилукском городище с напластованиями той же культуры²⁴⁴.

В средней полосе Восточно-Европейской равнины рассматриваемые ножи встречены на поселениях Василиха, Городище (Мядельское), Лукомль, Заозерье, Тайманово и в насыпи одного из курганов в Ярцево²⁴⁵.

²⁴² Mitrea I. Elemente slave cultura secolelor VIII—X din spațiul carpato-danubiano-pontic. Cuțitele eu volute și semnificația lor // *Din istoria Europei Romane/ Oradea*, 1995. P. 295—300; Teodor Dan Gh. Éléments slaves des VI—VIIIe siècles ap J. C. au nord de bas Danube // *Этногенез и этнокультурные контакты славян (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3). М., 1997. P. 304—305.*

²⁴³ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое... С. 24, 188. Рис. 10: 7; Никольская Т. Н. Шуклинское городище // КСИА. Вып. 72. 1958. С. 75. Рис. 19: 12; Кучера М. П. Древний Плиснеск // *Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 12. Київ, 1962. С. 59. Рис. 15: 16; Мезенцева Г. Г. Канівське поселення полян. Київ, 1965. С. 102. Рис. 53: 7; Михайлина Л. П. Населення Верхнього Попруття VIII—X си. Чернівці, 1997. С. 96. Рис. 47: 8.*

²⁴⁴ Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. VIII — начало XI века. Воронеж, 1995. С. 64—65. Рис. 18: 12—14; Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987—1993 гг.) // *На юго-востоке Древней Руси. Воронеж, 1996. С. 37. Рис. 15: 6.*

²⁴⁵ Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978. С. 107—108. Рис. 35: 1; 52: 17; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Минск, 1978. С. 49. Рис. 18; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 40.

Ярцевский нож по своему облику абсолютно идентичен подобным находкам в славяно-аварских могильниках Среднего Подунавья. На всех названных поселениях имеются слои тушемлинской культуры, с верхними горизонтами которых и следует связывать находки культовых ножей. В Заозерье, Городище и Лукомле найдены также привнесенные из Дунайских земель трапециевидные привески.

Два ножа с рукоятками, завершающимися волутообразно, обнаружены в Поильменье — на селищах Васильевское и Георгий²⁴⁶. Еще одна находка сделана на поселении Суна VI на северо-западном побережье Онежского озера²⁴⁷.

Дунайское начало имеют также удила, отнесенные А. Н. Кирпичниковым к типу I²⁴⁸. Они имеют прямые стержневидные псалии, которые продевались в одну из петель восьмеркообразного окончания грызла. Петли грызла по отношению друг к другу находятся во взаимно перпендикулярных плоскостях. А. Н. Кирпичников отметил, что такие удила получили распространение в средневропейских землях в связи с продвижением с востока гуннов и аваров. Они широко представлены, в частности, в славяно-аварских некрополях VII—VIII вв. Среднего Подунавья.

Удила, привнесенные в лесные области Восточно-Европейской равнины в эпоху великого переселения народов, не прижились в этих землях. Только после некоторого перерыва, в IX—X вв. удила в этом регионе появляются вновь. Наиболее ранняя находка происходит из сопки в Чернавино близ Ладоги. Некоторые восточноевропейские удила IX—X вв. дают полное основание утверждать, что исходным регионом их были Дунайские области. Так, железные удила из Холопьяго Городка под Новгородом с эсовидными псалиями, увенчанными зооморфными головками (они инкрустированы латунными пластинами с глазками-вставками из синего стекла), имеют точные аналогии в славяно-аварских могильниках Среднего Подунавья, что было отмечено исследователем памятника Е. Н. Носовым²⁴⁹.

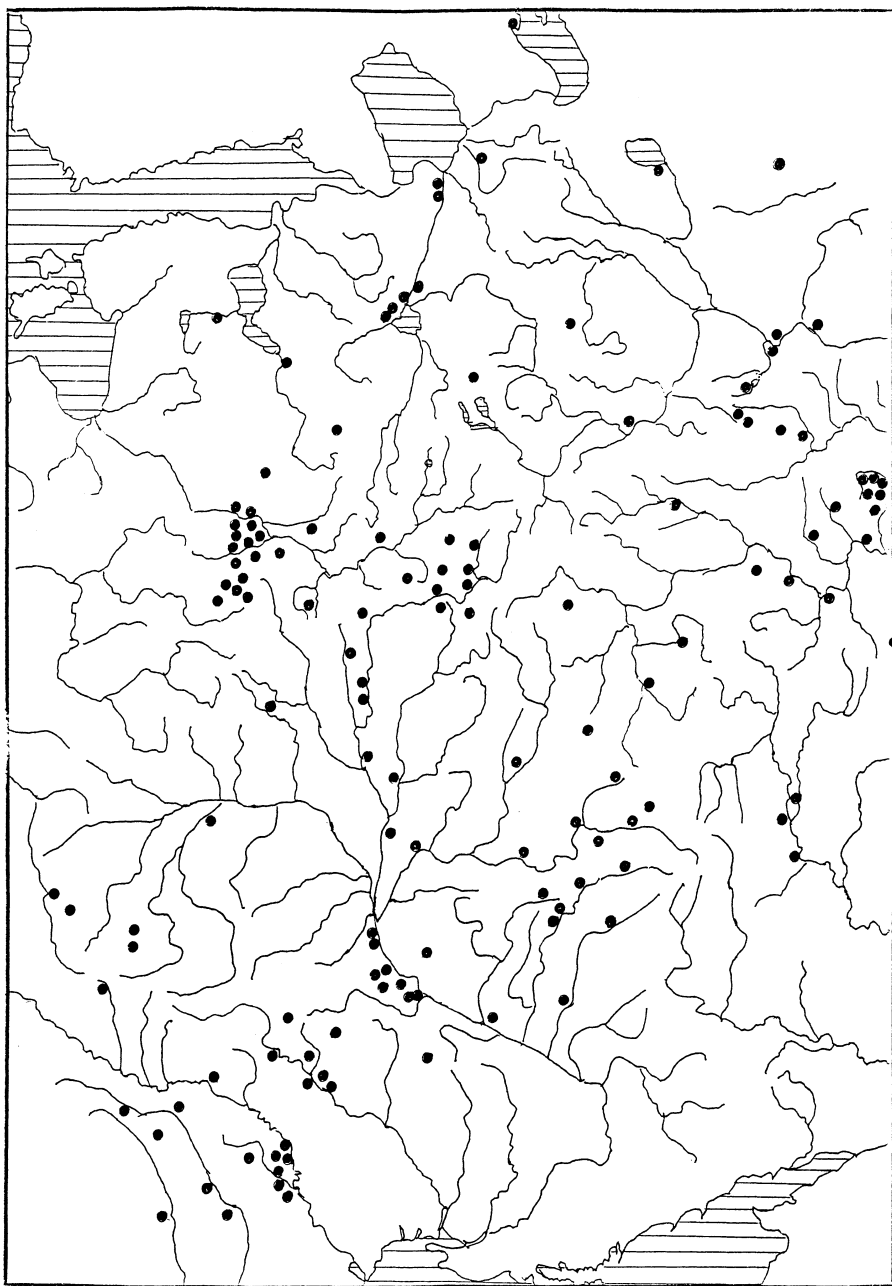
---

²⁴⁶ Орлов С. Н. Славянские поселения на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2. С. 137; Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 176. Рис. 65: 4, 5.

²⁴⁷ Косменко М. Г. Двухслойное поселение в устье р. Суны // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 154. Рис. 8: 10; Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 279. Рис. 66: 4.

²⁴⁸ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—35. Л., 1973. С. 14.

²⁴⁹ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 181. Рис. 69.

**Рис. 118. Распространение памятников с находками,
привнесенными из Дунайского региона**

С инфильтрацией среднедунайских славян следует связывать и появление на восточнославянской территории металлических крестиков с так называемым грубым изображением распятого Христа. Им мною посвящена специальная статья с картой распространения, в которой показано, что истоки этих крестов находятся в Великой Моравии²⁵⁰. Первые находки их относятся ко времени до официального принятия христианства Древнерусским государством.

Картография находок дунайского происхождения на восточнославянской территории (рис. 118) достаточно надежно свидетельствует, что в VII—X вв. имели место многократные оттоки славянского населения из Дунайского региона. Продвигаясь в восточных направлениях, группы дунайских переселенцев оседали в различных местностях Восточно-Европейской равнины, уже освоенных славянами. Разнотипность находок (украшения, культовые языческие и христианские предметы, гончарная керамика, предметы конского снаряжения) и их рассеянность на широких пространствах указывают на множественность миграционных групп, вышедших из разных регионов Подунавья. Продолжалась инфильтрация дунайских славян, очевидно, около двух—трех столетий.

Фиксируемые археологическими данными отливывы славянского населения из Дунайского региона находят объяснение в исторических событиях того времени.

В VI—VII вв. в Среднем и Нижнем Подунавье доминировали славяне. Они составляли значительную часть жителей Аварского каганата. Это была та сила, которая способствовала оседлости кочевников, приобщению их к земледелию и ремесленной деятельности. О славяно-аварском симбиозе речь уже шла выше.

Дунайские славяне вынуждены были терпеть грабежи, гнет и унижения со стороны аваров. Это зафиксировано как Хроникой Фредегара, так и другими историческими документами. Естественно, что в такой ситуации из Дунайского региона уходили отдельные группы славян. В конце VIII в. Аварский каганат был разгромлен Карлом Великим и его сыном Пипином. Франкские войны существенным образом затронули и славян-земледельцев Среднего Подунавья. По-видимому, значительные массы славян в этих условиях отдельными группами оставили Дунайские земли и продвинулись в Восточноевропейские области. Письменные документы IX в. именуют центральные области бывшего Аварского каганата «пустыней».

---

²⁵⁰ Седов В. В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 63—67.

В V—VII вв. земли к северу от нижнего течения Дуная были весьма плотно заселены славянами. В VII—VIII вв. здесь наблюдается активизация романского населения, известного в источниках под именем волохи (в русских летописях — влахи). К началу VIII в. большая часть могильников перестала функционировать. Очевидно, значительные массы славянского населения в этой ситуации вынуждены были покинуть этот регион²⁵¹.

Не менее значительное переселение славян в восточных направлениях имело место сразу же после разгрома Великоморавской державы. Археологические материалы свидетельствуют, что славянами были оставлены все крупные поселения предгордского облика и свыше половины аграрных селений Великой Моравии. Рассмотренное выше дает основание полагать, что немалые группы переселенцев осели в восточнославянских землях.

Еще в первой половине XIX в. собиратели русского фольклора обратили внимание на весьма распространенное употребление в песнях и былинах термина Дунай. В 1876 г. увидела свет интереснейшая работа В. Ягича о Дунае в славянском фольклоре, в которой на основе обширнейшего материала исследователь утверждал, что фольклорный Дунай своим происхождением, безусловно, связан с реальной рекой Дунай²⁵².

Предания о Дунае-батюшке были весьма широко распространены до недавнего времени во многих восточнославянских землях. Образ реки Дунай вошел в мифологию и обрядовую жизнь восточных славян. Дунай включен в круг представлений о землях изобилия и предков, с ним связываются мотивы «водного» и «женского» в языческих верованиях и ритуалах. В ряде случаев предполагается определенная функционально-образная связь между «демоном» Дуная и языческим Велесом. Дунай в разных образах широко представлен в восточнославянских песнях, в текстах свадебных причитаний и т. п.²⁵³

Одни исследователи видели в этом свидетельство первоначального проживания славян в Дунайском регионе, откуда они и расселились позднее в Восточной Европе, другие ученые, не видевшие аргументации

---

²⁵¹ Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 11). Teil 1—2. Bonn, 1992; Рец.: Седов В. В. // СА. 1995. № 2. С. 248—249.

²⁵² Jagić V. Dunav-Dunaj in der slavischen Volkspoesie // Archiv für slavische Philologie. Bd. I. 1976. S. 289—333.

²⁵³ Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 110—171.

для локализации славянской прародины на Дунае, относили зарождение популярности Дуная в славянской среде ко времени балканских войн.

Выявляемое современной археологией широкое расселение разрозненных групп дунайских славян на Восточно-Европейской равнине, имевшее место в VIII—X вв., вполне объясняет появление образа Дуная в древнерусском фольклоре и обрядности.

Многочисленные дунайские переселенцы привнесли в восточнославянскую среду яркий образ и культ Дуная, представления о Дунае как земле избития, земле предков, пограничной реке.

Находит объяснение и появление в Повести временных лет рассказа о расселении славян с Дуная: «По мнозехъ времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарска. И от техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седоша на котормъ месте»²⁵⁴. По Нестору, Дунайский регион был древнейшей территорией славянства после их прихода из Передней Азии, которая, согласно библейскому преданию, была родиной всего человечества.

Это летописное сообщение стало основой так называемой дунайской теории происхождения славян. Однако данные археологии и языкознания в сочетании со свидетельствами римских авторов показывают, что в I тыс. до н. э. и в первых веках нашей эры Среднее и Нижнее Подунавье заселяли различные неславянские этносы и только с III—IV вв. н. э. появляются основания говорить о проникновении первых групп славян в Дунайские земли. Массовое же заселение славянами этого региона относится к V—VI вв.

Рассмотренные выше археологические материалы позволяют утверждать, что летописный рассказ о Подунавье как исходном регионе расселения славян связан не с первоначальным освоением славянами Восточно-Европейской равнины, а с несколькими миграционными волнами, исходившими из Дунайских земель в VII—X вв.

Кстати отмечу, что инфильтрация дунайских славян в те же столетия затронула и области Польши.

В Восточной Европе славянские переселенцы с Дуная, по-видимому, были более активной массой, среди них могли быть квалифицированные ремесленники, горожане, церковные деятели, владевшие грамотой, христиане и др. Вполне понятно в этой связи наличие в Повести временных лет лексем дунайского происхождения. Так, восточнославянский термин

---

²⁵⁴ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 111—117; Он же. Восточные славяне... С. 172.

князь (вытеснивший более ранний — каган) является изустным заимствованием из диалектов моравско-паннонских славян²⁵⁵.

Расселение дунайских славян на Восточно-Европейской равнине стало мощным стимулом консолидации разноплеменного, многодиалектного славянского населения, осевшего в этих землях ранее.

С широкой инфильтрацией дунайских славян в земли Восточной Европы, уже освоенные славянским населением, связано два существенных момента.

Славяне, заселившие лесные и лесостепные области Восточно-Европейской равнины, хоронили умерших исключительно по обряду трупосожжения, что обусловлено их языческим миропониманием. Этот ритуал функционировал до первой трети XI в. включительно, а в окраинных землях задержался до XII в. Пришедший на смену трупосожжениям обряд ингумации многие исследователи обуславливают влиянием христианской религии. Однако ряд фактов не позволяет согласиться с таким решением вопроса.

Обряд ингумации во многих регионах лесной зоны Восточной Европы появляется и получает распространение задолго до крещения Руси. Трупоположения в курганах середины и второй половины X в. известны как в Гнездовском курганном комплексе, где появление их объяснимо ранним проникновением христианства в среду древнерусского дружинного сословия, но и в местностях, отдаленных от зарождающихся городов и торговых магистралей того времени. Таковы, например, курганы с трупоположениями в могильниках бассейнов Мологи и Луги в Новгородской земле. Серединой X в. датируются и трупоположения в десятках курганных некрополей области расселения смоленско-полоцких кривичей. Существенно то, что захоронения по обряду ингумации второй половины X в. совершались не на горизонте, а в подкурганных ямах. Подобные курганы с трупоположениями в могильных ямах очень рано появляются и в Рязанском Поочье. Думается, что раннее появление захоронений по обряду ингумации в могильных ямах находится в прямой зависимости от расселения дунайских славян в лесных областях Восточно-Европейской равнины. В Среднем Подунавье такая обрядность (правда, бескурганная) была характерна для славянского населения начиная с VII—VIII вв.

С миграцией дунайских славян, по всей вероятности, связано и распространение гончарной керамики. Выше было отмечено, что круговая

---

²⁵⁵ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 198—200.

глиняная посуда в Гнездово была привнесена в 20—30-х гг. X в. переселенцами из Моравского Подунавья. То же можно утверждать и относительно появления гончарной керамики в некоторых других регионах Древней Руси. Так, только привнесением извне можно объяснить распространение в X в. круговой посуды в Рязанском Поочье.

Дружинное сословие

Существенный вклад в начавшийся процесс интеграции славянских племен, расселившихся на Восточно-Европейской равнине, внесли сложившиеся в X в. древнерусская дружина и военно-дружинное сословие. Военная дружина — организация воинов-профессионалов, противостоящая племенным ополчениям предшествующей поры.

Зарождение военной дружины в славянской среде Восточной Европы относится еще к антскому периоду. Но это были дружины, формируемые для выполнения определенных заданий союза антских племен, их еще нельзя причислять к профессиональным образованиям. Значительные военные дружины были в Русском каганате, но функционирование их было относительно кратковременным. Начало становления древнерусского дружинного сословия, охватившего все славянские области Восточной Европы, определяется последними десятилетиями IX в., а наибольшая активизация приходится на следующее столетие.

Основными памятниками древнерусской дружины Руси являются курганные некрополи второй половины IX — начала XI в., в которых преимущественно по языческому обряду хоронились как рядовые воины, так и представители воинской верхушки и княжеской знати. Эти могильники тесным образом связаны с международными торговыми путями, с протогородскими торгово-ремесленными поселениями (Шестовицы, Тимерево — Михайловское под Ярославлем, Новоселки близ Смоленска) или зарождающимися раннесредневековыми городами (Киев, Чернигов, Гнездово — Смоленск).

Наиболее крупным дружинным комплексом является Гнездовский, находящийся на Днепре недалеко от Смоленска. Он состоит из десяти могильников, в которых насчитывалось около четырех тысяч курганных насыпей и несколько синхронных им поселений²⁵⁶.

---

²⁵⁶ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 25—51; Смоленск и Гнездово. М., 1991.

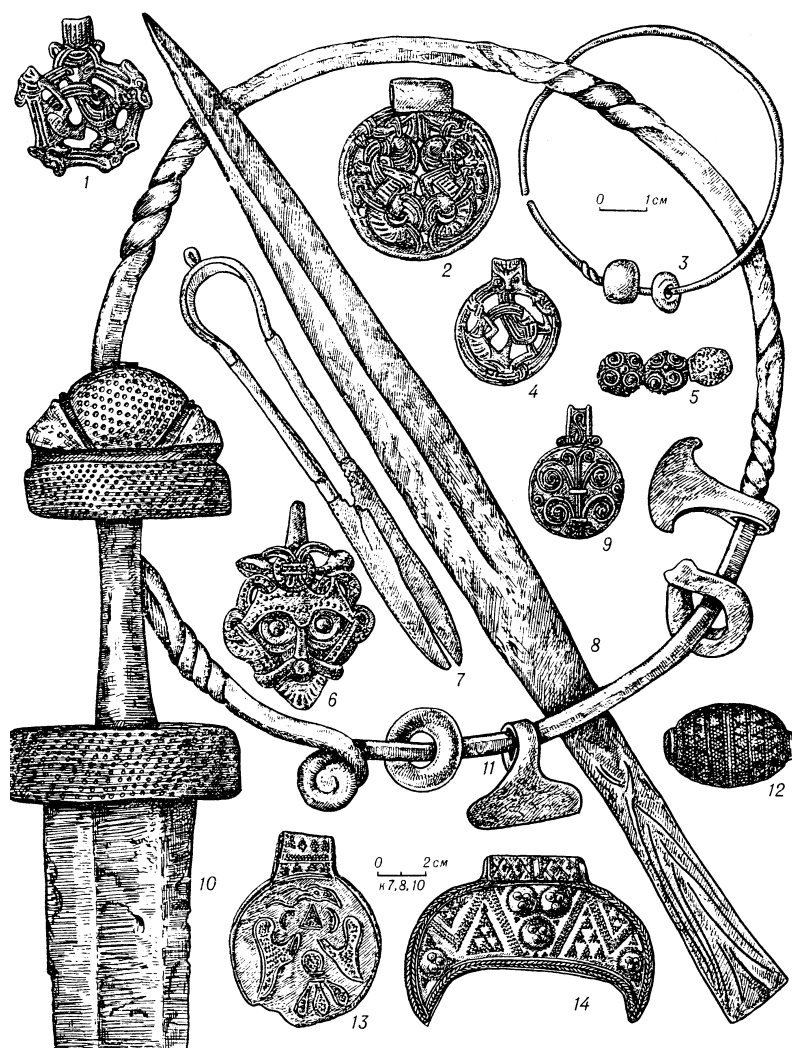

Рис. 119. Древности русских дружинников

1—6, 9, 12—14 — клад 1868 г. в Гнездове; 7, 8, 10, 11 — из кургана 15 гнездовского могильника (раскопки М. Ф. Кусцинского 1874 г.).

Немалая часть курганов в Гнездове принадлежит местному населению. По особенностям погребального ритуала и инвентарям (рис. 119) они не отличаются от одновременных кривичских курганов других местностей Смоленского Поднепровья. Курганы воинов-дружинников выделяются несколько иным погребальным обрядом. На площадке, избран-

ной для курганной насыпи, устраивался костер, и на него клали умершего, одетого в лучшие одежды и в сопровождении вещей, которые, по представлениям современников, могли ему пригодиться в загробном мире: предметы вооружения, бытовые вещи и пищу. После прогорания костра остатки трупосожжения собирались в глиняный горшок-урну, который помещался в центре остывающегося кострища, а затем к урне сгребали и остатки костра. В единичных случаях умерший сжигался в ладье, от которой оставались железные заклепки. По завершении похоронного ритуала и насыпался курган. Так в небольших (высотой от 0,4 до 1,8 м) круглых в плане насыпях, окруженных ровиками, хоронились рядовые дружинники.

В Гнездовском комплексе имеются и большие курганы такой же формы. Высота их — 2—7 м, диаметр оснований 25—35 м. Погребальный ритуал в них в целом был таким же, как и в малых курганах, но имеются в обрядности и некоторые особенности. Так, для погребального костра предварительно делалась подсыпка высотой 0,7—1,2 м с горизонтальной поверхностью, на которой и совершалась кремация умершего.

Одним из таких курганов была насыпь 7, раскопанная С. И. Сергеевым. Кремация была совершена в ладье. Размеры огнища — 17 x 10,5 м. Судя по вещевым находкам, сожжены были мужчина и женщина. При них находились топор, конская утварь, ледоходные шипы, весы, гирьки, ларец, бусы, нагрудная цепь, овальная фибула, привески, шиферное пряслице, костяной гребень, оселки. После того как погребальный костер прогорел, на месте кремации был зарезан баран, голову и конечности которого поместили в котел. Он был поставлен на огнище, и рядом установлены три глиняные урны с кальцинированными костями. В жертву еще была принесена птица и брошены разломанная железная шейная гривна и обломки глиняных сосудов. По исполнении ритуальной церемонии был возведен курган. Дата его — вторая половина X в.

Близки по строению и обрядности к этой насыпи и другие большие курганы Гнездова. На поздней стадии функционирования некрополей наряду с захоронениями по обряду кремации появляются и трупоположения, совершаемые в подкурганных могильных ямах.

Раскопки Гнездовских дружинных курганов дали большую коллекцию оружия. В ее составе имеются каролингские мечи, распространенные в это время по всей Европе. Основным центром изготовления их были мастерские на Рейне, о чем говорят клейма на лезвиях, но делались они и на Руси. Весьма распространенным оружием были железные ромбоситковые стрелы и ромбовидные и ланцетовидные копья. Неоднократ-

но встречены боевые топоры с характерной полукруглой выемкой в нижней части лезвия. Найдены также кольчужные рубашки и шлемы, нередко находками являются ледоходные шипы.

Среди других предметов из Гнездовского археологического комплекса следует назвать складные весы с коромыслом, 14-гранные и боченовидные гири, изготавливаемые из железа и покрываемые тонкой бронзовой оболочкой, арабские монеты, бритвы, ножи и различные бытовые вещи. Погребения с находками весов и весовых гирек, очевидно, принадлежат купцам; захоронения с орудиями труда (молотками, напильниками, резцами, долотами и прочим) нужно связывать с мастерами-ремесленниками. Изучение техники изготовления обработки железных изделий свидетельствует об обособлении кузнечного ремесла. Местными ювелирами изготавливались различные украшения и поясные бляшки. В X в. получает распространение и местное гончарное ремесло.

Женские украшения из Гнездова весьма разнообразны. Это височные кольца (проволочные, трехбусинные и упомянутые выше дунайского происхождения); стеклянные, сердоликовые, пастовые и металлические бусы, в том числе сканные высокохудожественные, а также плетенные из серебряной канители; лунницы и разнотипные нагрудные привески.

Часть находок из Гнездовских курганов имеет скандинавское происхождение. Таковы скорлупообразные фибулы овальной и круглой формы с рельефными узорами нордического стиля. Они были непременной принадлежностью скандинавского женского костюма. С их помощью закреплялись на плечах бретели женской одежды, поэтому в Скандинавии в захоронениях обычно находятся по две фибулы. В Гнездовских могильниках исследовано свыше двух десятков курганных погребений с такими фибулами — в шестнадцати встречено по одной фибуле, в одном — четыре, в остальных — по две.

К скандинавским принадлежат еще железные шейные гривны с топовидными привесками, называемыми молоточками Тора, а также некоторые привески с типичным нордическим орнаментом или связанные с языческими культами викингов.

К предметам импорта в гнездовской коллекции относятся бронзовая лампочка в виде женской головы, изготовленная в Иране, поливное глиняное блюдо с изображением иранского божества Сэнмувра, известного на Руси под именем Симаргла. В ряде курганных захоронений встречаются поясные бляшки восточного происхождения. Очевидно, из Херсонеса привезен был бронзовый энколпион. О широких торговых контактах свидетельствуют и некоторые другие находки.

Среди поселений Гнездовского комплекса одно выделяется своим размером. Его площадь превышала 15 га. Раскопками изучен участок поселения, где находились ремесленные мастерские и хозяйственные постройки. Найдены тигли, литейные формочки, шлаки и незавершенные изделия. В стороне от этого участка находилась жилая часть селения с наземными жилищами. С поселением связаны находки нескольких кладов — монетных и вещевых. Среди последних выделяется клад, обнаруженный в 1868 г., в составе которого имелось большое количество серебряных украшений: шейных гривен, бус, привесок со скандинавским орнаментом, лунниц, украшенных узорами из зерни, а также скандинавских фибул, дирхемов, мечи и капторги²⁵⁷. Очевидно, клад принадлежал богатому купцу.

Гнездовский археологический комплекс в целом датируется второй половиной IX — началом XI в. Среди курганов, исследованных раскопками, согласно периодизации, предложенной В. А. Булкиным, на долю ранних (IX — начало X в.) приходится 6%. Курганные захоронения второй стадии (середина X в.) составляют 57%. К этому времени относится большинство крупных курганов, принадлежавших дружинной знати.

К третьей стадии (последняя четверть X — начало XI в.) принадлежит 30% исследованных курганов с трупосожжениями. Подкурганные трупоположения (7%) выделены в отдельную стадию (последние десятилетия X — первая половина XI в.²⁵⁸).

В общих чертах развитие Гнездова представляется в следующем виде. Во второй половине IX в. в правобережной части Днепра при устье р. Свинки возникает неаграрное поселение площадью около 4 га²⁵⁹ и рядом — небольшой курганный могильник. Постепенно поселение разрастается, достигая к середине X в. 15 га. В это время на мысу левого берега р. Свинки сооружается городище площадью около 1 га. Параллельно разрастается курганный некрополь, состоящий теперь из нескольких групп. Около середины X в. возникает второй поселенческий комплекс (городище и селище) в устье р. Ольши, а рядом с ним курганный могильник. На рубеже X—XI вв. и в первой половине XI в. поселение приходит в упадок, постепенно прекращают функционировать курганные кладбища.

---

²⁵⁷ Гуцин А. С. Памятники художественного ремесла... С. 53—57. Рис. 11—15. Табл. I—IV; Корзухина Г. Ф. Русские клады... С. 87—89.

²⁵⁸ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники... С. 36—40.

²⁵⁹ Шмидт Е. А. К вопросу о древних поселениях в Гнездове // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VIII. Смоленск, 1974. С. 150—164.

Не вызывает сомнения полиэтничность населения, оставившего Гнездовские поселения и могильники. Уже один из первых исследователей курганов в Гнездово, В. И. Сизов, утверждал, что население здесь было разноплеменным, но доминировали кривичи. О последнем свидетельствуют и абсолютное тождество многих гнездовских курганов с синхронными достоверно кривичскими погребальными памятниками Смоленского Поднепровья, и распространение в гнездовских курганах исключительно славянской глиняной посуды. Смоленские кривичи сформировались в условиях ассимиляции местного балтского населения, поэтому вполне объяснимы балтские культурные особенности, выявляемые в отдельных гнездовских курганах. Не исключено, что среди захоронений есть и собственно балтские, так как в IX—X вв. процесс славянизации аборигенов еще не был окончательно завершен. Несомненно, среди жителей Гнездова были и славянские переселенцы из Дунайских земель.

Отчетливо выявляется и скандинавский этнический компонент. Типично скандинавскими были погребение умершего в ладье, помещение железной гривны с молоточками Тора на остатки погребального костра или в урну с остатками кремации, а также захоронение в убранстве с парой скорлупообразных фибул. Согласно наблюдениям Д. А. Авдусина, среди 950 курганных захоронений, раскопанных в Гнездове, скандинавскими можно считать примерно пятьдесят.

Элементы разноэтничности гнездовского населения проявляются в основном в ранних курганах. Постепенно культурные различия нивелируются. Это хорошо видно по стиранию норманнских этнических маркеров в больших курганах. Наиболее ранние из них характеризуются трупосожжениями в ладьях, ориентацией север — юг, железными гривнами с молоточками Тора и набором скандинавских фибул. На следующей стадии от норманнского обряда остаются сожжение в ладье и набор женских украшений. Ориентированы эти захоронения уже в направлении запад — восток. На поздней стадии сожжение в ладье в больших курганах становится необязательным, господствует широтная ориентировка, скандинавские украшения отсутствуют. К тому же во второй половине X в. обряд трупосожжения в ладье из этнического (скандинавского) превращается в социальный — он становится привилегией верхнего слоя гнездовского населения и не зависит от племенного происхождения погребенных. Параллельно протекал процесс смешения разноэтничных признаков и в обрядности, и в погребальных инвентарях; получают распространение так называемые вещи-гибриды, сочетающие в себе местные

и скандинавские элементы. Формируется единое древнерусское дружинное сословие.

Аналогичная картина наблюдается и в материалах дружинных памятников Древней Руси. В Ростовской земле подобным Гнездовскому является Тимеревский археологический комплекс, находящийся близ Ярославля и включающий поселения, курганы и клады²⁶⁰. Курганы Тимерева датируются также от IX до начала XI в. К IX столетию относится около 15% исследованных насыпей. Все захоронения в них совершены по обряду кремации умерших, они бедны вещевыми находками (железные ножи, костяные гребни, металлические детали поясов, скорлупообразные фибулы, горшки). В отдельных курганах отмечены конструкции в виде круга, сложенного из камней, что имеет параллели в Скандинавии.

Основная часть погребальных комплексов Тимеревского и соседних с ним Михайловского и Петровского курганных могильников относится к X в. В это время господствовал по-прежнему обряд трупосожжения, кремации совершались на месте насыпания курганов. Размеры насыпей увеличиваются по сравнению с курганами IX в. Характерно обилие вещевого инвентаря: фибулы, мечи, стрелы, ледоходные шипы, поясные детали и наборы, гребни, стеклянные и хрустальные бусы, копоушки, привески из астрагалов. В конце X в. появляется обряд трупоположения, который в начале XI в. теснит прежний погребальный ритуал.

На ранней стадии население, оставившие ярославские могильники — Тимеревский, Михайловский и Петровский, — было разноэтничным. В основном это были славяне и местные финны. В курганных захоронениях выявляется сложное переплетение финских и славянских культурных элементов, отражая метисацию населения. Несомненен в этих памятниках и скандинавский этнический компонент. Вещи северноевропейского происхождения встречены и в курганах, и в культурном слое Тимеревского поселения. Единичные собственно скандинавские захоронения с характерными особенностями похоронного ритуала и набором вещей относятся лишь ко второй половине IX в. В погребениях X в. скандинавские вещи нередки, но норманнские черты обрядности в большинстве случаев оказываются стертыми.

Попытки распределения курганных захоронений рассматриваемых некрополей на славянские, финские и скандинавские, предпринятые авторами книги «Ярославское Поволжье IX—X вв.», встретили существен-

---

²⁶⁰ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963; Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 124—187.

ные возражения. Действительно, курганная культура X в. была уже в значительной степени единообразной. Скандинавы, появившиеся на Волге во второй половине IX в., как, впрочем, и славяне, и финны, в X в. утратили свои этнические черты и образовали единую культуру древнерусской дружины. Наличие в том или ином кургане скандинавских вещей теперь не является свидетельством того, что здесь погребен выходец из Скандинавии. Эти находки отражают не этническую атрибуцию погребенных, а являются показателями неоднородности слагаемых единой древнерусской дружинной культуры. Она всюду формировалась на полиэтнической основе.

Из южнорусских дружинных памятников IX—X вв. наиболее значимыми являются курганы в окрестностях Чернигова и поселение и могильник Шестовицы.

Черниговские курганы IX—X вв. образуют несколько отдельных групп, рассредоточенных на сравнительно обширном пространстве. В каждом таком могильнике имеется множество обычных, невысоких насыпей и несколько крупных, принадлежащих воинам-дружинникам. В числе последних особенно выделяются большие курганы с богатым вещевым инвентарем, в которых были погребены бояре-военачальники. В распоряжении черниговских князей, судя по курганным кладбищам, были сотни дружинников.

Среди крупных черниговских курганов самым интересным является Черная Могила — погребальная насыпь высотой около 11 м и диаметром основания около 40 м. Она раскопана в 70-х гг. XIX в. Д. Я. Самоквасовым. На основании находки золотой византийской монеты и других предметов курган датирован второй половиной X в. Обстоятельный научный анализ его строения и деталей обрядности выполнен Б. А. Рыбаковым²⁶¹.

Началось сооружение кургана возведением песчаного основания в виде усеченного конуса высотой 1—1,5 м и диаметром 10—15 м. Сожжение на подобном основании-подсыпке было обычным для Черниговской округи. Подсыпка давала свободный доступ воздуху и тем самым способствовала горению погребального костра. В Черной Могиле на подсыпке была сооружена деревянная домовина, в которой помещены тела трех покойников: двух воинов — взрослого, юноши — и женщины. Домовина была обложена хворостом и зажжена. Когда костер догорел, из него изъ-

---

²⁶¹ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. № 11. 1949. С. 24—51; *Он же*. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 329—349.

яли останки умерших с доспехами. Затем над подсыпкой была сооружена огромная насыпь — высотой до 7 м — с несколько уплощенной вершиной, на которой были уложены остатки кремации умерших с доспехами. Здесь же была совершена тризна, после чего курган был досыпан до высоты 11 м.

Среди предметов, обнаруженных на пепелище погребального костра, имелись два меча, два шлема, две кольчуги, сабля, десять наконечников копий, топор, остатки щитов (они были деревянными, обшитыми бронзовым листом при помощи железных заклепок), пять ножей (некоторые с костяными рукоятками), оселки, стремяна, поясные кольца и наконечники ремней, серебряная фибула для плаща. Остатками вещей, принадлежавших женщине, были височные кольца, слитки серебра, золота и стекла от расплавившихся украшений, обломки костяных гребней, пряслице и проколки. Кроме того, на кострище найдены десять железных серпов, долота, скобель, остатки деревянных ведер и два глиняных горшка. Здесь же собраны более сотни бабок, бронзовая битка и полусферические костяные фигурки, используемые для какой-то игры.

На остатки погребального костра был поставлен большой железный котел, наполненный бараньими и птичьими костями и клочьями шерсти, поверх которых лежала голова барана. Около котла лежали два жертвенных ножа — скрамасакса. Здесь же находились бронзовый идольчик и два турьих рога — ритона, окованных вокруг серебром и украшенных квадратными накладками в средних частях. Рога-ритоны в славянском язычестве имели ритуальное значение, были атрибутами языческих богов и использовались на княжеских пирах.

Оковка меньшего рога орнаментирована растительным узором. На оковке другого ритона вычеканен фриз из разнообразных чудовищ, птиц и людей. Б. А. Рыбаков сопоставил это изображение с черниговской былинной об Иване Годиновиче и утверждал, что оно является иллюстрацией былинного сюжета. В научной литературе высказаны и иные толкования этой композиции²⁶².

---

²⁶² Лелеков А. А. История некоторых сюжетов древнерусского искусства // Художественное наследие. 1981. № 7. С. 213—225; Молчанов А. А. О сюжете композиции на обкладке турьего рога из Черной Могилы // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Тезисы докладов. Чернигов, 1988. С. 67—69; Чернецов А. В. О языческой дружинной культуре Черниговщины // Там же. С. 143—152; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск, 1995. С. 171—194.

Еще Н. П. Кондаков писал о совмещении восточных (постсасанидских) и византийских мотивов в орнаментальном стиле турьих рогов из Черной Могилы. На то же обращал внимание Б. А. Рыбаков. Венгерский археолог Д. Ласло видел в тератологическом мотиве переплетения чудовищ элемент скандинавского искусства²⁶³. Согласно Р. С. Орлову, орнаментальные мотивы оковок ритонов принадлежат к «среднеднепровской школе», мастера которой продолжали степные традиции, в том числе хазарские²⁶⁴. Очевидно, дружинное искусство Древней Руси было таким же сложным образованием, как и сама древнерусская дружина.

В Черной Могиле были погребены представители древнерусской дружины, все попытки определить их этнос обречены на неудачу. Дружинное сословие Руси X в. — новообразование, культура которого синтезировала в себе и славянские, и скандинавские, и финские, и степные (хазарско-венгерские) элементы. Согласно Б. А. Рыбакову, в кургане Черная Могила был похоронен не просто знатный и богатый человек, а князь, поскольку среди сопровождающего инвентаря были не только оружие и доспехи, но и предметы, связанные с языческим культом. Сочетать же обязанности воина и жреца мог только князь.

В другом черниговском кургане, известном под названием Гульбище, был погребен один из военачальников дружины. На остатках погребального костра были найдены меч, шлем, щит, два копья, стрела, обломок топора, две пары стремян и другое. Вместе с воином была сожжена женщина. После ее кремации сохранилось несколько стеклянных бус. Кроме того, обнаружены около двух сотен слитков стекла, серебра и золота. На кострище найден диошем конца IX в., поэтому курган был датирован исследователями началом X в.

В 18 км от Чернигова ниже по Десне находится еще одно крупное дружинное кладбище X — начала XI в. — Шестовицы²⁶⁵. Часть его составляют курганы с небогатыми захоронениями. Заметно выделяются насыпи с погребениями, сопровождаемыми предметами вооружения и разнообразным инвентарем. В обрядности и вещевых материалах выявляются следы имущественной и социальной дифференциации дружинного сосло-

---

²⁶³ László Gy. Steppenvölker und Germanen. Berlin, 1971.

²⁶⁴ Орлов Р. С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки X—XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984; Он же. Развитие ювелирного ремесла Чернигова и его округа в X в. // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Чернигов, 1985.

²⁶⁵ Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.

вия, отражающей в какой-то степени иерархию зарождающегося феодального общества Руси. Предметы скандинавских типов, срубные гробницы и погребения с конями говорят о неоднородном этническом составе древнерусского дружинного сословия. Безусловно, в составе шестовицкой дружины были славяне — выходцы из разных племен, варяги и, вероятно, представители степного мира. Дружинная культура X в. сnivelировала все этническое многообразие.

Курганные погребения дружинников имеются и в других местностях славянского расселения, в том числе в некрополях Киева, Пскова и других ранних древнерусских городов.

Древнерусское дружинное сословие в X в. создало собственную единообразную культуру, во многом отличную от культур земледельческого населения восточнославянского ареала. Это сословие объединило разные по происхождению этнические компоненты: славян разных племенных образований, представителей финских и тюркских (на юге, возможно, и ираноязычных) племен, а также выходцев из Скандинавии — варягов русских летописей. Дружинная культура впитала в себя как славянское наследие, так и восточные, нордические и византийские элементы. Оружие, снаряжение всадника и коня и украшения дружинной культуры носили не этническую окраску, а межэтнический характер. Таковыми в условиях становления дружинной культуры оказывались и многие бытовые предметы.

Древнерусская дружина была крупным надплеменным образованием, сформировавшимся из разноэтнического населения. Это был значительный шаг, импulsировавший этноязыковое объединение разноплеменного славянства, заселившего широкие просторы Восточно-Европейской равнины.

Формирование единой дружинной культуры стало мощным консолидирующим явлением в постепенном создании общности культуры и языка славянского населения Древней Руси. Древнерусская дружина требовала постоянного пополнения и пополнялась выходцами из регионов различных племенных образований восточноевропейских славян. Прослужив по несколько лет в единой культурной среде, дружинники возвращались в свои родные места уже не кривичами, северянами, хорватами или мерей, а русами. Судя по письменным источникам, в военных походах вместе со сформировавшейся русской дружиной участвовали племенные ополчения, что в некоторой степени также способствовало стиранию этноплеменных граней славянства Восточной Европы.

Великокняжеская дружина в X — первой половине XI в. была основным элементом государственного управления на Руси. Дружина активно включалась в различные социально-политические системы, создавая структуру государственного управления и заменяя княжеской администрацией прежние органы самоуправления племенных княжений. Дружина участвовала в сборах подати и осуществляла местную судебную власть. Все это, несомненно, сыграло действенную роль в интеграционных процессах в условиях становления древнерусской народности.

Определенная роль в консолидации славянского населения Восточно-Европейской равнины принадлежит и развивающимся торговым связям. Во второй половине IX—X в. доминировала международная торговля, в которой самое активное участие принимали воины-дружинники. Для этого времени характерна фигура купца, который без труда превращался в воина и отправлялся в далекий поход с целью более легкой наживы. Судя по курганным материалам Руси и Скандинавии, основными атрибутами купцов были миниатюрные складные весы и гири для взвешивания серебра. Наряду с ними в таких погребениях нередко мечи, копья, боевые топоры. По подсчетам В. Б. Перхавко, 34% древнерусских курганных захоронений с торговым инвентарем сопровождалась предметами вооружения²⁶⁶.

Захоронения купцов-воинов конца IX—X в. обнаружены исключительно в дружинных курганных могильниках. Так, в Гнездове бронзовые весы и гири встречаются в шестидесяти четырех курганах, в Тимеревском могильнике — в тридцати трех из четырехсот шестидесяти исследованных. Такое же соотношение купеческих погребений выявляется и по материалам Шестовицкого некрополя. Таким образом, не менее 6—7% обитателей нерядовых поселений, расположенных в ключевых пунктах на магистральных водных путях — важнейших коммуникациях X в., — были причастны к операциям по взвешиванию. Это, конечно, отчасти могли быть и дружинники — сборщики княжеской дани, но она собиралась преимущественно натурой и не требовала инструментов для взвешивания.

Зарождающееся купеческое сословие, как и дружинное, формировалось из представителей разных племенных образований славянства Восточной Европы, выходцев из Скандинавии, финно-угорского и балтского

---

²⁶⁶ Перхавко В. Б. Зарождение купечества на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. X чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 1988. С. 87—88.

миров. Племенные черты торгового люда активно нивелировались, формировалась единая этноязыковая среда. Находясь в постоянном общении и перемещениях, представители купечества, как, впрочем, и сборщики княжеской дани, по мере развития внутренней торговли в немалой степени способствовали объединительной тенденции славянского населения Древней Руси.

***Города, государственность и христианство — важные факторы
консолидации славянского населения Древней Руси***

Огромная роль в становлении древнерусской народности принадлежит городам и их жителям — городскому сословию. Начало процесса градообразования на Восточно-Европейской равнине определяется X столетием. Уже в VIII—IX вв. в различных местностях зарождаются торгово-ремесленные поселения — протогорода. Они стали центрами кристаллизации нарождающегося военно-дружинного и торгового сословий, а также пунктами становления древнерусского ремесла. Протогорода, основу населения которых составляли преимущественно представители того племени, в ареале которого они возникли, охотно принимали в состав жителей иноплеменников и оказывались пестрыми в этническом отношении. Так, среди обитателей Ладоги с ранней поры археологически документируются словене ильменские, кривичи, варяги, местная чудь и балты²⁶⁷.

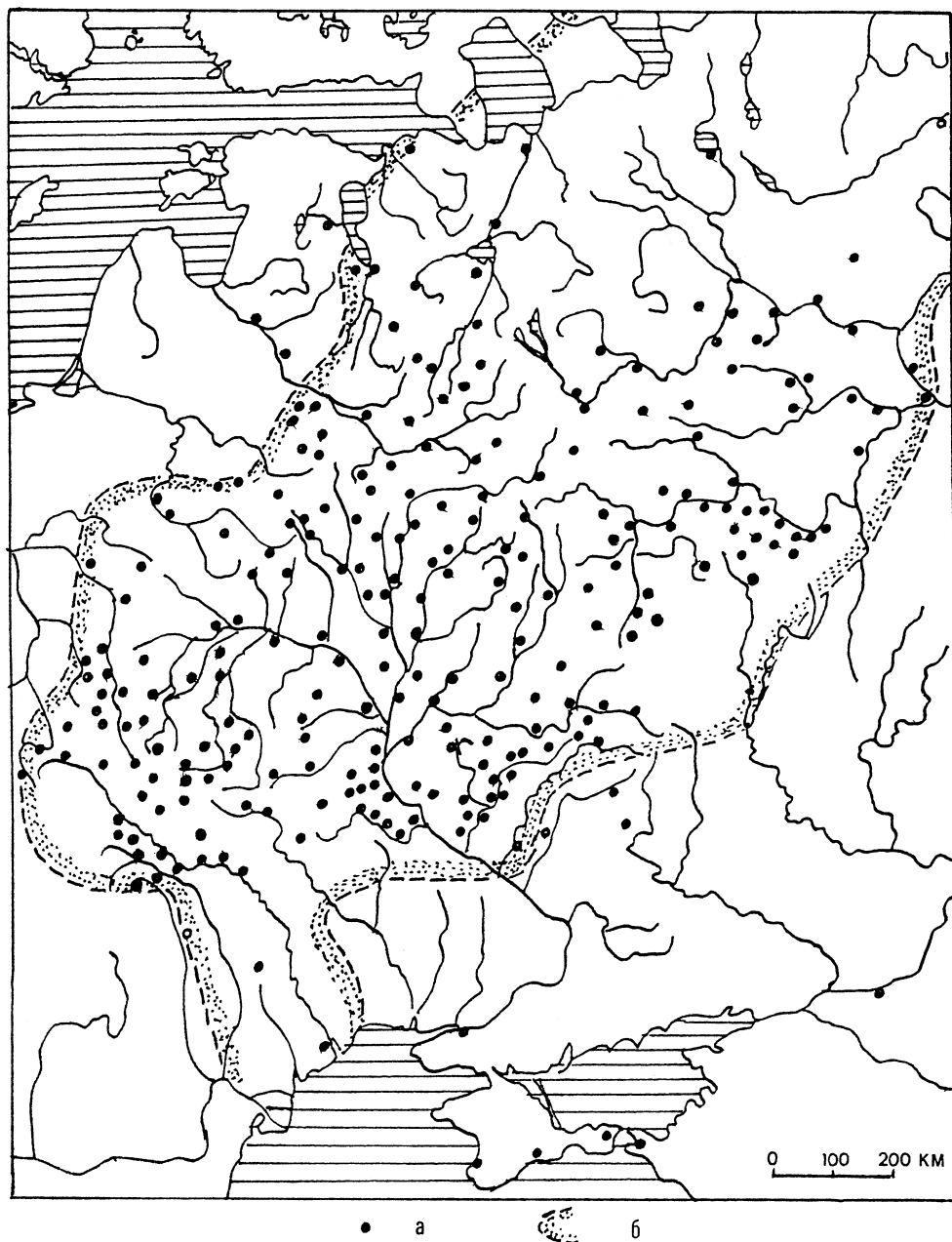
К числу интереснейших протогородских центров лесной полосы Восточной Европы принадлежит Изборск. Городище здесь было основано на рубеже VII и VIII вв. В VIII—X вв. здесь жили и работали бронзолитейщики и ювелиры, костерезы и резчики по камню, развита была и обработка железа. Поселок обеспечивал своей ремесленной продукцией как окрестные, так и более отдаленные аграрные селения и включился, как можно судить по находкам восточных монет, стеклянных бус, скандинавских, эстских и летто-литовских предметов, в международную торговлю. Население Изборского городища было разнородным²⁶⁸.

---

²⁶⁷ Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII—IX веков // АСГЭ. Вып. 27. Л., 1986. С. 99—105.

²⁶⁸ Седов В. В. Изборск в 8—10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985. С. 119—128; Он же. Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности — заповедный край России. Псков, 1993. С. 9—18.

Рис. 120. Распространение городов Древней Руси

а — города Руси домонгольского периода; **б** — граница Древнерусского государства в XI — начале XII в.

В южных землях наиболее яркими протогородскими поселениями являются кратко описанные выше городища Зимно на Волыни и Пастырское в антском регионе, в составе населения которого были славяне — выходцы из разных племен и неоднородные тюрки. Разноплеменность населения — одна из характернейших черт протогородских поселений²⁶⁹.

Таковыми же неоднородными по этнической структуре стали и древнерусские города²⁷⁰. Археологическое изучение Новгорода, Киева, Суздаля, Пскова, Чернигова и других отчетливо свидетельствует, что городское население Руси формировалось из жителей разных регионов Восточной Европы. Так, материалы раскопок Новгорода Великого показывают, что его население складывалось не только из среды словен ильменских, на территории которых он был основан, но также из кривичей (псковских и смоленских), переселенцев из регионов вятичей и радимичей, а также варягов и прибалтийских финнов из окраин Новгородской земли²⁷¹.

Древняя Русь накануне татаро-монгольского нашествия имела несколько сотен крупных, средних и малых городов. По подсчетам М. Н. Тихомирова²⁷², уже в X в. на Руси было не менее двадцати пяти городов, в XII в. число их достигло двухсот двадцати четырех, а к 30-м гг. XII в. существовало не менее трехсот городов (рис. 120). В реальности их было больше, так как далеко не все города упомянуты в летописях.

Для строительства и пополнения населения новых городов привлекались жители разных регионов Руси. Так, уже в конце X в., когда по повелению киевского князя Владимира Святославича для защиты южных рубежей Руси «нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне», были собраны для их строительства и проживания в них жители многих областей Руси: «И поча нарубати муже лучшие от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичъ, и от сихъ насели грады»²⁷³. Безусловно, в возведении и обживании этих городов участвовало также местное население — северяне и поляне.

---

²⁶⁹ Седов В. В. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 1. М., 1987. С. 12—24.

²⁷⁰ О становлении ранних городов на Руси см.: Седов В. В. Начало городов... С. 12—24; Толочко П. П. Пути становления древнерусских городов // Проблемы славянской археологии (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 1). М., 1997. С. 11—22.

²⁷¹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 180—193; Носов Е. Н. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе. VI—XV вв. Вып. 2. М., 1990. С. 47—57.

²⁷² Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 9—43.

²⁷³ Повесть временных лет... С. 83.

С увеличением числа городов и в связи с их бурным развитием возрастает новая общественная сила Древней Руси — горожане. Это было новообразование, формировавшееся из представителей разных славянских, а отчасти и неславянских племенных групп. В условиях городской жизни прежние региональные различия относительно быстро стирались.

Городское население, не связанное с местными племенными традициями или слабо связанное с ними, стало мощной движущей силой в создании и распространении единой материальной и духовной культуры на всей территории Руси, в нивелировке племенного разнообразия, в интеграции восточнославянской этноязыковой общности.

Раскопочные изыскания в городах свидетельствуют о весьма активном развитии городской жизни и культуры. Городская культура домонгольской Руси была единообразной на всей ее территории. Ее целостность прежде всего была обусловлена высоким уровнем городского ремесла. Повсеместное распространение гончарного круга и глиняной посуды, изготавливаемой на нем, привело к определенному единству древнерусского керамического инвентаря — одинаковому ассортименту изделий, в основном однотипной их орнаментации, однонаправленности эволюции гончарного дела. О сложении единства древнерусской городской культуры говорят и изделия железообрабатывающего ремесла, и общность технологических приемов, и одинаковость вооружения, продукции косторезного ремесла, и — особенно ярко — бронзолитейного и ювелирного производства. Городская культура с первых шагов своего развития разрывает пределы племенной замкнутости. Металлическое убранство костюма горожанок не обнаруживает каких-либо региональных различий. Трехбусинные височные кольца, изготавливаемые городскими ремесленниками в разных стилях и технике, получают широкое распространение во всех городах Древней Руси и из городов нередко поступают в сельские округа. Бронзовые и билоновые браслеты и перстни из древнерусских городов составляют несколько типов, но все они в равной степени имели хождение по всему восточнославянскому ареалу. Излюбленным украшением горожанок Древней Руси стали стеклянные браслеты, и опять-таки каких-либо региональных различий в их бытовании не наблюдается. Ювелирные изделия, выполненные в сложной технике (зернь, скань, чернь, эмаль), также распространялись по всей Русской земле.

Несомненным катализатором восточного славянства была торговля, которая в результате активизации городской жизни Руси приобретает все более и более широкий размах. По всей древнерусской территории полу-

чили широкое хождение пряслица из волынського шифера. В многочисленныя малые города из крупных ремесленных центров поставлялись стеклянные браслеты и бусы, различные ювелирные украшения, крестики-тельники и энколпионы, костяные и самшитовые гребни. В сельские местности коробейниками доставлялись самые различные изделия городских ремесленников. Вырабатывается целый ряд вещей общедревнерусского характера.

В городах создавалась каменная архитектура, развивались связанные с ней производства строительных материалов. Города импульсировали развитие общевосточнославянского фортификационного дела.

Города оказывали существенное влияние на сельскую округу. Постепенно элементы городской культуры в той или иной степени проникали в среду земледельческого населения.

Города были не только создателями, носителями и распространителями единой древнерусской культуры, но и оказывали активное воздействие на многие стороны духовной жизни восточного славянства. Города стали центрами просвещения и грамотности. В крупных городах велось общерусское летописание, составлялись грамоты, акты и уставы, велась деловая переписка. Грамоты на бересте, обнаруженные уже в восьми древнерусских городах, а также бронзовые, железные и костяные писала-стило, встреченные во многих десятках городских поселений, говорят о сравнительно широкой распространенности грамотности на Руси. Все это не могло не способствовать культурному и языковому сближению славянского населения Восточно-Европейской равнины.

А. А. Шахматов отмечал, что некоторые памятники письменности, созданные в Киеве, не содержат ярких диалектных особенностей. Это позволило ему говорить о сложении в этом городе такого наречия (диалектного койне), которое утратило или сгладило диалектные черты, присущие разным местностям Древней Руси²⁷⁴. Подобные койне могли формироваться и в других крупных городах, и они играли активную роль в nivelировке диалектного многообразия восточного славянства.

В цементации древнерусской народности большое значение имело распространение среди славянского населения Восточной Европы христианской религии. Она прямо или косвенно способствовала единению культуры и языка восточного славянства. Церковь внесла определенный вклад в развитие просвещения, в создание литературных ценностей и

---

²⁷⁴ Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП. СПб., 1899. IV. С. 345.

произведений искусства и архитектуры. Несомненна и роль христианства в приобщении Руси к культурным богатствам Византии и всего христианского мира. Христианская идеология, искусство и просветительская деятельность оказались мощными объединительными стимулами восточного славянства. Монастыри, наряду с городами, были общерусскими центрами просвещения и культуры.

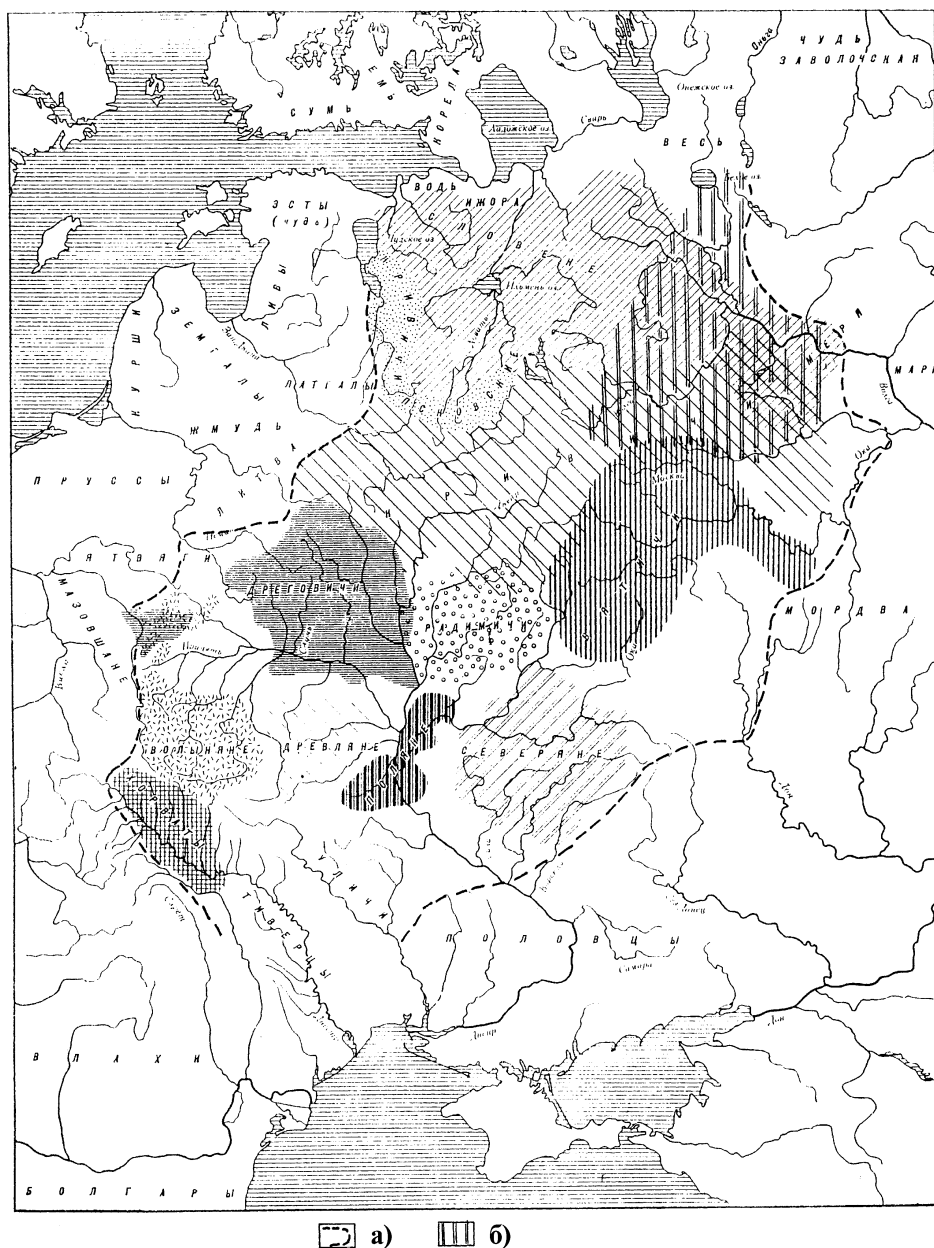
Для отправления христианских обрядов необходим был слой людей, владеющих грамотой и основами средневековой образованности. Уже Владимир Святославич сразу же после крещения Руси «нача поимати у нарочитые чади дети и даяти нача на ученье книжное»²⁷⁵. Один из важнейших результатов развития культурной жизни восточного славянства — становление литературного языка, который имел хождение на всей территории Древней Руси. Население, принявшее христианскую религию, в той или иной мере соприкасалось с получившим бытование на Руси старославянским языком, на котором была написана богословская литература и совершалось отправление церковных обрядов. При этом, несомненно, имело место сложное взаимодействие между письменным языком и разговорной речью. Постепенно разговорный язык, нужно полагать, впитывал в себя некоторые элементы письменного языка, что в той или иной степени способствовало процессу формирования языкового единства древнерусской народности.

Вместе с вышеназванными факторами определяющим в становлении древнерусской народности было создание и упрочение единого государства. Ведь недаром начало формирования восточнославянского этноса по времени совпадает с процессом образования единой государственности. Древнерусская держава политически объединила все области Восточно-Европейской равнины, заселенные славянским населением. Государственная власть стала мощной консолидирующей силой в единении разнородного славянства, незаметно активизировала славянизацию остатков финского и балтского населения.

Государственная власть осуществляла административные и судебные функции на всей территории Руси, не считаясь с прежним племенным строением восточного славянства. Создаваемые ею воинские формирования из представителей различных земель вели к активному стиранию территориальных различий как в диалектном, так и в культурном отношении.

---

²⁷⁵ Новгородская Первая летопись... С. 157.

Рис. 121. Территория древнерусской народности

а — границы территории древнерусской народности; **б** — ареал славянского племенного образования, представленного браслетообразными незавязанными височными кольцами.

Определяющую роль Древнерусского государства в развитии единого языка подчеркивал А. А. Шахматов. Складывающаяся в пределах этого политического образования, по его выражению, «общерусская жизнь», безусловно, стирала языковую дифференциацию и активизировала языковую интеграцию²⁷⁶.

Государственная деятельность по консолидации славянского населения Восточно-Европейской равнины протекала по нескольким направлениям. Прежде всего это привлечение населения из разных уголков Руси к решению общегосударственных проблем. Как отмечалось выше, для укрепления южных рубежей государства и борьбы с кочевниками киевские князья активно переселяли жителей из северных восточнославянских земель. Активизации процесса единения восточного славянства способствовала и княжеская деятельность в области права, суда и религии.

Следует подчеркнуть, что названные интеграционные явления действовали комплексно, в самом тесном взаимодействии. Так, государственная власть способствовала развитию городов и строительству крепостей, а они, в свою очередь, становились активными очагами упрочнения государственности и единения восточного славянства. Государство и города были заинтересованы в развитии внутренней и международной торговли, и вместе они размывали элементы региональной обособленности, относящейся ко времени освоения славянами Восточно-Европейской равнины. Распространение христианской религии вело к упрочению государственной власти, и они вместе становились более мощной объединительной силой, направленной на формирование единого этноса.

Единство территории, общность материальной и духовной культуры и единство языка (диалектные различия при этом не исключаются) — существеннейшие маркеры этноса. Рассмотренное выше позволяет утверждать, что в X—XII вв. в пределах территории Древнерусского государства протекал довольно активный процесс этноязыковой интеграции разноплеменного славянского населения (в его составе были и славянизированные финские и летто-литовские племена). В результате сформировался единый этнос — древнерусская народность (рис. 121).

Об этническом самосознании древнерусской общности

Политическое, культурное, языковое единение восточного славянства создало основу для принципиальных сдвигов в области самосознания.

---

²⁷⁶ Шахматов А. А. Краткий курс истории малорусского (украинского) языка // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 2. Пг., 1916. С. 680—681.

Этноним русь из Днепровско-Донского междуречья постепенно распространяется на всех славян территории Древнерусского государства.

Аналогичные процессы имели место и в некоторых других регионах средневекового славянского мира. Так, в Висло-Одерской области название одного из племен — поляне — постепенно распространилось вширь и стало этнонимом всего населения Древнепольского государства. Чехи первоначально — имя одного из славянских племен, заселявшего небольшой регион. С созданием государственности этот этноним распространился на все население Древнечешской державы.

На основании летописей и памятников агиографии XI—XIII вв. можно проследить процесс распространения этнонима русь. В VIII—IX вв. это крупное племенное образование междуречья Днепра и Дона, создавшее на короткое время свое раннегосударственное образование. С созданием Древнерусского государства русами на первых порах именовали себя военно-служилое (в том числе и варяги на службе киевских князей) и церковное сословия, но очень скоро русскими людьми стали и более широкие слои восточнославянского населения, сначала, как можно полагать, горожане, порвавшие с племенным бытом, а потом и сельские жители.

Уже в упомянутом выше «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, произнесенном до 1050 г., под «Русской землей» понимается вся территория Древнерусского государства, где проживают «русские люди».

Представление о Русской земле как о едином государстве и о населении его как о русских людях широко отразилось в ряде агиографических памятников второй половины XI — XII в., а также в летописных текстах. После XI в. из летописных текстов окончательно исчезают племенные этнонимы восточных славян. В ряде мест их заменили названия, производные от наименований городов — административных центров исторических земель или княжеств, а в целом восточнославянское население стало именоваться русью, русскими людьми, «сыновьями русскими».

На Киевщине поляне стали именоваться русью уже во времена Олега. В первой половине XI в. этноним русь уже был распространен среди славянского населения Новгородской земли. Это отчетливо видно хотя бы по летописной статье под 1060 г., рассказывающей о сражении новгородцев и псковичей с сысолой: «И паде Руси 1000, а Сосол бещисла»²⁷⁷. Здесь русь — славяне Новгородско-Псковского региона.

---

²⁷⁷ Новгородская Первая летопись... С. 183.

В этнографическом введении Повести временных лет русь — этноним, объединяющий все славянство Древней Руси. В XI в. верховную власть великих киевских князей признавали и входили в состав Древнерусского государства некоторые финские и летто-литовские племена. Однако они не именовались русью. Под этнонимом русь Нестор понимал только славянское население этого государства. Одним из основных критериев руси является свой язык: «...се бо токмо словенескъ языкъ в Русси...» («А словенский языкъ и руский одно есть...»), в то время как «...мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, морьдва свой языкъ»²⁷⁸. В целом русь в Повести временных лет выступает как общность, обусловленная единством происхождения, характеризующаяся своим языком, своей территорией и своей политической организацией. Русь Нестора — древнерусская народность в современном понимании. Одновременно и Повесть временных лет, и другие летописные своды Русью именовали и всю Русскую землю — Древнерусское государство.

Таким образом, русь в X—XIII вв. одновременно и этноним, и политоним.

На вопрос, все ли славянское население Древней Руси называло себя русами, русичами, ответить невозможно. Можно полагать, что в ряде регионов восточнославянского ареала население именовало себя славянами (в частности, в местностях, непосредственно примыкавших к регионам финских и летто-литовских племен), в других случаях — ростовцами, новгородцами, псковичами или суздальцами. Это никак нельзя считать признаком отсутствия сознания принадлежности этих славян к древнерусскому этносу²⁷⁹.

Древнерусская народность была достаточно сформировавшейся этноязыковой общностью. Она некоторое время сохранялась и в период политической раздробленности восточного славянства. Так, в «Повести о разорении Рязани Батыем» имеется целый ряд свидетельств о целостности древнерусского этноса, о наличии сознания его единства²⁸⁰.

Об этом говорит и информация иностранных документов, в которых термины Русь и Россия употребляются для обозначения всей территории, населенной древнерусским этносом.

---

²⁷⁸ Повесть временных лет... С. 13

²⁷⁹ На основе данных древнерусских памятников письменности эта тема рассматривалась в кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 96—119.

²⁸⁰ Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 96—115.

Так, Генрих Латвийский в «Хронике Ливонии» (XIII в.), упоминая о битве на Калке, пишет: «И прошел по всей Руси призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Руси против татар»²⁸¹. В числе «королей» названы князья киевский, галицкий, смоленский и другие. Описывая события в Новгородской и Псковской землях, он именует их Русией, пишет о русских из Пскова²⁸².

В сочинении де Плано-Карпини «История монгалов» (XIII в.) страна Русия включает и Киев (назван ее столицей) с Черниговом, и Волынь (владимиро-волинский князь Василько именуется князем «в Руси»), и Галицкую землю (галицкий князь Даниил назван «королем русским»), и Владимиро-Суздальскую землю (о великом владимирском князе Ярославе Всеволодовиче пишется как о князе «в некоей части Руси, которая называется Суздаль»)²⁸³. Здесь «Русия» соответствует всей территории Древней Руси, всем землям, заселенным русами — древнерусской народностью.

В пределах расселения древнерусского этноса понимали «Руссию» также посланник римского папы и французского короля Людовика IX в Золотую Орду и Монголию (1252 г.) Вильгельм де Рубрук, который сообщал, что страна эта тянется от Пруссии, Польши и Венгрии²⁸⁴, и венецианский путешественник последней четверти XIII в. Марко Поло, писавший, что «Россия — очень большая страна на севере. Живут тут христиане греческого исповедания. Тут много королей и свой собственный язык»²⁸⁵. Ни о каком государственно-территориальном формировании в это время говорить не приходится. Во второй половине XIII в. древнерусская территория оказалась политически раздробленной. Вполне очевидно, что Русия-Россия названных авторов — ареал еще не распавшегося древнерусского этноса.

Выше говорилось, что в конце XIV в. был составлен список русских городов, в котором названо 357 городов, находящихся на всей территории восточного славянства, включая регионы складывающихся в то время белорусского и украинского языков. М. Н. Тихомиров справедливо отметил, что критерием причисления городов к русским был древнерус-

---

²⁸¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. С. 222.

²⁸² Там же. С. 198.

²⁸³ Иоганн де Плано-Карпини. История монгалов. СПб., 1911. С. 9, 25, 44, 45, 50, 54, 57, 61.

²⁸⁴ Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 85.

²⁸⁵ Марко Поло. Путешествие. Л., 1940. С. 262.

ский язык. Таким образом, несмотря на государственную разобщенность восточнославянской территории, единство древнерусского языка и этноса проявлялось на протяжении всего XIV в.

В соборной грамоте 1415 г. епископы полоцкий, смоленский, черниговский, туровский, луцкий, холмский и перемышльский именуют себя «епископи русских стран»²⁸⁶. В папских грамотах XIII—XIV вв.²⁸⁷ королями русскими называются и владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович, и галицкий князь Даниил Романович, и великий литовский князь Гедемин, значительную часть владений которого составляли области, заселенные прямыми наследниками древнерусского этноса.

В галицко-волинских грамотах XIV в. употребляется титул «князь всей Русской земли, Галицкой и Владимирской», «князь Владимирский и господарь Русской земли», «князь и господарь Руси»²⁸⁸. Вполне очевидно, что жители Волынской земли и Галичины этого времени осознавали, что они принадлежат Руси, являются русскими, то есть потомками русского (древнерусского) этноса.

---

²⁸⁶ Акты, относящиеся к истории западной Руси. Т. 1. СПб., 1846. С. 33.

²⁸⁷ Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 11. СПб., 1841. С. 30.

²⁸⁸ Сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 149—153.

Список сокращений

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИЯЛИЭ — Институт языка, литературы, истории и этнографии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии Украины
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
РА — Památy Archeologické, Praha

Именной указатель

- А**баев В. И. 19, 26, 27, 48, 189, 190, 274
Абашина Н. С. 141
Аблабий, раннесредневековый автор 13, 142
Абрамова М. П. 163, 173
Абрамович Д. И. 526
Аванесов Р. И. 385
Август, римский император 53
Авдуин, вождь лангобардов 316
Авдусин Д. А. 542, 556
Агапов С. А. 246
Агафий, византийский автор 13
Агеева Р. А. 321, 362
Адальрам, зальцбургский архиепископ 460
Адам Бременский, средневековый хронист 338, 345
Айбабин А. И. 219, 220, 535
Акимова О. А. 492
Акрабова-Жандова Ив. 519
Александровская Е. И. 370
Александровский А. Л. 370
Алексеев В. П. 402
Алексеева Т. И. 178
Алмуш, хан Волжской Болгарии 254
Альквист А. 396
Альмгрен О. 169
Альфред Великий, английский король 435
Амброз А. К. 139, 215, 221, 401
Аммиан Марцеллин, античный автор 197
Ангелов Д. (Angelov D.) 404, 516—518, 521, 524
Ангелова Ст. 419
Антоневич В. 97
Анфертьев А. Н. 319
Апсих, военачальник аваров 227
Арсеньева Т. М. 175
Артамонов М. И. 212, 278
Арумаа П. (Arumaa P.) 20
Архипов Г. А. 400
Аскольд, дружинник Рюрика 285, 295
Аспарух, хан болгар 414, 423, 502—509
Аттила, предводитель гуннов 201, 202, 229
Аулих В. В. (Aulich V. V.) 302
Аурелиан П. 178
Бабич Б. (Бабиќ Б. , Babić B.) 417, 521, 523
Багаутдинов Р. С. 254
Бадер О. Н. 388
Бажан И. А. 169
Барамбер, предводитель гуннов 201
Баран В. Д. 152, 153, 167, 181, 187, 296, 308, 309
Баранов И. А. 221
Баришић Ф. 229
Бартоломей Английский, 482
Барцева Т. Б. 91, 158, 160
Батбаян, предводитель азовских болгар 503
Башенькин А. Н. 359
Беленин К. (Bielenin K.) 103
Белошевич Я. (Belošević J.) 318, 485, 486, 538
Беляева Е. О. 137
Бём Я. (Böhm J.) 47

- Березовец Д. Т. (Березовець Д. Т.) 206—208, 210, 259
Берестенев С. И. 208
Бери Дж. 275
Бериг, легендарный король готов 142
Бернштейн С. Б. 20, 22, 23, 27—29, 95, 125
Беседин В. И. 294
Бехагель Х. (Behaghel H.) 58
Бешевлиев В. 516
Бидзиля В. И. (Бідзиля В. І.) 133, 139
Бирбрауэр Ф. (Bierbrauer V.) 476, 477
Бирковић С. 501
Бирнбаум Г. (Birnbbaum H.) 20, 21, 23, 24
ал-Бируни, средневековый арабский автор 254
Бліфельд Д. І. 560
Бобринский А. А. 154, 167
Бобровська О. В. 167
Богачев А. В. 249, 254
Бодуэн де Куртенэ И. А. 441
Бодянский А. В. 210
Бож, князь антов 191, 194, 203
Божиллов Ив. 503
Болеслав I, чешский князь 436
Болеслав Храбрый, польский князь 438
Бона И. (Bona I.) 231, 234, 315
Борис, царь Болгарии 508, 518, 523
Борковский В. И. 528
Борковский И. (Borkovský I.) 295, 323, 454
Борна, хорватский князь 491, 492
Бравлин, легендарный предводитель русов 282
Брайчевская А. Т. 210
Брайчевский М. Ю. (Брайчевський М. Ю.) 161, 196, 210, 534
Бранимер, хорватский князь 492
Браун Ф. А. 192
Брахманн Г. (Brachmann H.) 296, 468, 469
Бремер О. 57
Бромлей Ю. В. 492
Буга К. (Buga K.) 23, 24
Буга Старший, арабский полководец 287
Буданова В. П. 150
Будде Е. Ф. 530
Будинский-Кричка В. (Budinsky-Krička V.) 100
Будилович А. С. 28, 77
Буковский З. (Bukowski Z.) 66, 347
Булатова Р. В. 394
Булкин В. А. 551, 555
Буров В. А. 363
Быков А. А. 292
Бялекова Д. (Bialeková D.) 296, 309, 314
Вайтманн М. В. (Weithmann M. W.) 408, 425
Ваклинов Ст. 506, 519
Вакуленко Л. В. 300, 306, 308
Валент, римский император 199
Валич А. (Valič A.) 476
Ван Вейк Н. (Van Wijk N.) 29
Василий I, византийский император 500
Васильев А. А. (Vasiliev A. A.) 275
Васильев М. А. 190
Васильевский В. Г. 281, 282
Василько, владими́ро-волы́нский князь 573
Васкс А. В. 63
Вацлав, церковный просветитель 451
Велес, теоним 548
Великанова М. С. 179
Веловейски Е. (Wielowiejski J.) 92, 196
Вергей В. С. 318
Вернадский Г. В. (Vernadski G.) 143, 277, 279, 282
Вернер Й. (Werner J.) 202, 218, 314, 315, 417, 476
Веспасиан, римский император 10
Вилчан, князь ободритов 333
Вильгельм де Рубрук, посланник римского папы и французского короля 573
Винитарий, король готов 191, 192, 194
Винников А. З. 260, 544
Виноградова А. И. 462

- Винокур И. С. (Винокур I. C.) 161, 216, 308
 Вириг, предводитель племени сиван 254
 Витимир, король готов 199, 201
 Вишневский В. И. 389
 Владимир Володаревич, галицкий князь 271
 Владимир Святославич, киевский князь 278, 526, 565, 568
 Владислав, хорватский князь 492
 Влатислав, чешский князь 455
 Влатислав, князь чешских лучан
 Вознесенская Г. А. 91, 133, 158, 160, 213, 304
 Волузиан, римский император 197
 Вольфрам Х. (Wolfram H.) 143
 Востоков А. Х. 529
 Вуга, сестра легендарных братьев-предводителей далматинских хорватов 489
 Въжарова Ж. Н. 419, 420, 422, 501, 507
 Вязьмитина М. И. 165, 175
- Гавритухин И. О.** 213, 256, 262, 540
 Гадариг, король готов 142
 Гаевский Л. (Gajewski L.) 308, 309
 Гайдуков П. Г. 370
 Галл Аноним, средневековый хронист 436, 442
 Гамкрелидзе Т. В. 16—19
 Гачиньский Е. (Gaczyński J.) 490
 Гедемин, литовский князь 574
 Гедеонов С. А. 270
 Гей О. А. 169, 173
 Гекатей Милетский, античный автор 52
 Гельмольд (Helmoldi), средневековый автор 333, 338, 482
 Гензель В. (Hensel W.) 70, 104, 323, 436, 420, 437
 Генинг В. Ф. 395
 Генрих, князь ободритов 345
 Генрих Латвийский, средневековый хронист 573
 Георгиев В. 21, 23, 28, 29
 Георгий Амастридский, византийский святой 280—282
- Геркулий Максимиан, римский император 198
 Германах, король готов 193, 194, 199
 Геродот, античный автор 52, 128, 163
 Геррманн Й. (Hertmann J.) 92, 268, 296, 317, 327, 330, 337—340, 343, 344, 464—468, 470
 Гиндин Л. А. 229
 Годловский К. (Godłowski K.) 88, 97—99, 101, 102, 114, 117, 149, 196, 310, 329
 Голб Н. 277
 Голомб З. (Golab Z.) 10, 20, 95
 Голубинский Е. Е. 282, 526
 Гордиан III, римский император 150
 Горішній П. А. 308
 Городцов В. А. 398
 Гороховский Е. Л. 168, 169, 170, 204
 Горский А. А. 272
 Горюнов Е. А. 140, 206, 208, 255
 Горюнова Е. И. 394, 398, 402.
 Готшалк, князь ободритов 334
 Графенауэр Б. (Grafenauer B.) 244, 473, 474, 477
 Гребе К. (Grebe K.) 327, 338
 Грингмут-Даллмер А. 345
 Гришаков В. В. 398
 Гроздилов Г. П. 360
 Гудкова А. В. 165, 171, 198
 Гурба Я. (Gurba J.) 308, 309
 Гутенбруннер З. 57
 Гущин А. С. 537, 555
- Давидан О. И.** 563
 Дагоберт, король франков 243
 Дажбог, теоним 26
 Даниил Игумен, церковный деятель 526
 Даниил Романович, галицкий князь 573, 574
 Дашевская О. Д. 165
 Дворник Ф. (Dvornik F.) 490, 491
 Девото Дж. (Devoto G.) 55
 Дементрикевич В. (Demetrykiewicz W.) 112

- Дементрий из Каллатиса, античный автор 135
 Денисова Р. Я. 383
 Дерван (Дерванус), князь сербов/сорбов 243, 471
 Дероко А. (Deroko A.) 500, 523
 Дестунис Г. С. 229
 Дечев Д. 413
 ал-Джайхани, арабский автор 275
 Дзиговский А. Н. (Дзиговський О. М.) 164, 171
 Диакону Г. (Diaconu Gh.) 177, 197
 Димитров Д. (Dimitrov D. I.) 419, 503, 507, 513, 514, 519
 Диодор, античный автор 159
 Дион Кассий (Dio Cassius), античный автор 122, 150
 Дир, дружинник Рюрика 285, 295
 Добжаньска Х. (Dobrzańska H.) 93
 Довженок В. И. 161
 Домбровская Е. (Dąbrowska E.) 306, 307, 309
 Домбровский Э. (Dąbrowski E.) 329
 Домициан, римский император 167
 Донат П. (Donat P.) 299, 325, 334, 340, 342, 419
 Достал Б. (Dostál B.) 450, 537
 Дражко, князь ободритов 333
 Дринов М. 404
 Дубинский С. А. (Дубінські С. А.) 373, 443, 444
 Дубов И. В. 551, 555, 557
 Дубынин А. Ф. 394, 397, 398
 Дуриданов И. (Duridanov I.) 27, 405
 Дурново Н. Н. 528, 529
 Дучев Ив. 404
 Дучко В. (Duczko W.) 534
 Душек З. (Dušek S.) 470, 471
 Дыбо В. А. 394, 395
 Евнапий, раннесредневековый автор 200
 Еловица Д. (Jelovina D.) 485
 Енуков В. В. 384
 Ерофеева Е. Н. 397
 Ерцеговић-Павловић С. 497
Жак Я. (Zak J.) 324
 Жива (Сива), теоним 333
 Жирмунский В. М. 57
 Журавлев О. П. 289
Заберган, военачальник гуннов 230
 Заверняев Ф. М. 139
 Заимов Й. 409—411
 Зализняк А. А. 363
 Замятина Г. И. 394, 395
 Зеленецька І. Б. 167
 Земан Й. (Zeman J.) 296, 314
 Земовит, гнездинский князь 436
 Земомысл, внук Пяста 436
 Зинковская И. В. 260
 Зосима, раннесредневековый автор 185
 Зоцин А. (Socin A.) 191
 Зубов С. Э. 254
Иблер У.-Г. (Ibler U.-G.) 477
 Иван Годинович, былинный герой 559
 Иванов В. В. 528
 Иванов Вяч. Вс. 16—19, 23, 192, 321
 Иванов Ст. 422, 509
 Иванова О. В. 423
 Игнатий, византийский патриарх, писатель 281, 284
 Изюмова С. А. 539
 Изяслав Мстиславич, киевский князь 271
 Иларион, митрополит киевский 278, 526, 571
 Ильдигис, предводитель лангобардов 316
 Иоанн Зонара, византийский автор 284
 Иоанн Камениата, византийский автор 421
 Иоанн Скилица, византийский автор 284
 Иоанн Эфесский, сирийский автор 240, 407
 Иордан, первый польский епископ 438

Иордан, средневековый автор 9, 10, 13,
140—144, 147, 148, 184, 185, 191, 193,
194, 201, 261, 319
Ираклий, византийский император 408,
489, 491, 495, 496
Исидор, византийский автор 408
Исланова И. В. 365, 367—369

ал-Йа'куби, арабский автор 287

Казаков Е. П. 245

Каракалла, римский император 150
Каралиюнас С. (Karaliūnas S.) 22
Карамзин Н. М. 269
Каргер М. К. 293, 535
Карл Великий, франкский император
245, 333, 339, 471, 481, 547
Каспарова К. В. 129
Кассиодор, раннесредневековый автор
13, 191, 319
Качковский М. (Kaczowski M.) 329
Кий, легендарный основатель Киева 285
Киммиг В. (Kimmig W.) 47, 51, 52
Кипарский В. (Kiparsky V.) 24, 26, 78, 125
Кирилл, славянский просветитель 523
Кирпичников А. Н. 545
Киш А. (Kiss A.) 241
Кланица З. (Klanica Z.) 234, 296, 314
Климент, славянский просветитель 523
Клука, один из легендарных братьев-
предводителей хорватов 489
Ключевский В. О. 270
Книва, король везеготов 185
Ковалевский А. П. 255
Коев И. 511
Козак Д. Н. 99—102, 112, 138, 167, 169
Козьма Пражский, чешский хронист
446, 447, 455, 456
Коларич Р. (Kolarič R.) 482
Колендо Й. (Kolendo J.) 115
Комаров К. И. 402
Комша М. (Comşa M.) 227, 515, 539, 540
Кондаков Н. П. 560

Кондукторова Т. С. 178, 189
Конески Б. 525
Конецкий В. Я. 370
Константин Багрянородный (Constantin
Porphyrogenius), византийский
император 234, 240, 272, 286, 414,
422, 488—492, 494—496, 500
Константин IV, византийский импера-
тор 504
Корзухина Г. Ф. 537, 555
Корнаков Л. 523
Королюк В. Д. 334
Корпусова В. М. 177
Косендцис, один из легендарных
братьев-предводителей хорватов 489
Косменко М. Г. 545
Коссина Г. 57
Костенко В. И. 175, 176
Костшевский Ю. (Kostrzewski J.) 47, 65,
91, 97, 105, 113, 114
Котляр М. Ф. 291
Котраг, предводитель болгарской орды
503
Кравченко Н. М. 179, 180, 184
Кравченко Т. А. 401
Краснов Ю. А. 399
Краузе В. (Krause W.) 143
Краэ Г. (Grahe H.) 17—19, 47, 49, 53, 54, 56
Кренке Н. А. 370, 389
Кропоткин В. В. 161, 196, 219, 292
Кругликова И. Т. 185
Крум, болгарский хан 508, 516
Крюгер Б. (Krüger B.) 317
Кубрат, хан Великой болгарии 245, 503
Кувер, брат Аспаруха 521
Куза А. В. 402
Кузнецов П. С. 528
Кусцинский М. Ф. 552
Кухаренко Ю. В. 125, 126, 137, 147, 149,
172, 538
Кучера М. (Kučera M.) 244, 462
Кучера М. П. 544
Кучкин В. А. 270, 271

- Ламанский В.** 409
Лант Г. (Lunt H. G.) 21
Лапушнян В. А. 135, 210
Ласло Д. (László Gy.) 560
Латышев В. В. 11, 201
Лебедев Г. С. 277, 551, 555
Лев Грамматик, византийский автор 284
Левашова В. П. 387, 539
Левицкий Т. (Lewicki T.) 143, 287
Лелеков Л. А. 559
Лемпрехт А. (Lemprecht A.) 20, 29
Леонтьев А. Е. 390, 396, 400
Лер-Сплавиньский Т. (Lehr-Splawiński T.) 10, 20, 31, 66, 67, 94, 95, 113, 332, 441, 529
Лесько (Лешко), сын Пяста 436
Линка Н. В. 537
Литаврин Г. Г. 195, 228, 280, 282, 285, 286, 423, 424, 517, 521, 524
Лобай Б. И. 164
Ловел, один из легендарных братьев-предводителей хорватов 489
Ловмянский Г. (Łowmiański H.) 114, 115, 143, 272, 274, 278, 282, 287, 333, 342, 436, 443
Лопатин Н. В. 377, 378
Лосиньский В. (Losiński W.) 327, 328, 341, 438
Лотнер Э. (Lottner E.) 17, 19
Лукиан Самосатский, античный автор 163
Лухтан А. 383
Львов А. С. 278, 550
Любичев М. В. 208
Людовик Благочестивый, франкский император 275, 279, 280, 492
Людовик Немецкий, восточнофранкский король 333
Людовик IX, французский король 573
Ляпунов Б. М. 394, 530, 531
Ляпушкин И. И. 255, 289, 291, 538, 539, 544
- Маврикий (Mauricius), византийский император** 13, 234, 407
Магомедов Б. В. 153, 157, 175, 177, 178, 181
Мажюлис В. (Mažulis V.) 23
Майер Х. (Mayer H.) 22
Майко В. В. 221
Макаренко Н. Е. 259, 538
Макаров Н. А. 402
Максимин, византийский сенатор 229
Максимин, римский император 150
Максимов Е. В. 128, 137, 138, 140, 535
Малингудис Ф. (Malingoudis Ph.) 421, 422
Манева Е. 521
Маньчак В. (Mańczak W.) 24, 28
Маринов В. 511
Маркварт И. (Marquart J.) 287
Марко Поло, венецианский путешественник 573
Мартынов В. В. (Мартынаў В.) 24, 25, 78, 190
Марушич Б. (Marušić B.) 318, 415, 487, 488
Марцеллин Комит (Marcellin), византийский автор 405
Марьянович-Вуевич Г. (Марјановић-Вујовић Г. ; Marjanović-Vujović G.) 497, 498
Матвеева Г. И. 246, 247, 249, 253, 254
Мауер Ф. 57
Махек В. (Machek V.) 94
Махно Е. В. 175
Мачинский Д. А. 128, 548
Медведев А. М. (Мядзведзеў А. М.) 140
Мезамир, антский посол 231
Мезенцева Г. Г. 535, 544
Мейе А. 75, 76
Мельник Е. Н. 535
Мельников Г. П. 462
Мельникова Е. А. 273
Мелюкова А. И. 175, 176
Менандр Протектор, византийский автор 13, 230
Мефодий, церковный просветитель 435, 523

- Мешко I, польский князь 436, 438
Мжельская О. С. 362
Миеон Логофет, византийский автор 284
Мийович П. 499, 500
Миклошич Ф. 148
Милетић Н. 497
Милидух, сербский князь 470, 471
Миллер В. Ф. 273
Милов Л. В. 194, 195
Милчев Ат. 419, 517
Минић Д. (Minić D.) 498, 499
Митрофанов А. Г. 376, 377, 387, 544
Михаил Глика, византийский автор 284
Михаил III, византийский император 283, 284, 286, 293, 414
Михайлина Л. П. 544
Михайлов Ст. (Michailov S.) 420, 506, 509
Михеев В. К. 266
Мишулин А. В. 197
Миятев Кр. 519
Мних Иаков, древнерусский автор 526
Моймир I, великоморавский князь 460
Молдован А. М. 526
Молчанов А. А. 559
Моммзен Т. (Mommsen Th.) 147
Монгайт А. Л. 263, 291
Моринц С. 166
Москаленко А. Н. 539
Мошкова М. Г. 164, 175
Мухло, один из легендарных братьев-предводителей хорватов 489
Мюллер Л. 283
- Н**азаренко А. В. 237, 238, 267—269, 292
Напольских В. В. (Napolskich V. V.) 253
Насонов А. Н. 270
Наумов Е. П. 501
Некрасова Г. М. 203
Нерознак В. П. 53
Нестор, русский летописец 14, 549, 572
Нещименко Г. П. 458
Нидерле Л. (Niederle L.) 14, 20, 90, 119, 134, 189, 229, 244, 319, 323, 332, 339, 340, 401, 409, 414, 490, 493, 495, 496, 521
- Никита Пафлагонский (Nicitae Raphlagonis), византийский автор 284
Никитин А. В. 402
Никитин А. Л. 402
Никитина Г. Ф. 157, 160, 181
Никитина Т. Б. 400
Николаев С. Л. 386, 394, 395
Николай I, римский папа 287
Никольская Т. Н. 261, 544
Никулице И. Т. (Никулицэ И. Т.) 135, 149
Новаковић Р. 495
Новикова Е. Ю. 538
Новосельцев А. П. 255, 269, 275, 277, 278, 287, 292
Носов Е. Н. 355, 359, 360, 371, 379, 545, 565
- О**бломский А. М. 137, 139, 140, 213, 256, 262
Овчаров Д. 519
Олег, киевский князь 295, 272, 397
Олимпиодор Фиванский, раннесредневековый автор 185
Омуртаг, хан болгар 508
Орел В. Э. 446
Орлов Р. С. 112, 560
Орлов С. Н. 360, 545
Орозий, античный автор 135
Острогорский Г. А. 494
Острогота, король готов 184, 185
Отин Е. С. 265
Отрембский Я. (Otrębski J.) 136
Отгон II, германский император 436
- П**авел Диакон, византийский писатель 231, 474, 496
Панов Б. 413
Пархоменко В. А. 274, 282
Парчевский М. (Parczewski M.) 295, 307, 325
Пачкова С. П. 133, 138
Пашуто В. Т. 278, 294
Педерсен Х. 94

- Перун, славянский теоним 227
 Перхавко В. Б. 377, 545, 562
 Пестрикова В. И. 246
 Петраускас О. В. 139
 Петрашенко В. А. (Петрашенко В. О.) 256, 535
 Петренко В. Г. 131, 163
 Петренко В. П. 364
 Петров В. П. 207, 208, 210
 Петрович Э. (Petrović E.) 429, 430
 Петрона Каматир, византийский деятель 279
 Петрухин В. Я. 273, 559
 Пиоро И. С. 219, 221
 Пипин, франкский император 245, 547
 Питтиони Р. (Pittioni R.) 47, 51, 52, 314
 Плано-Карпини Иоганн, средневековый автор 573
 Плейнерова И. (Pleinerová I.) 303, 315
 Плетнева С. А. 266
 Плиний Старший (Plinius Secundus), античный автор 10—12, 122, 134, 143, 148, 494
 Поболь Л. Д. 132
 Погодин А. Л. 404
 Погребова Н. Н. 165
 Покорный Ю. (Pokorny J.) 47, 94
 Полубояринова М. Д. 255
 Попел, гнезненский князь 436
 Порга, архонт Хорватии 489, 490
 Пржемысл, легендарный основатель чешской династии Пржемысловичей 489, 490
 Прибина, нитранский князь 459, 460
 Приселков М. Д. 283
 Приск, византийский военачальник 407
 Приск Панийский, византийский автор 229
 Приходнюк О. М. 206, 208, 209, 308, 532, 534
 Прицак О. (Pritsak O.) 276, 277
 Проб, римский император 404
 Прове, языческий бог 333
 Прокопий Кесарийский (Прокопий из Кесарии), византийский автор 13, 148, 223, 227, 316, 404—406, 422, 423
 Пруденций, франкский хронист 275
 Пряхин А. Д. 294, 544
 Птолемей Клавдий, античный автор 11, 12, 122, 134, 237, 494
 Пушкина Т. А. 536, 539, 542
 Пяст, легендарный основатель династии Пястовичей 436
Р
 Рабинович Р. А. 538
 Радегаст (Радогост), языческое божество 333
 Радојковић Ђ. 499
 Разуваев Ю. Д. 294
 Раухут Л. (Rauchut L.) 435, 443, 444
 Рафалович И. А. 149, 208, 210, 543
 Рашев Р. (Rašev R.) 503, 506
 Репников Н. И. 219
 Ригль А. (Riegl A.) 218
 Рикман Э. А. 149, 152, 164, 173, 175, 177, 179, 196, 197, 428
 Розен-Пшеворска Я. (Rosen-Przeworska J.) 92
 Розенфельдт И. Г. 389
 Розов Н. Н. 526
 Романовская М. А. 135
 Роспонд С. (Rospond S.) 31
 Ростислав, князь — сын Юрия Долгорукого 271
 Рубрук Вильгельм, средневековый автор
 Русанова И. П. 118, 295, 296, 307, 318
 Ибн Русте, арабский автор 275
 Рутковська Л. М. 206, 210
 Рыбаков Б. А. 161, 162, 213, 215, 218, 221, 270, 277, 278, 285, 401, 538, 558—560
 Рюрик, новгородский князь 285
 Рябинин Е. А. 396, 400
 Рябцева С. С. 538
С
 Савченко А. Н. 24
 Сагайдак М. А. 293

- Саксон Грамматик, средневековый автор 92, 340
Саливон А. Н. 333
Салугина Н. П. 246
Само, славянский князь 243, 471
Самоквасов Д. Я. 558
Самуил, болгарский царь 523
Сахаров А. Н. 278
Сварог, теоним 26
Сварожич, теоним 338
Свердлов М. Б. 492
Святовит, теоним 340
Святоплук, великоморавский князь 435, 455, 461, 462
Седова М. В. 565
Сенн А. (Senn A.) 22, 23
Сергеев С. И. 553
Сизов В. И. 556
Симаргл (Сэнмувр), теоним 26, 190, 554
Симеон, болгарский царь 508, 518—520
Симеонов Б. 517
Симоненко А. В. 164
Скржинская Е. Ч. 143, 319
Славомир, князь ободритов 333
Слама И. (Sláma J.) 455—457
Смиленко А. Т. (Сміленко А. Т.) 153, 178
Смирнов А. П. 254
Смирнов К. А. 388, 389
Смирнов К. Ф. 163, 176
Смирнов Л. Н. 462
Смірнов П. П. (Смирнов П. П.) 276
Смит Х. (Smith H. L.) 16
Смішко М. Ю. 300
Смолицкая Г. П. 362
Соболевский А. И. 528, 529
Соловьев А. В. (Soloviev A.) 526
Соловьев С. М. 269
Соловьева Г. Ф. 539
Спитигнев, чешский князь 451
Спицын А. А. 134, 213, 218, 321, 398, 401, 402
Срезневский И. И. 529
Станчев Ст. 509
Старостин П. Н. 248, 250, 254
Стендер-Петерсен А. (Stender-Petersen A.) 275
Стефан Сурожский, византийский деятель 282
Стоянова-Серафимова Д. 420
Страбон (Strabo), античный автор 135, 163
Супрун А. Е. 347
Сухобоков О. В. 255, 288
Сымонович Э. А. (Симонович Е. О.) 157, 179, 181
Т
Тальгрэн А. М. (Tallgren A. M.) 218
Тассила, баварский воевода 474
Таутавичюс А. З. 383, 384
Тацит Публий Корнелий, античный автор 12, 122, 134, 330
Тейрал Я. (Tejral J.) 202, 228, 230
Телегин Д. Я. 137, 210
Теодор Дан Г. (Teodor D. Gh.) 223, 312, 427, 428, 544
Тервел, хан болгар 508, 509
Терпиловский Р. В. 139—141, 171, 172
Тиверий, византийский император 407
Тимошук Б. А. 296, 307
Тит Ливий, античный автор 135
Тиханова М. А. 152
Тихомиров М. Н. 270, 527, 565, 573
Толочко П. П. 293, 565
Толстая С. М. 442
Топоров В. Н. 23, 27, 31, 77, 141, 143, 147, 190, 192, 321
Тор, теоним 554, 556
Тот Т. А. 240, 241
Травкин П. Н. 397
Трегер Г. (Trager G. L.) 16
Треймер К. (Treimer K.) 28, 94
Третьяков П. Н. 126, 139, 371—373, 376, 377, 388, 530
Трофимович К. К. 472
Трпимир, хорватский князь 492
Трубачев О. Н. 19, 20, 22, 23, 27, 28, 31, 40, 48, 65, 67, 78, 79, 95, 108, 143, 148, 190, 192, 193, 237, 263—267, 274, 310, 320, 332, 414, 494, 542

- Трубецкой Н. С. (Trubetzkoy N. S.) 29, 529
 Туга, сестра легендарных предводителей хорватов 489
 Тургенев А. И. 574
 Турек Р. (Turek R.) 447, 448, 450, 453
 Тухтина Н. В. 254
 Тыпкова-Заимова В. (Tarkova-Zaimova V.) 404, 406, 502, 516
 Тыменецкий К. 113
- У**
 Удольф Ю. (Udolph J.) 31, 32, 264, 353
 Узянов А. А. 262
 Урбанчик (Urbanczyk S.) 441
 Усикова Р. П. 525
 Успенский Ф. И. 282
 Уткин А. В. 397
 Ушаков Д. Н. 530
 Ушинскас В. 383
- Ахмед ибн **Ф**адлан, арабский автор 254
 Ибн ал-Факих, арабский автор 269
 Фарсанза, правитель Боспора 185
 Фасмер М. (Vasmer M.) 20, 190, 192, 273
 Федоров Г. Б. 173, 535
 Феодосий, абхазский царь 287
 Феофан, византийский автор 423
 Феофил, византийский император 280, 281, 285
 Феофилакт Симокатта, византийский автор 13, 227, 228, 240, 422
 Фидлер У. (Fiedler U.) 223, 224, 228, 429, 506, 510, 511, 514, 548
 Филимер, король готов 142, 148
 Филин Ф. П. 21, 29, 76, 77, 124, 125, 192, 394, 528—530
 Фирштейн Б. В. 241
 Флоря Б. Н. 455, 457
 Фока, византийский император 408
 Фокеев М. М. 165
 Фотий (Photios), византийский патриарх 283—285
 Фредегар, раннесредневековый хронист 242—244, 471, 547
 Фурсьев А. Г. 359, 378
- Х**
 Хабургаев Г. А. 531
 Хавлюк П. И. 205, 208
 Ханенко Б. И. 534
 Ханенко В. Н. 534
 Харанис П. (Charanis P.) 403
 Хахманн Р. (Hachmann R.) 142, 191
 Хвойко В. В. 134
 Херрманн Й. см. Геррманн Й.
 Хлебникова Т. А. 254
 Хорват, легендарный предводитель хорватов 489, 490
 Абдаллах ибн Хордадбех, арабский автор 269, 275
 Хорс, восточнославянский теоним 26, 190
 Хотюн Г. Н. 161
- Ц**
 Цалкин В. И. 289
 Цамбауэр 292
 Цезарь, римский император 10, 57
 Цейс К. (Zeuss K.) 148
 Цигилик В. М. 166
 Цолль-Адамикова Х. (Zoll-Adamikowa H.) 433, 443, 444
 Цукерман К. (Zuckerman C.) 276
 Цыбин М. В. 294, 544
- Ч**
 Чангова Й. 419
 Чаусидис Н. 417
 Чебоксаров Н. Н. 34, 35
 Чебоксарова И. А. 34, 35
 Чеботаренко Г. Ф. 535
 Чедраг, князь ободритов 333
 Чернецов А. В. 539
 Черных Е. Н. 91, 158, 160
 Честомир, воевода чехов 455
 Чех, легендарный предводитель чехов 447
 Чумакова Ю. П. 266
- Ш**
 Шаров О. В. 169
 Шаскольский И. П. 278
 Шахматов А. А. (Schachmatov A. A.) 94, 273, 275, 285, 364, 528—530, 567, 570
 Шварц Е. (Schwarz E.) 143

Шевелов Г. (Shevelov G. Y.) 21, 125
 Шевченко И. (Ševčenko I.) 282
 Шелов Д. Б. 173
 Шиманьский В. (Szymański W.) 328, 543, 544
 Шинаков Е. А. 266, 539
 Ширинский С. С. 293
 Широкова А. Г. 458
 Шитов В. Н. 401
 Шишманов Ив. 408
 Шлезингер В. (Schlesinger W.) 470
 Шлейхер А. (Schleicher A.) 14, 15
 Шмид В. П. (Schmid W. P.) 65
 Шмидехельм М. Х. 356
 Шмидт Е. А. 139, 372, 376—378, 384, 540, 555
 Шмидт Л. (Schmidt L.) 143, 150, 185
 Шолле М. (Šolle M.) 449, 451, 454, 455
 Шош А. (Sós A.) 241
 Шрибар В. (Šribar V.) 475, 477
 Штибер З. (Stieber Z.) 21
 Штыхов Г. В. 544
 Шульдт Э. (Schuldt E.) 92, 324, 336, 337, 342
 Шушарин В. П. 462

Щеглова О. А. 262, 534
 Щукин М. Б. 163

Эггерс Г. (Eggers H.) 97
 Эллак, сын Аттилы — предводитель акациров 201
 Эрдели И. 515
 Эндзелин Я. (Endzelins J.) 24
 Эрхарт А. (Erhart A.) 20, 462

Юренко С. П. 256, 261, 262
 Юрий Всеволодович, владимирский князь 574
 Юстин I, византийский император 405, 407
 Юстин II, византийский император 406
 Юстиниан, византийский император 227, 405, 406

Ягич В. (Jagić V.) 489, 490, 548
 Яжджевский К. (Jażdżewski K.) 42, 44, 97, 108, 109, 200, 253, 543
 Якимович Р. (Jakimowicz R.) 443
 Якубинский Л. П. 528
 Ямка Р. (Jamka R.) 114—116
 Янин В. Л. 289, 291, 292
 Янкович Д. (Јанковић Ђ.) 242, 313, 317, 318, 496, 497
 Янкович М. (Јанковић М.) 313, 317, 318, 497, 500
 Янкун Г. (Jankuhn H.) 115
 Ярослав Всеволодович, владимирский князь 573
 Яроцкий Я. В. 535

Abramowicz A. 323, 434
 Aleksova B. 415, 521, 522
 Altheim Fr. 202
 Anamali S. 426
 Angelov D. *см.* Ангелов Д.
 Arumaa P. *см.* Арумаа П.
 Avenarius A. 231, 244

Babeş M. 135
 Babić B. *см.* Бабиц Б.
 Balke B. 101
 Barankiewicz B. 101
 Barfield I. 55, 56
 Batović S. 485, 492
 Battisti C. 49
 La Baume W. 444
 Behaghel H. *см.* Бехагель Х.
 Belošević J. *см.* Белошевич Я.
 Bender W. 101
 Beneš A. 450
 Benža M. 34
 Beranová M. 303, 304
 Bernat W. 443
 Bezljaj F. 473, 483
 Bialeková D. *см.* Бялекова Д.
 Bichir Gh. 165, 177
 Bielenin K. *см.* Беленин К.

Bierbrauer V. *см.* Бирбрауэр Ф.
 Birnbaum H. *см.* Бирнбаум Г.
 Blajerová M. 449
 Böhm J. *см.* Бём Я.
 Bona I. *см.* Бона И.
 Bonev C. 227
 Borgognini Tarli S. M. 56
 Borkovský I. *см.* Борковский И.
 Brachmann H. *см.* Брахманн Г.
 Brather S. 337
 Budinsky-Krička V. *см.* Будинский-Кричка В.
 Buga K. *см.* Буга К.
 Bukowski Z. *см.* Буковский З.
 Bulin H. 339
 Bulle H. 415, 419
 Buti G. G. 55

Charanis P. *см.* Харанис П.
 Chnotliwy E. 438
 Chropovský B. 242, 294, 309, 459
 Cihar V. 49
 Coblenz W. 59
 Coles J. M. 39, 42, 44
 Comşa M. *см.* Комша М.
 Czerska B. 79

Čankova-Petkova G. 502
 Čeremošnik J. 318
 Česnis G. 383
 Čilinská Z. 242, 244
 Čorović-Ljubinković M. 499
 Čović B. 53
 Čujanova-Jilková E. 42

Dąbrowska E. *см.* Домбровская Е.
 Dąbrowska T. 115
 Dąbrowski E. *см.* Домбровский Э.
 Dąbrowski K. 101
 Deina K. 442
 Demętrykiewicz W. *см.* Дементрикевич В.
 Deroko A. *см.* Дероко А.
 Devoto G. *см.* Девото Дж.

Diaconu Gh. *см.* Диакону Г.
 Dimitrov D. *см.* Димитров Д.
 Ditten H. 404
 Dobiáš J. 455
 Dobrzańska H. *см.* Добжаньска Х.
 Dolinescu-Ferche S. 223
 Domański G. 121
 Donat P. *см.* Донат П.
 Dončeva-Retkova L. 420
 Dostál B. *см.* Достал Б.
 Duczko W. *см.* Дучко В.
 Duridanov I. *см.* Дуриданов И.
 Dušek S. *см.* Душек З.
 Dvornik F. *см.* Дворник Ф.
 Dymaczewski A. 115

Eggers H. *см.* Эггерс Г.
 Eichler E. 469, 471
 Eisner J. 242
 Endzelins J. *см.* Эндзелин Я.
 Engel C. 444
 Ercegović S. 242
 Erhart A. *см.* Эрхарт А.
 Evans H. M. A. 415

Fiedler U. *см.* Фидлер У.
 Filip J. 42, 52, 79
 Filipowiak W. 344
 Fine J. V. 420
 Fischer F. 52
 Fraenkel E. 148
 Franck A. 477
 Frey O. H. 56
 Fritze W. H. 244, 331
 Fusek G. 314, 458

Gabalówna L. 329
 Gabriel I. 335
 Gaczyński J. *см.* Гачиньский Е.
 Gajewski L. *см.* Гаевский Л.
 Gedl M. 59
 Georgacas D. 411
 Georgieva I. 517

- Gimbutas M. 39, 42, 44
Godłowski K. *см.* Годловский К.
Godzikiewicz M. 70
Gołąb Z. *см.* Голомб З.
Grafenauer B. *см.* Графенауэр Б.
Grebe K. *см.* Гребе К.
Grodecki R. 440
Gurba J. *см.* Гурба Я.
- H**abovštiak A. 461
Hachmann R. *см.* Хахманн Р.
Hălcescu C. 503
Hampel J. 537, 543
Harding A. F. 39, 42, 44
Hauptmann I. 235, 244
Havránek B. 458
Hell H. 51
Helmoldi *см.* Гельмольд
Hensel W. *см.* Гензель В.
Herrmann J. *см.* Геррманн Й.
Hilczarówna Z. 465
Hlavicová J. 459
Holowińska Z. 329
Horák B. 244, 331, 470
Hrdlička L. 448, 449
Hrubý V. 537
Hubschmid J. 49
Hübener W. 345
- I**bler U.-G. *см.* Иблер У.-Г.
Ionița I. 149, 169, 197
- J**adczyk I. 70
Jadczykowa I. 102
Jagić V. *см.* Ягич В.
Jahn M. 105, 113
Jakimowicz R. *см.* Якимович Р.
Jakob H. 245
Jamka R. *см.* Ямка Р.
Janković Ђ. *см.* Янкович Д.
Jankuhn H. *см.* Янкун Г.
Jasnosz S. 115
Jażdżewski K. *см.* Яжджевский К.
- Jedlička A. 458
Jelinková D. 314
Jelovina D. *см.* Еловина Д.
Jurić R. 538
Justová J. 448, 453
- K**abát J. 454
Kaczowski M. *см.* Качковский М.
Kahl H.-D. 473
Kalmykow A. 190
Karaliunas S. *см.* Каралюнас С.
Kastelic J. 475, 476
Katičić R. 54
Keller I. 459
Kietlińska A. 72
Kimmig W. *см.* Киммиг В.
Kiparski V. *см.* Кипарский В.
Kiss A. *см.* Киш А.
Klaić N. 491
Klanica Z. *см.* Кланица З.
Kleemann O. 121
Klemensiewicz Z. 441
Kmieciński J. 144
Knor A. 451
Kočka-Krenz H. 323
Kolarič R. *см.* Коларич Р.
Kolendo J. *см.* Колендо Й.
Koleva T. 517
Korošec J. 236, 475
Korošec P. 387, 476, 477
Kossack G. 46
Kostrzewski B. 115
Kostrzewski J. *см.* Костшевский Ю.
Kovačević J. 484, 490
Kováň J. 454
Kovrig I. 231
Köhler R. 330
Krahe H. *см.* Краэ Х.
Krajčovič R. 458, 460, 462
Kralovány A. 323
Kraskovská L. 242
Krause W. *см.* Краузе В.
Kronsteiner O. 473

Krumphanzlová Z. 450

Krusch B. 469

Krüger B. *см.* Крюгер Б.

Kučera M. *см.* Кучера М.

Kudrnač J. 451

Kunstmann H. 245

Labuda G. 244, 436, 438

De Laet S. I. 48

Lange E. 330

László Gy. *см.* Ласло Д.

Laviosa-Zambotti P. 55

Leciejewicz L. 321, 438

Lehr-Splawiński T. *см.* Лер-Сплавинь-ский Т.

Lejeune M. 56

Lemprecht A. *см.* Лемпрехт А.

Lencek R. L. 483

Lewicki T. *см.* Левицкий Т.

Lippert A. 242

Lissauer A. 323

Ljubinković M. 496

Losiński W. *см.* Лосиньский В.

Lottner E. *см.* Лоттнер Е.

Łowmiański H. *см.* Ловмянский Г.

Lunt H. G. *см.* Лант Г.

Lutovský M. 450

Machek V. *см.* Махек В.

Mader B. 477

Malingoudis Ph. *см.* Малингудис Ф.

Malinowski T. 59

Mango C. 283

Mańczak W. *см.* Маньчак В.

Marcellin *см.* Марцеллин

Marjanović-Vujović G. *см.* Марьянович-Вуйович Г.

Marquart I. *см.* Маркварт И.

Marušić B. *см.* Марушич Б.

Mauricius *см.* Маврикий

Mayer A. *см.* Мейер А.

Mažiulis V. *см.* Мажюлис В.

Mazzotto F. 56

Mesterházy K. 323

Michailov S. *см.* Михайлов Ст.

Michelbertas M. 383

Mihăilă G. 430

Mikkola J. 244

Miklaszewska R. 72

Minić D. *см.* Минич Д.

Miskiewicz J. 117

Miśkiewicz M. 309

Mitrea B. 513, 544

Mitrea J. 544

Mitscha-Märheim H. 315

Mommsen Th. *см.* Моммзен Т.

Moreau J. 51

Moszyński L. 332

Muka E. 469

Müller A. 327

Müller S. 323

Muscă L. 427

Muscă T. 427

Musianowicz K. 89, 323

Nadolski A. 434

Nalepa J. 27

Napolskich V. V. *см.* Напольских В. В.

Nasz A. 438

Nestor I. 225, 428

Niederle L. *см.* Нидерле Л.

Niewęglowski A. 146

Nordman C. A. 356

Novák L. 458

Novaković R. 332

Novotný V. 447

Nowakowski A. 329

Okulicz J. 444

Okulicz L. 63, 146

Oštrić O. 485

Otrębski J. *см.* Отрембский Я.

Oxenstierna E. C. 149

Pallottino M. 55

Parczewski M. *см.* Парчевский М.

- Peisker J. 244
 Pellegrini G. B. 56
 Pescheck Chr. 113
 Petrović E. *см.* Петрович Э.
 Photios *см.* Фотий
 Piaskowski Y. 91, 104
 Pieczyński Z. 434
 Piggott S. 39, 42, 44
 Pittioni R. *см.* Питтиони Р.
 Plachá V. 459
 Pleiner R. 91
 Pleinerová I. *см.* Плейнерова И.
 Pleterski A. 543
 Podkowińska Z. 72
 Poklewski T. 434
 Pokorný J. *см.* Покорный Ю.
 Popović I. 501
 Popović J. 229
 Popović M. 500
 Porzeziński A. 324, 330
 Potocki J. 89
 Poulik J. 309
 Pauliny E. 462
 Pritsak O. *см.* Притцак О.
 Prosdocimi A. L. 56
 Przewoźna K. 101
 Pyrgala J. 146

R
 Rajewski Z. 59
 Ramovš F. 483
 Randall Mochler D. 56
 Rapanić Ž. 485
 Rašev R. *см.* Рашев Р.
 Rauchut L. *см.* Раухут Л.
 Rauchutowá J. 420
 Rempel H. 470
 Riegl A. *см.* Ригль А.
 Rix H. 52
 Rogosz R. 438
 Rosen-Przeworska J. *см.* Розен-Пшеворска Я.
 Rosetti A. 430
 Rospond S. *см.* Роспонд С.

 Russu I. J. 53
 Ruttkay A. 461

S
 Saflung G. 55
 Sagadin M. 476
 Sandars N. K. 48
 Sankot P. 449
 Schachmatow A. A. *см.* Шахматов А. А.
 Schleicher A. *см.* Шлейхер А.
 Schlesinger W. *см.* Шлезингер В.
 Schlette F. 51, 79
 Schmid W. P. *см.* Шмид В. П.
 Schmidt L. *см.* Шмидт Л.
 Schneider J. 469
 Schoknecht U. 346
 Schuldt E. *см.* Шульдт Э.
 Schuster-Šewc H. 472
 Schwantes D. 57
 Schwarz E. *см.* Шварц Е.
 Senn A. *см.* Сенн А.
 Seyer H. 327, 330
 Shevelov G. A. *см.* Шевелов Г.
 Skružný L. 449
 Simion G. 427
 Skružný L. 303
 Sláma J. *см.* Слама Й.
 Smetánka Z. 449
 Smith H. L. *см.* Смит Х.
 Socin A. *см.* Зоцин А.
 Soloviev A. *см.* Соловьев А.
 Solta G. R. 54
 Sós A. Cs. 239
 Spahiu H. 426
 Sprindler K. 52
 Stanislav J. 458
 Stein E. 231
 Stender-Petersen A. *см.* Стендер-Петерсен А.
 Stieber Z. *см.* Штибер З.
 Strabo *см.* Страбон
 Struve K.-W. 327, 330, 333
 Strzelczak J. 469
 Sulimirski T. 66, 164

- Svoboda B. 92
 Swoboda W. 494
 Szatmári Sarolta B. 235
 Szekely Z. 223, 427
 Szydłowski J. 116, 311
 Szymański W. *см.* Шиманьский В.

Ševčenko I. *см.* Шеченко И.
 Šiška St. 543
 Škerlj B. 476
 Šolle M. *см.* Шолле М.
 Šribar V. *см.* Шрибар В.

Tackenberg K. 113
 Talko-Hryncewicz J. 444
 Tallgren A. M. *см.* Тальгрэн А. М.
 Tapkova-Zaimova V. *см.* Тъпкова-Заимо-
   ва В.
 Tejral J. *см.* Тейрал Я.
 Tempir Z. 303
 Teodor D. Gh. *см.* Теодор Д.
 Thompson E. 229
 Timpel W. 470
 Točík A. 242
 Todorović J. 79
 Tomoski T. 524
 Toptanov D. 420
 Trager G. L. *см.* Тререр Г.
 Trajkovski K. 524
 Travníček D. 331, 470
 Travníček F. 458
 Treimer K. *см.* Треймер К.
 Trubetzkoy N. S. *см.* Трубецкой Н. С.
 Trump D. H. 55
 Turek R. *см.* Турек Р.

Udolph J. *см.* Удольф Ю.
 Urbanavičius V. 383
 Urbanczyk S. *см.* Урбанчик С.

Vakarelski Ch. 517
 Valič A. *см.* Валич А.

 Váňa Z. 451, 452
 Van Wijk N. *см.* Ван Вейк Н.
 Vanéček V. 244
 Vasiliev A. A. *см.* Васильев А. А.
 Vasmer M. *см.* Фасмер М.
 Vernadski G. , *см.* Вернадский Г.
 Verony G. 543
 Vetzl G. 469
 Virchow R. 323
 Vilfan S. 480
 Vinski Z. 236, 484, 490
 Vinski-Gasparini K. 242
 Virchow R. 323
 Vlahovič P. 490, 495
 Vogt H.-J. 470

Walther H. 471
 Warnke D. 328, 346
 Weber E. 13
 Weithmann M. W. *см.* Вайтманн М. В.
 Wenskus R. 455
 Werner J. *см.* Вернер Й.
 Wetzl G. 469
 Wielowiejski J. *см.* Веловейски Е.
 Wiesner J. 27
 Willkomm H. 327
 Wołagiewicz R. 144
 Wolfram H. *см.* Вольфрам Х.
 Woźniak Z. 79, 105

Zaharia E. 225
 Zástěrová B. 243
 Zeman J. *см.* Земан Й.
 Zeps V. 77
 Zeuss K. *см.* Цейс К.
 Zielonka B. 89
 Zoll-Adamikowa H. *см.* Цолл-
   Адамикова Х.
 Zuckerman C. *см.* Цукерман К.

Žak J. *см.* Жак Я.

Географический указатель

- А**
Аварский каганат 231, 233—235, 239,
240, 242, 245, 406, 407, 423, 490, 491,
496, 506, 547
Австрия 52, 53, 237, 242, 245, 478
Агунтум 473
Адриатика 10, 40, 41, 53, 54, 129, 317,
318, 404, 419, 425, 484, 496, 501, 537
Адриатическое море 403, 484, 494, 496,
500
Аздятичи 380
Азия 15, 163, 241
Азия Малая 15, 39, 52, 279, 409, 427, 422,
423
Азия Передняя 14, 549
Азия Средняя 199, 235
Азия Центральная 17, 502
Азовское море 143, 193, 223
Айвазовское 221
Ай-Тодор 219
Акатово 375, 380
Аквилея (Оглей) 481
Алатгьян 543
Албания 52, 411, 417, 425, 429
Александровка 153
Александров Куявский 89
Алексеевка 211, 212
Алеппо 409
Алфельд 240, 241
Алчедар 535, 543
Альтенплатхов 469
Альпы 19, 43, 52, 55, 56, 244
Альпы Верхние
Альт-Любек 345, 347
Альтфресак 327
Амастрида 281, 282
Анатолия 39, 41
Андрусовка Великая (Большая) 206
Антиохия 409
Апамея 409
Апатин 318
Апеннинский полуостров 49, 52, 54—56,
488
Арабский халифат 279, 283, 287, 291
Ареник 483
Арефино 387
Аркона 340
Армения 283
Армянское нагорье 15, 16
Арники 358
Артан, р. 409
Артек 219
Арчар 224
Атесте (совр. Эсте) 57
Атлантическое побережье 48
Аукштадварис 380
Афины 425
Афрам 479
Африка 11
Ахмылово 380, 400
Б
Бавария 45, 81, 237, 238, 269, 292, 474,
478, 480, 481
Баварская восточная марка 269, 292
Багивария 489
Бакар 313
Бакота 302, 307, 308

- Бакшай 380
Бала Церква 232
Балаклея 211
Балатон, оз. 240, 319
Балатон, округ 238, 245
Бале 487
Балканские горы 505, 507, 511, 516
Балканский полуостров 13, 28, 31, 40, 41, 49, 54, 79, 191, 216, 242, 399, 403, 404, 406, 408—412, 414—424, 429, 496, 501, 502, 516, 517, 519
Балканы 41, 54, 135, 191, 195, 229, 404, 405, 407, 408, 413, 414, 423, 424, 493, 496, 500, 520, 521
Балтийское море 12, 13, 63, 122, 142, 332, 337, 348, 370
Балтика 7, 143, 144, 182, 184, 276, 277, 340, 344, 345
Бамм 327
Банцеровщина 373
Баньоле под Водняной 487
Бароники 380
Басовка 291
Базики Ближние 444
Бачко Петрово Село 232
Башмачка 153
Башть 449
Безводное 380, 399
Белая Гора 260
Белград 495, 499, 500
Беловежская пуща 353
Белозерье 359, 394, 402
Белоруссия 376, 377, 387
Бельчица 380
Бельмер 255
Бережок 367—369
Березина, р. (Днепровская) 126, 140, 373, 374
Березняки 389
Берестово 278
Берзития (Верзития) 413, 424
Берлин 45
Берлин-Марцан 330
Бернашевка 216
Бероунка, р. 452
Беседовка 256
Бетика 487
Бетоленка Дворска
Бжесц 73, 75
Бжесц-Куявский 71
Бзура, р. 446
Биалогужа 433
Биннензее, оз. 342
Бискупин 45, 59—61, 349, 543
Бискупня 416
Битола 416, 424, 521
Благоевград 419
Бланкенберг 327
Блатны Реметы 309
Блашково 506
Блед 475, 481
Блед-Пристава 476, 477
Ближний Восток 11
Близнаки 380
Блихово 445
Блучина 537
Бнин 543
Бовшев 156
Богачевка 221
Богемия 245, 455
Богнице 452
Богойево 543
Бодзаново 89
Божеский 271
Бозау 327, 330
Бой 232
Боканы 179
Болгар 254
Болгария (Дунайская) 418, 420, 421, 483
Болгария Великая 503
Болгария Волжская 254, 255, 527
Болгарская земля 14, 549
Болгарское государство (на Дунае) 255, 257, 414, 501, 507, 508, 510, 511, 516—521, 523, 524
Болонья 56

- Болотня 167
 Бона 483
 Бониково 329, 543
 Борисфен (Днепр) 163
 Борки 380, 400, 401
 Борниш 427
 Боровой Млын 329
 Боромля 175
 Боршева 380, 393
 Боршод 238
 Борщевка 537
 Босния 52, 53, 242, 318, 403, 494
 Боспор 185, 199
 Босфор 409
 Ботоленка Дворска 73
 Ботошань 222
 Бошава, р. 522
 Бошкович 493
 Бранденбург, город 321
 Бранденбург, округ 58
 Бранешты 533, 535, 543
 Браничево 498
 Братислава 244
 Бресто под Виничанами 416
 Брестовик 497
 Брест-Тришин 147
 Бретания 10
 Бржезно 303, 394, 315
 Брибар 485, 492
 Британия 52
 Британские острова 19, 25, 48, 49, 122
 Брно 315
 Брущево 326, 329
 Брянская обл. 219
 Бубенеч 298
 Буг, поселение близ Берлина 45
 Буг Западный, р. 97, 113, 143, 146, 152, 166, 186, 302, 308, 318, 320, 321, 443, 446
 Буг Южный, р. 136—139, 152, 153, 169, 183, 186, 188, 205, 209, 271, 494, 534
 Бугско-Днепровское междуречье 321
 Буда 211
 Будень 222
 Будеч 449, 451, 452
 Будешты 179, 197
 Буджакская степь 171, 198
 Будище 209, 210, 216
 Будки Малые 534
 Бужеск 271
 Бузэу 224
 Буковина 305, 544
 Бутовице 452
 Бухарест 222
 Бухау 45
 Быстрица (близ Олавы) 62
 Быстрица, р. (Фессалия) 411, 413
 Бэлэбэнешть 222
 Бэлень 427
 Бяла 349, 507

Вагрия 330, 333
 Валдайская возвышенность 353
 Валув 61, 64
 Вантит 294
 Варапнишкес 380
 Вардар, р. 413, 522
 Вармия 63
 Варна, р. 332, 502, 505, 506
 Варненский округ 513
 Варпалота 232
 Варта, р. 70, 89, 120, 122, 311, 328, 331
 Варшава 103
 Варшава-Грохув 72, 73
 Варшава-Жерав 82
 Варшава-Жеранка 88
 Варшавский шлюз 359
 Василиха 544
 Васильевка 211
 Васильевское 545
 Васильковка 380
 Вегедрем 418
 Везер, р. 57, 58
 Вела 232
 Велатице 313, 315
 Велебит 491
 Велемичи 126, 134
 Велем-Сентвид 235

- Велеславин 298
Велесница 232, 493
Велестино 416—418
Велиград (Рерик, Мекленбург) 334
Велика Госпа под Бале 487
Великая, р. 355, 359, 362, 365
Великая Моравия 244, 454, 455, 460—462, 478, 483, 523, 547, 548
Великача 107
Великоморавская держава 244, 278, 455, 458—461, 548
Великие Луки 387
Великое (Ярославская обл.) 402
Великопольша 58, 101, 116, 431, 434, 437, 438, 440
Велико Тырново 416
Велько 543
Вена 474
Венгерское королевство 462
Венгрия 41, 42, 52, 53, 439, 477, 527, 573
Вендисель 113
Венедские горы 12
Венедский залив (ныне Гданьский) 11, 12
Венеция 56
Венский лес 231
Вентшов 326
Вепж, р. 321
Вербковице 118
Вербковице-Которов 102
Верепково 358
Верецкий перевал 269
Верзития, *см.* Берзития
Верхневожье 388—390
Весулки 90
Вецел 232
Видин 411
Византийская империя 225, 227, 230, 232, 242, 283, 294, 297, 312, 313, 317, 318, 403—409, 425, 502, 503, 507, 521
Византия 216, 230, 231, 233, 242, 269, 279, 281, 283, 285—287, 292, 293, 316, 318, 404—406, 408, 414, 421—423, 425, 489, 491, 496, 500, 501—503, 506, 517, 518, 520, 523, 568
Визенау 466
Викины Великие 157
Вилия, р. 353, 373
Вилкув 85
Вильдберг 466
Вилы Яругские 205
Винковицы 313
Винницкая обл. 205, 216
Винничина 537
Винож 452
Винча 318, 498
Винченце 57
Вириnum 475
Висла (Вистула), р. 10—13, 45, 58, 59, 63, 64, 66, 69, 70, 79, 87, 88, 89, 99, 100, 102, 109, 113, 120, 122, 128, 143, 144, 146, 147, 177, 201, 308, 310, 311, 319, 321, 328, 342, 443, 446, 461, 484, 495
Висло-Одерское междуречье (регион) 6, 10, 11, 25, 74, 90—92, 97, 108, 109, 114, 124
Висмар 334
Вистула *см.* Висла
Вифиния 409, 411, 413
Вицин 66
Владимир Волынский 70
Владими́ро-Суздальская земля 573
Владимирская земля 574
Властислав 448
Влославек 439
Влтава, р. 446, 447, 452, 453
Вовки 256, 259
Вогастисбург 243—245
Водяная 487
Воеводина 494
Войки 495
Волга, р. 7, 9, 13, 199, 237, 246, 247, 253—255, 257, 276, 382, 388—395, 397, 399, 503, 558
Волго-Камье 382
Волго-Клязьминское междуречье 390—393, 401, 402
Волго-Окское междуречье 388, 394
Волин 342, 344, 345, 439

- Волосовка 211
Волошское 157
Волхов, р. 367
Волынская земля 574
Волынцево 256, 258
Волынь 70, 99, 138, 139, 146—148, 171, 245, 247, 302, 309, 319—321, 530, 533, 535, 537, 544, 565, 573
Ворона близ Днепропетровска 163
Воронеж, г. 294
Воронеж, р. 294
Воронино 126
Вороняки 167
Воротынцево 261
Ворскла, р. 208, 260, 287
Восток Арабский 292
Восток Средний 277
Восточно-Европейская равнина 9, 10, 23, 91, 125, 218, 245, 269, 275, 278, 286, 291, 321, 348, 351—354, 370, 382, 387, 391, 393, 394, 525, 529—531, 534, 539, 544, 545, 547, 649—551, 561—563, 567, 568, 570
Восточнопрусское плато (Венедские горы) 12
Восточноримская империя 233, 520
Восточнофранкское государство 333, 471
Врбас 232
Вроцлав 87, 104, 438
Вроцлав — Войтице 62
Вроцлав — Ксенже Вельке 61
Вроцлав — Особовице 64
Врсар 487
Вулька Лясецка 102, 118
Выбуты 359
Выгожев 271
Выжегша 380, 393
Вымыслово 90, 115
Вырс 313
Выртоп 232
Вышгород (Рязанская земля) 262
Вышеград (Хорватия) 318
Вышеград (Чехия) 452
Гавриловка 159, 188
Гавроны 62
Гайворон 213, 533
Галице 510
Галицкая земля 271, 573, 574
Галичина 487, 574
Галиш-Ловачка 85, 133
Галлия 10, 52, 201, 202
Гамзиград 499
Гана 469
Гапоново 218
Гарван 418, 510
Гарс 481
Гатер 232
Гацк, р. 491
Гданьск 322, 349, 438, 439
Гданьский залив 11, 12
Гебр, р. (Марица) 404, 406
Гез 349
Георгий 545
Герке 336
Гермагор (Шмохор) 479
Германия 9, 12, 58, 122, 295, 296, 324, 327, 349, 350, 472
Герцеговина 318, 403, 494
Гилея 143
Глезияновск 543
Глеч 439
Глиняны 64
Глогниц 477, 479
Глогув 62, 329, 439
Глубокое 305
Гнездилово 291
Гнездово 375, 533, 536, 539, 542, 550—557, 562
Гнезно 436, 437, 439
Гнойница 271
Гоздница 62
Гойаче-Морлек 475
Голики 205, 206
Головнин 83
Гологирский 167
Голубинцы 416

- Голштейн 332
Гомель 219
Гошло, оз. 331
Горици 475
Горналь 538, 539
Городище (близ Великих Лук) 387
Городище (Мядельское) 380, 387, 544—545
Городище (Псковская земля) 360
Городище (ареал роменской культуры) 291
Городница 156
Городня 358, 380
Городок 153, 302
Горошево 138
Горско 358
Горынь, р. 126, 166, 186, 270, 320, 490
Горюнь, р. 359
Гостин 452
Готискандза 142
Готия 185, 196, 197
Готланд 177
Грабовица 497
Градец Кралове 448
Градец над Йизероу 454
Градо 474
Граужиняй 380
Греция 39, 407, 408, 411, 415, 419—425, 429
Григоровка 534
Гринев 107, 110—112
Гросс Раден 92, 342, 343
Грошовице 102, 103, 118
Грудзице 116, 117
Грузия 287
Губинцы 155
Гуннская держава 201, 202
Гуран 487
Гута Михайловская 216
Гуциув 433
Гучино 537
Гымбаш 232
Д
Давидень 222
Дакия 520
Далмация 231, 240, 403, 406, 415, 478, 484, 485, 488—493, 495, 500
Дамен 336
Данилова Балка 204
Дания 150, 166, 167
Данковице 349
Данчены 148, 149, 167, 169, 175, 211
Дарьяльское ущелье 287
Дахнув 433
Двина Западная, р. 355, 365, 368
Двоград 313, 318, 487
Дворови 493
Дебреште 420
Девин 244, 459, 460
Девинская Кобыла 459
Девинске Язеро 304
Девна 514
Девня, р. 224, 461
Дедиловичи 374, 376, 380
Дембчино 330
Демидовка 351, 375, 376, 380, 381
Демир Капия 522
Демьянов 167, 182
Денис 537
Дерчево 330
Деса 232
Десна, р. 127, 139—141, 218, 273, 287, 320, 560, 565
Дессау-Мозигкау 302, 317
Детинка, гора 293
Дечин 447
Джоджови лозя 422
Дзедзицы 324, 330
Дзивна, р. 344
Диногоция 222
Диррархия 495
Днепр, р. 19, 32, 59, 126—129, 131, 137, 139, 141, 143, 147, 152, 153, 163—165, 170, 173, 175, 180, 185, 186, 188, 191, 195, 201, 203—207, 260, 263, 273, 275, 287, 289, 296, 318, 320, 414, 503, 525, 535, 542, 544, 551, 555, 571

Днепропетровск 163
 Днепропетровская обл. 212
 Днестр, р. (Данастр) 13, 41, 59, 79, 99,
 101, 135, 138, 139, 149, 152, 163—165,
 167, 169, 172, 179, 180, 184—186, 191,
 195—198, 199, 203—205, 207, 271,
 296, 301, 308, 312, 319, 503, 520, 530
 Днестровско-Дунайское междуречье
 166, 197, 198
 Днестровско-Прутское междуречье 122,
 149, 167, 175, 223, 512
 Добжанково 90
 Добого у Кестхея 232
 Добржиховицы 302
 Добростаны 110
 Добруджа 222, 226, 427
 Долно Церово 419, 420
 Доложское 353
 Дольни Бжежаны 452
 Дольни Любовит 510
 Домантово 216
 Домановицы 90
 Доморадзице 115
 Дон, р. 15, 163, 175, 254, 260, 262, 263,
 266, 288, 525, 530, 571
 Донецкое 291
 Драва, р. 49, 144, 245, 319, 407, 461,
 473—475, 481
 Дравское поозерье 144, 146
 Драгословени 513
 Драгувития 424
 Дражички 450
 Древнепольское государство 438—440,
 446
 Древнерусское государство 269—271,
 273, 275, 393, 397, 520, 530, 547, 564,
 570—572
 Древнечешское государство 456, 457, 571
 Дрегенешть 175
 Држетовице 451
 Дрин, р. 413, 420, 493
 Дрисса, р. 355
 Дробета-Турну-Северин 232

Дрогичин 70
 Дроково 386
 Дрэниц 232
 Дубово 232
 Дубровичи 262, 263
 Дубровник 483
 Дудлебу 448
 Дукля 483, 499, 500
 Дулчанка 427
 Дуна 291
 Дунав под Слащиной 493
 Дунавец 418
 Дунай, р. 9, 11—14, 51, 52, 54, 108, 138,
 143, 149, 150, 163, 164, 171, 172, 179,
 184, 185, 196—198, 222—225, 228—
 230, 235, 236, 240, 241, 243, 244, 268,
 269, 312, 316, 332, 387, 403—408, 411,
 413, 414, 418, 422, 426, 428, 429, 459,
 460, 477, 484, 493, 495, 501—505, 511,
 512, 516, 520, 539, 548, 549
 Дунауйварош 234
 Дусетос 380
 Дьяково 393
 Дэмэроае 226
Е
 Евксинский Понт 284
 Евразия 35, 215
 Европа 5, 9, 11—13, 15, 25, 33, 42, 47, 51,
 81, 86, 97, 109, 163, 176, 193, 200, 202,
 218, 348, 370, 397, 431, 553
 Европа Восточная 7, 33, 41, 109, 218,
 268, 269, 273, 277, 286, 287, 289, 291—
 293, 295, 350, 352, 355, 382, 402, 526,
 528, 531, 532, 534, 535, 539, 544, 548—
 551, 561—563, 565, 567
 Европа Западная 39, 40, 340
 Европа Северная 57, 69, 152, 276, 277
 Европа Северо-Западная 182
 Европа Средняя 6, 7, 28, 33, 44, 90, 92,
 94, 95, 110, 112, 201, 253, 268, 295, 348,
 350, 352, 360, 361, 372, 379, 388, 393
 Европа Центральная 16, 18, 19, 47, 80,
 201

Европа Юго-Восточная 19, 26, 41, 48,
110, 193, 199, 235, 262, 266, 267

Европа Юго-Западная 49

Европа Южная 33

Езежице 64

Екимауцы 533, 535

Елизаветградский уезд 533, 537

Еловцы 351

Енджиховице 311

Енушев Уезд 451

Еоп, остров 143

Ербичень 179

Ерменькут 235

Жадавайный 380

Жарновское оз. 342

Ждрияц 486

Жеребятино 358

Жерники Вельке 83

Житомирская обл. 139

Житомирщина 295

Жминья 479, 487

Жовнин 205, 210

Жорнувка 349

Жуаньжуаней, азиатский каганат 229

Жуковице 329, 543

Журавка 155, 159, 183, 204

Журань 313, 315

Заале, р. 244, 316, 468—470, 484

Забор, гора 459

Загреб 501

Загреб-Стеньовец 232

Задар 318, 483

Зайцево 261

Закавказье 287

Закарпатье (Украинское) 42

Залакомар 238, 239

Залесье (Припятское) 128

Зальцбург 237, 474, 480

Заморское 219

Замошье 360

Заозерье 351, 386, 544, 545

Западная Украина 85

Западнотюркский каганат 502, 503

Запорожская обл. 212

Зарайск 537, 538

Захлума, р. 495

Захлумье (Захумье) 483

Звенигород (Галицкий) 110, 167

Звонецкая, балка 210

Зеленки 534

Зелинье 493, 500

Земплин 100

Земун 232

Зилингталь 543

Зимно 302, 304, 305, 533, 565

Змеевка 291

Змеево

Золотая Балка 165

Золотая Липа, р. 167

Золотая Орда 573

Золотое Колено 367

Золун 416

Зофиполь 91, 104

Зубры 107

Зуша, р. 261

Иберийский полуостров 52

Иванковцы 161

Иголомья 91, 104, 309

Иерусалим 526

Избиско 433

Изборск 358, 360, 363, 364, 561

Извоареле 232

Ик, р. 248

Иллирия 405, 406

Ильмень, оз. 354, 362—364, 371, 530

Именьково 251

Ингельгейм 279, 280

Ингулец, р. 153

Индепенденца 197

Индия 15

Инкерман 219

Ионийский залив 405

Ипуть, р. 126

Иран 554
Ирпень, р. 273, 320
Испания 48, 49, 51
Истр, р. (нижний Дунай) 163, 185, 198, 223, 405
Истрия 318, 415, 473, 476, 478, 488, 501
Истрия — Капул Винлор 510
Италия 19, 49, 54—56, 69, 231, 316, 407, 422, 473, 475, 476, 481, 496

Йиздарна 449
Йиловиште 452

Каб (Нови Сад) 313, 318
Кавказ 11, 237, 291
Кавказ Северный 175, 494, 502
Кадом Старый 380, 400, 401
Казачья Локня 218, 219
Казиха 358, 380
Кайбельское 255
Кайренай 380
Калдус 322
Калетно 419
Калиш 101, 439
Калка, р. 573
Кама, р. 248, 250
Каменево (Петровац-на-Млави) 232, 416
Камно 387
Канев 260, 287, 535, 544
Кантемировка 205
Канцерка, балка 212
Каплановичи 132
Каппадокия 409
Капустинцы 110
Карамийское поле 521
Карантан 475
Карантания 244, 474, 481, 482
Карантанское княжество 475, 477, 482
Карчевец 115, 116
Карачевка 291
Карелия 545
Кармалы 251
Кармин 62, 64

Карнатка 433
Карнбург
Карпатская котловина 41
Карпатские горы 312, 433, 490
Карпаты 6, 11—13, 32, 43, 78, 79, 88, 100, 122, 124, 128, 135, 199, 222, 226, 269, 525, 530
Каталанские поля 201
Каупанг 344
Кацице 90
Кашичи 318, 486
Кашубская возвышенность 64
Кашубско-Крайненское поозерье (регион) 144, 146
Кветунь 539
Квирбй 380
Кезингебурх 469
Кезитц 469
Кельце 104
Керкыр 415, 419
Келкед-Фекетекапу 241
Кернаве 380
Керченский полуостров 143
Керченский пролив 199
Керчь (Корч/ Корча) 219, 282
Кестхей 232, 238, 543
Кетж 75
Кетж-Леги 83
Кёттлах 477, 479
Кживоклат 452
Киев 143, 260, 269—272, 275, 277, 285, 287, 293—295, 318, 397, 535, 551, 561, 565, 567, 573
Киевская земля 271
Киевская обл. 270
Киевщина 537, 571
Киселевка, гора 293
Кишкерет 232
Кладенци 507
Кладово 232
Клайн Марков 326
Клангенфурт 475
Клетнянский р-н 219

- Клецаны 452
Клещино, оз. 397
Клишув 62
Клоштар 487
Ключев 448
Клязьма, р. 390, 391, 393—395, 397
Кнетцгау 244, 245
Княжая Гора 401, 535
Кобыля Голова, уроч. 359
Кодын 307
Козлы 452
Козья-Яссы 149
Кокра, р. 476
Колобжег 438, 439
Коломно 370
Коминтерн 250
Компанийцы 183, 205
Кондурча, р. 246
Конин 115, 434
Константинополь 201, 230, 279, 280,
283—286, 293, 294, 397, 408, 422
Копеник 327
Копиево 537
Копки 114
Коринф 408, 415, 416, 424
Корнбург 474, 475
Корбово 232
Корсика 49
Корсунь 282
Корфа 408
Корчак 295, 298
Косаново 159, 169, 183, 204, 205
Котор 483, 492
Коунице 451
Коуржим Стара 448, 454
Кочкино 380, 397
Кочубеевка 205, 206, 208
Краков 82, 104, 309, 310, 438, 439
Краловице 452
Крань 475, 476, 479, 481, 488
Красный Маяк 165
Кристинополь 110
Кресты (Новгородская обл.) 402
Крит 408, 411
Криуши 254
Крунгл 479
Крушвица 436, 437, 439
Круя 416, 426
Кршце 318
Крым 165, 199, 219, 221, 222, 259, 282, 494
Кудьма, р. 399
Кузнецовское 533
Кузьминское 219
Кукорэнь 222
Кула под Михайловцем 493
Куня 205
Купанское 402
Купянск 291
Курган (Житомирская обл.) 139
Курники 159
Курск 218
Кухары 83
Куштановица 85
Куявия 331, 438
Куявске 90
Кшна, р. 446
Лаба, р. 333, 447, 489
Лабир 483
Лагол 55
Ладога (Старая) 276, 286, 367, 371, 387,
525, 545, 563
Лангенлебарн 313, 315
Ланжхот 315
Лань, р. 132
Латвия 63, 383, 384
Ла Тен 80
Лациум 55
Лачи 416
Лашки 475, 476
Лбище 246, 247
Лебедка 261
Лебское оз. 342
Левоусы 454
Левы Градец 448, 452, 454
Ледовитый океан 527

Лезги 358, 360
 Лезе 426
 Лезха 416
 Лейбнитц 479
 Ленчица 331, 439
 Ленчицкая обл. 438
 Лепесовка 159
 Леты 302
 Леха, гора 436
 Либице 448, 453, 454
 Либице-над-Цидлиноу 448
 Либурния (Либурния) 474, 491
 Либушин 448, 452, 454
 Линдора 358
 Линц 238
 Линц-Зизлау 315
 Липарские острова 49
 Липецы 358
 Липлява 128
 Липско 433
 Литва 63, 382—384, 446, 527
 Литовское княжество (Великое) 385, 527
 Литомержице 447, 448, 454
 Ловкос 408
 Лодзинское воеводство 434
 Лозна-Стрэтень 427
 Локрис 425
 Ломбардия 55, 474
 Лопатна 543
 Лоссов 466
 Лоуни 315
 Лохвица 205
 Лоховице 452
 Луг 209
 Луг, р. 302
 Луга, р. 362, 364, 550
 Лужесно 351
 Лужица 466, 468
 Лука-Каветчинская 307
 Луковня 380, 393
 Лукомль 544, 545
 Луксенай 380
 Лупка 459

Лутомерск 434, 435
 Луховицы 262
 Лучистое 219, 221
 Лучка 110, 111
 Лысая Гора (под Воронежем) 260
 Лштени 452
 Любахин 353
 Любекский залив 332
 Любельщина 147
 Любеново 418, 419
 Любичевац 493
 Любуская земля 58, 78, 79
 Людяково 416
 Люнебург 347
 Лютеж 133
 Лютьенберг 317
 Ляски 60

Мадара 416
 Мазовия 116, 146—148, 171, 181, 443—446
 Мазурия 63
 Мазурские озера 12
 Мазурское Поозерье 63, 217, 353, 540
 Майдан 167
 Майн, р. 244
 Майна Старая 249
 Македония 54, 403, 405, 407, 408, 411, 415, 417, 420, 421, 424, 429, 520, 521, 523, 524
 Маклашевка 251
 Максимово 380, 396, 398
 Малаешты 161
 Малая Ржавка 214
 Малодавыдовское (Мало-Давыдовское) 380, 381
 Малопаальцевское 255
 Малопольша 78, 86—88, 90—92, 301, 306, 431, 433, 434, 440
 Малые Будки, см. Будки Малые
 Малые Эсьмоны, см. Эсьмоны Малые
 Малышево 380, 397, 398
 Манхинг 81, 82
 Марица, р. 406, 417, 419

Мартыновка 214, 215, 236, 401, 417
Маслово 204
Мацкувка 102, 118
Мачванска Митровица 498
Межибожье 271
Межонис 380
Мезия 184, 185, 199
Мейцевоц 322
Мекленбург, земля, округ 324, 332, 379
Мекленбург, княжеская резиденция
(Велиград) 334
Мельник 452
Мена 218
Мендзиборув 443
Менцлин 336, 345, 346
Меотида 143, 147, 185, 186, 193, 223
Мерзановице 309
Мерлугино 365
Месембрия 504
Месопотамия 15
Места, р. 420
Места-Нестос, р. 413, 542
Мецше 62
Мигонис 380
Мизия 405, 407
Микольцы 219, 380, 381
Милитарь 222
Милич 543
Минерални Бани 418
Минск 373
Минск Мазовецкий 72
Миригиол 222
Мисия 423, 502, 516
Миттерндорф 479
Михайловское (верховья З. Двины) 368
Михайловское (Ярославское Поволжье)
551, 557
Михалевицы 494
Млада Болеслав 454
Млодзиково 115, 322
Млынице 70
Мокрые Гурны 83, 85
Молдавия 148, 173, 208—211, 430, 535, 543

Молдова Румынская 165
Молога, р. 364, 402, 550
Монастырек 533, 535
Монастыриха 107, 118
Монголия 573
Морава, р. (северная) 459
Морава, р. (южная) 411, 413, 420, 425
Моравия 245, 314, 319, 435, 440, 447, 456,
460, 461
Моравия Великая *см.* Великая Моравия
Морея 425
Москва 527
Москва, р. 389, 390
Москворечье 388—390, 393
Мохнач 211
Мраморное море 407, 409, 411
Мста, р. 355, 360, 367
Мужиново 219
Мульда, р. 317, 470
Мунтаяна 487
Мунтения 166, 224, 427, 513
Мунтенская равнина 226
Мур, р. 473, 474
Муром 398, 399
Муромская земля 271, 399
Муромский Городок 254
Мурса (Осиек) 319
Мурса, р. 240, 319
Мурсианское оз. 319
Мушиен 313
Мытковский, остров 533
Мышленице 433

Наволок, оз. 367
Надьхедь 232
Налбант 427
Нарев, р. 443, 446
Наревские болота 147
Наташино 221
Наумен 327
Невшательское оз. 80
Неготин 232
Нейбранденбург, г. 92, 338

- Нейбранденбург, округ 328, 337
Нейсе, р. 135
Неман, р. 136, 353, 372, 373
Немча 439
Непорент 443
Нерис, р. 353
Неро, оз. 391, 395
Неседле 64
Нестеровичи 367
Нея Анхиалос 416, 417
Нидерланды 48
Нижегородская обл. 399
Никея 281, 409
Никодимово 219
Николаевка 165
Никомедия 409
Никулицел 503, 504
Нин 483, 485, 485, 492
Нитра (Нитрава), г. 293, 459, 460, 543
Нитранское княжество 458, 461, 462
Ниш 403
Нова Гута (Краков) 82, 103
Нова Гута — Могила 298, 543
Нова Черна 418, 419
Новгород (Великий) 271, 272, 275, 276, 282, 285, 367, 370, 527, 545, 565
Новгородская земля 275, 276, 371, 372, 401, 446, 550, 565, 571, 573
Новгородская обл. 402
Новгородское (Рюриково) городище 276
Новгородчина 370
Нови Бановицы 232, 493
Нови Пазар 509
Нови Сад 313, 318
Нови Сланкамен 493
Нови Черна 507
Новиетун (Невиодум?) 319
Новинки 252
Новины 329
Ново-Александровка 159
Новоселки (Волынь) 535
Новоселки (Смоленщина) 551
Новоселки (Среднее Поволжье) 254
Новоселье (бассейн Десны) 218
Новотроицкое (Волго-Клязьминское междуречье) 393
Новотроицкое (ареал роменской культуры) 288, 291, 537—539, 544
Новы Дворек 329
Новые Дубовики 367
Норвегия 344
Нунья-Чардавелдь 235
О
Обухов 157, 159, 256
Овилава 473
Огрже, р. 315, 447
Одер, р. 11, 25, 31, 32, 45, 57, 58, 63, 66, 69, 70, 88, 97, 99, 102, 108, 109, 113, 120, 122, 123, 135, 144, 201, 307, 310, 311, 321, 324, 328, 330—332, 336, 337, 341, 342, 345, 348, 431—434, 437, 462, 463, 470, 490
Одессос 504
Озерное 219
Ойум 142, 143, 147, 148, 184
Ока, р. 63, 140, 260, 262, 276, 288, 382, 388, 389, 391, 394, 398, 525, 539, 540
Олтеница 513
Олтения 166
Ольденбург 327, 330, 333—335
Ольша, р. 555
Олштын 144
Ольвия 163
Онгл 503, 504
Онежское оз. 545
Опово-Баранда 313, 317
Ополе 437—439
Орель, р. 137
Орослань 239
Оршова 232
Осечница 329
Осиек 313, 319
Осиповка 137, 209
Остер, р. 565
Остмарк 474
Островец 205

- Отвержичи 126
Отмиче 452
Отмичи 380, 381, 393
Оток 416
Офельдеак 232
Охрид 413, 424, 521—524
Охридское оз. 413, 521, 522
- Па**гания 483, 495, 500
Падуя 56, 57
Пакрауглу 380
Паннония 104, 231, 241, 245, 314, 480
Пантикапей 199, 219
Папа 232
Париж 202
Парсента, р. 324, 327
Пархим 332
Пархомовка 205
Пасленка, р. 144
Пастырское 210, 212, 214, 216, 532, 534, 536, 565
Пафлагония 281
Пеене (Пена), р. 338, 345
Пекари 128
Пелопоннес 7, 13, 242, 399, 403, 404, 408, 409, 411, 412, 414, 417, 419, 421, 425
Пелопоннесский полуостров 216
Пельжимув 62
Пеньковка 207, 208
Пеньково 393
Пергамон 416
Перебыковцы 209
Переводов 110
Перепельники 110
Перерыта пе Шес 543
Пересопница 535
Пересыпки 137, 149
Переяслав-Южный (Хмельницкий) 159, 537
Переяславская волость 270
Перник 419
Петровина 313
Петрово Село 493
Петровское 557
Печ 232
Печ-Кезтемет 239
Пжиток 62
Пивонице 101, 102, 118
Пинда 403
Пинск 70
Пинские болота 147
Пиотркув 90
Пиотровице 433
Пиотрониовице 104
Пиренейский полуостров 49, 52
Пискожевицы 62
Плешкув 61
Плиска 424, 504—506, 518, 519, 521
Плиснеск (Подгорцы) 544
Пленица 232
Плещеево, оз. 402
Плоцк 439, 445
Плюсса, р. 364
Пнева Слобода 388
По, р. 49, 55
Побужье Причерноморское
Побужье Среднее (бассейн Западного Буга) 101, 353
Побужье Южное 137, 193, 205, 208, 237, 246, 247
Повисленье 31, 100, 120, 122, 125—129, 135, 137, 138, 353
Повисленье Нижнее 77, 147, 171
Повисленье Среднее 63, 348, 350, 352, 354, 362, 443
Поволжье 276, 399, 400
Поволжье Верхнее 389, 390, 401
Поволжье Горьковское 399
Поволжье Нижнее 163
Поволжье Самарское 246, 247
Поволжье Среднее 245, 247—249, 252—254, 263, 274, 390
Поволжье Ярославское 394, 557
Поволжье Ярославско-Костомское 396
Поволховье 367
Подберезцы 102, 107, 118

- Подболотня 219, 380, 398
Подвинье Витебско-Полоцкое 373
Подвинье Полоцкое 364, 372, 378, 381, 384
Подесенье 136, 139, 140, 260
Подлясье (Подляшье) 146—148, 171, 181, 444—446
Подмелцу-Башка 475
Поднепровье 127, 128, 132, 136—138, 141, 164, 173, 175, 205, 210, 237, 310, 417, 542
Поднепровье Верхнее 126, 140, 141, 152, 161, 414, 542, 549
Поднепровье Киевское 139, 171, 203
Поднепровье Нижнее 133, 172, 184, 193, 194, 213
Поднепровье Смоленское 139, 364, 372, 373, 378, 381, 384, 552, 556
Поднепровье Среднее 31, 63, 126, 128, 129, 131, 133, 136—141, 150, 152, 172, 182, 183, 213, 268, 270, 272, 274, 277, 278, 401, 530, 532, 534
Поднестровье 11, 41, 138, 164, 175, 535
Поднестровье Верхнее 100—102, 108, 112, 138, 139, 166, 167, 169, 180, 182, 245, 247, 301, 307—309, 312
Поднестровье Нижнее 163, 165
Поднестровье Среднее 138, 205, 206
Подонье 199, 266
Подонье Воронежское 539
Подунавье 13, 54, 100, 124, 169, 226, 227, 234, 278, 316, 332, 475, 494, 497, 532, 538—540, 542, 547, 549
Подунавье Моравское 551
Подунавье Нижнее 79, 135, 150, 165, 197, 201, 215, 216, 222—224, 227, 228, 312, 320, 403, 409, 426—429, 547, 549
Подунавье Сербское 317, 493, 494
Подунавье Среднее 49, 51, 79, 90, 191, 201, 216, 220, 228—232, 237, 239, 244, 245, 294, 301, 307, 320, 313, 314, 316, 317, 387, 406, 415, 426, 447, 458, 468, 475, 486, 534, 535, 537, 540, 542—545, 547, 549
Поетовно 474
Пожорэнь-Васлуй 222
Позаймиште 497
Познань 59, 434, 437—439
Поильменье 372, 545
Покасепект 238, 239
Покрауглу 380
Полибино 353, 358
Полотчина 355
Полоцкая земля 271, 385, 401
Полтава 259, 538
Полтавщина 211
Полупин 329
Польское Поморье 58, 69, 70, 72, 77, 144, 146, 324, 330, 341, 342, 344, 347, 431, 435, 438, 440, 442
Польша 58, 83, 85, 88, 92, 114, 139, 155, 158, 295, 306, 307, 310, 320, 325, 328, 330, 331, 362, 379, 436, 438, 441—443, 446, 527, 543, 549, 573
Польгин 61
Полянское 246
Понеманье Верхнее 353
Понеманье Среднее 12
Понтийское море 142, 148
Поодерье 120
Поочье Верхнее 261, 288, 539
Поочье Рязанское 262, 263, 266, 400, 550, 551
Поочье Среднее 263, 266
Попадьянское 380, 381, 389, 393, 394
Попин 418, 422
Попово (на р. Унже) 380, 381, 399, 400
Порх 474
Поставмуки 211
Потисье 231
Поэльбье 122, 333
Прага 293, 448, 449, 451, 452, 454, 457
Прахово 232, 493
Предкавказье 199
Препонтида 280
Преслав 519, 521
Пржитлуки 315

- Приазовье 201, 266, 277, 502, 503
Прибалтика 382, 387
Прибалтика Юго-Восточная 19, 63, 217
Приильменье 368, 370—372
Прикамье Нижнее 248, 254
Прикарпатье 12, 31, 300, 309, 310, 312, 427, 484, 490
Прикарпатье Северное 31, 120
Прикаспий 199, 277
Приладожье 367
Прилеп 424, 521, 523
Принцёвы острова 284
Прионежье 402
Припятское Полесье 70, 125, 126, 130, 139, 301, 318—320, 413, 538
Припять, р. 77, 125, 126, 128, 132, 140, 271, 320
Приуралье 163, 199, 382
Приуралье Южное 176
Причерноморье 135, 142, 144, 146, 153, 160, 163, 169, 173, 175—179, 182, 184, 277
Причерноморье Западное 52, 199, 411, 502, 511, 516
Причерноморье Северное 6, 11, 17, 19, 25—27, 41, 133, 149, 152, 160, 162, 163, 166, 190, 191, 193, 197, 200, 203, 204, 216—218, 221, 236, 352, 424, 484, 493, 494, 501, 537
Причерноморье Северо-Западное 41, 148, 150, 179, 184—186
Приэльбье 25
Прозор 416
Прость, р. 367, 545
Протва, р. 261
Прудники 380
Пруссия Восточная 63, 573
Прут, р. 12, 165, 208, 222, 223, 226, 312, 503, 530
Прутско-Днестровское междуречье, см. Днестровско-Прутское междуречье
Пряжев 157, 159
Псел, р. 260, 287
Псков 358, 368, 387, 527, 561, 565, 573
Псковская земля 363, 364, 385, 573
Псковское оз. 354, 355, 360, 362, 363
Псковщина 360, 363
Пула 483
Пулавы-Влостовице 308
Путивль 137
Пшеворск 88
Пшеменчане 311
Пшов 452
Пьемонт 55
Пятра-Фрэкэцей 222
Р
Равних Которов 485
Радванице 104
Радзеюв Куявский 329
Радловице 104
Радолиште 521
Радостай-Аленонис 380
Разделна 513
Райгородок 291
Ракобуты 156
Раковец 159
Ральсвик 343, 344, 346
Ранжевое 205
Ратиборское оз. 332
Рахны 138
Рацибуж-Оборе 433
Рацибуж-Ощице 85
Рацисбург (Ратибор) 333
Раша 483
Рашка 494
Рашков 301, 304, 308
Ревно 543
Рега, р. 144
Регенсбург 237, 455
Редегост (Ретра) 338
Рейн, р. 9, 15, 25, 42, 51, 52, 58, 553
Река 224
Рекалмас 313
Ремезовцы 167
Ретра 338, 339
Речица 535

- Ржавка Малая 401
 Ржева Пустая 387
 Рим 54, 56, 124, 284
 Рим под Роча (Истрия) 487
 Римская империя 9, 91, 122, 124, 145,
 150, 155, 184, 185, 198, 199—201, 205,
 403, 425, 516
 Ринхин, р. 413
 Рипнев 157, 302, 304
 Ровище 476
 Рога 487
 Рогатица 487
 Рогозина 308
 Родень 535
 Родопы 413, 542
 Рождествено 251
 Розумице 433
 Роице 256
 Рокенай 380
 Ромашки 161
 Рона, р. 49, 51, 52
 Росава, р. 277
 Россия 274
 Ростов (Ярославский) 276, 286, 397
 Ростово-Суздальская земля 271, 394, 395,
 401, 525
 Ростовская земля 397, 557
 Ростовское оз. 397
 Рось, р. 172, 215, 270, 277, 401
 Рудки 104
 Ружичанка 159, 169
 Рум (Византия)
 Румское (Черное) море 269
 Румыния 41, 149, 427, 430, 543
 Русса Старая 275, 276
 Русская земля 269—272, 274, 277, 286,
 293, 525—527, 571, 574
 Русская равнина, *см.* Восточно-
 Европейская равнина
 Русский каганат 275—281, 286—289,
 291—295, 551
 Русское (Черное) море 525
 Русь (государство, земля) 101, 237, 269—
 271, 278, 280, 286, 287, 291, 292, 397,
 439, 525—527, 542, 550, 551, 553, 554,
 560—562, 564, 565—568, 570—572, 574
 Русь Древняя 286, 288, 385, 446, 526,
 527, 529, 551, 557, 560, 561, 563—566,
 568, 572
 Русь Киевская 237, 271, 278, 280, 285,
 286, 294, 295
 Русь Северная 402
 Русь Северо-Восточная 390, 394, 402, 557
 Руши-Мэнэстиоара 222
 Рыжевка 155, 183
 Рюген 92, 330, 340, 343, 346
 Рязанская земля 271
 Рязань Старая 262, 263

Сава, р. 49, 245, 319, 407, 473, 476, 493,
 500
 Савария 474
 Сад 175
 Садовец 224
 Сакалиба 254
 Сакаль (Ерегхечь) 232
 Саксония 58
 Салинес 483
 Салона 485, 492
 Салтов Верхний 291
 Самарская лука 246—248
 Самарская обл. 246
 Само государство 243—245
 Самчинцы 213
 Сан, р. 321, 433
 Сандовель 543
 Сандомеж 439
 Сантикум 474
 Сарадза 331
 Сардиния 50
 Саркел 266, 279, 281
 Сарматия 122, 147
 Сарматия Европейская 9, 11, 12, 122
 Сарматский океан (ныне Балтийское
 море) 12

- Сармизеджетуза 232
Сарнувек 73
Сарское городище 286, 380, 391—393, 396
Сасе 493
Сахновка 401
Свевия 12
Свентокшицкие горы 103
Света Гора 476
Светлые Вешки 358
Свила 380
Свинка, р. 555
Свойкув 83, 85
Севастополь 219
Северик 357, 358
Северский Донец, р. 136, 137, 141, 150, 208, 211, 223, 260, 266, 276, 287
Севлиево 418
Седеглиано 479
Седлице 447
Сейлюнай 380
Сейм, р. 149, 218, 260
Сексард-Бодьнелой 235
Селистренский округ 507
Селиште 210, 211
Селище 208
Семенки 208, 213, 216
Семеновское (Среднее Поволжье) 255
Семилуки 544
Семониа 312
Сенонаго 243
Сентендре 298, 313, 540
Сербия 242, 403, 415, 420, 483, 489, 493—495, 497, 523
Сербия Великая 496
Сергиевский р-н 246
Серет, р. 135, 184, 185
Сигетсентмиклош-Харош 232
Силезия 58, 78, 79, 85—90, 92, 99, 111, 113, 116, 120, 268, 301, 309, 337, 343, 431, 440, 467, 468, 484
Сингидун 404
Синюково 261
Сипонга 496
Сирет, р. 222, 226, 312
Сирия 409
Сирмабешенья 238
Сирмиум 483
Сисак 232, 474
Сицилия 49, 50, 55
Скалистое 219
Скадра 416
Скандза (Скандинавия) 142
Скандинавия 19, 25, 64, 69, 144, 149, 273, 280, 286, 345, 367, 371, 397, 534, 554, 557, 558, 561, 562
Скибинцы 208, 216
Скифия 11, 66, 91, 141, 142, 144, 147, 148, 163, 194, 197, 229, 230
Скифия Малая 404, 502, 506
Слабаделе (Аловеле) 380
Славкино 246
Славянская река 254
Слащина 493
Сленза, р. 321
Слобода-Глушица 375, 388
Словакия 41, 58, 66, 100, 158, 242, 245, 296, 304, 309, 314, 362, 458—462, 543
Словения 52, 53, 474
Словень Градец 481
Слуп 62
Слупьянка, р. 328
Смоленск 414, 539, 542, 551
Смоленская земля 271, 385, 401
Смоленщина 372, 376, 377, 387, 540
Смолян 413, 542
Снов, р. 140
Соб 543
Собоциско 82, 83
Сож, р. 126, 140, 374
Сокол 308
Сокольники 102, 111
Солунская равнина 413
Солунь (Фессалоники) 407—409
Сомбор 313, 318
Сосница 258

- София 403, 519, 520
 Спанцев 175, 179
 Спарта 416, 417
 Спицымеж 90, 118
 Спино 57
 Сплит 483
 Среберна 418
 Средец, см. София
 Средиземное море 408, 422
 Средиземноморье 9
 Среднедунайская низменность 231
 Сремская земля 407
 Сремская Митровица 499
 Ставропольский р-н 246
 Ставчаны 161
 Стамбул 416
 Стара Болеслав 452
 Старая Планина 408
 Старгард (Ольденбург) 333—335
 Стара Загора 416, 419
 Стари Трг 481
 Старое Село 418
 Староживотинное 544
 Сташиц 103
 Стериен 507
 Стецовка 208
 Столпе 466
 Страдув 309
 Струг 521
 Струма, р. 411, 413, 419, 420
 Струмица, р. 413
 Стрәулешть 222
 Стугна, р. 565
 Стырь, р. 166, 186, 320
 Субботов 134
 Субделития 424
 Сувалкия 383
 Сувар 254
 Судак 221
 Судеты 79
 Суджа 401
 Суздаль 565, 573
 Суков 324, 326
 Сула, р. 206, 260, 287, 565
 Султана 513
 Сумская обл. 211
 Сумщина 534
 Суна, оз. 545
 Супруты 539
 Сура, р. 248
 Сурож 282
 Сурский остров 211
 Суук-Су 219, 221
 Сухая Гомольша 266
 Сучава-Шипот 222, 226
 Сушки 208
 Съежа, р. 368
 Съезжее, оз. 359, 360
 Сынтана де Муреш 205
 Сэлашурь 427
 Сэрата-Монтеору 222, 224, 226
 Сэцунени 232
Т
 Таборский р-н 450
 Таврида 193
 Таврия 409
 Тайгет 414
 Тайманово 544
 Тальяменто, р. 473
 Танаис (Дон), р. 163
 Танкеевка 254
 Тархалице 102, 103, 118
 Татабанья-Алшогалла 235
 Татарстан 246, 247
 Тбилиси 287
 Тенос 408
 Теплице 451
 Тервуния 495, 500
 Теремцы 308
 Тернопольская обл. 138
 Тетерев, р. 320
 Тетеревка 298
 Тетин 452
 Тждиница Велька 64
 Тигашевское 255
 Тилигуло-Березанка 157

- Тимерево 551, 557, 562
Тимиш, р. 229
Тимок, р. 411, 413, 420, 493, 507
Тиса, р. 42, 49, 163, 229, 245, 309, 407, 461
Тисабура 232
Титчиха 537, 539
Тихая Сосна, р. 287
Тихомль 271
Толбухинский округ 507
Толлензее, оз. 338
Топорок 380, 393
Торнов 464—466
Тоскана 55
Трава, р. 345
Травиния 483
Травна, р. 332, 333
Трансбур 72, 75
Трансильвания 41, 42, 205, 427
Требужаны 543
Трепче 433
Триест 474
Триестская обл. 488
Трняне 498
Трогир 483
Троицкое 380, 393, 394
Тропишув 91, 104, 310
Троян 224
Труберж, р. 140, 203, 565
Трубчевск 539
Трул, одно из древних названий Днепра 185
Тулл 315
Тулча 222
Тумовское 380
Туркия (Венгрия) 489, 495
Турнау 481
Туровское поле 455
Туррида 479
Тушемля 372—375, 380
Тыргшор 197
Тэбэлэешть 222
Тюрингия 231, 243, 244, 470, 471
Тясмин, р. 127, 134, 206, 208, 210
Угорская земля 14, 549
Удомельское Поозерье 360, 365, 367—369
Удомля, оз. 368
Уж, р. 320
Укра, р. 338
Украина 27, 85, 320, 525
Умань 139
Унжа, р. 400
Урыв 291
Урчище 232
Усмеж 308
Успенка 205
Устье (Ярославское Поволжье) 389
Утка, р. 246
Фажана 487
Фаленты 103
Фархау 327
Фасос 408
Федерзее, остров 45
Федово 401
Федоровка 212
Федянино 291
Федяшево 261, 291
Фекете-Сигет 235
Фельдберг 92, 337, 343
Фенлак (Фелнак) 232
Фессалия 405, 408, 411, 413, 417, 420, 425, 429
Фессалоники 407, 411, 413, 420, 421, 425, 495
Фестландия 340
Фехеро 232
Фёрк 479
Филиашь 427
Фихтенберг 469
Форберг 464, 465
Фошка Святого 487
Фракия 201, 403, 405—408
Франгия (Франкония) 489, 495
Франкское государство (империя) 237, 243, 275, 279, 280, 293, 455, 489, 492, 495
Франция 48, 49, 51, 150

Фрисландия 345
Фриул 477, 478, 482, 488

Хавель, р. 327, 330, 337, 338, 403
Хазария 266, 268, 278, 279, 287, 291—295
Хазарский каганат (государство) 266—
268, 279, 287, 289, 291, 292, 294, 503
Хайтхабу 334, 344
Халкида 408, 413
Халкидики 413
Ханска 208, 209, 211
Ханска-Лутэрия 149, 167
Харивка (Харьевка) 214, 259, 534
Хацки 214
Хвалкув 329
Хвойно 543
Хельге 344
Херсонес (Херсон) 219, 221, 282, 554
Херсонский уезд 537
Хеттское царство 41
Хистрия 222
Хитцы 206, 216, 256
Хихы — Намуслув 61
Хлинча-Яссы 427
Хлопков 157, 203
Холмское 205
Холопий Городок 276, 367, 545
Хорватия 52, 53, 242, 318, 455, 456, 478,
483, 486, 489, 490, 492, 501
Хорватия Великая (Белая) 489, 490, 495,
496
Хорватское государство 491, 492
Хоргош (Суботица) 313, 318
Хорезм 18
Хорула 116, 309
Хотеч 452
Хотомель 302, 538
Хохенау 313, 314
Христофоровка 221
Хулаш 255

Царичин град 416
Царьгород 286
Целе 475

Цетине 491
Цецели 443
Цивидале 474
Цилиндоу, р. 453
Цурковка 351, 386, 540

Чагода, р. 353, 359
Чагодоца, р. 355, 360
Чакберень 232
Чепель-Остров 232
Чаркув 64
Челарево 493
Челядж 543
Черемшан, р. 254
Черепин 156, 167, 182, 308
Черкасская обл. 139
Черкут 239
Чернавино 545
Чернещина 209
Чернигов 537, 551, 558, 560, 565, 573,
Черниговщина 270
Черногория 403
Черное море 123, 142—144, 145, 165,
193, 205, 269, 276, 280, 354, 403, 503,
507, 521, 525, 530
Чернореченское 219
Черняхов 150, 155, 159
Чехия 45, 58, 66, 90, 158, 240, 244, 245,
296, 302, 303, 314, 319, 362, 435, 438—
440, 447, 448, 450—452, 455, 456, 468,
477, 484, 489, 537
Чехословакия 296
Чешская долина 446, 449, 450, 455, 457
Чешское государство 435
Чешские (Рудные) горы 43
Чигиринский р-н 211
Чортешть-Яссы 222
Чугуевка Великая 291
Чулково 398

Шабельницы 537
Шаратице 313, 315
Шарка 452

Шатрищи 400
Швейцария 80
Шверин 92, 342
Швеция 57, 177, 273, 274, 344
Шелиги 328, 359
Шестовицы 551, 560, 562
Шибеник 483
Шилагушомьёо 543
Шимборзе 73
Шленжа, гора 86
Ширне 427
Шмохер 479
Шокша, р. 219
Шпандау 327
Шпрее, р. 327, 330, 337, 338, 463, 464
Штернбергер 342
Штирия 237, 477
Шуклинка 554
Шумск (Шумеск) 271
Шумен 506
Шумош 263
Шурскол 393

Щековица, гора 293
Щербет 252
Щербинка 380, 393
Щецин 438, 439
Щецинский залив 11
Щитно 117

Эвбея 408, 425
Эгейское море 39, 41, 403, 408, 411, 413, 422, 542
Эгина 408
Эйкотишкис 380, 381
Элексаллас 232

Эллада 405, 407, 425
Элос 414
Эльба, р. 25, 45, 57, 58, 66, 69, 106, 113, 244, 296, 301, 302, 316, 317, 319, 320, 330, 331, 333, 345, 347, 413, 447, 461, 462, 468—470, 493, 542
Эльда, р. 413, 542
Эмилия 55
Энингия, остров 11
Энс, р. 473, 475
Эпир 403, 411, 413, 421
Эразм 522
Эрак, р. 191, 201
Эски-Кермен 219
Эсьмоны Малые 536
Этрурия 69

Югославия 52, 543
Юдовска вас 479
Юрковицы 537
Юрьевская Горка 368, 369
Ютландия 25, 57, 58, 69, 113, 349
Ютландский полуостров 113, 344

Ябела 328
Язбине под Бошковицем 493
Язув 329
Якушовице 311
Ямбол 416
Ямно под Ченстоховом 64
Янтра, р. 407
Ярославль 276, 551, 557
Ярославский р-н 402
Ярцево 388, 544
Ясмундский Большой залив 344

Указатель этнонимов и археологических культур

Абодриты (ободриты дунайские) 332, 424
Авазоны 50
Аварины 11, 12
Аварская (славяно-аварская) культура
220, 228, 231—233, 235, 236, 238—240
Авары 228—231, 236, 239, 240—243, 245,
318, 406—408, 415, 475, 484, 487,
489—491, 495, 502, 530, 545
Авсонии 229
Азелинская культура 248, 249, 350
Акациры 201
Алано-сарматы 199
Аланы 11, 163, 199, 201, 257, 266
Албанцы 426
Анартофракты 11
Анатолийцы 16, 50
Англы 25, 123
Анты 6, 9, 13, 26, 148, 186, 191, 192, 194,
195, 201, 203—205, 207, 210, 213, 216,
218, 221, 222, 223, 225—228, 230, 231,
235, 236, 239, 253, 255, 261, 264, 265,
272, 274, 312, 314, 317, 320, 405, 406,
427, 484, 525, 530
Аорсы 163
Апеннинская культура 40, 49
Апульская культура 55
Арабы 279, 283
Арависки 123
Армяне 16, 287
Арсиэты 11

Бавары 297, 460, 480
Балкано-дунайская культура 515, 521
Балтийская культура (период бронзы) 40
Балто-славяне 16
Балты 12, 16, 18, 22, 23, 27, 28, 33, 47, 50,
63—66, 126, 130, 170, 200, 261, 335,
354, 362, 371, 372, 376, 379, 382—384,
388, 389, 394, 432, 563
Балты восточные 23, 24, 71, 381
Балты днепровские 140, 218, 379, 381
Балты западные 12, 22, 28, 50, 71, 77,
136, 350
Балты периферийные 76, 77
Банцеровская культура, см.
тушемлинская культура
Баранджары 254
Бастарны 12, 13, 113, 114, 134, 135, 403
Бахмутинская культура 248
Белогрудовская культура 40, 41
Белозерская культура 41
Белорусы 148
Белохорваты 489
Берзиты (верзиты) 412, 413, 523
Беркес культура 42
Берсилы 257
Бессы 403
Биессы 11
Богемы 237
Боевых топоров культура 57
Болгарская народность 515—518, 520

- Болгары (волжские) 254, 255, 265, 267, 275, 287, 291
 Болгары (дунайские) 195, 332, 414, 501, 506, 512, 516, 517, 520, 524, 569
 Болгары (тюрки) 231, 234, 235, 255, 312, 423, 502—507, 509—511, 514, 516, 518, 521
 Болгары-оногуры 221, 234
 Бондарихинская культура 40
 Бораны 185, 186
 Боршевская культура 260, 262, 264, 266, 268, 271, 278, 288, 289, 291, 539, 544
 Боснийский гальштат 53
 Боспоритяне 185
 Браничевцы 412
 Бретонская культура 40, 49
 Брижане 338
 Бужане 268, 291, 321
 Бургионы 11
 Бургундская культура 121
 Бургунды (бургундионы) 11, 122—124, 201
 Бургасы 253, 257, 275
 Буры 123
- Вагры** 332—334
 Вандалы (вандилии) 113, 114, 122—124, 142, 184, 185, 201
 Вандалы-селинги 122
 Вандалы-хазинги 122
 Вармийско-мазурская культура
 Варны 332, 338
 Варяги 270, 272, 277, 280, 285, 286, 363, 397, 561, 563, 565, 571
 Ваюниты 412, 413
 Везеготы 184, 185, 199
 Велегезиты 412, 413, 420
 Велеты (вильцы) 333, 336, 338, 339, 349, 443
 Велеты-лютичи 336
 Вельбарская культура 144—149, 152, 167, 168, 170, 171, 181, 184, 308, 353, 354
 Венгры 461, 484, 525
 Венеды-сарматы 13, 122
- Венеты/венеды (veneti/venedi) 9—13, 79, 113, 122, 123, 134, 191, 192, 194, 197, 198, 319, 361—363
 Венеты (Адриатика) 6, 10, 18, 47, 56, 57, 63
 Венеты (кельтское племя в Британии) 10
 Верхнеокская культура 145, 162
 Весь 272, 291, 392, 525, 569
 Византийцы 283, 408, 504, 506, 524, 525
 Визиготы 425
 Вилланова культура 54
 Висляне 268, 321, 435, 436, 438, 442
 Витенбергская культура 42
 Влахи (волохи) 429, 515, 548, 569
 Водь 356, 569
 Волиняне (велюнзана) 342, 344, 438
 Волхи/волохи *см.* влахи
 Вольно-подольская культура 167
 Вольницевская культура 253, 255—262, 266, 268, 271, 274, 278, 291, 294
 Вольняне (восточнославянские) 271, 291, 320, 321, 525, 569
 Восточногальштатская культура 50, 52, 53, 71
 Восточнолитовских курганов культура 384
 Вятичи 272, 286, 287, 294, 366, 392, 525, 565, 569
- Гава** культура 42
 Гайтан-матеская культура 40, 41
 Галинды 11, 12, 63, 444, 446
 Гарнии 122
 Гбаны 447, 448, 455
 Гелизии 122, 123
 Гельвеконы 122, 123
 Гепиды 122, 198, 224, 231, 232, 241, 297, 313, 316
 Германцы 6, 10, 12, 16, 18—20, 28, 33, 47, 48, 50, 51, 57, 58, 62, 64, 65, 71, 79, 106, 109, 113, 114, 121, 122, 124, 125, 134, 135, 142, 145, 147, 148, 171—173, 184, 194, 217, 218, 221, 222, 224, 241, 312, 313, 316, 330, 354, 361, 404

- Герры 11
Герулы 404
Гето-даки 162, 163, 165, 166, 172, 185, 196, 198, 222
Гето-фракийцы 300
Геты 13, 135, 166, 167, 185, 198, 405
Гитоны (гутоны) 11, 12
Глазнацкая культура 40, 41, 53
Глопеане 331
Годускане 491
Голасекка культура 55
Голтескифы 141
Голядь (Coldas) 140, 141, 261
Гопляне 331, 435
Гордосербы 409, 411
Городецкая культура 162, 248, 350
Горяне 409
Гото-гепиды 182
Готоны *см.* готы
Готы 12, 122, 123, 142, 143—145, 147—150, 166, 173, 174, 182, 184—187, 191—194, 196—198, 201, 218, 219, 221, 222, 224, 229, 354
Греки 16, 50, 272, 424, 425, 515, 525
Гробовско-смердовская культура 40
Гуды (Gudas) 148
Гунногундур 503
Гунны 6, 194, 199—202, 205, 223, 228, 229, 235, 249, 310, 311, 404—406, 490, 545
Гунны (авары) 242
Гунны-кутригуры *см.* кутригуры
- Да**ки 13, 150, 163, 198
Дако-романцы 427, 428
Дако-фракийцы 33
Далматинская культура (группа боснийского галыштата)
Даны 335
Датчане 333, 334, 340
Деволлская культура 40, 41
Дедошане 331
Дечане 447
- Днепро-двинская культура 127, 145, 162, 350, 372, 377—379, 388
Доляне 409
Домковых урн культура 57
Драгувиты (дреговиты) 412, 413, 420, 421, 424
Древане 332, 333
Древляне 268, 270, 271, 320, 321, 392, 525, 535, 569
Древнеевропейцы 10, 16, 18, 19, 49—51, 56, 57, 62, 65, 66, 79
Древнепольская народность 440, 442, 446, 562, 569, 570, 572, 573
Древнерусская народность 527, 528, 531
Древнехорватская народность 493
Древнечешская народность 454, 455, 457
Дреговичи 270, 271, 291, 320, 321, 392, 413, 525, 569
Дукляне 412, 500
Дулебы 239, 319, 320, 443
Дулебы (восточнославянские) 264, 265, 272, 291, 321
Дулебы (чешские) 240, 447, 448, 450
Дьяковская культура 350, 388, 389, 395
- Е**зериты 412, 414
Емь (Ямь) 291, 361, 569, 525
- Ж**итичи 470
Жмудь 569
- З**ападнобалтских (восточнопруских) курганов культура 50, 63, 65, 71, 77, 124, 127, 145
Западногальштатская культура 50—52, 58, 71
Зарубинецкая культура 87, 99, 125—131, 134, 135, 136—139, 152, 310, 377, 530
Захлу́мы (захлу́мяне) 412, 495, 500
Земгалы (зимигола) 525, 569
Зихи 257
Зличане 447, 448, 450
Золеминцы 470

Ижора 569

Иллирийцы 6, 18, 47, 48, 50, 51, 53, 54,
63, 71, 79, 425, 426, 524

Именьковская культура 202, 248—255,
257, 263, 274

Индоевропейцы 15—18, 41, 42, 47, 75, 431

Индоиранцы 16

Индо-хеттиты 16

Инкрустированной керамики культура
40, 41

Ипотешти-кындештская культура 202,
207, 220, 222—226, 228, 232, 236, 297,
312, 417, 426, 427

Иранцы 18, 25, 27, 28, 179, 192, 237

Италики 18—20, 47, 48, 50, 51, 54, 56, 63

Итальянцы 484

Каналиты 495

Карантанская культура 477—480, 482, 484

Карантанцы (хорутане) 243, 460, 473,
475, 480—482

Карпатских курганов культура 300

Карпы 165, 166, 184, 185

Кастелучьо культура 40, 49

Кашубы 342, 442

Квады 123

Кельтская культура 295

Кельты 6, 18—20, 28, 33, 47, 48, 50—52,
54, 63, 71, 79—95, 99, 104, 105, 109,
112, 114, 120, 125, 128, 129, 134, 155

Кендзинская культура 335

Киевская культура 140, 141, 171, 172,
206, 207, 209, 350, 377—379

Килии культура 166

Колодичи 470

Колочинская культура 207—210, 218,
255—257

Команская культура 425, 426

Комаровская культура 40, 41

Коми-пермяки 291

Корела 291, 356, 361, 527, 569

Корсь *см.* курши

Котины 123, 145

Котраги (кучи-болгар) 257

Кривичи 265, 272, 286, 354, 363, 385, 390,
397, 525, 561, 563

Кривичи псковские 291, 364, 385, 565, 569

Кривичи смоленско-полоцкие (смолен-
ские) 264, 291, 372, 385, 388, 390, 392,
401, 402, 550, 556

Купи-болгар 257

Курганных могил культура 40, 42, 43, 50

Курши (корсь) 63, 525, 569

Кутригуры 230, 231, 235

Кушнаренковская культура 248

Лангобарды 231, 297, 313—316, 404,
475, 476, 496

Латгалы 363, 392, 569

Латенская культура (культура латена) 52,
79, 80, 84, 85, 88, 122

Латыши 363

Лемовии 122, 123

Лемузы 447, 448, 455

Лендзяне 268, 321

Ленцичане 331

Летто-литовцы 23, 291, 379, 382

Ливы (либь) 291, 361, 525

Лигуры 49, 55

Линяне 332, 333

Липицкая культура 99, 100, 138, 166, 167

Литва 148, 384, 392, 525, 569

Литовцы 28, 136, 148

Литомержичи 447, 448, 455

Лицевых урн культура 69

Личики 495

Лутии 114, 122

Лужицкая культура 47, 57—67, 69—74,
76, 78, 79

Лужичане 10, 462, 470, 472

Лука-райковецкая культура 273, 320

Лучане 447, 448, 455

Лууконсаари культура 350

Лютичи 339

Мадьяры 275

Мазовшане 432, 435, 439, 441—443, 445,
446, 569

Македонцы 195
Манимы 122, 123
Мари 291, 392, 400
Марийцы 380
Маркоманы 123
Марсинги 123
Мегалитических гробниц (сооружений)
    культура 49, 57
Меря 272, 276, 291, 388, 390, 395, 397,
    525, 561, 569
Мерянская культура 355, 380, 390, 391,
    393, 395
Милинги 412, 414
Милоградская культура 71, 77, 126, 127
Монтеору культура 40, 41
Мораване (сербские) 500
Мораване (чешские) 412, 413, 447, 448
Мордва 264, 265, 267, 291, 380, 392, 525,
    527, 569, 572
Моричане 338
Москворецких городищ культура 350
Моштинская культура 140, 141, 257, 261,
    350, 366, 371
Мурома 264, 267, 291, 397—399, 525

Н
Наганарвалы 122, 123
Наречане 412
Нелетичи 470
Немцы 10, 334, 338, 484
Ниенбургская культура 57
Ноа культура 41
Нордийская (влаштивская) культура 57
Нордийская пошерзонская культура 40
Нордийская шишлейская культура 40
Норманны 272, 275, 276, 280, 286, 287,
    346, 371, 397
Норома 525
Нуждичи 470
Нураг культура 50

О
Ободриты 331—334, 336, 339, 342
Окская (роменского облика) культура
    262, 266, 268, 271, 278

Оксывская культура 144
Омброны 11, 12
Оногуры-болгары, см. болгары-оногуры
Ополяне 409
Оски 55
Оско-умбры 55
Остроготы 184—186, 194, 199, 494
Осы 123
Отоманская (фюзешабонская) культура
    40—42

П
Пайоны 403
Паннонцы 53
Панталика культура 50, 55
Певкины 12, 135, 184
Пелазги 39, 49
Пеньковская культура 141, 182, 202—
    213, 216, 218, 220—224, 228, 236, 255,
    257, 297, 299, 380, 419
Пермь 525
Персы 150, 422
Печенеги 272, 520
Печера 525
Пиенгиты 11
Пилинь культура 42
Пиценска (новиляра) культура 55
Плоняне 338
Подклёшевых погребений культура 50,
    70—79, 87—89, 97, 102
Позднедьяковская культура 257, 357,
    388, 389
Позднезарубинецкая культура 105, 114,
    124—129, 135, 145, 162, 378
Позднекаргопольская культура 350
Позднемакедонская культура 40, 41
Позднескифская культура 162, 168, 170
Позднеэлладская культура 40
Полабы 332, 333, 347
Половцы 520, 525, 527, 569
Поляки 431, 440, 525
Поляне (восточнославянские) 268, 272,
    273, 285, 291, 294, 295, 320, 321, 525,
    565, 571

- Поляне (польские) 321, 331, 435—437, 440
 Поморская культура 50, 64, 65, 67, 69—76, 78, 88, 125—127, 129, 135
 Поморяне 341, 342, 344
 Почепская культура 139—141
 Поянешты-Виртешкой культура 145, 150, 165, 166, 179
 Поянешты-лукашевская культура 122, 135, 138
 Праболгары 225
 Пражско-корчакская культура 94, 182, 202, 207, 232, 236, 257, 272, 295—309, 312—314, 317—321, 325, 335, 380, 419, 431, 432, 435, 442, 443, 446, 447, 454, 458, 462, 466, 468, 470, 540
 Прешовская культура 100, 309, 313, 458
 Приссане (выжичане) 342
 Протоалбанцы 40, 41
 Протовилланова культура 40, 49, 54
 Прохоровская культура
 Прусы 28, 63, 342, 439, 444, 446, 569
 Псковских (ранних) длинных курганов культура 202, 354, 355, 357—364, 366, 368, 369, 371, 372, 379, 380, 385, 391
 Пшеворская культура 87—91, 93, 94, 97—116, 118—125, 130, 136—138, 145, 148, 152, 155, 162, 166, 168—170, 176, 181, 182, 186, 187, 200, 201, 204, 247, 307, 309—311, 320, 324, 329, 352, 354, 434
 Пшоване 447, 448
- Р**
 Радимичи 272, 294, 392, 525, 565, 569
 Раны (руяне, ружане, руги) 330, 340
 Раннелибурнская культура 40, 41
 Раннеяподская культура 40, 41
 Редари (ротари) 338
 Римляне 9, 10, 229, 319, 489, 495
 Ринхины 412, 413
 Роксаланы 163, 277
 Ромеи (византийцы) 283, 405, 495
 Роменская культура 262, 264—266, 268, 271, 278, 288, 291, 366, 538, 544
 Роны культура 40, 49
 Росомоны 277
 Руги 237
 Ругии (ульмеруги) 122, 123, 142, 330
 Румыны 428, 429
 Русь/русы/росы 192, 193, 237, 238, 255, 267—289, 291, 293, 294, 401, 525, 526, 527, 561
 Руяне 340
 Рюсенская культура 335, 470, 472
 Рязанско-окских могильников культура 263, 390, 391
- С**
 Сабатиновская культура 40, 41
 Сабоки 11
 Савроматы 163, 176
 Сагудаты (субделиты) 409, 412, 413, 420, 421, 424
 Саксы 25, 123, 297, 333, 335, 349
 Салтово-маяцкая культура 259, 260, 264—268, 291, 294, 514
 Санарийцы *см.* ценары
 Сапы 403
 Сарматская культура 163, 165, 179
 Сарматы 11, 12, 125, 129, 136, 145, 162—165, 168, 170, 172, 173, 175—179, 188, 191, 193, 198, 221, 231, 236, 237, 241, 493
 Сасы 446
 Свевы 123
 Свеоны 280
 Северы 412, 414, 502, 505, 506
 Северяне 272, 287, 294, 392, 414, 525, 561, 565, 569
 Седличане 447, 448, 455
 Семноны 11, 123
 Семчичане 338
 Сены-Уазы-Марны культура 40, 49
 Серадзане 331
 Сербы (праславянский период) 26, 192, 193, 237, 274, 493, 494
 Сербы (дунайские) 195, 245, 411, 412, 481, 483, 484, 489, 493—501, 515

- Сербы/сорбы 462, 469—472, 493
Сетчатой керамики культура 350
Сиван 254
Сиканы 49, 55
Сираки 163
Сисуслы 470
Скандинавы 270, 273, 275—277, 280, 286, 345, 346, 558
Скиры 11, 123, 404
Скифо-сарматы 26, 33, 186, 189, 190
Скифская культура 71, 127
Скифская лесостепная культура 127
Скифы 18, 50, 66, 67, 125, 131, 133, 134, 141, 163, 173, 179
Скифы (собирательное название племен периода переселения народов, вышедших из Скифии) 197, 229
Скифы-пахари 128
Славяне альпийские 474, 476, 480, 481, 483
Славяне-венеды *см.* венеды-славяне
Славяне карантанские 480, 481
Славяно-аварская культура 320
Слензяне 321
Словаки 458, 462
Словацкая народность 462
Словене ильменские 272, 291, 364, 371, 372, 385, 392, 397, 401, 402, 525, 563, 565, 569
Словенцы 482
Словинцы 342
Смоленско-полоцких длинных курганов культура 364, 384—387, 540
Смолинцы 413, 414, 542
Смоляне (Балканский полуостров) 412—414, 542
Смоляне (Верхнее Поднепровье) 414, 542
Сопок культура 364, 365, 367—372, 385
Сосницкая культура 40
Спалы (спалеи) 142, 148
Среднебоснийская культура 40, 41
Среднедалматинская культура 40, 41
Среднеевропейская культура полей погребальных урн 39, 40, 42, 44—48, 50—58, 63, 66
Срубная культура 41
Ставаны 11, 12
Станово-фельшесечская культура 40, 42
Стодоране (говояне) 338, 339
Струменцы (стримонцы) 412, 413
Судины 11, 12
Суковско-дзедзицкая культура 94, 202, 297, 306, 324—331, 335, 337, 340, 341, 347, 359, 431, 432, 434, 442, 462, 466
Сулоны 11
Сумь 291, 361, 569
- Т**
Тайфалы 184
Текстильной керамики культура 354, 357
Террамар культура 40, 49, 54
Тиверцы 268, 271, 272, 291, 525, 569
Тимочане 412, 413, 424, 500
Тиррены 55
Толленцы (доленцы) 338
Торновская культура 335, 432, 463, 465, 466, 472
Тохары 16, 19
Травуныяне 412, 500
Тугошть 447, 448
Турбаслинская культура 250
Тушемли среднего слоя культура 139, 377
Тушемлинская культура 202, 219, 257, 351, 355, 357, 359, 366, 372—382, 385, 391, 545
Тшинецкая культура 40
Тюринги 201, 297, 335, 463
Тюрки 191, 229, 253, 254, 563
Тюркюты 503
- У**
Угры 199, 257, 268
Угры-мадьяры 253
Удмурты 291
Удомельские древности 202, 368, 369, 372
Укряне 338
Уличи 268, 272, 291, 525, 569

Ульмеруги (см. ругии) 142

Умбры 55

Унетичкая культура 43

Уногондуры (кутригуры) 257

Унструцкая культура 40, 57

Уругунды 185

Утригуры 223, 231

Уэсэкс культура 40, 49

Фельдбергская культура 335—338, 341

Финно-угры 33, 200, 263, 382, 388

Финны 11, 12, 274, 357

Финны волжско-камские 382

Финны поволжские 168, 170, 252, 253,
388, 389, 394, 557, 558

Финны прибалтийские (западные) 10,
361, 363, 365, 368, 382—384, 565

Финских каменных могильников
культура 350

Фракийский гальштат 41

Фракийцы 27, 28, 40, 41, 47, 50, 78, 79,
403, 517

Франки 201, 231, 243, 245, 333, 335, 339,
471, 492

Фригийцы 40, 41

Фриулы 484

Фругудионы 11, 12

Фуд-Вессель культура 40, 49

Хазары 257, 268, 269, 275, 277, 278, 294

Халенская культура 57

Херсонесцы 405

Хетты 15

Хижане (кессины) 338

Хирры (гирры) 11

Хорватцы 448

Хорваты (адриатические) 195, 245, 412,
478, 483—485, 487, 489—493, 501

Хорваты (восточнославянские) 271, 272,
291, 525, 561, 569

Хорваты (праславянские) 26, 192, 193,
236, 274, 443, 484

Хорваты (чешские) 447, 448, 489

Худичи 470

Ценары (санарийцы) 287

Черезпеняне (цирципены) 338

Черемисы 525

Черногорцы 501

Чернолесская культура 41

Черняховская культура 91, 93, 100, 134,
150—156, 158—163, 166—184, 186,
187, 189, 191—193, 195, 198, 200, 204,
205, 216, 218, 219, 221, 223, 230, 246,
247, 249, 307, 350, 352

Чехи 237, 446—448, 454, 455, 457, 525

Чудь (чюдь) 272, 392, 525, 563

Чудь заволочская 291, 392, 569

Шведы 273

Шнуровой керамики культура 63

Шпреяне 338

Штрихованной керамики культура 127,
145, 148, 162, 350, 372, 377—379, 382,
383

Элладская культура 39

Эль-Аргар культура 40, 49

Эскель 254

Эсте культура 50, 56, 57

Эстии 123

Эсто-ливских каменных могильников
культура 350, 356

Эсты 291, 361, 569

Этулии культура 198

Южновеликорусы 263

Южнодалматинская культура 40, 41

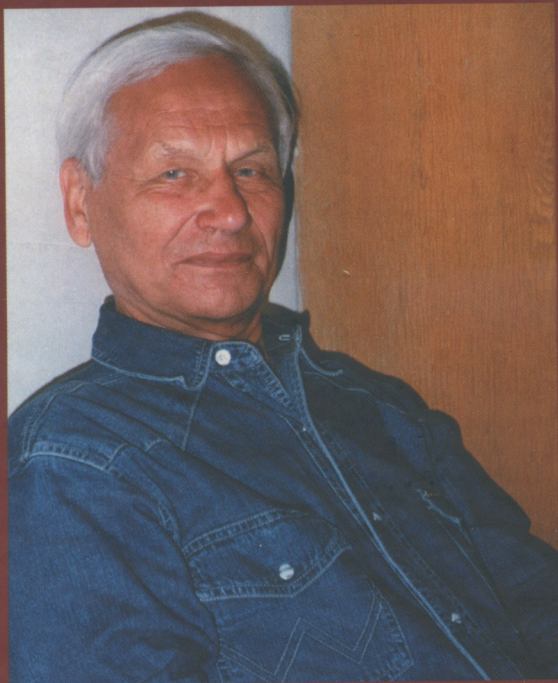
Юхновская культура 127

Языги 123, 163

Ямь см. емь

Ясторфская культура 50, 57, 58, 71, 77—
79, 106, 109, 135

Ятвяги 63, 136, 383, 439, 444, 446, 469

В книге исследуется история славян того периода, когда они составляли этническое и языковое единство. Труд охватывает значительный промежуток времени — от I тысячелетия до н. э., когда славяне, выйдя из древнеевропейской общности, начали самостоятельный путь развития, до раннего средневековья включительно, когда славянское единство в условиях широкого расселения и метисации с иными народами распалось, стали формироваться отдельные славянские этносы и языки. В изучении проблемы происхождения и ранней истории славян автор делает упор на междисциплинарный подход, канву же изложения образуют материалы археологии и истории.

Седов Валентин Васильевич, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института археологии РАН: специалист по археологии и этногенезу славян, финно-угров и балтов, по истории и культуре Древней Руси. Автор более 500 научных работ, среди которых монографии «Сельские поселения Смоленской земли 8—15 вв.» (1960), «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья» (1970), «Происхождение и ранняя история славян» (1979), «Восточные славяне в 6—13 вв.» (1982), «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» (1987, в соавторстве), «Балты в древности» (1992, на латышском языке), «Славяне в древности» (1994), «Славяне в раннем средневековье» (1995), «Древнерусская народность» (1999), «У истоков восточнославянской государственности» (1999) и другие.

